

5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes

5th INTERNATIONAL CONGRESS OF ARCHAEOLOGY OF THE EURASIAN STEPPES

Kazakhstan, Turkistan, 11–14 October, 2022

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

Eurasian steppe civilization: *human and the historical and cultural environment*

IV

official website of the Margulan Institute of Archaeology:
<https://archaeolog.kz/>

official website of the Khoja Ahmed Yasawi International
Kazakh-Turkish University:
<https://ayu.edu.kz>

official website of the A.Kh. Khalikov Institute
of Archaeology:
<http://archtat.ru>

official website of the International Institute
for Central Asian Studies:
<https://www.unesco-icas.org>

ISBN 978-601-7106-60-7

9 786017 106607

Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты
Татарстан Республикасы Ғылым академиясының А.Х. Халиков атындағы Археология институты
Орталық Азиялық зерттеулер халықаралық институты
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
Түркістан облысының әкімдігі
Қазан федералдық университеті
Ресей Ғылым академиясының Археология институты (РҒА АИ)
РҒА Сібір бөлімінің Археология және этнография институты
РҒА Ұлы Петр атындағы Антропология және этнография музейі (Кунсткамера)
РҒА Материалдық мәдениет тарихы институты
РҒА Сібір бөлімінің Моңғолтану, буддология және тибетология институты
РҒА ҚБ Қиыр шығыс халықтарының тарих, археология және этнография институты
Алтай мемлекеттік университеті
Ұлттық археологиялық институты мен музейі (Болгария)

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта

Еуразия даласы археологиясы
V халықаралық конгресінің материалдары

(Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.)

4-том

Алматы – Түркістан
2022

Жинақ Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің
бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру, ЖТН OR11465466 жобасы аясында
басылып шығарылды

Баспаға Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ғылыми кеңесі ұсынған

Бас редактор

А. Оңғар, тарих ғылымдарының кандидаты,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бас директоры

Жауапты редакторлар:

Б.Ә. Байтанаев, тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА академигі
А.Ғ. Ситдиқов, тарих ғылымдарының докторы, ТР ҒА корреспондент мүшесі
Д.А. Воякин, тарих ғылымдарының кандидаты

Рецензенттер:

М.Е. Елеуов, тарих ғылымдарының докторы, профессор
Т.В. Савельева, тарих ғылымдарының докторы

Редакциялық алқа:

Т.Б. Мамиров, тарих ғылымдарының кандидаты; И.В. Мерц, тарих ғылымдарының кандидаты,
философия докторы (PhD); Г.С. Жұмабекова, тарих ғылымдарының кандидаты; Ә.М. Манапова,
тарих ғылымдарының кандидаты; Ғ.А. Базарбаева, тарих ғылымдарының кандидаты;
Т.Н. Лошакова; Д.А. Байтілеу, тарих ғылымдарының кандидаты; Е.Ш. Ақымбек, философия
докторы (PhD); Ж.Р. Утубаев, тарих ғылымдарының кандидаты, философия докторы (PhD);
А.Қ. Айтқали, философия докторы (PhD)

Е 89 **Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта.** Еуразия даласы
археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.).
5 томдық. Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 4 том. 300 б.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

Конгрестің материалдар жинағының 4-томы Еуразия даласы орта ғасырлар археологиясының
өзекті мәселелерін айқындайтын мынадай материалдардан тұрады: Орталық Азия түркілері мен
V–XIV ғғ. кейінгі көшпелілердің жерлеу кешендерінің сипаттамалары берілді; Алтын Ордадағы
ортағасырлық түркілер мен моңғолдардың, VIII–X ғғ. кейбір мемлекеттердің өзара қарым-
қатынасы, этномәдени үрдістер (соның ішінде Алтын Ордадағы) мәселелері қарастырылды.
Сондай-ақ басылымға ерте және дамыған орта ғасырдағы қала мәдениетін зерттеу бойынша
ауқымды мәліметтер енген. Атап айтқанда, түркі-көшпелілердегі қалалық мәдениеттің қалыптасу
ерекшеліктері, дамыған орта ғасырлық қаладағы топографиялық және архитектуралық
басымдықтар, алтынорда кезеңі қалаларындағы әлеуметтік топография мен қолөнер кәсібі, орта
ғасырлық өнер.

Даланың орта ғасыр археологиясы жайлы қарастырылған мәселелердің өзектілігі аталмыш
басылымның тарихшылар, археологтар мен жас бұрын зерттеушілер үшін қызығушылық
танытатыны хақ.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

ӘОЖ 902/904
КБЖ 63.4

Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана
Институт археологии имени А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Международный институт центральноазиатских исследований
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмеда Ясави
Акима́т Туркестанской области
Казанский федеральный университет
Институт археологии Российской академии наук (ИА РАН)
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Институт истории материальной культуры РАН
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего востока ДО РАН
Алтайский государственный университет
Национальный археологический институт и музей (Болгария)

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда

материалы V международного конгресса
археологии евразийских степей

(г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)

Том 4

Алматы – Туркестан
2022

УДК 902/904
ББК 63.4
Е 89

Сборник издан в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки
Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта OR11465466

Рекомендовано к печати Ученым советом Института археологии им. А.Х. Маргулана Комитета
науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Главный редактор

А. Онгар, кандидат исторических наук,
генеральный директор Института археологии им. А.Х. Маргулана

Ответственные редакторы:

Б.А. Байтанаев, доктор исторических наук, академик НАН РК
А.Г. Ситдииков, доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ
Д.А. Воякин, кандидат исторических наук

Рецензенты:

М.Е. Елеуов, доктор исторических наук, профессор
Т.В. Савельева, доктор исторических наук

Редакционная коллегия:

Т.Б. Мамиров, кандидат исторических наук, И.В. Мерц, кандидат исторических наук, доктор
философии (PhD), Г.С. Джумабекова, кандидат исторических наук; А.М. Манапова, кандидат
исторических наук; Г.А. Базарбаева, кандидат исторических наук; Т.Н. Лошакова,
Е.Ш. Акымбек, доктор философии (PhD); Д.А. Байтлеу, кандидат исторических наук;
Ж.Р. Утубаев, кандидат исторических наук, доктор философии (PhD);
А.К. Айткали, доктор философии (PhD)

Е 89 **Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда.**
Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан,
11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
2022. Т. 4. 300 с.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

Настоящий, 4-й том сборника материалов Конгресса содержит материалы, отражающие актуальные проблемы археологии Средневековья евразийских степей: представлена характеристика погребальных комплексов тюрок Центральной Азии и поздних кочевников V–XIV вв.; рассмотрены вопросы взаимоотношений средневековых тюрок и монголов внутри Золотой Орды, некоторых государств в VIII–X вв., этнокультурных процессов, в том числе в Улусе Джучи. Также издание включает значительный блок по изучению памятников городской культуры раннего и развитого средневековья, в том числе особенностям формирования городской культуры у тюрок-кочевников; топографическим и архитектурным признакам развитого средневекового города, социальной топографии и ремесленных производств города золотоордынского периода; искусства эпохи средневековья.

Актуальность рассматриваемых проблем средневековой археологии Степи обуславливает интерес представленного издания для историков, археологов, студентов.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

УДК 902/904
ББК 63.4

Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Committee of Science
Margulan Institute of Archaeology
A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
International Institute for Central Asian Studies
Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
Akimat of Turkistan region
Kazan Federal University
Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (IA RAS)
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great (Kunstkamera) of the RAS
Institute for the History of Material Culture of the RAS
Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the RAS
Altai State University
National Archaeological Institute and Museum (Bulgaria)

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment

Proceedings of the 5th International Congress
of Archaeology of the Eurasian Steppes

(Turkistan, 11–14 October, 2022)

Volume 4

Almaty – Turkistan
2022

UDC 902/904
LBC 63.4
E 89

The collection is published within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project is OR11465466

Recommended for press by the Scientific Council of the Margulan Institute of Archaeology of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Editor-in-chief

A. Onggar, Candidate of Historical Sciences,
Director General of the Margulan Institute of Archaeology

Executive editors

B. Baitanayev, Doctor of Historical Sciences,
Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan
A. Sitdikov, Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
D. Voyakin, Candidate of Historical Sciences

Reviewers:

M. Eleuov, Doctor of Historical Sciences, Professor
T. Savelieva, Doctor of Historical Sciences

Editorial board:

T. Mamirov, Candidate of Historical Sciences; I. Mertz, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); G. Jumabekova, Candidate of Historical Sciences; A. Manapova, Candidate of Historical Sciences; G. Bazarbayeva, Candidate of Historical Sciences; T. Loshakova, D. Baitileu, Candidate of Historical Sciences; Ye. Akymbek, Doctor of Philosophy (PhD); Zh. Utubayev, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Philosophy (PhD); A. Aitkali, Doctor of Philosophy (PhD)

E 89 **Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment.** Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022). In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 4. 300 p.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

The present, 4th volume of the collection of materials of the Congress contains materials reflecting the current problems of archaeology of the Middle Ages of the Eurasian steppes: the characteristics of the burial complexes of the Turks of Central Asia and the late nomads of the 5th–14th centuries are presented; the issues of the relationship of medieval Turks and Mongols within the Golden Horde, some states in the 8th–10th centuries, ethno-cultural processes, including in the Ulus of Jochi. The publication also includes a significant block on the study of monuments of urban culture of the early and developed Middle Ages, including the peculiarities of the formation of urban culture among the nomadic Turks; topographic and architectural features of a developed medieval city, social topography and handicrafts of the city of the Golden Horde period; art of the Middle Ages.

The relevance of the considered problems of medieval archaeology of the Steppe determines the interest of the presented publication for historians, archaeologists, students.

ISBN 978-601-7106-64-5
ISBN 978-601-7106-60-7

UDC 902/904
LBC 63.4

**А. А. Бисембаев
Г. А. Ахатов**

**Арман Ауганович Бисембаев, abissembaev@mail.ru
Газиз Аманжолович Ахатов, g_akhatov@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан**

Археологические памятники Западного Казахстана периода Улуса Джучи*

Аннотация: В статье представлен обзор памятников 1-й пол. II тыс., связанные как с автохтонным населением домонгольского периода, так и кочевыми группами пришлого населения, появившимися с начала XIII в. Так же на памятниках Улуса Джучи отчетливо прослеживаются этапы постепенной исламизации населения, когда погребальный обряд проходит «стандартизацию», а в инвентаре наблюдается распространение общей моды, т. н. «имперского» стиля, связанного с распространением металлических - бронзовых, серебряных и золотых чаш, серег в виде знака вопроса и т. д. На памятниках золотоордынского времени прослеживается принудительная переселенческая политика монгольских ханов, присутствуют памятники, связанные с южно-сибирским населением.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, погребальный обряд, кочевые группы, монголы, кыпчаки, исламизация

**Арман Ауғанұлы Бисембаев,
Ғазиз Аманжолұлы Ахатов,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан**

Жошы Ұлысы кезеңіндегі Батыс Қазақстанның археологиялық ескерткіштері

Аннотация. Мақалада моңғолға дейінгі кезеңдегі автохтонды тұрғындармен, сондай-ақ XIII ғ. басынан бастап көшпелі топтарымен келген тұрғындармен байланысты пайда болған II мыңж. бірінші жартысындағы ескерткіштерге шолу берілген. Сонымен қатар, Жошы Ұлысы кезеңі ескерткіштерінде тұрғындардың бірте бірте исламдану кезеңдері айқын көріне бастайды, жерлеу салты бір қалыпты «стандарттылыққа» ұшырап, ал қабірге қойылатын заттар жинағы «империялық» деп аталған стилдегі металдан – қола, күміс және алтын тостаған, сұрақ белгісі пішініндегі сырғалар және т. б. таралуымен байланысты болды. Алтын Орда дәуірінің ескерткіштерінен моңғол хандарының мәжбүрлеп қоныстандару саясатының белгілері байқалады, оңтүстік-сібір тұрғындарымен байланысты ескерткіштер де кездеседі.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Жошы Ұлысы, жерлеу салты, көшпенділер топтары, моңғолдар, қыпшақтар, исламдану

**Arman Bissembaev,
Gaziz Akhatov,
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan**

Archaeological sites of Western Kazakhstan of the period of the Ulus of Jochi

Abstract. The article examines the monuments of the first half of the 2nd millennium associated with both the autochthonous population of the pre-Mongol period and the nomadic groups of the alien population that appeared

©2022 Бисембаев А.А., Ахатов Г.А.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта BR11765630.

from the beginning of the 13th century. Also on the monuments of the Ulus of Jochi, the stages of gradual Islamization of the population are clearly traced, when the funeral rite is “standardized”, and in the sets of inventory there is a spread of general fashion, the so-called “imperial” style associated with the spread of bronze, silver and gold bowls, earrings in the form of a question mark, etc. The monuments of the Golden Horde time trace the forced resettlement policy of the Mongol Khans, there are monuments associated with the South Siberian population.

Keywords: Golden Horde, Ulus of Jochi, funeral rite, nomadic groups, Mongols, Kipchaks, Islamization

Археологические памятники периода Улуса Джучи или Золотой Орды – XIII-XIV вв. на территории Казахстана в количественном отношении превосходят памятники предыдущего периода, предмонгольского, кыпчакского, охватывающего середину XI – начало XIII в. С более ранним периодом на территории степи, огузо-печенежским, датирующимся VIII – началом XI в., ситуация понятна, т. к. связана с противоборством печенегов и огузов, участием в данных событиях крупных древневенгерских группировок, а так же Хазарского каганата, Волжской Булгарии и Киевской Руси, что хорошо изучено исследователями [Артамонов 1962: 352-419; Плетнева 1958]. Археологические памятники кыпчакского, предмонгольского периода, хорошо отраженные в литературе, в основной своей массе присутствуют на территории Северного Причерноморья. Их происхождение связано с западной группировкой кыпчаков, известной в русских летописях как половцы. На территории Казахстана памятники данного времени весьма малочисленны, их обнаружение носит случайный характер, т. к. погребения в подавляющем большинстве помещены в крупные курганы эпохи бронзы или раннего железа [Бисембаев и др. 2006: 409-413].

Малочисленность памятников, зачастую не имеющих собственной курганной насыпи, вероятно, связана с определенным «обезлюживанием» степи в первые века II тыс. и общей нестабильной ситуацией, вынуждающей население «прятать» погребения. Данный аспект, скорее всего, был связан с комплексом причин, из которых главными являются экологические и политические, взаимосвязанные между собой. Периодически сменяющиеся фазы аридности (усушения) и гумидности (увлажнения) степи оказывали значительное влияние на такой тонко настроенный экономический механизм, как кочевое скотоводство.

Степное население, еще с момента перехода к производящим формам хозяйства, существовало в менее комфортных условиях, по сравнению с земледельческими районами. При этом в вопросах приспособления к окружающей среде достигло не меньших успехов, сделав приоритетным скотоводческое направление хозяйства и перемещаясь по бескрайним просторам материка, создав свою культуру, выработав мировоззрение и принципы существования. В современной исторической науке явление кочевничества рассматривается с позиций цивилизационного подхода. В качестве опорного понятия для номадизма как социокультурной системы, длительно существовавшей во времени и определенном пространстве, применим термин «кочевая цивилизация» [Хабдулина 1997: 3-9].

Обширный пояс степей от Дуная до Ордоса, тянувшийся более чем на 10000 км, имеет различные условия по всей своей протяженности. В этом своеобразном природно-климатическом районе сложилось культурно-историческое единство населения кочевого мира, повторявшееся с раннего железного века, далее в гуннскую и тюркскую эпохи. Освоение степей, начавшееся в хозяйственном отношении, еще в эпоху бронзы, было активно продолжено кочевым населением в средневековье.

Физико-географические условия Казахстана представляют собой дополнительную иллюстрацию к особенностям археологических памятников средневековых кочевников, т. к. оказывали значительное влияние на их размещение. Следует отметить, что исследования состава растительного покрова и структуры почвы, особенности расположения гидросети, терморезима,

степени увлажнения показали, что весь комплекс природно-климатических условий, сложившийся в основном в эпоху голоцена, во II тыс. кардинальных изменений не претерпел [Чупахин 1968; Гельдыева, Веселова 1992].

Начало II тыс. ознаменовалось определенными природными изменениями, выразившимися в очередном всплеске аридизации и повлекшими за собой изменения в размещении кочевых групп населения. Повышение среднегодовых температур, снижение количества осадков привело к уменьшению общего количества произрастающей биомассы, оскудению пастбищных угодий, снижению уровня рек, озер, пересыханию мелких ручьев. Население степной зоны, вероятнее всего, было не готово к таким перепадам. Поэтому первой реакцией на изменение природных условий и исчезновение привычной среды обитания была миграция в районы, где можно было сохранять прежний ритм жизни. Степи Западного и Центрального Казахстана в начале II тыс. на короткое время опустели. Памятников кыпчакского, домонгольского периода на территории Казахстана очень мало, за исключением территории компактного кимакского проживания в долине р. Иртыш в Восточном Казахстане, и даже массовые археологические исследования, проводившиеся в XX в., показали малочисленность памятников первых веков II тыс. Миграционные процессы, приведшие к распаду кимакского объединения и переименованию степей Казахстана из «Дешт-и Огуз» в «Дешт-и Кыпчак», а так же политические взаимоотношения кыпчакских объединений с государством Хорезмшахов, основательно были проанализированы С.М. Ахинжановым [Ахинжанов 1988: 62-81].

К концу X – началу XI в. в Центральном Казахстане начинает накапливать силы и формироваться новое объединение кочевников, выделившихся из кимакской конфедерации племен, традиционно локализуемых исследователями в Прииртышье [Кумекоев 1972: 43-47]. В результате крупной миграции племен в 30-х годах XI в. произошли коренные изменения на карте степной полосы Евразии. Начавшаяся волна перемещений кочевых объединений и группировок докатилась до Восточной Европы и границ Византийской империи. Эти перемещения привели к тому, что перестала существовать держава Сырдарьинских ябгу, началось Сельджукидское движение в Малую Азию, а степи Казахстана получили новое наименование – «Дешт-и Кыпчак» [Ахинжанов 1980: 46-53]. Именно исследования С.М. Ахинжанова дают ответ на вопрос о некотором «запустении» степной зоны в предмонгольский период. Скорее всего, самые многочисленные объединения кыпчаков под именем половцы вплотную придвинулись к границам Киевской Руси, оставив о себе многочисленные сообщения в русских летописях [ПСРЛ 1962]. А их восточная группа во внешней политике стала ориентироваться на государство Хорезмшахов, обосновавшись вдоль его границ и поставляя воинский контингент. И здесь кыпчаки попадают в поле зрения восточных авторов [Ахинжанов 1973: 60-62; 1995]. Массовое переселение племен в 30-х гг. XI в. положило начало новому периоду в истории средневековых кочевников. На огромных просторах степной полосы Евразии от Днепра до Алтая доминирующее положение занимает союз кыпчакских племен. Выход на широкую политическую арену и в зону активных контактов с оседло-земледельческими центрами привел к тому, что в нарративных источниках того периода, в европейских хрониках, сочинениях арабских, персидских авторов, китайских хронистов все чаще начинают мелькать сообщения о кочевых народах, населяющих Великий пояс степей.

Археологические исследования памятников кочевого населения развитого и позднего средневековья территории Казахстана ведутся порядка 150 лет, начиная с середины XIX в. В целом, хронологически, они делятся на три основных периода. Первый – исследование памятников в дореволюционный период [Кастанье 1910]. Второй период связан с развитием советской исторической и археологической науки. При всех недостатках, значительном влиянии

идеологического прессинга, объем сделанных исследований выводит казахстанскую медиевистику на совершенно новый уровень. После 1991 г. наступает третий этап в истории изучения археологических памятников средневековых кочевников, совпавший с выделением Института археологии им. А.Х. Маргулана в самостоятельную научную структуру. Но даже при этом объем целенаправленных исследований памятников эпохи Улуса Джучи не увеличился значительно. Исследования по прежнему носят эпизодический, отрывочный характер. Хотя в последние годы именно знаковым памятникам этого времени – мавзолею Джучи, Калбасунской башне, Болганана посвящены специализированные исследования [Усманова и др. 2022: 74-80].

На развитие общества в целом, огромное влияние оказывали факторы экологического порядка, обуславливая как хозяйственно-культурные направления деятельности, так и темпы развития [Гумилев 1993: 12-16]. На долгое время в историографической традиции утвердилось мнение о примитивности и бесперспективности кочевой модели из-за отсутствия видимых, прогрессивных изменений. На самом же деле, это была оптимальная форма существования человека в достаточно жестких природно-климатических условиях: редкий и низкопродуктивный растительный покров, ограниченные водные и почвенные ресурсы, низкий уровень атмосферных осадков, периодически повторяющиеся засухи как следствие континентального климата и мн. др.

Формирование нового подхода к рассмотрению признаков кочевничества является важным шагом в развитии исторической науки. Изучение специфических черт такого хозяйственного направления, как кочевое скотоводство, приходится на 2-ю пол. XX в. Работами крупных исследователей – С.Е. Толыбекова, Н.Э. Масанова, А.М. Хазанова и др. были очерчены наиболее явные и характеризующие признаки кочевничества, изменено отношение к этносам, для которых данное занятие было основной экономической формой в течение длительного времени [Толыбеков, 1976; Масанов, 1995; Хазанов, 2011].

Археологические памятники Золотоордынского времени в степной зоне представлены двумя основными направлениями – памятники погребальные и поселенческие. Этот факт был отмечен выдающимся исследователем кочевнических древностей Г.А. Федоровым-Давыдовым, подчеркивающим, что это было искусственное сосуществование кочевой степи и города, державшееся на объединяющей силе деспотии ханской власти [Федоров-Давыдов 1976: 114].

В целом, на территории пояса степей Евразии от Горного Алтая до нижнего течения Дуная можно говорить о 3000 погребений эпохи Золотой Орды, из которых больше половины являются золотоордынскими мусульманскими [Иванов 2015: 17]. Максимальное их количество приходится на административный центр Золотой Орды – Среднее и Нижнее Поволжье. Далее идут соседствующие регионы Южного Приуралья и Южного Зауралья.

Говоря о систематизации погребальных памятников XIII-XIV вв., можно отметить, что наиболее основательно она проводилась по территории Западного Казахстана, где в последние 30 лет ведутся планомерные исследования и подведены итоги работам прежних лет [Бисембаев 2010: 121-180; Марыксин 2012: 243-248]. На данный момент можно оперировать данными почти 200 погребальных комплексов эпохи развитого и позднего средневековья, которые объединяются в схематичное и во многом условное деление на три группы: 1) погребения в простых ямах, без костей лошади; 2) погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями) с костями коня или без них и 3) погребения с чертами новой идеологии – сырцовыми оградами на погребенной почве и выкладками из кирпича в засыпях могильных ям, а так же совершенные в мавзолеях из обожженного кирпича.

Хронологическая группа памятников развитого и позднего средневековья весьма репрезентативна. Общего объема материалов вполне достаточно для картографического и другого

анализа. Размещение могильников на карте показывает их равномерное распределение по площади исследуемого региона. Некоторое скопление наблюдается в западной части за р. Урал, в бассейнах Большого и Малого Узеней. Восточная зона немного уступает по количеству памятников. Полностью отсутствуют эти памятники в южной части в зоне пустыни. Данный момент объясняется слабой изученностью южной части Западного Казахстана. Картографирование памятников домонгольского и золотоордынского времени, объединенных в хронологическую группу XI-XIV вв., показывает, что существующее в литературе распределение курганов с различными обрядовыми чертами на две локальные группы – курганы с земляными насыпями западной группы и курганы с каменными насыпями восточной группы, с границей между группами по меридиональной линии у г. Актобе, не подтвердилось [Иванов, Кригер 1988: 43; Иванов, Яминов 1993: 154-160]. Кроме того, значительно сокращается число впускных захоронений.

В этом плане особенно привлекательны могильники «сквозного» характера, на которых присутствуют погребения разных хронологических групп, от раннего до позднего средневековья. Это: Калмак Чабан, Шалкар, Карасу, Кос Оба, Жаман Каргала, Лебедевка, Илекшар, представляющие довольно значительный объем от общей массы памятников. При ознакомлении с данными могильниками становится понятной причина столь длительной эксплуатации. Они имеют ряд общих черт: располагаются на значительном господствующем возвышении, их общая площадь довольно велика, присутствуют погребения предыдущих эпох – от бронзы до раннего железа, причем, такие же яркие и неординарные. И еще одно немаловажное обстоятельство – все они располагаются в степной зоне, где присутствуют значительные водные источники, т. е. наблюдается определенная привязка к гидросети.

Памятники 2-й пол. XI – XIV в. наиболее исследованы. Данное явление объясняется массовостью материала этого периода, наличием значительного количества ярких памятников с широким кругом аналогий, появлением больших серий однотипных памятников в крупных могильниках. Гораздо меньше ограбленных погребений. Все это говорит о значительной стабилизации обстановки в степи в рассматриваемый период.

Подавляющее число погребений имеет собственную курганную насыпь, что также отражает факт стабилизации обстановки и отсутствия боязни ограбления могил со стороны враждебных племенных группировок. Количество впускных могил крайне незначительно. Редким явлением остаются погребальные ритуалы, связанные с огнем. Остатки кострищ, золы или угольков единично зафиксированы в насыпи курганов и в могильных ямах. Важным ритуалом остается тризна. Остатки костей животных довольно часто встречаются в насыпи курганов и насыпях могильных ям. Если же кости животных расположены на дне могильной ямы, так же весьма распространенное явление, то в данном случае семантическая нагрузка иная – это заупокойная пища, предназначенная погребенному. В количественном плане преобладают кости овец, далее идут кости КРС и лошадей, и в исключительных случаях встречаются кости птиц или рыбы. Кости рыб встречаются в памятниках, расположенных вблизи крупных водоемов - Прикаспийском районе и низовьях Урала.

Важной частью погребального ритуала является сторона света, на которую ориентировано погребение. Она несет в себе не только аспекты канонического характера – для мусульманских захоронений обязательной является юго-западная ориентировка погребенных. Для языческого периода ориентировка содержит в себе информацию этнокультурного характера. Так, в частности, западная ориентировка присуща домонгольским кыпчакским группировкам. Появление ориентированных на север погребений является маркером монгольских групп. Подобная ситуация четко прослеживается в первые века н.э., обозначая проникновение гуннских групп в аланскую среду. В целом, ориентировка скелетов различная – западная, южная с отклонениями к востоку

или западу, северо-восточная, в небольшом количестве представлены северо-западная, восточная. Северная ориентировка погребенных, представленная в десятой части от общего числа, в принципе не противоречит общей картине. Тем более что последние исследования в Улытау, сакральном центре средневековья, показали разницу в расположении погребений с северной ориентировкой, которые расположены в совершенно иных топографических нишах, чем памятники предыдущего периода казахстанских степей [Усманова и др. 2020: 184-217].

Деревянные конструкции в виде перекрытия встречаются в трети от общего числа анализируемых памятников. Это и перекрытия, и гробовища, и долбленные колоды, иногда сочетающиеся между собой

В ряде могильников, эксплуатировавшихся длительное время, вырабатываются общие, характерные черты, свидетельствующие о погребении на данном объекте близких в родственном отношении людей. Таковым является могильник Мокринский I, расположенный на левом берегу р. Большой Узень, в 1 км на юго-восток от села Мокринское (ЗКО). Во всех погребениях данного могильника зафиксирована южная ориентировка с небольшими сезонными отклонениями. Часть курганов содержит по два и больше одновременных захоронения. Почти все погребения могильника основные. Насыпи курганов сооружены из земли, без применения камней. К моменту раскопок они представляли собой оплывшие по форме возвышения высотой от 0,15 до 0,3 м. Диаметр насыпей колеблется от 4 до 12 м. К конструктивным особенностям, характерным для этого могильника, можно отнести часто используемую заливку из глины или ила на уровне погребенной почвы, под насыпью кургана. Более половины насыпей содержат остатки тризны: обломки лепных и гончарных красноглиняных сосудов и кости животных. Osteологические материалы представлены костями водоплавающих птиц, овец и лошадей. Могильные ямы в курганах в основном простой прямоугольной формы, только в четырех погребениях вдоль длинных стен вырублены уступы. Причем ямы с уступами встречены под одной насыпью с простыми ямами. Глубина ям от 0,5 до 1,5 м. Засыпь земляная, без дополнительных включений. Кроме перекрытий, в ряде могил сохранились остатки от деревянных гробовищ и коррозированные крупные стержнеобразные гвозди, с помощью которых эти конструкции собирались. В качестве подстилающего материала использовались доски, камыш, кошма. Ориентировка, как уже было сказано, у всех покойников южная. Особых расхождений в позе погребенных нет.

Инвентарь довольно однообразен. Это фрагменты керамики, выполненной на гончарном круге или способом ручной лепки; бронзовые, серебряные или золотые проволочные серьги в виде знака вопроса; обломки ножей и пряжек; берестяные трубки; остатки кожи от обуви, медные и серебряные монеты и мелкие полиметаллические украшения, разнообразные по форме и исполнению. Предметы вооружения полностью отсутствуют. Еще одна примечательная деталь – украшения из драгоценных металлов и более разнообразный комплект инвентаря находились в погребениях с усложненным ритуалом: с выкладками, оградками или сочетанием гробовища и перекрытия. Рядовые и безинвентарные погребения совершены по упрощенному ритуалу.-

Крупный курганный могильник расположен на реке Жаман Каргала, в 10 км северо-восточнее г. Актобе. Первое исследование на могильнике проводилось в начале века И.А. Кастанье. Могильник содержал большое количество разновременных погребений. Насыпь только одного кургана земляная, остальные возведены с применением крупных камней и щебенки. В трех случаях кроме наброски прослеживалось и каменное кольцо по периметру насыпи кургана. Сырцовые конструкции в насыпях курганов этого могильника не прослежены. Размеры насыпи варьируют по высоте от 0,1 до 0,3 м и от 4 до 8 м в диаметре, т. е. в целом, небольшие. Как остатки тризны в насыпях курганов встречаются кости лошади.

Могильные ямы простой прямоугольной формы, в двух случаях в коротких стенках у дна выдолблены неглубокие ниши. В погребении кургана № 15 верхняя часть могильной ямы забутована камнями. Остатки деревянных сооружений в могилах распределяются следующим образом: в трех погребениях перекрытия из плах, в четырех - остатки сколоченных гробовищ и в одном – долбленная колода. В кургане № 22 деревянный гроб был дополнительно обернут берестой. Нечто подобное было зафиксировано И.А. Кастанье недалеко от могильника Жаман Каргала, в кургане у подножия горы Жылантау [Кастанье 1907: 115]. Очень сложная конструкция расчищена под насыпью кургана в могильнике Сарытау II (Жайлаусай), исследованном в 2007 г. (Хромтауский р-н, Актюбинская обл.). Захоронение в колоде сопровождалось сложной многосоставной каменной конструкцией на погребенной почве.

Ориентировка погребенных различная, преобладает северное направление. Четыре случая северной ориентировки, два – северо-восточной, один - северо-западной. На запад ориентированы скелеты в двух погребениях. Инвентарь захоронений состоял из бронзовых зеркал, берестяных трубок, железных ножей, костяных накладок лука, железных наконечников стрел, стремян, удила, пряжек, ножниц, проволочных серег, мелких украшений и монет.

Однотипная группа погребений исследована в могильнике Целинный I. Во всех курганах под насыпью на уровне древнего горизонта находилась оградка из сырцовых кирпичей. Кроме того, выкладка из сырцовых кирпичей над могилой и заливка площади вокруг ограды жидкой глины присутствовали во всех памятниках, кроме одного. В могильной яме кургана № 66 прослежены уступы, на которые была уложена трехслойная кладка из кирпичей. Во всех остальных уступы отсутствовали, а в яме находилось деревянное перекрытие. Перекрытие укладывалось в яму наискосок, упираясь одним концом в дно, другим на вертикально поставленные у стенки плахи. Только в одном кургане перекрытие находилось параллельно дну ямы и состояло из поперечных досок, уложенных на две продольные жерди. Ориентировка скелетов западная, с небольшим отклонением к северу.

В кургане № 63 исследовано два одновременных захоронения – мужское и женское. Могильные ямы под насыпью кургана располагались несколько необычным образом, не параллельно друг другу, а одна за другой в одну линию. Инвентарь рассматриваемых захоронений также однотипен – железные стремяна, пряжки от сбруи, удила с перегибом и большими по диаметру кольцами, железные черешковые ножи, наконечники стрел, берестяные колчаны, железные колчаные крючки, бронзовая чашка и два одинаковых украшения ромбовидной формы из припаянных друг к другу девяти бронзовых кружочков.

Комплекс могильников Лебедевка (ЗКО) в верховьях р. Калдыгайты, недалеко от реликтовых песков Аккум, относится к категории хрестоматийных. Яркость и необычность археологических памятников нескольких эпох объясняется благоприятной экологической нишей. Отсюда происходит погребение воина в пластинчатом ламеллярном доспехе – редкой находке периода средневековья. При скелете, уложенном головой на запад, были обнаружены остатки конской сбруи – железные удила и пряжка, брошенные в ногах, железная сабля, клинок от кинжала, серебряный сосуд, золотая кольцевидная серьга, берестяной колчан с железными черешковыми наконечниками стрел, серебряные с позолотой миндалевидной формы пластинки, украшенные зооморфным орнаментом. Защитное вооружение – железный шлем с пластинчатой бармицей и железный пластинчатый панцирь. Скелет лежал на дощатом настиле. Перекрытие было вставлено в пазы, выбранные в стенках ямы [Багриков, Сенигова 1968: 86-89].

Небольшие серии разнотипных погребений получены на могильниках Мамбетбай, Кос Оба, Жарсуат, Базартобе, Мечей, Калмак Чабан I, II, Шалкар IV, V, Лебедевка, Новая База. Погребения на

каждом из могильников типологически близки друг другу и в то же время наблюдается различие в чертах погребального обряда разных могильников. Часть погребений содержит захоронения мужчин с предметами вооружения и костями лошадей в снаряжении. На определенной группе погребений прослеживается смена этого обрядового действия – присутствует конская сбруя, брошенная в ногах покойника или на перекрытии. Инвентарь разнообразный, от сабельных клинков до мелких украшений. Предметы вооружения присущи только мужским погребениям, чего нельзя сказать о предметах конской сбруи. В погребальном обряде этих захоронений наблюдаются все вышеуказанные черты: каменные кольца, перекрытия, гробы и колоды и др. Редким явлением остаются подбои.

Оригинальное погребение по элементам погребального обряда, свидетельствующее о переселении определенных западно-сибирских групп, было исследовано в могильнике Салтак I, находящемся в пойме р. Урал. Курган № 1, самый западный в исследуемой группе, выделялся скоплением крупных камней на поверхности. Под насыпью кургана на уровне погребенной почвы находилась подквадратная каменная ограда, ориентированная по линии СВВ–ЮЗЗ. Крупные каменные плиты были уложены в стены шириной до 1 м методом безрастворной кладки. Размеры ограды по внешнему периметру 5×5 м. В западной стенке у юго-западного угла прослежено понижение в кладке – своеобразный «вход». Могильная яма находилась в центре кладки, на засыпи ямы на уровне погребенной почвы, почти у центра кургана, находился скелет ребенка 1,5–2-х лет. Костяк был уложен в неестественной позе так, что правая височная кость покоилась на правой тазовой кости, ноги были поджаты под тело, т. е. тельце ребенка было буквально сложено пополам вправо набок [Бисембаев, Гуцалов 1998: 152–155]. В яме в остатках деревянной конструкции типа гроба головой на СВВ лежал скелет взрослой женщины. При скелете найдены: бронзовое посеребренное зеркало с зооморфным орнаментом, железные ножницы шарнирного типа, бронзовая чашка, берестяная трубка и бронзовая ажурная подвеска головного убора.

К элитным погребениям монгольского времени относятся исследованные в Актюбинской области комплексы из могильника Уркач I курган 15 и курган Булак, содержащие предметы, изготовленные из золота. Следует отметить, что при первоначальной публикации [Бисембаев, Гуцалов 1996] погребение из Уркача по ранней форме стремени и односоставным удилам было отнесено к раннесредневековым памятникам VIII–IX вв. Но позже мы пришли к мысли о том, что данное погребение оставлено в период после монгольского завоевания. К этому же времени относится женское захоронение из могильника Булак [Смагулов и др. 2008: 172–178].

Мазар из сырцовых кирпичей был вскрыт под насыпью кургана № 12 могильника Барбастау I. Частично в кладке присутствовали жженые кирпичи. Мазар состоял из двух камер – северной и южной, с четырьмя захоронениями, из которых два были совершены в склепах, а два в грунтовых ямах. Датируются захоронения находками золотоордынских монет.

Специфическое, ритуально-культовое сооружение было обнаружено в могильнике Калмак-Чабан I под насыпью кургана № 11. В юго-восточном секторе находились основания двух каменных изваяний, изготовленных из зеленоватого сланца, зарытые в землю на глубину около 0,5 м. В юго-западном секторе находилась квадратная яма 1,5×1,5 м, в которой лежали скелеты трех обезглавленных овец на правом боку, ориентированные на юг. Черепа животных были уложены позади туш [Кушаев, Кокебаева 1979].

Важнейшим элементом, характеризующим культуру средневекового населения, является комплекс инвентаря, присущий периоду XIII–XIV вв. Ряд предметов имеет узкие хронологические рамки бытования. Количество и состав инвентаря отражают половую принадлежность покойников, в какой-то мере показывают моменты социальной дифференциации в обществе.

Главной категорией находок анализируемой эпохи являются принадлежности конской сбруи. В золотоордынский период такие предметы чаще всего помещаются в ногах погребенного. Самый распространенный элемент конской сбруи – стремяна. Они встречаются как в мужских, так и женских захоронениях. По типологии Г.А. Федорова-Давыдова представлены следующие типы: BI, II, DIII, 3I. Наиболее распространенный – арочной формы с широкой подножкой и круглой в сечении дужкой. У подножки на нижней стороне зачастую наблюдаются выступающие ребра жесткости. Верхняя часть дужек расплющена и в ней пробита прорезь для ремня. Именно этот тип, неизвестный ранее, начинает широко распространяться с XI в. Расплющивание верхней части дужек можно определить как весьма характерный признак, присущий кыпчакским ремесленникам. Но этот тип не был единственным, наряду с ним существуют и более ранние. Очень часто в сбруйном наборе присутствуют стремяна различных типов, т. е. когда в погребении два совершенно разных стремени. Эволюционные схемы изменения формы стремян хорошо обрисованы в литературе (см. напр.: [Федоров-Давыдов 1966: 12]).

Стремяна из Уркача и Илекшара отличает наличие выделенной петли для привязывания ремня. При этом уркачское стремя обладает прямоугольной петлей с прорезью. Оно в целом, по облику, архаичное, со стремянами половецкого типа его сближает широкая подножка с ребрами жесткости. Стремяна в могилах помещаются на перекрытии, на уступе, вместе с костями коней или в могиле рядом со скелетом человека. Для второго периода весьма характерно помещение стремян в комплекте с остальными принадлежностями конской сбруи в ногах погребенного. Предметы в этом случае свалены в кучу. Остатки седел не всегда прослеживаются, что позволяет утверждать, что стремяна при помещении в могилу отвязывались от путлища. При захоронении костей лошади они располагаются по обе стороны костяка.

Седла зафиксированы в шести погребениях. Судя по остаткам, изготовлены из тонких дощечек. На передней луке обычно закреплены костяные пластинки – обкладки. В задней части седла иногда закрепляются железные кольца для приторачивания сумок. Частично на седлах сохраняется обтягивающая кожа.

Железные удила однотипные, двусоставные с одинаковой длиной составных колен и большими, до 8 см в диаметре, кольцами (тип II по номенклатуре Г.А. Федорова-Давыдова). Кольца и сами удила в сечении круглые, изготовленные из железного прута диаметром от 8 до 15 мм. В могилах размещаются возле скелета человека в ногах, брошены вместе со стремянами. В этом периоде удила практически однотипные по форме и исполнению. Кольца закреплены за счет расплющивания и загиба концов стержней грызла. Эта стандартная форма, наиболее оптимальная и удобная, широко распространилась и существует до сих пор.

Мужская категория инвентаря это предметы вооружения. Наиболее массовыми находками являются разнообразные наконечники стрел. Наиболее представительная серия предметов наступательного вооружения насчитывает разнообразные типы: VIII, BV, II, BIV, BVII, BIX, BX. Все они, железные, черешковые, массивные, длиной до 14 см, делятся на следующие группы: трехгранные или круглые в сечении – «бронзобойные», плоские ромбической или треугольной формы, причем, треугольник размещается одним из углов к черешку или угол служит боевой частью, и плоские «двурогие» охотничьи стрелы. На месте перехода в черешок есть специальные расширения, позволяющие избежать расщепления древка и выбивку наконечника при ударе. Черешки заостренные, вытянутые, круглые или квадратные в сечении со спиленными гранями. Изредка попадаются наконечники, изготовленные из кости или рога, вероятно, предназначенные для охоты на мелкого зверя.

В могилах обнаруживаются от 1-го до 7 экз., находящихся в берестяных колчанах или просто рядом со скелетом. В 3-х случаях они обнаружены между ребер скелетов и, по-видимому, являлись причиной смерти. В уркачском колчанном наборе на один из наконечников на черешок были надеты два костяных конусовидных кольца, возможно для крепления пакли или других горючих материалов [Бисембаев, Гуцалов 1996: 258].

От луков остаются деревянные обломки и костяные накладки для усиления жесткости лука. Накладки вытянуто-овальной формы. На концевых имеется вырез для тетивы. Внешняя поверхность накладок выпуклая, заполированная, внутренняя – плоская с насечками. По имеющимся экземплярам можно предположить, что лук этого времени имел по две концевые с выемками на каждом конце, по паре овальных на плечах и одну фронтальную – на центральном изгибе, в виде двухлопастного весла.

Колчаны изготавливались из бересты в виде полой трубки, с крышкой в нижней части, в форме усеченного конуса, длиной до 80 см. Для сохранения жесткости имеют каркас из деревянных реек. В сечении овальные с щитком в верхней части. Классической сохранности колчаны из погребений Уркача и Сарытау II (Жайлаусай). Дополнительно при колчане бывают железные пряжки и обрывки ремней. Колчаных крючков обнаружено 2 экз. Один из них имеет откованную спинку с двумя отверстиями и граненый крючок. На спинке прослеживается выбитый орнамент в виде ромбиков, соединенных продольными полосами.

Характерной чертой этого периода является наличие у колчанов орнаментированных костяных накладок. Наиболее яркие образцы происходят из погребений могильников Шалкар IV, Худай-Берген. Они представляют собой плоские пластинки с выгравированным орнаментом растительного характера. Для усиления эстетического эффекта применяется заполнение выемок красной или черной краской. Полная сводка костяных колчаных накладок и корреляция их с другими типами вещей позволяет говорить о том, что время их распространения и широкого бытования – рубеж XIII-XIV в. Таким образом, эти пластинки могут выступать в роли датировочного материала [Малиновская 1974: 160].

Крайне редко в погребениях встречаются наконечники копий и сабли. Если редкость нахождения копий может объясняться с позиций определенных запретов на их помещение в погребения, то сабельные клинки, как и оборонительные доспехи, в могилу редко помещались в силу дороговизны этих изделий и принятой традиции передачи их по наследству. Анализируемые экземпляры имеют клинки длиной около 1 м, слегка изогнутые с линзовидным в сечении лезвием. На саблях фиксируются остатки деревянных ножен, железных обойм и оковок с петлями для подвешивания.

Не самой распространенной категорией холодного оружия являются кинжалы. Они типологически похожи на ножи, имеют удлиненно-треугольное в сечении лезвие и выделенный черешок рукояти, но гораздо больше и массивнее, длиной до 30 см. Кинжал из кургана № 6 могильника Лебедевка VIII имел костяную рукоять, украшенную цветным орнаментом.

К категории защитного вооружения относятся ламеллярные доспехи из железных пластинок. Один такой экземпляр был надет на воина в погребении кургана № 3 могильника Лебедевка IV. Он представлял собой панцирь в виде длинной безрукавной рубахи из железных продолговатых пластин размерами 8×1,5 см. Пластины заходили одна за другую и скреплялись кожаными ремешками через два ряда отверстий.

Но чаще всего в могилу помещаются несколько пластинок, оторванных от подола. Подобная «символизация» - явление, распространенное в погребальном обряде средневековья. Так же редки железные шлемы, которые склепывались из железных пластин (Лебедевка IV, курган № 3). Форма

шлемов полусферическая, в верхней части крепится втулка для султанчика из волос или перьев. По нижнему краю шлема проходит железное кольцо с двумя рядами железных пластин – «бармицей» для защиты шеи от удара. К защитному вооружению относятся бронзовые и железные наколенники. Выполнены они однотипно в виде выдавленной округлой пластины с двумя отверстиями для крепления с помощью ремней.

Предметы быта представлены, в первую очередь, железными ножами, кресалами, шильями или проколками, точилами, гребнями, ножницами. Особняком в данной категории стоит посуда. В золотоордынское время она крайне редко гончарная. Те экземпляры фрагментов, которые имеются в наличии, относятся к среднеазиатскому происхождению. В двух случаях зафиксированы частично истлевшие деревянные чашечки. К категории золотоордынской моды относится помещение в погребения как мужчин так и женщин металлических чаш с плоским дном. Зачастую эти чаши изготавливались из золота или электра. Их носили на поясе.

Пряжки, весьма распространенная категория бытовых предметов. По местонахождению в погребениях, размерам и функциональному назначению делятся на поясные и подпружные. Доминируют типы AI, AII, AIII, BIII. Изготавливались из железного прута круглого или квадратного сечения. Редко использовались костяные пряжки с железным язычком.

Зеркала, встречающиеся целыми или в обломках, представляют собой женскую категорию инвентаря. Изготовлены из бронзы или серебра. Иногда наличествует такой момент, как серебрение поверхностей. По форме круглые до 12 см в диаметре. Тыльная сторона украшалась изображениями животных, растительным или геометрическим орнаментом, надписями. Изображения обычно нечеткие, расплывчатые, что, вероятно, объясняется тем, что зеркала, находимые в регионе, являются копиями с импорта. Для рассматриваемого периода характерны однотипные зеркала в форме плоского диска. Зеркала хранились в деревянных футлярах или в шелковых мешочках, остатки которых обычно обнаруживаются в могилах.

Украшения золотоордынского времени представлены, в первую очередь, серьгами из металлической проволоки различного диаметра. Материал, из которого они изготавливались – бронза, серебро, изредка золото. По форме делятся на два типа: круглые и в виде знака вопроса. На круглых иногда бывает надета бусина. У выполненных в виде знака вопроса в нижней части имеется намотка, крепятся бусины, жемчужины, полудрагоценные камни и т. д. Предмет, встречающийся в большинстве случаев в женских погребениях. В мужских – находится одна серьга с левой стороны. Возможно, это проявление моды. Подобные моменты известны и в ранних погребениях. В могильнике Мокринский I в погребении кургана № 9 обнаружены две серьги из золота, не имеющие аналогов. Выполнены они в форме жуков-скарабеев. Так же к категории украшений относятся редкие перстни, подвески-тумары, нашивные бляшки. Бусы так же редко встречаются в погребениях в виде целого ожерелья, чаще 1–3 штуки – изготовлены из стекловидной массы, пастовые, из природных материалов: агатовые, сердоликовые, янтарные, халцедоновые, гешировые и др. По сравнению с остальными гораздо реже встречаются бронзовые, в виде полых шариков. Важнейший атрибут женских погребений, присущий именно периоду XIII-XIV вв., это «бокка» или «богтаг», основа для высокой женской шапочки, на которую крепились различные украшения.

Особое место в составе инвентаря, не вписываясь ни в одну из вышеназванных категорий, составляют монеты. Причем половина из них получена из погребения Сарытау II (Жайлаусай), где они размещались в шелковом мешочке [Бисембаев и др. 2019]. Они подменяют одну из черт погребального обряда – помещение в могилы заупокойной пищи, а также являются свидетельством проникновения в кочевую среду товарно-денежных отношений. Монеты серебряные или медные, чекана поволжских, среднеазиатских или южно-казахстанских городских центров.

Происходившие в XI-XIV вв. бурные политические события получили свое отражение в археологическом материале, что позволило исследователям разделить памятники на три хронологические группы: I) домонгольскую (XI – начало XIII в.); II) золотоордынскую, языческую (середина XIII – первая треть XIV в.); III) золотоордынскую мусульманскую (середина XIV – начало XV в.) [Иванов, Кригер 1988; Федоров-Давыдов 1966].

Сходство в чертах погребального обряда дополняется тем обстоятельством, что состав инвентаря, укладываемого в могилу, и его отдельные категории, такие как стремена, удила, наконечники стрел, зеркала, ножницы, серьги проходят этап «стандартизации». Происходит некоторая унификация: в могилы со сходным обрядом укладывается определенный набор вещей, выполненных в типологическом сходстве. Опираясь на существующие в литературе хронологические разработки по вещевым комплексам с учетом географической локализации собственно западно-казахстанских памятников, представляется возможным их хронологическая интерпретация и, в какой-то мере, и этнокультурная.

Стремительное движение монголов, достигших пределов Западной Европы, в какой-то мере походило на гуннское полиэтническое нашествие IV–V вв., проходившее по тем же маршрутам. Сходство в данном случае выразилось еще и в том, что монголы при своем движении на запад вовлекали в орбиту нашествия племена кочевого круга, разбитые и покоренные. 1243 год, в котором Бату обосновался на Нижней Волге, стал начальной вехой в полутора столетней истории государства под названием Золотая Орда. Этот же период – середина XIII в. был временем наибольшего территориального охвата земель, входивших в состав Золотой Орды, от Пруто-Днестровского междуречья до Иртыша и Балхаша включительно. Естественной границей в этом случае служили переходные ландшафты. По сути, Золотая Орда вобрала в себя полностью территории, на которых до этого обосновались половцы-кыпчаки [Егоров 1985: 31-47]. Далее по времени географические тенденции шли в направлении сокращения территорий.

В археологическом плане монголы не выделяются в какую-либо специфическую группу. Хотя изменения, связанные с монгольским нашествием в памятниках прослеживаются. Резко увеличивается число погребений с северным сектором ориентировки, что, вероятно, реминисцирует продвижение племен с востока. Смещение ориентировки несет отпечаток этнических и религиозных изменений, выраженных в том, что культовой стороной света у монголов был юг. В составе инвентаря появляются берестяные трубочки и вырезанные из листа металла (серебра, бронзы, меди и др.) фигурки человечков – онгоны, а также «бокка», что с большой долей условности можно объяснить как влияние «моды» в кочевом обществе, также как и распространение в период XIII-XIV вв. орнаментированных костяных накладок на колчаны, не несущих существенных функций, кроме эстетических. Еще одна черта в погребальном обряде выделена Г.А. Федоровым-Давыдовым как принесенная с востока – сооружение подбоев. Им подытоживаются и выделяются черты, значительно участившиеся и появившиеся в золотоордынский период, а именно – северная ориентировка погребенных, без костей коня, каменные выкладки над могилами и подбои [Федоров-Давыдов 1966: 160].

Золотоордынский период отмечен миграциями, идущими не только в западном, но и в восточном направлении, вызванными, вероятнее всего, насильственным переселением племен, проводимым монголами. Этот момент подтверждается появлением вновь в Поволжье ранних типов погребений, характерных для огузо-печенежского времени. Зато одновременно сокращается число подобных памятников в районах Поросья, Нижнего Дона, Приазовья. То есть фиксируется смешение различных типов погребений и категорий инвентаря, различной хронологической и географической принадлежности [Шнайдштейн 1985: 78-81].

Конец XIII и начало XIV в. ознаменовались кратковременным хозяйственным подъемом на покоренной территории, что связано с деятельностью отдельной группы монгольских феодалов, понимавшей, что перманентное ограбление приводит к обнищанию населения и является источником обогащения «одного дня». Для постоянной экономической эксплуатации необходимо воссоздание существовавшей ранее экономической инфраструктуры. Поэтому в период с конца XIII по 60-е гг. XIV в. происходит восстановление старых экономических связей и особенно выпукло восстановительный период отражается на градостроительстве по обширной территории Золотой Орды. Но построение городских центров в короткие сроки и с максимальным использованием согнанных людских ресурсов велось без учета историко-географических и экономических аспектов, что явилось основной причиной того, что после запустения не было попыток восстановления разрушенных золотоордынских городов и население не осваивало их снова. Города Золотой Орды в основной своей массе существовали непродолжительное время, по сравнению с городскими центрами Семиречья и Южного Казахстана.

Окончательно удар Золотой Орде нанес Тамерлан. Именно на период XIII-XIV вв., т. е. на время существования Золотой Орды приходится наибольшее число погребений. По основным и наиболее явным признакам их можно разделить на две группы: 1) погребения, совершенные по языческому обряду и 2) погребения, несущие отпечаток ислама. Первая группа имеет широкий хронологический диапазон от начала XIII до начала XIV в. и имеет значительный «разброс» в чертах погребального обряда.

Золотоордынский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную. Курганные насыпи, как и в предшествующий период, сооружаются с применением камней, также как и раньше, прослеживаются следы тризны. Упрощается форма могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилу лошади. Вместо этого наблюдается его «символизация», выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи. Часть населения огузо-печенежского происхождения, переселенная монголами из Восточной Европы, продолжает погребальную традицию помещения в могилы костей коня, но этот ритуал переживает деградацию, выраженную в размещении только копыт лошади возле покойного или в ногах. Деградация и исчезновение обряда помещения лошади в могилу, возможно, является прямым следствием монгольского нашествия, в значительной мере подорвавшего экономическую базу местного населения.

Кроме того, в золотоордынский период в различных регионах появляются погребения, эволюционно восходящие к более ранним из Южной Сибири. Правда, известно их пока немного [Боталов 1992: 230-239]. Категории инвентаря, находимые в могилах этого времени, проходят этап унификации как в комплектации, так и в типологии. «Стандартизация» инвентаря прослеживается на значительной территории – от южнорусских степей до Восточного Казахстана.

Начиная с середины XIV в. в погребальной обрядности отчетливо проступают результаты исламизации. Часть населения, особенно локализовавшаяся около городских центров, хоронит своих покойников максимально соблюдая установленные каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы, обернутыми в саван, лицом к Мекке, без сопровождающего инвентаря. При этом по погребениям прослеживается половозрастная дифференциация – женские и детские захоронения совершаются по упрощенному ритуалу. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя по прежним направлениям и продолжая укладывать в могилы инвентарь.

Таким образом, следует подчеркнуть, что крупные события в политической жизни кочевников степной полосы Евразии, получившие отражение в перестановках доминирующих племенных групп, приводили также к изменениям в этнокультурных процессах, что, в свою очередь, отразилось на археологическом материале. При всех изменениях общие тенденции погребальной обрядности поддаются реконструкции и позволяют проследить смену ритуальных моментов по хронологическим периодам.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И. История хазар. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. 523 с.
- Ахинжанов С.М. Из истории взаимоотношений кипчаков и Хорезма в XII – начале XIII вв. // Археологические исследования в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 58-65.
- Ахинжанов С.М. Из истории движения кочевых племен Евразийских степей в первой половине XI века // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 46-53.
- Ахинжанов С.М. Кипчаки в X–XIII вв. Историографический обзор // Проблемы палеоэкономики Казахстана по археологическим данным. Алма-Ата: Наука КазССР, 1988. С. 62-81.
- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.
- Багриков Г.И. Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1968. № 2. С. 71-90.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Средневековые погребения с территории Актюбинской области // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара: Диалог, 1996. Вып. 1. С. 245-258.
- Бисембаев А.А., Гуцалов С.Ю. Новые памятники древних и средневековых кочевников Казахстанского Приуралья // Уфимский археологический вестник. 1998. № 1. С. 152-161.
- Бисембаев А.А., Усманова Э.Р., Боталов С.Г. Памятники кыпчакско-половецкого этапа (XI – начало XIII века) // Археология Южного Урала. Степь. Челябинск: Рифей, 2006. С. 409-413.
- Бисембаев А.А., Петров П.Н., Ахатов Г.А. Кошелек с джучидскими дангами XIV века в захоронении воина из могильника Жайлаусай (СарытауII) // Stratum plus. 2019. № 6. С. 155-166.
- Боталов С.Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр // РА. 1992. № 2. С. 230-239.
- Гельдыева Г.В., Веселова Л.К. Ландшафты Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1992. 198 с.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука, 1988. 103 с.
- Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники Урало-Казахстанских степей: сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Таиров. Екатеринбург: Наука, 1993. С. 154-161.
- Кастанье И.А. Отчет о раскопках шести курганов в Актюбинском уезде летом 1906 г. // ТОУАК. 1907. Вып. 19. С. 102-116.
- Кастанье И.А. Древности киргизской степи и Оренбургского края / ТОУАК. 1910. Вып. 22. 332 с.
- Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кушаев Г.А., Кокебаева Г.К. Отчет об итогах археологических раскопок Уральского пединститута в 1979 г. // Архив ИА КН МОН РК. Д. 1762.
- Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века: сб. статей / Отв. ред. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1974. С. 132-175.
- Марыксин Д.В. Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского научн. центра РАН. 2012. Т. 14, №3. С. 243-248.
- Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. Алматы; М.: Социнвест-Горизонт, 1995. 320 с.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях / МИА. № 62. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 185 с.
- Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. I-II.

- Смагулов Е.А., Виноградов С.М., Бисембаев А.А.* Элитное погребение развитого средневековья в долине Сары-Хобды // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 172-178.
- Толыбеков С.Е.* Кочевое общество казахов в XVII – начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата: Наука, 1971. 636 с.
- Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П.* Этнокультурный код воинских формирований Улуса Джучи (по археологическим свидетельствам могильника Карасуыр, Улытау, Центральный Казахстан) // Джучи: личность, эпоха, память. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.К. Кушкумбаев. Алматы: [б./и.], 2020. С. 184-217.
- Усманова Э.Р., Ускенбай К.З., Кожя М.Б., Панюшкина И.П., Соловьева Л.Н., Ахатов Г.А.* Мавзолей Джучи-хана: реалии, легенды, обряд // Археология Евразийских степей. 2022. № 3. С. 74-80.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 274 с.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Хабдулина М.К.* Кочевая цивилизация: критерии и понятия // Известия МН-АН РК. Сер. обществ. наук. 1997. № 1. С. 3-9.
- Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.
- Чупахин В.М.* Физическая география Казахстана. Алма-Ата: Мектеп, 1968. 260 с.
- Шнайдштейн Е.В.* Печенежские памятники Нижнего Поволжья // Историческая этнография. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. С. 79-86.

К. З. Ускенбай

Канат Зулқарышулы Ускенбай,
Институт гуманитарных исследований АБДИ,
г. Алматы, Казахстан; uskenbay@gmail.com

Некоторые данные о формировании территории Улуса Джучи в XIV–XV веках*

Аннотация. В статье анализируются сведения письменных источников о территории Улуса Джучи в период правления Барак-хана в конце XIV–XV в. Обобщены данные о территории, которая могла находиться под властью Барак-хана; сделан вывод о том, что улус Барак-хана располагался в восточной части Улуса Джучи, в основном в левобережной части Волги (Едил), на реках Урал (Жайык) и Эмба (Жем), в Северном Приаралье и Присырдарье. Барак-хан в борьбе за власть в Улусе Джучи совершал походы на правобережье Волги, но они носили характер набегов, не преследовали цели присоединить эти земли к своим владениям. Территориально земли улуса Барак-хана совпадали с землями будущего Казахского ханства, основанного и его сыном Жанибеком в том числе. Русские и ногайские современники казахов воспринимали их именно как наследников Барак-хана и его деда Урус-хана, что так же свидетельствует о преемственности не только династии, но и территорий.

Ключевые слова: Улус Джучи, Золотая Орда, Ак-Орда, Барак-хан, казахи, узбеки, территория, улус

Канат Зулқарышулы Өскенбай,
АБДИ гуманитарлық зерттеу институты, Алматы қ., Қазақстан

XIV–XV ғ. Жошы Ұлысы территориясының қалыптасуы туралы кейбір мәліметтер

Аннотация. Мақалада XIV–XV ғ. соңындағы Барақ хан билік еткен кезеңдегі Жошы Ұлысы территориясы туралы жазба деректердің мәліметтері сарпалады. Барақ хан билеуінде болуы мүмкін болған территориялар жайлы мәліметтер қортындыланды; Барақ-хан ұлысы Жошы Ұлысының шығыс бөлігінде, негізінен Еділдің сол жағалау бөлігінде, Жайық және Жем өзендерінде, Солтүстік Арал маңы мен Сырдария маңында орналасқандығы туралы қорытынды жасалған. Жошы Ұлысындағы билік үшін күресте Барақ хан Еділдің оң жағалауына жорықтар жасады, бірақ олар шабуылды бұл жерлерді өз иелігіне қосу мақсатында жасаған жоқ. Барақ хан ұлысының жерлері кейін оның ұлы Жәнібек негізін қалаған болашақ Қазақ хандығының жерлерімен тұспа-тұс келді. Орыс және ноғай деректері қазақтарды Барақ ханның және оның атасы Орыс ханды мұрагерлері ретінде қабылдады, бұл тек әулеттің ғана емес, территорияның да сабақтастығын көрсетеді.

Түйін сөздер: Жошы Ұлысы, Алтын Орда, Ақ Орда, Барақ хан, қазақтар, өзбектер, территория, Ұлыс

Kanat Uskenbay
Institute for Humanitarian Studies ABDI, Almaty, Kazakhstan

Some data on the formation of territories in the Ulus of Jochi in the 14th and 15th centuries

Abstract. The article considers the information of written sources about the territory of the Ulus of Jochi. The main emphasis is placed on the rule of Khan Baraq in the late 14th–15th century. The information about the territory is summarized. According to the author, the Ulus of Baraq Khan was located in the eastern part of the Jochi Ulus. This is the territory on the left bank of the Volga (Edil), on the Ural (Zhaiyq) and Emba (Zhem) rivers, in the Northern Aral Sea and the Syr Darya. Khan Baraq fought for power in the Ulus of Jochi, made trips to the right bank of the

Volga. However, these campaigns did not aim to annex these territories. The Ulus of Baraq Khan coincided with the lands of the future Qazaq Khanate. Russian and Nogai sources wrote that the Qazaqs were the heirs of Baraq and his grandfather Urus. This indicates the continuity of the dynasty and the territory.

Keywords: Ulus of Jochi, Golden Horde, White Horde, Baraq Khan, Qazaqs, Ozbeks, territory, ulus

Введение. Вопросы формирования территории Улуса Джучи в XIV–XV вв. являются важной задачей современной историографии, они находятся в тесной взаимосвязи с проблемой сакральных мест, степных рубежей и границ, кочевых и торговых маршрутов. Письменные источниковые материалы не всегда дают исчерпывающую информацию, поэтому важно учитывать достижения в области археологии, урбанистики и нумизматики. В своем сообщении я хотел бы обратиться к вопросам формирования территорий правителя Улуса Джучи первой трети XV в. Барак-хана. Историки не всегда могут даже примерно обозначить владения тех или иных золотоордынских ханов, маршруты их походов или перекочевок, и одним из таких ханов является Барак-хан.

Обсуждение и история изучения вопроса. Деятельность Барак-хана неоднократно привлекала к себе внимание исследователей истории Золотой Орды. В последнее время о нем особенно много пишут в связи с изучением истории Улуса Джучи первой трети XV в., однако основной круг источников, известный со времен первых исследователей, не сильно изменился.

Вместе с тем, в литературе не предпринимались специальные попытки очертить, хотя бы примерно, границы кочевий Барак-хана. Среди историков распространено обобщенное представление, что Барак-хан пришел в Золотую Орду откуда-то «из Сибири», «с Востока», «из глубин Степи».

Процитируем мнения некоторых историков, авторов общеизвестных работ по истории Золотой Орды. Например, профессор Александр Якубовский, соавтор известной монографии «Золотая Орда и ее падение» писал о Барке: «кочевники из районов Западной Сибири во главе с узбекским ханом Бораком» [Греков, Якубовский 1950: 410]. По мнению автора монографии «Распад Золотой Орды» Магомета Сафаргалиева, Бараку «не удалось закрепить за собой захваченные на западе земли, и спустя год он был вынужден бежать снова на Восток» [Сафаргалиев 1960: 198]. Немецкий историк Бертольд Шпулер писал: «из Сибири на запад шел Барак» [Шпулер 2016: 185]. Авторы процитированных и других обобщающих работ по истории Золотой Орды исследовали в основном события, происходившие в центральных и западных областях Улуса Джучи, а события к востоку от Волги и Урала оставались вне поля их зрения. Этот пробел отчасти был восполнен работой Томаса Оллсена «Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV века» [Allsen 1987: 5–40] и исследованиями историков из Казахстана и Узбекистана. Известный советский узбекский востоковед Бурибай Ахмедов при исследовании истории взаимоотношений правителя Мавараннахра Тимурида Улугбека с Барак-ханом именует владения последнего Узбекским улусом (так называет владения Барак-хана основной персидский источник, использованный Ахмедовым, Абд ар-Раззак Самарканди). Кроме этого названия он использует термины Ак-Орда, вилайет узбеков, территория кочевых узбеков, страна узбеков [Ахмедов 1965: 40–55]. Задачи обозначить владения Барак-хана Ахмедов не ставил. Востоковед Турсун Султанов в статье, посвященной письму золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II, дал подробную характеристику деятельности Барак-хана [Султанов 1975: 57–61]. Стоит отметить, что этой статьей автор, по существу, познакомил русскоязычного читателя с обширным исследованием турецкого ученого Акдес Нигмет Курата, опубликованного в 1937 и 1940 гг. (см. русское издание: [Курат 2014: 29–67]). Курат одним из первых отдельно остановился на биографии Барак-хана, привлек исследования Василия Смирнова и Василия Бартольда, использовал сведения Абд ар-Раззака

Самарканди, Мирхонда, Хафиз-и Аbru, а также Абу-л-Гази, Кырыми, Мунаджимбаши и русские летописи. Тем не менее, турецкий историк никак не обозначил владения Барака. По его мнению, Барак был «жестоким правителем», тогда как его соперник Улу-Мухаммад «неутомимый и стойкий, не отступающий перед трудностями человек <...>, выказывал себя исключительным реалистом <...>, отличался справедливостью и благородством» [Курат 2014: 54–59]. Кажется, современники Улу-Мухаммада не испытывали к нему такого пиетета и постоянно его изгоняли.

В последние годы появились различные исследования, где так или иначе говорится о деятельности Барак-хана, некоторые из них мы упомянем ниже.

Материалы и результаты. Сведения письменных средневековых источников на предмет информации о территории и локализации улуса Барак-хана рассмотрены мною по принципу языковой принадлежности и отражают основные полученные результаты. К первой группе источников можно отнести сведения арабских историков.

Каирский государственный деятель и профессор Бадр ад-Дин ал-Айни (ум. в 1451 г.), автор многотомного сочинения «‘Икд ал-джуман фи та’рих ахл аз-заман», сообщает оригинальные сведения по истории восточной части Улуса Джучи от времени Орды, сына Джучи до хана Барака, сына Куйрчука. В частности, он дважды упоминает о Барак-хане: «В 824 (1421) году государем земель Дашта был Мухаммад-хан, но между ним и Барак-ханом, или Берке-ханом, происходили смуты и войны, и дела не улаживались» [Сборник 2005: 375]. «В землях Дашта большая неурядица и три царя оспаривают царство друг у друга; один из них, по имени Даулат Берди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой, Мухаммад-хан, завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по имени Барак, занял земли, граничащие с землями Тимурленка» [Сборник 2005: 376]. Оба сюжета хорошо известны в специальной литературе и неоднократно комментировались. Среди новейших работ по этой теме можно отметить исследования Романа Беспалова (см., напр.: [Беспалов 2013: 30–51], там же приведена новейшая историография вопроса). В контексте темы нашего исследования интерес в цитате арабского историка вызывает локализация земель Барак-хана: «Барак владетель земель, которые примыкают к землям Тимурленка» [Сборник 2005: 698]. Таким образом, Бадр ад-Дин ал-Айни локализует улус Барак-хана в восточной части Улуса Джучи. Сведения арабоязычного «Икд ал-джуман» первые в нашем ряду источников.

Обратимся к материалам русских летописей. Имя Барак-хана встречается не только в столбцах русских летописей, но и в материалах более позднего Посольского приказа. Рассмотрим их в хронологическом порядке. В русских летописях имя Барак-хана упоминается в связи с походом на город Одоев в 1424 г.: «Того же месяца 31 царь Баракъ поби Куидодата, а на осень приходи къ Одоеву ратью и отъиде прочь, города не возьмъ, а зло учинивъ, и отъиде съ полоном в поле. И князь Юрьи Романович Одуевъскы да Григорей Мценъскы състигъ его били и полонъ отъимали» [Полное собрание 1949: 245]. Этот фрагмент приведен здесь по Московскому летописному своду конца XV в., имеется он и в других русских летописях. Исследователи истории Золотой Орды и ордынско-русских отношений обращали внимание на этот сюжет: сначала историки просто констатировали летописный факт набега Барак-хана на город Одоев, затем пытались найти причины, побудившие далекого восточного хана воевать на западе в верховьях Оки в Одоевском княжестве (см., напр.: [Горский 2001: 137–138; Почекаев 2010: 230]). Теперь, как установлено Беспаловым на основании письма Витовта гроссмейстеру Немецкого Ордена от 1 января 1425 г., речь в летописях идет о походе на город Одоев хана Кудайдата, а не Барак-хана, последний вовсе не напал на Одоев. Путаница в летописях, по мнению Беспалова, произошла вследствие слияния записей о победе Барак-хана над ханом Кудайдатом в Улусе Джучи и о нападении хана Кудайдата на город Одоев.

Таким образом, летописное известие о нападении Барак-хана на город Одоев следует признать ошибочным [Беспалов 2009: 206].

Ко второй группе русских источников относятся материалы Посольского приказа Русского государства. Имя Барак-хана встречается здесь в послании ногайского правителя Кошум-мирзы в Москву от 1538 г. В нем, в частности, говорится: «Так бы еси ведал: наперед того на Баракове царе на Казацком юрте ходили есмя. А ныне опять на свой юрт пришли есмя» [Посольские 2005: 81]. В 1552 г. ногайские послы Исмаила сообщали в Москву: «Другу моему белому царю, ведомо буди, что еси дочь нашу царицу дал за Бараков царев род» [Посольские материалы 2005: 101; Посольские книги 2006: 105]. По мнению историка Амантая Исина, «возможно, речь идет о правящей династии Казахского ханства, потомках Барак-хана 1422–1428 годов» [Посольские материалы 2005: 463]. Историк Вадим Трепавлов пишет, что «здесь имеется в виду династия казахских ханов», «потомки золотоордынского хана Барака б. Куйручака (около 1424–1428)» [Посольские книги 2006: 229]. В глазах ногайских правителей казахские ханы XVI в. являлись правопреемниками не только государственности, но и территории Ак-Орды (улуса Урус-хана и улуса Барак-хана). Казахское ханство ими неизменно именовалось «Урусов царев юрт» или «Бараков царев Казацкий юрт» [Исин 2002: 8; Посольские материалы 2005: 456; Трепавлов 2020: 260]. По мнению Трепавлова, «мангытские лидеры никогда не оспаривали исконные владельческие права казахских государей на восточные территории. В официальной терминологии документов, исходивших из Сарайчука, Казахское ханство именовалось довольно уважительно – по аналогии с Крымом («Тахтамышевым царевым юртом») и Астраханью («Темир-Кутлуевым царевым юртом») и по именам прародителей правящей там династии: «Бараков царев Казатцкой юрт» и «Урусов царев юрт». Соответственно и местные сюзерены обозначались как «Бараковы (или Урусовы) царицы» сыновья, братья, род» [Трепавлов 2020: 260]. Таким образом, можно констатировать, что сведения русских источников вслед за арабскими также размещают кочевья Барак-хана в степных регионах современного Казахстана.

Сведения о владениях и деятельности Барак-хана содержатся в ряде средневековых персоязычных источников. Прежде всего, следует назвать «Зубдат ат-таварих» (закончено в 1427) Хафиз-и Аbru (ум. 1430), «Матла' ас-са'дайн ва маджма' ал-бахрайн» (закончено в 1371–1376) Абд ар-Раззак Самарканди (1413–1482), «Раузат ас-сафа' фи сират ал-анбийа' ва-л-мулук ва-л-хулафа» Мухаммада б. Хонд-шаха б. Махмуда Мирхонда (Мир Хаванд) (1433–1498). Эти сведения, в целом повторяющие друг друга, приводились в специальной литературе, особенно данные Абд ар-Раззак Самарканди. Здесь мы не будем пересказывать все сюжеты, отметим лишь интересующие нас моменты. Каких-либо точных данных о местоположении кочевий Барак-хана, известного современника и соперника Тимурида Улугбека, указанные авторы не приводят. Тем не менее, интересны обозначения страны, из которой пришел Барак к правителю Мавараннахра.

Для большинства персоязычных авторов, как тимуридских, так и позднее шибанидских, степи к северу от Мавараннахра во 2-й пол. XIV – начале XVI в. неизменно обозначались с прилагательным образованным от слова узбек. Прежде я подробно разбирал соответствующую терминологию на примере еще одного персоязычного сочинения «Михман-наме-йи Бухара» Фазлаллаха Ибн Рузбихана Исфакани [Ускенбай 2012: 183–187]. Вот самые распространенные наименования государства восточных Джучидов: улус-и узбек – Узбекский Улус; мамлакат-и узбек – Узбекское государство; билад-и узбек – Узбекская страна; дийар-и узбек – Узбекская страна [Ускенбай 2012: 183–187]. В основе этих наименований – этнополитоним узбеки (узбекиян – узбекцы, узбековцы), он становится обобщающим для населения Восточного Дашт-и Кыпчака с 1350–1360-х гг. Примерно в

это же время в соседних регионах появляются аналогичные этнополитонимы татары, ногаи, могулы. Все это явилось наглядным отражением происходивших в этом регионе центростремительных этнических процессов.

Персоязычный хронист Абд ар-Раззак Самарканди прямо пишет, что Барак-оглан был из Узбекского Улуса: Барак-оглан аз Улус-и Узбек [Сборник материалов 1941: 255]. Иногда он использует более узкий термин вилайат: Вилайат-и Узбек [Сборник материалов 1941: 256].

Другие персидские историки, как например Мирхонд в изданном Василием Бартольдом тексте, для обозначения кочевий Барак-хана используют домонгольский этногеографический термин Дашт-и Кыпчак – Кыпчакская степь [Бартольд 1964: 180]. Этот термин широко использовался всеми мусульманскими авторами (арабскими, персидскими, тюркскими) в качестве обозначения всего Улуса Джучи (Золотой Орды) или его степных областей.

Узбекский Улус персоязычных авторов территориально совпадал с возникшим впоследствии Казахским Улусом. По словам Мирза Мухаммад Хайдара Дуглата, «с 870 года, и до 940 года казахи имели полную власть над большей частью Узбекистана» [Мухаммед Хайдар 1999: 108].

Уже с начала XVI в. Узбекский Улус/Узбекистан частично или полностью именуется Казахстаном, так он в частности называется в «Бада-и ал-вакаи» Заин ад-Дина Васафи [Материалы 1969: 180]. В синхронных русских документах Казахстан именуется Казацким юртом или Казацкой ордой [Атыгаев 2015: 105]. В понимании Мирза Хайдара Узбекистан (Казахстан) примерно простирался от Кокше Тениз (Балхаша) через море Кулзум (Каспий) до Идил (Волги) [Мухаммед Хайдар 1999: 425].

Таковы некоторые сведения персоязычных сочинений о землях Барак-хана и его потомков казахских ханов, которые коррелируют между собой и позволяют соотнести территорию Узбекского Улуса Барак-хана с землями Казахского ханства рубежа XV–XVI вв. А теперь обратимся к заключительной группе письменных источников, которые написаны на средневековом тюрки.

Ценность тюркоязычных источников исследователям еще предстоит оценить по достоинству. В них содержится важная информация, отражающая местную степную историческую традицию. Обратимся к содержанию некоторых из них по интересующей нас проблеме. В первую очередь, следует назвать «Кара таварих» (закончено в начале 2-й пол. XVI в.) Утемиша-хаджи. Он сообщает, что Барак-хан был словно бык, он прославился как отважный воин, а его земли располагались в Казахских летовках: «в то время Барак-хан со своим елем находился в Казахском пастбище» (или Казахской летовке) [Утемиш-хаджи 2017: 77, 151, 177]. Где могло располагаться это Казахское пастбище? Из последующего изложения Утемиша-хаджи можно отметить, что все события, связанные с деятельностью Барак-хана, происходили в северном Приаралье, в современном Западном Казахстане. Упоминаются море (очевидно Арал), реки Жем (Эмба) и Жайык (Урал). Можно предполагать, что речь идет о вполне конкретной территории с таким названием, т. е. Барак в данном случае не казаковал, а жил в конкретном Казахском летовье/пастбище/юрте. На такое предположение наталкивает контекст других упоминаний термина «қазақ» в сочинении Утемиша-хаджи. В тех случаях, когда Утемиш-хаджи говорит об институте казакования/қазақлық (*qazaqlıq*), он использовал либо просто термин *qazaqlar*, либо слово *qazaqlab* в паре со вспомогательным глаголом: *qazaqlar* [Утемиш-хаджи 2017: 125, 232]; *qazaqlab iurub* [Утемиш-хаджи 2017: 128, 226]; *qazaqlab qachib* [Утемиш-хаджи 2017: 141, 196]; *qazaq ulub* [Утемиш-хаджи 2017: 159, 160]; *qazaq basub* [Утемиш-хаджи 2017: 159, 160], в последней цитате речь идет о «русских» казаках. Дважды термин «қазақ» в тексте «Кара таварих» встречается в других контекстах в паре со словами *иурт* и *мемлекет*, оба упоминания связаны с собственно Казахским ханством: *qazaq iurtlarnde* [Утемиш-хаджи 2017: 158, 162]; *qazaq memleketi* [Утемиш-хаджи 2017: 158, 162]. Приводя все эти примеры

из сочинения Утемиша-хаджи, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что вполне вероятно Барак-хан имел свои устоявшиеся кочевья, из которых периодически совершал свои походы против соперников в Поволжье и в Мавараннахр. Возможно, его владения так и назывались Казакское летоуе (юрт, улус, государство). Возможно, Утемиш-хаджи позднее название Казахского ханства перенес на владения Барак-хана, поскольку последний был отцом одного из основателей Казахского государства.

Со сведениями Утемиша-хаджи перекликаются данные другого более позднего исторического сочинения «Умдет ал-ахбар» (закончено в XVIII в.) Абд ал-Гаффара Кырыми. Сюжет о Барак-хане в целом перекликается с данными Утемиш-хаджи, но имеет некоторые дополнения, которые стоит упомянуть. По словам Абд ал-Гаффара Кырыми, Барак-хан был великим ханом, отважным и усердным, словно сильный самец верблюда, располагался он в Казакских кочевьях [Абдулгаффар Кырыми 2018: 81]: «земли Барак-хана в то время Казакское летоуе» [Абдулгаффар Кырыми 2018: 108, 335]. Кырыми неоднократно упоминает об институте *қазақлық*, но в процитированном фрагменте автор использовал этот термин в другом смысле. На это обстоятельство не обратил внимания автор специального исследования о феномене *qazaqlıq* историк Джу-Юп Ли [Джу-Юп Ли 2022]. Вслед за Утемиш-хаджи, Кырыми упоминает в контексте деятельности Барак-хана реки Жаик и Жем (Урал и Эмба), Хорезмское озеро (Аральское море). Упоминаемые этими двумя авторами Казакское летоуе, Казакский юрт, Казакское государство, по всей видимости, совпадают с аналогичным обозначением русских источников (Казацкий юрт), информаторами которых были ногайские послы. А цитировавшееся выше русское выражение «Бараков царев Казацкий юрт» можно сопоставить с тюркским аналогом, приводимым Кырыми «Барақ ханның Қазақ жайлағы».

Обратимся к еще одному тюркскому источнику. В самом начале XVII в. при дворе московского царя Бориса Годунова Кадыргали Косымулы написал свое историческое сочинение, позднее условно названное «Джами ат-таварих». Оно хорошо известно специалистам. Результаты новейших исследований об этом сочинении приведены в работах Рысбека Алимова [Алимов 2016: 40–48; 2018: 251–258] и Хироюки Нагаминэ [Нагаминэ 2019: 115–130]. Полностью это сочинение издано только в переводе на казахский язык. Казахский ученый академик Рабига Сыздыкова опубликовала в 1989 и 1991 гг. сводную транскрипцию и перевод текста на казахский язык. В 1997 г. историк-востоковед Наджип Мингулов опубликовал свой перевод также на казахский язык. Небольшой текст о Барак-хане есть в казанской редакции рукописи: «Этого Куйурчук-султана после отца посадили на царство. Его стали называть Куйрчук-хан. Его сын был Барак-аталык (или по имени Барак). После отца он стал царем. Все улусы он себе подчинил. После Куйурчук-хана подняли ханом его. Называли Барак-хан. Он был очень известный, отважный (великан, крупный) и смелый. Очень быстро все вилайаты в округе он подчинил себе. В конце концов он погиб между Едилем и Жайыком, возле Сарайчика в битве Кас Науруза. Его сына называли Кичи Жанибек. Этот Жанибек-хан после отца правил улусом. [Сыздыкова 1989: 229]. Кадыргали в этом фрагменте владения Куйрчука, его сына Барака и внука казахского хана Киши Жанибека никак не именует. В своем сочинении автор для обозначения владений Барака и других правителей Улуса Джучи несколько раз использует термин «Узбекия»: «Өзбекия арасында» – в Узбекии [Кадыр-Али-бек: л. 144-а; Березин 1854: 156, 171; Сыздыкова 1989: 230, 231, 241].

Таким образом, можно видеть, что авторы процитированных тюркоязычных сочинений вполне осознанно говорили о преемственности владений Барак-хана и его ближайших потомков – казахских ханов.

Сведения письменных источников можно дополнить данными нумизматики. Монеты, чеканенные от имени Барак-хана, в нумизматической литературе известны со времен первой

публикации золотоордынских монет Христианом Френом в 1826 г. Татарский нумизмат Азгар Мухаммадиев привел в своей книге «Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв.» таблицу, где указал 182 монеты Мухаммад-Барака [Мухаммадиев 1983: 125, 129, 131–132, 156], большая их часть – 162 монеты чеканены в Булгаре. Современный нумизмат Роман Рева изучил и систематизировал в специальной статье «Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников» 72 монеты Барака, дал их описание и прорисовку [Рева 2015: 80–101]. Зачастую монеты Барак-хана не имеют даты чеканки, но, как полагают нумизматы, они изготовлены в промежутке 822–831 г.х. (1419/20–1427/28). Ниже приведена некоторая информация о монетах Барак-хана по упомянутым публикациям Мухаммадиева и Ревы. Основная часть сохранившихся монет чеканена в г. Булгар. На них отчетливо читается имя: «ас-султан ал-азам Мухаммад-Барак-хан». Несколько монет чеканены от его имени в «кочевых монетных дворах»: Аллах-Орду-Базар, Хелберди-Базар, Джадибек-Базар. По мнению нумизмата Ревы, Аллах-Орду-Базар - это «кочевой монетный двор», он мог располагаться в Сарайском вилайате [Рева 2015: 83]. Монетный центр Хелберди-Базар, по мнению Мухаммадиева, был расположен в Нижнем Поволжье и, по всей вероятности, являлся ставкой Барак-хана, так как на монетах других ханов это название ни разу не встречается [Мухаммадиев 1983: 132]. Там же в Нижнем Поволжье, по его мнению, находился Джадибек-Базар, этот монетный двор был полукочевой ставкой, т. е. ордой сначала Улу-Мухаммада, затем Барака [Мухаммадиев 1983: 128–129]. Еще две монеты, битые в Хаджи-Тархане и Крыму, публикуются у нумизматов под знаком вопроса. Если чеканку Хаджи-Тархана еще можно допустить, то Крымский чекан маловероятен. Об этом же свидетельствует реконструкция политической истории Крыма этого периода, проделанная Владиславом Гулевичем: Барак в Крым не ходил [Гулевич 2018: 154]. Нумизмат Рева упоминает также несколько монет, найденных на р. Исеть в Зауралье, что, по его мнению, свидетельствует о вытеснении Барака с Поволжья в конце 820-х гг. [Рева 2015: 87]. По его личному сообщению, эти нумизматические данные устарели и за прошедшее время с выхода этой статьи о Барак-хане [Рева 2015] накопились новые данные, они несколько меняют нумизматическую картину эмиссий и владений Барака. Тем не менее, даже приведенные нумизматические данные в целом только свидетельствуют о военно-политической активности Барака в Поволжье. Его монеты, чеканенные в Сыгнаке или других центрах Восточного Дашт-и Кыпчака, пока не обнаружены.

Заключение. Наше небольшое исследование ставило целью изучить некоторые данные о формировании территории Улуса Джучи в XIV–XV вв., сведения источников о территории, которая могла находиться под властью Барак-хана. Мы можем сделать несколько предварительных выводов: во-первых, кочевья Барак-хана располагались в восточной части Улуса Джучи, в основном это левобережье Волги, реки Урал и Эмба, Северное Приаралье и Присырдарья; во-вторых, его западные походы, очевидно, имели характер набегов, после которых он возвращался за Волгу или на Нижнюю Волгу; в-третьих, владения (кочевья) Барак-хана в представлении его современников и современников его потомков территориально совпадали с землями казахских ханов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдулгаффар Кырыми. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общ. и науч. ред., предисл. и комм. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
- Алимов Р. О двух новых списках сочинения Кадыр Али-бека // Российская тюркология. 2016. № 2 (15). С. 40-48.

- Алимов Р. Некоторые заметки относительно Кадыр Али-бека и его сочинения «Джами ат-таварих» // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дашт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 251-258.
- Атыгаев Н.А. Казахское ханство в потоке истории. Алматы: Елтаным, 2015. 384 с.
- Ахмедов Б.А. Улугбек и политическая жизнь Мавараннахра первой половины XV в. // Из истории эпохи Улугбека. Сб. ст. / Отв. ред. А.К. Арендс. Ташкент: Наука, 1965. С. 5-66.
- Бартольд В.В. Улугбек и его время // Сочинения. Т. II. Ч. 1. М.: Наука, 1964. С. 25-196.
- Березин И. Библиотека восточных историков. Т. II. Ч. 1. Сборник летописей. Татарский текст с русским предисловием. Казань, 1854.
- Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Вып. 4: Сб. статей / А.Г. Шпилев, И.В. Гребенникова, Н.В. Филимонова и др. / Под ред. А.Н. Наумова. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2009. С. 205-210.
- Беспалов Р.А. Литовско-ордынские отношения 1419–1429 годов и первая попытка образования Крымского ханства // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V. Сб. / Ред.-сост. М.М. Чореф. Севастополь; Тюмень, 2013. С. 30-52.
- Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2001. 214 с.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 470 с.
- Гулевич В.П. От ордынского Улуса к ханству Гиреев: Крым в 1399–1502 гг. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 492 с.
- Джу-Юп Ли. Казаклык и образование казахов. Государство и идентичность в постмонгольской Центральной Евразии. Алматы: Shon Publishing House, 2022. 276 с.
- Исин А.И. Казахское ханство и Ногайская Орда во второй половине XV–XVI в. Семипалатинск: Тенгри, 2002, 139 с.
- Кадыр-Али-бек. Джамии ат-таварих (Сборник летописей). Рукопись. Эл. ресурс: Архив открытого доступа СПбГУ. URL: <http://hdl.handle.net/11701/15394> (дата обращения: 05.08.2022).
- Курат А.Н. Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы. Казань: Ин-и истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2014. 256 с.
- Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Сост.: С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алматы: Наука, 1969. С. 172-184.
- Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 164 с.
- Мухаммед Хайдар Дулати. Тарих-и Рашиди (Рашидова история): Введение, перевод с персидского языка А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой, Л.М. Епифановой. Примечания и указатели Р.П. Джалиловой и Л.М. Епифановой, 2-е изд. доп. Алматы: Санат, 1999. 656 с.
- Нагаминэ Х. Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115-130.
- Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1949. 464 с.
- Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Т. I. Составление, транскрипция скорописи, специальное редактирование текстов, вступительная статья, комментарии, составление словарей указателей А. Исина. (Серия «История Казахстана в русских источниках». Т. 1). А.: Дайк-Пресс, 2005. 704 с.
- Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Публикация текста / Сост. Д.А. Мустафина, В.В. Трепавлов. Казань: Тат. кн. изд-во, 2006. 391 с.
- Почекаев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Евразия, 2010. 464 с.
- Рева Р.Ю. Мухаммад-Барак и его время. Обзор нумизматических и письменных источников // Нумизматика Золотой Орды. 2015. №. 5. С. 80-104.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды / Уч. зап. Мордов. гос. ун-та. Вып. IX. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 276 с.

- Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлеч. из перс. соч. собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 190-201 (перевод), 251-261 (персидский текст).
- Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из арабских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем. Перераб. и доп. издание. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии Б.Е. Кумекова, А.К. Муминова. (Серия «История Казахстана в арабских источниках». I т.). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с. С. 349-382 (перевод и комментарии), 671-698 (текст).
- Султанов Т.И.* Письмо золотоордынского хана Улуг-Мухаммада турецкому султану Мураду II // Тюркологический сборник 1973. М.: Наука. ГРВЛ, 1975. С. 53-61.
- Сыздыкова Р.Г.* Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. Алма-Ата: Наука, 1989. 243 с.
- Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2020. 1040 с.
- Ускенбай К.З.* К проблеме аутентичного наименования Казахского государства позднего средневековья (на материалах «Михман-наме-йи Бухара» Ибн Рузбихана) // История Казахстана: итоги научных исследований и презентация проекта десятилетней «Отан тарихы»/«История Отечества». М-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 19 апреля 2012 г.). Алматы: Елтаным, 2012. С. 183-187.
- Утемиш-хаджи.* Кара таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; пер. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общ. и науч. ред. И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
- Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с нем. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
- Allsen Th. T.* The princes of the Left Hand: an introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and the early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae medii aevi. T. V: 1985. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 1987. P. 5-40.

К. У. Торланбаева

Торланбаева Кенже Ускенбаевна,
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова,
г. Алматы, Казахстан; torlanbayeva@mail.ru

Особенности городской культуры тюрков-кочевников

Аннотация. В статье представлено исследование особенностей формирования городской культуры у тюрков-кочевников. Рассмотрены письменные источники и археологические материалы по истории городов. Городская культура в скотоводческих обществах – это важный феномен, выделивший тюркскую эпоху как качественно новый этап в развитии Великой Степи, потому что развиваются новые формы управления как устойчивыми городскими центрами, так и степными стационарными городами-поселениями.

Ключевые слова: город, Степь, тюрки, кочевники, поселения, письменные источники, археологические материалы

Кенже Өскенбайқызы Торланбаева,
Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты,
Алматы, Қазақстан

Көшпелі түркілердің қала мәдениетінің ерекшеліктері

Аннотация. Мақалада көшпелі түркілердің қала мәдениетінің қалыптасу ерекшеліктерін зерттеу қарастырылған. Қалалар тарихына қатысты жазба дереккөздер мен археологиялық материалдар талданған. Малшылық қоғамдағы қала мәдениеті түркі дәуірін Ұлы Дала дамуының сапалы жаңа кезеңі ретінде ерекшелеген маңызды құбылыс. Сондықтан тұрақты қала орталықтарында да, далалық стационарлық қала-елдімекендерде де басқарудың жаңа нысандары дамып келеді.

Түйін сөздер: қала, дала, түріктер, көшпелілер, қоныстар, жазба деректер, археологиялық материалдар

Kenzhe Torlanbayeva,
Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology,
Almaty, Kazakhstan

Features of the urban culture of nomadic Turks

Abstract. The article presents a study of the features of the formation of urban culture among the nomadic Turks. The article examined written sources and archaeological materials on the history of cities. Urban culture in pastoral societies is an important phenomenon that singled out the Turkic era as a qualitatively new stage in the development of the Great Steppe. Therefore, new forms of management are developing, both in sustainable urban centers and in steppe stationary towns-settlements.

Keywords: City, Steppe, Turks, nomads, settlements, written sources, archaeological materials

В период тюркских каганатов в истории Великой Степи письменные источники и археологические материалы свидетельствуют о развитии городской культуры, наличии городов и системы управления ими. Сочетание значительной скотоводческой экономики и развитие городской культуры, безусловно, феномен, позволяющий в представленном исследовании поставить задачу анализа особенностей городской культуры тюрков-кочевников, рассмотрение причин

возникновения городских центров, типов земледельческих поселений, наличия нестабильных типов городской культуры.

В тюркских каганатах города формировались на базе ставок и зимовок правителей, на основе согдийских поселений, развивались и древние городские центры кангуйского и усуньского времени. Города становились политическими, экономическими и культурными центрами. Многие города возникали в долинах рек и имели стратегическое и экономическое значение при транзитной торговле. Развитию городской культуры способствовали постоянный обмен культурными и религиозными воззрениями, технологическими изобретениями, развитием административных центров тюркских правителей. С развитием городской культуры связывается множество аспектов жизнедеятельности общества: развитие институтов управления, сельское хозяйство, ремесленное производство, торговля, фортификация и архитектура.

В статье, во-первых, хотелось бы разобрать развитие городских центров во взаимодействии с центрами древних земледельческих культур Средней Азии и Восточного Туркестана (СУАР, КНР). Как известно военные походы тюрков-кочевников раздвинули границы до верховий Амударьи и Гиндукуша. До арабского завоевания тюркские каганаты сохраняли за собой власть над обширной земледельческой областью междуречья Сырдарьи и Амударьи. Власть западных тюрков распространялась на весь Таримский бассейн и Восточное Припамирье. Все эти победы способствовали известному тюрко-согдийскому расцвету городской культуры, что привело на территории современного Казахстана к интенсивному развитию крупной историко-культурной области – Жетысу и Южного Казахстана. По сегодняшний день она занимает территорию между Средней Азией, с одной стороны, Центральным Казахстаном, Сибирью и Уралом, с другой. В ней выделяются три района – Юго-Западное Жетысу (междуречье Таласа и Чу), Северо-Восточное Жетысу (Илийская долина) и Южный Казахстан (долина Сырдарьи) [Байпаков 2013: 344–345]. Именно эта культурно-историческая область являлась основой для формирования политической власти западных тюрков и последующих тюркских каганатов во взаимодействии скотоводческой и земледельческой культур.

В своей небольшой публикации на русском языке западный антрополог Дж. Хаас рассказывает, что теории происхождения государства в общей сложности можно свести к двум основным школам: *интегративная*, где институты государственного управления возникают из общественных потребностей в более эффективной организации под давлением роста населения, экономических проблем и усложнения общества, и *конфликтная*, где институты управления возникают как средство стабилизации системы социальной и экономической стратификации, средства регулирования конфликтов. Решающими факторами в этих теориях считаются: война, производство средства существования и торговля или обмен ресурсами [Хаас 1995: 19]. Расцвет в тюркскую эпоху Великого Шелкового пути позволяет выявить преимущественное значение фактора торговли в развитии городских центров, выделить симбиоз Степи и города в историко-культурной области Жетысу и Южного Казахстана, в областях на границе со скотоводческой степью в Средней Азии и Восточным Туркестаном, а также на границах владений Тюркской империи с Ираном, Византией и Китаем.

Развернувшиеся интенсивные международные отношения в VI–VII вв. между Тюркской империей, Ираном, Византией и Китаем определили повествование письменных источников этого времени. Объектом войн и переговоров стало перераспределение и закрепление выгодных торговых путей, рынков сбыта товаров, обладание материальным обеспечением и торговой или обменной сетью континентальной дороги. Все это способствовало строительству городов и возникновению

поселений во всех частях тюркских каганатов. В Жетысу и Южном Казахстане получили развитие знаменитые города тюрков: Тараз, Испиджаб, Джент, Отрар, Сыгнак и другие.

Показательным в числе городов тюрков является Тараз или Талас – самый древний городской центр Казахстана. Первое упоминание о нем под названием Талас содержится у Менандра Византийца. В период правления Истеми-кагана и Турксанфа Талас стал центром дипломатических переговоров между западными тюрками и римлянами.

В целом же Тараз упоминался как торговый центр, о чем свидетельствовали путешественники и миссионеры. Еще буддийский паломник Сюань Цзянь, посетив этот город, сообщил: «Мы прибыли в город Да-ло-сы (Талас). В нем смешено живут купцы из разных стран и хус`цы (согдийцы)» [Зуев 1960: 91]. А известный математик и географ IX в. ал-Хорезми писал о нем так: «Тараз – город купцов» [Волин 1960: 83]. Из Тараза вывозили козьи шкуры, товары скотоводства и земледелия, здесь были свои монетные дворы. Купцы из Тараза имели торговый квартал в иранском городе Исфагане, куда привозили различные товары.

Талас был административным центром, вокруг которого известны такие города, как Хамукат или Джамукат (Жемчугград), знаменитый Ахлах, Джувикат, Джикиль, Балу и другие. Через древний Талас проходили ответвления Великого Шелкового пути в степные просторы кимеков, огузов, кыпчаков. Талас был центром взаимодействия кочевой Степи и земледельческих районов всей Таласской области и Жетысу, а также межобластной и международной торговли. Тараз был известен вплоть до Нового времени, с которого начиналась знаменитая Ханская дорога.

Если Тараз сохранился до настоящего времени и имеет уже 2020-летнюю историю своего существования, то другие города тюркской эпохи, известные по письменным источникам, распознаны на основе археологических материалов.

Письменные источники упоминают множество городов огузов, которые тянулись друг за другом с севера на юг. В археологии наибольшую известность получили остатки города Янгикента – столицы огузов – городища Кескен Куюккала и Большая Куюккала, открытые в результате работы Хорезмской экспедиции.

Янгикент имел выгодное географическое расположение на стыке между Хорезмом и Мавераннахром. Также город находился на важных караванных путях, проходивших в степи кимеков, в Сыгнак и Южный Урал. Города Джанкент, Дженд и Хора (Хувара) располагались в низовьях Сырдарьи, впадающей в Джендское озеро [Байпаков 2013: 82].

Значительную роль в исторических событиях играл г. Дженд. Археологи отождествляют с ним городища Джан-кала [Толстов 1962: 288]. С Джендом связана миграция части огузов и туркмен во главе с Сельджуком на территорию Джендской области и захват Дженда. За Дженд шла борьба сельджукидов с правителями огузов – Али и его сыном Шахмаликом, наместником Дженда. Затем происходили войны сельджукидов и хорезмшахов за обладание низовьями Сырдарьи и Джендом. Суть этих войн сводилась к обладанию торговыми путями, той важной территориальной локализацией Дженда, который он имел. Для тюрков-огузов контроль над торговыми коммуникациями играл значительную роль как средство укрепления политической власти, так и как дополнительные средства получения прибыли и обмена продукциями скотоводства и земледелия. Они брались сопровождать караваны, предоставляли скот для питания и в качестве транспортного средства; целые династии специализировались на караванной торговле. Степные правители предлагали свои услуги по обеспечению безопасности торговых караванов, взамен требуя некоторую долю товара или звонкую монету. Так появились подати и таможенные платежи.

Согласно письменным источникам и археологическим материалам, таких городов было много в тюркских каганатах и их главная роль – торговые центры между скотоводами и земледельцами,

между городом и Степью, между крупными государствами Китаем, Ираном, Индией, Византией и Тюркской империей, а впоследствии и с их преемниками.

От трассы Великого Шелкового пути, проходившей через Южный Казахстан и Жетысу, отходили ответвления на север, восток и запад. Эти торговые пути приводили в области Восточного Казахстана к берегам Иртыша, на Алтай и в Монголию. Эти же пути вели в Центральный Казахстан, получивший название Дешт-и Кыпчак.

Во-вторых, среди городов тюрков имеются такие, которые описываются в письменных источниках, но локализовать их по археологическим материалам сложно.

В этом отношении показательны тексты и карты арабского географа ал-Идриси, который дал сведения о множестве городов страны кимеков, описал несколько путей к кимекам из земледельческих центров в Жетысу и Южный Казахстан, рассказал о тесных связях Кимекского государства с Карлукским и Караханидским каганатами. Труд ал-Идриси стал предметом скрупулёзного изучения Б.Е. Кумековым. Центр Кимекского государства располагался на р. Гамаш, сопоставимой с р. Иртыш [Кумеков 1972: 76-80]. Сведения о компактном расселении кимеков знал в XI в. и Махмуд ал-Кашгари, куда выходили караванные пути из земледельческих областей Присырдарьи и Таласской долины.

Согласно ал-Идриси, города кимеков локализовались на берегах озер, рек, в неприступных горных районах, в местах разработки и добычи полезных ископаемых и пограничных областях, где располагались ставки кимекских и кыпчакских правителей. Большинство городов лежало на торговых путях.

Город хакана хорошо охранялся, был окружен укрепленной стеной с железными воротами, о чем сообщается в письменных источниках: «Столица хакана – огромный город, укрепленный стеной с железными воротами. У царя в городе имеется многочисленное войско» [Кумеков 1972: 103].

В городах имелись замки-крепости, окруженные рвом и заполненные водой: «Дахлан – это неприступный замок и высокая крепость, в которой имеется войско. Дахлан расположен у пределов страны кимаков» [Кумеков 1972: 102–103].

В стране кимеков имеются плодородные районы, где возделываются земли под пшеницу и ячмень. Население каганата выращивало просо, бобы, горох, имелись прекрасные виноградные сады. «Карантия – первый кимакский город большой, его длина в 9 миль, в ширину 3 мили, расположен на берегу большого озера, которое называется озеро Гаган. От Карантии до города царя кимаков 24 перехода, и вся эта дорога тянется с запада на восток. Это озеро получило свое название от города Гаган.

Город Дамурия относится к числу кимакских городов. Он цветущий и многолюдный город. От Дамурии до Сараус на северо-восток 2 перехода, путь проходит по возделанным землям и селениям, принадлежащим тюркам-кимакам. Сараус большой город, окружен укрепленной стеной. В городе – храбрые тюрки, они конные воины.

Банджар огромный, многолюдный город, населенный различными родами тюрков-кимаков. В нем имеется многочисленное войско и необходимое количество припасов для нужд его населения» [Кумеков 1972: 102–103].

Меновые базары имелись в каждом городе и укрепленном селении. Главным предметом торговли был скот и продукты скотоводства: мясо, кожа, молочные продукты, пушнина, скот. В городах процветали ремесленные центры по выделке кожи, изготовлению оружия, кузнечному производству, ткачеству. К примеру, ал-Мақдиси отмечал: «Из Шаша вывозятся высокосортные шагреновые седла, колчаны для стрел, палатки. Кожи же привозятся от тюрков и дубятся» [Ахинжанов 1989: 165]. Вместе с тем, кимеки сами были прекрасными ремесленниками по

предметам вооружения: «Тюрк делает все процессы ремесла сам, не просит помощи у товарища и не обращается за советом к другу; они (тюрки) производят оружие, стрелы, седла, колчаны, копья» [Кумекоев 1972: 96]. Кимеки производили прекрасные изделия из серебра, обрабатывали металл, добывали железо, руду, на что указывают множество рудников на территории Центрального Казахстана.

По сведениям К.М. Байпакова, остатки городов кимаков не найдены, но их можно отождествить с известными памятниками [Байпаков 2013: 66]. По мнению Б.Е. Кумекова, город Гаган может быть отождествлен с городищем Коктума на юго-западном берегу Алаколя, а города Дамурия и Сараус нужно искать на берегах р. Тентек, впадающей в Алаколь [Кумекоев 1972: 106-107].

Сведения ал-Идриси относятся не только к кимекам, но и к огузам, тюргешам, карлукам и другим. В недавно вышедшем в свет исследовании Б.Е. Кумекова и Р.Б. Кумековой поставлен вопрос об исторической географии Казахстана по средневековым картам IX–XIV вв. мусульманской культуры. Ал-Идриси сообщает о множестве городов и поселений не только кимеков, но и огузов и карлуков, свои города имелись и у тюргешей, азкишей, башкир. По карте ал-Идриси города располагаются по тракту Великого Шелкового пути и наряду с известными городами (Тараз, Фараб, Весидж, Сюткент и др.) указаны города, нигде более в письменных источниках не упоминаемые. Это, например, города карлуков Атракана, Салуния, Джинкар. Ученый объясняет неизвестные наименования по сведениям ал-Идриси следующим образом: «По всей вероятности, это объясняется, с одной стороны, одновременностью возникновения поселений, а с другой – тем, что арабские географы и путешественники в своих описаниях не выходили за рамки “ключевых” дорог» [Кумекоев, Кумекова 2020: 73].

Что же это были за города с интересными названиями: Дамурия и Сараус, Банджар и Карантия или Салуния и Джинкар? Если с общеизвестными городами Жетысу и Южного Казахстана связана торговля как фактор в теориях происхождения государства, то с городами, о которых упоминают письменные источники или находят остатки археологи, связаны, вероятно, формы управления стационарным пребыванием тюрков-скотоводов. Еще А.Х. Маргулан по археологическим материалам проследил существование во время больших стоянок рядов передвижных жилищ, представлявших собой город на повозках [Маргулан 1972: 41]. Или же С.Ж. Жолдасбаев, изучая археологические остатки зимних поселений кочевников во время стоянок, говорил об их распространенности в степных зонах [Жолдасбаев 1975: 10]. С.М. Ахинжанов в своем исследовании, говоря о классическом кочевническом укладе кыпчаков, рассматривал возникновение оседлости у них на основе поселений, состоявших из множества повозок. Он приводит ряд важных факторов, первый из них – это потребности в передвижных жилищах, которые устраивали на повозках во время кочевий. «Передвигаясь на значительные расстояния, кыпчаки пользовались спутником своей кочевой жизни – повозкой, которая и могла широко бытовать у народа, находящегося в постоянном движении. Сам подвижный образ жизни заставлял кочевников использовать животных в качестве тягловой силы и ставить свои жилища на колесные повозки <...> Эти повозки были рассчитаны на большое количество людей. Назывались они – кюйме, ими пользовались во время перекочевков <...> В эти повозки запрягались вола, лошади, верблюды. <...> А во время военных столкновений эти повозки служили и средством защиты для кочевников. <...> Историю повозок мы приводим для того, чтобы проследить одну из сторон зарождения полуседлых поселений, возникавших в своеобразных условиях кочевой жизни кыпчаков. То, что ряды передвижных жилищ-повозок во время больших стоянок составляли своего рода вид поселений, подтверждается целым рядом факторов», – отмечал ученый [Ахинжанов 1989: 244-245, 250-251]. По мнению К.М. Байпакова, посвятившего изучению городской культуры Казахстана многие годы жизни, отмечается: «Повсюду в удобных для

земледелия местах, в долинах рек Иртыш, Сарысу, Кенгир, Жезды, в предгорьях Улытау, на берегах Урала, в оазисах Мангистау в период средневековья возникла и развивалась земледельческая и городская жизнь. Уже в эпоху бронзы в Сарыарке разрабатывались месторождения меди, олова, свинца, серебра, а в более позднее время здесь же выросли поселки рудокопов, плавильщиков бронзы, серебра и золотодобытчиков. Богатые сырьевыми ресурсами, а также скотом, шерстью, кожей, металлом эти районы Казахстана вовлекались в систему торговых связей и были включены в систему Шелкового пути караванными дорогами» [Байпаков 2013: 63].

В обществе кочевников-тюрков в самых степных областях, безусловно, имелись формы стационарного проживания. Это подтверждается как археологическими, так и письменными источниками. Поселения кимеко-кыпчакского объединения обнаруживаются в верхних террасах водных бассейнов, совпадающие с маршрутами древних меридиональных путей перегона скота с зимних пастбищ в предгорьях Каратау и долины Сырдарьи до летних в Центральный или Восточный Казахстан. Здесь же проходили караванные торговые пути, связывающие города Жетысу и Южного Казахстана с городищами кыпчаков и кимеков в Центральном и Восточном Казахстане.

Для Кимекского каганата городища на среднем и нижнем Прииртышье имели курганные погребения с комплексом инвентаря, вытянутые с севера на юг. Такие городища снаружи были окружены рвом, заполняемом водой, а внутри ставились войлочные юрты, шатры разной формы. По захоронениям можно обнаружить возрастную стратификацию, социальный статус и культово-религиозный комплекс [Байпаков и др. 2022: 235-239]. В Кыпчакском каганате поселения обнаружены в Центральном Казахстане по рекам Сарысу, Кенгир, Джезды, Талды, Нура и т. д. Эти поселения имеют правильную прямоугольную форму, они окружены небольшими крепостными валами с башнями, ограждающие площади с остатками построек. В центральной части имелись холмы и загоны для скота, а снаружи выкапывались рвы и строились защитные площади с холмами (стены). Внутри поселений имелись жилые глинобитные постройки с камышитовыми перегородками и плоскими кровлями из дерева или камыша. В жилищах имелись хозяйственные ямы и сложенные из сырцового кирпича печи. На стенах были проложены гончарные трубы для стока воды. Со стороны реки имелись посевные площади, которые защищались стеной [Байпаков и др. 2022: 249-255].

В третьих, своеобразный мир городов тюрков-кочевников Сарыарки представлен областями Центрального Казахстана, где локализовались пастбища кимеков, кыпчаков, куманов и других, путь к которым пролегал, по сведениям Тамим ибн Бахра «<...> по степям, пескам, обширным долинам с многочисленными пастбищами и источниками воды <...>» [Волин 1960: 75]. Здесь поселения возникали на основе разработок полезных ископаемых и также выходили к дорогам торговых путей. Славился мир кочевников Дешт-и Кыпчака добычей железной руды и производством металлических изделий. В сказании об Афрасиабе – легендарном первопредке династии Караханидов – упоминается «Медный замок».

По мнению А.Х. Маргулана, это место соотносится с рудником и городищем Милыкудук – крупнейшим центром добычи медной руды, выплавки меди и бронзы близ Джезказгана. По ал-Идриси, сюда в земли кыпчаков и огузов направлялись шашские купцы для покупки серебра и меди [Байпаков 2013: 68].

Все это подтверждается и археологическими раскопками. Здесь открыты крупные мастерские с большим числом плавильных печей, что говорит о развитии железоделательных ремесел, а количество вынудой, хорошо раздробленной и обогащенной руды свидетельствует о широком производстве и вывозе медных изделий за пределы кыпчакской степи. Среди кыпчаков были

мастера по изготовлению луков, оружия, стрел, ремесленники-гончары, кузнецы и камнетесы [Ахинжанов 1989: 248–249; Байпаков 2013: 69].

Большую группу находок при раскопках средневековых городищ 1-й пол. IX–начала XIII в. составляют изделия из металла – бронзы, серебра, золота. Это украшения: браслеты, перстни, подвески, амулеты, поясная гарнитура, конское снаряжение, бронзовые зеркала, кувшины, блюда, тарелки, ступки и другое.

На заре образования Тюркского каганата тюрки-ашина были известны как медеплавильщики, они разрабатывали железные рудники на Алтае. И такая специализация тюрков-кочевников заложила основы для развития стационарных поселений на основе разработок полезных ископаемых. В период Караханидского и Кыпчакского каганатов потребность в развитии металлообработки и его продаже на много возросла. По археологическим материалам погребения кыпчаков характеризовались наличием большого количества оружия из металла, а на основе нумизматического материала в Караханидском каганате на монетах получили широкое изображение мечи, палаши, сабли, луки, секиры или боевые топоры, булавы, копья, стрелы и др. Эта специализация тюрков-кочевников создала еще одну важную составляющую форму организации и управления обществом, приведшая к формированию городов или поселений такого типа.

Таким образом, в данной статье мы попытались рассмотреть три основных направления в образовании городов тюркского периода.

Первое из них тесным образом связано с торговлей на периферии со степными областями. При этом эта зона характеризуется устойчивостью, постоянством и имеет тенденцию к развитию полноценной земледельческой культуры. При этом на протяжении всего тюркского времени и дальнейшей своей истории вплоть до XIX в. эти городские центры становятся предметом отстаивания их как центров власти правителей степных государств.

Одной из важнейших особенностей развития городской культуры в кочевом обществе является то, что оседлые и полuosедлые центры сосредотачивались по периферии скотоводческого мира. Оседание и земледелие вырабатывалось в тюркское время на основе постоянного взаимодействия с земледельческими и торговыми областями Средней Азии и Восточного Туркестана. В Западно-тюркском каганате и его наследников такую роль сыграли Согд, согдийская колонизация Жетысу и торговая среднеазиатская экспансия Приаралья и Прикаспия как выхода к морским путям. В Кыпчакском ханстве такую роль сыграл Хорезм. Как отмечал С.П. Толстов: «Хорезм выступает перед нами в X–XII веках как естественный центр тяготения кочевых племен Средней Азии, как форпост переднеазиатской мусульманской цивилизации в гузской и кыпчакской степи» [Толстов 1948: 14].

Второе и третье направление в формировании городов и поселений тюрков-кочевников имеет автохтонный (локальный) характер, происхождение которых связывается с формой управления стационарным пребыванием скотоводов, выделением в обществе жатаков (ятаков) оседлых членов, выполнявших охранные функции зимних или летних ставок. Обычно считается, что это были обедневшие скотоводы, которые не могли совершать полноценное кочевание по меридиональному циклу. Однако они были важными для общества, оставаясь осваивать новые формы жизнедеятельности: ремесла, добыча полезных ископаемых, фиксации стационарных поселений, куда постепенно выводили ответвления торговых путей.

В тюркскую эпоху наблюдается Ренессанс торговой континентальной артерии – Великого Шелкового пути, создавшего условия для прокладывания новых торговых ответвлений в степные зоны, пути вели и к разработкам полезных ископаемых. Все это создавало условия для стационарных поселений, которые появлялись и их даже фиксировали арабские географы и создавали карты с

названиями их городов, но раскопать эти слои городской культуры сложно вследствие слабости археологического культурного слоя.

Тип городской культуры второго направления обладал неустойчивостью, что связывается с характером самого скотоводческого общества. Во-первых, миграции скотоводов-кочевников под давлением со стороны Китая – Танской империи – создавали условия для образования на границах с ним новых кочевых политий [Барфилд 2009]. Во-вторых, в тюркскую эпоху наблюдается демографический взрыв населения на просторах Великой Степи. Это приводило к нехватке пастбищ и водных ресурсов. В аридной степной зоне очень нелегко было сохранить хрупкий баланс между народонаселением с их экстенсивной скотоводческим хозяйством и потреблением травы и воды [Масанов 2010]. Поэтому образование неустойчивой городской культуры тюрков в степных просторах на водных террасах и распространение Кыпчакского каганата в западном направлении рассматривается как выход из положения.

Хотелось бы вновь обратиться к рассматриваемой статье Дж. Хааса, отметившего, на наш взгляд, очень важный тезис о формировании государства: «Вопрос о происхождении государства – это, главным образом, вопрос о том, как и почему на долгом пути эволюции культуры в обществе возникали изначальные формализованные институты управления» [Хасс 1995: 19]. Городская культура в скотоводческих обществах – это важный феномен, выделивший тюркскую эпоху как качественно новый этап в развитии Великой Степи. Потому что развиваются новые формы управления как устойчивыми городскими центрами, так и степными стационарными городами-поселениями.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата: Гылым, 1989. Изд. испр. 330 с.
- Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана / Урбанизация Казахстана в IX – начале XIII в. Кн. 2. Алматы: ИА КН МОН РК, 2013. 620 с.
- Байпаков К.М., Жумаганбетов Т.С., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. Алматы; Актобе: QTMGZI, 2022. Изд-е 3-е, доп., электронное. 359 с.
- Барфилд Т. Опасная граница. Кочевые империи и Кита (221 г. до н.э.–1757 г. н.э.). СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2009. 486 с.
- Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине реки Талас и смежных районов // ТИИАЭ. 1960. Т. 8. С. 78-94.
- Жолдасбаев С.Ж. Материальная культура казахов XV-XVIII вв. (по археологическим данным): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1975. 14 с.
- Зуев Ю.А. Китайские известия о Суюбе // Известия АН КазССР. Сер. истории, археологии и этнографии. 1960. Вып. 3 (14). С. 87-96.
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кумеков Б.Е., Кумекова Р.Б. Историческая география Казахстана по средневековым картам IX-XIV веков мусульманской культуры. Алматы: Қазақ университеті, 2020. 111 с.
- Маргулан А.Х. Горное дело в Центральном Казахстане в древние века // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 3-30.
- Масанов Н.Е. Номадизм и пасторализм: проблемы типологии и сравнительного анализа сущности понятия // Роль номадов евразийских степей в развитии мирового военного искусства. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: м-лы междунар. науч. конф. (г. Алматы, 22–23 апреля 2010 г.). Алматы: Lem, 2010. С. 5-20.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Наука, 1948. 350 с.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Якерта. М.: Наука, 1962. 286 с.
- Хаас Дж. Пути к государственности // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум (г. Владивосток, 20–27 августа 1995 г.) / Отв. ред. Н.Н. Крадин, В.А. Лынша. Владивосток: Дальнаука, 1995. С. 19-23.

**А. А. Бисембаев,
Р. Ж. Жанузак,
К. А. Жамбулатов,
Г. А. Ахатов**

**Арман Ауганович Бисембаев, abissembaev@mail.ru
Рамазан Жаксыбайұлы Жанузак, rzhanuzak@gmail.com
Кайрат Абаевич Жамбулатов, kairo_88@inbox.ru
Газиз Аманжолович Ахатов, g_akhatov@mail.ru
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан**

Работы последних лет на огузском городище Жезды

Аннотация. В статье рассматриваются предварительные итоги изучения интересного памятника – небольшого городища огузского времени Жезды, расположенного на северных чинках Устюрта. Территория столового плато отличается суровыми природно-географическими условиями. Небольшое укрепленное поселение с возведенными из плит крепостными стенами существовало начиная с периода эпохи бронзы. Однако максимального расцвета поселение достигло в период Государства Огузских джабгу. Об этом свидетельствует культурный слой, заполненный керамикой IX–XI вв. Выделяется слой существования городища в период II–IV вв., подтверждающийся так же сопутствующими объектами на городском некрополе.

Ключевые слова: Огузы, Жезды, Устюрт, городище, караваны, раннее средневековье, Шелковый путь

**Арман Ауғанұлы Бисембаев,
Рамазан Жақсыбайұлы Жанұзақ,
Кайрат Абайұлы Жамболатов,
Ғазиз Аманжолұлы Ахатов,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан**

Оғыз қаласы Жездіде соңғы жылдары жүргізілген жұмыстар

Аннотация. Мақалада Үстірттің солтүстігінде орналасқан оғыз уақытының үлкен емес Жезді қаласы – қызықты ескерткішін зерттеудің алдын ала қортындысы қарастырылады. Үстірт территориясы қатаң табиғи-географиялық жағдайымен ерекшеленеді. Плиталардан тұрғызылған бекініс қабырғасы бар үлкен емес қоныс қола дәуірінен бастап болған. Алайда қоныстың өркендеуі Оғыз Жағбуы Мемлекеттігі кезеңінде шегіне жетті. Мұны IX–XI ғғ. керамикасымен толтырылған мәдени қабат дәлелдейді. Сонымен қатар, қаланың II–IV ғғ. да өмір сүргендігін дәлелдейтін мәдени қабат пен ескерткіш маңындағы жерлеу орындары анықталды.

Түйін сөздер: Оғыздар, Жезді, Үстірт, қала, керуендер, ерте ортағасырлар, Жібек жолы

© 2022 Бисембаев А.А., Жанузак Р.Ж., Жамбулатов К.А., Ахатов Г.А.

*Статья подготовлена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МОН РК 2021–2022, ИРН проекта BR11765630.

Arman Bissembayev,
Ramazan Zhanuzak,
Kairat Zhambulatov,
Gaziz Akhatov,

Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

The results of the work of recent years on the Oghuz settlement of Zhezdy

Abstract. The article discusses the preliminary results of the study of an interesting monument – a small settlement of the Oghuz time of Zhezdy, located on the northern cliffs of Ustyurt. The territory of the plateau is characterized by harsh natural and geographical conditions. A small fortified settlement with fortified walls built of slabs has existed since the Bronze Age. However, the settlement reached its maximum flourishing during the period of the Oghuz Jabgu State. This is evidenced by the cultural layer filled with ceramics of the 9th–11th centuries. A layer of the existence of the settlement in the period of the 2nd–4th centuries is highlighted, which is also confirmed by the accompanying objects on the settlement necropolis.

Keywords: Oghuz, Zhezdy, Ustyurt, ancient settlement, caravans, early Middle age, the Silk Road

Период раннего и развитого средневековья – 2-я пол. I – начала II тыс. Западного Казахстана представляет собой яркий и неординарный, но слабо изученный хронологический отрезок в истории и культуре Казахстана. Это время формирования современных тюркоязычных народов, сыгравшее особую роль в истории Казахстана, на территории которого функционировала специфическая культурно-хозяйственная система – номадизм. Блок письменных источников не позволяет полностью проследить динамику исторического процесса, дать всесторонний анализ культурно-исторических изменений в среде кочевых объединений. Возможность создания объективных исторических построений и реконструкций заключается в комплексном использовании письменных и археологических источников.

Памятники населения раннего и развитого средневековья представлены курганными могильниками, одиночными курганами, грунтовыми и «спрятанными» захоронениями, поселениями, городищами и крепостями, рудниками, религиозно-культурными объектами. Все эти проявления объединены в локальные микрорайоны, сложившиеся на основе природно-географических аспектов, вокруг крупных источников водоснабжения кочевников – рек, озер, родников и колодцев. Археологические материалы 2-й пол. I – начала II тыс. имеют важное значение для разработки вопросов реконструкции хозяйственно-культурного типа, архитектурных традиций, системы погребальной обрядности, идеологических представлений и, соответственно, социокультурных моделей населения середины данного периода.

Вовлеченность населения региона в политические события, протекавшие в евразийских степях, дальние миграции к границам Киевской Руси отражены в большом количестве письменных свидетельств. Вовлеченность кочевых этногрупп Западного Казахстана в общемировые процессы того времени имеет выражение в археологических памятниках. Существующие археологические объекты раннего и развитого средневековья Западно-Казахстанского региона представляют собой богатый информацией источник по истории и культуре.

Если погребальные памятники 2-й пол. I – начала II тыс., т. е. огузо-печенежского времени, в Западном Казахстане относительно исследованы, то поселенческие объекты, городища, поселения, крепости этого периода ранее не исследовались. Поэтому особое значение приобретает исследование укрепленного огузского городища Жезды, приуроченного к району Северного Приаралья.

В VIII–IX вв. территория Западного Казахстана стала ареной борьбы огузского и печенежского объединений. Анализ и сопоставление нарративных источников позволяет прояснить некоторые

аспекты, связанные с хронологическим и географическим распределением памятников. Консолидация огузов в государственное образование и заключение военных союзов позволило им вытеснить печенегов сначала в Волго-Уральское междуречье, а затем далее в Восточную Европу. Дальнейшая канва исторических событий в Приаралье связана с расцветом государства огузов в IX–XI вв., с центром этого государства в Южном Приаралье. Однако письменные источники свидетельствуют о присутствии крупных племен огузов севернее Аральского моря, а Ибн Фадлан сообщает об огузских крепостях Дарку и Даранда в Мугуджарских (Мугалжарских) горах.

В течение последних трех лет, начиная с 2019 г., в сентябре–октябре в силу экстремальных погодных условий Устюрта, проводились археологические исследования в рамках программы Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК, в которой разрабатывалась тема: «Город-ставка Жезды на Донызтау – уникальный памятник государства огузов». В 2019–2021 гг. были проведены исследования средневекового городища Жезды, расположенного на северных чинках Устюрта в 60 км южнее от пос. Дияр (Байганинский р-н, Актюбинская обл.). Цель проекта – исследование городища Жезды и его окружи как древнего и средневекового культурного центра Северного Приаралья.

Период Огузского государства, предвещающий доминирование кыпчаков в степях Казахстана, является важнейшей вехой формирования казахского народа, отраженный в широком пласте устного народного творчества («Книга моего деда Коркута»), объединяющем многие тюркоязычные народы. Памятники, подобные городищу Жезды, в степной зоне немногочисленны и поэтому заслуживают особого, пристального внимания. Особое значение заключается в расположении памятника в урочище Донызтау – месте сосредоточения культовых поздних казахских некрополей, что подчеркивает генетическую связь памятника с последующими линиями развития степной архитектуры. Основные характеристики связаны с изучением яркого памятника государства Огузских джабгу в Северном Приаралье – городища Жезды и сопровождающих его военных форпостов периода рубежа I–II тыс. н.э.

Первые исследования на городище Жезды проводились в 80-х годах XX в. Л.Л. Галкиным [Лошакова 2020], заложившим разведочные шурфы на территории городища, исследовав одно из жилищ, ближе к южной крепостной стене, и квадратный шурф западнее городища, связанный с поисками следов человека периода энеолита–эпохи бронзы. Южнее городища расположен некрополь, оставленный в период основного существования памятника – огузо-печенежский. Подтверждением данному тезису является обнаруженная на некрополе бронзовая пряжка от поясного ремня. Сердцевидная поясная бронзовая бляшка была найдена на площади городища. Некрополь был практически полностью ограблен и разрушен. Степень задернованности грабительских вкопов и скудная растительность Устюрта не позволяют с уверенностью судить о времени разрушения погребений. Некрополь занимает обширную площадку южнее городища. Практически у южной крепостной стены располагаются сложенные из камней городских стен ограды – саганы казахского кладбища с кулпытасами, помеченными тамгами родов Табын и Адай (тамги в виде ключа и стрелы). Материалы исследований позволяют считать, что городище Жезды многослойное. Первыми его обитателями были люди эпохи энеолита и бронзы. Наиболее долговременно памятник существовал в эпоху раннего средневековья. Далее городище, видимо, являлось укрепленным гарнизоном хивинцев или кокандцев до походов генерал-губернатора В.А. Перовского. Исследования, эпизодически проводившиеся в 2013–2017 гг. некоторыми из авторов статьи, были подытожены в предыдущем сборнике IV Конгресса, проходившего в 2019 г. в г. Улан-Удэ (РФ) [Бисембаев и др. 2019]. Далее первые результаты исследований с очерчиванием

перспектив дальнейшего исследования были отражены в материалах региональной Западно-Казахстанской конференции «Кадырбаевские чтения-2020» [Бисембаев и др. 2020: 39-49].

Место расположения памятника - плато Устюрт - имеет значительную часть, находящуюся в пределах Западного Казахстана, в административном выражении здесь сходятся границы трех областей – Актюбинской, Атырауской (бывш. Гурьевская) и Мангистауской (бывш. Мангышлакская). Основными задачами исследования явились полевые археологические исследования на территории городища и погребальных объектов сопутствующего некрополя, систематизация материалов по периоду 2-й пол. I – нач. II тыс. н.э. Актюбинской области. Проведены раскопочные работы на жилищах городища, погребальных объектах некрополя. Выполнена систематизация материалов по периоду 2-й пол. I – нач. II тыс. Проведена разведка памятников, расположенных в округе расположения городища Жезды.

Физико-географические условия Устюрта представляют собой дополнительную иллюстрацию к особенностям археологических памятников, т.к. оказывали значительное влияние на их размещение. В основном археологические объекты сосредоточены у края чинков, хотя определенные группы уходят вглубь плато. На сегодняшний день практически отсутствуют современные населенные пункты, что, с одной стороны, затрудняет исследовательский процесс, с другой, – положительно влияет на сохранность объектов.

Столовое плато Устюрт на западе ограничено чинком, обрывающимся к сорам Оли Колтык, Кайдак и к пониженной части Манкыстау. Южнее эта граница совпадает с бортами впадины Карынжарык и залива Кара-Богаз-гол. Восточный чинк образует берег Аральского моря, затем, огибая дельту р. Амударьи, до Сарыкамышской впадины. В вопросах исследования северных границ Огузского государства наиболее важным является северный чинк, имеющий отчетливое выражение в районе урочища Донызтау. Сами по себе чинки Устюрта представляют собой своеобразный геоморфологический феномен. Их высота изменяется от 100 до 370 м. Только в редких случаях чинки имеют пологий характер до 10-15 м. Верхняя часть чинка (20–70 м) обычно отвесная и даже нависающая. Нижняя – имеет различное строение в зависимости от срезаемых пород, определяющих еще и цветовую палитру чинка. Своеобразный облик рельефу плато придают карстовые формы. Чаще всего встречаются блюдцеобразные, круглые или овальные западины диаметром до 30 м при глубине около 1 м. Они заполнены промытыми почвами и летом хорошо выделяются по растительности. Имеются следы слабовыраженной древней плиоцен–четвертичной гидросети, наследуемой голоценовыми временными водотоками [Клейнер 1970: 301-304]. К крупным формам относятся вертикальные провальные колодцы глубиной 8-20 м и более, диаметром до 25 м. За счет разрастания или слияния колодцев возникают карстовые котловины с поперечником сотни метров. На Устюрте обнаружено около 50 карстовых пещер, обычно начинающихся наклонными ходами, которые на глубине 40-50 м переходят в горизонтальные залы [Кузнецов 1965: 197].

Растительный покров на плато весьма разрежен, уровень биомассы низкий. В видовом отношении преобладают мезофиты и ксерофиты. Для растительности характерны четко выраженная сезонная продуктивность, определенная продолжительность вегетационного периода и зональная зависимость. Общий характер растительного покрова разреженный. Климатические условия и определенные виды растительности оказывают влияние на фаунистический комплекс. Разнообразие экологической ситуации обуславливает дифференциацию животного мира по биологическим особенностям.

Природно-географические аспекты позволяют понять климатическую, геоморфологическую, экологическую ситуацию исследуемого региона. Благоприятные либо неблагоприятные природные условия, несомненно, играли важную роль в выборе места, ойкумены для обитания

людей в различные исторические эпохи. В первую очередь, это геолого-геоморфологический фактор, наличие подходящих, укрытых от холодных ветров, с богатыми выходами сырья площадок, выглядевших «заманчиво» для обживания на фоне суровых условий жизнеобитания. В следующую очередь был важен фактор климата, вместе с ним же водные, растительные и животные ресурсы местообитания. Одним из таких объектов, освоенных человеком в различные исторические эпохи, является небольшое укрепленное городище Жезды, наиболее активно функционировавшее в период Государства Огузских джабгу. Авторам работы приходилось искать оседлые памятники огузов в Мугуджарских горах, исходя из сведений Ибн Фадлана [Ковалевский 1956: 24-29, 121-130], но пока безрезультатно.

Поэтому военное укрепление, крупное по площади (порядка 1,5 га), не потревоженное, оставленное огузами, является важным источником, проливающим свет на многие страницы развитого средневековья, когда противостояние огузов и печенегов в степях Западного Казахстана отражалось на политических аспектах в противостоянии Киевской Руси, Хазарского каганата, Волжской Булгарии. В полевых исследованиях, проводимых в 2015–2016 гг. (кратковременность экспедиций объясняется суровыми климатическими условиями и практически полным безводьем), было исследовано (полностью раскопано) жилище в центральной части городища и три погребальных объекта, различных по хронологической и культурной направленности, составлен и скорректирован подробный топографический план городища, собрано большое количество подъемного материала.

Само городище занимает площадь мысовидного, языкообразного чинка северного склона Устюрта. Наиболее возвышенная и сохранившаяся стена прикрывает городище с юга – самого уязвимого участка, имеющего равнинный характер. Рыхлый грунт у южной стены, со слабой задернованностью, позволяет предположить существование ранее неглубокого рва как дополнительного оборонительного аспекта. Восточный склон обрывистый и отвесный, защитная стена на этом склоне осыпалась в овраг. Северо-западная стена хорошо сохранилась, несмотря на обвал во внешнюю сторону. На ней отчетливо видны сохранившиеся башенки. В целом, башни располагались по периметру крепостной стены. Часть жилищ примыкают к крепостной стене. Жилища небольшие по размеру, примерно 3×4 м в среднем, одно- или двухкомнатные, с небольшими хозяйственными уголками-кладовками.

В северной части выстроена еще одна стена из глинистых уплотнений – опоки. От нее остались два холмообразных возвышения от крупных башен. Возле этой стены прослеживается небольшая свободная площадка, возможно для содержания верховых лошадей. За этой стеной на краю мыса также прослеживаются остатки полуземлянок, сложенных из камней жилищ эпохи бронзы. Подтверждением чему может служить большое количество расслоившихся костей, а также обнаруженные в заложенном шурфе кремневые орудия. По результатам работ 2015 г. можно с уверенностью говорить о многослойности памятника – первыми его обитателями были люди эпохи энеолита и бронзы. Наиболее долговременно памятник существовал в эпоху раннего средневековья. Кратковременное оживление пришлось на Новое время, когда он, вероятно, являлся укрепленным гарнизоном хивинцев или кокандцев до походов генерал-губернатора В.А. Перовского.

Пожалуй, максимально информативной является мусорная свалка за хорошо сохранившейся западной крепостной стеной. Население городища весь период бытования выбрасывало костные останки животных, битую керамику и сломанные вещи за пределы крепости, образовав многослойные отложения, несущие ценную информацию о характере питания населения данного форпоста. Сбор костей животных по слоям из мусорного отвала позволил воссоздать облик окружающей фауны и приоритеты в питании населения раннего средневековья Северного Устюрта

[Косинцев и др. 2020: 276-279]. В силу того, что мусор сваливался по всему периметру северо-западной длинной оборонительной стены, выборочно был заложен раскоп в средней части. Сбор материала, расчистка велась послойно, по горизонтам, около 15-20 см. Держать один уровень по всей площади раскопа было затруднительно, так как мусорный отвал рыхлый по консистенции, сильно насыщен золой и остатками горения. Важным аспектом являлось то, что, кроме собственно раскопок отвала, проводилось исследование характера постройки крепостной стены.

Размеры раскопа составили 3×3,5 м. Раскоп велся согласно методике послойным горизонтальным снятием по 20 см, с последующим просеиванием вынутого грунта. Перед началом снятия последующих слоев площадь раскопа обследовалась металлодетектором (рис. 1).

В ходе работ на дневной поверхности были обнаружены фрагменты каменной кладки внешней городской стены, обвалившейся в результате ее разрушения. Первоначально был расчищен каменный завал и снивелирована поверхность раскопа. Данный слой был зафиксирован как горизонт № 1.

На втором горизонте, глубина 20-40 см, грунт представлен супесью желтовато-серого оттенка с примесью карбонатов. В ходе спуска в засыпи прослеживались фрагменты керамики и костей животных. Также на данном горизонте был обнаружен «балбалтас» - на камне изображено лицо человека. Иконографические аспекты соответствуют тюркским изваяниям, хотя материал изготовления – местный мягкий песчаник. Голова была вмурована во внешнюю оборонительную стену (рис. 2-3).

Рис. 1. Городище Жезды. Общий вид площадки мусорного отвала за северо-западной городской стеной

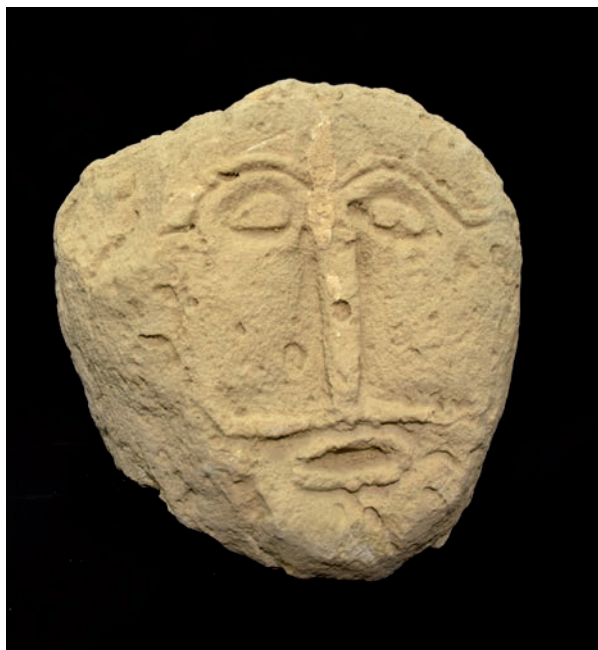

Рис. 2. Голова каменного изваяния, обнаруженная в северо-западной крепостной стене. Фото

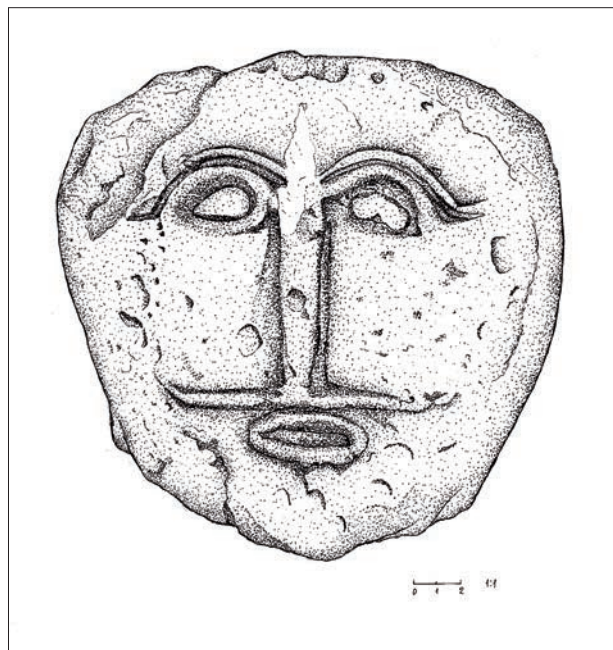

Рис. 3. Голова каменного изваяния, обнаруженная в северо-западной крепостной стене. Прорисовка

Еще одной задачей в ходе раскопа мусорной ямы являлась фиксация внешней городской стены. Каменная кладка стены представляла собой валуны, уложенные друг на друга с использованием суглинка желтоватого оттенка в виде цементирующего элемента. Размеры валунов варьировались от 12 до 25 см в толщину и от 20 до 40 см в ширину. Основание стены было представлено суглинком желтовато-серого оттенка, вероятнее всего использованного как фундамент конструкции.

На горизонте 50 см толщина валунов изменилась и составляла 10-15 см. Также на данном горизонте в северной части стены была обнаружена ниша шириной 18-20 см, вероятно, образовавшаяся в результате ее разрушения. Ширина ниши при спуске на горизонт № 5 (глубина 80-100 см) составила около 30 см. Также в ходе раскопа были обнаружены фрагменты застывшей смолы, выполнявшей роль подстилающего материала под основанием городской стены.

Параллельно велись работы по изучению особенностей застройки жилищ на городище, выявлению конструктивных элементов и планиграфии памятника. Для решения данных задач несколько лет подряд продолжались раскопки жилых помещений, домов, пристроек хозяйственно-бытового назначения и др. объектов. Соответствующим вышеуказанным требованиям и наиболее информативным по необходимым параметрам оказался раскопанный нами в течение двух лет трехкомнатный жилой дом.

Расчистка на участке раскопа производилась послойно, по 25-30 см. В процессе снятия первого слоя убирались завалы камней и выносился грунт, состоящий из пылистого, мелкого песка серовато-белого цвета. Второй и третий культурные слои содержали в себе массовый керамический и остеологический материал.

Комната № 1 имеет узкий вход-коридор, лежанку-суфу и отдельный угол для разведения огня (очаг). Тут следует отметить, что данное помещение состоит из трех строительных горизонтов.

Свидетельством тому послужили результаты послойного углубления в пространство между суфой и северо-восточной стеной помещения. На стратиграфическом разрезе данного участка четко читались горизонты, состоящие, в основном, из строительного мусора.

Второй слой Комнаты № 2 состоял из костей животных и многочисленных фрагментов керамических сосудов (горшков, сосудов и др. типов кухонной посуды). Из найденного массового материала можно отметить наличие орнаментированной и среднеазиатской гончарной керамики. Орнаменты на фрагментах керамики имеют геометрические и растительные мотивы (рис. 4, 1). В центральной части помещения был обнаружен фрагмент бронзового предмета, представленный в виде пластины (размеры: 2,5×2 см). Она очень плохой сохранности, имеет отверстия по краям.

В процессе снятия третьего слоя у северо-восточного угла комнаты был найден мелкий, полупрозрачный камушек алого цвета. Камень хорошо обработан, с одной стороны имеет слегка закругленные, а с другой - заостренные углы. По краям и по углам камушка наблюдаются сколы и царапины. Возможно, данный камень использовался в качестве украшения или является состав-

ной частью ювелирного изделия (например, вставка в перстень). Там же был обнаружен фрагмент железного предмета.

После снятия третьего слоя был расчищен пол, обмазанный плотным глиняным раствором и вследствие этого оттененный серовато-белым цветом от остального заполнения. Данный уровень пола предположительно относится к последнему хронологическому горизонту жилища. Северо-западный угол комнаты использовался как место для разведения огня, о чем свидетельствуют обгорелые края камней угловой кладки. Видимо, костер разжигали на полу,

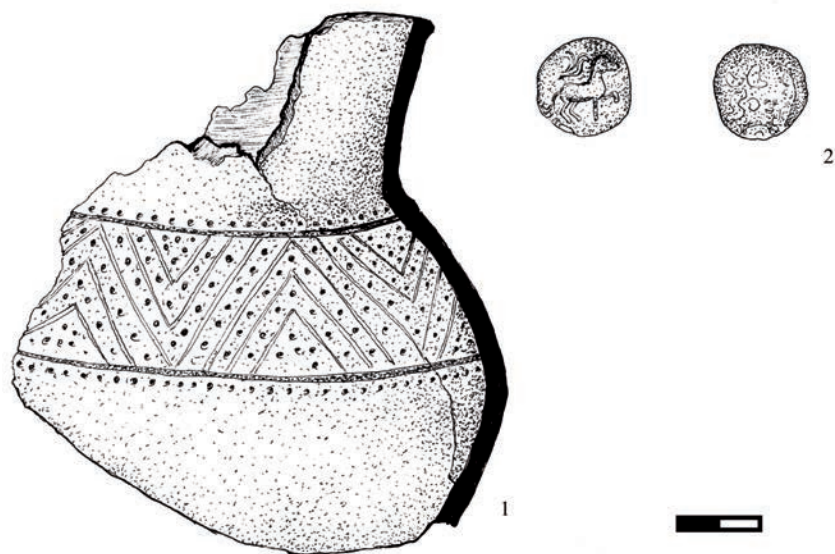

Рис. 4. Городище Жезды: 1 – фрагмент керамического сосуда; 2 – монета

в небольшом углублении. Дно очага прокалено до красновато-коричневого цвета. Очажная ямка в плане имеет треугольную форму размерами 75×97×104 см, глубина 15-20 см. В слабо прокаленных стенках не обнаружили отверстия или другие конструкции для дымохода. Вход в жилое помещение был устроен с уличной стороны городища. Непосредственно проем и небольшой участок перед ним были обмазаны глиняным раствором. Поверх раствора были поставлены плоские камни (в виде плит) небольших размеров.

В процессе зачистки комнаты № 2 было обнаружено два дверных проема, из которых можно было попасть в комнаты № 1 и 3. Дверной проем между комнатами № 1 и 2 был закрыт каменной кладкой с целью разделения двух помещений. В результате такого строительного решения

образовалось два жилых дома с общей стеной. Можно предположить, что дверной проем между комнатами № 2 и 3 функционировал на протяжении длительного времени и был заложен камнями лишь непосредственно перед тем, как жильцы решили покинуть городище.

Комната № 3 имеет интересную внутреннюю планировку и интерьер по сравнению с предыдущими комнатами. Отметим, что восточная стена комнаты воздвигнута у оврага. Верхние слои комнаты содержали уже привычный нам массовый костный и керамический материал. Третий же слой – несколько находок, в т. ч. керамику.

Внутреннее пространство комнаты № 3 можно описать следующим образом. В центральной части помещения был устроен очаг. Он имеет в плане подквадратную форму. Размеры очага: 50×70 см. Место для разведения огня было огорожено вертикально поставленными камнями небольших размеров. На дне очага обнаружена зола, ограждающие его камни прокалены слабо. Вдоль восточной и северо-восточной стен устроена угловая суфа-лежанка, которая состоит из двух частей. Западный край первой суфы укреплен каменной кладкой, которая в свою очередь является разделителем между суфой и предполагаемой кладовкой. Вторая суфа устроена вдоль восточной стены. Первая и вторая суфа также разделены каменной кладкой. Слева от дверного проема был расчищен развал крупной керамической посуды, напоминающий остатки тандыра.

На уровне третьего слоя, рядом с очагом, обнаружена бронзовая монета с изображением копытного животного. Диаметр находки 2,2 см. Левая нога животного слегка приподнята. В верхней части монеты, видимо, изображены рога животного в виде орнаментальных линий. На реверсе монеты прослеживается слабо видимая орнаментальная композиция (рис. 4, 2). Кроме этого, вдоль суфы были найдены: трехсекционные бусы из стекловидной массы, фрагменты бронзовых предметов. Также на различных участках помещения находились мелкие фрагменты бронзовых предметов.

Подводя итоги работ, можно сделать вывод, что исследованное нами жилище первоначально было трехкомнатным. Позднее разделено на две части: однокомнатную и двухкомнатную. В двухкомнатном доме одно помещение предназначалось для жилья, другое для хозяйственных нужд. Этому свидетельствуют особенности оформления внутреннего пространства помещений и их интерьер (рис. 5-7).

Помимо объектов архитектурно-бытового характера, изучению подверглись погребальные памятники, которые вкупе с городищем составляют единый, но разновременный археологический комплекс. В частности, был раскопан «каменный ящик» (ограда, циста), расположенный к юго-востоку от самого городища.

Некрополь городища Жезды можно условно разделить на две группы: группа I, непосредственно у стен городища, западнее его, вдоль северного обрывистого края чинка Устюрта, и группа II, южнее городища на небольшом вытянутом возвышении, идущим вдоль железной дороги Шалкар–Бейнеу. Практически все погребальные сооружения, как группы I, так и группы II, имеют следы преднамеренных разрушений и ограблений. Раскопки были предприняты с целью выявить оставшиеся артефакты для определения хроно-культурной позиции некрополя и самого городища. На части из объектов присутствуют разбросанные обломки керамики, вероятно, выброшенной из погребений. Размеры погребальных сооружений на поверхности варьируют от 3,5×3,5 м до 1,5×1,5 м. Вложены из местного плитняка, камней из материковой плиты (ракушняк) и выветренных обломков. В группе II присутствуют остатки двух самых крупных мавзолеев, сооруженных, вероятнее всего, в период расцвета городища. Группа I сооружалась к моменту упадка памятника, т. к. занимает подъездные пути к главным воротам, что едва ли было бы возможным в период максимального функционирования городища.

Рис. 5. Городище Жезды. Вид на жилой дом

Объект представлял собой прямоугольную камеру (т. н. «каменный ящик»), устроенную из больших каменных плит (рис. 8). Камни установлены на дно могилы вертикально. Таким образом, каменные плиты образуют цисту прямоугольной формы, вытянутую по направлению СЗ–ЮВ. Захоронение было разграблено в древности. Одна каменная плита северо-восточной стенки отсутствует. В процессе снятия грунта были выявлены: фрагменты костей скелета, мелкие обломки керамического сосуда. Кроме этого, на северо-восточной стене были обнаружены клыки животного. На дне могилы от скелета *in situ* сохранились частично только кости нижней конечности. Судя по ним, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на северо-запад.

В связи с тем, что костные останки в ограбленных погребальных сооружениях либо полностью отсутствуют, либо повреждены до степени неопределенности, когда работать с ними невозможно, считаем нужным привести информацию об обнаруженных остатках костей человека из исследованного объекта. Подобные каменные ящики с ориентировкой по меридиану, относящиеся к первым векам н.э., присутствуют во II группе некрополя, на достаточном удалении от стен городища.

С целью получения максимально возможной научной информации об объекте, нами был проведен антропологический анализ обнаруженных костей человека. Индивидуальные характеристики (пол и возраст) определялись с опорой на общепринятые судебно-медицинские и палеоантропологические методические разработки [Пашкова 1963; Алексеев, Дебец 1964;

Рис. 6. Городище Жезды. Жилой дом. Комната № 3

Алексеев 1966; Buikstra, Ubelaker 1994]. Измерения черепа и костей посткраниального скелета проводились с учетом традиционных методических рекомендаций [Герасимов 1955; Алексеев, Дебец 1964; Алексеев 1966].

Скелет принадлежал мужчине, возраст которого можно определить в пределах 20–30 лет. От черепа сохранились лишь следующие кости: фрагмент левой скуловой кости, фрагмент левой каменистой кости, фрагмент нижней челюсти. Кости посткраниального скелета представлены большеберцовыми и малоберцовыми костями, коленной чашечкой, таранной костью и четырьмя фалангами ноги.

Вследствие плохой сохранности фрагмента левой скуловой кости не удалось получить информацию об особенностях лицевой части черепа погребенного. Сохранившаяся часть нижней челюсти имеет следующие параметры: высота симфиза – 34,5 мм, высота тела 34 мм, толщина тела – 12 мм. В нижней челюсти присутствуют: один резец (P_2 правая часть), левый клыки два моляра (M_1 и M_2 левая часть). Данные костные образования были тщательно проверены на наличие зубного камня, стертости и др. патологических изменений. Однако признаки изношенности зубочелюстного аппарата не наблюдались.

Посткраниальный скелет имеет очень плохую сохранность. Большеберцовые кости в удовлетворительном состоянии. Однако отсутствуют их нижние эпифизы. Результаты измерений большеберцовых костей представлены в табл. 1. Сохранившаяся длина малоберцовых костей

Рис. 7. Городище Жезды. Жилой дом. Комната № 3

– 287 мм (Правая), 301 мм (Левая). Высота левой коленной чашки 42 мм, ширина 46 мм. Длина правой таранной кости 82 мм. Так же имеются четыре фаланги, две из них плюсневые, а остальные две являются проксимальными (длина 43 мм, 22 мм).

Таблица 1 – Остеометрические данные

Большеберцовая кость		П	Л
1.	Общая длина	-	-
3.	Наибольшая ширина верхнего эпифиза	83	81
6.	Наибольшая ширина нижнего эпифиза	-	-
8.	Сагиттальный диаметр середины диафиза	34 (?)	32,5 (?)
9.	Поперечный диаметр середины диафиза	24 (?)	25,5 (?)
8а.	Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	38	37
9а.	Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	26	27
9а/8а.	Указатель платикнемии	68,4	73
10.	Окружность середины диафиза	93 (?)	93 (?)
10в.	Наименьшая окружность диафиза	78	78

Рис. 8. Каменный ящик. Некрополь городища Жезды

Таким образом, следует отметить, что проведенные в последние годы работы показали яркость и уникальность данного памятника археологии. Появилась возможность изучения древнейших слоев памятника городской культуры раннего и развитого средневековья. Предварительные материалы показывают, что древнейшие слои городища Жезды сохранили все топографические и архитектурные признаки развитого средневекового города. Уникальность самого объекта исследований обуславливает и значимость получаемых материалов. При дальнейшем исследовании данного археологического памятника, с привлечением данных междисциплинарных исследований, возможно решение вопросов, связанных с выяснением механизмов культурогенеза, направленности эволюции государственных и культурных образований раннего и развитого средневековья Западного Казахстана, формирования государства Огузских Джабгу, реконструкции хозяйственно-культурной системы, в которой определяющую роль играло подвижное, кочевое скотоводство в комплексе с загонной охотой, игравшей значительную роль.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 127 с.
- Бисембаев А.А., Жамбулатов К.А., Ахатов Г.А., Калменов М.Д., Уразова А.Б., Жанузак Р.Ж.* Исследование городища Жезды на северных чинках Устюрта (предварительные итоги) // Кадырбаевские чтения-2020. М-лы междунар. VI науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / Отв. ред. Уразова А.Б. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 39-49.
- Бисембаев А.А., Мамиров Т.Б., Ахатов Г.А.* Огузское городище Жезды на северных чинках Устюрта (предварительное сообщение) // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований. М-лы IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии. Кн. 1 / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ, 2019. С. 19-24.
- Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу: современный и ископаемый человек. Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 28. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 585 с.
- Клейнер Ю.М.* Геоморфология Устюрта // Геология СССР: Западный Казахстан. М.: Недра, 1970. Т. XXI. Ч. I. Кн. 2. С. 301-304.
- Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков: Изд-во. Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького, 1956. 345 с.
- Косинцев П.А., Бачура О.П., Гасилин В.В., Гимранов Д.О., Самашев З., Лошакова Т.Н., Онгарулы А., Бисембаев А.А., Большаков В.Н.* Новые данные о фауне млекопитающих плато Устюрт в голоцене // Доклады РАН. Науки о жизни. 2020. Т. 492. № 1. С. 276-279.
- Кузнецов Ю.Я.* Плато Устюрт как пример карстовой области пустыни // Типы карста СССР. М.: Наука, 1965. С. 186-212.
- Лошакова Т.Н.* История изучения памятников эпохи бронзы Северо-Восточного Прикаспия // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 47-69.
- Пашкова В.И.* Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 155 с.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H.* Standards for data collection from human skeletal remains // Arkansas Archaeological Survey Research. 1994. No. 44. 272 p.

**М. Қ. Тұяқбаев,
Н. Таджибаев**

**Марат Қымызұлы Тұяқбаев,
Нұржан Таджибаев,**
«Әзірет Сұлтан» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі,
Түркістан қ., Қазақстан; marat_tuiakbayev@gmail.com

Сауран археологиялық ескерткіштер кешені

Аннотация. Мақалада Сауран кіші оазисінің қалақұрылысы ескерткіштерінің тарихи қалыптасуы мен топографиясы қарастырылады. Бұл ескерткіштерді 1996 жылдан 2014 жылға дейінгі аралықта «Әзірет Сұлтан» мемлекеттік қорық-музейі мен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты бірігіп ұйымдастырған Түркістан археологиялық экспедициясы толық зерттеген. Отырықшы және қала құрылысы ескерткіші «Сауран» атымен 2200 жыл бойына өмір сүрді. Бұл тарихи ескерткіштер тізбесі ежелгі заманғы Ақтөбе-Сауран I және II ден басталып, әрі қарай ерте ортағасырлық Қаратөбе-Сауранмен жалғасады да, кейінгі ортағасырлық Сауранға дейін жетеді, одан әрі оның өмірі жаңа заманғы Сауранмен аяқталады.

Түйін сөздер: Сауран, Мір төбе, Ақ Орда, бекіністі қамал, кесене, қала

**Марат Кымызович Туякбаев,
Нуржан Таджибаев,**
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет-Султан»,
г. Туркестан, Казахстан

Сауранский комплекс археологических памятников

Аннотация. В статье рассматриваются история возникновения и историческая топография градостроительных памятников Сауранского микрооазиса. Эти памятники были исследованы с 1996 по 2014 г. Туркестанской археологической экспедицией, организованной музеем-заповедником «Азрет Султан» и Институтом археологии им. А.Х. Маргулана. Памятники оседлости и градостроительства под единым названием «Сауран» просуществовали в течение 2200 лет. Начинается эта цепь памятников с позднеантичного Актобе-Сауран I, II и продолжается раннесредневековым Каратөбе-Саураном, позднесредневековым Саураном, заканчивается Новым Саураном Нового времени.

Ключевые слова: Сауран, Мир тобе, Акорда, крепостная стена, мавзолей, городище

**Marat Tuyakbayev,
Nurzhan Tadzhibayev,**
State Historical and Cultural Museum-Reserve “Azret-Sultan”,
Turkestan, Kazakhstan

Sauran Complex of Archaeological Monuments

Abstract. The article discusses the history of the origin and historical topography of urban monuments of the Sauran micro oasis. These monuments were investigated from 1996 to 2014 by the Turkestan Archaeological expedition organized by the Azret Sultan Museum-Reserve and the Margulan Archaeology Institute. Monuments of settlement and urban planning under the single name “Sauran” have existed for 2200 years. This chain of

monuments begins with the late antique Aktobe-Sauran I, II and continues with the early medieval Karatobe-Sauran, late Medieval Sauran, and ends with a New Sauran of the New Time.

Keywords: Sauran, Mir Tobe, Akorda, fortress wall, mausoleum, settlement

Сауран археологиялық ескерткіштер кешені нысандар тобынан: Қаратөбе-Сауран, кейінгі ортағасырлық Сауран және Жаңа Сауран сияқты қалалардан, Міртөбе қонысынан, 250 кәріз, канал, арық, бақтар және егіс танаптарынан, 350 қонысжайлардан (усадыба), мазарлардан тұрады [Тұяқбаев 2016: 93–96].

Бұл ескерткіштердің өмір сүру кезеңдеріне келсек, ең ежелгісі ретінде Қаратөбе-Сауранды атаймыз, қазба оның ең төменгі құрылыс қабатына жеткен жоқ. Жер бетінен жинап алынған және іргесін су шайып төменгі құрылыс қабаты ашылып қалған жерлерден жиналған керамика бөлшектері IV/V–XIII/XIV ғғ. жатады, алайда, бұл алдын ала шартты түрде мерзімдеу. Біз Қаратөбе-Сауранның ең көне бөлігі ортасында орналасқан төрт бұрышты цитаделінің астында орналасқан болуы керек деп есептейміз.

Ескерткіштің өмір сүру кезеңін IV–XIV ғғ. деп емес, қаланың көне бөлігі Ұлы Жібек жолының бағыты алғаш рет осы тұстан өткен б.д.д. II-I ғғ. қалыптасқандықтан, б.д.д. II/I ғ.–XIV ғ. деп түзеткен жөн. «Түркістан оазисінің ерте және кейінгі ежелгі дәуірдегі қалалары мен қоныстары» (1-сур.) атты археологиялық карта бойынша Қаратөбенің сол жағында бір фарсақ (6–7 км тең) жерде Ақтөбе-Сауран I, II бекініс қалашықтары орналасқан, бұл екеуі де б.д.д. I ғасырдан б.д. IV-V ғғ. аралығында өмір сүрген, ал, Қаратөбенің оң жағында екі фарсақ (14 км) жерде ежелгі Шорнақ қаласы, одан әрі тағы екі фарсақ (12,5 км) жерде Сидақата қаласы орналасқан. Шорнақ б.д.д. I ғ. мен IV–VI ғғ. арасында өмір сүрген, ал Сидақ ата қаласының солтүстік-батыс беткейіне жүргізілген қазба қала қорған қамалының үстінен түсіп, қорған іргесі I ғ. қаланып VIII ғ. дейін үш рет қайта салынып, биіктігі 20 метрге дейін жеткенін көрсетті. Қаланың қорған ішіндегі мәдени қабаты бұдан да ерте – б.д.д. II-I ғғ. көрсететініне сенімдіміз. Сидақ ата мен Ясы-Түркістанның ортасында Оқжетпес бекінісі бар. Ол Сидақ атадан бір фарсақ (6,5 км), Ясыдан екі фарсақ (14 км) жерде, Ясыдан әрі қарай (Шымкент бағытында) бір фарсақ жерде (7 км) Төркүлтөбе бекінісі, одан әрі қарай екі фарсақтан аса жерде (15 км) Майбалық қаласы орналасқан. Бұл бекіністердің мерзімделуіне келсек: Оқжетпес – б.д.д. I ғ. – б.д. IV-V ғғ., Ясы – б.д.д. II-I ғғ. – б.д. XIV-XIX ғғ., Майбалық – б.д.д. II-I ғғ. – б.д. IV-VIII ғғ. аралығында өмір сүрген, ал, Төрткүлтөбе бекінісінде қазба жүргізілмеген, алайда, оның да мерзімделуі жоғарыдағы ескерткіштермен шамалас екендігіне сенімдіміз. Археологиялық картада бұл ескерткіштер бір түзудің бойында (Ұлы жібек жолы) әрбір 6-7 км мен 12-14 км қашықтықтарда орналасқан [Тұяқбаев 2011: 319–324].

Ұлы Жібек жолы бойындағы бекіністердің (форпост) ара қашықтығы 1-2 фарсақтан болуы ауыр жүк тиеген керуендердің түйелерін және аттарын әрбір 12-14 км бір шалдырып, суарып, аяғынан жарақат алған не ақсаңдап қалған көліктерін ауыстырып, жүгін қайта тартып, әрі қарай қозғалуға арналып есептелген. Егер кеш батып бара жатса жүктерді түсіріп қонатын болған, себебі, түнде шабуыл жасайтын қарақшы-баукепелер ол заманда көп болатын, әсіресе өзен-өткелдерінде, қалың жыныс тоғайларда керуендер көп зардап шегетін. Сондықтан, әрбір бекіністе қарулы әскерлер тобы керуендерді келесі ат шалдыратын бекініс – бекетке дейін жеткізіп салып отырған. Бекіністер, негізінен өзендер мен жылғалардың жағасына саланған, мысалы: Ақтөбе-Сауран бекінісі –Тастақсай өзені бойында, Қаратөбе-Сауран қаласы – Майдантал, Шорнақ қаласы – Игілік, Сидақ ата қаласы – Аша, Оқжетпес бекінісі – Қарсақты, Иасы қаласы – Тастақ, Төрткүл бекінісі – Шаға өзені бойында, ал Майбалық қалашығы – Атқы (Иқансу) өзені жағасына орналасқан. Бұл уақыт өте келе, осы маңда егіншілікпен айналысқан халықтардың бекіністердің айналасына жақын қоныстануына ықпал етті, себебі, жау келе қалса бекініске жасырынуға, ондағы әскерге

1-сур. Түркістан оазисіндегі антикалық кезенінің қалалары мен елді мекендері

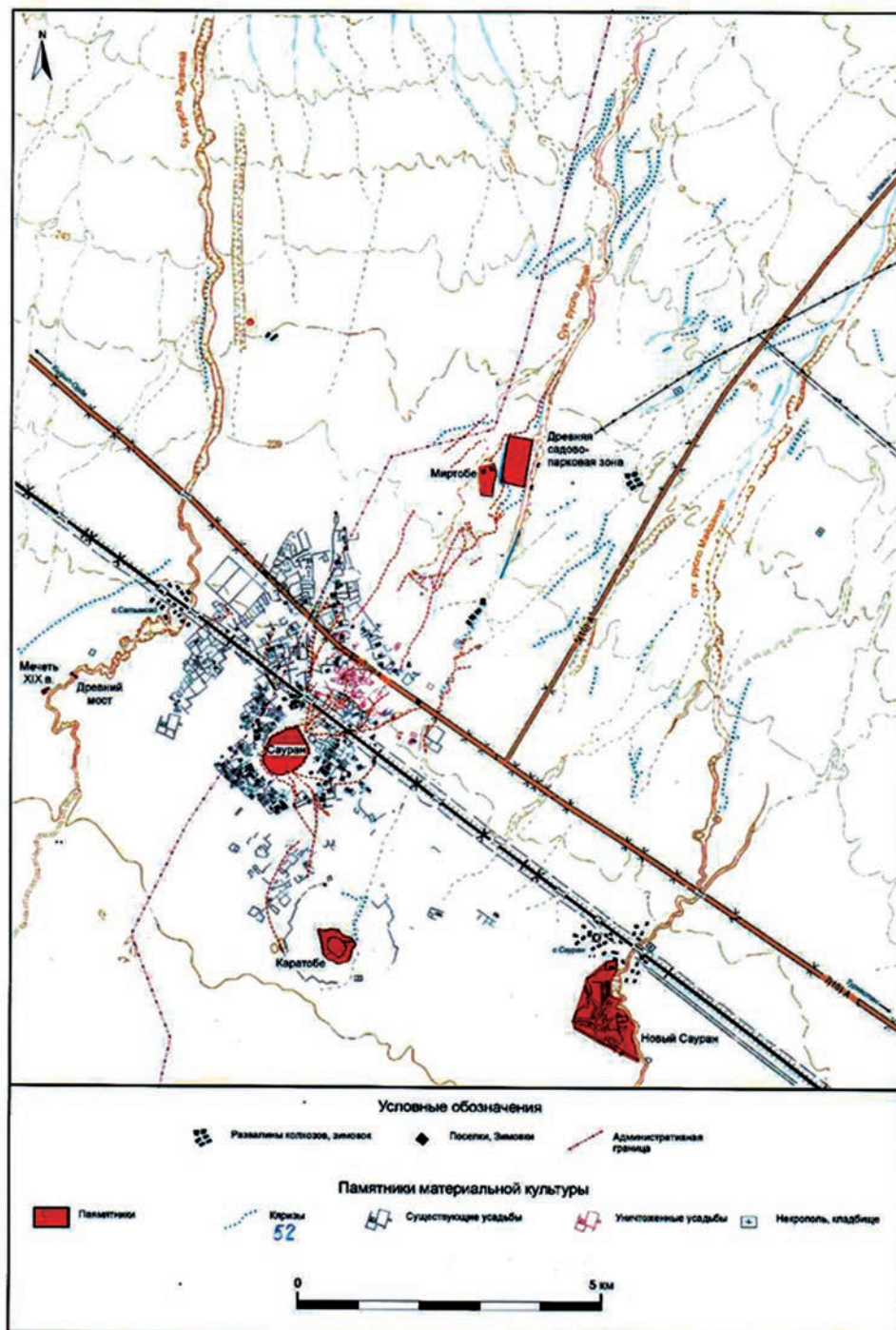
арқа сүйеуге, түрлі жұмыстарын атқарысуға мүмкіндік мол болды. Осылайша, кешегі кішігірім бекіністер қоныстарға, қалаларға, тіпті Түркістан, Иқан, Сидак ата, Қаратөбе сияқты аса ірі қалаларға дейін өсіп ұлғайды. Мұның ішіндегі Қаратөбе XIV ғасырда кейінгі бекіністі Сауранға, XVIII ғ. одан оңтүстікке қарай 10 км жердегі Ашылған өзені бойында салынған Жаңа Сауран қаласына көшіп, 1930 ж. дейін тұрақтайды және атақты «Сауран мал базарын» қалыптастырады. Күз айларында бұл базарға бүкіл Орта Азиядан, Ресейден тауарлар, Созақ, Мойынқұм, Сарыарқадан есепсіз мал әкелініп саудаға салынатын [Тұяқбаев 2009: 133-137] (2-сур.).

Ясы қаласы XIV ғ. кесененің батыс бетіне түскен көлемі 34 га жаңа мекенге көшіп қонады да, XIX ғ. 88,7 га мегаполиске айналады, ал оны қоршаған рабады 1000 га жетіп, оның сыртынан 70 бақ қоршап тұрған [Добромыслов 1912: 50].

Майбалық VIII ғ. араб шапқыншылығы кезінде қирап, халқы үш шақырым жердегі Иқанға көшеді де, XVIII ғ. Ұлы жүз ханы Тұрсын хан мен оның ұлы Барақ хан астанасы қызметін атқарған ірі қалаға айналады.

Осы Ұлы Жібек жолы бойындағы Ақтөбе-Сауран, Шорнақ, Сидак ата, Оқжетпес, Ясы, Майбалық ескерткіштерінің барлығы зерттеліп, б.д.д. II-I ғғ. қалыптасқандығы дәлелденді, қалған Қаратөбе-Сауран мен Төрткүлдің дәл мерзімін анықтау таяу жылдары іске аспақ. XIX ғ. аяғы – XX ғ. басы салынған Орынбор-Ташкент темір жолы осы Ұлы Жібек жолы бойымен Түркістанға дейін келіп, осы жерден оңтүстікке қарай (Арыс-Ташкент бағыты) бұрылады. Ақтөбе-Сауран қалалары

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА САУРАН

2-сур. Сауран кешенінің ескерткіштері

тұсында Сатымсай разъезі орналасқан, одан 9 км төмен қарай Қаратөбе-Сауран қаласына жақын 30-разъезд, тағы 8 км жерде Сауран разъезі, одан 9 км соң Шорнақ стансасы, 10 км соң 32-разъезд, 7 км-де Түркістан стансасы орналасқан, ал, Түркістанан Арысқа дейін 10 разъезд, бір станса (Темір) жайғасқан, бұлардың да ара қашықтығы 7, 8, 9, 10 км-ден аспайды. Орта ғасырлар өлшемімен есептесек, бір, бір жарым фарсақ сайын бір бекет салынған. Бұл сол заманғы паровоздар сүйреген составты қосалқы жолға тоқтатып, қарсы келе жатқан составты өткізіп жіберу үшін жасалған және паровоздарға су құю, көмір тиеу үшін де қажет болған, яғни, ортағасырлық керуендерге бекініс-қалашықтар қалай қызмет атқарса, бұларда паровоз-керуендерге сондай қызмет көрсеткен. Шын мәнінде бүгінгі жаңалық кешегі ұмытылған болмыстың көлеңкесі ғана [Тұяқбаев 2007: 36–39].

Қаратөбе-Сауран қаласы. Қала жайлы алғашқы дерек X ғ. өмір сүрген географ әл-Мақдиси (Мұқадиси), әл-Истахри, ибн Хаукал, XI ғ. өмір сүрген Махмұт Қашқари, XIII ғ. авторлары, әл-Асир, Якут әл-Хамави, армян патшасы Гетумның жолжазбасында кездеседі. XV-XVI ғғ. деректер Сауранның екінші кезеңі, яғни, кейінгі ортағасырлық қорған қамалы сақталған үлкен Сауранға қатысты.

XIV ғ. бірінші жартысындағы Ақ Орданың астанасы болғандығы және оның билеушісі— Сасы Бұқаның осында жерленгені жайлы деректер Қаратөбе-Сауранға қатысты екендігі түсінікті. Алайда, бұл тұста – XIII ғ. соңғы ширегі мен XIV ғ. бірінші жартысында Үлкен Сауранның құрылысы басталып та кеткен болатын. Сірә, Сасы Бұқа 1320 ж. қайтыс болған соң, Қаратөбе-Сауран маңындағы Садуақас ата, Жалаулы ата және Сарай ата мазарларының біріне жерленеген болуы керек, ал, оның ұлы Ерзен хан (1320-1345 жж. билік құрған) тарихтан белгілі құрылыстар – мешіт, медресе, ханакаларды Үлкен Сауранға салдырған деп есептейміз. Қаланың жаңа орынға (солтүстік-батысқа қарай 3 км жерге) көшіп қонуы XIV ғ. табиғи құбылыс – Каспий суының көтерілуі мен Арал суының тартылуы салдарынан болғандығын бүгінде ғалымдар дәлелдеп отыр. Мұны ғылымда Каспийдің трансгрессиясы (суы көтерілуі) мен Аралдың регрессиясы (тартылуы) деп атайды. Жер шарының геологиялық тарихында мұндай құбылыстар негізінен таулардың түзілуіне байланысты есепсіз көп болған. Жер қабатының тектоникалық қозғалысы белгілі бір аймақтың өзінде-ақ үлкен өзгерістерге әкеп соғатыны белгілі. Каспий мен Арал суларының бір-біріне қарама-қайшы әсер ететіні белгілі, яғни, бірінің суы көтерілсе екіншісі төмен түседі. XX ғ. 60 ж. бұл құбылыс үздіксіз жүріп келеді. XIV ғ. басталған Каспий трансгрессиясы мен Арал регрессиясы XVI ғ. дейін тоқтамай, сол тұстағы жазба деректерде Арал теңізінің тартылғаны сонша, теңіз батпаққа айналып кеткендігі айтылады. Тап осы кезеңде тартылған жерлерді ел қоныс етіп, кесенелер, мазарлар пайда болады.

Сырдария мен Әмудария өз арналарын үздіксіз өзгертіп отырған, мысалы, алғашқы қауымдық құрылыс кезінде Сырдария Қызылордадан төменірек тұста кілт батысқа бұрылатын Іңқардария арнасымен, ерте ежелгі дәуірде сәл жоғарырақ түскен Жаңадария арнасымен, кейінгі ежелгі дәуірмен ерте орта ғасырларда Көне Қуаңдария арнасымен (Жеті асар мәдениеті мен Асарлар атты қалалар үстімен), ал, XII–XVI ғғ. қайтадан Жаңадария арнасымен ақса, тек XVII–XIX ғғ. қазіргі күнгі арнасына түседі. Әмудария мен Сырдария ежелгі дәуірде (б.д.д. VI-II ғғ.) Арал теңізінің оңтүстік-шығысында Әмудің Ақшадария саласымен Сырдың Жаңа дариясы қосылып бір теңізге құйылған. Каспийдің суының XIV ғ. екінші ширегінде көтерілуі себепті солтүстік жағаға жақын қалалардың біразы орын ауыстыруға мәжбүр болды. Алтын Орданың Еділ өзені бойындағы ірі қалалары, астанасы Сарай Берке жаңа орынға көшіп, Сарай әл-Жадид (Жаңа Сарай) деп аталады.

Ал, Сыр бойындағы, әсіресе орта ағысындағы қалалар Арал теңізінің тартылуы салдарынан зардап шекті. Бұрындары суы мол дариядан каналдар тартып, Қаратаудан аққан өзеншелер,

жылғалар, бұлақтар суын пайдаланып келген қалалар мен қоныстар су тапшылығына тап келді. Жер асты сулары төмен түсіп, табиғат қуаңшылық жағдайға ұшырап, егіншілікпен айналысатын қала, қоныс тұрғындары әлі де аздап суы бар, жер асты суын кәріз жүйесімен жер бетіне шығаруға мүмкіндігі бар, тау өзендері мен жылғаларына жақын көшіп қонды. Мұндай жағдайды Түркістан шұратындағы Сауран, Қарашық, Қарнақ, Иқан, Құшата, Оранғай қалалары мен қоныстар кешендері бастан кешіп, орын ауыстыруға мәжбүр боды. Алайда, XVI-XVII ғғ. жазба деректерде Үлкен Сауранның айналасы кәріздер арқылы-ақ суарылып, өзеншелер қайта суы молайып, қалың ағашты, бау,бақша, егістік басқан жайлы жерге айналғандығын жазба деректерден көреміз.

Қаратөбе-Сауран қаласының ең сыртқы қорғаны төбе жиегінен есептегенде 700-1000 м жерден төбені қоршап орналасқан, бұл әл-Мақдиси жазып кеткен қаланы қоршаған жеті қорғанның ең сыртқысы болуы керек. Оның қоршаған аумағының көлемі 252 га шамасындағы қаланың «рабад» деп аталатын бөлігі, мұнда қала тұрғындары бау-бақшамен, егіншілікпен айналысқан. Бұл территориямен солтүстіктен оңтүстікке қарай екі терең жылға, бір кәріз жүйесі өтеді. Қорғанның жалпы ұзындығы 5 км 400 м-ге тең [Байпаков, Смағұлов 2005: 7-13] (3-сур.).

Екіншісі қорған емес биік дуал, негізгі төбеден 150–200 м қашықтықта бес бұрышты геральдикалық қалқан формасын қалыптастыра орналасқан. Жалпы көлемі 34 гектар (630×550 м), бұл да ішкі рабад жері ойпаттау, егістік іздері, құрылыс қирандылары байқалады, дуал ұзындығы 1980 м тең болған.

Үшінші қорған қамал қаланың өзін (төбені) қоршай оның жиегімен өткен. Бұл қаланың шахристан бөлігі, жалпы көлемі 7,5 га, қаланы қоршаған су толы орымен қосқанда 9,8 га. Ордың жиегін кеңейтіп саз балшық (құрылысқа) ала берген соң, ені шығыс бетінде 50-80 м дейін жетіп, сайға айналып кеткен. Қалаға енетін үш қақпа ізі сақталған. Қорған қамал ұзындығы 820 метр.

Төртінші қорған қала шахристанының ортасына орналасқан цитаделді (арк, кремль, орда) қоршай салынған, өлшемдері 100×115 м (1,1 га). Шахристанның айнала қоршаған жазықтықтан биіктігі 4-5 м, ал, цитаделі 8-10 м жетеді. Қала билеушілері Қартөбені тастап (3 км) 1320-1345 жж. арасында солтүстік беттен Үлкен Сауранды салуды бастағанын және

3-сур. Қаратөбе–Сауран қалашығы

құрылыстың үздіксіз жүргізілгенін 2003 ж. цитадель мен оның сыртына түсірілген археологиялық барлау қазбасы көрсетіп берді. Мұндағы қазба қала тұрғындары ұзақ жылдар бойы цитаделдің сыртын қоршай қалыңдығы 4 м-ге жеткен күл, қоқыс төгіп келгендігін көрсетті, сірә, құрылысты қоршаған орда, құрылыс та күлмен көмілген сияқты. Ал, қала халқының үлкен Сауранға көшуі XIV ғ. 2-жартысынан бастап аяғына дейін созылған, тіпті, XV ғ. басына жататын шырағдан фрагменті мұндағы халықтың көшуі тым ұзаққа созылғандығын көрсетеді.

Үлкен Сауран қаласы (кейінгі орта ғасырлардағы Сауран, XV–XIX ғғ.). «Үлкен Сауран» деп атаған себебіміз, бұл қала «Сауран» атауымен анықталған үш қаланың ең үлкені, оның қорғанмен қоршалған шахристанының өзі 50 га аумақты алып жатыр, ал сыртын қоршай орналасқан рабадымен есептесек 10,8 км² шамасында болады. Қаланың жан-жағын қоршай 1400 м-ден 1600 м-ге дейін өте тығыз орналасқан, әрқайсысы 1,5-1,8 га жерді алып жатқан 350-ден астам үй-жайлар, бау-бақшалар (усадыба) бар. Олардың сыртқы шекарасымен түзу сызықтар сызып, жалпы ұзындығын шығарсақ 11 км 400 м жетеді. Осы орта ғасырлардағы ең үлкен қалалардың бірі – Сауран қаласын Ақ Орда хандары 1428 ж. дейін қол астында ұстап, біраз уақыт астана болды. Алайда, 1370 ж. баста Ақ Ордаға қарайтын Сыр бойы қалаларын Әмір-Темір өзіне қаратуға тырысты. Ақ Орда билеушісі Орыс ханның (1361-1376 жж.) Маңғыстау билеушісін өлтіріп, оның ұлы Тоқтамыс сұлтанның Әмір Темірге қашып келуі Темір үшін соғысты бастауға басты себеп болды. Темір Тоқтамысқа әскер беріп Сыр бойы өңірін, ондағы Отырар, Сауран, Ясы–Түркістан қалаларымен қоса Ақ Орда астанасы Сығанақты да сыйға тартты. Тоқтамыс 1374-1375 жж. Ақ Ордадан екі рет күйрей жеңіліп, Темірге қайта қашып келді. Темірдің Орыс ханға қарсы жеке өзі әскер бастап шығуына тура келді. Темір әскерімен Отырар маңына, Орыс хан Сығанақ маңына тоқтап, үш айға жуық қарама-қарсы тұрып, ақыры соғыспай-ақ кері шегініп кетті. Орыс хан көп ұзамай қайтыс болды (1376 ж.). Темір Сауранға Тоқтамысты хан етіп отырғызды. 1377 ж. ол тағы да Темір әскерінің көмегімен Сығанақты да басып алып, 1378 ж. Орыс ханның ұлы Темір Мәліктің қолын жеңіп, Ақ Орданың шын мәніндегі билеушісіне айналды. 1388-ші жылы Тоқтамыс Моғолстан билеушісімен саяси одақ құрып, Темір иелігіне басып кіреді. Темір мен Тоқтамыс әскерлері 1391 және 1395 жж. кездесіп екеуінде де Тоқтамыс күйрей жеңіледі.

Сыр бойы қалалары Темір мен оның әулеті қол астына өтеді де, 1404 ж. бастап Ұлықбектің ұлысына енеді. 1419 ж. Ұлықбек Орыс ханның немересі Барақ сұлтанға Оқ Орда билігі үшін күресте жәрдем береді және Барақ сұлтан 1425 ж. билікті басып алады. 1426 ж. Барақ Сыр бойы қалаларын да қайтаруды талап етіп, Ұлықбек әскерімен соғысып жеңіске жетеді. Сауран мен Сығанақ тағы басқа ұсақ қалалар Барақтың иелігіне өткенімен, 1428 ж. ол өзі кісі қолынан қаза тауып, Ақ Орда хандығы өмір сүруін тоқтатып, Ноғай Ордасы мен Көшпелі өзбек-қазақ ұлысына бөлініп кетеді. Тарих сахнасына Жошы тұқымы Шәйбәни ұрпағы Дәулет шайх ұлы Әбілхайыр шықты. Бұл кезде Алтын Орда бес кішігірім ұлысқа бөлініп, Сығанақтан Сарай әл-Жадидке дейін, Еділден Обьқа дейін, оңтүстігінде Сырдан-Ертіске дейінгі жерлерді алып жатты. Солтүстік шығыстағы Обь, Ертіс Тобыл өзендері бойы мен Түмен түбіндегі Тура өзені жағасындағы Тура қаласы Әбілхайыр ұлысына қарады. Әбілхайыр хан аз уақыттың ішінде Махмуд қожа, Мұстафа хан, Жұмадық хандар билеген ұлыстарды өзіне қаратып үлгерді. Мұндағы тұрғындардың «өзбек» деп аталуы Алтын Орда ханы Өзбектің атына қатысты екендігі дәлелденген, бірақ, әлі этноним болып қалыптаспаған еді. Бұл мемелекет 1446 ж. оңтүстіктегі Хорезм, Сыр бойы қалалары – Созақ, Сығанақ, Аққорған, Арқұқ, Өзгент қалаларын өзіне қаратып үлгерді. Алайда, Сауран, Ясы, Отырар қалалары Темір әулеті қолында қалды. Бұл қалалар үшін Ақ Орда, Моғолстан, Темір әулеті ұзақ уақыт соғыстар жүргізді. Бұл күреске 1570 ж. Қазақ хандығы араласып, ақыры 1598 ж. бүкіл Сыр бойындағы 32 қаланы өзіне қаратты, ал 1815 ж. Қоқан әмірі бұл қалаларға иелік ете бастаған кезде Үлкен Сауранды

тұрғындары тастап кете бастаған болатын. Ресей әскерлері 1864 ж. қоқандықтардан тартып алған кезде Үлкен Сауранда бар-жоғы 5-6 жанұя ғана қалған еді. Қала оңтүстік шығысқа қарай 7 км жердегі Ашылған (Майдантал) өзені жағасына қоныс аударып, Жаңа Сауран қонысы деп атала бастады [Тұяқбаев 2009: 106-112] (4-сур.).

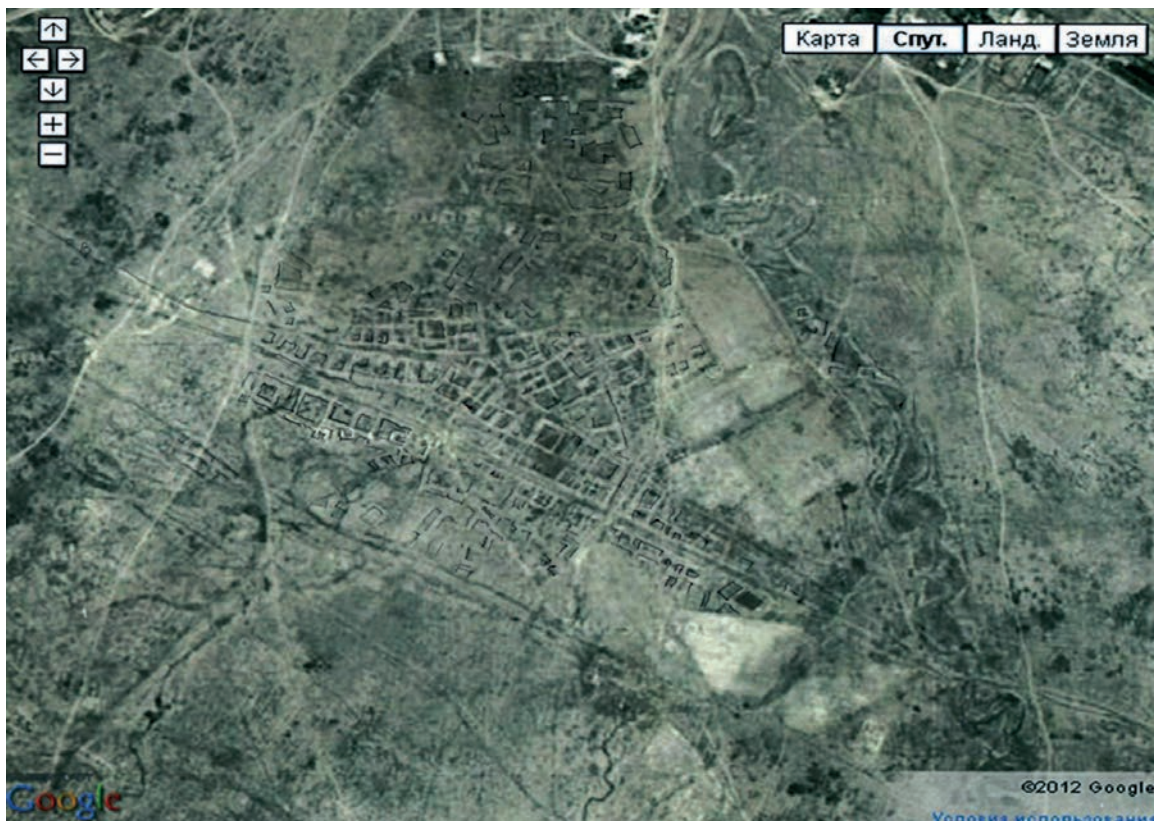
Жаңа Сауран қонысы. Қоныс темір жолдың № 30 разъезінен оңтүстікке қарай 500 м жерде көне Жібек жолы (Шорнақ пен Қаратөбе–Сауранды жалғайтын) бойының екі бетіне созыла орналасқан. Оның ұзындығы 1020 м, ені 350 м-ден асады. Бұл төрт бұрышты, тік бұрышты формада биік дуалдармен қоршалған тұрғынжайлар (усадыба) тығыз орналасқан қоныс. Әрбір тұрғынжайдың көлемдері 0,5 гектардан 1 га. дейін ауытқиды. Орталық бас көшеден (Жібек жолы) перпендикуляр түрінде екі жаққа қысқа көшелер тарайды, бас көшеге параллель көшелер де кездеседі. Қоныс ортасында көлемі 100×35 м базар алаңы сақталған, оны қоршай дуалмен қоршалған кішігірім үй-жай аулалары орналасқан. Олардың көлемі 20×25 м, 40×45 м, 35×40 м, 45×55 м, 65×65 м, 80×100 м, оларды қоршаған дуалдар пахса мен кесекті кезектестіре отырып қаланған, биіктіктері

215–225 см арасында болып келеді. Пахсалар ромб секілді қисық және тік төртбұрышты бөліктерден тұрады, өлшемдері 80×65×45, 80×50, 60×45, 70×55, 45×25 см, ал олардың арасына қиялап немесе жатқызып қалаған кесектердің өлшемдері 40×20×12, 30×19×10 см болған. Үйлері өте үлкен, бөлмелерінің өлшемдерінің өзі 5×5, 5×6, 6×8 м аралығында. Үйлер мен дуалдардың сапасы өте мықтылығы арқасында бұдан 80 жыл бұрын тастап кеткен қоныс (1940-жылдар) әлі күнге дейін жақсы сақталған. Қасындағы № 30 разъез бен т. б. жерлерге көшкен халық, айналасындағы колхоз, совхоздар бұл қоныстан үздіксіз кесек, топырақ алып келген. Қазіргі көлемі 35 гектардан асатын бұл қоныс 2 м биіктікте орналасқан. Орталық көше (Жібек жолы) ені – 20 м, ұзындығы – 1,5 км. Қоныс пайда болысымен (XIX ғ. басы) мұнда Оңтүстік өлкедегі ең үлкен мал базары қалыптасады. Жетісу, Созақ, Сарыарқа, Сырдың сол жағасы малшылары мен Ташкент, Самарқан, Бұхара, Хорезм егіншілері, қолөнершілері өз тауарларын алып келетін бұл базар – жәрмеңке көктем, жаз айларында, тауар жиналатын сауда нүктесіне

4-сур. Сауран қалашығы

айналған. Орынбор – Ташкент темір жолы салынған соң (1890-1905 жж.), бұл базарға Ресейдің оңтүстік қалалары мен Мәскеудің өзінен үй тұрмысына, ауыл шаруашылығына, кен өндіруге арналған т. б. тауарлардың жүздеген түрі ағыла бастады. Базар 1930-жылдардың соңына дейін жұмыс істеп, тек соғыстың алдында ғана жұмысын тоқтатқан, тұрғындары колхоздар мен темір жол бекеттеріне көшіп кеткен. Бұған қазба кезінде қоныстан 1924 ж. кеңес өкіметі тұсында соғылған 5 тиындықтың табылуы куә, ең төменгі құрылыс қабатынан XVIII ғ. аяғына тән керамика көптеп табылды [Тұяқбаев 2009: 112-114] (5-сур.).

5-сур. Жаңа Сауран қонысы

Мір төбе қонысы. Жоғарыдағы Қаратөбе де, Үлкен Сауран да кәріз жүйесімен суландырылғаны айтылды. Ғылымда Түркістан шұратында кәріз жүйесі XVI ғ. бастап пайда болған деген ұғым бар. Қаратөбе–Сауранның XIV ғ. Үлкен Сауранға көшіп қонғанын және оның да кәріз жүйесімен суландырылғанын ескерсек, суландырудың (қала мен егістікті) бұл тәсілінің көп бұрын қалыптасқанын байқаймыз. Тіпті, Сауран қалалар кешенінің солтүстік-батыс шекарасында оналасқан Талап ауылының түбінде «Метан кәріз» деген кәріз жүйесінің ізі қалған, ал атақты археолог Әлішер Кемелұлы Ақышев «Метан» сөзі көне сақ тілінде «қоныс» дегенді білдіреді деп санайды. Бұдан кәріз жүйесі бізде сақ дәуірінен бері келе жатыр деген қорытынды жасалмайды, алайда, Сауран топонимикасындағы ең көне атау сақ дәуірінен бері сақталған деген пікірге келуге болады. Шын мәнінде кәріз жүйесі Таяу Шығыста бұдан 3000 мың жыл бұрын пайда болып,

Арабия түбегіне, Ауғанстан, Иран, Қашқарияға кеңінен тараған. Орта ғасырларда (VI-VII ғғ.) Орта Азияға да тарап Түркіменстан, Тәжікстан, Өзбекстанда кәріздер жүздеп саналады, олар Кеңес дәуірінде де, қазіргі заманда да жұмыс істеп тұр. Түркіменстанда Исберзен, Хан кәріз, Дәу, Ишан, Бұхарада Нұрата маңында, сондай-ақ, Әзірбайжанда 812 кәріз жүйесі бар. Иранда ұзындығы 50 шақырым кәріздер кездеседі, Тегеран әлі күнге кәріз арқылы ауыз сумен жабдықталған.

Түркістан шұратында Сауран, Майдантал, Бабайқорған, Қосмезгіл, Қарнақ, Қотырбұлақ, Түркістан, Иқан, Шобанақ, Қарашық т. б. қалалар кәріздер жүйесімен суландырылған, ең көбі Сауран маңында шоғырланған, мұндағы 250 кәрізді бір-біріне жалғасақ, 150 км асып кетеді. Ең ұзыны – Ленин кәрізі 8 км созылып жатыр. Мір төбе қонысы Үлкен Сауранды ауыз сумен, бау-бақша, егістікті суармалы жүйемен жабдықтау үшін салынған. Тарихи деректер бойынша, бұл кәрізді осы жерден шыққан, Самарқанда тұрған аса бай жер иесі Мір-Араб салдырған деген дерек бар. Кәріз жүйесі Саураннан солтүстік-шығысқа қарай 6 км жерде орналасқан Міртөбе қонысы мен бақтарының ортасымен өтіп, Сауран қаласының орталығына дейін созылған. Әрбір 10-12 м сайын диаметрі 1 м жуық құдықтар қазылып, су деңгейінде бір-бірімен жер асты жолымен (тоннель) жалғастырылып тау етегінен жазыққа қарай созылатын құдықтар жүйесін «кәріз» дейді. Ең соңғы құдықтар диаметрі 5 м болып, оның суын шығыр арқылы жоғары көтеріп егістікке жіберіп отырған (6-сур.).

Міртөбе бекініс-қонысын қоршаған төрт бұрышты қамал қорғанның биіктігі 5,5 м, қорғанның сыртқы жақтарының өлшемі 95×85 м, ішкі етегінің жақтары 45×45 м, қорған

6-сур. Кәріздер

төбесімен есептегенде 80×70 м тең. Міртөбенің солтүстік-шығыс, оңтүстік-батыс, оңтүстік-шығыс бетін қоршай, тік төрт бұрышта «чарбағ» деп аталатын бау егілген көлемі 20 га құрылыс бар, оның өлшемдері: солтүстік-шығысы – 300 м, солтүстік-батысы – 360 м, оңтүстік-батысы – 300 м, оңтүстік-шығысы – 540 м болып келген. Оңтүстік бетінен 60 м жерден Сауранға су жеткізілген кәріз жүйесі өтеді. Кәріздің шығыс бетінде көлемі 20 га болатын тағы бір бақ орналасқан. Міртөбе, Сауран, Қаратөбе, Майдантал, Сатымсай кәріздерінің барлығы Сауран кіші шұратын сумен жабдықтаған, олардың көбісі Кеңес дәуірінде де егіске, мал суаруға пайдаланылған. Тіпті, 1983 ж. картаның өзінде кәріз сулары әрбір құдықтан тасып шығып тізілген көлшік түрінде болғаны көрінеді [Байпаков, Смағұлов 2005: 20–26] (7-сур.).

7-сур. Мір төбе бекінісі

Сауран бейіттері мен мазараттары. Жергілікті Тұрғындар арасында «Сауранның жеті бабы» (Д. Есіркепов) және «Сауранның тоғыз әулиесі» деген аңыздар айтылады. Бұлар Сауран кіші шұратында орналасқан тоғыз бейіт пен мазарларда жерленген әулиелер жайлы екені мәлім. Олардың ең атақтысы Сәдуақас ата, ол жайлы кезінде Әмір Темірдің өзі кесенеге берген «Вакуфнаме» құжатында атап өтіп, «Мір Қарасу арығы Алла жарылқағыр ұлы Әзірет Сағди Уаққас қорына тиесілі» деп оның ұрпақтарына екі қос жерді (10 га) мәңгі-бақи пайдалануға бөліп береді. Сәдуақас ата бейіті Қаратөбе-Сауран қаласының оңтүстігінде 600 м жерде орналасқан. Құлпытастың ұзындығы 10 м 20 см, ені-167 см, биіктігі – 155 см. Бұл кісіні бабтардың (дінге уағыз жолымен енгізуші «діни қақпа») қатарына қосқандығына қарағанда, IX-X ғғ. өмір сүрген сияқты.

Келесі әулие – Қарахан ата бейіті Үлкен Сауранның сыртында (шығыс бұрышына қарама-қарсы) орналасқан, көлемі 1 га көне қорымда бірнеше қыштан қаланған кесенелер іргетасы сақталған, осылардың бірі Қарахан атаныкі болуы ықтимал. Үшінші әулие Жалаулы ата, бұл мазарат пен бейіт Қаратөбе-Сауранның солтүстік-шығыс бетінде қала шекарасында орналасқан (төбеден 850 м), көлемі 1–1,2 га. Жалаулы атаны VIII ғ. өмір сүріп, Зәңгі атаның туын ұстаушысы болған дейді. Қазіргі күні кішігірім кесененің кесектен қаланған, өлшемдері 6,5×6,5 м болатын қирандысы ғана сақталған. Бұл төрт құлақ сағана биіктігі 1,2 м төбеде орналасқан, кесене қирандысы осы төбе астында көміліп жатқан болуы керек. Айналасында 80 м дейін бұзып алынған кесене қалдықтары, молалар, қабірлер орналасқан.

Төртіншісі – Сарай ата, Қаратөбе-Сауранның шығыс жағындағы төбешік түрінде сақталған, кесенесі топырақ астында болуы мүмкін. Ахмет Ясауидің ілімін қуып, жолын жалғастырушы деп есептеледі. Бесіншісі – Әздер әулие, Міртөбеден жоғары 2,5 км жерде. Дерек жоқ. Алтыншысы – Шала Бақсы, Үлкен Сауранның солтүстікке қарай 2 км жерде. Дерек жоқ. Қалған үш әулие – Сатымсай стансасына жақын орналасқан Момын ата мен Ақтөбе-Сауран маңындағы және 1 май ауылы тұсындағы аты белгісіз әулиелермен тоғыз баб болады, алайда олар жайлы ешбір дерек жоқ.

ӘДЕБИЕТ

- Байпақов К. М., Смағұлов Е.Ә.* Ортағасырлық Сауран шаһары. Алматы: Кредо, 2005. 202 б.
- Добротыслов А.И.* Города Сыр-Дарьинской области: Казалинск, Перовск, Түркестан, Аулие-ата и Чимкент. Ташкент, 1912. 204 с.
- Туяқбаев М.* Средневековые города Түркестанского оазиса // Вестник КазНПУ им. Абая. Сер. истор. и соц-полит. наук. 2007. № 3 (14). С. 36-39.
- Тұяқбаев М., Кәрім А., Әбсадық Ж., Жолдасов Т.* Түркістан өңіріндегі тарихи-мәдени ескерткіштер: деректі тарихи-танымдық жинақ. Алматы Информ-Арна, 2016 160 б.
- Туяқбаев М.* Историческая топография и развитие городов и поселений Түркестанского оазиса (XIII–XIX вв.). Алмат: Эффект., 2009. 208 с.
- Тұяқбаев М.* Сауран қаласының солтүстік қақпасында жүргізілген қазба жұмыстары // ҚР тәуелсіздігінің 20 жылдығына орай өткізілген дәстүрлі IV халықаралық түркология конгресі (Түркістан қ., 13–14 мамыр 2011 ж.). Түркістан: А. Ясауи атындағы ХҚТУ, 2011. 319-324-бб.

А. В. Харинский

Артур Викторович Харинский,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Россия; kharinsky@mail.ru

Хужур 5 – могильник тюркского времени на западном берегу Байкала

Аннотация. В 2011 и 2013 гг. археологическим отрядом Иркутского национального исследовательского технического университета проводились раскопки могильника Хужур 5, расположенного на берегу бухты Хужир-Нугэ озера Байкал, в Ольхонском районе Иркутской области. Вскрыто пять комплексов, обозначенных на поверхности земли плоскими каменными кладками. Под двумя из них (№ 2 и 4) не было выявлено каких-либо искусственных сооружений. Под тремя каменными кладками обнаружены могильные ямы с останками погребенных. Два захоронения были ограблены еще в древности (№ 1 и 3). Одно захоронение, в котором найден костяк ребенка в возрасте до 6 мес. (№ 5), было не потревожено. Погребенные располагались на боку с подогнутыми ногами, головой ориентированы на северо-восток. Особенности погребального ритуала позволяют отнести раскопанные захоронения к погребениям черенхынского типа, распространенным в остепненных районах Прибайкалья в V–IX вв. На основании радиоуглеродного датирования возраст некрополя был определен в пределах конца VI – середины IX в.

Ключевые слова: Прибайкалье, Приольхонье, могильник Хужур 5, тюркское время, погребальный ритуал, захоронения черенхынского типа

Артур Викторович Харинский,
Иркутск ұлттық зерттеу техникалық университеті,
Иркутск, Ресей

Хужур 5 – Байқалдың батыс жағалауындағы түркі дәуірінің қорымы

Аннотация. 2011 және 2013 жж. Иркутск ұлттық зерттеу техникалық университетінің археологиялық тобы Иркутск облысының Ольхонск ауданындағы Байкал көлінің Хужир-Нугэ шығанағының жағасында орналасқан Хужур 5 қорымында қазба жұмыстарын жүргізді. Жер бетінде жалпақ тас қалаумен белгіленген бес кешен ашылды. Олардың екеуінің астынан (№ 2 және 4) қандай да бір жасанды құрылыстар табылмады. Үш тас тас қалаудың астынан мүрде қалдықтары бар қабір шұңқыры табылды. Екі жерлеу орны ежелгі уақытта тоналған (№ 1 және 3). 6 айға толмаған баланың қаңқасы табылған жерлеу орны (№ 5) тиісілмеген. Жерленгендер бүйір жағында, аяқтары бүгілген, бастары солтүстік-шығысқа бағытталған. Жерлеу рәсімінің ерекшеліктері қазылған қорымдарды V–IV ғғ. Байкал өңірінің далалы аймақтарында жиі кездесетін черенхин типіндегі жерлеулерге жатқызуға мүмкіндік береді. Радиокөміртекті анықтау негізінде қорымның жасы VI ғ. соңы – IX ғ. ортасы деп анықталды.

Түйін сөздер: Байкал маңы, Ольхонье маңы, Хужур 5 қорымы, түркі заманы, жерлеу рәсімі, черенхин типіндегі жерлеулер

Artur Kharinskii,
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Khuzhur 5 – a burial ground of the Turkic period on the western shore of Lake Baikal

Abstract. In 2011 and 2013 the archaeological team of the Irkutsk National Research Technical University carried out excavations of the Khuzhur 5 burial ground, located on the shore of the Khuzhir-Nuge Bay of Lake Baikal, in the

Oikhonsky District of the Irkutsk Region. Five complexes were discovered, marked on the surface of the earth with flat stone masonry. Under two of them (No. 2 and 4), no artificial structures were found. Burial pits with the remains of the buried were found under three stone masonry. Two burials were robbed in antiquity (No. 1 and 3). One burial, in which the skeleton of a child under the age of 6 months was found (No. 5), was not disturbed. The buried were located on their side with bent legs, their heads were oriented to the northeast. The features of the funeral ritual make it possible to attribute the excavated burials to the burials of the Cherenkhyn type, common in the steppe regions of the Baikal region in the 5th–9th centuries. On the basis of radiocarbon dating, the age of the necropolis was determined within the limits of the end of the 6th – the middle of the 9th centuries.

Keywords: Cis-Baikal region, Cis-Olkhon region, Khuzhur 5 burial ground, Turkic time, funeral ritual, burials of the Cherenkhyn type

В середине VI в. на просторах Центральной Азии образовалось одно из крупнейших государств, существовавших когда-либо в Евразии, – Тюркский каганат. Каганат оказывал значительное влияние на своих соседей, которые формально не входили в его состав, но находились под мощнейшим политическим и культурным влиянием со стороны тюрков. Это, прежде всего, касалось тех народов, у которых был схожий с ними образ жизни. К их числу относилось и население остепненных районов Прибайкалья, основой хозяйственной деятельности которого было скотоводство. И хотя целый ряд элементов материальной культуры прибайкальцев в это время находит широкие аналоги в тюркской среде, значительный пласт их духовной культуры, включающий и погребальный ритуал, остался неизменным и не подвергся тюркскому влиянию. Свидетельством этому является целый ряд некрополей, исследованных в регионе, в том числе и могильник Хужур 5, материалы раскопок которого впервые вводятся в научный оборот.

Погребально-поминальный комплекс Хужур 5 находился в 1,91 км к ЮЗЗ от с. Сарма, в верхней части северного склона пади, спускающейся с запада к бухте Хужир-Нугэ озера Байкал (рис. 1). Одна из кладок могильника обнаружена в 2008 г. Г.В. Туркиным и В.С. Николаевым и была интерпретирована ими как ритуальная конструкция [Туркин, Николаев 2008].

В августе 2011 г. сотрудниками Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии ИргТУ под руководством А.В. Харинского проводилось археологическое обследование территории, испрашиваемой дачным некоммерческим товариществом (ДНТ) «Лафет» в местности Хужир-Нугэ Ольхонского района под индивидуальную застройку. На участке ДНТ располагались два археологических объекта Хужур 4 и Хужур 5, на которых предстояло провести спасательные раскопки. Во время осмотра на территории Хужур 5, помимо одной кладки, обнаруженной в 2008 г., выявлено еще пять искусственных конструкций (№ 2–6), которые были включены в состав этого памятника. Кладки плоские, овальные, ориентированные по линии СВ–ЮЗ (рис. 1). Как выяснилось впоследствии, под частью кладок не было обнаружено каких-либо дополнительных конструкций или артефактов, под другими выявлены захоронения человека. До проведения раскопок выяснить назначение каждой из кладок было невозможно. В связи с этим, для искусственных конструкций Хужур 5, обозначенных на поверхности земли каменной кладкой, используется термин «комплекс».

В 2011 г. **комплекс № 1** археологического объекта Хужур 5 был вскрыт. Его кладка располагалась параллельно гряде скальных выходов и состояла из плоской овальной конструкции, к которой с юго-запада примыкала кольцевая овальная выкладка. На месте кладки заложен раскоп площадью 3×7 м. Отсчет высот в районе раскопа проводился от северного угла – самой высокой точки поверхности земли, где был установлен временный репер, принятый за «0». В результате расчистки выяснилось, что кладка имеет форму овала размерами 2,8×3,7 м, ориентированного длинной осью по линии с азимутом 60°. Кладка плоская 2–3-слойная, мощностью до 30 см. Верхний слой конструкции состоит из плит размерами от 4×10×20 см до 10×40×105 см. Кольцевая выкладка,

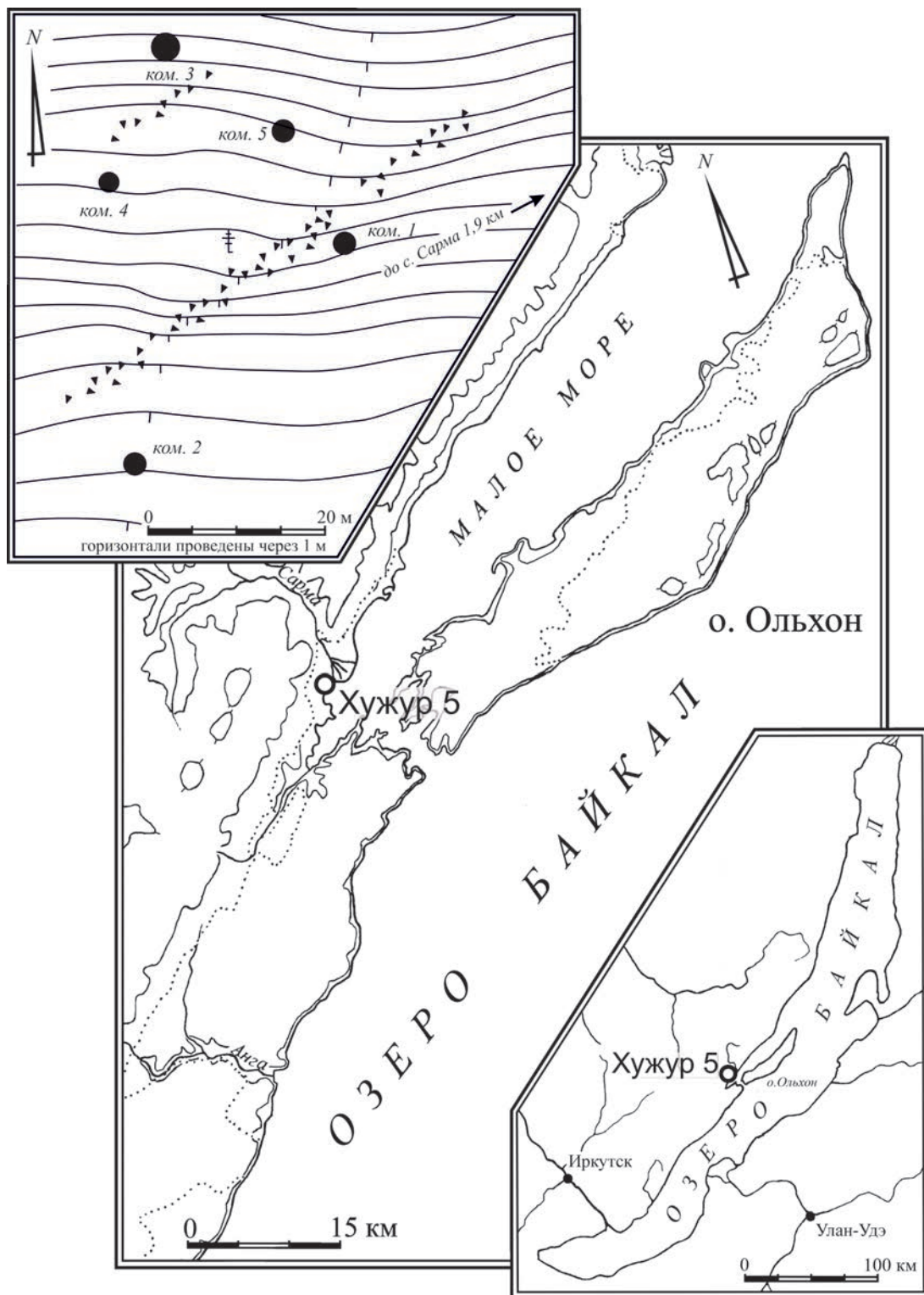

Рис. 1. Карта и план расположения археологического объекта Хужур 5

примыкающая к ней с юго-запада, оказалась сочетанием камней и невысокой гряды скальных выходов (рис. 2, 1–3).

Основание кладки комплекса № 1 состоит из пяти крупных плит размерами от 10×30×115 см до 12×50×170 см. Плиты перекрывали сверху могильную яму, располагаясь поперек нее. Вокруг крупных плит находились более мелкие камни (рис. 2, 4). Под кладкой зафиксированы следы могильной ямы. Она овальной формы, размерами в верхней части 115×227 см. Яма ориентирована длинной осью по линии с азимутом 65°. Глубина ямы 0,4 м. Книзу ее размеры уменьшаются. Дно плоское, горизонтальное, размерами 85×205 см. Стенки ямы имеют наклон к центру.

На дне ямы обнаружены останки погребенного. Костяк полностью не сохранился, зафиксированы только отдельные кости. Скорее всего, они принадлежали женщине в возрасте около 35 лет¹. В северо-восточной части ямы располагался череп. Он лежал на правой височной кости и был развернут несохранившейся лицевой частью на север. В западной части ямы сохранились останки согнутых в колене ног погребенного. Берцовые кости направлены верхними эпифизами на северо-запад. К ним под углом примыкает обломанная бедренная кость. В юго-западной части могилы обнаружен фрагмент тазовой кости и пяточная кость. Судя по всему, погребенный располагался на правом боку и был ориентирован головой на северо-восток. Ноги согнуты в коленях, голени располагались перпендикулярно туловищу (рис. 2, 5).

В северо-западной части могилы, к северо-востоку от костей ног, обнаружена нижняя часть плоскостенного гладкостенного сосуда. Сосуд развернут дном на северо-запад. Диаметр дна 8,8 см, высота сохранившейся части 8,1 см.

В районе памятника отмечена следующая стратиграфическая ситуация, сверху вниз, мощность в метрах:

- 1) дерн 0,02–0,04 м;
- 2) серая опесчаненная супесь 0,07–0,24 м;
- 3) желтая опесчаненная супесь вскрыта до 0,20 м.

Могильная яма комплекса № 1 заложена из средней части слоя серой опесчаненной супеси.

Летом 2013 г. раскопочные работы на Хужуре 5 были продолжены. Вскрыты комплексы № 2–5, два из которых оказались погребениями (№ 3 и 5).

Комплекс № 2 находился в 37 м к юго-востоку от комплекса № 1, вскрытого в 2011 г., и в 12 м к юго-востоку от гряды скальных выходов, пересекающей Хужур 5 с юга-запада на северо-восток. На месте кладки разбит раскоп 3×3 м, ориентированный стенками по сторонам света. Кладка комплекса круглой кольцевой формы диаметром 2,4 м. Внутреннее пространство размерами 0,6×1,2 м, ориентированное по линии СЗ–ЮВ, свободно от камней. С северо-западной стороны в каменном кольце имеется разрыв шириной 40 см. С юго-восточной стороны кладки уложена плита размерами 0,5×1,5 м, уходящая своим южным краем за пределы конструкции. Кладка образована 1–2 слоями камней, наиболее плотно она сложена в западной части. Размеры камней от 8×10 см, до 50×73 см. Под камнями не обнаружено никаких искусственных углублений, следов деревянных конструкций, артефактов или костных останков.

Каменная кладка заложена из средней части слоя серой опесчаненной супеси. Нарушение геологических слоев в районе раскопа не зафиксировано.

Комплекс № 3 располагался в 25 м к северо-западу от комплекса № 1 и в 21 м к северо-западу от гряды скальных выходов, пересекающей территорию памятника с юга-запада на северо-восток. На месте кладки заложен раскоп 4×5 м, ориентированный длинными стенками по линии С–Ю.

¹ Антропологические определения сделаны зав. кабинетом антропологии Томского государственного университета, к.и.н. М.П. Рыкун.

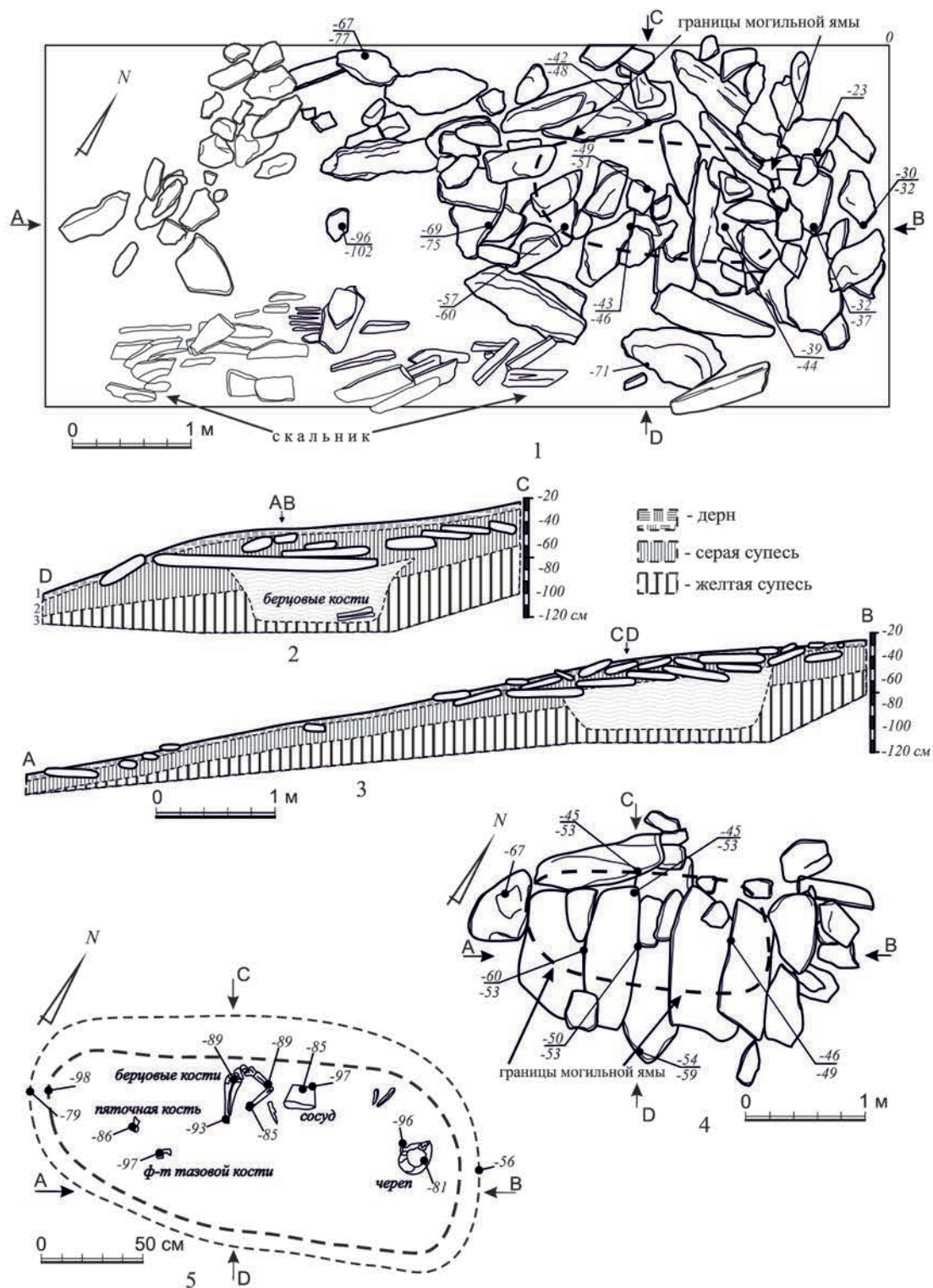

Рис. 2. Хужур 5, комплекс № 1: 1 – кладка после расчистки; 2, 3 – разрезы захоронения; 4 – перекрытие могильной ямы; 5 – останки погребенного

Кладка комплекса овальная, напоминает кольцо размерами 3,1×3,7 м, ориентирована по линии ЮЗ–СВ (рис. 3, 1). Во внутреннем пространстве размерами 1,8×2,0 м камни располагаются только в центральной части. Каменное кольцо лучше всего сохранилось с северо-западной и юго-восточной сторон. Камни располагаются в 1–2 ряда, в 2–3 слоя. Размеры камней составляли от 8×10 см до 52×121 см. Под камнями северо-западной части кольцевой кладки, сохранившейся лучше всего, найдены древесные угли.

Под камнями северо-восточной части кольца и камнями, находившимися в центре конструкции, обнаружены вертикально установленные плиты погребальной камеры, располагавшиеся вдоль стенок могильной ямы. Сверху они перекрывались 1–3 слоями горизонтально уложенных камней. Нижний слой перекрытия погребальной камеры представлен плитами размерами от 20×48 см до 44×63 см, уложенными поперек длинных стенок камеры (рис. 3, 2).

Могильная яма комплекса четырехугольной формы размерами 1,0×2,2 м и глубиной 0,5 м (северо-восточная стенка). Она заложена из основания слоя серой супеси. Яма ориентирована по линии с азимутом 45°. Ее стенки вертикальные, дно горизонтальное. С северо-западной и юго-восточной сторон ямы имеются уступы шириной 10 см и высотой 15 см. На этих уступах устанавливались на боковую грань небольшие плиты, подпиравшие с наружной стороны основные плиты погребальной камеры. Погребальная камера четырехугольной формы. Ее размеры снаружи 85×210 см, изнутри 50×170 см. Юго-западная стенка камеры образована крупной плитой, установленной на боковую грань. Ее высота 34 см, длина 60 см и толщина 4–5 см. Снаружи стена подпиралась двумя рядами более мелких камней, высотой 12–16 см. С внутренней стороны – одним рядом камней. Юго-восточная стенка погребальной камеры образована плитой высотой 46 см и длиной 1,5 м. Снаружи она подпирается двумя рядами небольших плит, установленных на уступе в юго-восточной стенке ямы. Между основными плитами юго-восточной и юго-западной стен, расстояние между которыми 20 см, с внутренней стороны камеры установлена плита 18×22 см. Схожая по размерам плита располагается между основными плитами и снаружи камеры. Северо-восточный край основной плиты юго-восточной стенки был зажат между двумя небольшими плитами, образовывавшими восточный угол погребальной камеры. Между ними шла забутовка из более мелких камней. Северо-западная стенка погребальной камеры состояла из трех плит высотой около 42 см. Две плиты, одна длиной 47 см, а другая 40 см, составляли юго-западный участок стены. Юго-западная из плит стыкуется с основной плитой юго-западной стенки погребальной камеры. Другая – средняя плита примыкает к юго-западной плите с внутренней стороны и упирается противоположным краем в торец плиты, образующей северо-восточный участок стенки. Ее длина 1,2 м. Концы стенки с внутренней стороны подпираются небольшими камнями. С наружной стороны стенка подпирается 1–2 рядами небольших плит, установленных на уступе северо-западной стенки. С северо-восточной стороны камеры отсутствовали вертикально установленные плиты (рис. 3, 3, 4). Вероятно, их извлекли в ходе ограбления могилы.

Во время зачистки верхней части могильной ямы, в ее северо-восточном углу, обнаружено человеческое ребро, развернутое по линии З–В. В 13 см к югу от ребра, на 4 см ниже него, найден человеческий зуб. Ещё два человеческих зуба найдено в юго-западной части погребальной камеры. Они располагались на 10 см ниже, чем первый из обнаруженных зубов. На одном уровне с зубами в юго-западной части могильной ямы обнаружена железная скоба размером 3,5×5,0 см, сделанная из четырехугольного в сечении прута (3×6 мм). Вероятно, скоба крепилась к деревянному седлу, которое не сохранилось. К северу от целой скобы найдены остатки еще двух скоб. У одной из них обломана одна дужка, другая сохранилась только наполовину.

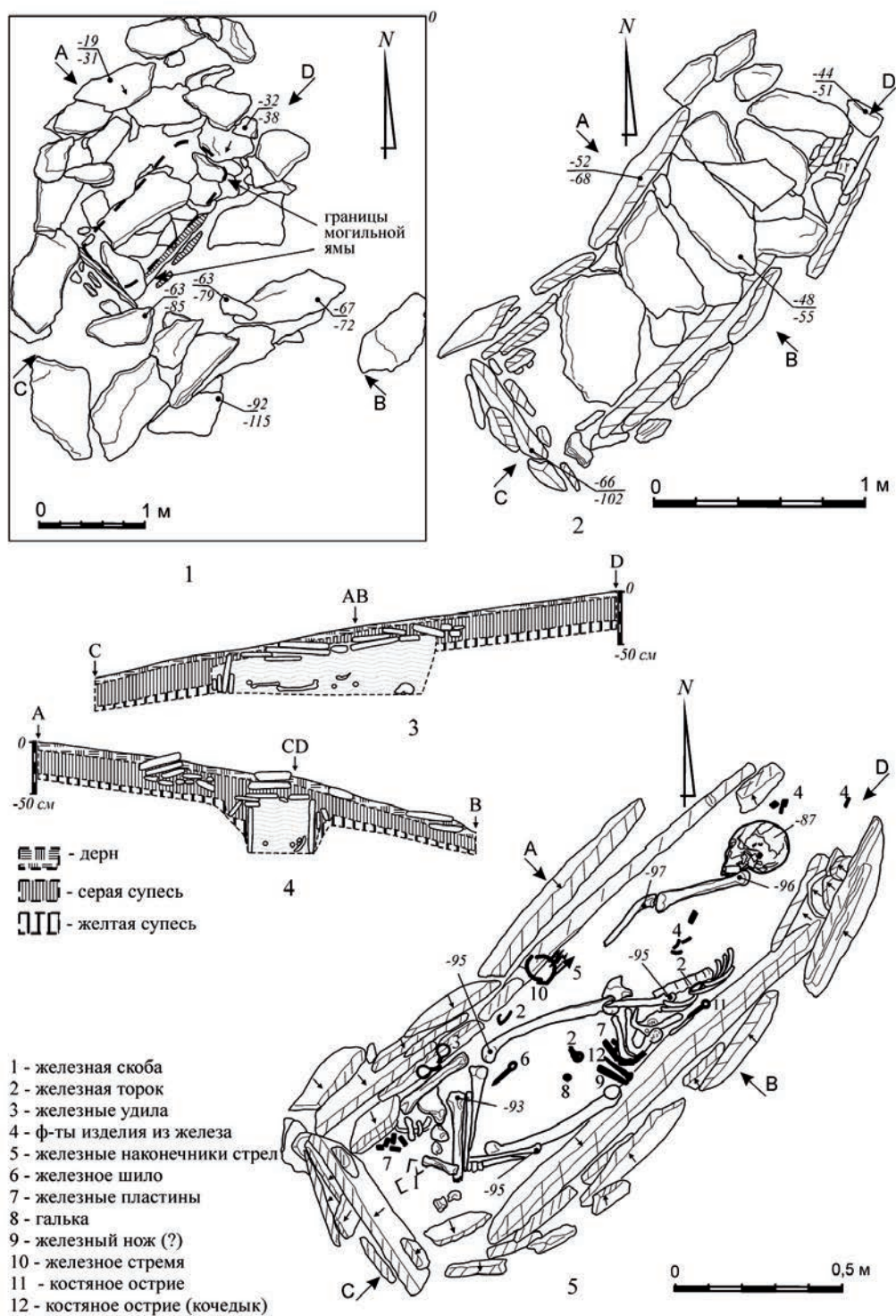

Рис. 3. Хужур 5, комплекс № 3: 1 – кладка после расчистки; 2 – перекрытие могильной ямы; 3, 4 – разрезы захоронения; 5 – останки погребенного

У западной стенки погребальной камеры на глубине -79 см найдена железная петля с закругляющимися дужками, загнутыми внутрь. Одна из дужек обломана. На дужке сохранились следы древесины – свидетельство ее крепления к седлу. Вероятно, петля использовалась как седельный торок. В 60 см к юго-западу от петли торока у северо-западной стенки камеры на глубине -85 см найдены обломки железных двусоставных удил, оканчивающиеся кольцами диаметром 3 см. Грызла удил обломаны. Поэтому определить их длину невозможно. В северо-восточной части погребальной обнаружен обломок железного прута размером 0,6×2,3 см, круглого в сечении. В 20 см к западу от него на этом же уровне найдено три бесформенных фрагмента железного изделия, самый крупный из которых имеет размеры 0,4×1,5×2,5 см.

На глубине -87 см у юго-восточной стенки погребальной камеры расчищен верхний эпифиз бедренной кости. Кость располагалась вдоль стенки и ее нижний эпифиз, обращенный на юго-запад, находился на глубине -97 см. Антропологический порядок костяка был нарушен. Вероятно, первоначальное положение сохранили череп, правые плечевая и локтевая кости, правая бедренная и большая берцовая кости. Судя по ним, погребенный располагался на правом боку, головой по азимуту 45°, руки вытянуты вдоль туловища, ноги согнуты в коленях, стопы отведены назад (рис. 3, 5). Костяк принадлежал мужчине в возрасте около 60 лет. На плечевых костях погребенного фиксируются прижизненные следы сильной физической нагрузки. Левая большеберцовая кость располагалась над правой и была немного смещена по отношению к ней в юго-западном направлении. Ее нижний эпифиз был обломан. Рядом с ней находилась малая берцовая кость правой ноги. Малая берцовая кость левой ноги располагалась к югу от нижнего эпифиза левой бедренной кости. Рядом с ней располагалась лучевая кость. Ниже залегали кости стоп погребенного. К северо-западу от правой берцовой кости, вдоль стенки погребальной камеры, находилась левая плечевая кость. Под ней обнаружена лопатка, фрагменты ребер и фаланги пальцев. К югу от них зафиксирована ключица. К востоку от верхнего эпифиза правой берцовой кости, вдоль юго-восточной стенки погребальной камеры зафиксировано скопление перемещенных костей погребенного. В северо-восточной части скопления располагалась часть позвоночного столба с ребрами. К западу от него находилась левая локтевая кость с обломанным нижним эпифизом. К югу от нее располагались тазовые кости и ключица.

У северо-западной стенки погребальной камеры обнаружен железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы треугольной формы. Черешок наконечника обломался, его длина около 8,4 см. Длина пера 4,5 см, ширина 2,3 см. Острие пера было направлено в северо-восточную сторону. Возле наконечника найден 21 фрагмент железных стрел, пропорции которых восстановить не удалось. Вероятно, они все вместе лежали в колчане и были направлены черешками на юго-запад. К юго-западу от наконечников найдено два дугообразных железных предмета. У одного из них с краю сохранилось уплощенное расширение. Вероятно, дугообразные предметы являются частями стремян с прямоугольной петлей на шейке, которые полностью не сохранились к моменту раскопок.

В центре погребальной камеры на глубине -81 см обнаружен фрагмент железной пластины размерами 0,5×1,2×3,5 см. В 10 см к юго-западу от нее зафиксировано три фрагмента железного прута, возможно, обломки четырехугольных в сечении скоб (3×6 мм). В средней части погребальной камеры, между бедренными костями, на глубине -93 см найден железный торок, состоящий из кольца с прикрепленной к нему шпилькой. К юго-западу от торока, на глубине -100 см, обнаружена каменная галька округлой формы светло-коричневого цвета. В 20 см к западу от гальки найдено железное шило длиной 8,5 см с овальным навершием размерами 1,3×2,2 см. В юго-западной части могильной ямы обнаружено шесть фрагментов железных пластин, размеры самого крупного из которых 0,4×1,0×4,8 см.

У юго-восточной стенки погребальной камеры найдено приостренное изделие из железа, возможно, являющееся лезвием ножа. Длина изделия 9,7 см, ширина 3 см, толщина 1,1 см. Рядом с ним располагалось костяное острие (кочедык) с округлым навершием, направленное острием на северо-запад, вниз. К северо-востоку от острия зафиксировано 19 фр. железных пластин, частично уходящих под тазовые кости. Их размеры составляли 3–5×9–18×10–72 мм. К северо-востоку от них найдено костяное острие длиной 10,3 см. Острие располагалось параллельно стенке погребальной камеры. Навершие острия округлое, его верхняя часть оформлена в виде треугольника. В углах треугольника с торцевых сторон просверлены отверстия, соединяющиеся внутри навершия между собой. С одной из сторон основания навершия сделано круглое углубление диаметром 1,2 см. Назначение этого предмета не совсем понятно. Возможно, это костяное изделие использовалось как упор для сверла прибора для добывания огня трением. В углубление вставлялась верхушка сверла, а в отверстие продевался шнур, с помощью которого сверлу придавалось вращательное движение. В 3 см к северу от острия найден железный торок с округлыми концами. На концах дужек сохранились следы древесины.

Погребение нарушено еще в древности. Центральная часть кладки была разобрана, после чего вскрыта погребальная камера. Так как погребенный располагался на правом боку, то кости этой части скелета практически не пострадали. Утратили свое первоначальное положение кости, преимущественно находившиеся с левой стороны костяка. Они располагались выше остальных и поэтому в первую очередь были потревожены разрушителями могилы. Во время разборки костяка грабители располагались с юго-востока от могилы, ниже по склону. Вытащенные кости в основном не выбрасывали за пределы ямы, а перемещались в ее юго-западную часть к ногам погребенного или сдвигали к юго-восточной стенке могилы. Нарушение могилы произошло уже после того, как мягкие ткани погребенного разложились. Нарушенные кости не составляли между собой единые анатомические блоки, а располагались индивидуально. После того как костяк был нарушен, погребальную камеру сверху заложили каменными плитами, вероятно, опасаясь мести со стороны духа погребенного.

Комплекс № 4 располагался в 14 м к юго-востоку от комплекса № 3 и в 14 м к северо-западу от гряды скальных выходов, пересекающей территорию памятника. На месте кладки заложен раскоп 2,5×3 м, ориентированный длинными стенками по линии С–Ю. Кладка комплекса овальной формы размерами 1,9×3,2 м, ориентирована по линии С–Ю. Камни уложены не плотно в 1–2 слоя. Размеры камней от 10×9 см до 40×98 см. В южной части конструкции находился крупный камень размерами 65×114 см, ориентированный длинной осью по линии С–Ю. Под камнями не обнаружено никаких искусственных углублений, следов деревянных конструкций, артефактов или костей. Искусственного нарушения геологических слоев в раскопе не обнаружено. Каменная кладка заложена из слоя серой опесчаненной супеси.

Комплекс № 5 локализовался в 13 м к юго-востоку от комплекса № 3 и в 11 м к северо-западу от комплекса № 1. На месте кладки заложен раскоп 3×3 м, ориентированный стенками по сторонам света. Кладка комплекса овальной формы размерами 2,2×3,4 м, ориентирована длинной осью по линии с азимутом 55°. Наиболее плотно камни сложены в северо-восточной части конструкции. Они располагаются в два слоя. Их размеры от 10×18 см до 33×70 см. Мощность кладки 20 см. В основании кладки располагалась плита размерами 70×190 см, ориентированная по линии ЮЗ–СВ. Сверху она перекрывала могильную яму, вдоль стенок которой были установлены каменные плиты.

Размеры могильной ямы 45×123 см, глубина 55 см. Она овальной формы, ориентирована по линии с азимутом 60°. Юго-восточная стенка ямы вертикальная. Северо-западная стенка до глубины

40 см вертикальная, а далее начинает сужаться к центру. Такое же сужение ямы на глубине 40 см наблюдается с юго-западной и северо-восточной сторон. Дно ямы ровное, имеет небольшой наклон в юго-западную сторону. Размеры дна 28×86 см.

Установленные вдоль стен ямы на боковую грань каменные плиты образовывали погребальную камеру. Сверху она перекрывалась каменной плитой размерами 23×88 см, расколовшейся на две части. Юго-восточная стена камеры образована плитой размерами 6×38×96 см. К её северо-западному краю примыкают две плиты, образовывавшие северо-восточную стенку. Длина плит 23 см, высота 30 см. Они слегка наклонены на северо-восток и с этой стороны упираются в распорную плиту длиной 17 см и высотой 30 см. Основание плиты базировалось на наклонной стенке ямы. Северо-западная стена погребальной камеры образована двумя плитами. Длина внутренней плиты 70 см, высота 26 см, длина внешней плиты 96 см, высота 36 см. Обе плиты слегка наклонены наружу. Между внешней плитой и стенкой ямы установлено ещё три распорные плиты, опиравшиеся основанием в наклонную стенку ямы. Юго-западная стена погребальной камеры образована плитой, длина которой составляла 25 см, а высота 30 см. Снаружи она подпиралась четырьмя рядами плит, упиравшихся основанием в наклонную стенку ямы.

Каменная кладка комплекса и могильная яма заложены из основания слоя серой опесчаненной супеси. На дне могильной ямы обнаружен костяк ребенка в возрасте до 6 мес. Он располагался на правом боку, руки вытянуты впереди тела, ноги согнуты в коленях, ступни отведены назад. Череп лежал возле камня размерами 7×12 см и был развернут лицевым отделом направо. Между тазовыми костями погребенного и северо-западной стенкой погребальной камеры обнаружено округлое сильно коррозированное изделие из железа размерами 0,9×1,8×2,6 см. В 10 см к северо-востоку от него найдено еще одно коррозированное железное изделие, напоминающее изогнутый железный прут круглый в сечении, размерами 0,5×1,7 см. Следов разрушения могилы обнаружено не было.

На могильнике Хужур 5 во время раскопок 2011 и 2013 гг. исследовано пять искусственных комплексов, составляющих единый историко-культурный ансамбль. Он включал три погребения и две поминальных конструкции. Два погребения (№ 1, 3) принадлежали взрослым и одно (№ 5) – ребенку. Оба взрослых погребения в древности были разрушены. Во всех захоронениях наблюдается единство погребального обряда. Умершего укладывали в могильную яму на правый бок, головой на северо-восток. Руки были вытянуты к ногам. Ноги согнуты в коленях, стопы отведены назад. Сверху могильная яма перекрывалась плоской каменной кладкой овальной формы.

Камни кладки располагались в несколько слоев. Наиболее тщательно перекрывалась могила. Для этого подбирались специальные плиты, которые укладывались или вдоль ямы, как в детском захоронении, или поперек нее, как во взрослых. Даже после того, как взрослые погребения были нарушены, и кладки перекрытия разобраны, грабители, после того как извлекли из захоронения все, что хотели, вновь уложили плиты над могилами на место. Они плотно прилегали друг к другу, и во время раскопок создавалось впечатление, что захоронение не потревожено. Вероятно, подобные поступки грабителей были связаны с представлениями о вредоносных действиях со стороны одной из душ погребенного, которая оставалась в могиле вместе с останками умершего. Поэтому, даже после разграбления, могилу следовало хорошо закрыть, чтобы обезопасить себя. Местом пребывания души, остававшейся с телом умершего в могиле, по всей видимости, являлась голова. В обоих захоронениях череп не утратил своего первоначального положения в могиле, в отличие от остальных костей погребенного. Грабители опасались его тревожить, поэтому не сдвигали с места.

Надмогильная кладка, располагавшаяся выше перекрытия могильной ямы, выглядит по сравнению с ним не столь аккуратно сложенной. Камни располагались не плотно и не образовывали компактной фигуры. И если для потревоженных комплексов № 1, 3 это можно объяснить действиями

грабителей, то для комплекса № 5 это обусловлено только существовавшими погребальными традициями. Во время разбора кладки комплекса № 3 грабителями, камни, располагавшиеся над могильной ямой, перебрасывались в сторону. И так как грабители во время разборки камней кладки располагались с юго-востока от могилы, ниже по склону, то камни они перебрасывали в северо-западном направлении, выше по склону. В результате этих действий с северо-западной стороны от могилы образовалась дугообразная конструкция, напоминающая часть кольцевой кладки.

Особенности погребального ритуала, зафиксированного на могильнике Хужур 5, позволяют отнести раскопанные захоронения к черенхынской погребальной традиции, существовавшей на территории Прибайкалья в V–IX вв. н.э. [Харинский 2001: 112–114]. В Приольхонье к настоящему времени известно шесть могильников, на которых она была зафиксирована: Черенхын 1, Куркут 2, Ольхон, Елга 7, Куркутский комплекс 2 и Хужур 5. Кроме этого, захоронения с подобным погребальным ритуалом исследованы в Баргузинской долине (Бодон 1, Баянгол 2, 3) и в южной части долины Ангары (Иркутское погребение; остров Осинский) [Асеев 1980; Горюнова, Пудовкина 1995; Дашибалов 2011; Уланов и др. 2017]. Ближе всего к захоронениям Хужур 5 по особенностям погребального ритуала находятся захоронения могильника Черенхын 1. Из 20-ти погребений, раскопанных здесь, в девяти, как и в комплексах № 3 и 5 могильника Хужур 5, вдоль стен могильной ямы установлены каменные плиты. На других могильниках подобный элемент погребального ритуала не фиксируется. Отмечается и сходное расположение вещей в обоих могильниках. В комплексе № 1 Хужур 5 керамический сосуд находился к северо-западу от костяка. Такое же его расположение отмечается и в погребениях 38 и 40 Черенхына 1 [Дашибалов 2011: рис. 12; 13]. Стремена и наконечники стрел находились в комплексе № 3 у северо-западной стенки ямы, как и в погребениях 34, 53 и 54 Черенхына 1, в районе тазовых костей погребенного зафиксирован нож и кочедык (на поясе), возле костей ног обнаружены удила [Дашибалов 2011: рис. 9; 20–21].

Уточнить возраст могильника Хужур 5 позволит радиоуглеродная дата, полученная по костям погребенного из комплекса № 3 – 1350 ± 70 лет назад (СОАН-9253), которая с учетом калибровки соответствует 572–874 гг.² Таким образом, могильник можно датировать в широком хронологическом диапазоне с конца VI по середину IX в. Более узкую датировку памятника можно было бы установить по сопроводительному инвентарю захоронений, но он не является достаточно информативным.

ЛИТЕРАТУРА

- Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука, 1980. 150 с.
- Горюнова О.И., Пудовкина Е.А. Могильник Елга VII и его место в периодизации железного века Приольхонья // Байкальская Сибирь в древности: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 1995. С. 154–174.
- Дашибалов Б.Б. Древности хори-монголов: хунно-сяньбийское наследие Байкальской Сибири. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 174 с.
- Туркин Г.В., Николаев В.С. Археологическая экспертная оценка территории в границах местности «Хужир-Нугэ» (Ольхонский район Иркутской области). Иркутск, 2008 // Архив СООКНИО. 197 л.
- Уланов И.В., Веренская А.В., Иванов Г.Л., Никулина Е.Д., Тарановский А.Ю. Погребальные комплексы острова Осинский (Братское водохранилище) // Известия ИргУ. 2017. Т. 22. С. 124–149.
- Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2001. 199 с.
- Bronk Ramsey C. Bayesian analysis of radiocarbon dates // Radiocarbon. 2009. Vol. 51 (1). P. 337–360.
- Reimer P., Austin W., Bard E., ..., Talamo S. The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) // Radiocarbon. 2020. 62. P. 1–33. DOI: [10.1017/RDC.2020.41](https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41)

² Радиоуглеродная дата калибрована в программе OxCal v4.4.4 [Bronk Ramsey 2009] по кривой IntCal20; атмосферные данные из: The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) / Reimer et al.] // Radiocarbon. 2020. Vol. 62, № 4. P. 725–757; вероятность 95,5%.

Н. Н. Серегин

Николай Николаевич Серегин,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия; nikolay-seregin@mail.ru

Ранний комплекс «поминальных» памятников тюрков Центральной Азии: ключевые характеристики и особенности формирования*

Аннотация. В статье представлена характеристика раннего комплекса «поминальных» памятников тюрков Центральной Азии, представляющих основной источник для реконструкции процессов сложения данной общности. Анализ всех известных материалов позволил выделить серию признаков, отличающих объекты ранней группы (вторая половина V – первая половина VI в. н.э.). К ним отнесены такие показатели, как отсутствие реалистичных каменных изваяний, захоронения лошадей в оградках, округлая форма сооружений, небольшие каменные ящички, смежные постройки, нехарактерная ориентировка стел и балбалов, отсутствие сложных конструкций (ров, вал), а также обнаружение одного стремени. Установлено, что абсолютное большинство «поминальных» комплексов с обозначенными признаками исследовано на Алтае. Очевидно, это обстоятельство не только демонстрирует высокую степень изученности оградок данного региона, но также является важным доводом в пользу тезиса о происхождении традиций тюрков именно на обозначенной территории.

Ключевые слова: тюрки, «поминальные» памятники, Центральная Азия, ранний этап, хронология

Николай Николаевич Серегин,
Алтай мемлекеттік университеті, Барнауыл қ., Ресей

Орталық Азия түркілерінің «еске алу» ескерткіштерінің ерте кешені: түйінді сипаттамасы және қалыптасуының ерекшелігі

Аннотация. Мақалада Орталық Азия түркілері қауымының қалыптасу процесін реконструкциялау үшін негізгі дерек көзі болып табылатын «еске алу» ескерткіштерінің ерте кешенінің сипаттамасы берілген. Барлық белгілі материалдарға жасалған сараптама нәтижесінде ерте топ (б.д. V ғ. екінші жартысы – VI ғ. бірінші жартысы) нысандарын анықтайтын белгілер топтамасын ерекшелеуге мүмкіндік берді. Оларға реалистік балбал тастардың жоқтығы, қоршау ішіне жылқының жерленуі, құрылыстардың дөңгелек формада болуы, үлкен емес тас жәшіктер, іргелес құрылыстар, тас бағандар мен балбалдардың өзгеше бағдарлануы, күрделі құрылымдардың (ор, қабырға) болмауы, сондай-ақ, бір үзеңгінің табылуы жатады. Көрсетілген белгілері бар «еске алу» кешендерінің барлығы делік Алтайда зерттелгені анықталды. Бұл жағдай аталған кезеңнің қоршауларының зерттелуінің жоғарғы деңгейін ғана емес, түркі дәстүрлерінің нақты осы аумақта пайда болуы туралы түйіндерге маңызды дәлел де бола алады.

Түйін сөздер: түркілер, «еске алу» ескерткіштері, Орталық Азия, ерте кезең, хронология

Nikolay Seregin,
Altai State University, Barnaul, Russia

Early complex of Turkic «memorial» sites of Central Asia: main characteristics and features of formation

Abstract. The article presents the characteristics of the early complex of “memorial” monuments of the Turks of Central Asia, representing the main source for the reconstruction of the processes of the formation of this

© 2022 Серегин Н.Н.

*Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-78-10037 «Ранние тюрки Центральной Азии: междисциплинарное историко-археологическое исследование»).

community. The analysis of all known materials allowed us to identify a series of features distinguishing objects of the early group (the second half of the 5th – the first half of the 6th century AD). These include such indicators as the absence of realistic stone sculptures, the burial of horses in fences, the rounded shape of structures, small stone boxes, adjacent buildings, uncharacteristic orientation of steles and balbals, the absence of complex structures (moat, shaft), as well as the detection of one stirrup. It is established that the absolute majority of “memorial” complexes with the indicated signs have been studied in Altai. Obviously, this circumstance not only demonstrates the high degree of knowledge of the fences of this region, but also is an important argument in favor of the thesis about the origin of the traditions of the Turks in the designated territory.

Keywords: Turks, «memorial» sites, Central Asia, early stage, enclosures, chronology

В рамках изучения археологической культуры тюрок Центральной Азии принципиальное значение имеет комплекс вопросов, связанных с выделением ранней группы «поминальных» объектов. Такие сооружения, относящиеся к начальным этапам истории кочевников, наиболее полно демонстрируют сложные процессы формирования и начальной эволюции традиций кочевников, а их анализ позволяет рассматривать проблему определения компонентов сложения культуры и их значения в середине I тыс. н.э.

Установление хронологии тюркских «поминальных» комплексов основывается на анализе нескольких ключевых показателей:

1) определение времени бытования немногочисленных предметов, обнаруженных в ходе раскопок отдельных сооружений¹.

2) датировка реалий каменных изваяний (изображения пояса, предметов вооружения, украшений), установленных рядом с оградками, на основании аналогий с находками, главным образом, из погребальных комплексов;

3) использование результатов радиоуглеродного анализа органических материалов из оградок;

4) определение датировки редких рисунков на плитах оградок (на основании анализа изобразительных традиций), а также единичных рунических надписей;

5) установление относительной хронологии распространения отдельных типов сооружений на основании реконструкции основных направлений типологического развития конструктивных особенностей «поминальных» комплексов.

На основании анализа всего объема имеющихся материалов раскопок тюркских «поминальных» комплексов Центральной Азии представляется возможным выделить серию признаков, отличающих объекты ранней группы, датирующиеся в рамках второй половины V–VI в. н.э.

1. Относительным показателем ранних «поминальных» комплексов тюрок является отсутствие реалистичных каменных изваяний. Появление рельефных скульптур, изображавших мужчин-воинов, относится ко времени не ранее эпохи Первого каганата. На памятниках второй половины V – первой половины VI в. н.э., а видимо, и на более поздних комплексах, такие статуи заменяли стелы. На некоторых подобных объектах фиксируются следы подработки, демонстрирующие попытку придать камню антропоморфные признаки. Одним из характерных примеров подобной ситуации является «Г»-образная форма изваяний и балбалов, отмеченная в ходе исследования тюркских оградок комплекса Яломан-II в Центральном Алтае [Горбунов, Тишкин 2007: 119–120].

¹ Предметы, указывающие на датировку оградок в рамках раннего этапа (вторая половина V–VI в. н.э.), обнаружены в ходе раскопок небольшой серии «поминальных» комплексов: Биченег, Булан-Кобы, Кара-Коба-I, Кок-Паш, Кудыргэ, Кызыл-Таш, Чобурак-I [Могильников 1994; Мамадаков 1994; Соенов, Эбель 1996; Илюшин 2000; Худяков и др. 2000; Серегин и др. 2016; Серегин, Васютин 2021; и др.].

Очевидно, своего рода «промежуточное» звено между антропоморфными стелами и реалистичными скульптурами представляли некоторые «лицевые» изваяния, на которых изображено только лицо человека. По мнению Д.Г. Савинова [Савинов 2005: 239], отнесшего подобные объекты к VI–VII вв., редкость или полное отсутствие статуй на ранних этапах истории тюрков объясняется тем, что «<...> в это время еще продолжала существовать традиция использования в ритуальных целях манекена или самого трупа умершего, а не его скульптурного изображения».

Важно подчеркнуть, что само по себе отсутствие каменного изваяния у оградки не может считаться надежным признаком ранней датировки комплекса. Известно, что значительное количество скульптур было перемещено с места первоначальной установки с различными целями. Серия тюркских статуй, происходящих из различных частей Центральной Азии, в настоящее время находится в музейных центрах.

По мнению Г.В. Кубарева [Кубарев 2011: 137], раннетюркским или даже предтюркским временем могут быть датированы изваяния, на которых изображены коленчатые кинжалы. Аргументом в пользу данного тезиса является отсутствие на скульптурах изображений металлических накладных блях пояса, а также специфика распространения обозначенных предметов вооружения в археологических комплексах. Однако, учитывая то, что коленчатые кинжалы зафиксированы в ряде реалистичных скульптур, их ранняя датировка требует дополнительного подтверждения.

II. Судя по имеющимся материалам, одним из надежных признаков «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам развития культуры тюрков, являются захоронения лошадей, совершенные в оградках. К настоящему времени известна серия таких объектов, раскопанных на памятниках Булан-Кобы-IV, Кара-Коба-I, Кишнег-Атудар, Мендур-Соккон-I [Мамадаков 1994; Могильников 1994; Соенов, Эбель 1997; Худяков и др. 2001]. Большая часть захоронений лошадей совершена в округлых оградках (11 объектов), из которых одна устроена в отдалении от каких-либо других комплексов, и 10 – рядом стоящие. Кроме того, конские погребения зафиксированы в двух четырехугольных одиночных сооружениях, а также одной рядом стоящей и одной смежной оградках.

Округлые, рядом стоящие оградки с конскими захоронениями изучены на одном некрополе – Кара-Коба-I (объекты № 81-2, 74Б-1, 84-3, 86-1–4, 88-2–4) [Могильников 1994]. Лошади в этих комплексах укладывались в специально устроенные ямы внутри оградок. Положение животных в целом является стандартным для обрядовой практики раннесредневековых тюрков: на животе или на правом боку с подогнутыми конечностями. Балбалы или стелы возле таких оградок вкапывались в основном с северной или западной сторон.

В подквадратных конструкциях лошади были захоронены аналогичным способом – в ямах, но ориентировка и положение животных неустойчивы (головой на ЮВ, на спине; головой на ЗСЗ, на животе с подогнутыми ногами; головой на запад, на левом боку с подогнутыми ногами, с опущенной вниз мордой). В недавно раскопанной оградке комплекса Хужирт-I в Монгольском Алтае выявлен неполный скелет одного животного, уложенный беспорядочно на разном уровне [Тишкин и др. 2019: 294, рис. 4]. На памятнике Мендур-Соккон-I в западной части региона в оградке № 2 лошадь была уложена на спину [Соенов, Эбель 1997: 104]. Отметим, что подобная нетипичная для комплексов раннего средневековья ситуация зафиксирована только в двух случаях в ходе раскопок тюркских захоронений на Алтае и в Минусинской котловине [Худяков 2004: 35, рис. 33; Кубарев 2005: 274, табл. 71]. Оградка из Мендур-Соккона, кроме того, имела общую стенку с другой оградкой, в которой в ящичке находились остатки предметов вооружения и железные ножи [Соенов, Эбель 1997: 104].

У большинства округлых оградок и у одной четырехугольной постройки с конскими захоронениями зафиксированы вертикально установленные стелы и балбалы, вкопанные с западной и/или северной стороны [Худяков и др. 2001: 468–469, рис. 2]. Примечательно, что от одного из тюркских курганов с отдельным погребением лошади (Балык-Соок, курган № 23) к западу также отходил ряд балбалов [Кубарев 2005: 383, табл. 144].

Аналогии подобным комплексам фиксируются в материалах раскопок памятников тюрок на сопредельных территориях. Так, на могильнике Беш-Таш-Короо-II (Тянь-Шань, Кыргызстан) в трех оградках исследованы конские захоронения, в которых животные головой были ориентированы в западном направлении [Табалдиев 1996: 73–74, рис. 34]. Одна из лошадей была уложена на животе с подогнутыми конечностями и опущенной вниз мордой, взнуздана и оседлана, а с двух сторон от нее обнаружено по одному стремя восьмерковидной формы. Еще одно захоронение лошади исследовано на памятнике Беш-Таш-Короо-I (объект № 2). С животным были положены железная пряжка и берцовая кость барана. У западной стенки этой оградки находилось изваяние, на котором смоделировано только лицо и головной убор (прическа?) [Табалдиев 1996: 74, рис. 33].

Своеобразный ритуальный комплекс раскопан в Казахстане (Аралтобе-I). К оградкам с северо-западной стороны пристроена оригинальная конструкция, в которой обнаружены кости животного и фигурные металлические бляхи от конского снаряжения [Досымбаева 2006: рис. 26, 1–2]. С северо-западной стороны комплекса установлены лицевые (погрудные) изваяния, балбалы отсутствовали.

Важно отметить, что имеется информация о раскопках захоронений лошадей в четырехугольных рядом стоящих оградках на территории Тувы [Маннай-оол 1963: 243–245; Килуновская и др. 2017: 175, рис. 56–58]. Судя по представленным в предварительных публикациях сведениям, эти объекты относятся к начальным этапам развития культуры номадов и демонстрируют наиболее ранние комплексы тюрок в данном регионе. Более развернутая интерпретация имеющихся материалов будет возможна в случае введения в научный оборот всей полученной в ходе раскопок информации.

III. Зафиксированные предметы, а также представленные выше захоронения лошадей позволяют утверждать, что к ранним признакам «поминальных» комплексов тюрок Центральной Азии относятся оградки округлой формы, отличные от «классических» четырехугольных сооружений. По мнению В.А. Могильникова [Могильников 1994: 100], округлые оградки комплекса Кара-Коба-I предшествовали подквадратным объектам, что подтверждается наблюдениями стратиграфического характера: к одной из округлых оград пристроены два четырехугольных сооружения, для изготовления которых была использована часть другой кольцевой конструкции.

Имеющиеся материалы раскопок памятников Алтая последней четверти I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. дают основания для предположения о том, что распространение у тюрок округлых оградок, в ряде случаев содержащих захоронение лошади, связано с традициями населения булан-кобинской культуры. Подобные объекты раскопаны на ряде комплексов, в т. ч. относящихся к претюркскому времени (вторая половина IV–V в. н.э.) [Матренин, Шелепова 2007: 85–86; Серегин, Матренин 2016: 73–74].

IV. Параллельно с округлыми оградками на начальных этапах культуры тюрок возводились и четырехугольные объекты. Одним из надежных ранних признаков таких комплексов следует считать небольшие каменные ящички, которые чаще всего сооружались во внутреннем пространстве оградок. В ящичках 19-ти объектов обнаружены датирующие находки, которые позволяют с высокой степенью уверенности определить время сооружения большинства памятников в рамках второй половины V–VI в. [Гаврилова 1965: табл. IV; Васютин 1985: 75; Соенов, Эбель 1997: рис. II;

Илюшин 2000: рис. I–V; и др.]. В основном это предметы вооружения и конского снаряжения, часть которых демонстрирует связь с элементами материальной культуры кочевников предтюркского времени, другие же однозначно отражают новации в предметном комплексе раннесредневековых номадов.

Распространение небольших каменных ящичков в «поминальной» обрядности раннесредневековых тюрков представляется возможным связать с существовавшей на Алтае в предтюркское время традицией захоронения в каменном ящике, а также специфичными объектами, условно обозначаемыми как «миниатюрные» кенотафы [Серегин, Матренин 2016: 35–37, 62–63]. Основным признаком последних является сооружение погребальной камеры в виде ящика, не предназначенного по своим пропорциям для размещения взрослого человека. При этом по размерам наземной конструкции подобные объекты зачастую не отличались от обычных подкурганых захоронений.

Традиция сооружения каменных ящичков в тюркских оградках существовала и на следующем кудыргинском этапе развития культуры тюрков (вторая половина VI – первая половина VII в. н.э.), но фиксируется уже гораздо более фрагментарно в количественном отношении. Об том свидетельствуют материалы раскопок комплексов Кызыл-Шин и Ян-Гобо [Кубарев В.Д. 1984: 53–54, табл. XXXIX; Кубарев Г.В. 2018: рис. 5–6]. Не исключено, что отдельные подобные объекты могли возводиться и в более позднее время.

V. Другим ранним признаком четырехугольных оградок является сооружение смежных построек, имеющих одну общую стенку. Судя по имеющимся материалам, «активный» период бытования этих сооружений ограничивается VI в. Вместе с тем, подобные конструкции в единичных случаях представлены и на последующих этапах развития культуры раннесредневековых тюрков, подтверждением чему следует считать объекты комплекса Кур-Кечу в Центральном Алтае [Васютин 2009: рис. 2].

VI. Отличительной чертой оградок раннего этапа в развитии археологической культуры тюрков является не характерная в целом для традиций раннесредневековых кочевников ориентировка стел и балбалов, отличная от «классического» восточного направления. Об этом, в частности, свидетельствуют датирующие находки, обнаруженные в ходе раскопок подквадратных и округлых оградок на памятниках Кара-Коба-I, Булан-Кобы-IV, Кок-Паш и др., где зафиксировано расположение стел и балбалов к северу или к западу, и реже – к югу от основного комплекса [Васютин 1985: 75; Мамадаков 1994: 59, рис. 2, 7–12; Могильников 1994: рис. 6–7, 16–19; и др.]. Вариабельность ориентировок в данном случае может быть обусловлена своего рода «поиском» форм обрядовой практики в начальные периоды формирования и развития культуры тюрков, а также определенным влиянием традиций населения Алтая предшествующего времени.

VII. Относительным признаком «поминальных» комплексов раннего этапа культуры тюрков можно считать отсутствие таких сложных сооружений, как ров и вал, возводимых за пределами оградки. Очевидно, появление таких конструкций в более позднее время демонстрировало сложные социальные процессы и трансформации, произошедшие в обществе номадов. На начальном этапе социогенеза раннесредневековых кочевников такие проявления дифференциации отсутствовали.

VIII. Одной из характеристик серии «поминальных» объектов раннего этапа является наличие одного стремени. Все наиболее ранние экземпляры данной категории находок, относящиеся ко второй половине V–VI в. н.э. и обнаруженные в памятниках тюрков, найдены именно в оградках. Очевидно, преимущественная фиксация подобной традиции в ранних комплексах отражает особенности первоначального использования стремян как приспособления для посадки на лошадь

(подножки). Единственным примером обнаружения парных стремян в объекте обозначенного периода являются материалы раскопок комплекса Усть-Карасу [Серегин, Васютин 2019: рис. 3–4]. Показательно, что на следующем кудыргинском этапе в течение непродолжительного времени обычай помещения одного стремени в могилу или «поминальный» комплекс фиксируется на обширных территориях – в Туве, Минусинской котловине и Средней Азии [Евтюхова 1948: рис. 111а; Вайнштейн 1966: 303; Винник 1963: 87; Трифонов 1971: рис. 5; Поселянин и др. 1999: рис. 16, 19, 22; 17, 14; Худяков 1999: рис. 3; Килуновская и др. 2017: 175, рис. 56; и др.], очевидно, демонстрируя распространение традиций «ранних» тюрок в ходе первых военных кампаний середины VI в.

Для ранней группы «поминальных» сооружений тюрок характерны и другие признаки, которые при этом не имеют устойчивой хронологической привязки. К примеру, уже в оградках второй половины V–VI в. фиксируются жертвенные ямки, в которых иногда помещались вещи. Отметим, что зачастую такие конструкции сочетаются с сооружением центральных столбовых ямок. В данном случае наблюдение В.А. Могильникова [Могильников 1992: 190] о том, что на комплексе Кара-Коба-I ямки с остатками деревянных столбов со временем «занимают» место ящиков не находит подтверждения на более широком материале. Более того, обозначенные конструкции, судя по имеющимся данным, имели различную семантику и не были взаимоисключающими.

Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство «поминальных» комплексов с обозначенными выше признаками исследовано на Алтае. Очевидно, это обстоятельство не только демонстрирует высокую степень изученности оградок данного региона, но также является важным доводом в пользу тезиса о происхождении традиций тюрок именно на обозначенной территории. Некоторые из представленных характеристик фрагментарно фиксируются в других частях Центральной Азии, отражая процессы первоначального распространения раннесредневековых тюрок в середине – второй половине VI в. н.э. Наиболее ярким примером подобной ситуации является появление на сопредельных территориях немногочисленных оградок с захоронением лошади.

Проведенный анализ массива имеющихся материалов позволяет утверждать, что в середине I тыс. н.э. на Алтае происходил своего рода «поиск» форм «поминальной» обрядности. Об этом свидетельствует фиксация на раннем этапе культуры тюрок целой группы сооружений («ритуальных» курганов, оградок округлой формы, четырехугольных оградок с нестандартными характеристиками – захоронениями лошадей, необычной ориентировкой внеоградных объектов и др.), которые отличаются от более поздних «классических» комплексов тюрок. Имеются основания для утверждения о том, что этот процесс был связан с воздействием на обрядовую практику раннесредневековых кочевников традиций населения Алтая предтюркского времени.

Очевидно, что в ходе дальнейших раскопок количество «поминальных» комплексов, относящихся к ранним этапам в развитии культуры тюрок, будет увеличено, что позволит более подробно рассматривать общие и особенные характеристики объектов этого времени. Наибольшие перспективы связаны с целенаправленными археологическими исследованиями на территории Монгольского Алтая. К настоящему времени в этой части центрально-азиатского региона раскопаны единичные комплексы, датировка которых определяется рамками второй половины V–VI в. н.э. [Төрбат и др. 2016; Идэрхангай Т.-О. и др. 2019; Тишкин и др. 2019]. Не меньшее значение имеет проведение полевых работ на территории Синьцзяна, где, согласно письменным источникам, происходил начальный этап сложения группы населения, впоследствии составившей один из компонентов в процессе формирования общества тюрок.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Түве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1966. Т. II. С. 292-334.
- Васютин А.С.* О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. Кемерово: КемГУ, 1985. С. 73-79.
- Васютин А.С.* Тюркские оградки Кер-Кечу и Нижнего Сору Центрального Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2009. Вып. 5. С. 87-94.
- Винник Д.Ф.* Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе: АН Киргизской ССР, 1963. С. 79-93.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Каменные изваяния тюркского времени на Яломанском археологическом комплексе // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 119-124.
- Досымбаева А.* Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. Алматы: ОФ «Тюркское наследие», 2006. 168 с.
- Евтюхова Л.А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 110 с.
- Идэрхангай Т.-О., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Өнөр-баяр Б., Цэнд Д., Батчимэг Б., Эрдэнэпүрэв П.* Монгол-Оросын хамтарсан «Төв Азийн археологийн шинжилгээ-2» хээрийн шинжилгээний ангийн Баян-Өлгий аймгийн Алтай сумын нутагт ажилласан малтлага судалгааны ажлын үр дүнгээс // Монголын археологи–2018: Эрдэм шинжилгээний хур-лын эмхэтгэл. Улаанбаатар: Бемби сан, 2019. Т. 231-236.
- Илюшин А.М.* Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск: НГУ, 2000. С. 157-169.
- Килуновская М.Е., Боковенко Н.А., Лазаревская Н.А., Т. Р. Садыков Т.Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н.Ю.* Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булуң в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 2017. № 6. С. 151-182.
- Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. 230 с.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Кубарев Г.В.* К вопросу о выделении раннетюркских изваяний и поминальных сооружений // Этническая история и культура тюркских народов Евразии (по данным антропологии, археологии, культурологии, лингвистики, фольклористики и этнографии). Омск: ОмГУ, 2011. С. 136-140.
- Кубарев Г.В.* Древнетюркские оградки Кызыл-Шина (Юго-Восточный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 2. С. 79-89.
- Мамадаков Ю.Т.* Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 58-63.
- Маннай-оол М.Х.* Итоги археологических исследований ТНИИЯЛИ в 1961 г. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1963. Вып. X. С. 238-246.
- Матренин С.С., Шелепова Е.В.* Материалы по изучению ритуальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. (булан-кобинская культура) // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, 2007. Вып. 5. С. 84-90.
- Могильников В.А.* Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1992. С. 175-212.
- Могильников В.А.* Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Кобы-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. С. 94-116.
- Поселянин А.И., Киргинцев Э.Н., Тараканов В.В.* Исследование средневекового могильника Белый Яр-II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск: НГУ, 1999. Вып. 2. С. 88-116.
- Савинов Д.Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии / Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 180-343.

- Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Тюркские «поминальные» объекты комплекса Усть-Карасу (Центральный Алтай): по материалам раскопок А.С. Васютина // Поволжская археология. 2019. № 2 (28). С. 32-46.
- Серегин Н.Н., Васютин С.А.* Раннетюркские археологические комплексы Центрального и Восточного Алтая (по материалам исследований А.С. Васютина). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 296 с.
- Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А.* Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-1 (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. Вып. XXII. С. 174-182.
- Серегин Н.Н., Матренин С.С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3. С. 115-118.
- Соенов В.И., Эбель А.В.* Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-1 // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 1997. Вып. 2. С. 103-115.
- Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
- Тишкин А.А., Идэрхангай Т., Пластеева Н.А., Серегин Н.Н., Горбунов В.В.* Захоронение лошади в тюркской оградке № 5 памятника Хужирт-1 (Монгольский Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. Вып. XXV. С. 290-297.
- Төрбат Ц., Баярхүү Н., Лепец С., Бернард В.* «Монгол Алтайн түрүү ба түүхэн үеийн оршин суугчдын цогц судалгаа» төслийн хээрийн шинжилгээний товч үр дүн // Монголын археологи–2015. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны Академийн Түүх, 2016. Т. 172-176.
- Трифонов Ю.И.* Древнетюркская археология Тувы // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1971. Вып. 15. С. 112-122.
- Худяков Ю.С.* Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. № 3. С. 21-26.
- Худяков Ю.С.* Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А., Борисенко А.Ю.* Древнетюркский поминальник в долине р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. С. 417-423.
- Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы.* Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. Т. VII. С. 456-470.

**А. А. Ткачев,
Ал. Ал. Ткачев**

Александр Александрович Ткачев, sever626@mail.ru
Тюменский научный центр СО РАН, Тюмень, Россия
Александр Александрович Ткачев, al.al.tkachev@mail.ru
Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Особенности раннетюркского погребального обряда Восточного Казахстана (по материалам могильника Меновное XII)*

Аннотация. Во второй половине I тыс. н.э. в степной зоне Центральной Азии в процессе формирования этнополитических объединений формируется древнетюркская культура. В ходе политического развития происходит проникновение носителей тюркских традиций на территорию Средней Азии, Казахстана и Сибири. Одним из таких регионов, попавших под воздействие тюркской культуры, становится Верхнее Прииртышье, где в VII–VIII вв. возникает кимако-кипчакское протогосударственное объединение. Начальную стадию данного процесса, особенности погребального обряда и характерные элементы материальной культуры населения отражают материалы могильника Меновное XII.

Ключевые слова: Верхнее Прииртышье, эпоха средневековья, тюрки, кимаки, курган, погребальный обряд, вещевой инвентарь, реконструкция конской упряжи

Александр Александрович Ткачев,
РҒА СБ Тюмен ғылыми орталығы, Тюмень, Ресей,
Александр Александрович Ткачев,
Тюмен мемлекеттік университеті, Тюмень, Ресей

Шығыс Қазақстанның ерте түріктік жерлеу салтының ерекшелігі (Меновное XII қорымының материалдары бойынша)

Аннотация. Б.д. I мыңж. екінші жартысында Орталық Азияның далалық зонасында этносаияси бірлестіктің қалыптасу процесінде ежелгі түркілік мәдениет қалыптасады. Саяси даму кезінде түркі дәстүрін қолданушылар Орта Азия, Қазақстан және Сібір территориясына ене бастады. Түркі мәдениетінің ықпалына түскен осындай аймақтардың бірі, VII–VIII ғғ. қимақ-қыпшақ протомемлекеттік бірлестігі пайда болған Жоғарғы Ертіс бойы болды. Осындай процесстің батапқы сатысын, жерлеу салтының ерекшеліктерін және тұрғындардың материалдық мәдениетінің элементтерін Меновное XII қорымының материалдары көрсетеді.

Түйін сөздер: Жоғарғы Ертіс бойы, ортағасырлар, түріктер, қимақтар, оба, жерлеу салты, заттық инвентар, ат ауыздығын реконструкциялау

Alexander Tkachev,
Tyumen Scientific Center SB RAS, Tyumen, Russia,
Alexander Tkachev,
Tyumen State University, Tyumen, Russia

Features of the Early Turkic funeral rite of East Kazakhstan (based on the materials of the Menovnoe XII burial ground)

Abstract. In the second half of the first millennium AD, the ancient Turkic culture was formed in the steppe zone of Central Asia in the process of forming ethnopolitical associations. In the course of political development, the carriers of Turkic traditions penetrate into the territory of Central Asia, Kazakhstan and Siberia. One of such regions

© 2022 Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал.

*Работа выполнена по госзаданию – проект №АААА-А17-117050400147-2 «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум».

that came under the influence of Turkic culture is the Upper Irtysh region, where the Kimak–Kipchak proto-state association appeared in the 7th–8th centuries. The initial stage of this process, the features of the funeral rite and the characteristic elements of the material culture of the population reflect the materials of the Menovnoe XII burial ground.

Keywords: Upper Irtysh region, the Middle Ages, Turks, Kimaks, burial mound, funeral rite, clothing inventory, reconstruction of horse harness

Введение

В середине I тыс. н.э. на историческую арену выходят тюркские племена, создавшие во второй половине тысячелетия несколько последовательно сменявших друг друга государственных образований. Среди государственных объединений, возникших в процессе тюркизации сопредельных территорий, в Верхнем Прииртышье складывается новое кочевое раннегосударственное объединение – Кимако-кипчакский каганат – как результат смешения местного и пришлого населения. На рубеже I–II тыс. влияние данного кочевого государства распространяется на огромные степные просторы – от Алтая и Средней Азии до Северного Причерноморья и Дуная.

Материалы могильника Меновное XII отражают компоненты погребальной обрядности и своеобразные черты материальной культуры пришлого раннетюркского населения, послужившие основой для развития кимакских традиций.

Общая характеристика памятника

Памятник, объединяющий 14 погребальных конструкций, открыт в 1992 г. при обследовании левобережной террасы р. Иртыш. Могильник расположен в 2,1 км к юго-востоку от пос. Меновное (Уланский (бывш. – Таврический) р-н, ВКО, РК). Поминальная площадка находилась в северной части урочища, занимая восточный сектор невысокого возвышения, плавно переходящего через узкий проход в северной части в более высокую сопку, скальная вершина которой возвышается на 2–3 м. Возвышение заканчивается обрывистым склоном коренной террасы, максимальная высота которой над уровнем высокой поймы реки превышает 22 м (рис. 1, 1–3).

Основная часть курганов – восемь насыпей – располагались компактной группой в восточной части уплощенной вершины, занимая площадку размерами 65×30 м. Один, наиболее крупный курган, находился несколько обособлено в 9 м севернее основной группы на узкой площадке-переходе между южной и северной возвышенностями. Одновременно описанная перемычка являлась водоразделом между склонами стока обеих сопки, направленных в западную и восточную стороны. Второй курган обнаружен на склоне сопки в 12 м южнее основной группы. Четыре кургана образуют неровную «цепочку» насыпей, вытянутую по гребню склона сопки, направленную на юго-восток. Началом «цепочки» является один из курганов основной группы могильника. Необходимо отметить, что все пять насыпей равноудалены в пределах 15–20 м друг от друга. Насыпи имеют хорошо задернованную поверхность, поросшую мелким степным кустарником, между которым просматриваются отдельные камни оград, возвышающиеся над современной дневной поверхностью на 5–10 см. Насыпи сложены плотным белесым суглинком с небольшой примесью камней. Под камнями оград и на непо потревоженных участках площадок прослеживалась погребальная почва, сложенная коричневой гумусированной супесью толщиной 7–9 см, перекрывавшей белесую материковую глину, ниже которой залегало скальное основание сопки. За два полевых сезона (1997–1998 гг.) археологической экспедицией Восточно-Казахстанского государственного университета под руководством А.А. Ткачева исследовано 11 погребальных конструкций (рис. 1, 4).

Исследованные погребальные сооружения по внешним признакам и внутренним конструктивным особенностям можно разделить на четыре группы. В основу их выделения

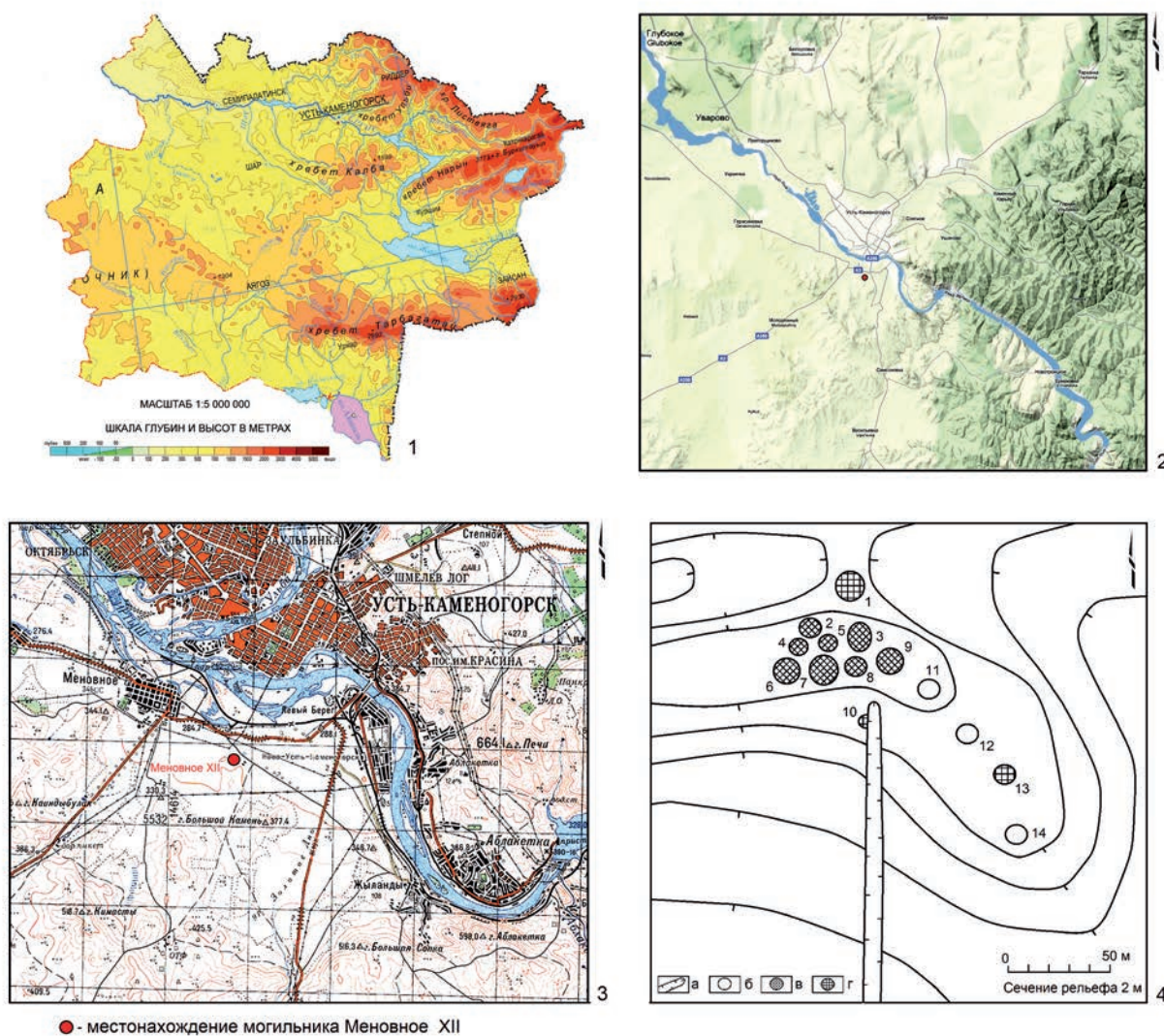

Рис. 1. Могильник Меновное XII: 1–3 – местоположение памятника; 4 – план:
 а – противопожарная траншея; б – неисследованный курган; в – курган, исследованный в 1997 г.;
 г – курган, исследованный в 1998 г.

положены: форма насыпи, особенности сооружения оград, специфика содержания погребальных и поминальных конструкций, перекрытых белесым суглинком с примесью щебня. Появление последнего компонента в составе насыпи связано, скорее всего, не с преднамеренным смешением привнесенного грунта и камня, а с особенностями сооружения могильных ям, вырубленных в скальной основе сопки. Можно предположить, что вынутый при сооружении могильных и жертвенных ям щебень не удалялся с погребальных площадок, а смешивался с привнесенным со стороны белесым суглинком. Именно поэтому выбросы из ям не фиксируются и определить последовательность сооружения погребальных конструкций невозможно. Скорее всего, первоначально ограждалась погребальная площадка, внутри которой сооружались углубления для

размещения людей и жертвенных животных. Ориентировка и местоположение ям внутри оград зависели от каких-то дополнительных условий, связанных с конкретной личностью погребаемого человека.

Углублений, карьерных ям или ровиков, использовавшихся с целью получения грунта для отсыпки насыпей, в пределах погребальной площадки не обнаружено. Это связано с тем, что скальное основание сопки перекрыто тонкой прослойкой белесой глины, мощность которой варьирует на разных участках пологих склонов от 0,0 до 0,3 м. Члены коллектива, оставившие погребальные объекты, исходили из того факта, что для отсыпки насыпей использовать грунт вокруг оград нельзя, так как, во-первых, суглинка, перекрывавшего сопку, не хватило бы даже для сооружения двух–трех курганов, расположенных к тому же довольно плотно друг к другу; во-вторых, они также понимали, что насыпи погребальных сооружений, расположенные на вершине сопки, будут быстро разрушены в результате водно-ветровой эрозии. Поэтому грунт для насыпей привносился со стороны.

Все исследованные погребальные сооружения имеют характерные конструктивные особенности. Большинство исследованных околмогильных конструкций сооружалось методом последовательной горизонтально-вертикальной кладки из уплощенных камней, уложенных в 2–3 слоя, высотой 0,15–0,7 м. Погребальные конструкции перекрывались овально-округлыми уплощенными насыпями высотой около 0,2 м, вариации по высоте в ту или другую сторону единичны. Характерной особенностью всех исследованных внутри курганных сооружений является широкое использование для их строительства разнообразных пород камня: белого кварца, серого порфирита, пепельного сланца, гранита. Сочетание их довольно хаотично и проследить тенденции к предпочтению конкретной породы не удалось. Единственным исключением является более широкое использование для сооружения верхнего ряда кладки небольших плиток пепельного сланца. Скорее всего, это связано с тем, что плитки сланца хорошо колются на тонкие пластины и их применяли для выведения верхнего среза оград на один уровень.

Подход к сооружению оград единообразен: в основание на погребенную почву укладывались крупные уплощенные блоки, для второго и третьего ряда использовались камни более мелких размеров, завершали кладку тонкие сланцевые плитки. В то же время необходимо отметить, что встречаются и конструкции, имеющие только однорядную горизонтальную кладку или сочетание последней на отдельных участках с вертикальной кладкой. Различия в конструкциях оград, возможно, связаны с социальным или половым статусом конкретных погребенных. В качестве перекрытия ям использовалось дерево, перекрывавшееся, в свою очередь, выкладками из небольших камней, или крупные гранитные плиты красноватого и светло-серого цвета.

Особенности погребального обряда

В первую группу выделены два наиболее крупных кургана, имевших овальные насыпи высотой до 0,3 м, перекрывавшие ограды с одной дополнительной пристройкой. Размещение и конструктивные особенности внутренних погребальных объектов позволяют рассматривать их в рамках близких, но отдельных подгрупп. Между собой их сближает как ориентировка могильных и жертвенных ям, так и наличие в сопровождении погребенных животных: собак и лошадей.

В первую подгруппу выделен курган 1. Он имел овальную насыпь (9×8×0,3 м), перекрывавшую ограду с пристройкой, сооруженную с северо-восточной стороны основной конструкции, с коридорообразным проходом во внутрь огражденного пространства. Основная ограда содержала две могилы (одна внутри, вторая – снаружи) и две жертвенные ямы (одна, расположенная параллельно могиле, содержала останки двух лошадей; вторая, впущенная в стенку ограды, останки

собаки). В дополнительной пристройке находилась жертвенная яма с останками двух лошадей [Ткачев, Ткачев 2022].

Во вторую подгруппу выделен курган 3, имевший овальную насыпь (9×7,5×0,3 м), перекрывавшую ограду с пристройкой, расположенной с южной стороны и соединенной проходом с основной конструкцией. Ограда содержала могилу и жертвенную яму с останками двух лошадей, на перекрытии которой лежали кости собаки; в пристройке находилась жертвенная яма, содержащая останки скелета собаки [Ткачев, Ткачев 2021].

В третью подгруппу выделен курган 4, имевший округлую насыпь (диаметр 7 м, высота 0,25 м), перекрывавшую ограду из крупных камней диаметром более 5 м. Могила располагалась у северных плит ограждения; жертвенная яма, содержащая взнузданные останки задней части туши лошади в сопровождении глиняного сосуда, находилась в юго-западном секторе ограды.

Вторая группа объединяет восемь насыпей, основная часть которых расположена компактной группой западнее и южнее наиболее крупных насыпей курганов первой группы. Среди исследованных погребальных сооружений, исходя из конструктивных особенностей, можно выделить три подгруппы, которые между собой сближают форма и конструктивные особенности сооружения оград, при определенной неустойчивости в ориентировке и внутреннем содержании могил.

В первую подгруппу выделена конструкция, имевшая ограду из хорошо подобранных камней, уложенных в один слой, образующих 5–6 концентрически выложенных кругов. Могильная яма характеризуется широтной ориентировкой, уступчиками в средней части и двойным перекрытием из гранитных плит (кург. 7).

Во вторую подгруппу выделен курган, содержащий под насыпью спирально-комбинированную конструкцию ограды, сооруженную на разных участках из камней горизонтальной кладкой в 1–2 ряда, дополнявшихся на ряде участках вертикальной кладкой высотой до 0,3 м. Он содержал яму, вытянутую по линии СЗ–ЮВ, с дополнительными уступчиками в придонной части и двойным перекрытием из гранитных плит (кург. 8).

Третья подгруппа объединяет шесть сооружений с овально-округлыми оградями, содержащими одну могильную яму с захоронением человека (кург. 5, 10, 13). В одном случае конструкция ограды усложнена дополнительным поминальным комплексом (кург. 6); в двух могилах останки людей залегали совместно с останками лошадей (кург. 2, 9).

Изученные курганы содержали 13 околмогильных конструкций: 11 основных оград и две пристройки. По способу сооружения выделяются две разновидности:

- большинство оград сложены вертикальной кладкой в 2–4 слоя уплощенных камней, высота кладки варьировала в пределах 0,2–0,4 м;
- стенки пристроек и часть стенок оград сооружены из камней, уложенных в один ряд (кург. 8–10, 13).

Ограды имеют округлую или прямоугольно-овальную форму, обычно совпадающую с ориентировкой могил. Пристройки сооружены в форме неправильного прямоугольника (кург. 1Б) и полуовала (кург. 3Б). В одном из курганов выявлен разрушенный поминальный комплекс, выделяющийся наличием стелообразных камней (кург. 6). Стелообразный камень перекрывал яму, содержащую захоронение собаки (кург. 1А).

Погребальные конструкции расположены компактной группой, что свидетельствует о принадлежности людей, помещенных в них, к одному коллективу, в котором существовало определенное социальное расслоение. Два кургана, выделявшиеся не только размерами, но и особенностями внутреннего устройства, содержали захоронения, принадлежавшие, скорее всего,

Рис. 2. Могильник Меновное XII. Вещевой инвентарь: 1–7, 22, 25–28 – курган 1; 8–21, 23, 24 – курган 3; 29, 30 – курган 4. 1 – серебро-бронза; 2 – бронза-золото-железо; 3–6, 8–10, 13, 17, 18, 25, 26 – бронза-железо; 7, 12 – бронза-железо-кожа; 11 – бронза-жемчуг; 15, 16, 20 – бронза; 19, 21–24, 27–29 – железо; 14, 30 – глина

родовой знати. В одном кургане умершего сопровождали собака и две пары лошадей (кург. 1), в другом – две собаки и пара лошадей (кург. 3). Особенности вещевого инвентаря, обнаруженного с лошадьми, и его размещение в погребальном пространстве жертвенных ям, позволяют предполагать, что одна из них являлась запряжной, вторая – заводной. К особой социальной группе общества могли принадлежать и люди, погребенные в сопровождении лошади: в одном случае умершего сопровождали сосуд и взнузданная задняя часть туши лошади, помещенные в отдельную яму (кург. 4); в двух других разрозненные кости лошадей встречены совместно с останками людей на дне могильных ям (кург. 2, 9). В качестве своеобразных жертвоприношений или особой характерной черты мужского аксессуара можно рассматривать и астрагалы мелкого рогатого скота, отмеченные в двух могильных ямах (кург. 3, 7).

Исследовано 11 захоронений в ямах, впущенных в скальный грунт, и одно – в каменном ящике, сооруженном на уровне материка. Восемь могильных ям располагались в центре огражденного пространства. В трех случаях ямы преднамеренно смещены в юго-западный, южный и северный сектора оград. Рядом с могилами на свободных участках размещались жертвенные ямы с останками лошадей. Каменный ящик, содержащий единственное захоронение ребенка, располагался за пределами ограды.

Прослежено три способа перекрытия могильных ям после совершения обряда захоронения: двойное перекрытие из гранитных плит на уровне уступчиков и на уровне материка; одинарное перекрытие из гранитных плит на уровне материка; деревянное перекрытие на уровне материка с последующим сооружением поверх выкладки из небольших камней. Единично отмечен случай, когда камни выкладки дополнительно перекрывались гранитными плитами. На последнем этапе при совершении обряда захоронения ограда и могила перекрывались белесым суглинком. При ограблении надмогильные конструкции разбивались, выворачивались или частично западали вовнутрь могильных сооружений. В результате в центре насыпей возникали округлые или овальные западины, заполнявшиеся с течением времени черной гумусированной супесью. Образование западин связано не только с происходившими ограблениями, но и с тем, что ямы не засыпались, а только перекрывались плитами.

Каменный ящик, перекрытый плитой, содержащий захоронение ребенка, имел небольшие размеры (1,1×0,6×0,2 м). Могила, содержащая захоронение подростка, средних параметров (1,8×1,3×1,0 м), могилы взрослых более крупные (2,0–2,5×1,0–1,8×0,7–1,0 м). Единично отмечена могильная яма, прорезавшая глинистую прослойку, углубленная в скалу всего на 5 см, достигала в глубину 0,4 м (кург. 4). Большинство ям углублены в скальное основание сопки на 0,5–0,9 м. В ориентировке могильных конструкций преобладает широтное положение (7–58,3%), СВ–ЮЗ (2–16,7%), СЗ–ЮВ (1–8,3%), ящик и одна из ям – С–Ю (2–16,7%).

Могилы разграблены, но наличие костных останков людей свидетельствует о том, что умершие погребались по обряду труположения. Единственным не ограбленным захоронением является безынвентарное погребение ребенка, лежавшего на спине с вытянутыми вдоль туловища руками головой на север. В трех случаях удалось определить позу взрослых людей: один лежал на спине головой на юго-восток (кург. 9); второй – на спине с раскинутыми в стороны руками головой на северо-восток (кург. 13); третий – на спине в вытянутом положении головой на запад (кург. 10).

Половозрастная структура не определена, но можно предположить, что в тех случаях, когда умерших сопровождали лошади или астрагалы, могилы содержали останки мужчин, а это половина всех захоронений. В то же время людей, погребенных в сопровождении собак и парных запряженных лошадей, можно рассматривать как лиц, принадлежащих к элите данного коллектива.

Лошади помещались в отдельные жертвенные ямы, располагаясь параллельно – южнее (кург. 1) или севернее (кург. 3) могилы. В одном случае останки второй пары лошадей зафиксированы в яме, находящейся в пристройке (кург. 1). В жертвенной яме с уступчиком один костяк лошади лежал на дне, второй – на уступчике, причем верхний перекрывал нижний. Верхний костяк уложен на правый бок, нижний – на левый, ноги подогнуты, туши ориентированы на восток. На нижнем костяке прослежены украшения упряжи (кург. 1А, яма 1). Во втором случае нижний костяк лошади уложен на живот с подогнутыми ногами, общей ориентацией на восток и головой, повернутой на запад. Вторую лошадь олицетворяет задняя взнузданная часть туши, уложенной поверх первой на живот с подогнутыми ногами с общей ориентацией на восток (кург. 1Б, яма). В третьем – один костяк взнузданной лошади расположен вдоль южной стенки ямы, туша уложена на живот с подогнутыми ногами и общей ориентацией на восток, голова повернута на запад. Первый костяк перекрывает второй костяк лошади, имеющий аналогичную позу и ориентировку туши и головы (кург. 3А, яма). В четвертом случае яма содержала взнузданную заднюю часть туши, ориентированную на юго-восток (кург. 4, яма). Наличие не потревоженных захоронений лошадей позволяет предполагать, что в каких-то особых случаях задняя часть туши олицетворяла целое ездовое животное.

Вещевой инвентарь

Сопровождающий инвентарь, обнаруженный в насыпях и захоронениях, представлен глиняной посудой, единичными предметами вооружения и украшения, а также разнообразными изделиями, использовавшимися для управления лошадью и украшения конской амуниции.

Изделия из глины включали жертвенный сосуд (рис. 2, 30) и 10 глиняных черепков, один из которых орнаментирован (рис. 2, 14). Керамические обломки по своим технологическим параметрам идентичны целой емкости. Изделия из глины изготовлены из плотного глиняного теста с примесью песка и шамота. Поверхность серого цвета, на внутренней стороне прослеживались следы от заглаживания, обжиг неровный костровой, черепки в изломе черные.

С воинским снаряжением связан обломок округлого черешка от железного наконечника стрелы (?) (рис. 2, 21). Украшения представлены единственным изделием – бронзовым перстнем с овальным щитком, к которому симметрично припаяны четыре крепежных каста, где зажатуплощенно-округлый камень серого цвета диаметром 0,9 см и высотой 0,4 см. По внешнему виду это, скорее всего, половина распиленной жемчужины. В нижней части ободок имел разрез для регулирования внутреннего диаметра кольца (рис. 2, 11). Среди изделий хозяйственно-бытового назначения обнаружены тесла (рис. 2, 22, 26) и обломок однолезвийного железного ножа с уплощенной спинкой и округло-приостренным окончанием лезвия. Группа предметов, функциональное назначение которых не определено, представлена четырьмя изделиями: бронзовыми, железной и серебряной пластинкой, согнутой пополам и приклепанной к деревянному изделию серебряными шпеньками. Для соединения и подгонки ремней оголовья и подпруги использовались рамчатые (рис. 2, 27, 29) и щитковые (рис. 2, 7, 12, 13) пряжки. Для управления конем применялись железные удила (рис. 2, 19) и стремяна (рис. 2, 23, 24). В качестве украшения конской сбруи использовались разнообразные изделия: бубенчик (рис. 2, 16), накладки (рис. 2, 2–4, 17, 18, 25, 26), бляхи-распределители (рис. 2, 1, 8, 9), наконечники (рис. 2, 5, 6, 10) и фиксаторы (рис. 2, 15, 20) ремней.

Для определения хронологической позиции памятника особое значение имеют стремяна, тесла и бляхи-тройчатки. Стремяна с петлеобразным ушком и плоской подножкой являются естественным продолжением развития стремян I–III типа, рассматриваемых А.А. Гавриловой как модификации одной линии развития данного вида изделий со следующими характерными признаками: округлая форма стремени, округлое сечение боковин, плоская подножка, иногда

усиленная валиком или ребром. Данный тип изделий, появившихся в древностях кудыргинского этапа, датированного VI–VII вв. [Гаврилова 1965: 34–35, табл. XV, 14–16], продолжает использоваться на протяжении всего тюркского времени [Савинов 1982: 110, 112, рис. 4, 9, 10; 1996: 20, рис. 1, 1–4], но наиболее широко он использовался до середины IX в. [Неверов 1998: 145].

По своим морфологическим особенностям тесла соотносятся с ранними формами, для которых характерна слабая выраженность плечиков при равновеликой ширине лезвия и несомкнутой втулки. Широкое распространение тесел данного облика связано с раннетюркской эпохой в пределах VI–VIII вв. [Нестеров 1981: 169–171, рис. 1, 1–3]. В средневековых погребальных комплексах Верхнего Прииртышья тесла единичны: изделие с округлым лезвием встречено в кимакском захоронении могильника Карашат II [Трифонов, Самашев 1987: 217, рис. 105, 5]; два тесла с ярко выраженными плечиками найдены в кыргызских курганах Зевакинского могильника [Арсланова 1972: табл. III, 1; IV, 17]. Значительно шире тесла с покатыми плечиками встречены в кимакских захоронениях на сопредельной территории Алейского микрорайона Алтайского края, где часть изделий восходит к ранним формам раннетюркского периода [Могильников 2002: 107–108; рис. 171, 18].

Выпуклые бляхи-тройчатки использовались как распределители ремней оголовья на протяжении длительного времени. Наиболее ранние изделия данного типа происходят из могильника Узунтал IV (Горный Алтай), датированного VIII–IX вв. [Савинов 1982: 117–118, рис. 13, 4], хотя нельзя исключать появление подобного типа украшений и несколько ранее [Григорьев 1998: 152–153]. Сближает ранние (рис. 2, 1) и поздние (рис. 2, 8, 9) формы тройчаток устойчивая орнаментация центральной части трехлучевой звездой. Морфологические отличия изделий из разных курганов могильника позволяют рассматривать тройчатки кургана 1 как типологически предшествующие тройчаткам из кургана 3, датированных второй половиной VII–VIII в. до н.э. [Ткачев, Ткачев 2021: 116, рис. 4, 12, 15]. Тройчатки, близкие изделиям из кургана 3, встречены на Алтае в могильнике Узунтал в одном комплексе с гладкими щитковыми наконечниками ремней, аналогичными наконечникам ремней из кургана 1. Последние Д.Г. Савинов рассматривал как проявление катандинских черт в тюркских комплексах VII–VIII вв. [Савинов 1982: 115–116, рис. 13, 2, 4]. В позднетюркское время (IX–XII вв.) преобладают нарядно орнаментированные детали сбруи [Григорьев 1998: 152–153, рис. 1, 2; Кызласов Л.Р. 1981: рис. 33, 60].

Непотревоженный инвентарь, обнаруженный на задней части крупа лошади (кург. 1), позволяет реконструировать особенности украшения пахвы (надкрупника). Способ крепления ремней к полкам седла из-за ограбления неясен, но, судя по особенностям размещения украшавших его предметов, он состоял из одного подхвостного ремня, орнаментированного бляшками и накладками со свисающими ремешками, украшенными наконечниками. Тесла, располагавшиеся на правой стороне круп лошадей, находились или в переметных сумах, или в кожаных мешочках, крепившихся к седлу (рис. 3, 1). Особенности размещения и закрепления на крупника в разные исторические периоды во многом идентичны [Тишкин, Горбунова 2004: 35, рис. 15; 17–21].

Расположение вещевого инвентаря вокруг головы лошади (кург. 3) позволяет реконструировать особенности узды, использовавшейся для управления, включающей удила с псалиями и оголовье. Основой последнего являлись кожаные ремни шириной 1,4–1,5 см: наносной, подгубный, два нащечных, налобный, подбородочный и затылочный (рис. 3, 2). Нащечные ремни с каждой стороны были украшены четырьмя прямоугольными накладными бляхами, две из которых прикрывали соединение с вертикальными ремешками длиной 10–12 см, заканчивающимися ременными наконечниками. Места соединения нащечных, налобного, подбородочного и затылочного ремней перекрывались бляхами-тройчатками. К центру подбородочного ремня крепился бубенчик. Оголовье закреплялось и регулировалось с помощью бронзовых пряжек: одна соединяла две

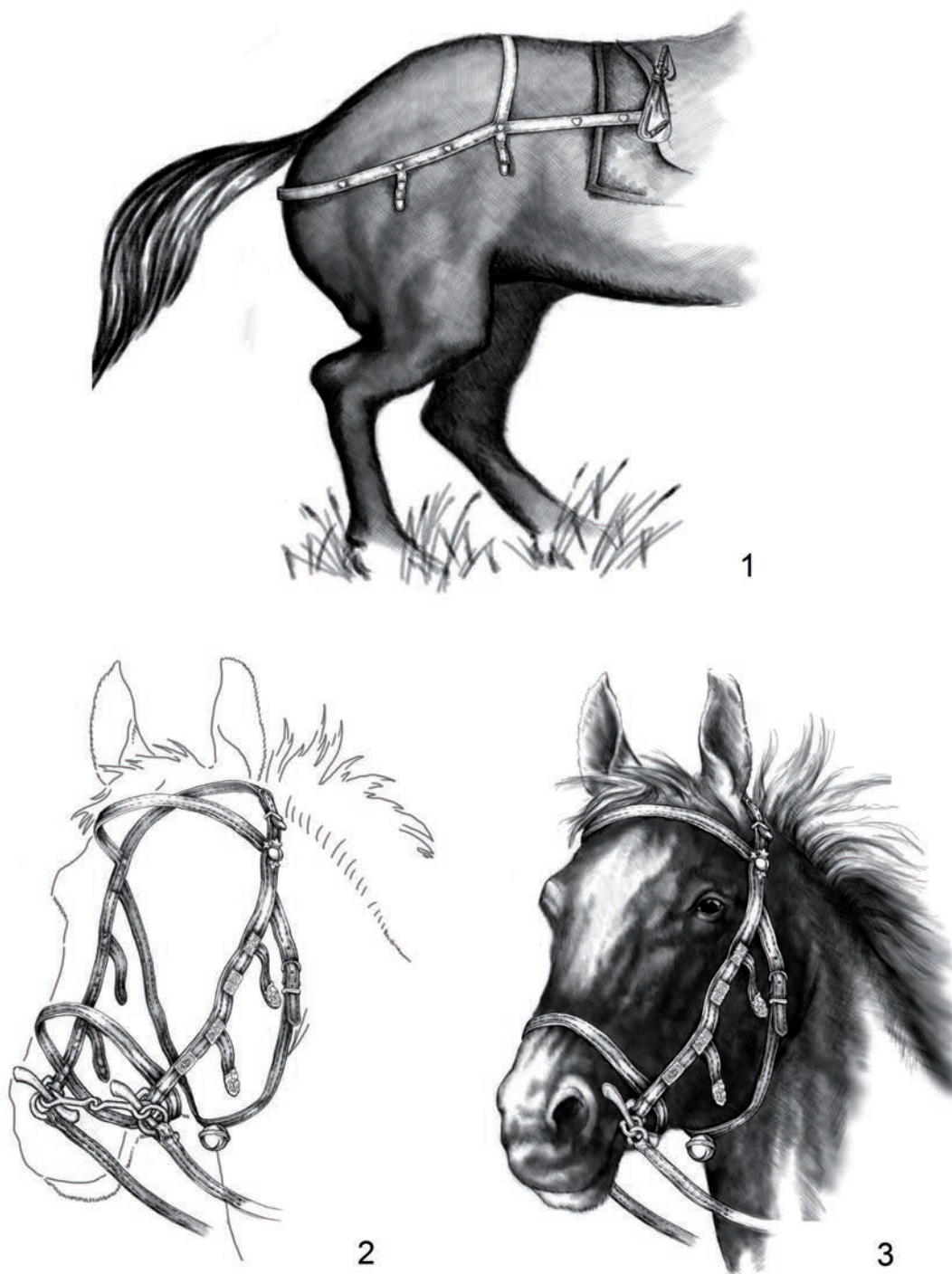

Рис. 3. Могильник Меновное XII. Реконструкция конской амуниции:
1 – курган 1, ограда А, жертвенная яма 1; 2, 3 – курган 3, ограда А, жертвенная яма

части затылочного ремня; вторая – подбородочного. Концы ремней закреплялись в бронзовых фиксаторах. Для управления лошадыю использовался повод, соединенный с уздой (рис. 3, 3). По своим основным параметрам реконструируемое оголовье имеет сходство с аналогичными изделиями, известными в кимакских древностях [Могильников 2002: 82–83], а также в памятниках тюркской и сросткинской культур [Тишкин, Горбунова 2004: 32, рис. 13].

Обсуждение результатов

Ограбленность курганов и их незначительное количество не позволяет рассмотреть в целом систему жизнедеятельности коллектива, оставившего памятник, однако своеобразие погребальных сооружений свидетельствует о его сложной социальной структуре.

Два наиболее крупных и сложных по устройству кургана принадлежат социально значимой группе общества. Курган 1, расположенный несколько обособленно, является наиболее ранним погребальным объектом¹, где умершего сопровождали две пары коней, собака и ребенок. Во втором элитном кургане 3 умершего сопровождали пара коней и две собаки. Планиграфическая близость курганов, внутреннее близость погребальных конструкций, особенности погребального обряда и сходство вещевого инвентаря свидетельствуют об определенной преемственности власти в пределах двух поколений, вероятно, одной семьи.

В становлении и развитии кимакского раннегосударственного образования выделяется три этапа, а время появления на Иртыше кимаков (йемеков) относится к середине VII в. [Савинов 1994: 68–70]. В то же время до сих пор не известно, кто проживал на данной территории до появления здесь раннетюркского населения. Погребальные объекты, соотносимые со стадией становления кимакской культурной традиции на территории Верхнего Прииртышья, единичны [Арсланова 1968: 100–101; 1969: 45–46; Савинов 1994: 78], но считается, что основой ее сложения является культура западно-телеских племен, переселившихся на Иртыш после распада каганата Сеяньто [Савинов 1994: 67–68].

Материалы могильника Меновное XII отражают ранний период, связанный с первоначальным проникновением раннетюркского населения в Верхнее Прииртышье. Наличие архаических форм блях-тройчаток в материалах кургана 1 позволяет предполагать, что проникновение группы населения, оставившего погребальные объекты памятника, произошло в первой половине VII в., но не позже его середины. Курганы с погребением элиты в сопровождении коней и собак вполне сопоставимы с аналогичными раннетюркскими захоронениями Алтая VI–VIII вв. [Могильников 1981: 44].

Тюркская группа, проникнув на новую территорию, в соответствии с традициями прародины, для захоронения своих умерших использовала невысокую сопку, дополнительно прикрытую с севера более высокой возвышенностью. На более поздних этапах развития погребальные объекты в основном размещались на равнинных участках высоких береговых террас близ склонов поймы рек. Освоение новой территории способствовало и широкому использованию разного строительного материала для поминальных сооружений, тогда как в дальнейшем в основном применялся серый

¹ Данное высказывание имеет общеметодологический подход, исходя из вещевого комплекса, но можно допустить, что какие-то из ограбленных курганов, содержащих захоронения других членов коллектива, совершены раньше. Определенная изолированность, внутренняя структура сооружения и богатство свидетельствуют, с одной стороны, о знатности погребенного человека, с другой, об уважении к нему. Наличие двух элитных курганов и их определенной преемственности позволяет предполагать использование данной погребальной площадки на протяжении 1–2 поколений. Исходя из минимального количества погребальных конструкций, в качестве гипотезы, можно предположить, что все они являлись представителями одной правящей семьи. Захоронения рядовых членов и детей происходило где-то недалеко на другом поминальном объекте.

ломаный камень (порфирит) и белый кварц. Для перекрытия могильных и жертвенных сооружений использовали дерево и гранитные плиты. Прослеживаются определенные тенденции и в развитии форм погребальных конструкций. Для ранней стадии, связанной со сложением кимакских традиций, характерны округлые ограды (Орловский, Меновное XII), на поздней – при некотором сохранении округлых конструкций начинают преобладать квадратные ограды, ориентированные углами или сторонами по странам света. В кипчакское время вновь начинают господствовать округлые сооружения. Данная тенденция характерна не только для кимакских древностей Восточного Казахстана, но и сопредельных регионов [Ткачев, Ткачева 1999: 142; Могильников 2002: 74]. Особенности погребальной обрядности и анализ полученного при исследовании материала позволяют рассматривать захоронения могильника Меновное XII в рамках раннетюркской эпохи и датировать время его бытования в пределах середины VII – первой половины VIII в.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XIII вв.) // Новое в археологии Казахстана / Отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98-111.
- Арсланова Ф.Х. Погребение тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43-57.
- Арсланова Ф.Х. Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56-76.
- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории Алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Григорьев Е.В. Распределители ремней Южной Сибири VII–X вв. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 152-158.
- Кызласов Л.Р. Тюхтятская культура древних хакасов (IX–XX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 54-59.
- Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII–XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 129-151.
- Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии: сб. статей / Отв. ред. Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1981. С. 168-153.
- Могильников В.А. Кимаки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 43-45.
- Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–X веках. М.: Наука, 2002. 362 с.
- Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии: сб. статей / Отв. ред. А.К. Конопацкий, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1982. С. 102-122.
- Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху ранних кочевников. Кемерово: КемГУ, 1994. 215 с.
- Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии: тез. докл. к конф. (г. Барнаул, 12–13 января 1996 г.) / Отв. ред. А.Б. Шамшин. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1996. С. 16-20.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
- Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Тюркское погребение в сопровождении коней из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2021. Вып. 3 (54). С. 107-118.
- Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. Элитное погребение раннетюркского времени из Верхнего Прииртышья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2022. Вып. 3 (58). В печати.
- Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Итоги исследования археологических памятников Усть-Каменогорского микрорайона (1994–1998 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 136-145.
- Трифонов Ю.И., Самашев З.С. Этнокультурная принадлежность памятников средневековых кочевников Прииртышья // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС: сб. статей / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 243-246.

**Б. Х. Матбабаев,
Х. Б. Хошимов**

Бокижон Хошимович Матбабаев; bokijon@mail.ru
Хикматулла Бокижонович Хошимов; hikmatbox@mail.ru
Институт археологии им. Я. Гулямова АН РУз,
г. Самарканд, Узбекистан

Новые материалы из раннесредневекового могильника Мунчактепа (Узбекистан)

Аннотация. В статье освещаются малоизвестные погребальные памятники Ферганы V–VIII вв. Уникальным являются находки из ткани, дерева, камыша, кости и др. Впервые зафиксированы захоронения в плетеных корзинах и захоронениях в камышовых гробах, которые ранее не были известны. В период раннего средневековья в Ферганской долине фиксируется довольно широкая вариабельность погребальных обрядов и религиозных верований. Все это свидетельствует о том, что здесь не было преобладающей единой идеологии. С другой стороны, этот факт свидетельствует о существовании тесного контакта населения долины с соседними регионами – в первую очередь, с Чачем, Уструшаной и кочевниками прилегающих территорий, а также, несомненно, с Восточным Туркестаном.

Ключевые слова: Ферганская долина, обряд, склеп, трупосожжение, труположение, камышовый гроб, шелк, монеты

**Бокижон Хошимович Матбабаев,
Хикматулла Бокижонович Хошимов,
ӨЗР ҒА Я. Гулямов атындағы Археология институты,
Самарқанд қ., Өзбекстан**

Ертеортағасырлық Мунчактепе (Өзбекстан) қорымынан алынған жаңа материалдар

Аннотация. Мақалада V–VIII ғғ. Ферғананың аса танымал емес жерлеу ескерткіштері жайында мәлімет беріледі. Қорымнан матадан, ағаштан, қамыстан, сүйектен және т. б. жасалған ерекше бұйымдар табылды. Алғаш рет қамыстан жасалған табыттағы жерлеу салты мен тоқылған себеттегі жерлеу ғұрпы есепке алынды. Ерте ортағасырларда Ферғана алқабында жерлеу рәсімдері мен діни нанымдардың кең өзгергіштігі байқалады. Мұның бәрі осы аумақта басымдыққа ие біртұтас идеологияның жоқтығын көрсетеді. Екінші жағынан, бұл факт аңғар тұрғындарының көрші аймақтармен – ең алдымен Чачпен, Уструшанамен және іргелес аумақтардың көшпелілерімен, сондай-ақ, сөзсіз, Шығыс Түркістанмен тығыз байланысының бар екенін көрсетеді.

Түйін сөздер: Ферғана аңғары, ғұрып, сағана, мүрдені өртеу, мүрдені қою, қамыстан жасалған табыт, жібек, монеталар

**Bokijon Matbabayev,
Hikmatulla Hoshimov
Institute of Archaeology named after Ya. Gulyamov
of the Academy of Sciences of Uzbekistan,
Samarkand, Uzbekistan**

New materials from the early medieval burial ground of Munchaktepa (Uzbekistan)

Abstract. The article highlights little-known funerary monuments of Fergana of 5th–8th centuries. Unique are the findings of cloth, wood, reed, bone, etc. For the first time burials in wicker baskets and burials in reed coffins,

which were not known before, were recorded. During the Early Middle Ages in the Fergana Valley, a wide variability of burial rites and religious beliefs was recorded. On the other hand, this fact testifies to the fact that there was not a single dominant ideology here. On the other hand, this fact indicates the existence of close contact of the valley population with neighboring regions – first of all, with Chach, Ustrushana and nomads of adjacent territories, and, undoubtedly, with East Turkestan as well.

Keywords: Fergana Valley, rite, crypt, cremation, reed coffin, silk, coins

Погребальные памятники Ферганской долины изучаются более 100 лет. За этот период выявлены и изучены погребения от эпохи бронзы до позднего средневековья. Отметим большие заслуги Ю.А. Заднепровского, Н.Г. Горбуновой, Б.А. Литвинского, Г.А. Брыкиной в исследовании погребальных памятников Ферганы.

Погребальный обряд. Историко-теоретические аспекты. Погребальный обряд считается одним из фундаментальных понятий в археологической науке. По существу это – многоплановое, сложное явление и поэтому существуют многочисленные определения его содержания. Если проанализировать имеющиеся определения компонентов погребального обряда, то они выглядят следующим образом:

1. Устройство могилы – погребальное сооружение (ямное, подбойное, катакомбное, подземный или наземный склеп и т. д.).
2. Способ захоронения (труположение, трупосожжение, ингумация и т. д.).
3. Сопровождающий погребальный инвентарь [Массон 1976: 149–150; Литвинский 1972: 70–72].

За. Поминальные церемония. В качестве элемента погребального обряда предлагается следующее дополнение к данному пункту. Дело в том, что в процессе исследования материалов склепов и сопоставления их с аналогичными находками из других регионов, удалось выявить некоторые предметы, которые связаны непосредственно с церемонией похорон. К таковым относятся наглазники, веревки для связывания ног. Они выполняли функции не только сопроводительного характера, но с ними связаны и действия ритуального аспекта погребального обряда. В этнографии их отмечают как «траурные игры», оплакивание покойного, молитвы, участие разных животных в погребальном обряде. Поэтому выделенный нами пункт За, видимо, имеет непосредственное отношение именно к таким компонентам погребального обряда, которые, вероятно, представляли собой действия защитного характера.

Таким образом, процесс захоронения состоит из нескольких ритуальных действий, которые, безусловно, были связаны между собой. Каждый из них представляет собой как бы самостоятельный акт, выполняемый членами общества для того, чтобы отправить покойного «в потусторонний мир». Эти действия, фиксируемые археологами в захоронениях, выражаются в виде материальных остатков. Следовательно, погребальный обряд можно рассматривать как действие, сопутствующее переходу умершего человека из одного состояния в другое [Массон 1976: 149]. Исходя из вышесказанного и учитывая существующие мнения о погребальном обряде, мы придерживаемся следующего его определения: «*Погребальный обряд есть совокупность символических и реальных действий, осуществляемых в соответствии с определенными нормами, несущими религиозно-идеологическую нагрузку, в процессе подготовки и совершения захоронения умершего*» [Ольховский 1986: 68]. Вся эта совокупность ритуальных действий – погребальный обряд – осуществляется до-, в момент- и после похорон.

Погребальные памятники Ферганской долины исследуются начиная с конца XIX в. В настоящее время известны следующие основные группы погребальных сооружений: 1. Грунтовые могилы с вариантами ям и перекрытий (Кок-Таш, Мунчактепа (Пап), кишлак Ворух, Ташкуртан, Мархамат, Чорку II и др.); 2. Подбои с разными конструкционными особенностями (Кок-Таш, Чорку II, Сурх II,

Кара-Мойнак, Тура-Таш и др.). Выделяется 10 типов с 20-ю подтипами. 3. Катакомбы со следующими основными типами с учетом конструктивных особенностей, конфигурации и различными морфометрическими признаками: Карабулакский, Кенкольский, Гурмиронский, Кайрагачский, Хангизский; 4. Наземные или подземные склепы (Мунчактепа); 5. Наземные сооружения – мугхана, наусы, каменные ящики [Заднепровский 1995: 53–74].

Наши материалы существенно дополняют сведения о конструктивных особенностях погребальных сооружений и погребальных обрядах Ферганы I тыс. н.э., полученные в последние годы.

Подземные склепы. Отличная сохранность погребений в камышовых гробах и находок в них позволили детально зафиксировать погребальный обряд. В склепах отмечены три вида захоронений: на специальной подстилке, в плетеной корзине и в камышовых гробах.

1. Захоронения на специальной подстилке. Покойных укладывали в вытянутом положении на спине. Подстилка – из камыша, камышовые циновки (буйра?) и песка. Погребения на специальной подстилке были характерны для маленьких склепов (2–4).

2. Захоронения в плетеных корзинах. В склепе 5 захоронение грудного ребенка осуществлено в плетеной корзине. Корзина была положена на камышовый гроб (Б-2), что, видимо, указывает на близкую родственную связь погребенных. В другом случае в раздавленной корзине также зафиксированы детские кости (в углу гробов А-1 и А-4). До сих пор захоронения людей в корзинах в Фергане не были известны, но они отмечены на памятниках более раннего времени из других территорий [Алекшин 1986: 17–57].

3. Третий вид – захоронения в камышовых гробах обнаружены в склепах 1, 5, 7, 9 и в одной подбойной могиле. Гробы изготовлены из отборного камыша. Изготовлением камышовых гробов, видимо, занимались люди определенной профессии, т. к. процесс их изготовления очень трудоемкий и ответственный.

Здесь нам удалось зафиксировать следующие элементы погребальной практики:

– Под голову погребенных клалась «подушка» из веток растений или свернутой грубой ткани. Этот обычай был широко распространен в Фергане и за ее пределами с эпохи бронзы и раннего железа и существует в настоящее время. Правы те исследователи, которые полагают, что родственники таким образом создавали «комфорт» для покойного.

– Лица отдельных покойников были закрыты специальным покрывалом, изготовленным из тонкого высококачественного шелка. Размеры покрывала 23–25×35–37 см. Лицевые покрывала известны в материалах ряда памятников: могильники Карабулак, Боркорбаз в Фергане; Кенкол в Таласской долине; Астана, Кара-ходжа, Яр-хото в Восточном Туркестане. Е.И. Лубо-Лесниченко отмечает весьма широкий ареал находок лицевых покрывал и масок. Он считает, что их происхождение следует связывать не с Китаем, а с восточными районами Средней Азии – Тянь-Шанем, Ферганой, Алаем, т. е. с районами распространения захоронений в подбоях и катакомбах. В Восточном Туркестане наиболее ранние лицевые покрывала известны по судебной записи, датированной 384 г., а поздние – 710 г. [Лубо-Лесниченко 1984: 114–115]. Восточно-туркестанские и южно-ферганские покрывала сопровождалась наглазниками. В могильнике Астана они изготовлены из серебра и свинца, в Карабулаке – из ткани. В последнем случае на глаза клались небольшие подушечки. Мунчактепинские лицевые покрывала, хотя и похожи на восточно-туркестанские, но по форме и технике изготовления все же ближе к карабулакским. Сопоставление материалов привело нас к заключению, что из известных в литературе лицевых покрывал самые ранние – карабулакские. Северо-ферганские несколько позднее по времени или сосуществовали одновременно с китайскими (V–VIII вв.).

– В ряде погребений выявлены налобные повязки в виде длинной ленты шириной 5–8 см. Близкую по форме шелковую повязку отмечают исследователи в кургане 10 Кенкольского могильника [Бернштам 1940: 9–10]. Есть такие повязки и в Карабулакском могильнике.

– Внутри гробов и на многих погребенных зафиксировано большое количество листьев и веток, иногда с ними попадают семена растений. По определению палеоботаников, это – листья и веточки мяты (*Mentha asiatica Boriss*), а семена принадлежат душистому перцу (*Vites agnus castus L.*). Остатки растений с листьями и семенами дают возможность полагать, что захоронения в 22 случаях осуществлены в весенне-летний период. Не исключено, что эти сильно пахнущие растения клали с целью замедления процесса разложения и устранения трупного запаха. Так, материалы Пазырыкских курганов показывают, что при бальзамировании тел использовались различные растения [Руденко 1953: 326–341]. По этнографическим данным, обычай класть растения в гроб сохранился до наших дней. В отдельных районах Ферганской долины в саван при захоронении клали базилик (райхон). Весной умерших женщин посыпали веточками цветущего винограда. Если умерший был молодым, его саван обсыпали семенами чернушки-седана, лепестками роз, клали цветы пахучих растений. Зимой же в саван клали сухой базилик. Этот обычай этнографы связывают с земледельческим культом [Кармышева 1986: 145].

– В отдельных склепах (3, 9) зафиксированы монеты в качестве сопроводительного инвентаря. В склепе 3 около лица погребенного выявлен деревянный сосуд с кладом монет, чеканенных в Согде, Чаче и Фергане. В другом случае, в склепе 9 на полу выявлены две монеты, которые также связаны с погребением. Первая монета, по определению нумизмата Н. Ивочкиной, «кай юань тун бао (618–907), вторая «у-шу» (118 г. до н.э. – 618 г. н.э.).

Одиночные и многоцветные захоронения. В могильнике Мунчактепа обнаружены подбойные и ямные погребения. В этом районе Ферганы подбойные погребения обнаружены впервые. По конструкции они не отличаются от подобных сооружений других районов долины. Отметим новый элемент в погребальном обряде в подбойных захоронениях – фрагменты камышового гроба (деревянные клинья-гвозди для соединения камышовых жердей). Необычная форма и большие размеры подбоя подтверждают предположение о наличии в Мунчактепа I подобных захоронений в камышовых гробах.

В могильнике Кокташ зафиксированы, в основном, подбойные погребения, но имеются единичные катакомбные захоронения. В них на земле или подстилке осуществлялись одиночные или, реже, повторные захоронения до трех покойников с сопровождающим инвентарем. В погребальной камере осуществлено труположение (вытянутое положение на спине, руки вдоль тела), за исключением погребения б, где выявлено сильно скорченное положение костяка. Зафиксировано также подбойное захоронение с деревянным гробом.

Полученные материалы имеют непосредственное отношение к изучению истории древних тюрок. На это указывает наличие специфических керамических форм и нанесенных на некоторые сосуды древнетюркских тамг или знаков.

Хумные и оссуарные захоронения. В Ферганской долине для этой эпохи удалось учесть более 10 случаев хумных захоронений с расчлененными костями. Для этой цели использовались как бытовые хумы, так и сосуды, специально изготовленные под костехранилища. В Фергане также зафиксировано восемь случаев обнаружения оссуариев: пять – на севере (могильники Шах и Мунчактепа), два – на востоке (Лумбитепе, Кува), один в центральной части долины (Псак) [Матбабаев 1993: 43–47]. Ферганские оссуарии по форме ящичные, все они лепились от руки и украшены прочерченным, в одном случае штампованным орнаментом, нанесенным по сырой глине до обжига. На месте обнаружения оссуариев никаких сопроводительных предметов не

обнаружено. По своей форме, оформлению верхнего края, а также мотивам орнамента ферганские оссуарии близки к согдийским, уструшанским и чачским образцам. Они датируются VII–VIII вв., а появление их в Фергане следует отнести ко второй половине или даже к концу VII в. Таким образом, в Ферганской долине имел место и оссуарный обряд захоронения, который по археологическим материалам был ранее неизвестен.

Погребения с трупосожжением и конем. В 1994 г. в южной части Мунчактепа I впервые был зафиксирован участок со следами трупосожжения. После тщательной зачистки выяснились контуры разрушенной ямы, имеющей остатки обгорелой глины. В яме обнаружены обугленные фрагменты человеческих костей, лежавшие среди немногочисленных угольков и золы. Кроме того, найдены фрагменты керамики, расплавленная часть кольца, обгоревшие бусы (6 шт.), два каменных стерженька для подкрашивания бровей (сурьматаш) и железный трехлопастный наконечник стрелы (черешок сломан). На всех предметах – явные следы огня. Среди них отметим обгоревшие остатки грубой ткани (хлопчатобумажной?). Таким образом, полученные материалы свидетельствуют о наличии на территории Ферганы погребального обряда трупосожжения, хотя о месте кремации судить трудно. Скорее всего, трупосожжение осуществлялось где-то в стороне, а в яму укладывали останки кремированного человека (об этом свидетельствуют обугленные человеческие кости) и обгоревшие остатки инвентаря. Это может соответствовать действительности, поскольку письменные источники сообщают «о раздельном расположении погребальных и поминальных сооружений у тюрков-тугю» [Кляшторный, Савинов 1994: 6]. По времени они датируются VI–VIII вв. [Грач 1968: 211–213]. Остатки трупосожжения на основании наконечника стрелы и бус могут быть датированы в пределах VII–VIII вв. [Горбунова 1981: 178–183]. Трупосожжение на Мунчактепа – второй случай в Ферганской долине. Впервые этот обряд был выявлен среди материалов Суфанского могильника [Иванов 1985: 14–15]. Обряд, зафиксированный в Мунчактепа и Суфане, явно привнесен извне, т. к. здесь он не имел местных корней.

Следует добавить еще один необычный для Ферганы погребальный обряд – погребение с конем; как нам представляется, он в какой-то степени связан с обрядом трупосожжения. В целом, в Средней Азии и Казахстане погребений с конем не очень много. А в Среднеазиатском Междуречье в настоящее время их известно всего четыре. Погребение в Арсифе (Ферганский вилоят) – второй случай в Ферганской долине. Раньше, предположительно, погребение с конем выявлено на Дальверзине (Андижанская обл.) [Заднепровский 1967: 270–274]. Погребение в Арсифе [Матбабаев 1997: 72–75] и Дальверзине интересны с точки зрения погребального обряда. Погребения с конем этого времени (VII–VIII вв.), как правило, встречаются в Южной Сибири и Центральной Азии, исследователи связывают их с алтайскими древнетюркскими племенами. Отметим, что широтная ориентировка погребений и нахождение жертвенного животного слева, на ступеньке, сближают ферганские курганы с алтайскими погребениями [Могильников 1981: 33].

Таким образом, в настоящее время в Ферганской долине обнаружены и изучены ранее неизвестные погребения двух типов: трупосожжение и погребение с конем. Новые находки ставят вопрос об их культурной принадлежности. Насколько нам известно, в самой Фергане пока не найдено материалов, позволяющих утверждать, что обряд трупосожжения и обряд с жертвоприношением животных мог развиваться здесь на основе местных традиций. Скорее всего, этот обычай был привнесен в Фергану тюркскими племенами, оставившими заметный след в культуре Ферганы VII–VIII вв. В литературе неоднократно обсуждались сведения китайских авторов об обычае сжигания покойников тюрками. В них сообщается, что «в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу» [Бичурин 1950: 230]. Но погребальный обряд в эпоху Тюркского каганата в Средней Азии имел своеобразные черты. Курганы со следами кремации, которые можно было бы бесспорно связать с тюркскими племенами, крайне мало. Тем не менее,

вряд ли приходится сомневаться в том, что у древних тюрок бытовал этот обряд. В связи с этим можно полагать, что погребение под курганом 70 Суфанского могильника, с трупосожжением на Мунчактепа и с конем в Арсифе, Дальверзине, являются, безусловно, тюркскими. Тем более, что по сообщениям письменных источников (Тан шу), Фергана в 659 г. принадлежала тюркским племенам [Бернштам 1952: 187–195].

Таким образом, в Ферганской долине в период раннего средневековья фиксируется довольно широкая вариабельность погребальных обрядов и религиозных верований. Все это свидетельствует о том, что здесь не было преобладающей единой идеологии. С другой стороны, этот факт свидетельствует о существовании тесного контакта населения долины с соседними регионами – в первую очередь, с Чачем, Уструшаной и кочевниками прилегающих территорий, а также, несомненно, с Восточным Туркестаном.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексин В.А.* Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих общин. Л.: Наука, 1986. 192 с.
- Бернштам А.Н.* Кенкольский могильник // Археологические экспедиции Эрмитажа. Л.: Изд-во ГЭ, 1940. Вып. II. 34 с.
- Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.
- Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. I. 382 с.
- Горбунова Н.Г.* Древний ферганский косметический прибор // Культура и искусство древнего Хорезма / Ред. коллегия: М.А. Итина, Ю.А. Раппопорт, Н.С. Сычёва, Б.И. Вайнберг. М.: Изд-во Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 178-183.
- Грач А.Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора С.П. Толстова / Ред. коллегия: А.В. Виноградов, М.Г. Воробьёва, Т.А. Жданко, М.А. Итина, Л.М. Левина, Ю.А. Раппопорт. М.: Наука, 1968. С. 207-213.
- Заднепровский Ю.А.* Тюркские памятники в Фергане // СА. 1967. № 1. С. 270-274.
- Заднепровский Ю.А.* Номады древней Ферганы: типология памятников, районирование, историческое истолкование // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня / Отв. ред. К.И. Ташбаева, Д.Ф. Винник, Л.М. Ведута. Бишкек: «Илим», 1995. С. 53-74.
- Иванов Г.П.* Отчет об археологических работах Ферганского областного музея в 1985 году. Самарканд, 1985 // Архив Института археологии АН РУз. Шифр хранения Ф8Д109.
- Кармышева Б.Х.* Архаическая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды верования и культы народов Средней Азии. Историко-этнографические очерки / Отв. ред. В.Н. Басилов. М.: Наука, 1986. С. 139-181
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Евразии. СПб.: «Фарн», 1994. 166 с.
- Литвинский Б.А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972. 258 с.
- Лубо-Лесниченко Е.И.* Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М.: ГРВЛ, 1984. С. 108-120.
- Массон В.М.* Экономика и социальной строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976. 192 с.
- Матбабаев Б.Х.* Оссуарии Ферганы // ОНУ. Ташкент, 1993. № 2. С. 43-47.
- Матбабаев Б.Х., Иванов Г.П.* Находки погребений с трупосожжением и конем в Фергане // ОНУ. Ташкент, 1997. № 5. С. 72-75.
- Могильников В.А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья / Отв. ред. С.А. Плетнева. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1981. С. 29-43.
- Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // СА. 1986. № 1. С. 65-76.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 403 с.

K. Yıldırım
E. Yıldırım

Kürşat Yıldırım, kursat.yildirim@istanbul.edu.tr
Istanbul University, İstanbul, Türkiye
Elvin Yıldırım, elvinyildirim@aydin.edu.tr
Istanbul Aydın University, İstanbul, Türkiye

Relations of ancient Turkic and Korean cultures according to early Chinese sources*

Abstract. The similarities between the Turkic and Korean nation have been voiced by the theory of belonging to a family of languages called Ural-Altaic, but they have not been examined as much as they have been spoken. Herein, information was collected from the first Chinese records and the daily lives, products, weapons, housing, marriages, funerals, animals, agriculture, mining, and fortune-telling of ancient Koreans were examined, and then compared with the cultural elements of ancient Turks. Thus, it was aimed to identify some common cultural elements. We have tried to explain some Chinese records about Turkic and Korean culture in very early period. In this case, it is very important that there were many elements which resemble each other. Chinese dynastic histories and other Chinese primary sources are used here. It is also applied to cultural and historical perspectives of Turkic and Korean peoples and we have come to an idea that there were many common elements in ancient Turkic and Korean cultures.

Keywords: Turks, Koreans, similar cultural elements, Chinese records

Кюршат Йылдырым,
Стамбул университеті, Стамбул, Түркия
Эльвин Йылдырым,
Айдын Стамбул университеті, Стамбул, Түркия

Ежелгі қытай деректері бойынша көне түркі мен кәріс мәдениетінің өзара қарым-қатынасы

Аннотация. Түркі және корей халықтарының ұқсастықтары орал-алтай деп аталатын тілдер тобына жату теориясымен айтылады, бірақ олар көп зерттелмеген. Мұнда алғашқы қытай жазбаларынан ақпарат жиналып, ежелгі кәрістердің күнделікті өмірі, азық-түлік, қару-жарақтары, тұрғын үй, неке, жерлеу салттары, жануарлар, ауыл шаруашылығы, пайдалы қазбалар өндірісі және болжауы зерттеліп, кейіннен ежелгі түркілердің мәдени элементтерімен салыстырылды. Осылайша, бұл зерттеулер кейбір ортақ жалпы мәдени элементтерді анықтауға бағытталды. Біз өте ерте кезеңдегі түркі және корей мәдениеті туралы кейбір қытай жазбаларын түсіндіруге тырыстық. Бұл жағдайда бір-біріне ұқсас көптеген элементтердің болуы өте маңызды. Мақаланы дайындау барысында қытай династиялық тарихы мен басқа да қытай деректері пайдаланылды. Бұл түркі және корей халықтарының мәдени және тарихи перспективаларына да қатысты және біз ежелгі түркі және корей мәдениеттерінде көптеген ортақ элементтер болған деген ойға келдік.

Түйін сөздер: түріктер, кәрістер, ұқсас мәдени элементтер, қытай жазбалары

Кюршат Йылдырым,
Стамбульский университет, Стамбул, Турция
Эльвин Йылдырым,
Стамбульский университет Айдын, Стамбул, Турция

Взаимоотношения древнетюркской и древнекорейской культур согласно ранним китайским источникам

Аннотация. Сходство между тюркской и корейской нациями проявляется в теории принадлежности к семейству языков, называемых урало-алтайскими, однако данные языки не были изучены в той же степени, в которой они используются. Здесь была собрана информация из первых китайских записей, и были изучены повседневная жизнь, продукты, оружие, жилье, институт брака, процесс похорон, животные, сельское хозяйство, добыча полезных ископаемых и предсказания древних корейцев, а затем сопоставлены с культурными элементами древних тюрков. Таким образом, исследование было направлено на выявление некоторых общих культурных элементов. Мы попытались объяснить некоторые китайские записи о тюркской и корейской культуре в очень ранний период. В этом случае очень важно продемонстрировать схожие элементы. В исследовании используются китайские династические истории и другие китайские первоисточники. Это также применимо к культурным и историческим особенностям тюркских и корейских народов, и мы пришли к идее, что в древних тюркских и корейских культурах было много общих элементов.

Ключевые слова: тюрки, корейцы, схожие культурные элементы, китайские записи

In order to examine Korean culture in ancient times, it is necessary to look at the daily life behaviors, worldview, beliefs, dwellings, tools, weapons, animal feed, food and beverages, marriage customs, burial customs, and so on. Such information can only be obtained from Chinese sources. However, it is important to read the Chinese records very carefully. In Chinese historiography, records of a particular community's culture sometimes adhere to the style of the earliest records. Moreover, Chinese sources try to generalize the cultures of communities outside the borders of China, show people in very large areas as the same, and continue this manner for hundreds of years. However, there are no other resources. Therefore, it is necessary to classify the information in Chinese sources in order to examine the Korean culture in ancient times and then compare it with the Turkish culture¹:

A. Some Information about Ancient Korean Culture

- Daily life:

The language, law, and customs of the Yemaeg 예맥 (Huimo 濊貊) people were largely similar to those of Goguryeo. They did not have great rulers and since ancient times, their titles were hou 侯, provincial head, sanlao 三老. They were candid and sincere in nature. They were content with what they had and they were shy. Men and women wore dresses that twisted from the neck. Boys wore silver flowers, which became very large decorations. They had a lot of knowledge about the mountains and the plains, tribes lived in each of the mountains and plains and no one would interfere with each other. There were many taboos. Those who violated and raped in the cities and in the (steppe) parts of the tribe were punished immediately. The criminals were punished with their life and property. Therefore, violations and rape in society were very few.

As for the daily life of the people of Samhan 삼한 (San Han 三韓), the people of Mahan 마한 (Ma Han 馬韓) were not ruled by a single ruler. The people were very brave. They did not know how to bow, kneel or greet. There was no difference between young and old, male and female (that is why Chinese

¹ Information about ancient Korean cultures gathered from these Chinese sources: San Guo Zhi 1997: 841–847, 849; Wei Shu 1997: 2213–2218; Sui Shu 1997: 1813–1820; Jiu Tang Shu 1997: 5319–5339; Xin Tang Shu 1997: 6185–6206; Tong Dian 2003: 4986–4993, 4997–4998; 5010–5021; Tong Zhi 1935: 3107a, 3107c–3109a.

sources say “there was little order in society”). They did not value gold, jewelry, embroidered fabric, or woolen carpets. They only cared about pearl necklaces; they used pearls to decorate dresses and hung pearls around their neck. All of the high-ranking people wore their hair up in a bun. At a young age, they became adept at building houses, tying large trees together in the frame that they built with ropes. They would not stop working, even if there was an ongoing war. In the 5th month, when they had completed their tillage, they would gather, drink, sing, and dance day and night. Dozens of people roamed the land; everyone, big and small, young and old, would celebrate. In the 10th month, when the harvest was completed, they would start the feast in the same way. They believed in the Spirit and God. They sewed sudu (a kind of sacred object). They built large wooden structures and hung bells and drums on them. These were about the Spirit and God. They had tattoos on their bodies.

In Jinhan 진한 (Chen Han 辰韓), commanders ruled the small settlements while vassals ruled the large cities. Fences surrounded their cities, they spoke Chinese, and so they were called Qin Han. The Jinhan Monarch usually used Mahan people to build these fences. That is why they got mixed up over time. Jinhan itself was not a detached state. It was a place where people who fled and migrated lived. They also made drinking a feast. In their customs, men and women were considered differently. They would declare war by sending a large plumage; it meant “those who want to die, fly”. They traded in the markets with irons similar to the coins in China. They loved to sing, dance, drink, beat the drums, and play the qinse (a type of string instrument). Their qinse was similar to the hu (a type of stringed qopuz). When a child was born, they put stones on his head so that his head would be straight. That is why the heads of Jinhan people were straight. The men and women were similar to the Japanese, and they had tattoos. The people fought as infantry in war, their battle order was the same as that of the Mahan's.

The people of Buyeo 부여 (Puyŏ; Fuyu 夫餘) were brave and fearless, yet docile and dignified. They would not rape or loot. In the state administration, there were titles named after animals, such as horses, cattle, pigs, and dogs. Each of them had incomes according to their position. Male-female relationships were weird, married women were so jealous that they would kill their husbands. When the older brother died, the younger brother took his wife. Punishments were carried out immediately; a murderer was killed, but family members were not made slaves. The thieves had to compensate (twelve times) for the goods that they stole.

The people of Eastern Okjeo 옥저 (Woju 沃沮) were strong and brave; they would put their spears into battle and act as infantry. They were not ruled by a single ruler. Language, food, drink, residence, and dress were the same as those of the Goguryeo people. Squeezed between the small and the big countries, this place belonged to Goguryeo. Goguryeo appointed the most influential person here. This person ruled the country. Beautiful girls were sent to the rulers as concubines.

The people of Baekje 백제 (Baiji 百濟) lived in the mountains and valleys. The clothes of men and women were the same as those of the Goguryeo. The custom of greeting was to put both hands on the ground and greet. The dress of the married women was similar to a caftan, but the sleeves were a little larger. Singles braided their hair and sewed it on the top like a plate. They made a ponytail from behind as an ornament. Those who were married would separate the hair and make two ponytails. They cared and remembered their burial places. There were many Buddha monasteries and pagodas, but there were no Daoists. Taxes were levied on goods such as cloth, silk, hemp, and rice. All kinds of wines, food, and musical instruments were similar to those in China. In the other Korean state of Silla 신라 (Xinluo 新), the customs and traditions of the people, administration style, and clothing were also the same as in Baekje.

The people of Goguryeo 고구려 (Koguryo; Gaojuli 高句麗) lived in the mountains and valleys. The people were always cautious and ready for war. They were strong and liked to plunder. They celebrated

by eating and drinking. They were adept at building and repairing houses. They were another type of Buyeo; their language and rules were essentially the same. They would greet by bending a knee and extending one leg, gradually they would leave. They had different customs. Their people were clean. People in the city-settlements had fun every night. The meeting dresses of the nobles were shiny and embroidered. These dresses were decorated with gold and silver. High-ranking officers wore a backless conical headdress, while those of lower rank wore a "windbreaker" headdress. There was no prison. When there was a crime, the officials would set up a court, if they found the person guilty, they would sentence him to death; however, the wife and children of the prisoner were not made slaves.

- **Production:** The people of Eastern Okjeo manufactured cloth. The Yemaegs knew the hemp species; they kept silkworms and wove silk fabric. The Mahan people knew about silkworm breeding and produced silk fabric. In Jinhan, they made dense, waterproof silk. The yellow varnish tree grew in Baekje, similar to the small Chinese hackberry but a larger version. The sap was taken from the tree in the 6th month and the objects varnished with it would be like yellow gold with a dazzling brilliance.

Place: The people of Buyeo had palaces, treasuries, and prisons. Their settlements and cities were in the shape of a circle, surrounded by fences. Thus, it can be said that they lead a more settled life. In Mahan, people lived in mixed settlements; there were no city walls around their settlements. They built houses from reeds and dirt that resembled a mound of dirt. The doors of the houses opened to the sky. Somewhere in Tong Zhi, there is a mention of their place called "sudu", a rattle pole erected for the Gods in front of it [Tong Zhi 1935: 3107a.]

- **Sacrifice:** The Goguryeo people had temples, spirits, and gods. They worshipped the god of soil and grain. In the 10th month, they held a great convention and offered sacrifices to God (heaven). There was a big cave in the east of this country, in the 10th month they would go there and sacrifice. Buyeos sacrificed to God (heaven) for their wars. Again, the Buyeos would sacrifice to God (heaven) in the 2nd month. The Yemaegs sacrificed tigers for the spirit (spiritual being). The settlements in the land of Mahan all sacrificed a human to God; they called this God the "master of the heavens". The ruler of Baekje sacrificed in the name of God (heaven) on 2nd, 5th, 8th, and 11th months and to the four temples of his ancestors every year.

- **Marriage:** In the Goguryeo people, there was no dowry for a married woman. By tradition, they were very shy. Among the Yemaegs, members of the same family did not marry. Bride-taking in Jinhan was ceremonial. The marriage customs of the Baekje were similar to those of the Chinese.

- **Funeral:** In Goguryeo, the manner of mourning for fathers, mothers, and husbands, and the dress worn were similar to those in China. The elder brother and sisters were limited to three months. The Buyeos buried their dead; there was an inner coffin but no outer coffin. While mourning, all men and women dressed in white, and married women covered their faces. In general, their customs were similar to those in China. In eastern Okjeo, they made a large wooden coffin for the deceased, about 10 zhang (about 3.3 meters) long. This alone would make a cover so that the coffin would feel like home. A newly deceased person was first left on the ground, and when his skin and flesh were exhausted, his bones were taken from the soil and put in this coffin. All family members would be buried in the same coffin. They would cover the coffin with tiles and put rice in it. In Yemaegs, the houses of those who died of illness were not emptied and used, but rebuilt. Mahan tombs had an inner coffin but no outer coffin. After the death of the father, mother, and husband in Baekje, the mourning lasted for three years and other relatives buried the body.

- **Weapons:** Goguryeo soldiers used armor, bows, arrows, halberds, shields, spears, and short spears. Beautiful bows were made, called the bow of the Mo 貊. Buyeo soldiers used bows, arrows, swords, and spears. Everyone wore armor. The Yemaegs had three zhang (about 10 meters) long spears; a few people

would hold this spear and step on in battle. They produced sandalwood bows. Mahan people were skilled at using bows, shields, spears, and shovels. Baekje soldiers used bows, arrows, spears, and swords. They gave great importance to horse riding and shooting arrows.

- **Entertainment:** In Goguryeo, there were stringed instruments like xianqin, zheng; wind instruments such as bili, hengchui, xiao; and percussion instruments such as drums. Drums and qinse (a type of stringed instrument) were very common among the Jinhan people.

- **Animals:** In the territory of Goguryeo there were small horses that easily climbed the mountains. There were cattle and pigs as animals; the pigs were mainly white in color. The Buyeo people raised very good horses, and weasels lived in abundance there. Weasels were plentiful in eastern Okjeo; fish and other seafood were caught. Leopards abounded in the territory of Yemaeg. There were three chi (about 1 meter) high horses. From the sea here, fish with speckled skin were caught, which in ancient times were offered as tribute to China. The Mahan bred thin-tailed chickens, whose tail was about 5 chi (more than 1.5 meters) long. They did not know how to ride horses or oxen, all of the horses and oxen were wild, and they would live in their natural course. In Jinhan, cattle and horses were ridden. Animals such as camels, mules, donkeys, sheep, geese, and ducks were not found in Baekje.

- **Agriculture:** Farming was rarely seen in the Goguryeo society. It was not a self-sufficient place. The land of Buyeo was suitable for growing five grains, but five types of fruit were not produced. A wide variety of crops was cultivated in the lands of eastern Okjeo, where five types of grain could be grown. The Mahan people were knowledgeable about agriculture. Chestnuts the size of a pear were grown there. The land in Jinhan was very fertile, beautiful, and suitable for growing five grains. They knew how to grow mulberries with silkworms. Five types of grains and various vegetables and fruits were grown in Baekje. The soil in Silla was very fertile. Five types of grains, lots of mulberry, hemp, and all kinds of vegetables and fruits were planted there.

- **Mining:** Pearls such as red jade, as big and beautiful as jujube, were mined in the land of Buyeo. Salt was obtained from eastern Okjeo. Jewels were not made with pearls or jade in the Yemaegs. The Jinhan mined iron and the Mahan, Yemaeg, and Japanese people bought it.

- **Fortune telling:** Buyeos slaughtered cattle and looked at their hooves, believing that if the hooves were separate, trouble would come, and if the hooves were together, luck would follow. The Yemaegs, on the other hand, watched the stars at dawn and knew in advance whether the year would be fruitful or not. The Baekje people used tortoises for fortune telling.

B. Comparison with Ancient Turkic Culture

In the relations between Korean and Turkic culture, only the horse sacrifice and marrying the wife of the deceased brother (levirate) were emphasized [Eberhard 1996: 30–31]. The influence of Chinese culture is mostly mentioned, and even Korean culture is considered as “a part of Chinese culture” [Eberhard 1986: 248]. However, there are many more similarities between the ancient Korean and Turkic cultures:

- The news about the personality of the ancient Korean people was exactly similar to those of the Turks living in the steppe. Members of both nations were sincere, content, shy, courageous, fearless, but docile and earnest. It was constantly noted for both nations that the people were always on guard and ready for war.

- The Chinese explain the absence of old-young, male-female differences in the social structure of Turks and Koreans with the lack of order in the society; because in ancient Chinese society, such relationships were determined by various rules and rituals, everyone had their place, and, there was a distinction between men and women. The absence of such stratification and hierarchy in the society in Korean and Turkic cultures is a crucial common cultural element. As a matter of fact, it was recorded in Chinese sources that the Chinese were surprised that the Huns slept in the same tent as the father and

son, that there was no difference between the ruler and the ruled, and that people had the same status [Han Shu 1997: 3760]. Again, the Chinese were astonished at the fact that the Toles sat in a mixed place with men and women [Tong Dian 2003: 5399].

- Ancient Koreans valued mountains a lot. The cult of the mountain can have various origins. There is a similar cult among Turks. Turks have sacred mountains. It is believed that there are beings in the mountains that protect all living things. The ancient Turks would go up to the high mountains and sacrifice animals. Religious ceremonies were held on high mountaintops. The same is true for Koreans.

- Korean tribes lived in each mountain and plain, and they did not interfere with each other. This information is very important. The nomadic tribes of the ancient Turks lived in mountainous areas in summer and in low-altitude plains in winter. In this pasture-winter life, everyone's place, land and pasture were clear, no one interfered with anyone.

- Among the Koreans living in tribes in the cities and steppes, those who violated-raped were immediately punished. The criminals were punished with their life and property. Therefore, violations and rape in society were very few. Ancient Turks also had heavy penalties for violation and rape, so the crime rate was very low. Punishment was carried out immediately among the Koreans; the murderer was killed, but family members were not made slaves. The thief had to compensate for the stolen goods. The same is true for Turks. For example, in the Huns, the property of the thief was confiscated, the bones of those with small crimes were broken, and those with big crimes were killed [Han Shu 1997: 3752] The principle of individuality of punishment, that is, not making family members slaves because of someone who commits murder, is a common law rule for Turks and Koreans.

- Koreans gave great importance to horse riding and shooting arrows. The Mahan people used the bow and shield very well. They made famous bows called the bow of the Mo 貊. This was lightly armed, that is, horse-armed army order, which was the same in the Northern Turks. For example, the Hun people always practiced horse riding and archery [Han Shu 1997: 3760].

- Koreans bent knee to greet. There was such a greeting among the ancient Turks, and it was even called the "Hun greeting" [Eberhard 1942: 167]. It is very important that the greeting method, which varies in different cultures, is common in these two nations.

- It was recorded that Koreans believe in spirit and God. There are similar expressions for Turks in Chinese sources. In fact, it was recorded that the people of Goguryeo sacrificed directly to God in the 10th month. The Buyeos sacrificed to God (heaven) in the 2nd month, again when there was war. The custom of sacrificing to God was the same among the Turks, for example the Huns [Han Shu 1997: 3752].

- The people of Mahan would celebrate, gather, and have fun in the 5th and 10th months. The Goguryeo would hold a grand assembly in the 10th month. With Turks, assemblies were held in the 5th month, again in autumn. For example, in the Huns, a small assembly would be held in the 1st month of the year; and a grand assembly would be held in the 5th month and in the autumn [Han Shu 1997: 3752].

- Cave cults were similar between the Koreans and Turks. In the 10th month, a sacrifice would be made in a large cave in eastern Goguryeo. With the Gokturks, the state officials would sacrifice in a cave in the summer [Tong Dian 2003: 5404]. Although there are those who associate [Eberhard 1996: 31] the cave cult with the cave god of the Chinese, the author herein does not agree. Finally, according to the determinations of some folklorists, the cave is seen as an important cult in the origin legend of the Turks (Hun, Tabgach, Gokturks) and Koreans [Eunkyung Oh 1995: 36].

- The custom of using animal names in titles was seen in both nations. In the state administration of the Buyeos, there were titles named after animals such as horses, cattle, pigs, and dogs. Among the

Gokturks, the names of animals were also seen in the titles of some of the state officials [Tong Dian 2003: 5402].

- Koreans used armor, bows, arrows, halberds, shields, spears, short spears, and swords as weapons. The Turks had the same types of weapons as bows, arrows, armor, spears, and swords [Tong Dian 2003: 5403].

- With ancient Koreans, children's heads were flattened. According to archaeological studies, it was seen that the same custom was observed with the Turks, for example, with the European Huns [Hakenbeck 2009: 64–80]. During the Gokturk era, communities belonging to the Saka culture in Kucha used to flatten the head of a newly born child with a wooden board. They cut their hair down to the top of their skull [Zhou Shu 1997: 917]. In the same period, when a child was born in Kashgar, the parents tightened the child's head with wood so that they would be taller [Xin Tang Shu 1997: 6233]. This custom was seen among some Saka communities in Turkistan [Eberhard 1942: 167]. Although rare, this practice still exists in some rural areas in China today and it is believed to bring luck and fertility.

- Ancient Koreans had places called "sudu" where there was a rattle pole erected for God. There were those who tried to find the equivalent of this in China [Eberhard 1996: 31]. However, this may be a Turkic custom related to the sacrifice ceremony. Such structures were also found in ancient Turks. In the square temple structures of the ancient Turks spread in eastern Altai, the remains of many wooden poles were found. According to Russian and Mongolian archaeologists, finding the remains of a wooden pole in the middle of the square embankments and of a horse in some places, and the bones of the horse around it, such as its arms, legs, and teeth, may perhaps be the traces of a worship or sacrificial tradition in which the horse's head was put on the pole and its arms and legs were hung [Sodnom 2018: 115]. Such an interest should be brought to the attention of researchers.

- Ancient Koreans offered sacrifices to God (sky). Thus, it is understood that they had a cult of heaven or cult of Tengri. This cult was exactly present in the ancient Turks.

- In Koreans, when the older brother died, the younger brother would marry his brother's wife. Turks had the same custom. This practice, called "levirate" in modern scientific literature, is clearly recorded in Chinese sources for both nations.

- Sacrificing a horse was a very important common element in both cultures.

- Among the Yemaegs, members of the same family did not marry. Marrying someone outside of the family is also essential for Turks. This custom is still strictly enforced in most parts of Turkistan.

- A few words should be said in terms of origin myths. Korean scholar Kim Chöng-hak pointed out the sun worship or veneration in the form of egg myths in the origin myths of Silla founder, Hyeoggeose and Ruler of Goguryeo, Dongmyeong. According to the author, ancient Korean egg myth revealed that Koreans are definitely related to Turkic people, such as the Siberian Yakuts [Hyung 2000:88].

- The matriarchal element is prominent in the origin myths of both nations [Eunkyung 1995: 36]. The most important indicator of this is the descent from the sow in the Koreans and from the she-wolf in the Turks.

- There are important similarities between the heroic sagas of the Koreans and the Turks. For example, in the sagas of Jumong, the founder of Goguryeo, and the Uzbek Alpamysh, the plots of the hero's nobility, his extraordinary birth, experiences, and eventual victory are heavily influenced by Siberian Shamanism traditions [Eunkyung 2012: 99].

- It should be emphasized that these similarities are quite natural by mentioning a few sentences from the archaeological point of view, apart from Chinese sources. Korean archaeologist Kim Wöl-lyong traced the earliest Neolithic carbon date to 5000 BC in connection with the Paleo-Siberian Neolithic culture at the Osan-ni site. This culture came from Siberia and reached the southeast coast of Korea via

Osan-ni. According to him, the first Koreans were Paleo-Asians, who migrated around Lake Baikal. That is why they looked like the Siberians of today. After migrating to the peninsula, they made a living by fishing and hunting along the oceans and rivers. Moreover, pottery at the site showed that the Koreans are descendants of Siberian Paleo-Asians [Hyung 2000: 80].

REFERENCES

- Eberhard W.* Çin Kaynaklarına Göre Orta ve Garbi Asya Halklarının Medeniyeti // Türkiyat Mecmuası. 1942. VII–VIII/1. P. 125-191.
- Eberhard W.* En Eski Devirlerden Zamanımıza Kadar Uzak Doğu Tarihi. Ankara: TTK Pub., 1986. 374 p.
- Eberhard W.* Çin'in Şimal Komşuları. Ankara: TTK Pub., 1996. 281 p.
- Eunkyung Oh.* Türkler ve Korelilerin Türeyiş Efsanelerini Mukayese Çalışması // Milli Folklor. 1995. 27. P. 34-36.
- Eunkyung Oh.* Kore Cumong ve Özbek Alpamış Kahramanlık Destanlarında Olay Örgüsü // Milli Folklor. 2012. 93. P. 88-100.
- Hakenbeck S.* "Hunnic" modified skulls: physical appearance, identity and the transformative nature of migrations // Mortuary Practices and Social Identities in the Middle Ages. Ed. D. Sayer-H. Williams, Exeter: 2009. P. 66-80.
- Han Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- Hyung Il Pai.* Construction "Korean" Origins. Massachusetts: 2000. 592 p.
- Jiu Tang Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- San Guo Zhi.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- Sui Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- Tong Dian.* Beijing: Zhonghua Shuju, 2003.
- Tong Zhi.* Shanghai: Shangwu, 1935.
- Ulziibayar Sodnom.* Gök-Türk Olarak Adlandırılan Arkeolojik Yapı Dizininin Tarihi // Türk Moğol Tarihi, Ed., Kürşat Yıldırım, İstanbul: Yeditepe, 2018. P. 111-126.
- Wei Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- Xin Tang Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.
- Zhou Shu.* Beijing: Zhonghua Shuju, 1997.

В. А. Кольченко

Валерий Анатольевич Кольченко,
Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова
Национальной академии наук Кыргызской Республики,
Бишкек, Кыргызстан; archak@gmail.com

Археология Си Ляо (историографическое обобщение)

Аннотация. В 2017–2018 гг. недалеко от современного с. Кум-Дёбе в Кочкорской долине Кыргызстана была раскопана подземная гробница Кёк-Таш. Команда археологов из кыргызско-турецкого университета Манас во главе с Кубатбеком Табалдиевым и Кунболотом Акматовым изначально интерпретировали её как караханидскую. Но более детальный анализ сопроводительного инвентаря позволил прийти к выводу, что это первый архитектурный памятник Си Ляо. В этой связи была предпринята попытка вычленения из караханидского массива ранее найденных артефактов тех, которые могут быть отнесены ко времени господства в центральноазиатском регионе киданей, образовавших здесь своё государство Си Ляо. Автор считает, что часть принадлежавших им предметов носит весьма своеобразный характер и значительно отличается от аналогичных предметов предшествующего времени. Также в работе предлагается передатировка ряда находок, относимых предшественниками к более раннему времени.

Ключевые слова: артефакты из нефрита, бронзы, керамики, селадона; монеты; подземные мавзолеи

Валерий Анатольевич Кольченко,
Б. Джамгерчинов атындағы Тарих, археология және этнология институты,
Қырғыз Республикасының Ұлттық ғылым академиясы, Бішкек, Қырғызстан

Си Ляо археологиясы (тарихнамалық қорытынды)

Аннотация. Қырғызстанның Кочкор алқабындағы қазіргі Құм-Дебе ауылынан алыс емес Кек-Таш жерасты қабірінде 2017–2018 жж. қазба жүргізілді. «Манас» қырғыз-түрік университетінің Кубатбек Табалдиев пен Кунболот Акматов бастаған археологтар тобы бұл ескерткішті алғашында қарахандық деп түсіндірген. Бірақ табылған қосымша жәдігерлерді егжей-тегжейлі талдау бұл ескерткіштің Си Ляоның алғашқы сәулет ескерткіші деген қорытындыға әкелді. Осыған байланысты бұрын табылған артефактілердің Қарахандар массивінен осында өздерінің Си Ляо мемлекетін құрған кидандардың Орталық Азия аймағында үстемдік құрған кезіне жатқызуға болатын жәдігерлерді оқшаулауға әрекет жасалды. Автордың пайымдауынша, оларға жататын кейбір заттар өте ерекше сипатқа ие және бұрынғы уақыттың ұқсас заттарынан айтарлықтай ерекшеленеді. Сондай-ақ, мақалада бұрынғы зерттеушілердің ерте кезеңдерге жатқызған жәдігерлердің бірқатарын қайта мерзімдеу ұсынылады.

Түйін сөздер: нефрит, қола, керамика, селадоннан жасалған артефактілер; монеталар; жер асты кесенелері

Valerii Kolchenko,
Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan

Archaeology of Xi Liao (historiographical summary)

Abstract. In 2017–2018 near the modern Kum-Debe in the Kochkor valley of Kyrgyzstan, the underground tomb Kek-Tash was excavated. A team of archaeologists from the Kyrgyz-Turkish Manas University, led by Kubatbek Tabaldiev

and Kunbolot Akmatov, initially interpreted it as Karakhanid. But a more detailed analysis of the accompanying inventory led to the conclusion that this is the first architectural monument of Xi Liao. In this regard, an attempt was made to isolate from the Karakhanid array of previously found artifacts those that can be attributed to the time of domination in the Central Asian region of the Khitans, who formed their own state of Xi Liao here. The author believes that some of the objects belonging to them are of a very peculiar nature and differ significantly from similar objects of the previous time. The paper also proposes the transfer of a number of finds attributed by predecessors to an earlier time.

Keywords: jade, bronze, ceramics, celadon artifacts; coins; underground mausoleums

По данным письменных источников государство Си Ляо существовало в Средней Азии в 1124–1218 гг. Во главе стояла киданьская династия Елюй. Она считается одной из официальных китайских имперских династий и включает четыре поколения и пять (шесть) правителей. Была основана на обломках Караханидских государств киданьским принцем Елюй Даши после падения на востоке империи Ляо. В 1124 г. Елюй Даши принял титул *гурхан* (по одной из версий – титул хана, возглавляющего союз равноправных племен, т. е. конфедерации; по другой – «хан ханов») и эта дата многими считается началом государства. Мусульманские источники называли страну Каракитайским (Кара-Киданьским) ханством; большинство его населения составляли мусульмане.

Столицей ханства был город Хусифдо (Баласагун) на р. Чу. Государство в период наивысшего расцвета занимало территорию от Амударьи и Балхаша до Куньлуня и Бейшанского нагорья. Важные города (с удельными правителями из местных династий) – Кашгар, Алмалык, Бешбалык, Хами, Хотан, Узген, Самарканд, Бухара, Ургенч.

В 1211 г. Кучлук (предводитель найманов, бежавших под ударами войск Чингизхана из Монголии), зять последнего представителя династии, совершил переворот и узурпировал власть. В 1218 г. Си Ляо было завоевано Чингисханом и вошло в состав Монгольской империи.

Археологические памятники Си Ляо долгое время оставались неуловимыми. Но в XXI в. были найдены монеты, изготовленные по китайским и мусульманским стандартам, маленькие печати и «даосские медальоны» с надписями киданьским письмом. Пересмотр обнаруженных ранее артефактов позволяет предполагать, что ко времени Си Ляо принадлежали также украшения из нефрита, некоторые бронзовые зеркала и специфичная керамика, в т. ч. селадон из Южной Сун. Но обо всём по порядку.

В 1889 г. В.В. Бартольд опубликовал исторический «Очерк...» Семиреченской области, т. е. посвящённый Чуйской долине, Иссык-Кулю и Внутреннему Тянь-Шаню современного Кыргызстана и долине р. Или Казахстана [Бартольд 1996]. Это было первое системное изложение истории региона с древности до современности. Основано оно было на письменных источниках. Своё место в работе было отведено и киданям (=кара-китайам), образовавшим здесь государство Си Ляо (Западное Ляо), просуществовавшее немногим менее 100 лет (1124/1130/1134 – 1212/1218).

В конце 30-х – 40-х гг. XX века А.Н. Бернштам на основе своих полевых археологических исследований попытался проиллюстрировать историю В.В. Бартольда археологическими находками. В созданной им историко-археологической периодизации киданям также было отведено определённое место [Бернштам 1941; 1943; Чуйская долина 1950].

К сожалению, в публикациях последующих исследователей о Си Ляо говорилось лишь на основании письменных источников, а материальная культура времени их политического господства рассматривалась как часть культуры караханидов даже без упоминания имени киданей [Кожемяко 1959; История 1968]. Надо полагать, связано это с тем, что археологических памятников, которые можно было бы надёжно связать с киданями, открыто не было, а памятники, которые

А.Н. Бернштам счёл киданьскими, оказались дискуссионными как в вопросе датирования, так и их этно-культурной атрибуции.

Что же А.Н. Бернштам счёл киданьским из исследованных им памятников? Это, прежде всего, частично раскопанный на городище Ак-Бешим буддийский монастырь [Чуйская долина 1950: 29-30, 47-57]. В плохо сохранившихся развалинах среди черепиц и их окончаний-вотанов (*wadang, eaves tile*), выполненных в китайской традиции, была найдена керамика, характерная для X-XII вв., и монеты караханидского облика. Также в раскопе жилой части этого объекта были расчищены полости в полах, которые интерпретированы как остатки отопительной системы – каналы, характерные, по мнению А.Н. Бернштама, именно для жилищ киданей. И хотя аналогии для найденных в раскопе фрагментов буддийской скульптуры он полагал в материалах позднесуйского и танского времени, тем не менее, в целом объект был им датирован XII - нач. XIII в., а часть городища, в котором он находился, была названа «киданьский квартал». Незавершённость исследований, прерванных войной, и недостаточность (с современных позиций) опубликованных данных не позволяют до сих пор однозначно датировать объект [Кольченко 2016: 273-280]. В современных исследованиях «киданьского квартала» кыргызстанско-японской экспедиции выявлена такая же картина совместного залегания в одном стратиграфическом слое китайской черепицы с керамикой и монетами караханидов XI–XII вв. [Ак-Beshim 2021: 53-54]. Более того, по мнению японских исследователей, черепица изготовлена по танским, а не киданьским стандартам.

Подобная китайская черепица и кровельные «коньки» (*drip tile*) были обнаружены при сооружении Большого Чуйского канала (БЧК) в 1941 г. у с. Александровка (30 км к западу от Бишкека). Причём в этом пункте, по описаниям, были обнаружены печи для обжига таких строительных материалов. А.Н. Бернштам назвал Александровское городище «большим центром каракитайской культуры» [Бернштам 1943: 25], но не исследовал его как отдельный самоценный объект.

Также с киданями А.Н. Бернштам связал случайно найденную около г. Фрунзе (совр. Бишкек) буддийскую бронзовую статуэтку, которая «явно подражающая гандарским (северо-индийским) образцам» [Бернштам 1943: 25]. С современных позиций этот артефакт считается изготовленным в IX-X вв. кашмирскими мастерами. Для А.Н. Бернштама находка статуэтки в совокупности с монастырём на Ак-Бешиме позволила выдвинуть тезис о некотором возрождении буддизма в связи с приходом киданей, ранее привнесённого танами и почти искоренённого тюрками-карлуками и караханидами.

Тогда же, в 1941 г., у уже упомянутого городища Александровского при строительстве канала была раскопана серия грунтовых ямных погребений, стенки и пол которых обложены сырцовым кирпичом, смыкающимся наверху «шатровым перекрытием». Погребённые лежали головой на север на левом боку и при них был «чрезвычайно бедный» сопроводительный нефритовый инвентарь – подвески серёг и сходные по абрису «пряжки лёгкого пояса», подвеска-амулет, кольца/пряжки от ремней (рис. 1, 5–8, 11–13), в одном (?) случае – китайское зеркало [Бернштам 1943: 26; Чуйская долина 1950: 98]. К сожалению, в публикациях не сообщается, сколько могил раскопано и каково их общее количество в могильнике, какая глубина могильных ям, как устроены надмогильные конструкции, как и много других важных аспектов.

В 1941 г. при строительстве канала отдельные нефритовые предметы (частью схожие с Александровскими) были найдены также у с. Кен-Булун, на городище Красная Речка, и на северо-западной окраине современного Бишкека, где А.Н. Бернштам помещал средневековый город Джуль, а также при раскопках на городище Кысмычи [Чуйская долина 1950: 58, 140] (рис. 1, 14–17, 21).

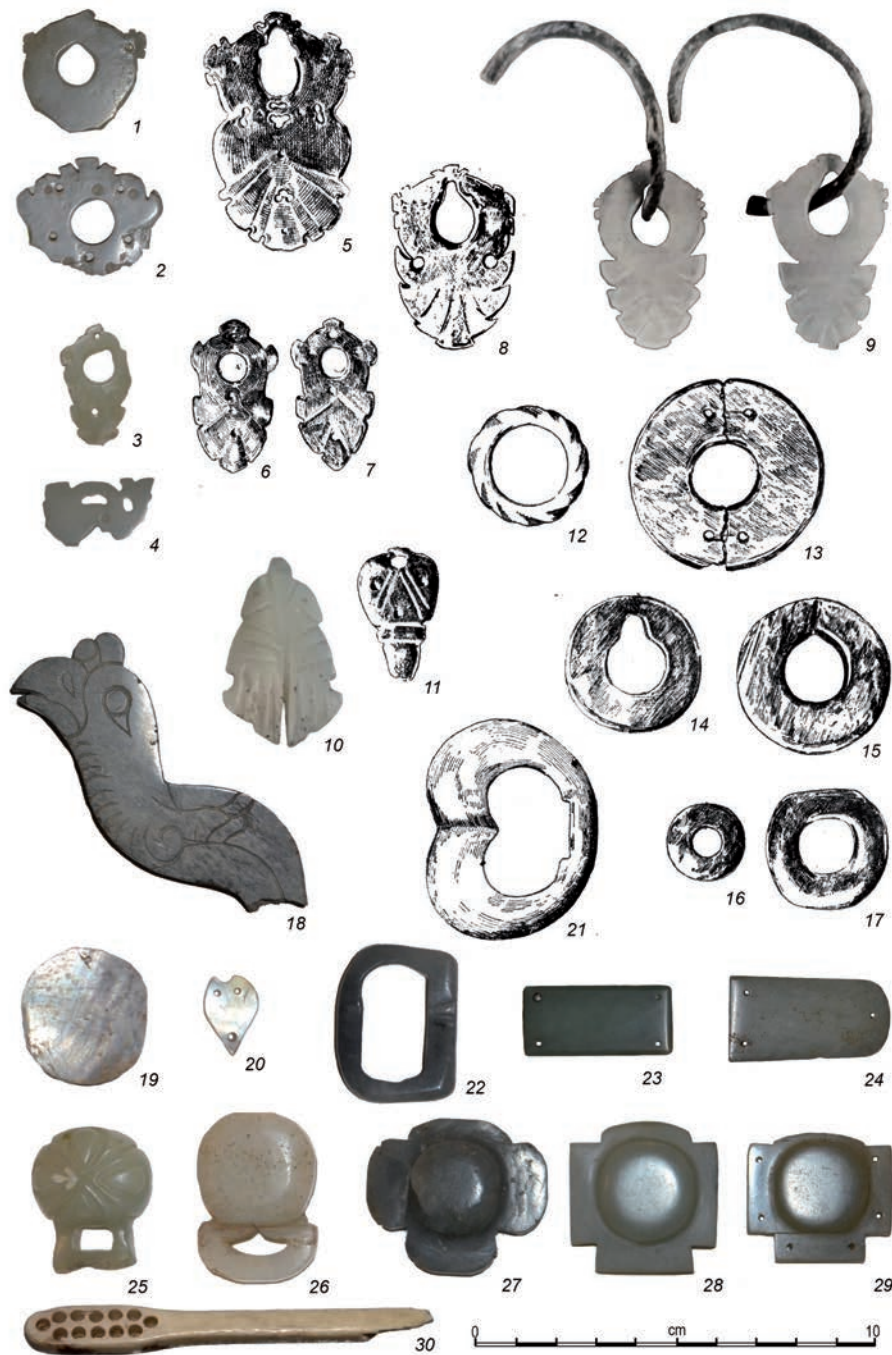

Рис. 1. Нефритовые артефакты времени Си Ляо: 3 – городище Красная Речка, жилой дом № 1 (1962); 4 – городище Беловодская крепость; 5–8, 11, 13 – погребения у городища Александровского; 9 – городище Красная Речка, некрополь, погр. 119 (1980); 10, 16, 17 – городище Красная Речка; 12 – погребение у с. Новотроицкое (совр. г. Шопоков); 14, 15 – городище Ново-Павловское (=Ключевское– городище); 18, 19, 25– городище Кара-Джигач; 21 – некрополь Кен-Булун; 22, 24, 30 – городище Новороссийское (=Шабдан). 1–4, 9–10, 18–30 – коллекции НИМ КР, фото автора; 5–8, 11–17 – по: [Чуйская долина 1950]. 1–18, 22–29 – нефрит; 19–20 – перламутр; 30 – кость

Наконец, А.Н. Бернштамом с киданями связывается ещё одно погребение, раскопанное у с. Новотроицкое (совр. г. Шопоков): под небольшим земляным курганом (D=0,75¹ м, H=1 м) в яме размерами 2×1,3 м на глубине 1,75 м из жжёного кирпича устроена камера со сводчатым перекрытием (H=0,7 м). Погребение было совершено «<...> по-видимому <...> в сидячем положении² лицом на юг», а рядом с погребённым находился конь. В погребении были сунский фарфоровый (или фаянсовый) с отбитыми носиком и ручкой сосуд, покрытый трещинками-кракле (рис. 2, 1), фрагменты меча, белоногая круглодонная чаша и два нефритовых кольца [Бернштам 1943: 26; Чуйская долина 1950: 93]. Здесь же скажем, что в Чуйской долине известно ещё два сидячих погребения: на христианском кладбище у с. Кара-Джигач близ Бишкека, под одной насыпью «холма С», но в разных деревянных гробах (и ямах – ?) [Кольченко 2017: 175-176]. Погребения не имеют точной даты, но, судя по подавляющему большинству надгробий с датами, могут относиться к XII–XIII вв. [Кольченко 2018: 90]. Есть упоминания сидячих погребений в некрополе Красной Речки и на Буране, но они недостаточно качественно документированы, чтобы судить о нюансах и делать выводы. В этой связи заметим, что сидячие погребения не характерны для собственно киданей, но, как описывают источники, вместе с ними пришли достаточно разнородные этнические группы и указанные сидячие погребения, вероятно, нужно связывать с ними. Впрочем, мы не знаем для какой группы характерен такой своеобразный обряд погребения, крайне редкий на Евразийских просторах.

Завершая обзор выводов А.Н. Бернштама по связанным с киданями древностям Чуйской долины Кыргызстана, скажем о находке в районе с. Беловодское донца южно-сунской селадоновой чаши, у которой под бледно-зелёной глазурью – цветочный орнамент в виде стеблей и листьев, сделанный плоским рельефом. На обороте донца после обжига довольно небрежно процарапана китайская монограмма, состоящая из двух иероглифов (сверху вниз) на фоне одного знака (рис. 3, 1) [Бернштам 1943: 26, рис. 12; 1947: 12-13]. Необходимо упомянуть ещё два сосуда, найденные экспедицией надзора при строительстве БЧК. Во-первых, это найденный у с. Александровка керамический сосуд с отбитыми носиком и горловиной с ручкой, покрытый зелёно-синей глазурью с добавлением слюды, придающей ему металлический блеск [Чуйская долина 1950: 98, табл. ХCV, 249] (рис. 2, 2). А во-вторых – относительно большой сосуд с узким горлышком, также покрытый зелёной глазурью с добавлением слюды и с трещинами-кракле (рис. 2, 4), найденный на городище у Кара-Балты (60 км к западу от Бишкека) [Бернштам 1956: 171].

Таким образом, А.Н. Бернштам исследованиями рубежа 30 и 40-х гг. XX в. показал в Чуйской долине ряд средневековых объектов (у него – 5 или 6), на которых были найдены конструкции и артефакты, появление которых можно связать с приходом и присутствием киданей в этом регионе.

Во 2-й пол. XX в., несмотря на отсутствие связываемых с киданями археологических материалов в публикациях, в музейных и частных собраниях такие предметы аккумулировались. К примеру, в музей на городище Бурана³ поступили фрагменты двух фарфоровых сунских тарелок, найденных на этом памятнике (рис. 3, 2-3), а в Исторический музей – две нефритовые подвески из раскопок 1962 г. на Красной Речке (рис. 1, 3, 10), сосуд с городищ у с. Новопокровка (рис. 2, 3) (все

¹ Явная ошибка, но так в публикации! Возможно, должно быть 7,5 м.

² «Сидячий» характер погребённого указывается авторами, но не подкрепляется развёрнутыми описаниями нахождения костей, фотографиями или рисунками. Нам сложно представить, как могли сохраниться на своих местах кости при погребении «сидя» в полем пространстве у Новотроицкого (=Шопоково) и около Бишкека на христианском кладбище.

³ На городище Бурана локализуется средневековый город Баласагун (Balāsākūn) – столица Западного Ляо.)

Рис. 2. Кашинные и фарфоровые кувшины времени Си Ляо:
 1 – погребение у с. Новотроицкое (совр. г. Шопоков); 2 – городище Александровское;
 3 – городище Новопокровское-1; 4 – городище Кара-Балта. 1 – по: [Чуйская долина 1950];
 2–4 – коллекции НИМ КР, фото автора

в Чуйской долине), костяная зубная щётка (рис. 1, 30), нефритовые пряжка и круглая пуговица из района городища Новороссийского в Кеминской долине. В это же время действовали школьные археологические кружки, участники которых собирали на средневековых городищах разные артефакты, в т. ч. сохранили несколько нефритовых поделок (рис. 1, 1, 2, 4, 18-20, 26); в 1987 г. эта «школьная коллекция» передана в Исторический музей Кыргызской Республики, но с частично утраченными адресами нахождения. Специальных публикаций указанных музейных поступлений не последовало, а в музеях они связывались скорее с функционированием Великого шёлкового пути, чем с Си Ляо. Последними по времени обнаружения – 2019 г. – являются фрагменты трёх селадоновых южно-сунских чаш с городища Кен-Булун, на донце двух из которых после обжига прочерчены свастики (рис. 3, 4-6).

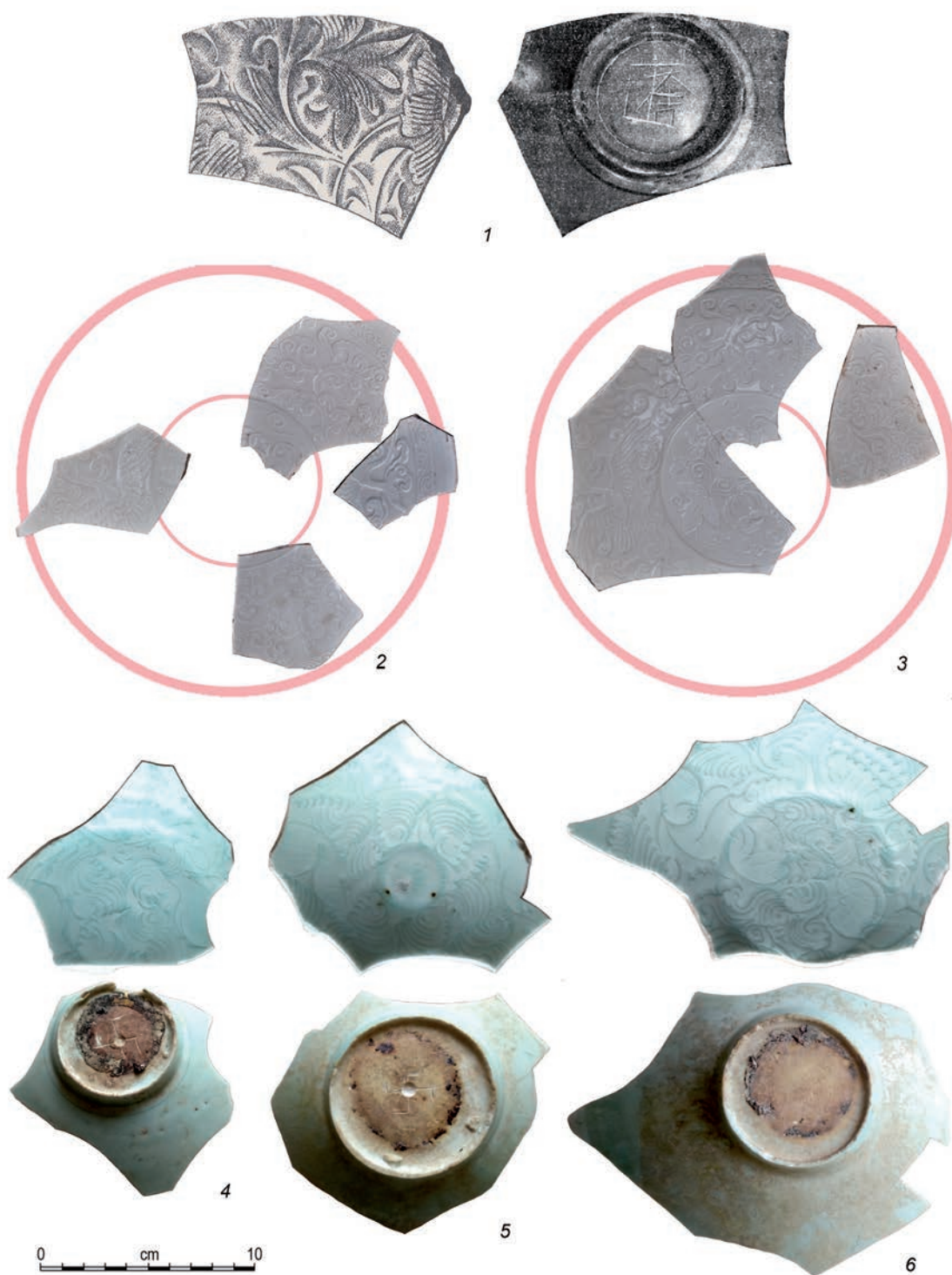

Рис. 3. Фарфоровые и селадонные тарелки времени Си Ляо: 1 – городище Беловодская крепость; 2–3 – городище Бурана; 4–6 – городище Кен-Булун. 1 – по: [Бернштам 1947]; 2–3 – коллекции ААМЗ «Бурана», фото автора; 4–6 – коллекции ИИАЭ НАН КР, фото автора

В конце 60-х гг. XX в. вблизи Тараза было исследовано т. н. «женское погребение», не чёткая информация о котором помещена Т.Н. Сениговой в своей монографии о городе [Сенигова 1972: 191-192, 197]. В нём был найден столик из кашина с бирюзовой поливой и керамический кувшин с рельефным орнаментом аналогичного цвета, глазурованные чаша и блюдо [Сенигова 1972: табл. XIII, 5, 6, 28, 41]. В начале XXI в. столик и кувшин были переизданы в цвете (без указания места находки) [Байпаков и др. 2011: 334-336]. И Т.Н. Сенигова, и авторы коллективной монографии не связывали эти находки с киданями, а рассматривали как парадную керамику XIII-XIV вв. Но исходя из аналогии со столиком из погребения в Кок-Таше (см. ниже) и дополнительной информации о погребении в Таразе, полученной из музейной документации, это предметы именно из киданьского погребения.

Единственной публикацией интересующего нас материала было сообщение с фотографией пары височных нефритовых подвесок вместе с бронзовыми кольцами (рис. 1, 9), которые были найдены в могиле 119 при раскопках некрополя городища Красная Речка в 1980 г. и датированы VIII в. [Горячева, Байпаков 1981: 483-484]. Сводной работы о погребениях некрополя пока не существует, а в общих публикациях о городище про само погребение 119 не сообщается. Но в полевом дневнике 1980 г. про него написано: «Труположение на спине, головой на северо-запад. Правая рука вытянута вдоль тела, левая – согнута в локте так, что кисть лежит в области живота. Лицо обращено прямо перед собой. <...> На рёбрах внутри грудной клетки – зола. Она также прослежена на затылочной кости и на плечевых костях. В насыпи – угольки. Слева в 30-40 см лежит кувшин, изготовленный на гончарном круге; имеет декор и налпы в виде фигурных шишек» [Горячева, Акчурина 1980: 25–26]. Заметим, что на некрополе городища Красная Речка достаточно много погребений с ориентацией в северный сектор, но большинство из них полностью безинвентарные; в региональной археологии такие интерпретируются как ранне-мусульманские рядовые погребения.

Произошедшие в конце XX в. скачок технологий и некоторая деградация контроля за соблюдением законодательства в области сохранения объектов историко-культурного наследия, к которым относятся все памятники археологии – недвижимые и портативные, привели к появлению в частных собраниях «случайно» найденных киданьских металлических артефактов. Часть (?) из них, собранная в настоящей статье, публиковалась на любительских и специализированных интернет-сайтах, некоторые – в книге-альбоме вполне уважаемых исследователей [Байпаков и др. 2007], а отдельные находки становились объектом добротных аналитических статей [Беляев, Сидорович 2012; Belyaev et al. 2012: 128-143]. Они чётко делятся на три категории: монеты, печати и пайцзы/бирки (или «даоские амулеты» как в ряде случаев на сайте Zeno).

Монеты Западного Ляо известны двух типов – китайского и исламского.

Монеты китайского типа – с бортиками, квадратным отверстием в центре и иероглифами на лицевой стороне качественной обработки на монетном дворе (рис. 4, 1-9). Их метрологические параметры соответствуют стандартам для монет одинарного или двойного достоинства (*сяо-пин* и *чжэ-эр*). Они содержат легенду/девиз правления *сюй-син юань-бао* (續興元寶) с ненормативной каллиграфией, которая соотносится с известным из письменных источников девизом правления *шай-син юань-бао* (20.01.1151–25.01.1164 гг.), фактически идентичным по смыслу с девизом на наших монетах. То есть, как доказывают В.А. Беляев и С.В. Сидорович, выпущены они при правлении Елюй Или, третьего правителя Си Ляо [Беляев, Сидорович 2012: 274-275]. Из девяти известных по интернет-сайту Zeno монет этого девиза правления семь локализованы в восточной части Чуйской долины Кыргызстана – у современного населённого пункта Кемин (Быстровка) (1 шт.) и на

Рис. 4. Монеты времени Си Ляо: 1-9 – монеты китайского стандарта девиза правления сюй-син юань-бао (續興元寶) (по: [Zeno]).
 1 – городище Ак-Бешим; 2 – городище Бурана; 3 – городище Кара-Джигач; 4 – у современного населённого пункта Кемин (с. Быстровка);
 5 – Кыргызстан; 6-8 – городище Красная Речка;
 10-18 – монеты мусульманского стандарта времени Си Ляо (представлены А. М. Камышев) – Чуйская долина

городищах Бурана (1), Ак-Бешим (1), Красная Речка (3), Кара-Джигач (1)⁴; нахождение ещё одной монеты указано как «Кыргызстан», а для последней не указано вовсе⁵.

Монеты Западного Ляо исламского типа (типа, наследованного от предыдущих владельцев региона – караханидов) чеканены разными штемпелями, на части которых явные ошибки; они низкого качества металла и изготовления, что затрудняет их прочтение (рис. 4, 10-15). Тем не менее, на них чётко упоминается два халифа: ал-Мустаршид (512–529/1118-1134 гг.) и ал-Муктафи (530-555/1136-1161 гг.). Пока единственный уверенно читаемый (или уверенно восстанавливаемый) год – 548 г.х., т. е. 1153/1154 г. Это год прихода к власти Елюй Или! Ни на одной монете (а их общее упоминаемое количество – более полутысячи!) не указан двор чеканки и эмитент. Но все подобные монеты найдены в восточной части Чуйской долины, в т. ч. в кладах на городищах Бурана и Красная Речка и, соответственно, здесь же предполагается их выпуск [Кочнев 2001: 50-52; Fedorov 2004a: 322-327, Pl. 40; 2004б: 409-414, Pl. 78-79; Кошевар, Алай 2016: 356-371].

Количественное превосходство и сокрытие в кладах монет исламского типа показывает, что именно они были реальным платёжным средством, а монеты китайского типа – лишь символами из прошлого. Отдельного осмысления заслуживает факт, что из пяти правителей династии монеты выпускал лишь один (по данным на сегодняшний день). Вероятно, его предшественники были заняты завоеваниями и установлением реальной власти, войнами с соседями и отстаиванием своих полномочий на престол, а последующие – распрями, усмирением подданных и борьбой с набравшим силы вчерашним вассалом Хорезмшахом Махмудом.

Киданьских печатей с некоторой сопровождающей информацией нам удалось получить 11 (рис. 5). Печати относительно разнообразны по форме, дизайну и размеру. Самая крупная (рис. 5, 1) – 65×30 мм, а наименьшая (рис. 5, 6) – 16×13 мм. Преимущественно в прямоугольном поле размещалось 2–3 и более иероглифа киданьского квадратного шрифта; в одном случае (рис. 5, 1) – надпись дана в два столбика; в двух случаях она вписана в круг (рис. 5, 7, 11). Дополнительные декоративные элементы использованы в трёх случаях: это интегрированная в верхней части прямоугольного поля округлая розетка (рис. 5, 1), отлитая сбоку от прямоугольного поля фигура в форме полумесяца (реверанс подданным-мусульманам – ?) (рис. 5, 9) и некоторая ажурность контура за счёт полукруглых небольших вырезов на каждой из сторон вокруг прямоугольной рамки (рис. 5, 8). На оборотной стороне печати чаще помещалось в центре небольшое пластинчатое ушко с отверстием для подвешивания к шнуру, но мог быть и выступ-штырёк округлый или квадратный в сечении и без отверстия (рис. 5, 4-5). По указанному местонахождению почти все печати происходят с городищ восточной части Чуйской долины – Бураны (рис. 5, 5, 6, 8), Красной Речки (рис. 5, 1-3, 10) и Кара-Джигача (рис. 5, 7, 11); местонахождением одной печати (рис. 5, 4) указан «Кыргызстан», а ещё одна, со слов информатора, – найдена в районе г. Ош (юг Кыргызстана, вблизи средневекового г. Узген).

«Даоских амулетов» (или пайцзы/бирки) нам известно 10 шт. (рис. 6). Это прямоугольные пластинки с надписями киданьским квадратным письмом (или иногда «стандартными» китайскими иероглифами), заполняющими всё поле с двух сторон. Они небольшого размера – 30-70×15-25 мм. В их верхней части делалось ушко для подвешивания – либо как отдельная петелька в одной плоскости с биркой (рис. 6, 1-3, 9), либо отверстие овальной формы у грани в самом прямоугольнике (рис. 6, 4-8). В ряде случаев, когда ушко обламывалось (рис. 6, 5, 9), то

⁴ <http://zeno.ru, ## 63045, 90689, 98637, 105364, 156996, 159113, 1680008>.

⁵ <http://zeno.ru, ## 129673 и 167466>.

Рис. 5. Печати времени Си Ляо: 1–3, 10 – городище Красная Речка; 4 – Кыргызстан; 5–6, 8 – городище Бурана; 7, 11 – городище Кара-Джигач; 9 – у г. Ош. Частные коллекции г. Бишкек. Фото предоставлены А.М. Камышевым

непосредственно в поле пробивалась новая округлая дырочка, что указывает на их относительную ценность. Дополнительные украшения редки – лишь в одном случае низ бирки изображён как лотос, а верх – как крыша пагоды (рис. 6, 3).

По месту нахождения в шести из 10 случаев указана восточная часть Чуйской долины, в т. ч. городища Бурана, Кара-Джигач и Кен-Булун (рис. 6, 1, 3, 10), а также в ущельях этой части долины – Кызыл-Суу и Норус (у с. Горная Маевка) (рис. 6, 4-5) и где-то вблизи Бишкека (рис. 6, 6). Ещё в двух случаях лаконично указана «Чуйская долина» (рис. 6, 8-9). Для одного случая локализация обнаружения вовсе неясна (рис. 6, 7). В последнем случае бирка была найдена вблизи оз. Иссык-Куль (рис. 6, 2).

Все выше названные находки указывают на ощутимое присутствие киданьской культуры в регионе, преимущественно в восточной части Чуйской долины. И всё же – это лишь отдельные предметы, которые легко перемещаются на большие расстояния и могли быть сделаны (а отчасти и были сделаны) на исторической родине – на землях собственно Ляо, а не Западного Ляо. Даже погребения с такими предметами (нефрит, керамика), хотя в целом не выбиваются из типологии киданьских погребений коренных территорий этого племени [Ивлев 1990: 42-63], но также могут быть интерпретированы иначе (что, к примеру, и было сделано В.Д. Горячевой на некрополе

Рис. 6. «Даоские бирки» времени Си Ляо (по: [Zeno]): 1 – городище Бурана; 2 – вблизи оз. Иссык-Куль; 3 – городище Кара-Джигач; 4 – ущелье Кызыл-Суу; 5 – ущелье рек Норус (у с. Горная Маевка); 6 – вблизи Бишкека; 7–9 – Чуйская долина; 10 – городище Кен-Булун

Красной Речки для погребения 119). Но вот специфически киданьского недвижимого памятника с хорошей фиксацией реалий долгое время известно не было.

Лишь в 2017-2018 гг. в Кочкорской долине Кыргызстана, что лежит в одном конном переходе за перевалом Шамси к югу от городища Бурана, признаваемого специалистами руинами средневекового города Баласагун (Хусыфдо), который являлся столицей Си Ляо, был раскопан подземный мавзолей. В первичных публикациях он был интерпретирован как погребение

караханидской знати [Табалдиев, Акматов 2018: 595-622; Табалдиев и др. 2019: 48-69]. Однако предпринятый новый анализ всей совокупности артефактов, в т. ч. включающий сетчатый погребальный костюм, позволил пересмотреть первоначальные выводы и считать его первой идентифицированной элитной гробницей киданей Си Ляо [Biran et al.].

Пока же заметим, что подземные погребальные конструкции, сооружённые из жжёного кирпича, не характерны для региона. Тем не менее, в той же Кочкорской долине в 1891 г. уже раскапывалось подземное погребальное сооружение. Но в нём было зафиксировано захоронение пепла после кремации. Мы имеем в виду разведочные раскопки А.М. Фетисова [ОАК за 1891 г.: 109; Фетисов 2012: 6-27] на урочище Кеске-Таш в северо-восточной периферии Кочкорской долины (рис. 7, 1). На урочище в одном месте было отмечено пять глинобитных оград с 5-6 крупными камнями на углах и с проёмом входа с восточной стороны. Одна конструкция, обозначенная литерой «А», ко времени прибытия А.М. Фетисова была раскопана в грабительских целях, а вторая – обозначенная литерой «В» – начата. Это позволило исследователю понять общее устройство погребального сооружения: от проёма в ограде шёл наклонный спуск «канавой» к западной части к уровню пола конструкции из «жженого кирпича красной глины», находящейся полностью под землёй.

Дочистив входную конструкцию «В» до входа А.М. Фетисов обнаружил, что перекрытие самого строения обвалилось, а выборка грунта изнутри через «дверь» чревата её обрушением. В этой связи он перешёл к раскопкам нетронутой конструкции «С».

Внешние размеры ограды конструкции «С» – 20×10 м (рис. 7, 4). В своём дневнике исследователь записал: «Входные в склепы каналы врыты в материк, и стены их ничем не выложены» [Фетисов 2012: 13]. Впрочем, нельзя исключать, что входной коридор был шире и до стен не дочистили. Сама погребальная конструкция оказалась круглой в плане, с внутренним диаметром 2,33 м. Перекрыта она «круглыми сводами наподобие купола», верхняя точка которого от пола расположена в 3,42 м. Над куполом также лежит грунт мощностью немногим более 1 м. Стены и пол внутри были покрыты слоем алебаstra. К западной стенке конструкции из поставленных на ребро кирпичей приставлен ящик, размерами 1×0,5 м и высотой 0,45 м, в котором хранился пепел погребённого (рис. 7, 2-4). Отмечается, что после погребения вход был «заделан кирпичами, замазан глиной и потом завален большими камнями и засыпан землей гладко с общей поверхностью» [Фетисов 2012: 13]. Внутри, судя по записям в дневнике, была найдена только одна (или несколько – ?) «широких глиняных чашах грубой работы» с пеплом подзахороненных (рис. 7, 5). А.М. Фетисов записал, что подзахоронения совершались через пробиваемое в куполе отверстие [Фетисов 2012: 13].

Исследователь отметил, что сооружения «А», «В» и «С» очень близки по внешним размерам и расположены, судя по плану, в 5-10 м друг от друга на одной линии по диагонали. А вот сооружение «Е» удалено на 75-80 м и оно было самым большим – размеры ограды 22×14 м (рис. 7, 4). Оно также было начато раскапываться грабителями, но не завершено (в виду выявившейся разрушенности – ?). Его рухнувшее и просевшее перекрытие образовало на поверхности воронку диаметром 8,5 м, т. е., вероятно, было вдвое-втрое больше раскопанного сооружения «С» [Фетисов 2012: 14].

Этнокультурная атрибуция не включалась А.М. Фетисовым в круг задач – он публикует именно полевые фактические данные на уровне конца XIX в. без какого-либо их осмысления и датирования. В последующие 100 с лишним лет ничего подобного археологам не встречалось, хотя интерес к этому был и было понятно, что этот памятник в Кеске-Таш, как и ряд других, раскопанных в 1891 г. Фетисовым, средневековые [Табалдиев 1996: 8].

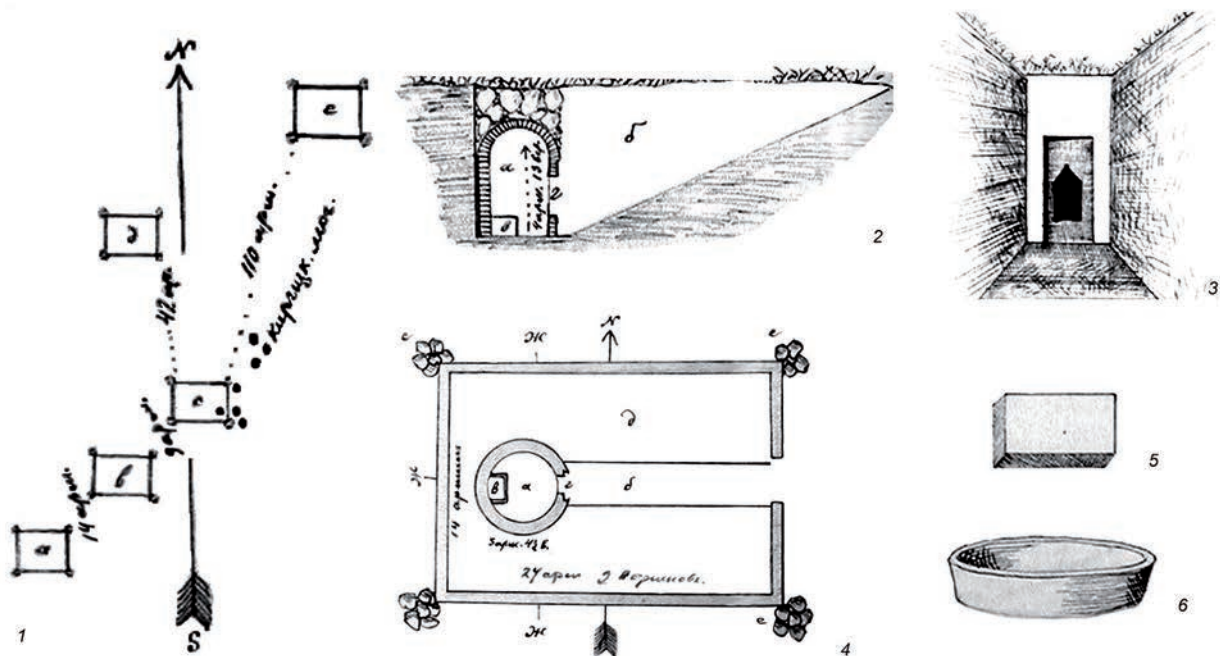

Рис. 7. Могильник на урочище Кеске-Таш (по: [Фетисов 2012]): 1 – план могильника, 2 – разрез конструкции (погребения) С; 3 – вид на вход в камеру конструкции С из входного коридора (дромоса); 4 – план конструкции (погребения) С; 5 – кирпич из стенки конструкции С; 6 – чаша/лохань из конструкции С

Завершая обзор информации о раскопках А.М. Фетисова в 1891 г., упомянем, что ряд вскрытых им могил, как в могильнике «Д» в урочище Орто-Токой на востоке Кочкорской долины [Фетисов 2012: 17-19], был совершён в каменных ящиках на глубине до 2 м, находящихся под каменными овальными насыпями. Погребённые ориентированы головой на север и при них был обильный погребальный инвентарь, включавший, в т. ч., нефритовые украшения – подвески, бляшки, «муфточки» и китайские зеркала; в одном случае на погребённом была зафиксирована монета, определённая как «Са-чжан-цян» («монета брачного двора») [ОАК за 1891 г.: 113-115, прим., рис. 97, 100]. Перечень находок и описание конструкции погребений делают весь вероятной их интерпретацию как погребения рядовых киданьцев.

Подведём итоги рассмотрения. Различные артефакты, предположительно относящиеся к эпохе Си Ляо, найдены на 11 городищах Чуйской долины Кыргызстана, в т. ч. на всех крупных городищах восточной части долины (рис. 8). Почти полное отсутствие находок эпохи Си Ляо на городищах западной части Чуйской долины связано, вероятно, с их слабой изученностью для кыргызстанской части, и отсутствием целенаправленного выделения – для казахстанской, в которой раскопки проводились (Ашпара, Мерке, Кулан).

Многие из представленных в обзоре находок носят случайный характер или слабо документированные с современных позиций. Тем не менее, наличие на части из них – печати, бирки – специфического киданьского письма (требующего прочтения на артефактах!) или аналоги с хорошо датированной селадоновой и фарфоровой керамикой не оставляют вопросов о хронологической их принадлежности.

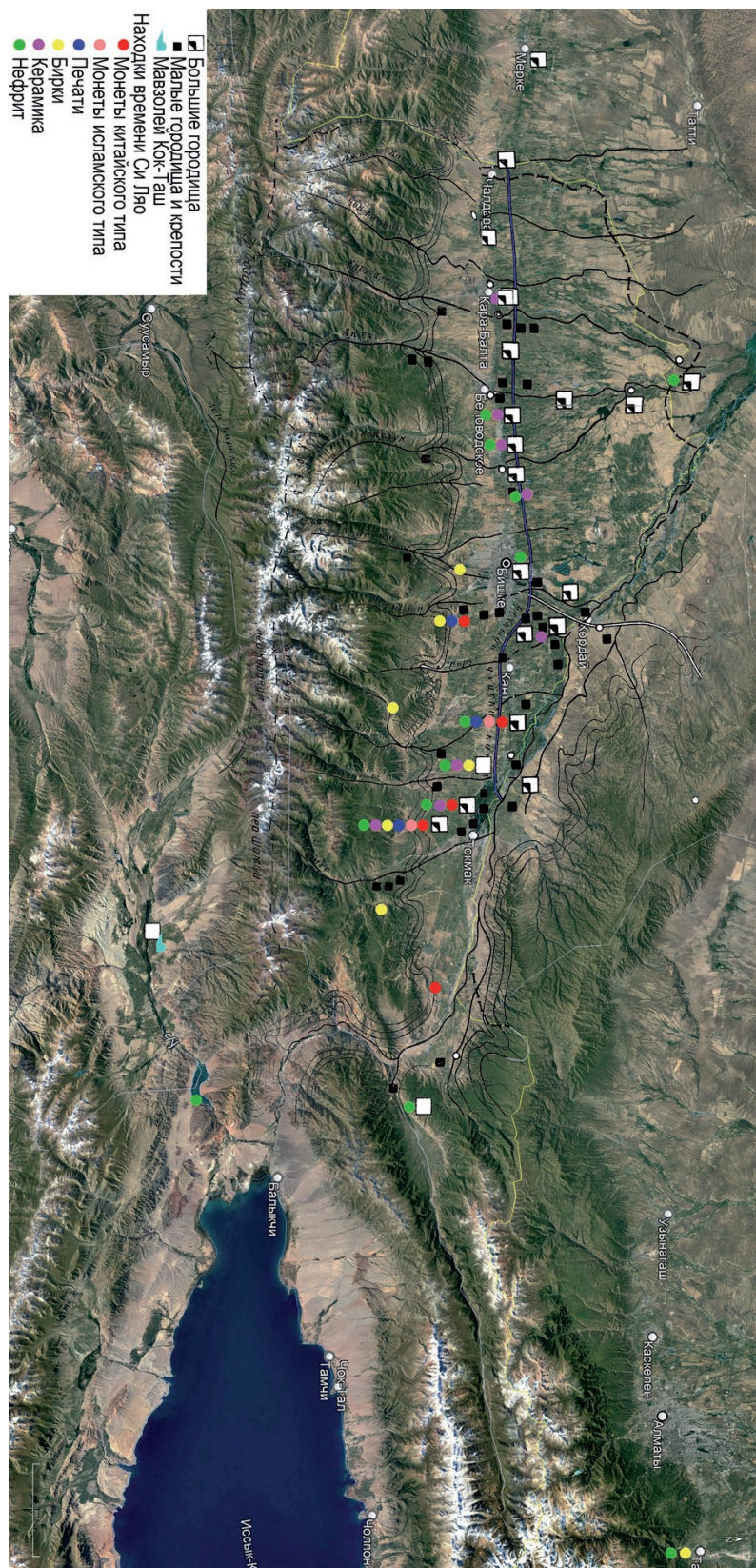

Рис. 8. Карта находок времени Си Ляо

Вопрос с находками из нефрита представляется несколько более сложным. Но рисунки нефритовых поделок из Александровских погребений и погребений Кочкорской долины (при всей разности их погребальных конструкций, имеющих, тем не менее, много сходства), при отсутствии надёжно датированных нефритовых находок другого времени, позволяют с оговорками относить все представленные нефритовые находки к одному времени – времени Си Ляо.

Общее количество и распространение артефактов рассматриваемой эпохи ставит вопрос о выделении археологических слоёв, накопленных за столетнюю историю государства Си Ляо из общей свиты, традиционно интерпретируемых как караханидские слои. Кажется, чисто стратиграфические предпосылки для этого имеются. Так, в проводившихся нами совместно с А. Торгоевым из Гос. Эрмитажа раскопках прилегающей к крепостной стене малого шахристана пространства (Р-15) на городище Красная Речка «караханидские» слои делятся на два строительных горизонта, верхний из которых небольшой, но уверенно датируется сер. XII – нач. XIII в. [Кольченко, Торгоев 2015; Торгоев и др. 2016], т. е. временем Си Ляо. Аналогично ситуация может быть интерпретирована для верхних слоёв городища Новопокровское-2, особенно для Раскопа-2, раскапываемого нами с 2004 г. совместно с немецким археологом-фрилансером Ф. Ротт. Но основная работа по обработке и интерпретации полученного многочисленного материала с этих двух памятников впереди.

Обнаружение подземного мавзолея Кок-Таш, достаточно уверенно относимого к времени Си Ляо, даёт дополнительные аргументы к таким поискам.

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М., Капекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего и средневекового Тараза и Жамбыльской области. Тараз: [б./и.], 2011. С. 334-336.
- Байпаков К.М., Терновская Г.А., Горячева В.Д. Художественный металл городища Красная Речка (VI – начало XIII вв.). Алматы: Гылым, 2007. 304 с.
- Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Памятная книжка Семиреченской области. Т. II. Верный, 1898.
- Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья // Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек: Шам, 1996. С. 91-172.
- Беляев В.А., Сидорович С.В. Обнаружение монет Западного Ляо и уточнение названия девиза правления императора Елюй Или // Общество и государство в Китае. Т. 42, № 1. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2012. С. 267-278.
- Бернштам А.Н. Археологический очерк северной Киргизии. Фрунзе, 1941. 112 с., 30 л. илл. (Ком-т наук при СНК КирССР. Материалы и исследования по истории киргиз и Киргизстана, 4).
- Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. 67 с., 10 л. илл. (Киргиз. филиал АН СССР. Ин-т языка, лит. и истории).
- Бернштам А.Н. Фрагмент селадонного блюда с китайской надписью // КСИИМК. 1947. Вып. 17. С. 12-13.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / МИА № 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 346 с.
- Горячева В.Д., Акчурина С.Р. Краснореченский отряд КАЭ – 1980. Дневник раскопок 1980 г. Р-3: Некрополь // Археологический архив ИИАЭ НАН КР, инв. № 817. 44 л.
- Горячева В.Д., Байпаков К.М. Раскопки Краснореченского городища // АО–1980. М.: Наука, 1981. С. 483-484.
- Ивлев А.Л. Погребения киданей // Центральная Азия и сопредельные территории в средние века. Новосибирск: Наука, 1990. С. 42-63.
- История Киргизской ССР. Гл. ред. Б.Д. Джамгерчинов. Т. 1. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. 708 с.
- Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 186 с. с илл.; 1 л. илл. (АН КиргССР).
- Кольченко В.А. К интерпретации раскопок на городище Ак-Бешим в 1939–1940 гг. // Актуальные проблемы историко-культурного наследия Казахстана: прошлое, настоящее, будущее. М-лы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 70-летию проф. кафедры археологии, этнологии и музеологии, д.и.н. М. Елеуова. Ч. 1. Алматы: Қазақ университеті, 2016. С. 273-280.

- Кольченко В.А.* Припишпекское (Кара-Джигачское) средневековое христианское кладбище по данным архивных документов о раскопках 1886 года // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути. М-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 12–13 июня 2017 г.). Алматы: Центр сближения культур; Service Press, 2017. С. 175-176.
- Кольченко В.А.* Средневековое христианство Кыргызстана по данным археологических источников // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Т. IV. Христианство. Самарканд: МИЦАИ, 2018. – С. 90.
- Кольченко В.А., Торгоев А.И.* Слои караханидского времени на городище Красная Речка // Кыргызский и караханидский каганаты: Благодатное знание и государство. Бишкек: Maxprint, 2015. С. 344-346.
- Кочнев Б.Д.* Нумизматические памятники, связанные с карахытайским завоеванием Средней Азии // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. (Великий Новгород, 2001). СПб., 2001. С. 50-52.
- Кошевара В.Г., Алай А.В.* Монеты из Чуйской долины периода правления карахытаев // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 356-371.
- Отчёт Императорской археологической комиссии (ОАК) за 1891 год. СПб.: Типография главного управления уделов, 1893. 187 с.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 218 с.
- Табалдиев К.Ш.* Курганы средневековых кочевников Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 254 с.
- Табалдиев К.Ш., Акматов К.Т., Ашык А., Белек К.* Результаты археологических раскопок на мавзолее Кёк-Таш в полевом сезоне 2017-2018 гг. в Кыргызстане // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 48-69.
- Табалдиев К.Ш., Акматов К.* Мавзолей Кёк-Таш (Результаты археологических раскопок 2017 года) // Manas Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2018. № 8 (1/1). С. 595-622.
- Торгоев А.И., Кольченко В.А., Френкель Я.В.* Пожар городища Красная Речка: след монгольского нашествия в Притяньшанье? // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Казань; Ялта; Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 87-93.
- Фетисов А.М.* Раскопки древних могил в Иссык-Кульском и Токмакском уездах // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2012. С. 6-27.
- Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции / МИА № 14. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1950. 158 с.
- Ак-Beshim (Suyab) – 2019 / Japan-Kyrgyz Joint Archaeological Expedition Reports, Vol. 3. Edit by B. Amanbaeva, K. Yamauchi. Tokyo: Teikyo Service, 2021. 196 p.
- Belyaev V.A., Nastich V.N., Sidorovich S.V.* The coinage of Qara Khitay: a new evidence (on the reign title of the Western Liao Emperor Yelü Yilie) / Proceedings of the 3rd Simone Assemani Symposium (September 23–24, 2011). Rome-Trieste, 2012. P. 128-143.
- Biran M., Shenkar M., Tabaldiev K., Akmatov K., Kolchenko V.* The Kök-Tash underground mausoleum in north-eastern Kyrgyzstan: The first-ever identified Qara Khitai elite tomb? // Journal of the Royal Asiatic Society (на рецензировании в редакции).
- Fedorov M.A.* Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Krasnaia Rechka Hillfort // The Numismatic Chronicle. № 164. London, 2004a. P. 322-327.
- Fedorov M.A.* Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Burana Hillfort // The Numismatic Chronicle. № 166. London, 2004b. P. 409-414, Pl. 78-79.
- Zeno. URL: <https://zeno.ru> (дата обращения: 05.08.2022 г.)

Д. Ә. Талеев

Докей Әбдікерімұлы Талеев,
Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан; doc19_59@mail.ru

Қышқала (Баршынкент) Алтын Орда зиялыларының киелі (пантеон) мекені

Анотация. Исламның Алтын Ордаға таралу уақыты мен жолдарын зерттеу Қазақстан тарихының өзекті мәселелерінің бірі. Мақалада ислам дінінің Алтын Ордада мемлекеттік дін ретінде қабылдануы мен оның таралу жолдарын жазба деректер мен археологиялық мәліметтер негізінде зерттеу нәтижелері жайлы айтылады. Зерттеу нәтижелері Алтын Ордаға ислам сопылық бауырластық жолымен таралғандығын көрсетті. Соның ішінде Ахмет Яссауи сопылық тарихаты жолымен жүргендігін археологиялық қазба нәтижелері де негіздейді. Қышқала қалашығында жүргізілген қазба жұмыстары барысында ашылған діни нысандардың орындары соның куәсі. Қазба барысында сопылық бауырластыққа тән Завияның (қажылықта жүрген мұсылмандар тоқтайтын қонақ үй), мұсылмандық үлгіде салынған мавзолейдің орындары ашылды. Қазылған нысандардың аналогиясы Алтын Орда аумағының көптеген жерлерінен табылған.

Түйін сөздер: Алтын Орда, ислам, тарих, сопылық, археология, ескерткіштер, зерттеу

Докей Абдикеримович Талеев,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан

Кышқала (Баршынкент) священное место (пантеон) золотоордынской интеллигенции

Аннотация. Вопросы изучения принятия ислама в качестве государственной религии в Золотой Орде являются одними из важнейших в истории Казахстана. Эта проблема рассматривается в статье на основе анализа письменных данных и археологических материалов. Результаты исследований показали, что мусульманство проникло в Золотую Орду через суфийское братство ислама, именно под влиянием суфийского тарихана Ахмета Яссауи. Об этом свидетельствуют религиозные объекты, обнаруженные при раскопках в городе Кышқала. В частности, Завиа – гостинный дом для полонников; мавзолей, сооруженный в мусульманском стиле (типичный для суфийского братства). Аналогии раскопаным объектам обнаруживаются среди памятников эпохи Золотой Орды.

Ключевые слова: Золотая Орда, ислам, история, суфизм, археология, памятники, исследования

Dokey Taleev,
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Kyshkala (Barshynkent) is a sacred place (pantheon) of the Golden Horde intelligentsia

Abstract. The issues of studying the adoption of Islam as the state religion in the Golden Horde are among the most important in the history of Kazakhstan. This problem is considered in the article based on the analysis of written data and archaeological materials. The results of the research showed that Islam penetrated into the Golden Horde through the Sufi Brotherhood of Islam, precisely under the influence of the Sufi tarikhana Ahmet Yassawi. This is evidenced by religious objects discovered during excavations in the city of Kyshkala. In particular, Zavia is a guest house for breakers; a mausoleum built in the Muslim style (typical of the Sufi brotherhood). Analogies to the excavated objects are found among the monuments of the Golden Horde era.

Keywords: Golden Horde, Islam, history, Sufism, archaeology, monuments, research

Қазақстан ерте заманнан бастап әртүрлі мәдениеттер мен өркениеттердің бір-бірімен өзара байланысқан сахнасына айналған. Түркі дәуірінде қарқынды жанданған Ұлы Жібек жолы халықаралық сауда қатынастары шығыс пен батыстың арасындағы сауда-экономикалық байланысты ғана емес, саяси, рухани және мәдени қатынастардың дамуына да мұрындық болды. Жарты әлемді жаулап алған Түрік қағанаты тұсынан бастап Ұлы Жібек жолының негізгі тармағы Қазақстан жері арқылы өткені белгілі. Сауда керуендерімен бірге елшілік қатынастар да жалғасты. Жазба дерек көздері осындай елшіліктер саяси-экономикалық мәселелермен қатар өз дінін алдымен Түрік қағанатына сосын Алтын Орда еліне уағыздауды мақсат тұтқан. Солардың алғашқысы қатарында Византияның императоры Юстинианның Түрік қағаны Дизабулға (Естеми) жіберген З. Киликийский бастаған елшілікті (568 ж.) айтуға болады [Сенигова 1972: 11]. Сосын 630 ж. Жетісу арқылы Үндістанға өткен қытайлық будда діндары Сюань Цзяньді айтамыз. Ол Суяб қаласындағы Түрік қағаны ордасында бірнеше күн қонақ болған. Түріктердің тұрмысы, әдет-ғұрпы, шаруашылығы мен өзі өткен ірі қалалары туралы баяндаған [Зуев 2002: 262–272]. Бірақ, бұлардың ешқайсысы да қазақ жеріне өзге діннің енуіне ықпал жасай алмады. Мұсылман діні Оңтүстік Қазақстан өңіріне таралуы VIII ғ. ортасында арабтардың келуімен байланысты. Ал монғолдар Орта Азияға жорықпен келген кезде Қазақ жерінің бір бөлігінде ислам діні орнығып қалған болатын. Оны тарихи еңбектер мен археологиялық зерттеулер нәтижелері растайды. Батыста – Днестрден, шығыста – Ертіске дейін, солтүстікте – Батыс Сібір ойпатынан оңтүстікте – Солтүстік Кавказға дейін, Оңтүстік-шығыста Солтүстік Хорезм мен Сырдарияның төменгі ағысындағы ұлан-қайыр аймақты қамтыған Алтын Орда империясында ортақ дін болмады. Сондықтан болар Алтын Ордаға сырттан келген елшіліктер өз діндерін уағыздауға ынталы болды. Батыстың жіберген елшілері Г. Рубрук пен П. Карпинидің негізгі мақсаттарының бірі христиан дінін уағыздау болғанын аңғару қиын емес. Дегенмен, Алтын Орда хандары ондай уағызды хош көрмесе керек. Алтын Орданың негізін қалаушы Батыйдың мұсылман дініне деген құрметі жайлы сол дәуірдің жазбаларында мынадай сипаттамалар кездеседі: «Ол (Бату) өте әділетті адам және мұсылмандардың досы болды, оның қамқорлығы арқасында мұсылмандар өздерін еркін сезінді. Оның ордасы жанында мешіт салынып, имамы, муэззины, намазға жығылатын қауымы болды. Патшалық тұсында және оның тірі кезінде мұсылман елдеріне ол жағынан, оның қол астындағылар әскері тарапынан ешқандай жаманшылық болған жоқ. Түркістан мұсылмандары оның қорғаштауы арқасында тыныштық пен қауіпсіздікте өмір сүрді» [Тизенгаузен 1941: 15]. Келесі бір араб авторы Батый туралы: «Ол ешбір дінге, ешбір сектаға кірмеген билеуші еді, оларды тек Құдайшылықты танудың жолы деп түсінді. Сөйтіп, ешбір секта мен дін ағымының жолын құмады», – деп жазады [Джувейни 2004: 21].

XIII ғ. армян тарихшысы Киракос Гандзакетий болса, Батыйдың тек мұсылмандарға ғана емес, сонымен бірге басқа да діндегі адамдарға, оның ішінде саудагерлерге жақсы қарағандығын айтады. Келтірілген деректер Алтын Орданың негізін қалаушы әрі алғашқы ханы Батыйдың дінге қатысты көзқарасы мен ұстанымын көрсетеді. Қарақорымда Ұлы қаған Гүйік христиан дініне бет бұрып, мұсылмандарға қолдау көрсетпесе, Сарайда керісінше мұсылмандар хан тарапынан қысымшылық көрмеді. Дәл сол секілді басқа діндегілер де шетқақпайлыққа ұшырамады. Бұл Батыйдың нақты бір дінді қабылдамаса да, сабырлылығын, шыдамдылығын көрсетеді. Жазба деректер Батый ханның әкесі Жошының жаулап алушы болса да, діни ұстанымдар жағына келгенде, «мұсылмандарға көмек көрсетуді қолдайтынын» жазады. Алтын Ордада Батый хан тұсында діни еркіндік жақсарғанын ханның ұлдары мен інілерінің әртүрлі дінге кіргендігінен аңғаруға болады. Мысалы, Батыйдың үлкен ұлы – Сартақ христиан дініне енсе, туған інісі Берке мұсылман дініне бет бұрған [Кәрібаев...].

Бату ханнан кейін Алтын Ордада христиан дінін қабылдаған, оның ұлдары Сартақ пен Олақшыны Қарақорым қолдады. Бірақ, олардың билікке келе алмауын тарихшылар Сарайдағы билеуші топ арасында мұсылмандыққа деген ықыластың артуымен байланыстырады. Ол ықылас билікке Берке ханның келуіне әкелді. Өйткені, Берке Шыңғыс ұрпақтары ішінде алғашқы болып исламды қабылдаған болатын. Беркенің таққа отыруына басқа да оқиғалар әсер етуі мүмкін, бірақ ислам факторын негізгі болғаны анық.

Беркенің исламды қабылдағаны жайлы шығыс деректерінде түрлі мәліметтер кездеседі. Мәселен, оның (Берке) замандасы Джүзджани «Берке хан исламды Сейф әд-Дин әл-Бахарзидің қолынан қабылдады десе», XIV ғ. араб авторлары Ибн Халдун мен әл-Айни Берке Бұқарада мұсылман ғұламаларымен кездесіп, олармен сұқбаттасқан, ол мұсылман ілімін де сол жерде софылық шейх Наджм әд-Дин Кубардың шәкірті Шамс әд-Дин әл-Бахарзиден қабылдады деп жазады. Әл-Омаридің мәліметі бойынша Берке исламды Мөңкені ұлы хан сайлаған құрылтайдан (1251 ж.) Еділ бойына қайтып келе жатқан сапарында қабылдаған [Тизенгаузен 1941: 15]. Беркенің таққа отырғанға дейін өзін мұсылмандық бағытта ұстағаны жайлы еске алған Бату ханның сарайында 1253 ж болған француз монахы Г. Рубрук «Өзін сарацин (мұсылман) сезінген Берке, өз сарайында шошқа етін жеуге ырық бермеді», - деп мәлімдеген [Измайлов 2012: 100].

Алтын Орда хандарының ішінде алғашқы болып исламға бет бұрған Берке хан туралы Әбілғазы баһадур: «Бату хан өлгеннен соң, Менку қаған оның ұлы Сартақты хан қойды. Ол хандық билігіне кіріспестен бұрын қаза тапты. Одан соң оның інісі Олақшыны хан қылды. Олақшы да аз тұрып опат болды. Одан кейін Менку қаған Жошының баласы Бүрге (Берке – Т.Д.) ханды хан қылды. Бүрге хан болғаннан соң ұлық той жасап, көп сыйлықтар берді. Барлық аға-інілеріне Бату хан ұлыстарын бөліп берді, қағанға көп сый-сиапат жіберді. Одан соң құдай тағала бір күні Бүрге ханның көңіліне мұсылмандықтың ұрығын сеуіп, өз дінінің бос нәрсе екенін білдірді. Бір күні аттанып ағасының салдырған Сарайшық атты шаһарына барды. Мұнда Бұқарадан көп керуен келген екен. Ол керуеннің ішінен екі жақсы кісіні бір аулақ жерге шақырып, мұсылмандықтың шарттары мен тарихын сұрады. Бұл кісілер мұсылманшылықты жақсы баян қылды. Бүрге хан таза жүрегімен мұсылман болды. Кәпір болған кісілермен жамандасты. Ақыры алты жүз алпыс төртінші жылы ол дүниеге кетті, патшалық өмірі жиырма бес жылға созылды», - деп жазады [Әбілғазы 1992: 115].

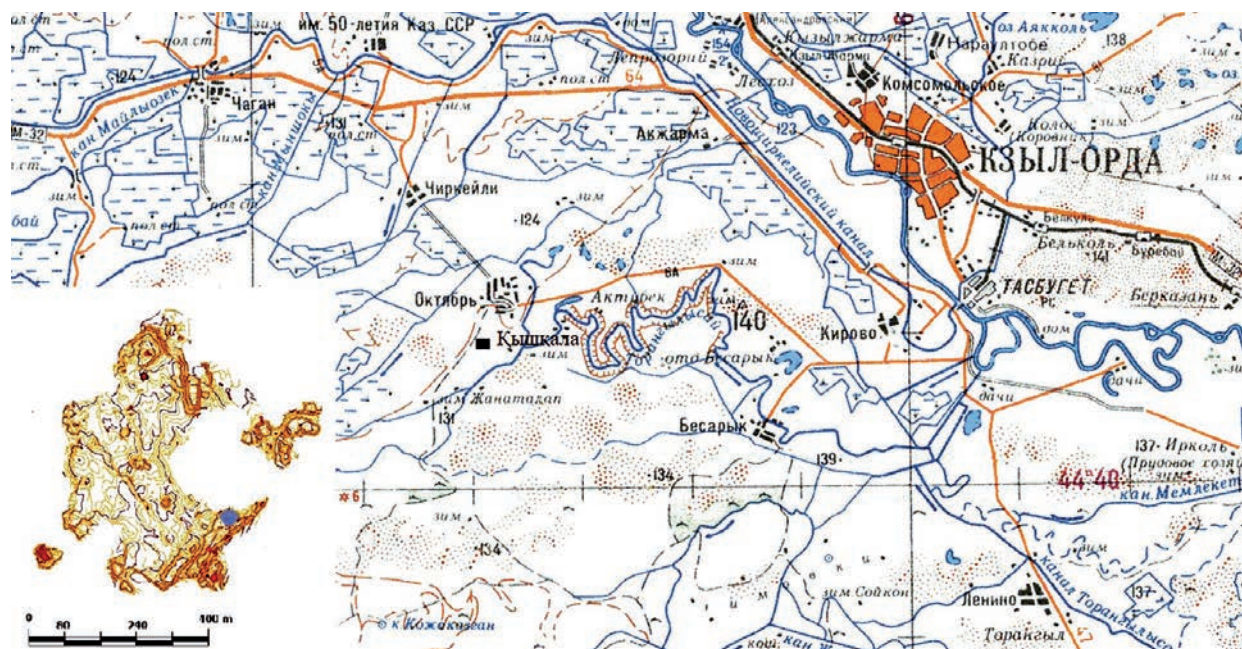
Сонымен Берке Шыңғыс хан ұрпақтары ішінде бірінші болып исламды қабылдады. Оның хан болуы исламның бүкіл Алтын Орда аумағына кең түрде таралуына және билеуші тап арасында оның ықпалының артуына жол ашты. Берке ханның мұсылмандыққа деген ықыласы туралы сол заманның тарихшыларыда жағымды пікір қалдырған. Ибн Арабшахтың айтуы бойынша Берке хан барлық өлкелердегі ғалымдар мен діндар адамдарды жинап, оларға бұқара қауымды ислам ілімдерімен таныстырып, халықты тұра жолға салуға бұйырған. Сондай-ақ ол мемлекет аймағында мұсылмандық дәстүрді енгізіп, дін басыларына құрмет көрсетті, олармен достасып, өзіне жақын тартқан, Жошы Ұлысының көп жерлерінде мешіттер, медресе, кесенелер салдырған.

Мұсылман діні мемлекеттік дін ретінде Өзбек ханның тұсында оның тікелей қолдауымен жүзеге асты. Ол туралы Рашид ад-диннің «Жылнамалар жинағы» жалғасындағы авторы белгісіз жазбада мынадай баян бар: «Өзбек Дешті Қыпшақтың тағына келіп, өте күшті билеуші болады. Ол сыртқы сұлулығы мен адамгершілігін, діншілдігін бір өзіне ұштастыра білген, мұсылмандықты нығайтқан ханзада болды» [Тизенгаузен 1941: 141]. Сол уақыттан бастап ислам діні Жошы Ұлысында күшті діни-идеологиялық жүйеге айналды. Ортағасырлық деректерде Өзбек хан исламды сопылық йассауи тариқатының өкілдерінен қабылдағандығы айтылады. Өзбек хан

тұсында Дешті Қыпшақ «Аллаға табынған елге айналды» - деп жазған парсы жылнамашысы Муин ад-Дин Натанзи XIII ғ. соңында Ислам діні Шыңғысхан империясынан бөлініп шыққан Алтын Ордада ресми дін дәрежесіне дейін жеткенін хабарлайды.

Ортағасырлық деректерде Алтын Орданың көптеген хандары исламдық дәстүрді сопы шейхтерінің жетекшілігімен игерген. Жоғарыда айтылғандай Берке хан исламды сопы шейх Сейф әд-Дин әл-Бахарзиден алса, Өзбек хан Яссауи орденін өкілі түркістандық шейх Сейид-Ата ықпалымен қабылдаған [Сайфединова 2012: 240–241]. Қазақстандық шығыстанушы А.К. Муминов Алтын Орда аймағына ислам негізінен үш орталықтың ықпалы тарапынан таралғанын айтады. Солардың бірі Сырдарияның ортаңғы ағысындағы қалалар (Сайрам, Фараб, Зернук, Иткан (Икан), Сулхан, Узкент, Аркук, Сигнак, Барчинканд (Барчинлигент), Джант, т. б.) болған Алтын Орда қыпшақтары арасында исламның таралуына дәл осы аймақ басты әсер еткен деген пікірді қолдаушы орыс ғалымы М.Г. Крамаровский қыпшақ даласына мұсылман дінінің таралуына басты ықпал етуші сопылық бауырластықты қалыптастырған Қожа Ахмет Яссауи болғандығын айтады [Петров, Ускенбай 2010: 12].

2018 ж. бері археологиялық қазба жүргізіліп келе жатқан Қышқала қала жұрты XIII–XIV ғғ. (Алтын Орда дәуірінде) болған гүлденген қаланың орны екендігі анықталуда. Қышқала Қызылорда қаласынан оңтүстік-батысқа қарай 30 км жерде Сырдарияның қосалқы арнасы Жаңадарияның оң жақ жағасында орналасқан (1-сур.). Жүргізіліп жатқан зерттеудің басты мақсаттарының бірі жазба деректерден Бархим, Парчин, Барчканд (Барчинлигент), деген атаулармен белгілі қаланың орны және оның қазақ тарихында алатын орнын ерекше екендігін анықтау болатын. Қала туралы мәлімет Рим папасының монғолдың ұлы ханына жіберген елшісі Плано-Карпинидің (1245) еңбегінде (Бархим) [Путешествие ... 1993: 41], одан кейін 1253 ж. монғолдың ордасы Қарақорымға елшілік сапармен барған армян патшасы Гетумның жазбаларында (Парчин) [Извлечения ... 2005: 13], сосын XIV ғ. өмір сүрген ғұлама Ж. Қашқаридің «Әлмұхаммед-ас-Сұрақ» («Лұғатқа қосымша»)

1-сур. Қышқаланың орналасу картасы

атты еңбегінде (Барчканд) кездеседі. Мен «Барчкандқа (1273–1274) садырлардың садыры, мұсылмандық құқықты уағыздаушы, Құранды түсіндіруші ұлы ғалым Хусам ал-милла ва-д-дин Абу-л-Махамид Хамиду ибн Асиму ал-Асими ал-Барчинлигтан дәріс алуға келдім», - деп жазады Ж. Қарши [Қарши 2005: 155–156].

Жамал Қаршидің Барчкад Алтын Орданың ірі діни орталықтардың бірі болғанын жайлы хабарлайды. Ал Алтын Орданың әр қаласында болған сопылық баурластықтың завиялары (қонақ үй) жайлы әйгілі діндар, араб саяхантшысы Ибн Баттута ыстық ықласпен жазған. Ол өзінің Орта Азияға саяхаты барысында ахи баурластығының қонағжайлылығын кеңінен пайдаланған. Ол зиарат етіп келушіл мұсылмандарға тегін тамақ пен төсек беретін сопылық завиялардың өзін қалай қабылдап, кімдердің дәм беріп күткені жайлы толымды мәлімет жазған [Ибрагимов 1988: 41, 60].

Қазақтың белгілі ғұлама ғалымы Ә.Х. Марғұлан Баршынкенті Алпамыс батыр жырындағы Гүлбаршынның есімімен байланыстырып, қаланың орны Қышқала болуы мүмкін деген пікірді алғаш айтқан ғалым [Маргулан 1950: 76–78]. Бірнеше жыл бойы Қышқалада біз жүргізіп келе жатқан қазба барысында бірсыпыра діни және қоғамдық ғимараттардың орны ашылды. Солардың алғашқысы I-қазба қалашықтың солтүстік-батыс шетін алып жатқан қала бейіті аумағында орналасқан жеке төбешікке салынған қазба барысында белгісіз ғимараттың орны ашылды (2-сур.). Ғимарат ол баста күйдірілген кірпіштен тұрғызылған болса керек. Қираған ғимараттың орнында қалыптасқан құландылары табиғи төбеге айналған. Айналасында үйілген құрылыс материалдарының басым көпшілігі күйдірілген кірпіштер мен олардың сынықтары. Арасында бет

2-сур. Кесене орнының дроннан түсірілген суреті мен сызбасы

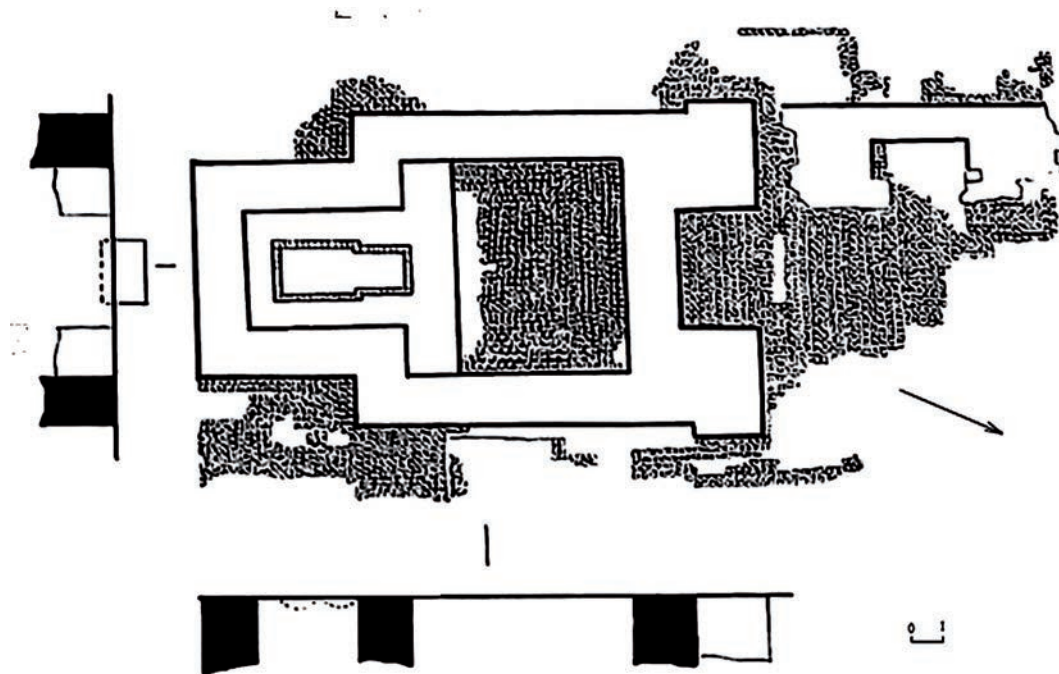
жағына өткір құралмен кесіп өрнек салынған, төртбұрышты күйдірілген қыш тақталар, түрлі-түсті мозаикалы өрнектердің шашылған сынықтары да көп (3-сур.). Қасбеті солтүстік-батысқа қараған ғимараттың төрт бұрышты негізгі бөлмесінің көлемі (*қабырғасының сырт жағынан есептегенде*) 11×11 м, оның артқы жағының орта тұсына (*оңтүстік батыс шетіндегі*) жапсыра салынған екінші

3-сур. Кесененің қас бетін безендірген мозаикалар

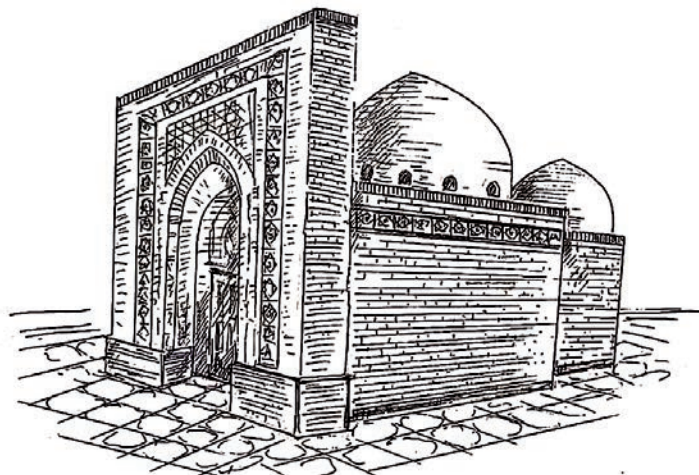
бөлменің көлемі 7×7 м қабырғаларының қалыңдығы 2 м (4-сур.). Оның жобасы мен сәулеткерлік сипаты негізін (фундаментін) тұрғызу үшін қазылған шұңқырлардың іздері бойымен анықталды. Құлаған ғимарат орнын қазу, тазалау, бұзылмай қалған құрылыс материалдарын жинап, сараптау, құрылыстың ерекше жобасын ұқсас ескерткіштермен салыстыру нәтижесі бұл жерде мұсылман үлгісінде салынған кесене болғандығын көрсетті [Талеев және т. б. 2018: 265–266]. Кесененің жобасы мен құландысынан табылған түрлі көлемдегі қыштар, өрнекті тақталар және түрлі-түстегі мозаикалар оның Алтын Орда қоғамында белгілі бір орны бар, беделді тұлғаның немесе тұлғалардың қабірі басына тұрғызылғандығын байқатады (5-сур.).

Біз қазған кесенемен мерзімдес, топографиялық жобасы мен сәулеткерлік тұрпаты ұқсас кесенелер ТМД мен Қазақстанның әртүрлі аймағында табылып, қазылған. Солардың бірі 2010 ж.

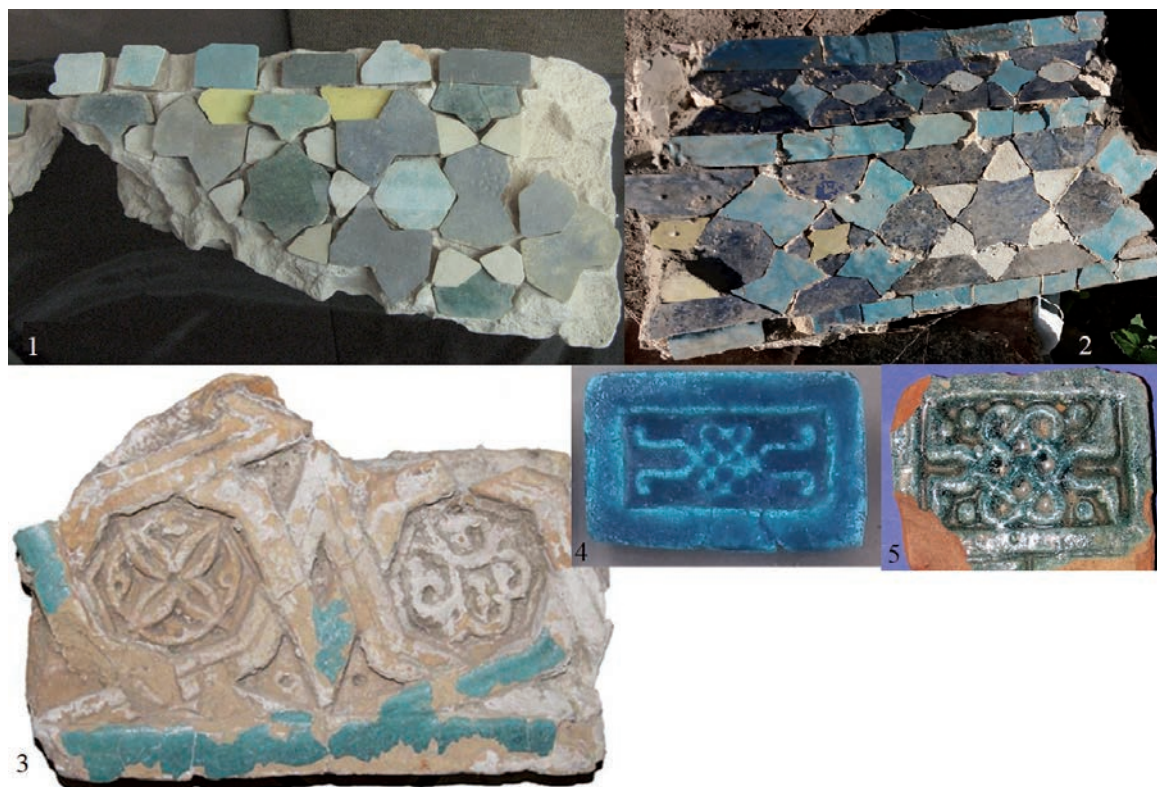

4-сур. Кесененің сызба жобасы

Еуразия ұлттық университетінің археологтары (М.К. Хабдулина) Астана қаласынан оңтүстікке қарай 100 км жерден ашқан Жәнібек-Шалқар кесенесі [Ученые...]. Мавзолейдің мерзімделуі XIV–XV ғғ. Олардың безендіру қаптамаларының өте ұқсас болғандығы сондай, тіпті бір шебердің қолынан шыққан ба? деп ойлайсың (6-сур.). Арал теңізінің құрғап қалған табанынан табылған Кердері кесенесінің бетіне қиып салынған өрнектері бар жапсырма тақталары да Қышқала кесенесінің қима тақталарына өте ұқсас. Кердері кесенесін де мамандар онан табылған археологиялық материалдар бойынша XIII–XIV ғғ. аралығымен мерзімдеген. Солтүстік Қазақстан облысының Ш. Уәлиханов ауданынан табылып, қазба жұмыстары жүргізілген Алтын Орда дәуірі кесенесінің (Қызылоба) жобасы мен сәулеттік ерекшеліктері айтылған кесенелермен бірдей. Кесененің жерлеу қабірінің бірінен табылған екі күміс монетасын оқыған белгілі нумизмат П. Петровтың анықтамасы бойынша, олар XIV ғ. жатады. Алтын Орданың астанасында (Сарай әл-Махруса) соғылған. Монеталардың бірінде 737 хижри күні, яғни біздің заманымыздың 1337 ж. деген жазуы жақсы оқылады [Алтын Орданың...].

5-сур. Кесененің сызып салынған реконструкциясы

6-сур. Алтын Орда кесенелерінің ұқсастықтарын көрсететін фото дәлелдер:
 1 – Конские горы мешітінің мозаикасы; 2 – Қышқала кесенесінің мозаикасы; 3 – Кердері өрнекті тақтасы;
 4 – Қышқала кесенесінің сырлы жапсырмасы; 5 – Жәнібек-Шалқар кесенесінің сырлы жапсырмасы

Украинаның Запорожие облысындағы Конские горы қалашығындағы Алтын Орда дәуірі мешітінің мозаикалық безендіруі Қышқаладағы кесене мозаикасын дәлме-дәл қайталайды. Жоғарыда айтылған кесенелердің түрлі көлемдегі және түрлі формадағы кірпіштерінің көлемі, көркемдеу үшін қолданылған мозаикалық безендірулері, сыртқы қаптама тақталарының өрнектері, кесенелердің жобасы, сәулеттік сипаты бір-біріне өте ұқсас. Және мерзімделуі де бір уақыт. Олардың барлығы да Алтын Орда дәуіріне жаттады. Тіпті оларды безендіру тәсіліне қарап тұрып бір ұстаның (шебердің) қолынан шыққан ба? деген ойға қаласың (6-сур.).

Қорыта айтқанда Қышқалада жүргізілген қазба барысында ашылған кесенеге ұқсас тағы да екі құрылыс қазылуда. Қалашықтың маңында жүргізілген зерттеу (барлау) жұмыстары барысында алғашқысына ұқсас бірнеше төбешіктер анықталды. Олардың диаметрі (20–26 м) мен биіктігі (1,5–2 м) бір-біріне шамалас. Оған қоса үстінде шашылып жатқан құрылыс қалдықтары да бірдей, күйдірілген қыштар мен түрлі-түсті сырлы қыштар сынықтары. Яғни олардың біз қазған нысанға ұқсас мұсылман үлгісінде салынған кесенелердің орны екендігіне күмән жоқ. Бұдан біз Алтын Орда дәуірінде жоғары лауазым иесі болған, қоғамда беделді, мұсылман дінін ұстанушы зиялылардың қабірі басына салынған кесенелер шоғырын көреміз. Осындай мәліметтер Қышқаланың (Баршынкентің) мұсылман дінін қабылдаған Алтын Орда зиялылары көптеп жерленген киелі орын (пантеон) деп болжау айтуға негіз береді. Ал біздің болжамдарымызды келешекте жүргізілетін қазба жұмыстарының нәтижелері растайды деп толық сенеміз.

ӘДЕБИЕТ

- Алтын Орданың құпиялары: археологтар ежелгі кесененің орнын тапты. URL: <https://sputnik.kz/20201026/Altyn-Orda-arkheologtar-15298830.html> (қаралған күні: 05.08.2022 ж.)
- Әбілғазы*. Түрік шежіресі. Алматы: Ана тілі, 1992. 208 б.
- Джамал ал-Карши*. Ал-Мухакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. I. 410 с.
- Джувейни*. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.
- Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 182 с.
- Ибрагимов Н.* Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М.: Наука, 1988. 131 с.
- Извлечения из книги Киракос Гандзакеци: История Армении // Извлечения из письменных источников о средневековых городах Сауран и Сыганак / Автор предисл. и сост. М. Елеуов. Туркестан: МКТУ, 2005. 96 с.
- Измайлов И.Л.* Принятие ислама в Улусе Джучи: причины и этапы исламизации // Ислам и власть в Золотой Орде. Сб. ст. / Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 332 с.
- Кәрібаев Б.* Алтын Орда хандары және ислам. URL: qazaly.kz/zanalyk/ruhaniyt/15576-altyn-orda-handary-zhne-islam.html (қаралған күні: 05.08.2022 ж.)
- Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 123 с.
- Петров П.Н., Ускенбай К.З.* Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты «690/1291 – 712/1312–1313 гг.» // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1. С. 10–55.
- Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Ғылым, 1993. 248 с.
- Сайфетдинова Э.Г.* Дифференциация суфизма в Золотой Орде (на примере произведения Махмуда ал-Булгари «Нахдж ал-Фарадис») // Ислам и власть в Золотой Орде. Сб. ст. / Под ред. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2012. 332 с.
- Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. 218 с.
- Талеев Д.А., Елеуов М., Есенов С.* Тағдыры жұмбақ Қышқала // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. 259–272-бб.
- Тизенгаузен Г.В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. Т. II. 308 с.
- Ученые предполагают, артефакты подтверждают. URL: <https://akmomuzey.kz/kz/pages/ns7.html> (дата обращения: 05.08.2022 г.)

**С. Г. Бочаров,
А. Н. Масловский**

Сергей Геннадиевич Бочаров,
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия; sgbotcharov@mail.ru

Андрей Николаевич Масловский,
Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник,
г. Азов, Россия; maslovskiazak@mail.ru

О динамике урбанизационных процессов в Золотой Орде*

Аннотация. Параллельное сосуществование на огромной территории Золотой Орды мира многочисленных, развитых, благоустроенных по меркам своего времени городов, и мира степи с кочевыми племенами на протяжении почти двух веков требует теоретического осмысления. В статье предложена концепция градообразования на территории Золотой Орды, основанная на результатах новейших археологических исследованиях, проводимых последние 20 лет на памятниках европейской части этого государства. Выявляются причины и закономерности в образовании, развитии и исчезновении городов Золотой Орды. В развитии городов золотоордынского государства выделится семь различных хронологических периодов, которые охватывают временной диапазон от 40-х гг. XIII в. до 20-х гг. XV в.

Ключевые слова: Золотая Орда, археология, золотоордынский город, динамика урбанизационных процессов, периодизация городской жизни в золотоордынском государстве, закономерности в эволюции городов Золотой Орды, историческая география

Сергей Геннадиевич Бочаров,
Севастополь мемлекеттік университеті, Севастополь қ., Ресей,
Андрей Николаевич Масловский,

Азов тарихи-археологиялық және палеонтологиялық музей-қорығы, Азов қ., Ресей

Алтын Ордадағы урбанизация үрдістерінің динамикасы туралы

Аннотация. Алтын Орданың үлкен территориясында екі ғасырға жуық уақыт бойы көпсанды, дамыған, өз заманының өлшемдері бойынша жақсы жабдықталған қалалар мен дала әлемінің көшпелі тайпаларының қатар өмір сүруі теориялық тұрғыдан түсінуді қажет етеді. Мақалада соңғы 20 жыл ішінде осы мемлекеттің еуропалық бөлігінің ескерткіштерінде жүргізілген жаңа археологиялық зерттеулердің нәтижелеріне негізделген Алтын Орда территориясындағы қала құрылысының тұжырымдамасы ұсынылған. Алтын Орда қалаларының қалыптасуы, дамуы және жойылуындағы себептер мен заңдылықтар анықталды. Алтын Орда мемлекетінің қалаларының дамуында XIII ғ. 40 ж. бастап – XV ғ. 20 ж. дейінгі уақыт диапазонын қамтитын жеті түрлі хронологиялық кезеңдер ерекшеленеді.

Түйін сөздер: Алтын Орда, археология, алтынордалық қала, урбандалу үрдістерінің динамикасы, Алтын Орда мемлекетіндегі қала өмірінің кезеңделуі, Алтын Орда қалалары эволюциясындағы заңдылықтар, тарихи география

© 2022 Бочаров С.Г., Масловский А.Н.

*Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

Sergei Bocharov,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
Andrey Maslovskiy,
Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve,
Azov, Russia

The Dynamics of Urbanization Processes on the Golden Horde

Abstract. Parallel coexistence on the vast territory of the Golden Horde of the world of numerous, developed, well-maintained cities by the standards of their time and the steppe world with nomadic tribes for almost two centuries requires theoretical understanding. The article proposes the concept of town formation on the territory of the Golden Horde, based on the results of the latest archaeological research conducted over the past 20 years on the monuments of the European part of this state. The reasons and patterns in the formation, development and disappearance of the cities of the Golden Horde are revealed. In the development of the cities of the Golden Horde state, seven different chronological periods will stand out, which cover the time range from the 40s of the 13th century to the 20s of the 15th century.

Keywords: Golden Horde, archaeology, Golden Horde city, dynamics of urban processes, periodization of urban life in the Golden Horde state, patterns in the evolution of the cities of the Golden Horde, historical geography

Скорость, с которой в степях Восточной Европы, где до этого безраздельно господствовало кочевое скотоводство, появились два десятка крупных городских центров и ещё большее число небольших городков, беспрецедентна в мировой истории. Возникновение кочевых империй Евразии обычно сопровождалось появлением хотя бы одного столичного города [Пэрлээ 1957; Данилов 2004; Города..., 2018: 169–202, 281–314], но масштабы градостроительства в Золотой Орде несопоставимо больше. Столь же скоротечно эти урбанистические центры исчезают. Параллельное сосуществование на огромной территории многочисленных, развитых, благоустроенных по меркам своего времени городов и степи с кочевыми племенами на протяжении более столетия требует теоретического осмысления. Практически все исследователи истории Восточной Европы эпохи развитого средневековья затрагивали тему генезиса и эволюции золотоордынских городов или хотя бы отдельные аспекты этой проблемы [Якубовский 1931: 5–14; Греков, Якубовский 1941: 99–108; Шпулер 2016: 420–424; Сафаргалиев 1960: 78–92; Егоров 1973; 1985: 75–78; 2000; Фёдоров-Давыдов 1966: 194–212; 1973: 76–89; 1994: 7–19; Блохин, Яворская 2006: 23–44; Крамаровский 2009; Недашковский 2010: 4–17; Зиливинская, Васильев 2016: 637–639; Vocharov 2021a: 272–273, 276–277]. В существующих концепциях выделяется ряд общих положений:

1. Города возникают потому, что власти Золотой Орды проводили целенаправленную последовательную политику урбанизации. Целью выступало создание источников поступления материальных благ, как для правящей элиты, так и для рядовых кочевников, а также административных и военных центров.

2. В развитии городов, по крайней мере, центрального Нижневолжского региона прослеживаются традиции градостроительства Центральной Азии, фиксируется процесс превращения города из группы аристократических усадеб в конгломерат из торгово-ремесленных кварталов и усадеб, также обзаведшихся своим ремесленным производством.

3. Возводились города при помощи подневольного труда зависимого населения с территорий захваченных или разграбленных в ходе монгольских завоеваний.

4. В создании городов и их заселении заметную роль (оценка удельной доли различается) сыграло оседающее на землю кочевое население.

5. Города обслуживали караванную торговлю и своим быстрым ростом и расцветом они были в первую очередь обязаны удачному расположению на трансконтинентальных торговых путях в период расцвета «Великого шёлкового пути».

6. Важную роль в расцвете городов сыграло принятие ислама в качестве государственной религии.

7. Упадок городов был вызван ослаблением центральной власти. В последнее время появился ряд работ, где главными или даже единственными причинами упадка золотоордынского урбанизма и распада государства в целом называют экстремальные природные явления (пандемия черной смерти или похолодание) [Русев 1999; Хайдаров, Долбин 2014; Хайдаров 2018; Измайлов 2018].

Все предложенные концепции логически непротиворечивы и имеют некоторое фактическое подтверждение. Однако существует целый ряд незадаанных вопросов, на которые они не дают ответа. Против вышеуказанных тезисов, сформулированных максимально обобщённо, сложно возразить, но против частных, из которых и складывается историческое полотно, существует целый ряд веских возражений. За прошедшие десятилетия многократно увеличился объём информации, полученной в ходе археологических исследований, которую также необходимо учитывать и осмысливать.

Главные возражения против ранее предложенных концепций таковы. История городов Золотой Орды описывается крайне схематично. Эпоха завоеваний позволила монгольской военно-кочевой элите к середине XIII в. аккумулировать огромные материальные и людские ресурсы, которые было невозможно реализовать в условиях кочевого хозяйства. Несмотря на уверения письменных источников в том, что власти Улуса Джучи начиная с Берке всячески поощряли торговлю и строили города, данные археологии этого не подтверждают. Комплексы 3-й четв. XIII в., за исключением Болгара и Азака, не обнаружены. Даже гипотетические новые находки картину существенно не изменяют. Конечно, в период правления первых правителей Золотой Орды Бату, Берке и Менгу-Тимура Болгар был не просто восстановлен, его значение возрастает, в нём началась чеканка монеты. В начале последней четверти XIII в. уже можно говорить о появлении ряда новых городов. Впервые в истории Восточной Европы началась массовая чеканка серебряной монеты почти одновременно в нескольких регионах. Однако масштабы этой деятельности выглядят весьма скромными, если мы учтём размеры ресурсной базы. Площадь этих урбанистических центров была невелика, что и делает их обнаружение задачей нелёгкой. Если бы, по каким-то причинам, развитие городов Улуса Джучи оборвалось в 1290 г., то их развалины никого бы не впечатлили [Масловский 2018: 261, рис. 1].

Интенсивный их рост по данным археологии, когда их площадь увеличивается многократно, начинается в конце XIII – нач. XIV в., спустя два поколения после окончания эпохи завоеваний. К этому моменту ресурсы в значительной степени должны были истощиться. Трудной проблемой представляется вопрос об источнике появления населения городов. Принимая во внимание огромные площади городов Золотой Орды и их число, даже если мы возьмём для подсчетов минимальные оценки плотности городского населения [Большаков 2001: 102], речь должна идти о сотнях тысяч человек. Письменные источники ничего не говорят об угоне в рабство десятков тысяч людей в период правления ханов Токты и Узбека. Очевидно – эпоха великих завоеваний закончилась и для кочевой знати стали привлекательными иные источники получения престижных товаров.

Конечно, создание городов могло осуществляться лишь по указанию верховной власти [Крамаровский 2009: 572], но столь же оправдано утверждение, что воля ханов не изменяла законов природы и не создавала ресурсы из ничего. Следовательно, либо существовали неисчерпаемые резервы неизвестного нам подневольного населения или в бурном расцвете городов 1-й пол. XIV в. принимало участие население, привлечённое в них экономическими причинами.

Несомненно, в создании и дальнейшей жизни золотоордынских городов активное участие принимали выходцы из кочевой степи. Составляли ли они основу или хотя бы значительный процент

населения городов? Исторические и этнографические свидетельства дают нам массу примеров того, что переход к осёдлости, особенно массовый, для кочевников явление всегда вынужденное [Города... 2018: 281]. Возможно, численность кочевого населения на территории Золотой Орды так быстро росла, что его хватило и для того, чтобы заселить города? Количество погребений кочевников XIII–XIV вв. действительно в разы выше по сравнению с предшествующим периодом [Фёдоров-Давыдов 1966: 132, 152]. Однако плотность кочевого населения по данным исторической демографии редко и незначительно превышает одного человека на один квадратный километр [Урланис 1941: 88]. Создание урбанистической сети за счёт кочевого населения должно было сопровождаться взрывным ростом плотности населения на порядок и всего за пару поколений. Это противоречит всему, что мы знаем о приросте населения в эпоху древности и средневековья и просто биологии человека. Следовательно, вчерашние кочевники не могли стать основным населением городов.

Неясно, для чего, собственно, был нужен труд подневольного населения при строительстве золотоордынских городов? Они не имели стен, грандиозных общественных построек или дворцов. Не было даже мощеных улиц. Каменное или кирпичное строительство в них имело ограниченное развитие. Даже аристократические дворцы строились из сырцового кирпича. Строительство из сырца, дерева или турлука не требовало больших трудозатрат. Тем более, что впечатляющие исследователей размерами и числом города появляются минимум на 50 лет позже. Что же делали рабы-ремесленники на протяжении жизни двух поколений? С другой стороны, основой для вывода о широком распространении рабского труда в городах являются сообщения XIII в., относящиеся ко всей территории монгольской империи. Наверняка среди городского населения присутствовал немалый процент зависимого населения, но переносить обобщенные данные для территории всей империи середины XIII в. на западный Улус Джучи 1-й пол. XIV в. некорректно. Опять-таки, рабы, жившие в середине XIII в. в самых скудных условиях, не могли обеспечить взрывного роста населения за два поколения. Могли ли они вообще обеспечить простое своё воспроизводство?

Любой город, тем более крупный, является «населённым пунктом, в котором концентрируется и перераспределяется прибавочный продукт» [Большаков, Якобсон 1983]. Это наиболее обобщенное определение, из которого легко вывести конкретные признаки, подсказывающие является ли данный археологический памятник городом [Куза 1985: 46; Недашковский 2009a]. Возникает вопрос, откуда брался прибавочный продукт для урбанистических центров Золотой Орды? Экстенсивное кочевое скотоводство в таких масштабах его дать не могло. Вассальные территории и прежде всего Русь давали немалые суммы. Но для специалистов, представляющих себе масштабы городов Золотой Орды, очевидно, что этого было совершенно недостаточно. Особенно если учесть, что все русские города 1-й пол. XIV в. вместе взятые уступали по размерам любому крупному центру Золотой Орды.

Как источник благосостояния и причина развития золотоордынских городов указывается транзитная караванная торговля. Прибыли от такой торговли приносили немалые деньги, лёгкие и быстрые. О каком порядке сумм может идти речь? Подсчеты, сделанные для Египта, который уж точно не уступал Золотой Орде по роли в мировой торговле, показывают сумму порядка 200 тыс. динаров [Большаков 2001: 261]. Это немало, однако, в десятки раз уступает доходам правящего класса Египта от других сфер экономики. Если допустить, что Улус Джучи получал сопоставимые суммы, этого недостаточно для обеспечения десятков урбанистических центров с сотнями тысяч жителей. Для обеспечения функционирования караванных дорог существование городов, тем более больших, вовсе не обязательно. Мировая история показывает, что транзитная торговля способствовала процветанию небольшого числа центров. Ни один из городов, который жил

исключительно за счёт транзитной торговли, не становился мегаполисом типа золотоордынских.

Нет ответа на вопрос о том, кто кормил города? Размер города напрямую определялся возможностью округа снабжать его продовольствием. Для столиц больших империй типа Каракорума, Константинополя, Рима или северных столиц Китая, округа которых с подобной задачей не справлялась, приходилось поддерживать целую систему бесперебойной поставки провианта из удалённых регионов [Рашид-ад-Дин 1960: 41; История Византии I 1967: 107]. Перебой в их работе тотчас вызывал потрясения [История Византии III 1967: 116–117], а полное их исчезновение быстро приводило к сокращению численности населения в десятки раз. В наиболее урбанизированных регионах средневекового мира доля горожан не превышала 20–30% [Большаков 2001: 136–138]. Ситуация в Улусе Джучи не могла быть принципиально иной. Можно исключить возможность ввоза продовольствия в заметном объёме из-за пределов основных территорий Золотой Орды, например, из Руси или Хорезма, из-за их удаленности. Часть продуктов земледелия для столиц могла поставлять Волжская Булгария, но все города Золотой Орды она не прокормила бы. Часть продуктов производили горожане, особенно в небольших центрах. Какое-то количество пищи могли поставлять кочевники. Как доказательство существования земледелия у кочевого населения Золотой Орды приводят свидетельство Иосафата Барбаро [Барбаро 1971: 150]. Но оно относится к периоду распада государства, который нельзя считать нормой. Для периода XIII–XIV вв. источники такого не сообщают. Возможно, здесь мы имеем свидетельство возвращения к кочеванию людей, имевших опыт оседлого земледелия? Допуская наличие земледелия у кочевников, если мы учтём небольшую их численность по сравнению с горожанами, очевидно, что существенного значения для городов поставки продовольствия кочевниками иметь не могли. Это справедливо, как показывают археозоологические исследования, даже для мяса [Яворская 2021]. А ведь существовал ещё и масштабный вывоз зерна через Черноморские порты [Еманов 1995: 107–116; Карпов 2021: 253–254].

Число выявленных городских ремесленных мастерских ставит ещё один вопрос. Кто был потребителем этой продукции? Кочевая степь, конечно, нуждалась в них, но насколько они могли обеспечить платёжеспособный спрос? Кочевников было мало, а вывоз ремесленных изделий за пределы Золотой Орды был спорадическим [Еманов 1995: 31, 34, 135]. К тому же в Улус Джучи поступал ведь и разнообразный импорт, который не весь шел транзитом далее и частично потреблялся элитой степи и города.

Была ли необходимость в большом числе городов как административных центров? Большинство кочевых империй обходились без них или основывали ограниченное число городов. Власть в лице хана с государственным аппаратом и приближенными большую часть года кочевала [Фёдоров-Давыдов 1973: 65–66, 107], и это не приводило к перебоям в управлении.

Сложно представить поселенческую структуру, где существуют только города первого ранга, без поселений меньшего размера. Далеко неполное обследование округа крупных региональных центров выявило немалое число городов более низкого ранга и не городских поселений [Недашковский 2010; Масловский, Юдин 2015; Бочаров, Яворская 2022].

На поставленные вопросы можно ответить, если допустить, что на основной территории Золотой Орды существовал, помимо антагонистических миров кочевников и городов, третий мир, мир – сельских поселений [Бочаров, Масловский 2022a]. Мысль о существовании в Улусе Джучи трёх миров – кочевой степи, городов и сельских поселений уже высказывалась [Фёдоров-Давыдов 1994: 18; Крамаровский 2009: 578]. Постараемся её развить и конкретизировать. Села существовали не только в традиционно земледельческих регионах. Можно предполагать, что за исключением собственно Низовьев Волги они были многочисленны во всех регионах Золотой Орды, образуя

анклавы в кочевой степи. Их изучение находится в начале пути. То, что нам уже известно о сельской округе Укека [Недашковский 2000: 113–168] или Азака [Масловский и др. 2021], поселениях Самарского Поволжья [Кочкина, Сташенков 2021], Низовий Волги [Пигарёв 2015], Среднего Подонья [Цыбин 2007], Закубанья, Нижнего Поднепровья [Ельников 2015], Северного Приазовья [Кравченко 2015], Крыма [Bocharov 2021b: 152–154] и Приднестровья показывает, что перед нами обширное поле для исследований.

При очень небольших по масштабам раскопках поселений округи Укека обнаружены многочисленные зерна злаков и свидетельства их обмолота, что указывает на местное производство [Недашковский 2009б: 91]. Сельскохозяйственный и промысловый инвентарь встречен в Самарском Поволжье [Кочкина, Сташенков 2021: рис. 4], в округе Укека [Волков и др. 2013: 328–329, рис. 1, 3], в Нижнем Поволжье [Пигарёв 1998], в низовьях Дона [Рязанов 1994: 128, рис. 38, 39; Масловский 2020].

Для округи Азака прослеживается развитое монетное обращение, собственное гончарное производство и поступление из города разнообразных керамических импортов, в т. ч. дорогих престижных изделий. Большой процент составляет керамика производства Азака в т. ч. такие показательные изделия, как поливные кухонные горшки [Масловский и др. 2021].

Памятники такого рода бедны находками, поэтому их изучение происходит чаще всего случайно. Для них трудно разработать дробную хронологию и потому сложно датировать их возникновение и гибель.

Попытаемся высказать предварительные соображения о динамике урбанизационных процессов в Золотой Орды с учетом влияния на них мира золотоордынских сельских поселений [Бочаров, Масловский 2022б: 98–101].

1 этап (1240–1250-е гг.) охватывает временной отрезок после завоевания восточноевропейской степи монголами. Сюда массово переселялось население из захваченных регионов с оседлым населением. О том, что процесс создания сельских поселений протекал динамично, можно судить по обрывочным указаниям письменных источников. Уже Плано Карпини сообщает о наличии оседлых поселений на собственно золотоордынской территории [Плано Карпини 1957: 67–68]. Ещё более очевидны два сообщения Рубрука, проехавшего через Приазовье и Подонье весной 1253 г. Во-первых, Рубрук говорит о том, что в устье Дона закупается огромное количество рыбы [Рубрук 1957: 88]. Это предполагает наличие здесь многочисленного населения, занимающегося рыбным промыслом. Об этом говорится как о сложившейся практике, т. е. заселение произошло минимум за несколько лет до этого. Возможно, какое то население сохранилось здесь с домонгольского периода, но археологические данные указывают на взрывообразный рост числа поселений в сер. XIII в. в Низовьях Дона и Приазовье [Волков И.В. 2003: 111–118; Масловский 2018: 261]. Далее Рубрук говорит о двух русских поселках, жители которых были обязаны обеспечивать переправу через реку [Рубрук 1957: 109–110, 118]. Вряд ли кто-то будет утверждать, что это исключение, и они были единственными возникшими в это время поселками. Масштабная колонизация подтверждается находкой сельского поселения сер. XIII в. на р. Северский Донец на окраине г. Белая Калитва в центре степи [Прокофьев 2016: 263–264]. Более быстрыми темпами шло восстановление в регионах с уже развитой сетью сельских поселений (Волжская Булгария, Закубанье, Крым). Существует сложность с выявлением поселений этого этапа. Если в Приазовье существует, пусть и небольшая, вероятность находок монет, то в центре степей шансов практически нет. Амфоры группы клейма SSS, которые поступали в Приазовье всего несколько десятилетий, могут служить хроноиндикатором для этого периода [Волков И.В. 2001: 138–141]. Их много в Приазовье и Закубанье. Они отмечены на поселении у Белой Калитвы, в материалах Укека и Болгара. Остается вопрос, поступали ли они

на сельские поселения Поволжья, Верхнего Подонья, Подонцовья, Центрального и Восточного Предкавказья? Напротив, археологические комплексы, которые можно было бы связывать с золотоордынскими городами сер. XIII в., пока не выявлены. Имеется только некоторое количество монет, отчеканенных в Болгаре от имени умершего халифа или великих каанов, которые имели локальное распространение [Сингатуллина 2003: 16–29].

2 этап (1260–1290-е гг.) стал периодом создания золотоордынских городов (рис. 1). Они возникли после создания системы поселений, которую увенчали. Данные археологии и письменных источников прямо или косвенно подтверждают существование в это время целого ряда городов Золотой Орды. Это было невозможно без решений государственной власти. Создание городов стало одним из проявлений суверенитета нового государства. Расцвет градостроительства произошёл при Менгу-Тимуре (1266–1282 гг.). В период его правления начинают работать монетные дворы за пределами Болгара и налаживается чеканка монеты с именем правителя нового государства или его эмблемой [Сингатуллина 2003: 30–69]. Нужно понимать, что распространение монетного обращения среди сельского населения не могло произойти быстро. Кроме, быть может, Волжской Булгарии, Крымского полуострова и предположительно Поднепровья. Рассчитывать только на монетные находки для выявления слоёв XIII в. не стоит. Как в любой сфере исторической науки нужно сопоставление независимых источников. Таким дополнительным источником для Золотой Орды может стать только керамика [Бочаров 2016: 129–130]. Её исследование в этом направлении практически ещё не велось, кроме выявления редких дорогих импортов. Выделение материалов этого периода на сельских поселениях пока представляется задачей почти невыполнимой. Судя по нотариальным актам, в числе товаров Таны более важными были местная рыба и кожа, а вовсе не транзитные товары [Карпов 2021: 247], что опять-таки указывает на развитую уже сеть сельских поселений.

3 этап (1290–1340-е гг.) время непрерывного роста городов, когда численность их населения и территория возросли многократно. Только на этом этапе транзитная торговля стала играть важную роль в жизни городов, а города Золотой Орды стали играть важную роль в международной торговле [Карпов 2021: 250–251]. В Северное Причерноморье начинается масштабный ввоз металлов и одновременно вывоз кож [Еманов 1995: 30–31, 35–46; Карпов 2021: 250–251]. И это может быть объяснено только ростом мира городских округ. Это период расцвета сельских поселений. Растёт их число. Здесь налаживается регулярное денежное обращение, в т. ч. разменной монеты. Именно этот расцвет и поставки провианта в Низовья Волги из районов, расположенных выше по реке, а вовсе не караванная торговля или мудрость властителей обеспечили появление в полупустынных степях мегаполиса – Селитренного городища. К этому времени следует относить процесс оседания на землю части кочевников. Чаще он, вероятно, шёл путём включения в состав населения уже существующих поселений.

4 этап (1340–1350-е гг.) стагнация. На этот период приходится расцвет Царевского, Маджарского и Староорхейского городищ, но всё же рост городов останавливается. Свою роль в этом сыграла пандемия чумы, но нет серьёзных оснований считать, что в Золотой Орде она протекала как то уникально смертоносно. Не меньшее значение имел кризис мировой торговли, известный как кризис Таны [Карпов 2015]. В его начале и затяжном характере видится результат государственной политики. На это же указывает и определенная переориентация торговых связей, фиксируемая по данным археологии [Масловский 2015: 215]. Но подробности такой политики хана Джанибека нам неизвестны.

5 этап (1360–1370-е гг.) «Великая замятня». Весь расцвет оседлой жизни и городов в степи базировался на хрупком балансе между различными этно- и социо-культурными группами

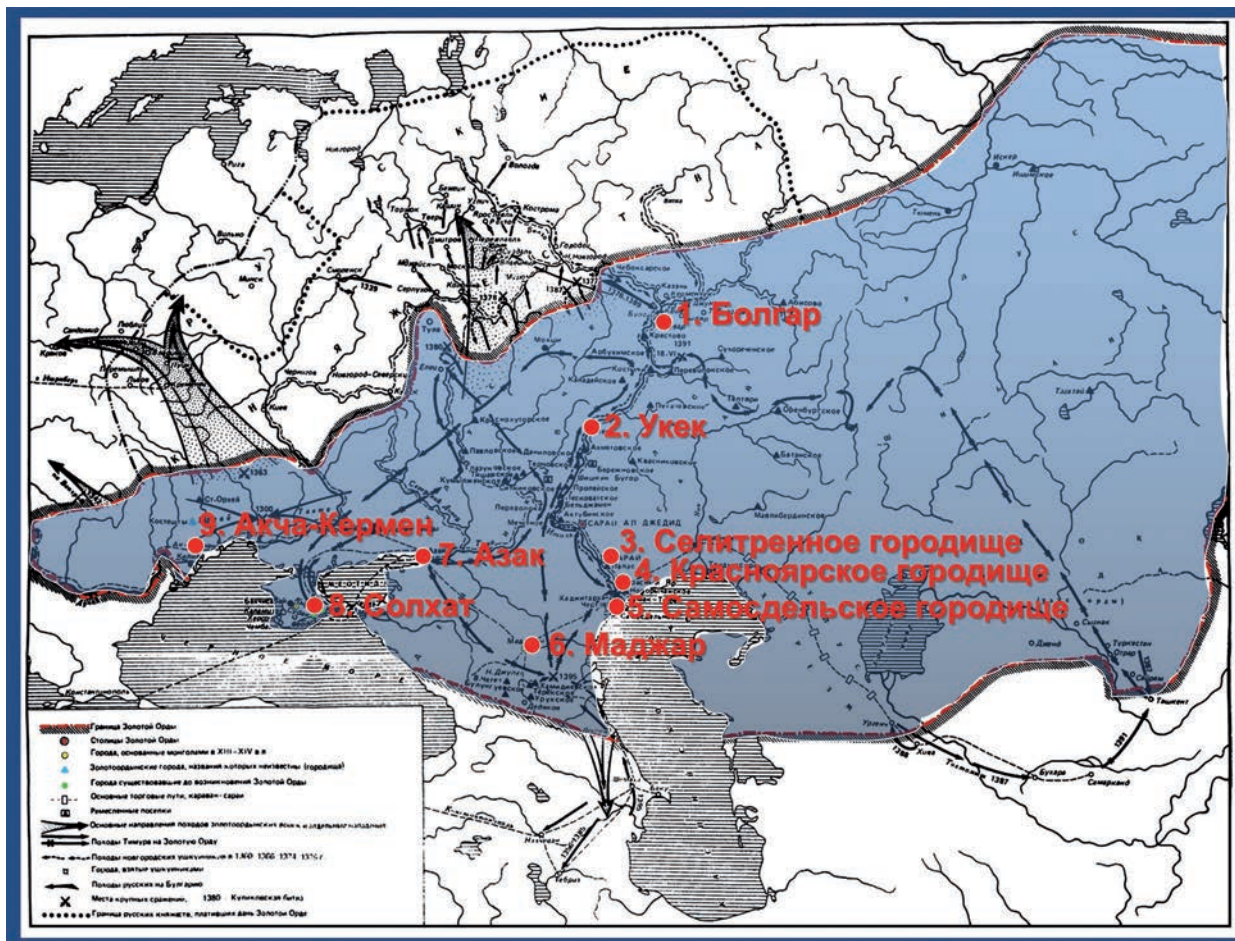

Рис. 1. Карта Золотой Орды – по: [Егоров1985: карта 2].

Основные города – региональные центры Золотой Орды, возникшие в 1260–1290-е гг.: 1 – Болгар; 2 – Укек; 3 – Селитренное городище; 4 – Красноярское городище; 5 – Самосдельское городище; 6 – Маджар; 7 – Азак; 8 – Солхат; 9 – Акча-Кермен

населения, который мог поддерживаться только при сильной государственной власти. С её упадком он неизбежно и непоправимо был нарушен. Не нужно было даже массовой резни, хотя и такие события, безусловно, происходили. В степи просто стало небезопасно. И мир золотоордынской деревни стал рушиться, а вслед за ним и мир городов стал угасать. Царевское городище к концу замятни превратилось в небольшое поселение. Не нужно было уничтожать всё его население. Нет нужды в допущениях о какой-то особой только для Золотой Орды форме чумы. Достаточно было того, чтобы поставки продовольствия из регионов вверх по течению стали нерегулярными. Ситуацию усугубили климатические изменения, негативно отразившиеся на кочевом скотоводстве, но они не носили катастрофический характер. К тому же у кочевников был выход – переход, пусть частичный, к оседлости. Но этот вариант не мог быть реализован, в силу социально-политических основ золотоордынской государственности. Кочевники составляли основу войска Золотой Орды, а кочевая аристократия основу его элиты. Переход к оседлости, во-первых, потребовал бы в таких условиях значительного отрезка времени, которого не было, во-вторых, привёл бы к ослаблению

вооружённых сил, и, в-третьих, был бы неприемлем и для аристократии и для простых кочевников, интересы и образ жизни которых он бы затронул коренным образом.

6 этап (1380–1390-е гг.) нельзя назвать в полной мере периодом последнего подъёма. Хотя хан Тохтамыш предпринимал меры для возрождения золотоордынских городов. Смута не закончилась, а только затихла. Сельская округа золотоордынских городов, судя по монетным находкам, продолжала существовать, пусть и в сильно уменьшенном виде, как и сами города. При отсутствии войн, они могли сохраниться, и со временем даже достигнуть нового, пусть и меньшего по масштабам расцвета. Но власти Золотой Орды не смогли обеспечить даже маленький период мирной жизни без войн.

7 этап (1390–1420-е гг.) окончательная гибель оседлой жизни на основной степной территории Золотой Орды. Тимур не имел возможности и не ставил перед собой задачу уничтожить всё оседлое население степей. Какие-то остатки сельского населения сохранялись и после 1395 г. В округе Азака найдены три клада 1410–1411 гг. [Масловский 2021: 243]. Фатальным оказалось разрушение политической структуры государства. Сил способных остановить смуту уже не было. Сельские поселения, вне пределов старых земледельческих районов исчезают. Процесс этот, из-за катастрофического упадка денежного обращения, проследить в деталях сложно. Поселения округа Азака в массе своей погибают именно в это время. То же происходит в районе Ельца [Тропин 2004: 202–203]. У городов Золотой Орды остается возможность существовать только в виде маленьких посёлков, что и фиксируется для регионов Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья середины – 2-й пол. XV в.

В распоряжении властей Золотой Орды были огромные материальные ресурсы, которые обеспечили бурный расцвет городской жизни. Этот рост, при соблюдении определённых условий, мог бы стать долговечным и в перспективе привести к созданию своеобразной цивилизации. Однако реализация этого сценария оказалась невозможна из-за сохранения кочевого скотоводства у этнических групп, составлявших военную и политическую элиту государства. Неустранимые противоречия и изъяны хозяйственной и социальной структуры государства [Бочаров, Масловский 2022а], а не грозные природные явления, болезни и даже войны с внешними врагами, не оставили шансов на будущее как для существования государства Золотая Орда, так и для развития его городов.

ЛИТЕРАТУРА

- Барбаро и Контарини о России.* К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подг. текста, пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. 276 с.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 268 с.
- Большаков О.Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII – середина XIII в.: Социально-экономические отношения. М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2001. 344 с.
- Большаков О.Г., Якобсон В.А.* Об определении понятия «город» // История и культура народов Востока (древность и средневековье). Л. Наука, 1983. С. 32-45.
- Бочаров С.Г.* Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) // *Stratum plus*. 2016. № 5. С. 124-129.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Некоторые соображения об эволюции городов Золотой Орды // *Stratum plus*. 2022а. № 6. В печати.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Периодизация развития градостроительства в Золотой Орде // Археология евразийских степей. 2022б. № 4. С. 98-103. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.98.103
- Бочаров С.Г., Яворская Л.В.* Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 228-235. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.228.235

- Волков В.А., Малышев А.Б., Тугушев П.Е. Характеристика хозяйственных занятий жителей золотоордынского поселения «Шумейка» // АВЕС. 2013. Вып. 10. С. 327-337.
- Волков И.В. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морская торговля в северном Причерноморье / Отв. ред. О.О. Паршина. Киев: Сталос, 2001. С. 130-146.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // Русь в XIII веке. Древности тёмного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 107-130.
- Города средневековых империй Дальнего Востока / Отв. ред. Н.Н. Крадин. М.: Изд-во вост. лит., 2018. 367 с.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда. (Очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII–XIV вв.). М.: ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1941. 208 с.
- Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- Егоров В.Л. Золотоордынский город (причины возникновения, историческая география, домостроительство): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 24 с.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 245 с.
- Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII–XIV вв. – общее и особенное // Тр. ГИМ. Вып. 122. Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. М-лы науч. конф. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 263-272.
- Ельников М.В. Памятники золотоордынского периода в Нижнем Поднепровье // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 479-508.
- Еманов А.Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень: «РУТРА», 1995. 227 с.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории / Отв. ред. И. Миргалеев, Р. Хаутала. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 633-664.
- Измайлов И.Л. «Черная смерть» и кризис в Улусе Джучи: идеальный шторм // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 23-46.
- История Византии. Т. I. Отв. ред. тома З.В. Удальцова. М.: Наука, 1967. 524 с.
- История Византии. Т. III. Отв. ред. тома Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1967. 508 с.
- Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. М., 2015. Вып. 9. С. 8-43.
- Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.
- Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Материалы к характеристике системы расселения в Самарском Поволжье в золотоордынский период // Поволжская археология. 2021. № 2. С. 178-192.
- Кравченко Э.Е. Памятники золотоордынского времени в степях между Днестром и Доном Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 411-478.
- Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар с древнейших времён в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 567-589.
- Куза А.В. Укрепленные поселения // Древняя Русь. Город. Замок. Село / Отв. ред. Б.А. Колчин. Серия: Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 39-51.
- Масловский А.Н. Керамика Юго-Восточного Крыма на территории Восточной Европы в XIII–XIV вв. и влияние внешнеполитических факторов на её распространение // Крым – связующее звено и неприступный форпост на стыке империй. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 9-24.
- Масловский А.Н. Азак и его округа в первые десятилетия их существования. Проблемы зарождения и роста золотоордынских городов // Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 260-265.
- Масловский А.Н. Сельскохозяйственный и промысловый инвентарь из золотоордынского Азака и его округа // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Т. III. Самара, 2020. С. 28-30.
- Масловский А.Н., Минаев А.П., Юдин Н.И. Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // Поволжская археология. 2021 № 2 (36). С. 231-247.
- Масловский А.Н., Юдин Н.И. Малые города Северо-Восточного Приазовья XIII–XIV вв. // Большой Ромбит. Вып. 2. Ейск, 2015. С. 18-29.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Вост. лит., 2000. 224 с.

- Недашковский Л.Ф.* Социальный облик крупных золотоордынских городов Нижнего Поволжья и поселений его округи // Учёные записки Казанского гос. ун-та. 2009а. Серия гум. науки. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 72-81
- Недашковский Л.Ф.* Хозяйство населения Золотой Орды // РА. 2009б. № 1. С. 91-98.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит., 2010. 351 с.
- Пигарёв Е.М.* Дигири из фондов Астраханского музея-заповедника // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: Изд. ВолГУ, 1998. Вып. 6. С. 192-195.
- Пигарёв Е.М.* Памятники золотоордынской эпохи на территории Астраханской области // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 181-196.
- Плано Карпини, Дживанни дель.* История монгалов // Дживанни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 22-83.
- Прокофьев Р.В.* Древнерусское поселение в устье р. Лихая у г. Белая Калитва Ростовской области // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. М-лы V Междунар. Нижневолжской археол. конф. (г. Элиста, 15–18 ноября 2016 г.) / Отв. ред. П.М. Кольцов. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2016. С. 262-267.
- Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43-53.
- Рашид-ад-Дин* Сборник летописей. Т. II. М., Л.: Изд. АН СССР, 1960. 248 с.
- Рубрук, Гильом де.* Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето Благодати 1253 г. // Дживанни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. С. 85-194.
- Русев Н.Д.* На грани миров и эпох. Города низовий Дуная и Днестра в конце XIII – XIV вв. Кишинев: ВАШ, 1999. 240 с.
- Рязанов С.В.* Металлические изделия Куричанского поселения // ИАИАИАНД. Вып. 13. Азов, 1994. С. 127-135.
- Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1960. 279 с.
- Сингатуллина А.З.* Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань: Заман, 2003. 192 с.
- Тропин Н.А.* Сельские поселения XII–XV веков южных территорий Рязанской земли. Воронеж: Изд. Воронежского гос. ун-та, 2004. 264 с.
- Урланис Б.Ц.* Рост населения в Европе. (Опыт исчисления). М.: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. 436 с.
- Хайдаров Т.Ф.* Эпидемия чумы в XIII–XIV веках и её последствия // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.) / Отв. ред. Р. Хаутала. Казань: Ин-т истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 47-62.
- Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.* Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и её последствия // Золотоордынское обозрение. 2014. № 4 (6). С. 96-112.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд. МГУ, 1966. 276 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд. МГУ, 1973. 180 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд. МГУ, 1994. 232 с.
- Цыбин М.В.* Периферия Золотой Орды в Подонье // КСИА. 2007. № 221. С. 166-175.
- Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. Казань: Институт истории имени Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.
- Яворская Л.В.* К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская археология. 2021. № 2. С. 136-147.
- Якубовский А.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ИГАИМК. 1931. Т. 8. Вып. 2–3. 47 с.
- Bocharov S.* Between Mongolians and Byzantium. The Crimean Peninsula in the State of the Golden Horde // Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages / Ed. V. Cojocar. Cluj-Napoca: Mega, 2021a. P. 269-284.
- Bocharov S.* Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th–18th centuries / Ed. by L. Bacumenco-Pirna. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros, 2021b (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitates et MadiiAevi. Vol. XXIV. 433 p.

Е. М. Пигарёв

Евгений Михайлович Пигарёв,
Марийский государственный университет,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
Йошкар-Ола, Казань, Россия; pigarev1967@mail.ru

Структура нижневолжского столичного центра Золотой Орды

Аннотация. Статья посвящена административно-территориальной структуре столичного центра золотоордынского государства, расположенного в междуречье Волги и Урала. Рассматривается история изучения крупнейших его городов, имеющих в названии титул «дворец», приводится их характеристика в соответствии с хронологией исторических событий. На основании анализа и сопоставления археологических, нумизматических и письменных данных определяется время существования столиц государства Джучидов. Применяя данные топонимики предлагается версия о местонахождении первой столицы Улуса Джучи городе Сарай. Впервые одновременно рассматриваются три города – Сарай, Сарай ал-Джедида и Сарайчук – с позиции столичного титула.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Сарай, ханский домен, Сарай, Сарай ал-Джедида, Сарайчук

Евгений Михайлович Пигарёв,
Марий мемлекеттік университеті,
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Йошкар-Ола, Қазан, Ресей

Алтын Орданың төменгі волгалық астаналық орталығының құрылымы

Аннотация. Мақала Волга мен Орал арасында орналасқан Алтын Орда мемлекетінің астаналық орталығының әкімшілік-аумақтық құрылымына арналған. Атауында «сарай» атағы бар ең ірі қалаларын зерттеу тарихы қарастырылады, тарихи оқиғалардың хронологиясына сәйкес сипаттамалары беріледі. Археологиялық, нумизматикалық және жазбаша деректерді талдау мен салыстыру негізінде Жошы мемлекеті астаналарының өмір сүру уақыты анықталады. Топонимика мәліметтерін қолдана отырып, Жошы ұлысының алғашқы астанасы Сарай қаласының орналасқан жері туралы нұсқа ұсынылды. Алғаш рет бір уақытта астаналық атаққа ие үш қала – Сарай, әл-Жедеида сарайы және Сарайчук қарастырылады.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Сарай ұлысы, хан иелігі, Сарай, әл-Жедеида сарайы, Сарайчук

Evgeny Pigarev,
Mari State University, A.Kh. Khalikov Institute of Archaeology
of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Yoshkar-Ola, Kazan, Russia

Structure of the Lower Volga metropolitan center of the Golden Horde

Abstract. The article is devoted to the administrative and territorial structure of the capital center of the Golden Horde state, located in the interfluvium of the Volga and the Urals. The article considers the history of studying its largest cities, which have the title “Palace” in their name, and provides their characteristics in accordance with the chronology of historical events. Based on the analysis and comparison of archaeological, numismatic and written data, the time of existence of the capitals of the juchid state is determined. Using these toponyms, we propose a

version of the location of the first capital of the Juchi Ulus, the city of Sarai. For the first time, three cities – Saray, Saray al-Jedid and Saraychuk – are considered simultaneously from the position of the capital title.

Keywords: Golden Horde, Saray Ulus, Khan domain, Saray, Saray al-Jedid, Saraychuk

Сложение административно-территориального устройства золотоордынского государства происходило в два этапа. Первый этап охватывает время с момента завоевания монголами обширных пространств восточно-европейских степей и обустройства на этих территориях монгольского улуса до прихода к власти хана Узбека. Второй этап приходится на время правления хана Узбека, когда были оформлены основные принципы этого устройства, которые сохранялись, с некоторыми изменениями, вплоть до распада Золотой Орды.

Первый этап (1242/43 – 1313 гг.). Основой административно-территориального деления в этот период была улусная система. Государство было разделено на 12 крупных административных единиц (улусов), составлявших владения темников и членов правящей семьи Джучидов. В этом делении восьмой улус, располагавшийся вдоль левого берега Волги, составлял личный домен Бату. Каждая из крупных административных единиц подразделялась, в свою очередь, на более мелкие, во главе которых стояли кочевники соответствующих рангов. Эти административные единицы не представляли собой наследственных владений. Хан мог лишиться своей властью прав владения улусом любого представителя кочевой аристократии, что и происходило на протяжении всего XIII в. [Егоров 1985: 163-165].

На этом же этапе произошло оформление личных владений хана, где располагалась ханская ставка, впоследствии превратившаяся в столицу государства город Сарай. Ханский домен, получивший название Улус Сарай, занимал территорию, в которую входили северокавказские степи и левобережные степи Поволжья с границами: на западе в районе реки Дон, на востоке в районе реки Урал, на севере в пределах Волжской Булгарии, на юге по побережью Каспийского моря.

Второй этап (1313 г. – нач. XV в.). С приходом к власти хана Узбека во внутреннем устройстве Золотой Орде происходят радикальные преобразования. В борьбе за власть, по его приказу было уничтожено около 120 Чингисидов и большое количество менее знатных ордынских сановников, отказавшихся перейти в ислам. После уничтожения основных политических противников Узбек провел еще две реформы. В результате первой изменился административно-судебный аппарат. В результате второй – была сведена к минимуму власть удельных Чингисидов, которых Узбек постепенно заменил на своих наместников. Золотая Орда была поделена на четыре улуса (Сарай, Хорезм, Крым и Дешт-и-Кыпчак) и 70 тюменов [Почекаев 2010: 156-158]. Улусы возглавляли ставленники хана улусбеки, тюмены (области) – эмиры, входившие в состав дивана. Завершением внутрисударственных преобразований явилось строительство новой столицы – города Сарай ал-Джадида. Улус Сарай до распада Золотой Орды продолжал оставаться центральным улусом государства. В период правления хана Узбека на его территории появляется большое количество новых населенных пунктов.

Улус Сарай – центральная территория Золотой Орды, ханский домен, в структуру которого входило несколько крупных городов, являющихся центрами областей и округов, имеющих право чеканки государственной монеты: Болгар, Мохши, Уек, Гюлистан, Азак, Маджары, Хаджитархан, Сарай и Сарай ал-Джадида, Сарайчик [Пачкалов 2007: 308-315; Пигарёв 2018: 160-165].

Уникальная природа Северного Прикаспия, традиционные торговые магистрали, проходящие через его территорию, способствовали образованию здесь столичного центра государства, в состав которого входили ханские ставки: Орда, Орда ал-Муаззам, Иль Уй Муаззам; столичные города: Сарай (Сарай ал-Махруса), Сарай ал-Джадида, Сарайчук; малые города: Мошаикское городище (Суммеркент), Красноярское городище (Кизил) и многочисленные сельские поселения (рис. 1).

Рис. 1. Междуречье Волги и Урала в XIII–XV вв.

В рамках рассматриваемой нами темы остановимся на трёх населенных пунктах, имеющих в названии основу «Сарай» (дворец). Наличие этой основы выделяет эти объекты из общего многочисленного списка золотоордынских городов, подчеркивая их элитный столичный статус и особую роль в общегосударственном пространстве.

Город Сарай (Ак Сарай, Сарай ал-Махруса – Дворец, Старый Дворец, Дворец Богохранимый) – первая золотоордынская столица.

Вопрос о местонахождении первой столицы Золотой Орды до сих пор остается открытым. Споры по этому вопросу ведутся уже несколько десятилетий. К концу XX столетия в науке утвердилось мнение, что в золотоордынском государстве существовало две столицы: Сарай – первая столица, построенная Бату ханом, и Новый Сарай, строительство которого началось при хане Узбеке. При этом ранний Сарай отождествляется с Селитренным городищем, расположенным на территории Астраханской области, а Новый Сарай – с Царевским городищем Волгоградской области. Подробная библиография этого вопроса представлена в трудах Г.А. Фёдорова-Давыдова [Фёдоров-Давыдов 1994: 20-24].

На рубеже XX–XXI в., после выхода статьи И.В. Евстратова, научная дискуссия о золотоордынских столицах получила продолжение [Евстратов 1997: 88-103]. Ряд исследователей стал придерживаться мнения о единстве Сарая и Сарая ал-Джедид, помещая их на Селитренное городище, а Царевское городище отождествляя с городом Гюлистан [Гончаров 2003: 310; Рудаков 2000: 310-315]. И.В. Волков, изучая картографический материал и данные письменных источников,

поддерживает мнение о двух столичных городах [Волков 2011: 145-151]. Кроме этого появилась и другая версия решения этого вопроса.

А.В. Пачкалов, опираясь на нумизматический материал, полученный в ходе исследований средневекового городского некрополя «Маячный бугор», предлагает считать первым Сараем Красноярское городище Астраханской области [Пачкалов 2010: 332-340]. Его версию поддержал Д.В. Васильев [Васильев 2001: 64-72]. Исследователи, предложившие отождествлять Красноярское городище с ранним Сараем, аргументировали это находками в погребениях могильника «Маячный бугор» некоторого количества золотоордынских монет конца XIII в. [Пачкалов, Скисов 2009: 75-76]. Однако монета, находящаяся в погребении, не может приниматься как узко датирующий источник. Г.А. Фёдоров-Давыдов отмечал: «Клады серебряных монет показывают длительное сохранение в обращении дирхемов. Мало изменяемый по весу и пробе серебряный дирхем удерживался в обращении не одно десятилетие» [Фёдоров-Давыдов 2003: 40]. Более того, исследования непосредственно территории Красноярского городища не выявили нумизматических объектов XIII века. К тому же Ключаревская летопись, составленная ключарем Астраханского Кафедрального Собора Кириллом Васильевым, сообщает нам иное название населенного пункта на месте Красноярского городища, известного вначале XVII в. – город Кизил (Кызыл) [Пигарёв 2016: 88-99].

Существует еще одна точка зрения на месторасположение первой золотоордынской столицы в районе современного пос. Аксарайск Астраханской области, которую предложил И.В. Волков [Волков 2011: 149-150] и которую поддерживает автор данной работы. В 1957 г. во время работ Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством В.Д. Белецкого на левом берегу р. Ахтуба напротив села Сеитовка Красноярского района Астраханской области были обнаружены средневековые поселение и курганный могильник [Белецкий 1957]. Астраханский археолог В.А. Филипченко также говорит об остатках поселения Аксарай и находках золотоордынской керамики и монет в пределах с. Сеитовка [Филипченко 1958: 247]. Топонимика этой территории приводит нам следующие названия: местность Аксарайск (урочище Аксарайск обозначено на всех губернских картах XVIII-XIX вв.) и ерик Ай-Сарал. Интересна географическая характеристика этой местности. Здесь р. Ахтуба, сворачивая на восток, делает петлю, ограниченную с севера и востока ериком Ай-Сарал, в результате чего образуется остров площадью до 5 км². Природное удобство этой территории позволяло устроить здесь зимник кочевой орды, который, видимо, и являлся прототипом раннего Сарая. Примечательно, что в XVIII-XIX вв. эта местность также являлась зимником для кундровских татар [Списки ... 1961: 81; Труды ... 1877: 98-100]. За последние тридцать лет на этой территории произошли серьезные изменения в связи со строительством здесь Астраханского газодобывающего комплекса. Большая часть археологических объектов была или уничтожена в ходе промышленного освоения, или заболочена из-за изменения гидрорежима территории.

До нас дошло описание орды хана Узбека Ибн-Баттутой: «Подошла ставка, которую они называют урду ... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары. Когда достигают места привала, то палатки снимают с арб и ставят на землю <...> Таким же образом они устраивают мечети и лавки <...> подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» [Тизенгаузен 1884: 289]. Подобным же образом описывает ставку и Г. Рубрук: «Итак, когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы каким-то большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье. И как в Израильском народе каждый знал, с какой стороны скинии должен он раскидывать палатки, так и они знают, с какого бока двора должны они размещаться, когда они снимают свои дома с повозок. Отсюда двор на их языке называется ордой, что значит середина, так

как он всегда находится посередине их людей, за исключением того, что прямо к югу не помещается никто, так как с этой стороны отворяются ворота двора. Но справа и слева они располагаются, как хотят, насколько позволяет местность, лишь бы только не попасть прямо перед двором или напротив двора» [Путешествия ... 1957: 119].

По нашему мнению, ордынская ставка была растянута на несколько километров вдоль берега Ахтубы. В южной ее части, на острове между Ахтубой и ериком Ай-Сарал, располагались шатры ханской семьи и кочевой аристократии, к северу по речному берегу вытягивались жилища рядовых ордынцев. Возможный перевод названия «Ай-Сарал» может звучать как «Лунный дворец». О почитании луны сообщает Плано Карпини: «Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны или в полнолуние, откуда именуют ее великим императором, преклоняют перед ней колена и молятся» [Путешествия ... 1957: 31]. В монгольской имперской символике полумесяц (луна) представлен на знамени Чингисхана, на пайцзах, в декоре костюмов золотоордынской аристократии [Юрченко 2012: 143-165]. Доде З.В., изучая эмблемы на костюмах монгольской кочевой элиты, приходит к выводу, что в монгольской системе координат луна символизировала мужское начало и являлась символом императора [Доде 2012: 255-268]. Арабский писатель ал-Омари приводит описание этого города: «Столица тамошнего царя – Сарай. Это небольшой город между песками и рекой. Пребывающий там теперь султан его, Узбек, построил в нем медресе для науки <...> Место пребывания царя там большой дворец, на верхушке которого находится золотое новолуние. В этом дворце их зимние помещения» [Тизенгаузен 1884: 229, 241]. Из представленных выше текстов можно сделать заключение, что луна (полумесяц), являлись имперским знаком чингисидов, что и нашло отражение в местной топонимике. Это также может служить доказательством высокого социального статуса рассматриваемой нами территории. За пределами ханской ставки, в северной части общего зимовища, стали появляться первые стационарные жилые и ремесленно-торговые постройки Сарая. Одним из косвенных свидетельств нахождения на этой территории Сарая времен хана Бату может служить описание, оставленное Рубруком: «Затем я пустился в путь к Сарая <...>, направляясь прямо на юг и спускаясь по берегу Этилии, которая там ниже разделяется на три больших рукава <...> Кроме того, Этилия образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку на судах в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент <...>» [Путешествия 1957: 185-186]. Васильев Д.В. рассматривает движение Рубрука от Красноярского городища, который считается им как старый Сарай [Васильев 2001: 66-67]. Необходимо отметить, что если проложить маршрут Рубрука из Сарая, расположенного в аксарайской зоне, в сторону Суммеркента (Мошаика) и далее к волжской переправе, то получается такое же расстояние и время перехода, как и указывается в источнике. При этом движении также осуществляется переправа через три больших реки – Ахтубу, Бузан, и, собственно, Волгу (Итиль).

Впервые об Аксарайском городище сообщается в донесении царского посланника к ногаям Елизара Мальцова в 1558 г. Продвигаясь вдоль Ахтубы из Астрахани на север, Мальцов отметил «Аксарай Узюбека царя», не доходя до «Больших Сарай» («и шел до Аксарая до Алтынкешени»). Местность «Аксарав» фиксируется и в источниках XVIII в. Через этот пункт проходила дорога из Москвы на Астрахань [Васильев 2013: 17-18]. Остатки древнего города отмечены в 1770 г. академиком И.П. Фальком: «Лебяжинский городок (совр. город Нариманов), или станица <...>, а на реке лежит остров, называемый Лебяжинским острогом. Насупротив видны развалины, фундаменты и кучи щебня татарского города на левом берегу Ахтубы, впадающей здесь в Бузан, восточный рукав Волги, где внизу стоит Красноярск <...>» [Фальк 1824: 143-144]. Хлебников П.Х., описывая историю города Астрахань, указывает, что кирпич для строительства в ней каменной крепости привозили

из «ближних и дальних Сараев», где Сарай ближние в 80 верстах от Астрахани, Сарай дальние в 100 верстах [Хлебников 1907: 126, 154].

В местности, подходящей под описание «Сарай ближние», в настоящее время находятся остатки золотоордынского города, получившего в научной литературе название «Ахтубинское городище». Одним из первых это городище с городом Сарай связал П.С. Рыков [Рыков 1929: 6-7]. Городище «Ахтубинское» расположено на левом берегу Ахтубы у пос. Комсомольский, имеет длину с юга на север около 3 км, ширину около 1 км. В настоящее время памятник практически полностью застроен пос. Комсомольский, часть его уничтожена при строительстве железной и автодороги. В 1904 году здесь были начаты работы по строительству Астраханской железной дороги на участке Астрахань-Сеитовка, полотно которой задевало часть городища. Городище было осмотрено С. Краснодубровским: «От мулл соседних татарских деревень я узнал, что городище находится на левом берегу Ахтубы, что на месте его когда-то стоял священный город Ак-Сарай, а на юг от городища находятся могилы святых <...> Городище, насколько оно обнаружено размывами Ахтубы, приводит к неопровержимому заключению, что на месте его был не малый поселок, не деревня, а город, и город очень большой <...>» [Краснодубский 1904: 3].

В 1926 г. на северной окраине городища П.С. Рыковым было вскрыто несколько погребений [Рыков 1929: 26]. Современные исследования городища проводились В.В. Плаховым, В.В. Дворниченко, Ю.А. Зеленевым. В ходе этих работ был исследован ряд монументальных объектов золотоордынской архитектуры. Здесь же были исследованы полуземлянки и дом, относящиеся к концу XIV в. В 3 км к юго-востоку от городища был обнаружен еще один могильник. Нумизматический материал, обнаруженный в ходе раскопок, представлен медными монетами правления ханов Джанибека и Тохтамыша, чеканенных на монетных дворах Сарай ал-Джедид, Орда, Орда ал-Муаззам [Пигарёв 2019а: 491]. Волков И.В. считает, что на памятнике «присутствует слой XIII в., по крайней мере до 80-х гг., а затем жизнь исчезает вплоть до конца XIV в.» [Волков 2003: 127]. Пачкалов А.В. предполагает, что на городище располагался город Ак-Сарай или верховная ставка Тохтамыша Орда ал-Муаззам [Пачкалов 2007: 185-189].

На наш взгляд, Ахтубинское городище является остатками первой золотоордынской столицы города Сарай (Ак-Сарай, Сарай ал-Махруса – Старый Дворец, Дворец Богохранимый). Развиваясь из зимней ставки Орды, он превратился в крупный населенный пункт. На протяжении большей части XIV в. этот город играл вторичную роль в сравнении с новой золотоордынской столицей Сараем ал-Джедид, являясь, видимо, основным местом зимовки ханской орды. В ярлыке хана Джанибека венецианцам он назван «Отцовским Сараем» [Волков 2011: 149-150]. Во время великой замятни Сарай и кочевая ставка становились опорным пунктом для некоторых ханов, например: для Абдуллаха и Мухаммед-Булака [Фёдоров-Давыдов 1973: 147]. В период борьбы хана Тохтамыша за власть в Улусе Сарай становится его верховной ставкой, о чем свидетельствуют чеканенные здесь монеты: монетные дворы – «Орда», «Орда ал-Муаззам», «Орда ал-Джедид», «Сарай», «Сарай ал-Махруса» [Фёдоров-Давыдов 2003: 195-197]. С захватом Тохтамышем Нового Сарая начинается чеканка монет с его именем и на монетном дворе Сарая ал-Джедида.

Город Сарай ал-Джедида (Селитренное городище; Новый Дворец).

Селитренное городище является крупнейшим на территории Евразии городищем золотоордынской эпохи. В XVIII–XIX вв. в период изучения территории Российской империи оно неоднократно посещалось учеными и путешественниками, оставившими первые его описания. Научное изучение городища началось в конце XIX в. с работ К.Н. Малиновского и А.А. Спицына, в 20-30-х гг. XX в. исследование было продолжено Ф.В. Баллодом и П.С. Рыковым. В 1959 году А.П. Смирновым и Г.А. Фёдоровым-Давыдовым была создана программа археологического

изучения золотоордынских памятников Нижнего Поволжья. В 1965 году для изучения крупнейшего в Нижнем Поволжье золотоордынского городища, находящегося близ села Селитренное Астраханской области, в Поволжской археологической экспедиции был создан Селитренский отряд. С середины 1970-х гг. Селитренное городище стало основным объектом исследований Поволжской археологической экспедиции Института археологии АН СССР/РФ. В течение многих лет у руководства ПАЭ стояли Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Егоров, Н.М. Булатов, В.В. Дворниченко. На памятнике велись крупномасштабные, систематические раскопки. С начала XXI века исследованием городища занимается совместная археологическая экспедиция Марийского государственного университета и Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ. За это время значительно расширилась география раскопок, заложенных на городище. Раскопкам подверглись территории к востоку и югу от села, а также участки, находящиеся под современной сельской застройкой. Для уточнения границ городской застройки проводились разведки в округе Селитренного городища. К настоящему времени на городище исследовано свыше 34000 м².

За эти годы были обнаружены и изучены жилища простых горожан и крупные дома дворцового типа столичной аристократии, усадебные комплексы, мечеть, остатки минарета, бани, медресе, мавзолеи, небольшие мастерские различного направления и мануфактуры типа «кархана» [Пигарёв 2019б]. Для Селитренного городища характерна сплошная застройка с улицами и арыками, в центральной части города господствовала богатая усадебная застройка, там за глинобитными стенами располагались дома владельцев усадеб, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, водоемы. Здесь же был раскопан центр аристократического района, состоящий из Джума мечети, медресе и общественной бани-хаммам [Зиливинская, Васильев 2016: 645].

Нумизматический материал показывает, что город появляется на рубеже 1320-1330-х гг. и существует как столичный центр до середины XV в., причем период его наиболее активной экономической жизни приходится на 1330–1390-е гг. В XV в. началась интенсивная чеканка на монетном дворе Иль Уй Муаззама («Дом страны высочайшей») поселения Каменный бугор, расположенного на юго-восточной окраине Селитренного городища, возможно, являющегося ставкой золотоордынских ханов.

С распадом Золотой Орды Сарай ал-Джедида теряет свой столичный статус, но не исчезает. В различных письменных источниках неоднократно встречаются упоминания о Сарае этого периода: 1554, – поход московских войск на Астрахань [Полное собрание ... 1904: 241]; 1640-1641 гг. – путешествие Эвлия Челеби [Эвлия Челеби 1979: 140-142]. Русские письменные источники сообщают, что многочисленные монументальные постройки Сарая сохранились до второй половины XVI века, когда царь Федор Иванович в 1578 г. велел ломать «мизгити и полаты в Золотой Орде и тем делати город» Астрахань [Полное собрание ... 1978: 196]. Маловероятно, что разрушение Сарая производилось только силами пришедшего на Нижнюю Волгу русского населения в силу его малочисленности. Видимо, в этом процессе главную роль играло именно местное население, проживавшее здесь после распада Улуса Джучи.

Поход Тимура 1395–1396 гг. и последующие политические и экономические кризисы первой половины XV в. привели к распаду единого государства и образованию на его территории в XVI в. нескольких ханств, одним из которых являлось Астраханское. Тем не менее, не смотря на кризисы и регрессивное состояние, золотоордынское государство продолжало существовать на протяжении всего XV в. При резком снижении торгово-экономических связей часть населенных пунктов, безусловно, приходит в запустение. Однако нумизматический материал, идущий с Селитренного городища и Каменного бугра, Хаджи Тархана и Мошаика, позволяет говорить о сохраняющемся на

Нижней Волге общегосударственном экономическом центре [Зайцев 2004: 17, 28; Лебедев, Клоков 2004: 23-75].

Город Сарайчук (городище Сарайчик, Малый Дворец).

Находится на правом берегу р. Урала, у пос. Сарайчик. Название города хорошо известно по письменным источникам и чеканившимся здесь в XIV в. монетам. Основание его относится ко второй половине XIII в., окончательное разрушение связано с нападением яицких казаков в 1580 г. Сарайчук – один из немногих городов Золотой Орды, избежавший разрушения Тимуром [Егоров 1985: 101-102].

Сарайчик расположен в очень удобном для жизнедеятельности месте, с обилием растительности, неподалеку от устья реки, а самое главное – на узловом, в геополитическом отношении, стыке Европы и Азии. Через него пролегал трансконтинентальный караванный путь из стран Европы и столицы Золотой Орды в города Хорезма, Ирана, Индии, Китая.

Материалы по нумизматике Сарайчика свидетельствуют о том, что город, благодаря своему удобному расположению на узловом участке евразийских коммуникаций, был с момента возникновения вплоть до гибели особо важным пунктом, где переплетались стратегические военно-политические, торгово-экономические и другие интересы как регионов Золотой Орды, так и сопредельных государств.

Первые упоминания об этом городище сохранились в трудах арабского купца-путешественника Ибн Баттута, посетившего эти места в период правления хана Узбека, в 1333 году. Археологические исследования показали, что город имел хорошо разработанную планировку с прямыми широкими улицами и площадями, архитектурными сооружениями из обожженного и сырцового кирпича. Сарайчук обладал развитыми ремеслами и активной внутренней и международной торговлей. Находки, обнаруженные в ходе раскопок, показывают высокий уровень материальной и духовной культуры, соответствующий крупному государственному центру [Тасмагамбетов, Самашев 2001: 53-73].

Выводы:

- На первом этапе (1242/43–1313 гг.) в ходе оформления и обустройства ханского домена в междуречье Волги и Урала появляются два собственно золотоордынских города – Сарай (Сарай ал-Махруса) и Сарайчук, обладавших административными столичными функциями. Оба города находились на местах речных переправ, что позволяло вести контроль над международной торговой магистралью.

- На втором этапе (1330-е гг.), после завершения реформ хана Узбека, появляется новая столица Улуса Джучидов город Сарай ал-Джедида, куда переходит основной государственный аппарат. Сарай и Сарайчук в этот период теряют свою «столичность», оставаясь в то же время важными городскими центрами.

- Во время «великой замятни» 1360-1380-х гг. титулованные города Сарай и Сарайчук становятся центрами различных политических группировок, боровшихся за власть в Улусе.

- После распада Золотой Орды города Сарай и Сарай ал-Джедида приходят в запустение, т. к. с образованием Астраханского ханства административная и политическая власть, а вслед за ними и экономика, переходят в новую столицу – город Хаджи-Тархан. Город Сарайчук в этот период становится центром Мангытского Юрта и, впоследствии, Ногайской Орды.

- Данные топонимии, сохранившие исторические названия, могут быть использованы как доказательства в решении вопроса о местонахождении того или иного населенного пункта – в нашем случае, первой столицы Золотой Орды города Сарай.

ЛИТЕРАТУРА

- Белецкий В.Д. Отчет о работах Нижневолжской разведывательной археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1957 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2536.
- Васильев Д.В. О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населённых пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: мат-лы II Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А. Усмана / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Вып. 2. Казань: Фолиант, Инст. истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2001. С. 64-72.
- Васильев Д.В. Анализ сведений об археологическом наследии нижеволжского фронта в источниках XVII-XVIII вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 13-23.
- Волков И.В. Поселения Приазовья в XII-XIII веках // Русь в XIII в. Древности темного времени / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 126-128.
- Волков И.В. Два Сарая на карте Андреа Вальшпергера 1448 г. // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: м-лы V Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (г. Астрахань, 2-6 октября 2011 г.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 145-151.
- Гончаров Е.Ю. Старый и Новый Сарай – столица Золотой Орды (новый взгляд на известные источники) // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. науч. ст. / Гл. ред. А.В. Евглевский. Т. 1. Донецк: ДонГУ, 2000. С. 345-349.
- Гончаров Е.Ю. «...страдает сильной неточностью» (демонстрация научных фокусов с последующим их разоблачением) // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 318-328.
- Доде З.В. Эмблемы с изображениями луны, солнца и драконов в костюме монгольской кочевой элиты XIII-XIV веков // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11. Золотоордынское время. Сб. науч. работ / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2012. С. 251-278.
- Евстратов И.В. О золотоордынских городах, находившихся на местах Селитренного и Царевского городищ (опыт использования монетного материала для локализации средневековых городов Поволжья) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Ч. 2. Саратов: Изд-во СГУ, 1997. С. 88-103.
- Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М.: Наука, 1985. 248 с.
- Зайцев И.В. Астраханское ханство. М: Вост. лит., 2004. 268 с.
- Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Города Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Коллективная монография / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 633-664.
- Краснодубский С. В защиту старины. Открытое письмо правлению общества Рязанско-Уральской железной дороги // Московские ведомости. 1904. № 240.
- Лебедев В.П., Клоков В.Б. Монеты с юго-восточных окраин Сарая и его округа после 1395 г // Древности Поволжья и других регионов / Гл. ред. П.Н. Петров. Вып. V. Т. 4. М.; Н.Новгород: Изд-во «Нумизматическая литература», 2004. С. 23-75.
- Пачкалов А.В. Сведения о золотоордынском населенном пункте, располагавшемся в с. Комсомольский (Аксарайский) Астраханской области // Восток-Запад: Диалог культур и цивилизаций Евразии / Отв. ред. А.А. Бурханов. Вып. 8. Казань, 2007. С. 185-189.
- Пачкалов А.В. Новые книги по археологии и нумизматике городища Сарайчик // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 308-315.
- Пачкалов А.В., Скисов С.Ю. Нумизматические находки на Красноярском городище в Астраханской области // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. М.: изд-во «Нумизматическая литература», 2009. С. 75-76.
- Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. М-лы III Междунар. Нижневолжской археол. конф. / Отв. ред. Д.В. Васильев. Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2010. С. 332-340.
- Пигарёв Е.М. Красноярский комплекс: городище и могильники (история, этапы развития, название) // НИИГН при Правительстве Республики Мордовия. 2016. № 2 (38). С. 88-99.

- Пигарёв Е.М.* Улус, область, округ Сарай // Археология Евразийских степей. Средневековая археология. М-лы VIII Междунар. науч. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвящ. памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань, 2018. № 4. С.160-165.
- Пигарёв Е.М.* Административно-территориальная структура области Сарай (дельта р.Волга) // Генуэзская Газария и Золотая Орда / под ред.: С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов; Казань; Кишинэу: Stratum Plus, 2019. С. 483-508.
- Пигарёв Е.М.* Селитренное городище: история исследований: монография / Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 11. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2019б. 244 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. XIII (Патриаршая или Никоновская летопись). СПб., 1904. 456 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 34. М.: Наука, 1978. 424 с.
- Почекаев Р.Ю.* Ханы Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 384 с.
- Путешествия в Восточные страны Платона Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. 274 с.
- Рудаков В.Г.* К вопросу о двух столицах в Золотой Орде и местоположении города Гюлистана // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Тр. ГИМ. 2000. Вып. 122. С. 310-315.
- Рыков П.С.* Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные в 1928 г. // Труды Нижне-волжского института краеведения. Т. 3. Саратов, 1929. С. 129-155.
- Списки населенных мест Российской империи. Т. II. Астраханская губерния. СПб., 1861. 198 с.
- Тасмагамбетов И., Самашев З.* Сарайчик. Алматы: ОФ «Берел», 2001. 216 с.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 564 с.
- Труды Астраханского губернского статистического комитета. Вып. 5. Астрахань, 1877. 98 с.
- Фальк И.П.* Записки путешествия // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 6. СПб., 1824. С. 143-144.
- Филипченко В.А.* О новых находках на территории Астраханской области // СА. 1958. № 1. С. 245-247.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М.: МГУ, 1973. 180 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: МГУ, 1994. 232 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.* Денежное дело Золотой Орды. М.: Палеограф, 2003. 352 с.
- Хлебников П.Х.* Астрахань в старые годы. Вторая половина XVI века. СПб., 1907. 124 с.
- Эвлия Челеби.* Книга Путешествия // Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 250 с.
- Юрченко А.Г.* Хан Узбек: между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб.: Евразия, 2012. 400 с.

**Р. М. Валеев,
Р. Р. Хайрутдинов**

Рафаэль Миргасимович Валеев,
valeev_rm@inbox.ru
Хайрутдинов Рамиль Равилович,
ramilh64@mail.ru

Институт международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета,
г. Казань, Россия

Торговые контакты Поволжья и Центральной Азии в эпоху средневековья

Аннотация. В статье рассматриваются экономические и культурные связи Волжской Булгарии и Поволжья со странами Средней Азии в период с IX по начало XV в. Торговля Поволжья и Приуралья развивалась в различных внешнеторговых направлениях. В большинстве случаев она носила прямой характер, но в ряде случаев производилась опосредованно, то есть через торговых партнеров. Развитие товарно-денежных отношений в Поволжье начинается с включения во внешнюю торговлю Востока и Запада, хотя эта тенденция была характерна для всех территорий и появляющихся государств периода средневековья. Поволжье становится центром, откуда посредничеством болгар товары внешней торговли уходили к ближайшим и дальним соседям – на Восток, Русь, к финно-уграм, народам Северной и Западной Европы.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Волжско-Балтийский путь, болгарская торговля, Великий шелковый путь, восточный импорт

**Рафаэль Миргасимович Валеев,
Рамиль Равилович Хайрутдинов,**
Казан (Еділ бойы) федералды университетінің
Халықаралық қатынастар институты,
Казан қ., Ресей

Орта ғасырлардағы Еділ бойы мен Орталық Азияның сауда байланыстары

Аннотация. Мақалада Еділ Болгариясы мен Еділ бойының Орта Азия елдерімен IX ғ. бастап XV ғ. басына дейінгі экономикалық және мәдени байланыстары қарастырылған. Еділ бойы мен Арал бойындағы сауда әртүрлі сыртқы сауда бағытында дамыды. Көп жағдайда ол тікелей сипатта болды, бірақ кейбір жағдайларда жанама түрде, яғни сауда серіктестері арқылы жүргізілді. Еділ бойындағы тауар-ақша қатынастарының дамуы Шығыс пен Батыстың сыртқы саудасына енуден басталады, дегенмен бұл үрдіс орта ғасырлардағы барлық аумақтар мен дамып келе жатқан мемлекеттерге тән болды. Еділ бойы болгардың делдалдығымен сыртқы сауданың заттары жақын және алыс көршілерге – Шығысқа, Ресейге, фин-угрларға, Солтүстік және Батыс Еуропа халықтарына кететін орталыққа айналады.

Түйін сөздер: Еділ Болгариясы, Еділ-Балтық жолы, болгар саудасы, Ұлы Жібек жолы, шығыс импорты

Rafael Valeev,
Ramil Khairutdinov,

Institute of International Relations Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Trade contacts of the Volga Region and Central Asia in the Middle Ages

Abstract. The article considers the economic and cultural ties of Volga Bulgaria and the Volga region with the countries of Central Asia in the period from the 9th to the beginning of the 15th century. The trade of the Volga region and the Urals developed in various foreign trade directions. In most cases, it was direct, however in some cases it was carried out indirectly, that is, through trading partners. The development of commodity-money relations in the Volga region begins with the inclusion of East and West in foreign trade, although this trend was characteristic of all territories and emerging states of the Middle Ages. The Volga region becomes the center from where, through the mediation of the Bulgars, foreign trade goods went to the nearest and distant neighbors – to the East, Russia, to the Finno-Ugrians, the peoples of Northern and Western Europe.

Keywords: Volga Bulgaria, Volga-Baltic way, Bulgarian trade, Great Silk Road, Eastern import

С IX в. Волжская Булгария осуществляет активные торговые связи с Востоком: Средней Азией, Ираном, Багдадом, Китаем, Кавказом. Именно они стали определяющими в формировании ее культуры. Завязавшиеся еще в VII–VIII вв. связи с арабо-иранским миром продолжали оставаться и в IX–XI вв. важнейшим направлением русской торговли [Рыбаков 1948: 335].

И.В. Дубов пишет, что в эпоху раннего средневековья Великий шелковый и Волжско–Балтийский пути был трансевропазиатской артерией и к ней вполне применимо название «из варяг в арабы и греки». Они связывали Центральную Азию с Булгарией, Скандинавией, Балтикой, Северной и Средней и Западной Европой и странами арабского Халифата [Дубов 1989: 7]. Булгария и Золотая орда в этом процессе играли определяющую роль.

Особое значение среднеазиатского и арабского мира для Булгарии состоит в том, что именно отсюда началось распространение мусульманской религии. Вместе с религией в Волжскую Булгарию проникли все достижения мусульманского мира. Нередко торговлю купцы соединяли с миссионерской деятельностью [Заходер 1962: 44].

История экономических и торговых взаимоотношений Булгарии с восточными странами делится на несколько периодов. Первый период падает на IX – начало XI в., второй период – на XI – начало XIII в. Естественно, в последующем, в XIII – нач. XV в. эти связи продолжались, но в иных исторических и социально-экономических условиях.

В Булгарии перекрещивались торговые интересы западных и восточных купцов, стремившихся получить доступ к «мягкому золоту» – мехам. Именно пушнина для восточных авторов является наиболее известным предметом торговли, связанным с историей Булгарии и Золотой Орды. Источники называют меха не только важной статьей торговли, но и средством обращения. Ибн Русте, описывающий, как известно, события IX в., отмечает: «Основное имущество у болгар – меха куницы; у болгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они куньим мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам» [Заходер 1962: 26]. Об этом же сообщает и ал-Гардизи (середина X в.), но мех куницы у него оценивается только в два дирхема, что Б.Н. Заходер объясняет пропуском автором слова «половина». Купцы с Востока были существенно заинтересованы не только в этом товаре, но и в «живом» товаре – рабах и рабынях.

Каковы же основные статьи торговли болгар с восточными странами? Наиболее полную характеристику товаров, вывозимых из Булгарии на Восток, дает в конце X в. ал-Мукаддаси: «Что касается купеческих товаров, то из Хорезма вывозятся: меха собольи, беличыи, горностаевы, куньи

и лесных куниц, лисьи, бобровые, козьи шкуры, воск, стрелы, крупная рыба, шапки, белужий клей, рыбы кости, бобровая струя, юфть, мед, орехи, барсы (или гончие собаки), мечи, кольчуги, березовый лес, славянские невольники, овцы, рогатый скот. Все это привозится из Булгар» [Гаркави 1870: 282].

На основе этого текста Д.А. Хвольсон осуществил удачную, хотя довольно относительную, попытку выделения групп экспортируемых товаров. К первой группе он отнес продукцию самой Булгарии: сырье и продукты ремесленных производств. Ко второй – товары, ввозимые непосредственно из Руси, из земель буртас и вису. Часть из них покупалась булгарами от самих производителей, а часть ввозилась последними. К третьей – товары, привозимые другими торговцами из Прибалтики, Скандинавии и западноевропейских стран [Хвольсон 1870: 181–187].

Особо хотелось остановиться на двух важных статьях торговли булгар с восточными странами, определяющих характер торговых контактов. Почетное место в булгарском экспорте составляли меха пушных зверей, они весьма высоко ценились на Востоке. Ал-Масуди сообщает, что из Булгар и из земли буртас вывозятся меха черных и красных лисиц и обращает внимание на их высокое качество. Он рассказывает, что халиф ал-Махди накрывал сосуды с водой разными видами мехов. Эти меха, особенно черные, иногда стоят больше 100 динаров за штуку, красные - дешевле. Арабские и персидские цари ценят эти черные меха выше куньих, соболиных [Хвольсон 1870: 163].

Другой весьма важной статьёй булгарского экспорта были рабы. В IX–XI вв. работорговля приняла широкий размах, не прекратилась она и позже. Булгар и Итиль превратились в мировой рынок живого товара, куда привозили рабов из Руси. Отсюда они попадали в Дербент, Хорезм, Багдад, Александрию [Рыбаков 1948: 321–322]. На работорговлю в Булгарии прямо указывает Ибн Фадлан. Он сообщает о приезде русов и захваченных рабах и рабынях для торга за деньги [Гаркави 1870: 94–95]. Ибн Русте пишет: «Русь имеет царя, который зовется хакан-рус. Они производят набеги на славян; подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к Булгарам и продают там» [Хвольсон 1870: 35]. Истахри, описывая Хорезм, сообщает, что самая большая часть их богатства получена из торговли с тюрками и из животноводства. В их владение попадает большинство рабов сакалибов и хазаров, а также их соседей, точно также большинство рабов тюрков [Гекеньян 2001: 86]. Раб стоил от 70 до 300 дирхемов. В Среднюю Азию из других мест, кроме как из Поволжья, рабы не поступали [Кирпичников 2001: 28]. Жители Булгарии сами становились рабами. В дружинном кургане близ Смоленска воин по обычаю был похоронен вместе с одной из своих рабынь. Рабыня, судя по вещам, была из Среднего Поволжья [Рыбаков 1948: 321].

Таким образом, арабо-персидские ученые и путешественники IX–XIV вв. показали обширную торговлю мехами и рабами между Восточной Европой, в первую очередь, Поволжьем и восточными странами, а также связанные с этим видом торговли денежный обмен и торговые пошлины.

Комплексные данные письменных источников, археологических и нумизматических материалов позволяют показать товары восточного импорта, поступавшие на территорию Поволжья и Приуралья в обмен на булгарские и посреднические товары.

Первую группу товаров составляют монеты мусульманской чеканки. Это специально подчеркивает Ибн Русте: «Белые, круглые дирхемы привозят к ним из стран мусульманских путем мены за их товары» [Заходер 1962: 26–27].

Изучение монет показывает тот круг стран и династий, с которыми булгары имели тесные торговые связи, а также хронологически определяет время укрепления этих связей. Куфические монеты, найденные на территории Булгарии, представлены несколькими группами. Для VIII–IX вв. — это монеты, чеканенные Омейядами (661–750 гг.) и Аббасидами (750–1258 гг.). Омейядские дирхемы представлены единичными экземплярами [Валеев 1995: 147–149].

Интересно, что первые монеты, чеканенные сразу после прихода к власти Аббасидов, найдены на территории Волжской Булгарии. Так, в Булгаре в 1905 г. и в Кайбельском могильнике были обнаружены дирхемы 133 г.х. (750–751 гг.), чеканенные в ал-Басре. Близ Билярска в 1857 г. был найден аббасидский дирхем 163 г.х. (779–780 гг.). В денежном обращении аббасидские монеты были не только в IX в., но и в X в. ходили вместе с саманидскими дирхемами и болгарскими подражаниями, о чем свидетельствуют их совместные находки в кладах [Валеев 1995: 147–149].

К X в. относится основная группа монет Саманидов (875–999 гг.), чеканенных в различных городах Мавераннахра: аш-Шаше, Нисабуре, Самарканде, Мерве, Андерабе, Бухаре. Анализ кладов и отдельных находок саманидских монет, найденных на территории Волжской Булгарии, показывает не только города, с которыми велась активная торговля, но и время усиления торговых связей. В составе кладов X в. в значительном количестве встречаются дирхемы времени правления Ахмеда ибн Исмаила (907-914 гг.) и Насра ибн Ахмеда (914–933 гг.). Эта же тенденция была характерна в целом для Восточной Европы [Янин 1956: 122].

В середине X в. появляются монеты Бувейхидов, а к концу X в. их количество значительно увеличивается. Наиболее примечательным среди кладов является Чистопольский 1885 г. (поздняя монета 995 г.), в котором монеты бувейхидской чеканки составляют половину [Лихачев 1888: 3–4]. Из находок последних лет необходимо назвать клад из 25 дирхемов X в., найденный в 1999 г. в Арбузинском поселении, в зоне затопления Куйбышевского водохранилища близ дер. Красная Поляна Старо-Майнского района Ульяновской области. В кладе, где самая старая монета относится к 347 г.х. (958 г.), а самая молодая - к 379 г.х. (1001 г.), монет бувейхидской чеканки 56% (определение Г.А. Федорова-Давыдова, В.А. Калинина, сообщение В.П. Лебедева). На территории Руси прослеживается приблизительно та же тенденция: они появляются с середины X в., но до конца X в. наибольший процент их в кладе не превышает 16,66% [Янин 1956: 132].

В кладах X в. встречаются и монеты Аббасидов, но их значительно меньше, чем в IX в., когда они преобладали в составе монет. Небольшую часть в кладах второй половины X в., найденных в Булгарии, составляют монеты таких династий, как Зияриды, Салларида, эмиры Андерабы, Самеиды и др. Интересным в этом отношении является клад весом 12,14 кг, найденный в д. Татарский Толкиш. В нем находилось 934 дирхема (древнейший – 875 г., поздний – 984 г.) – монеты самых различных стран и династий, а также монеты волжских болгар [Валеев 1995: 148–149]. В XI в. в незначительном количестве появляются монеты Караханидов. С берегов Персидского залива сюда поступали и раковины «каури», которые могли использоваться в «безмонетный» период в роли денег.

Клады куфических дирхемов VIII – начала XI в. на территории Восточной и Северной Европы, их концентрация на речных путях показывают переориентацию восточной торговли в этот период. Окский участок торгового пути, где сидели подвластные хазарам вятичи, аккумулирует в IX–X вв. значительную часть монетного серебра, поступавшего через Хазарию в Верхнее Поволжье, Новгородскую землю и Скандинавию [Петрухин 2001: 155].

В 60-е гг. IX в. наблюдается определенная активизация восточной торговли – увеличивается поток восточного серебра в Восточную и Северную Европу. В.М. Потин связывает это с установлением прочных отношений между варягами и славянами – «призванием варягов» [Потин 1970: 64–80; Петрухин 2001: 156].

Американский нумизмат Т. Нунап показал, что в последней четверти IX в. приток монет в Восточную Европу резко сократился. Наступил первый кризис в поступлении восточного серебра. При этом кризис не связан с сокращением эмиссии в Халифате. Доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен [Noonan 1985: 41–50; Петрухин 2001: 157].

Приток монет возобновляется в X в., когда серебро начинает поступать через Булгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата. Тогда же, но не ранее первой четверти X в., первые клады дирхемов появляются в самом Киеве. Теперь не только Северо-Западная Русь, но и Среднее Приднепровье включаются в процесс распространения восточного серебра. Свыше 10 тысяч куфических монет этого времени обнаружено в кладах на обоих берегах Днепра (данные Т. Нунана) [Петрухин 2001: 157–159].

Выделяются своего рода всплески торгово-экономической активности восточной торговли, которые можно проиллюстрировать по кладам и находкам монет в Среднем Поволжье. Первые свидетельства фиксируются с середины IX в. (Элмедский клад 1906 г., Билярский 1857 г., Булгарский 1905 г., Больше-Тарханский и Больше-Тиганский). Вторая волна (900–914 гг.) дает целый ряд крупных кладов: Кокрятьский (1890 г.), Казанско-Поволжский (1840 г.), Трехозерский (1895 г.), Балымерский (1890 г.), Билярский (1853 г.) и др. Третья волна (914–944 гг.) дает заметно меньшее количество кладов и монет в них. Четвертая волна (944–990 гг.) демонстрирует рост торговой активности и постепенное сокращение серебряного потока из стран Востока. В кладах этого периода много брактеатов и обрезанных монет. В Скандинавии же клады восточных монет с 960-х гг. практически отсутствуют [Валеев 1995: 147–149; Измайлов 2001: 75].

Как видно из вышесказанного, монетные потоки иссякают. Гораздо большее значение приобретает торговля сельскохозяйственной и ремесленной продукцией [Измайлов 2001: 76], в том числе восточного импорта.

Таким образом, на основе кладов восточных монет конца VII – нач. XI в. можно показать динамику восточной торговли Поволжья, Прикамья, Приуралья и в целом Восточной и Северной Европы.

Вторую по важности группу импортируемых восточных товаров составляет художественный металл – золотая, серебряная и бронзовая утварь из Византии, Ирана, Хорезма, Армении, Киликии (Малая Азия) [Даркевич 1976: 8–50, 62–142], а также драгоценные и полудрагоценные камни. Вопрос о металлической парадной посуде в Поволжье и Приуралье не нов. Факт наличия привозных и местных изделий такого рода отмечался в литературе, начиная с первых научных публикаций болгарских древностей (Х.Д. Френ, А.Ф. Лихачев), и традиционно упоминается в обобщающих работах по средневековой тематике (Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов). Основным партнером для Булгарии на протяжении нескольких столетий (XI–XIII вв.) был Иран. Особо выразительны дошедшие до нас предметы художественного металла, распространявшиеся не только у болгар, но и у их соседей.

Находки такого рода известны и на территории самой Волжской Булгарии (Семеновское селище, Билярское городище). Так, найденная на Семеновском острове в Спасском районе Татарстана чаша [Руденко 1990: 211–217] позволяет судить о характере импортируемого товара: предпочтение отдавалось легкому по весу, но дорогому по цене продукту, и стоимость определялась не только самим металлом, но и декорацией.

В основном предметы торевтики использовались в культовых целях финским населением Поволжья и Приуралья. Так, целая серия бронзовых чаш обнаружена на могильниках Поволжья. Выгравированные рисунки на внутренней поверхности чаш изображают птиц и фантастических существ. Однако часто на таких сосудах гравировались геометрические узоры.

Использование редких и дорогих сосудов, таких как чаши, позволяют понять особенности торговых операций, которые осуществлялись болгарскими купцами. Можно выделить несколько вариантов их использования. Первый — в качестве погребального инвентаря (в Малышевском могильнике чаша ставилась у изголовья погребенного вместе с металлическим котлом или

глиняным сосудом). Второй вариант – в качестве сопровождающего инвентаря при кремации на стороне (в Дубовском могильнике чаша помещена вне кремированных остатков). Третий вариант – в качестве содержимого кенотафа (в Нижнестрелковском могильнике чаша помещена вверх дном, закрывая украшения). Четвертый вариант – в качестве жертвенно-поминального комплекса (чаша перевернута вверх дном, под ней – украшения, и все это завернуто в одежду и перетянута кожаным ремнем (Веселово). Пятый вариант - ритуальное разбивание сосуда (сосуд помещен отдельно вверх дном (Нижняя Стрелка).

Связь чаш с поминальным культом кажется очевидной, что уже отмечалось ранее [Никитина, Руденко 1998: 61–62]. В целом же стоит подчеркнуть связь таких сосудов с трупосожжением и культом огня (солнца). Скорее всего, в трупосожжениях чаша выступала уже не как часть сопровождающего инвентаря, а как знаковый объект-символ.

Представляется, что в большинстве случаев основная функция чаш в культовой практике в Поволжском регионе в X–XI вв. - это своеобразное послание в иной мир, посылка, приношение, дар. Не случайно, что в качестве подстилки, оберточного материала и т. п. использовалась береста. Кстати, при погребении берестой часто обертывали металлические котлы. Итак, металлические чаши восточного производства показывают нам те явления, которые были характерны для древнего населения края в VII–XI вв. и были связаны с этнокультурными взаимодействиями и сложными идеологическими представлениями, что, в свою очередь, значительно усиливало потребительную стоимость этого товара.

В XIII в. средневожский рынок насыщается продукцией художественных мастерских из Малой Азии, Восточного Ирана и Кавказа. Это были бронзовые изделия разнообразных форм с гравированным и объемным декором, эпиграфическим орнаментом, мотивами «ислими» и «гириха», с использованием инкрустированных декоративных деталей.

В конце XIV в. в привозном товарном ассортименте появляются изделия сиро-египетских мастеров. Примером может служить блюдо с надписью «хорошая жизнь», найденное у с. Русский Шуган и опубликованное Е.П. Казаковым. А.А. Иванов считает его сиро-египетским изделием XV в. Похожим на него было и блюдо с надписью «знающий» из д. Татарская.

Падение уровня собственного производства в Булгарии отразилось на объемах привозных изделий, особенно восточно-иранских во второй половине XIII в. Из Ирана и Средней Азии в большом количестве ввозились чаши и керамические сосуды, покрытые стеклянкой глазурью с подглазурной росписью. Пользовалась спросом и техническая посуда, которая была как металлической, так и керамической. Так, в Биляре найдены медные кумганы, использовавшиеся как емкость для сыпучих тел.

Весьма важную часть торговли составляли хлопчатобумажные и шелковые ткани, ковры. А. Мец подчеркивает, что из трех основных потребностей человеческого тела – пищи, одежды и жилья – для жителей Переднего Востока самым важным являлась одежда. Искусство одеваться достигло высшего совершенства [Мец 1996: 417]. Дорогие ткани в этот период были наиболее ходким международным товаром [Рыбаков 1948: 327]. Ал-Балхи, автор I-й четверти X в., сообщая о товарах, которые вывозились из Хазарии, подчеркивает, что сама Хазария производила только белужий клей, а все необходимые товары ввозились туда из Булгара, Руси, Куяба. Одежда хазар и соседних с ними народов состояла из курток и верхнего платья. Сами же они не изготавливали материй для платья, а их привозили к ним из Джурджана, Табаристана, Армении, Азербайджана и Византийского государства [Хвольсон 1870: 169]. То, что ткани были обычной статьей торговли в этот период, видно из сообщения Ибн Хаукаля (третья четверть X в). Среди товаров, «...которые купцы вывозят из Андалуса в Магриб, Египет и другие мусульманские страны (отчерк наш – Р.В.),

суть амбра, шафран, золото, серебро, свинец, железо, ртуть, меха выдры, сырой и готовый шелк и преимущественно мужские и женские невольники». Далее его сообщение конкретизируется: «... шелк, весьма тонкие шерстяные платья..., шерстяные юбки, ковры...» [Хвольсон 1870: 222]. Ибн Фадлан сообщает о вышитых коврах [Гаркави 1870: 369]. Думается, что в условиях бурного развития ковроткацкого производства в восточных странах, особенно в Армении [Мец 1996: 421], ковры поступали в Болгарию в качестве товара.

Широко в Болгарии и сопредельных территориях была налажена торговля стеклянными бусами, которые вплоть до XI в. были исключительно привозными [Фехнер 1961: 46–54], да и позже составляли заметную конкуренцию болгарским и золотоордынским изделиям. Украшенные разноцветными вставками разного размера и формы, бусы были очень популярны в этом регионе.

Вместе с бусами в небольших количествах привозилась стеклянная посуда, как правило, небольшие сосуды для благовоний и косметики. Расширение ассортимента импортируемых стеклянных изделий произошло уже в XI–XII вв. На внешний рынок стали поступать изделия болгарских стеклоделов, завозились редкие восточные изделия и стеклянные украшения древнерусского производства. С.И. Валиулиной в результате анализа стеклянных изделий доказано их производство в городах Закавказья, Средней Азии и Византии [Валиулина 2005: 119–126].

Одну из групп импортируемых вещей составляет оружие. Ибн Русте сообщает: «Мечи у них Сулеймановы». Ал-Гарнати также приводит данные о клинках мечей и сабель: «...эти мечи, которые привозят из стран ислама в Булгар, приносят большую прибыль» [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971: 106].

Из различных городов Средней Азии, Ирана сюда поступала керамика. Из городов Мавераннахра в X–XI вв., например, шла богато орнаментированная поливная керамика, из Рея и Кашана в XII–XIII вв. – люстровая керамика. Особо необходимо отметить поступление сфероконов в качестве тары. В них везли ртуть, благовония, пряности, приправы к кушаньям.

В результате тесных торговых связей Болгарии с восточными странами восточная весовая система, обращавшаяся в международной торговле, в IX в. ложится в основу болгарской товарно-денежной системы. Речь идет не о простом заимствовании. Болгарская денежно-весовая система образовалась в IX–X вв. в результате определяющего влияния внешней торговли. На этой базе происходило складывание внутреннего рынка и определение территориальной сферы его воздействия. Широкую известность получил арабский мискаль в 4,26 г, но латунные слитки III–VIII вв. и сасанидские монеты второго типа, приравненные к аттической драхме в 4,25 г, показывают, что эта весовая система была известна раньше IX–X вв. Мискаль в 4,26 г составлял 1/96 часть иракского ратля в 409,512 г, который лежал в основе чеканки болгарских монет и серебряных «саумов». Распространяются и другие восточные весовые нормы [Валеев 1995: 76–87].

Широкая география внешних торговых связей была обусловлена функционированием ряда трансконтинентальных торговых путей. С IX по XII вв. наиболее активными (с небольшими перерывами в 50–60-х гг. XI в.) были северный отрезок Великого Шелкового пути, а также трасса «Путь из Булгара в Киев». Из речных путей – Великий Волжский и Камско-Вятский пути.

Таким образом, тесные экономические и торговые связи Поволжья и Приуралья с развитыми мусульманскими странами определили особенности ее экономической жизни, материальной и духовной культуры населения. В Волжской Болгарии и Золотой Орде применительно к местным историческим условиям внедряются все лучшие достижения этих стран, что во многом определяло роль и значение этих государств в истории Евразии. Поволжье и Приуралье становятся важнейшим звеном в цепочке крупнейших трансконтинентальных путей евразийского континента.

ЛИТЕРАТУРА

- Валеев Р.М.* Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII в. Казань: Фест, 1995. 159 с.
- Валиулина С.И.* Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 277 с.
- Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских (с половины VII в. до конца X в. по Р.Х.) / Собр., пер. и объясн. А.Я. Гаркави. СПб., 1870. 308 с.
- Гекеньян Г.* Ранние сведения о Волге и народах, населявших ее берега // Великий Волжский путь: матер «круглого стола» и междунар. семинара (Казань, 28–29 августа 2001 г.) / Ин-т истории АН Татарстана и др. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 79-91.
- Даркевич В.П.* Художественный металл Востока, VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Дубов И.В.* Великий Волжский путь. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 255 с.
- Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX-X вв. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 280 с.
- Измайлов И.Л.* Балтийско-Волжский торговый путь в системе торговых магистралей и его роль в раннесредневековой истории Восточной Европы // Великий Волжский путь: матер «круглого стола» и междунар. семинара (Казань, 28–29 августа 2001 г.) / Ин-т истории АН Татарстана и др. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 69–78.
- Кирпичников А.Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь: матер «круглого стола» и междунар. семинара (Казань, 28–29 августа 2001 г.) / Ин-т истории АН Татарстана и др. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 9-35.
- Лихачев А.Ф.* О находке патанского динара в 1888 г. // Известия общества археологии, истории и этнографии. Т. IV, вып. 1–2. С. 3-4.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Вим, 1996. 544 с.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А.* Металлическая посуда могильника Нижняя Стрелка // Матер. и исслед. по археологии Поволжья. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. С. 84-90.
- Петрухин В.Я.* Русь, Хазария и водные пути Восточной Европы // Великий Волжский путь: матер «круглого стола» и междунар. семинара (Казань, 28–29 августа 2001 г.) / Ин-т истории АН Татарстана и др. / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 153-163.
- Потин В.М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XIII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. Л.: Наука. 402 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Наука. 1971. 134 с.
- Руденко К.А.* Бронзовая чаша из Семеновского селища // Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья: тез. докл. 1-й регион. науч. конф. Горький: Горьк. гос. ун-т, 1990. С. 211-217.
- Рыбаков Б.А.* Торговля и торговые пути // История и культура Древней Руси. М.; Л.: 1948. Т. 1. С. 315-369.
- Фехнер М.В.* Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII века // Международные связи России до XVII века: сб. ст. / Под ред. А.А. Зимина, В.Т. Пашуто. М.: Наука, 1961. С. 46-54.
- Хвольсон Д.А.* Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу Али Ахмеда бен-Омар ибн Даста. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук. 1870. 214 с.
- Янин В.Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М.: Изд-во Моск. ун-та. 156. 204 с.
- Noonan T.S.* The first major silver crisis in Russia and the Baltic, с. 875 – с. 900 // Hikuin, 1985. № 11. P. 41-50.

Д. Ю. Бадеев

Денис Юрьевич Бадеев,
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия; denisbadeev@mail.ru

Динамика изменений социальной топографии города Болгара второй половины XIII – начала XV в.*

Аннотация. На основе анализа планиграфического и стратиграфического распределения характерных для ремесленных производств предметов (сырье, заготовки, брак, инструменты и производственные комплексы) в статье представлена попытка выделения отдельных ремесленных районов Болгара золотоордынского периода. Сопоставление данных о расположении ремесленных комплексов, характера жилых построек, размеров усадеб, монументальных сооружений (прежде всего, общественных бань) позволяет выделить для золотоордынского Болгара как минимум четыре крупных ремесленных района: торгово-ремесленный район, Заречный район с металлургическим и гончарным производством, район металлургического производства у Черной палаты и гончарный район у Голландского озера. Единовременно они существовали лишь в первой половине XIV в. Городскую периферию в западной и южной части занимали крупные дворовладения, регулярная планировка здесь отсутствовала, застройка носила усадебный характер. Принадлежать данные усадьбы могли местной феодальной элите. Проживание социальной городской верхушки можно соотносить с историческим ядром города, которое сформировалось на месте домонгольской цитадели.

Ключевые слова: археология, средневековый город, ремесло, Золотая Орда, Среднее Поволжье

Денис Юрьевич Бадеев,
РГА Археология институты, Москва қ., Ресей

XIII ғ. екінші жартысы – XV ғ. басындағы Болгар қаласының әлеуметтік топографиясындағы өзгерістер динамикасы

Аннотация. Мақалада қолөнер өндірісіне тән заттардың (шикізат, дайындама, жарамсыз зат, құралдар және өндірістік кешендер) планиграфиялық және стратиграфиялық таралуын талдау негізінде алтынордалық Болгар жеке қолөнер аудандарын анықтауға әрекет жасалды. Қолөнер кешендерінің орналасуы, тұрғын үйлердің ерекшелігі, мекендердің өлшемдері, монументалды құрылымдар (ең алдымен, қоғамдық моншалар) туралы деректерді салыстыру алтынордалық Болгарға тән кем дегенде 4 ірі қолөнер аудандарын анықтауға мүмкіндік береді, олар: сауда-қолөнер ауданы, металлургия және қыш өндірісі бар Заречный ауданы, Қара Палатаның жанындағы металлургия өндірісі ауданы және Голланд көлінің маңындағы көзешілік ауданы. Олар бір мезгілде XIV ғ. бірінші жартысында ғана өмір сүрді. Қаланың шеткі Батыс және оңтүстік бөлігін усадыбалық сипатқа ие, ірі аулалы иеліктер алып жатты, жүйелі жоспарлау бұл жерде болмаған, Мұндай усадыбалар жергілікті феодалдық элитаға тиесілі болды. Әлеуметтік қала элитасының өмір сүруін моңғолға дейінгі цитадель орнында пайда болған қаланың тарихи өзегімен байланыстыруға болады.

Түйін сөздер: археология, ортағасырлық қала, қолөнер, Алтын Орда, Орта Еділ бойы

© 2022 Бадеев Д.Ю.

*Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

Denis Badeev,

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

**Dynamics of changes in the social topography of the city of Bolgar
in the second half of the 13th – early 15th century**

Abstract. Based on the analysis of the planographic and stratigraphic distribution of items characteristic of handicraft productions (raw materials, blanks, scrap, tools, production complexes), the article presents an attempt to identify individual artisan areas of the Bolgar Golden Horde period. Comparison of data on the location of handicraft complexes, the nature of residential buildings, the size of estates, monumental structures (primarily public baths) allow us to identify at least four large handicraft districts for the city of the Golden Horde period: the trade and craft district, the «Zarechny» district (the area of the city located across the river) with metallurgical and pottery production, the metallurgical production district near the «Chernaya palata» (Black Chamber) and the pottery district near the «Gollandskoye ozero» (Holland Lake). At the same time, they existed only in the first half of the 14th century. The urban periphery in the western and southern parts was occupied by large households, there was no regular layout here, the building was of a manor character. These estates could belong to the local feudal elite. The residence of the social urban elite can be correlated with the historical core of the city, which was formed on the site of the pre-Mongol citadel.

Keywords: archaeology, medieval city, craft, Golden Horde, Middle Volga region

Вопросы изучения социальной топографии средневековых городов, в т. ч. восточных и золотоордынских, находятся в центре внимания многих современных исследований, часть из них опирается на традиционные археологические методы исследований, другие используют новые информационные технологии, в первую очередь геоинформационные системы, позволяющие связать большие объемы информации с конкретными участками памятника. Важной составляющей этих исследований является возможность выделения районов, имеющих какую-либо ремесленную специализацию.

Уже с первых лет планомерных археологических работ на Болгарском городище вопросы, связанные с исторической и социальной топографией древнего города, являлись одними из приоритетных направлений в проводимых здесь исследованиях. Работами Алексея Петровича Смирнова и Тамары Александровны Хлебниковой на основе выявленных крупных ремесленных комплексов удалось наметить несколько районов, основная хозяйственная деятельность которых была направлена на производство и обработку железа (на восточной окраине Заречной части Болгара раннего золотоордынского периода и в 160 м к юго-западу от Соборной мечети вблизи Черной палаты) и производство гончарной продукции (на западе Заречной части города и в районе Голландского озера) [Хлебникова 1987].

При этом для описания и характеристики данных районов зачастую использовалась терминология, более характерная для социальной топографии русских средневековых городских центров: так, на схеме Болгарского городища появились «слободы» гончарная (вблизи Голландского озера) и металлургическая (в непосредственной близости от одного из отрогов Большого Иерусалимского оврага). Говорить о границах, внутреннем устройстве и организации пространства данных районов на момент исследований 70-х гг. XX в. было весьма затруднительно. Кроме того, на площади городища оставались значительные «белые пятна». Этот факт привел Алексея Петровича Смирнова, выдающегося исследователя Болгарского городища, к мысли, что социальная топография, основанная на попытках выделения ремесленных кварталов, «не отличается большой четкостью» [Смирнов 1974: 12]. Однако археологические работы последнего десятилетия позволяют вновь вернуться к проблеме выделения специализированных ремесленных районов на территории золотоордынского Болгара (рис. 1).

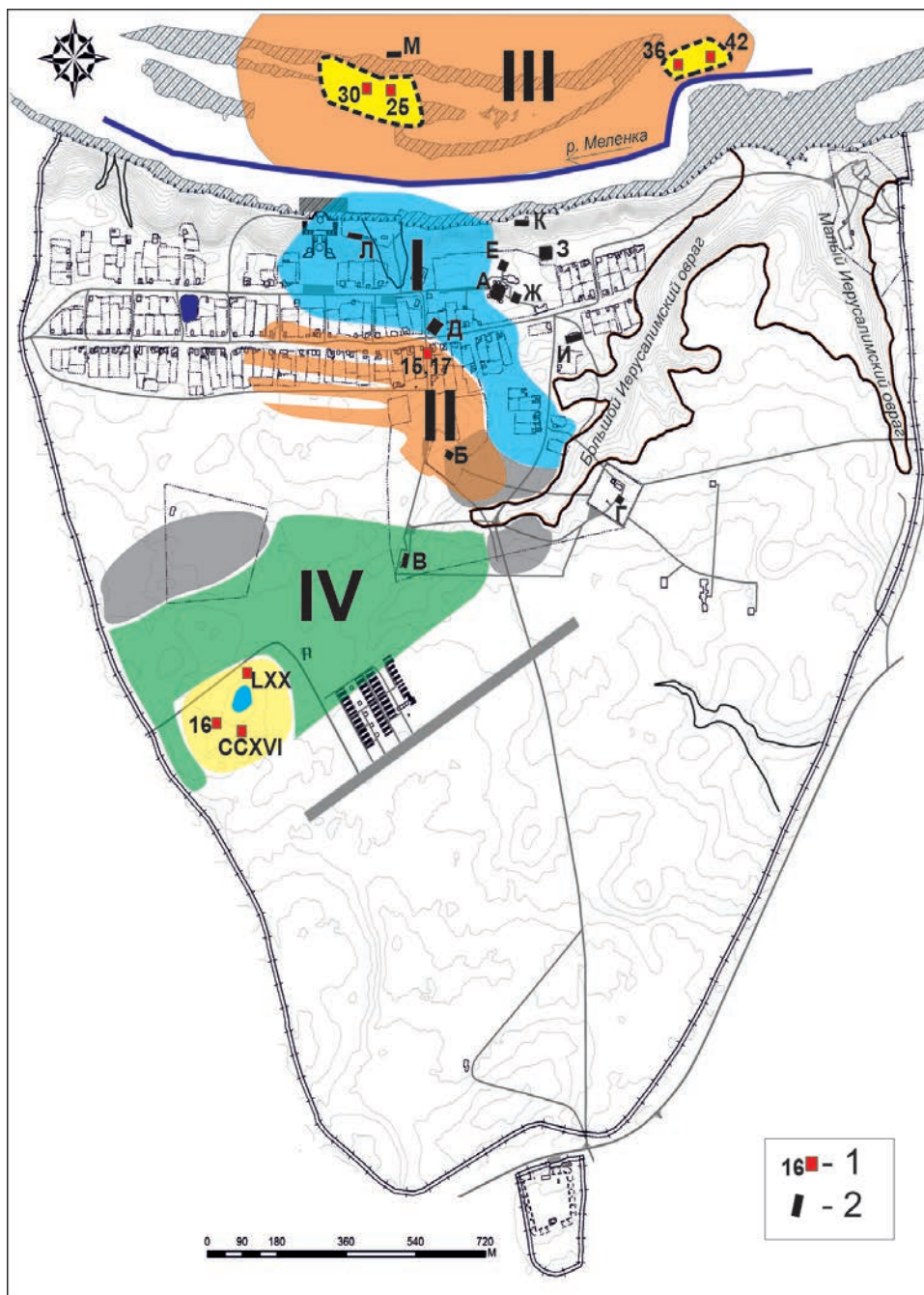

Рис. 1. Схема расположения ремесленных районов Болгара 1-й пол. – сер. XIV в.:

1 – раскопы с указанием номеров; 2 – монументальные сооружения. I – торгово-ремесленный район; II – металлургический район; III – заречный ремесленный район с указанием участков металлургических и гончарных горнов; IV – гончарный район вблизи Голландского озера;

V – центральный район (место расположения цитадели домонгольского периода).

Буквами на схеме: А – Соборная мечеть; Б – Черная палата; В – Белая палата (баня); Г – Малый минарет; Д – здание центрального городского базара; Е – Северная мавзолей; Ж – Восточный мавзолей; З – «Ханский дворец»; И – Восточная палата (баня); К – Красная палата (баня); Л – баня № 2; М – баня № 3

На данном этапе исследований одним из наиболее изученных участков Болгара золотоордынского периода является торгово-ремесленный район, который располагался к западу, юго-западу от Соборной мечети. Район, в значительной степени, был сформирован в рамках пространства ремесленного района предмонгольского периода, который располагался между внутренней и внешней линиями укреплений. В золотоордынский период данные укрепления перестают функционировать в качестве таковых, хотя в рельефе они могли еще выделяться. Именно на этой территории были зафиксированы остатки как минимум пяти производственных комплексов: металлургические и кузнечные горны, площадки для обогащения, обработки бурого железняка (болотной руды) перед тем, как он попадал в камеру горна [Бадеев 2020]. В золотоордынский период металлургическое производство с данной площадки смещается к югу, ближе к устью Большого Иерусалимского оврага. На указанной территории, как показали исследования к юго-западу от Соборной мечети, в золотоордынский период возникает плотная улично-усадебная застройка. Усадебные выстраиваются вдоль улицы и примыкают своими оградами друг к другу. Средняя площадь усадеб в данной части города на протяжении 2-й пол. XIII – сер. XIV в. составляла 610–640 м².

В ходе археологических работ было зафиксировано, что на территории усадеб в период 2-й пол. XIII – сер. XIV в. функционировали ювелирные, косторезные, мастерские, комплексы по обработке цветных металлов, стекла, янтаря, кости и кожи. Важно отметить и то, что на основе локализации производственных объектов (горнов для обработки цветных металлов), наличия всей производственной цепочки – сырье (заготовки), брак (отходы), готовые изделия, инструментарий, а также скопления функционально однотипных изделий или заготовок, удалось локализовать ряд производств с точностью до усадьбы. Представительная коллекция индивидуальных находок отражает достаточно пеструю этнокультурную и социальную составляющие торгово-ремесленного района. Очевидно, что в этом же районе проживали не только ремесленники и купцы, но и свои дворы имели представители более высокого социального статуса.

К середине XIV в. на месте ряда усадеб возводится здание крытого городского базара. Появление крупного здания базара площадью 1258 м² приводит к значительному сокращению площади усадеб в данной части городища. Так, площадь одной из усадеб вблизи базара сокращается почти в 2,5 раза – до 258 м². О характере занятий жителей данных усадеб свидетельствует значительное количество торгового инвентаря (гирьки различных типов и элементы весов). Каких-либо производственных комплексов на них выявлено не было. Постройки в усадебном пространстве располагались как близ внешних границ, так и в центре дворов. Сами постройки были представлены подвалами с каркасно-столбовыми и срубными конструкциями обшивки материковых стен. Минимум две пострадали в результате крупного пожара, в котором погибло и здание базара. Другие подвалы после или в процессе засыпки были использованы под санитарные захоронения. В засыпке данных объектов были обнаружены как целые человеческие костяки в неестественном положении, так и разрозненные кости. Эти жертвы, как и масштабный пожар, следы которого зафиксированы на значительной части Болгарского городища, принято связывать с захватом города Булак-Тимуром в 1361 г. [Жиромский 1958].

На территории данного района в его северо-западной части располагалось еще как минимум одно монументальное строение – здание общественной бани (хамам) – баня № 2. Баня размещалась в подгорной части города и обеспечивала выполнение санитарно-гигиенических потребностей населения торгово-ремесленного района. Тем же целям служила и линия водопровода из керамических труб, уложенных в траншею подтрапецевидного сечения, глубиной не более 100 см. Участок линии водопровода длиной 45,1 м был зафиксирован в раскопе СХII, пересекал

«с севера на юг площадку коренной террасы и направлен с верхнего плато городища вниз по склону, ориентировочно к вскрытой в 1951 г. бане № 2», датируется данный объект по монетному материалу 40-г. XIV в. [Баранов 2001: 342]. Наличие данных объектов свидетельствует о высоком уровне организации как городского хозяйства Болгара в целом, так и подчеркивает достаток и значение рассматриваемого торгово-ремесленного района.

Границы торгово-ремесленного района определяются по характеру планировки (плотная усадебная застройка), организации производства – мастерская в рамках сравнительно небольшой по размеру городской усадьбы, а также с учетом окружающего рельефа, расположением городских некрополей 2-й пол. XIII – XIV в., которые располагались к западу (могильник «Бабий бугор») и юго-западу (некрополь у Черной палаты) от основной части рядовой застройки, восточная граница обозначалась некрополями, которые сформировались еще в домонгольский период вдоль внешнего контура цитадели, а в золотоордынский период на их месте появляются мавзолей – Восточная палата. Кроме того, торгово-ремесленный район от исторического, восточного участка города (места расположения домонгольской цитадели), отделяется и обширной площадью, которая формируется у здания Соборной мечети уже к началу XIV в.

К юго-западу от торгово-ремесленного района в конце XIII – 1-й пол. XIV в. оформляется территория, специализацией населения которой выступает металлургическое производство и, возможно, кузнечное ремесло. Горны, датирующиеся 2-й пол. XIII – XIV в., были зафиксированы в раскопах 15 и 17. Этот комплекс был представлен тремя разновидностями горнов наземного типа: полусферические горны с плоским округлым дном; горны с прямыми вертикальными стенками (до 1 м), одни – с плоским, ровным дном, другие – с чашевидным; высокие горны с вертикальными стенками, большим количеством воздуходушных отверстий и наклонным дном предназначены для получения чугуна [Семыкин 1996: 94–96]. Планиграфическое расположение района металлургов оказывается связанным с возможным местом расположения оборонительных укреплений предмонгольского периода и улицей конца XIII – XIV в. Среди керамики различных этнокультурных групп населения в этом районе преобладает керамика XIII группы – керамика «типа Джукетау», названная так «по месту своего обнаружения в болгарском городе Джукетау на Каме» [Хлебникова 1988: 30, 31]. Кроме того, приблизительно в 50 м к востоку от металлургических горнов в раскопе СХС VI (2015 г.) был выявлен кирпичный двухъярусный горн для обжига керамики, который содержал целые формы сосудов XIII группы и относился к концу XIII – началу XIV в. [Ситдинов и др. 2015: 14]. Среди прочих групп керамики из района металлургов можно отметить круглодонные котлы XIX группы. Именно из ремесленных районов золотоордынского города, в том числе и с площадки обработки железа и чугуна, происходит «85% общего количества этой керамики» [Хлебникова 1988: 47]. Этот факт отчасти может объяснять схожесть форм керамических котлов с болгарскими котлами из чугуна XIV в. Таким образом, район металлургов к юго-западу от Соборной мечети был представлен преимущественно болгарским населением, вероятно, с вливанием переселенцев из Средней Азии. К сожалению, определить характер застройки и способ организации производства на данном этапе исследования затруднительно. Однако именно здесь для 2-й пол. XIII – XIV в. отмечена максимальная концентрация металлургических горнов, в т. ч. и по выплавке чугуна. Что касается границ данного района, то северная и северо-восточная часть района примыкала к торгово-ремесленному району, описанному выше, можно предположить, что в качестве границы выступала одна из магистральных улиц, которые шли как в направлении ССЗ–ЮЮВ, так и в ЮЮЗ направлении от Соборной мечети [Бадеев 2017: рис. 1]. Южную и юго-восточную границу данного района мы вправе проводить, опираясь на рельеф местности, – такой естественной границей становится русло

Большого Иерусалимского оврага. Открытым остается вопрос и с определением западной границы данного района, исследования в данной части памятника были немногочисленными.

Еще один район, связанный с производством и обработкой железа, был намечен на северо-восточной периферии золотоордынского Болгара, в его Заречной части – на правом берегу реки Меленка – раскоп 42. Metallургический горн, зафиксированный в напластованиях раннего золотоордынского слоя (конец XIII – начало XIV в.), значительно отличался от горнов, располагавшихся на верхней площадке городища: сыродутный глинобитный горн цилиндрической формы с керамическим сосудом на дне и ямой для приема шлака. Исходя из большого количества железного шлака (1548 экз.) и 30 обломков сосудов-приемников с прикипевшим к ним железным шлаком, а также сопутствующих раскрошившихся фрагментов обожженной глины – остатки еще одного горна, А.М. Ефимова приходит к выводу, что этот металлургический комплекс работал продолжительный период времени. Горны подобного типа были встречены на территории Восточной Европы X–XIV вв., в т. ч. и на русских средневековых памятниках [Ефимова 1956]. В непосредственной близости от металлургического комплекса, а также в нескольких десятках метрах к северо-востоку от него (раскоп 36), были зафиксированы «древнерусские бытовые комплексы», нательный каменный крестик, заглубленные постройки, аналогии которым исследователи нашли среди сооружений северо-восточной Руси, а также не свойственный для исламского города видовой состав костных кухонных остатков, где доля костей свиней в разных объектах достигала 3,3–4%, не случайно за этим участком городища в историографии закрепилось название «русский поселок» [Ефимова 1956: 140; Хлебникова 1956: 146]. Однако незначительная площадь исследований в этой части городища не позволяет установить какие-либо определённые границы данного района, лишь южную границу можно связать с руслом р. Меленки. Нельзя исключать того, что данный ремесленный район существовал в целом в рамках Заречного района золотоордынского Болгара. Именно в заречной части городища были зафиксированы руины еще одной общественной бани – баня № 3, которая датируется серединой XIV в. «Скудность декоративного оформления интерьеров, отсутствие среди находок поливной посуды и иной парадной утвари свидетельствуют, по мнению исследователей, о том, что баня на правом берегу реки Меленки обслуживала рядовое население одного из посадов» [Шарифуллин 2001: 237]. Конец функционирования бани, как и ремесленного района в Заречной части Болгара, следует связывать с разрушительными последствиями захвата города Булак-Тимуром в 1361 г.

О наличии обширного ремесленного района на правом берегу р. Меленки мы можем говорить и при попытке локализации района гончаров в той же Заречной части Болгара, где на его западной окраине в ходе археологических работ 50-х годов XX в. были выявлены комплекс из четырех гончарных горнов, специализировавшихся на выпуске сфероконусов и красноглиняной посуды, ямы для запасов гончарной глины (раскоп 30), а также в непосредственной близости от них (раскоп 25) остатки горна для обжига кирпича [Бадеев 2018: 83, 86]. Все указанные объекты были датированы в рамках конца XIII – 1-й пол. XIV в. Очевидно, что подобные крупные производственные комплексы, как и аналогичными объектами с Селитренного городища, не могли располагаться на территории отдельных индивидуальных, усадебных мастерских, принадлежавших «горожанину средней руки». Если обращаться к форме организации мастерских в Заречной части, то по материалам анализа Г.А. Федорова-Давыдова аналогичных мастерских с Селитренного городища мы можем соотнести их с крупными мастерскими («кархане»), которые «были в собственности богатых вельмож, купцов, иногда ханов» [Федоров-Давыдов 1989: 238, 239]. Стоит отметить тот факт, что возникновение района гончаров в Заречной части следует связывать не только с необходимостью выноса пожароопасного производства на городскую периферию, наличием свободного пространства, но

и с близостью необходимых для изготовления ресурсов, в т. ч., сырья для керамики и кирпичей. Использование местных глин для производства сфероконов в заречной гончарной мастерской подтверждается и результатами последних исследований. К сожалению, незначительные по площади археологические работы в восточной части Заречного участка Болгарского городища не позволяют установить границы ремесленного района гончаров и характер жилой застройки, однако, других ремесленных комплексов здесь зафиксировано не было.

Иную ситуацию мы можем наблюдать в отношении района гончаров вблизи Голландского озера. Накопленные археологические данные, анализ пространственного расположения характерных находок, жилой застройки, производственной зоны, некрополей, близлежащих монументальных сооружений, линии укреплений, а также особенностей рельефа позволяют определить границы юго-западного района гончаров золотоордынского Болгара. Уже на раннем этапе изучения Болгарского городища, когда на западном берегу Голландского озера в 1948 г. О.С. Хованской были выявлено и исследовано четыре гончарных горна, специализировавшихся на изготовлении крупной тарной посуды, труб, а также сфероконов, копилок и кумганов, за данным участком закрепился статус гончарного района, функционировавшего в XIV в. [Хованская 1954: 358–361]. В ходе работ 1948 г. (раскоп 16) вблизи горнов синхронных жилых построек зафиксировано не было, что позволило автору раскопок О.С. Хованской предположить сезонность использования мастерской, однако исследованиями последующих лет данное предположение было опровергнуто. Вблизи Голландского озера было выявлено еще два крупных комплекса по обжигу керамики. В ходе работ 1980, 1982 гг. на северном берегу озера в раскопе 70 было Г.Ф. Поляковой и И.Н. Васильевой исследовано четыре горна, объединенных общей предгорновой ямой. Здесь же зафиксированы столбовые ямы, ямы для хранения глины, а также остатки двух предшествующих горнам жилищ, сам комплекс мастерской был датирован серединой XIV в., и прекратил работу к началу 60-х гг. XIV в. [Полякова 1980]. С трагическими событиями начала 60-х гг. XIV столетия связано прекращение функционирования еще одной мастерской, которая была изучена в раскопе 216 (2016 г.) на южном берегу Голландского озера. Здесь было зафиксировано четыре горна для обжига керамики, «объединенные общей для всех сооружений большой предгорновой ямой», горны функционировали одновременно, мастерская, связанная с горнами, специализировалась на производстве сфероконических сосудов, каких-либо жилых построек в рамках раскопа обнаружено не было [Бочаров 2018: 266, 267]. Как и в случае с гончарными горнами в Заречной части Болгарского городища, мастерские у Голландского озера относились к крупным ремесленным производствам, что надежно позволяет соотнести данный участок золотоордынского Болгара 30–60-х гг. XIV в. с гончарным районом.

К северу и северо-западу от Голландского озера, в 1969 г. при проведении водопроводной траншеи были зафиксированы наземные (глинобитно-кирпичные печи) и заглубленные (подпольные ямы) части жилых домов гончаров, а также четыре ямы-хранилища гончарных глин – сооружения № 7–10 [Аксенова 1969]. Ямы использовались для вылеживания и смешивания гончарных глин. Использование в качестве сырья «смеси разных глин» являлись, по мнению И.Н. Васильевой, характерной болгарской технологической традицией [Васильева 1993: 110].

Продолжение жилой застройки к востоку и северо-востоку от Голландского озера было прослежено и в раскопах 1978–1979 гг. (раскопы 61–64, 66), где были зафиксированы остатки землянок, полуземлянок, подпольев наземных домов, хозяйственных и зерновых ям, в заполнении которых присутствовали следы меднолитейного, железообрабатывающего и косторезного ремесел, бытовали данные постройки, по мнению авторов раскопок, с 20-х гг. XIV в. до разгрома города в 1361 г., хотя среди нумизматического материала присутствовали и монеты, относящиеся

к концу XIII в. Наличие сопутствующих основному гончарному производству иных ремесел и производств, прежде всего, ювелирного и косторезного, было отмечено и для гончарных районов Селитренного городища [Федоров-Давыдов 1989: 237, 238]. Основные объекты – заглубленные ямы подпрямоугольной формы, связанные с жилыми постройками, были ориентированы углами по осям СВ–ЮЗ и образовывали ряды по линии З–В. Объекты не нарушали целостности друг друга, что свидетельствует о синхронности их бытования и «регулярности застройки с самого начала обживания прежде не обитаемого района» [Аксёнова, Полубояринова 2005: 146].

В определении границ жилой застройки района гончаров особый интерес представляет расположение находок четырех подставок для изготовления поливной посуды («сипай»), которые были «выполнены из хорошо обожженной местной глины коричневого цвета с добавлением мелкого песка и органики» [Валиев и др. 2014: 126]. И хотя вопрос о производстве поливной керамики в золотоордынском Болгаре до сих пор остается дискуссионным, сложно представить себе, что подобные предметы могли бы быть интересны кому-либо еще кроме ремесленников гончаров. Данный «инструментарий» гончаров в количестве 3 ед. был найден в раскопе 133 (1998 г., исследователь М.М. Кавеев), который располагался между Малым минаретом и Белой палатой у отрога Большого Иерусалимского оврага. Обнаружение в рамках данного раскопа 25000 фр. керамики и «керамического шлака» (производственного брака) позволяет допустить использование участка вблизи оврага в качестве места утилизации производственных отходов. Ещё один происходил из заполнения заглубленного объекта, датированного по нумизматическому материалу 40-ми гг. XIV в., в раскопе 169 (2012 г.), который был заложен на площадке между Галанкиным озером и зданием бани Белая палата [Валиев и др. 2014: 126]. Таким образом, северо-восточная окраина района гончаров к сер. XIV в. могла достигать верховьев Большого Иерусалимского оврага, где с востока её ограничивает появившийся здесь крупный некрополь, который был перенесен сюда с северного берега Большого Иерусалимского оврага в связи с необходимостью возведения на том месте здания Черной палаты [Баранов и др. 2014: 449].

Еще с одним городским некрополем «у западного вала» можно связывать северную границу района гончаров. При прокладке водопроводных труб в 300 м к северу от Галанкина озера в траншеях 1976, 1980 гг. и в связанных с ними раскопах 72, 74 были выявлены остатки редких жилых сооружений начала XIV в., которые к середине XIV столетия сменяются грунтовым могильником. По наблюдениям Н.Д. Аксеновой, исследовавшей данный некрополь, погребения были выполнены по мусульманскому обряду, «но без строгого соблюдения ориентирования могильных ям на запад-восток», «сохранность костяков очень плоха», «головой все костяки ориентированы на запад или юго-запад», «кладбище, по-видимому, <...> принадлежало рядовым горожанам» [Аксенова 1973: 225]. Приблизительные размеры некрополя могли составлять 120×100 м, было исследовано 39 погребений.

Южную границу района можно провести, учитывая плотность застройки, которая к югу от раскопов 61–64, 66 была представлена отдельными жилыми объектами, располагавшимися на значительном удалении друг от друга, а также наличием в этой части некрополей вблизи зданий мавзолеев. К середине XIV в. оформляется западная граница района гончаров – возводятся городские укрепления, представленные валом со рвом. Таким образом, общая площадь района гончаров в юго-западной части золотоордынского Болгара к середине XIV столетия составляла не менее 43,5 га. В состав района входила рабочая зона, сформированная как минимум из трех крупных мастерских вблизи водоема (Голландского озера), зона основной жилой застройки, которая размещалась к северу и северо-востоку от рабочей зоны. Она протянулась с запада на северо-восток от западной линии укреплений до верховьев Большого Иерусалимского оврага. С восточной периферией района

гончаров соотносится здание общественной бани Белая палата. Северную часть района занимал некрополь, который, как и весь гончарный район, просуществовал вплоть до 60-х гг. XIV в. После разрушительных событий, связанных с захватом города Булак-Тимуром, какая-либо деятельность на этом участке городища полностью прекращается.

На сводном плане районов Болгара золотоордынского периода остаются еще значительные «белые пятна». Часть из них – южная периферия – уже на данном этапе исследований может быть заполнена неплотной застройкой крупных усадеб – характерных и для периферийных районов многих золотоордынских городских центров. Другие участки, находящиеся под водами Куйбышевского водохранилища, вероятно, навсегда останутся «terra incognita». Район к востоку от Соборной мечети, как и участок в близи Малого минарета, ещё ждут своих исследователей. На особое значение первого участка могут указывать как ряд статусных находок, так и такие монументальные сооружения, как здание т. н. «Ханского дворца» и общественной бани («Восточной палаты»). Кроме того, именно здесь располагалось историческое ядро города – цитадель домонгольского периода. Район вблизи Малого минарета выделяется по типу расположенных здесь жилищ: здесь раньше других (в конце XIII в.) участков на Болгарском городище появляются жилые постройки с отопительной системой типа канов, более характерные для нижеволжской градостроительной традиции. Жилых построек с иным характером отопления здесь встречено не было [Аксенова 1973: 225]. Отсутствуют в юго-восточной части городища и следы наличия крупных ремесленных производств, что также позволяет видеть в этом районе золотоордынского Болгара некую элитарность. Будет допустимым предположить, что в этой части города селились выходцы из столичных золотоордынских центров, которые выполняли административную функцию, например, занимались сбором налогов. Мало изучен в археологическом плане и участок, образованный слиянием Большого и Малого Иерусалимских оврагов. Таким образом, социальная топография Болгара, безусловно, требует своего дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксёнова Н.Д. Отчет о работах на Болгарском городище в 1969 году // Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 8-1. С. 20-28.
- Аксенова Н.Д. Жилые дома в Болгарах в районе Ханской усыпальницы и Малого минарета (По материалам раскопок 1967–1971 гг.) // СА. 1973. № 4. С. 218-226.
- Аксёнова Н.Д. Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 г. на траншеях № 5–6 водозабора и на раскопах 72, 74 (при траншеях) // Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 67-1. КП-406.
- Аксёнова Н.Д., Полубояринова М.Д. Исследование ремесленного района в юго-западной части Болгарского городища // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). М-лы II Всерос. конф. «Поволжье в средние века» (Казань – Яльчик, 25–28 сентября 2003 г.) / Отв. ред. Руденко К.А. Казань: Школа, 2005. С. 133-156.
- Бадеев Д.Ю. Улицы средневекового Болгара // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 24-35.
- Бадеев Д.Ю. Ремесленные районы золотоордынского Болгара: попытка локализации // Археология Евразийских степей. 2018. № 5. С. 81-86.
- Бадеев Д.Ю. Ранний металлургический комплекс с территории домонгольского Болгара // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2020. Вып. XVI. С. 53-62.
- Баранов В.С. Вопросы благоустройства города Болгара и их археологическое изучение // Федоров-Давыдов Г.А. Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 319-364.
- Баранов В.С., Беляев А.В., Ситдииков А.Г. К вопросу о локализации одного из городских некрополей в южной части Болгарского городища // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Т. III. Казань: Отечество, 2014. С. 447-450.

- Бочаров С.Г.* Археологические исследования гончарных горнов на Болгарском городище в 2016 году (раскоп ССХVI) // Поволжская археология. 2018. № 2 (24). С. 253–269.
- Васильева И.Н.* Гончарство Волжской Булгарии в X–XIV вв. Екатеринбург: Наука, 1993. 264 с.
- Валиев Р.Р., Храмченкова Р.Х., Ситдииков А.Г.* К вопросу о производстве поливной керамики в средневековом Болгаре // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / Отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Т. IV. Казань: Отечество, 2014. С. 125-128.
- Ефимова А.М.* Новые данные о болгарской металлургии // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 135-140.
- Жиромский Б.Б.* К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. 1958. № 1. С. 88-96.
- Полякова Г.Ф.* Отчет о работе на Болгарском городище в 1980 году. Раскоп LXX // Документальный фонд БГИАМЗ. Инв. № 66-1. КП-405.
- Ситдииков А.Г., Бочаров С.Г., Валеев Р.Р., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Куликов А.В., Лесная Е.С., Яворская Л.В.* Раскоп СХСVI // Ситдииков А.Г., Валиев Р.Р., Старков А.С. Археологические исследования 2014 г.: Болгар и Свияжск. Казань: ИД «Казанская недвижимость», 2015. С. 13-15.
- Семыкин Ю.А.* Черная металлургия и металлообработка на Болгарском городище // Федоров–Давыдов Г.А. Город Болгар: ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана. 1996. С. 88-153.
- Смирнов А.П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Смирнов А.П., Федоров–Давыдов Г.А. Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 4-13.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Смирнов К.А. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133-248.
- Хлебникова Т.А.* Древнерусское поселение в Болгарах // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 141-147.
- Хлебникова Т.А.* История археологического изучения Болгарского городища. Стратиграфия. Топография // Федоров-Давыдов Г.А. Город Болгар. Очерки истории и культуры. М.: Наука. 1987. С. 32-88.
- Хлебникова Т.А.* Неполивная керамика // Федоров–Давыдов Г.А. Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 7-102.
- Хованская О.С.* Гончарное дело города Болгара // Смирнов А.П. Куйбышевская археологическая экспедиция. МИА. № 42. М.: Наука, 1954. С. 340-368.
- Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Федоров-Давыдов Г.А. Город Болгар. Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука. 2001. С. 224-267.

Е. И. Нарожный

Евгений Иванович Нарожный,
Карачаево-Черкесский государственный университет,
г. Карачаевск, Россия; zai_ein@nail.ru

Подкурганные сырцовые «оградки» золотоордынского времени: некоторые аспекты изучения

Аннотация: Погребальные сооружения из сырцового и обожженного кирпича в курганах хорошо известны в границах Золотой Орды. Разнотипные их конструкции воспринимают различно: как «площадки» («вымостки»), «оградки», «склепы», «склепы-мавзолеи» и «мавзолеи». Сегодня предлагают все их рассматривать только как «мавзолеи», истоки которых следует искать в материалах городских некрополей. Однако мавзолеи – исключительно наземные мемориальные постройки, имевшие отличия от подкурганных конструкций. Являясь эволюционным развитием тюркских традиционных вымосток и оградок из булыжника, это примеры развития тех же традиций в условиях повседневности золотоордынского времени. Вероятно, сырцовые сооружения имеют признаки явного и подчеркнутого их социального престижа. «Мода» на использование кирпичей в погребальной обрядности ставится характерной не только для кочевников степной зоны, но и для городских некрополей мусульман Золотой Орды. Одним из аргументов в пользу предположения можно считать наличие монет нач. XIV в. в одной из «оградок» и сведения «аль-Кифаи» (1347 г.) об использовании в закладах ляхда могил камыша, дерева или сырцового кирпича. Актуальность дальнейшего интереса к подобным сооружениям из кирпичей требует как максимально полного учета известных объектов, так и их типологии и всех их стратиграфических обстоятельств.

Ключевые слова: Золотая Орда, тюркские оградки, подкурганные сырцовые погребальные сооружения, оградки, склепы-мавзолеи или мавзолеи?

Евгений Иванович Нарожный,
Қарашай-Черкес мемлекеттік университеті, Карачаевск қ., Ресей

Алтынорда кезеңінің оба асты шикі кірпіш «қоршаулары»: зерттеудің кейбір аспектілері

Аннотация: Обалардағы шикі және күйдірілген кірпіштен салынған жерлеу құрылыстары Алтын Орда шекарасында жақсы белгілі. Олардың әр түрлі құрылымдары «алаңдар» («төсемдер»), «қоршаулар», «сағаналар», «сағана-кесенелер» және «кесенелер» ретінде әр қилы қабылданады. Бүгінгі таңда олардың барлығын бастауын қалалық қорымдардың материалдарынан іздеу керек тек «кесенелер» ретінде қарастыру ұсынылады. Алайда, кесенелер – оба асты құрылымдарынан ерекшелігі бар тек қана жер үстіндегі мемориалдық ғимараттар. Түркілердің дәстүрлі жұмыр тастан төселген тас-төсеулері мен қоршауларының эволюциялық дамыған түрі бола отырып, бұл алтынорда заманының күнделікті өмірінде сол дәстүрлердің дамуының мысалдары болып табылады. Мүмкін шикі кірпішті құрылымдарда олардың әлеуметтік беделінің айқын және ерекше белгілері бар шығар. Кірпіштерді жерлеу рәсімдерінде қолдану «сәні» тек дала аймағының көшпенділеріне ғана емес, сонымен қатар Алтын Орда мұсылмандарының қалалық қорымдарына да тән болды. Болжамның пайдасына шешілетін дәлелдердің бірі «қоршаулардың» бірінен XIV ғ. басына жататын монеталардың табылуы мен бейіт ақымында қамыс, ағаш және шикі кірпіштің қолданылғаны туралы «әл-Кифаи» (1347 ж.) дерегіндегі мәліметтердің кездесуі болып табылады. Кірпіштен жасалған осындай құрылыстарға одан әрі қызығушылықтың өзектілігі белгілі нысандарды, сондай-ақ олардың типологиясын және олардың барлық стратиграфиялық жағдайларын барынша толық есепке алуды қажет етеді.

Түйін сөздер: Алтын Орда, түркі қоршаулары, оба асты шикі кірпіштен қаланған жерлеу құрылыстары, қоршаулар, сағана кесенелер немесе кесенелер?

Evgeny Narozhny,

Karachay-Cherkess State University named after U. D. Aliyev,
Karachayevsk, Russia**Sub-kurgan raw «fences» of the Golden Horde time: some aspects of the study**

Abstract: Burial structures made of raw and burnt bricks in mounds are well known within the borders of the Golden Horde. Their designs of different types are perceived differently: as “platforms” (“pavements”), “fences”, “crypts”, “crypts-mausoleums” and “mausoleums”. Today, it is proposed to consider all of them only as “mausoleums”, the origins of which should be sought in the materials of urban necropolises. However, mausoleums are exclusively ground-based memorial buildings that had differences from underground structures. Being an evolutionary development of the Turkic traditional paving stones and cobblestone fences, these are examples of the development of the same traditions in the everyday conditions of the Golden Horde time. Probably, the raw structures have signs of their obvious and emphasized social prestige. The “fashion” for the use of bricks in funeral rites is characteristic not only for the nomads of the steppe zone, but also for the urban necropolises of the Muslims of the Golden Horde. One of the arguments in favor of the assumption can be considered the presence of coins of the beginning of the 14th century in one of the “fences” and information “al-Kifai” (1347) about the use of reed, wood or mud brick graves in the laying of *lyakhda*. The relevance of further interest in such structures made of bricks requires both the fullest possible consideration of known objects, as well as their typology and all their stratigraphic circumstances.

Keywords: Golden Horde, Turkic fences, buried raw burial structures, fences, sklkps-mausoleums or mausoleums?

Интересующая нас проблема, входящая в круг научных интересов автора, прежде всего акцентирует внимание на ныне известных подкурганых кирпичных погребальных сооружениях с территории Северного Кавказа. Однако эта территория – всего лишь небольшая часть огромного ареала, в границах которого такие археологические объекты сегодня известны, хотя и с разной степенью информативности.

Среди северокавказских подкурганых сооружений из сырцового кирпича известно захоронение в кургане у станицы Курчанской (ныне – Темрюкский район Краснодарского края), раскопки проф. Н.П. Кондакова [ОАК 1880: V–VI]. Еще одно такое погребение упомянуто в кургане № 1 известного Белореченского курганного могильника на Кубани¹ и было исследовано Н.И. Веселовским. В данной конструкции отмечается лишь наличие у нее «свода из сырцового кирпича»² [Левашева 1952: 168, прим. 5]. К таким же объектам, вероятно, следует отнести и развал сырцовых кирпичей разрушенного подкурганного сооружения в Пятигорье, о котором сообщал А. Фиркович [Нарожный 1988: 159–172]; скудная информация сохранилась и о кирпичном сооружении в одном из курганов Чечни [Даутова, Мамаев 2010: 128–131; Нарожный 2017а: 122–132]. Позднее были зафиксированы кирпичные погребальные сооружения в курганах Кабардино-Балкарии [Нарожный 1988: 159–172; Зиливинская 2016: 88], хотя и о них развернутая информация до сих пор отсутствует. Ситуация несколько изменилась в связи с исследованием и публикацией кирпичных сооружений из нескольких курганов на Ставрополье [Бабенко 2009: 18–26; 2012: 193–231], а также из двух сильно разрушенных курганов, входивших в состав Новопавловского курганного могильника (Ставропольский край) [Нарожный, Охонько 2007: 12–22, Охонько 2010: 88–

¹ Сегодня курганы этого некрополя включают в пределы локальной средневековой «белореченской археологической культуры», соотносимой с предками современных адыгов [Фоменко 2018: 117–124]. С аргументацией на этот счет согласиться сложно [Чхаидзе, Дружинина 2018: 507–509; Нарожный 2022а: 35–40].

² Вероятно, речь идет о «склепе».

96]³. Однако над погребением из Курчанской⁴, как и над захоронениями № 4 и 8 Новопавловского могильника (табл. 1, вид 1, 1) на Ставрополье [Нарожный, Охонько 2007: 127], имелись «настилы» из сырцового кирпича. Другие сооружения с разных территорий Золотой Орды представлены иными типами сырцовых конструкций (табл. 1).

В свое время считалось, что такие «погребения были известны только в Поволжье» [Федоров-Давыдов 1966: 131]. Сегодня интересующий нас тип захоронений географически распространен гораздо шире. Помимо указанных, количественно немногочисленных объектов на территории Северного Кавказа и, также, с не совсем ясной историко-культурной атрибуцией, они тяготеют к таким же или несколько отличающимся от них планиграфически подкурганным захоронениям в сооружениях из сырцового кирпича, зафиксированным на других сопредельных территориях. Попытки максимально полного их учета уже предпринимались несколько раз [Яворская 1999а-б; Нарожный, Охонько 2007: 31; Бабенко 2012: 193; Нарожный 2017а: 122–132; Зиливинская 2016: 86–105]. Однако ныне очевидна необходимость новых дополнений этих сводок ссылками на совершенно новые публикации таких же материалов, выявленных на разных территориях. Прежде всего – это территория Подонья [Чхаидзе 2010: 359–362; 2014: 239–261], Волго-Донского междуречья и Поволжья [Рыков 1936: 121; Федоров-Давыдов 1966: 131; Мамонтов 1992: 17–49; Круглов, Клепиков 1993: 146–148; Ким 1993: 173–183; Дьяченко и др. 1995: 84–88; Васильев 1998: 101–112; Яворская 1999б: 249–250; Мыськов 2003: 216–236 и сл.; Дворниченко, Зиливинская 2005: 281–303; Васильев и др. 2012: 14–22; Мыськов 2015; Марыксин 2016: 76–86 и др.], в Калмыкии [Рыков 1936: 121; Археологические памятники 1990; Бабенко 2009: 18–26 и др.], на территории Оренбуржья и Приуралья [Иванов, Кригер 1988: 62; Кригер 1986: 121; Гарустович 1993: 86–90; 1995: 184–185, рис. 3; 4; Матюшко 2016а: 155–160; 2016б; Марыксин 2009: 311–320; 2010: 162–175; Матюшко, Марыксин 2014: 404–406] и Казахстана [Синицын 1956: 87–140; Бисембаев 2003; Кригер 2012; Марыксин 2010: 162–175; 2012: 243–248 и др.]. Преимущественно основная масса учтенных выше погребальных сооружений – из сырцового кирпича, лишь отдельные из них из кирпичей обожженных.

Исчерпывающей хронологической и этнокультурной атрибуции интересующих сооружений, на наш взгляд, сильно мешает существующий разнородной и полифония взглядов, различия в подходах к восприятию таких объектов. Несмотря на известную попытку А.И. Ракушина создать типологию таких сооружений [Ракушин 1993: 170–175], во многом вызвавшую критическое отношение

³ Несмотря на хронологическую разность двух изданий материалов этого могильника – 2007 и 2010 гг., в 2010 году была опубликована старая версия статьи, подготовленная еще в нач. 1980-х гг. и находившаяся в архиве. В издании 2007 г. – полный и развернутый (монографический) вариант раскопочных материалов и их атрибуции. Учитывая появление новых данных – материалов охранных раскопок остатков печи для обжига керамики, связанной с окраиной синхронного поселения (?), находившемся на удалении от Новопавловского курганного могильника, речь ныне ведется о «Новопавловском археологическом комплексе» [Нарожный 2014: 68–73].

⁴ Захоронение было с частью скелета лошади, под которой находилась деревянное «гробница» в виде большой колоды из четырех толстых брусьев, схваченных по углам железными скобами. Внутри колоды скелет человека не сохранился. Череп лошади с удилами и стремянами; в гробу – шлем-«шишак», сабля, кольчуга, медная посеребренная чашечка, глиняный сосуд и железный котелок с дужкой, наконечники стрел. «Чашечки» небольших размеров помимо погребения у Курчанской известны и в других кочевнических захоронениях Северного Кавказа [Лычагин, 2006; Лычагин, Нарожный 2022 и др.]. Судя по сводке металлических котлов из кочевнических захоронений Предкавказья, основная их масса – это бронзовые котлы, хотя среди них были и единичные железные котлы с железной дужкой [Чхаидзе 2015: 280–291]. Захоронение из Курчанской В.Н. Чхаидзе относит данный комплекс к «XII–XIII вв.» [Чхаидзе 2009: 122], хотя наиболее вероятной датой комплекса следует считать XIII–XIV вв.)

[Мыськов 2003: 224–225; Зиливинская 2016: 86–105], значительных уточнений требуют и новые попытки таких же типологий [Зиливинская 2016: 92–99], демонстрируя актуальную потребность в продолжении такой работы на перспективу.

Оставляя открытой проблему выработки дробной и типологически исчерпывающей классификации подкурганных сооружений из сырцовых кирпичей, по-прежнему требующей, вероятно, привлечения коллективных усилий для обсуждения, коснемся лишь вопроса о *терминологическом* определении таких построек.

Такие сооружения в специальной литературе обозначались различно: в одних случаях речь шла просто о «кладках из сырцового кирпича» [Мамонтов 1992:47], о «подкурганных кирпичных выкладках» [Недашковский 2008: 27], «сырцовых кладках» или же о «подкурганных архитектурных сооружениях из сырцового кирпича» [Дьяченко и др. 1995: 85–86] и т. п. В абсолютном большинстве случаев такие сооружения называли «оградками из сырцовых кирпичей» [Федоров-Давыдов 1966: 131; Ракушин 1993: 170–175; Яворская 1999б: 245 и др.]; «оградками» их продолжают называть по сей день [Нарожный, Охонько 2007; Матюшко 2007: 520; Бабенко 2009: 18–26, 2012: 193–231; Марыксин 2009: 311–320; 2010: 162–175; 2012: 243–248; 2016: 76–86 и др.]. Между тем часть северокавказских подкурганных сооружений из сырцового кирпича идентифицировали и с другими типами погребальных и архитектурных строений, называя их, например, «мазаром» [Белинский и др. 2000: 17–18], а в других случаях то же самое сооружение воспринимали и как «склеп» [Доде 2001: 66–68]. Близкие сооружения из сырцового и обожженного кирпичей называли «склепами-мавзолеями» [Круглов, Клепиков 1993: 150; Зиливинская 2011: 49–53; Васильев и др. 2012: 14–22], а также «мавзолеями» [Васильев 1998: 101–112; Власкин и др. 2006: 80; Матюшко 2016а: 155–160; 2016б и др.]. Другие авторы, на чем акцентирует внимание исследователей Э.Д. Зилинская, «публикуя погребальные сооружения из могильников Ставрополя», например, «В.А. Бабенко по традиции, на всякий случай, называет их оградками, хотя потом приходит к выводу, что они имели перекрытие и, следовательно, были мавзолеями [Бабенко 2012: 205–206]» [Зиливинская 2016: 99]. В итоге Э.Д. Зиливинская заключает: таким образом «подкурганные сырцовые оградки» – это «археологический миф» [Зиливинская 2014б: 454–466], «от которого следует отказаться. Если соотносить большую часть “оградок” с мавзолеями, то количество мемориальных памятников Золотой Орды удвоится», при этом она вполне справедливо оговаривает: «Конечно, существует ряд конструкций, которые нельзя однозначно интерпретировать как мавзолеи» [Зиливинская 2016: 99]. На самом деле подобный подход в своей основе умозрительный, включает далеко не все. Э.Д. Зиливинская, как представляется нам, не учитывает всех аргументов одного из своих предшественников – Л.Т. Яблонского, в свое время разрабатывавшего типологию погребальных сооружений Золотой Орды, на что мы уже указывали [Нарожный, Охонько 2007: 31]. Этот исследователь особо подчеркивал: такие надмогильные конструкции, как *мазары, дюрбе и мавзолеи* – это исключительно наземные погребальные сооружения [Яблонский 1975: 76], но, отнюдь, не подкурганные. Возражая по этому поводу нам, а почему-то не аргументам Л.Т. Яблонского, Э.Д. Зиливинская, на примере публикации Новопавловского сооружения и его атрибуции, считает «довольно странным этот вывод» (имеется в виду его предварительная атрибуция сооружения как «сырцовой оградки»), полагая, что «большинство исследуемых архитектурных объектов археологи вынуждены выкапывать из земли. Если следовать этой логике, то все они находятся под курганами» [Зиливинская 2016: 99]. С таким подходом согласиться достаточно сложно. Тем самым проблема сильно «упрощается» указанным специалистом. Но здесь, как и во многих других случаях, достаточным может быть не столько тот факт, что такие объекты «выкапываются из земли», сколько стратиграфическая специфика собственно курганов и курганообразных

всхолмлений над реальными, хотя и сильно разрушенными мавзолеями, склепами или оградками, дошедшими до нас. Часть «мавзолеев», например, фиксировалась даже на уровне их фундаментов или чуть выше их. Не всегда, но зачастую раскопки таких объектов, не вызывающих сомнений в их реальной атрибуции в качестве «мавзолеев», сопровождалась обилием или заметным присутствием на поверхности всхолмлений или в раскопчном материале не только битого строительного материала, но и фрагментов архитектурного декора, некогда украшавшего фасады таких построек [Нарожный 2017б: 513–538]. Свидетельства такого характера, присутствовавшие в описаниях авторов XVIII в., достаточно подробно приводит Э.Д. Зиливинская [Зиливинская 2010: 56]. Каждый из мавзолеев, находившихся, например, между ж/д ст. Золотушка и Скачки, как и у ст. Белый Уголь на Кавминводах, представляли собой «хорошо задернованный холм» с воронкой посередине и заметно выступавшими обожженными кирпичами, «а также небольшие кусочки кирпича с голубой поливой»⁵. У зданий сохранились и остатки *фундаментов* из плит мергеля [Палимпсестова, Рунич 1974: 230], чего нет у интересующих нас сырцовых оградок. Аналогичное демонстрируют и раскопчные материалы исследованных золотоордынских мавзолеев в западных районах Золотой Орды [Зиливинская 2014а: 256–281], а также в Мохше-Наровчате [Алихова 1973: 226–237] и на Водянском городище в Поволжье [Егоров 1980: 74–89]. Верхние уровни остатков исследованных там мавзолеев были покрыты «сплошным завалом (мощностью до 0,5 м) из обломков и целых обожженных кирпичей», отмечена и часть каменного цоколя (необработанные камни на глинистом растворе) с крупными камнями по внешнему контуру и забутовкой между ними [Егоров 1980: 74–75 и сл.]. Если учитывать наличие сырцовых мавзолеев Западного Казахстана, приводимых в качестве одного из главных аргументов в пользу интерпретации абсолютного большинства сырцовых сооружений в Золотой Орде, сходство которых базируется, как правило, лишь на основе их планиграфической близости [Зиливинская 2016: 96, рис. 5 и др.], то это явно недостаточный аргумент. Отсутствие каких-либо следов от некогда высоких сырцовых стен от предполагаемых «сырцовых мавзолеев», скорее всего, оплывших к моменту раскопок (из такого грунта должна состоять и основная часть насыпи над остатками сооружения), – еще один аргумент не в пользу рассматриваемой версии. Возникает и масса других вопросов, не позволяющих такое отождествление с «мавзолеями» считать реальным.

Помимо собственно «мавзолеев» и «склепов», как полагает Э.Д. Зиливинская, «известно некоторое количество достаточно монументальных подземных или полуподземных сооружений, рассчитанных на коллективные захоронения. Наиболее точно их сущность отражает название склепы-мавзолеи» [Зиливинская 2012: 22]. Но и здесь вновь не учитывается *разность* двух категорий *различных* типов погребальных сооружений – мемориальных наземных усыпальниц, называемых *мавзолеями* и *склепами*, но явно отличающихся от мавзолеев. Склепы были «подземными и полуподземными» погребальными сооружениями. По Э.Д. Зиливинской, «склепом называется любая сводчатая гробница, чаще всего, заглубленная в землю». Как правило, их «погребальные камеры различной конструкции часто встречаются в мавзолеях»⁶ [Зиливинская 2012: 21–22]. Можно сравнивать эту категорию погребальных сооружений с синхронными склепами, например, Северного Кавказа, чуть более лучше изученными и явно развивавшимися под прямым воздействием архитектурных тенденций Золотой Орды, хотя склепы эти строились и использовались населением, так и не подпавшим под систему политико-экономического диктата Золотой Орды. Северокавказские «склепы» обычно подразделяют на подземные, полуподземные и наземные; они, отличаясь от склепов Золотой Орды – из камня, но также с ложным сводом и пр.

⁵ Эти курганообразные всхолмления достаточно сложно «перепутать» с курганами.

⁶ Уже по этой причине «склеп» вряд ли можно называть «склепом-мавзолеем».)

На этом фоне выделение такой категории погребальных сооружений, как «склеп-мавзолеи» вызывает определенные возражения, т. к. одним термином, хотя и через дефис, «объединяют» два разных типа погребальных сооружений. К тому же есть и пример включения в группу «склепов-мавзолеев» погребального сооружения под полом мечети городища «Нижний Джулат» в Кабардино-Балкарии⁷ [Чеченов, Зиливинская 1999: 201–210; Васильев 2003: 110–119; Зиливинская, Чеченов 2004: 138–159]⁸.

Таблица 1 – Несколько видов кирпичных и булыжных площадок («вымосток», «настилов») и «оградок» домонгольского и золотоордынского периодов

Подкурганные сооружения из кирпича, камней и булыжника	
Из сырцового кирпича	Из камней и булыжника
Вид 1: «Площадки», «вымостки», «навалы»	
Вид 2: оградки	
Оградки из сырцового кирпича	Оградки из булыжника и камней

1–5 – подкурганные «площадки» («вымостки», «настилы»). 1, 2 – из сырцового кирпича, XIII–XIV вв.; 1 – по: [Нарожный, Охонько 2007: рис. 8], 2 – по: [Кригер 2012: 164, рис. 8, 19]; 3–5 – из булыжника и камней (3–5: по: [Иванов, Кригер 1988: 46]); 6–14 – оградки: 6–10 – из сырцового кирпича (6–7 – по: [Иванов, Кригер 1988: 46, 12–13]; 8–10 – по: [Мыськов 2015: 383–384, 389, рис. 15; 16; 21]); 11–14 – из булыжника и из камней (11–13 – по: [Иванов, Кригер 1988]; 14 – по: [Иванов и др. 2014: 387, рис. 16, 2])

⁷ Это сооружение «Нижнего Джулата» в одной и той же работе, причем на одной и той же странице называют сначала «склепом», затем «мавзолеем» [Зиливинская 2011: 51].

⁸ В этом случае, если следовать логике указанных авторов, здесь, в качестве «мавзолея» должно выступать здание мечети над склепом?

Перечисленные выше аспекты проблемы – далеко не все из существующих. И они диктуют, как уже указывалось выше, давно назревшую потребность и перспективность в дальнейшем изучении всего ныне накопленного материала, на фоне которого можно лишь отчасти соглашаться с ниже обозначенным тезисом, суть которого заключается в том, что генезис и история интересующих нас подкурганных кирпичных сооружений и «пути к пониманию назначения этих сооружений нужно искать в золотоордынских городах и городских некрополях, а не в кочевнических курганах» [Зиливинская 2016: 99], хотя данный тезис встречается и у других ее предшественников. Однако наличие под насыпями курганов, а не под всхолмлениями из остатков разрушенных и оплывших стен разнотипных мемориальных сооружений из сырцового кирпича, почти ни у кого не вызывает сомнений в том, что часть из них – в виде практически нетронутых сооружений (без следов разрушений и без фундаментов), уплощенных «площадок» («выкладок») с горизонтально уложенными кирпичными вымостками над погребениями. Вымостки («площадки», «настилы») в плане имеют подквадратную, подпрямоугольную или многоугольную формы (табл. 1). Весьма заманчиво их связывать с аналогичными подкурганными конструкциями, но из камней или булыжников, использовавшимися многими тюркоязычными кочевниками Евразии домонгольской поры (табл. 1). Конструкции золотоордынского времени из сырца обычно сложены в 1–4 ряда кирпичей, положенных плашмя вплотную друг к другу (табл. 1). Такие кладки, повторюсь, в преобладающем количестве случаев при полном и явном отсутствии каких-либо следов разрушения их верхних частей. На наш взгляд, их следует рассматривать в качестве своеобразных «дериватов» прежних, еще с домонгольского времени, булыжных выкладок под насыпями курганов. Иной их вид – такие же сырцовые выкладки различных форм и конфигураций, сложенные также в 1–4 и более кирпичей, но со «свободным» пространством в центре выкладок (табл. 1); они могут быть сопоставлены с традиционными оградками домонгольского времени, в которых вместо булыжника или камней использован сырцовый кирпич. Наличие у некоторых из оградок «тамбуров» и иных дополнительных конструкций – свидетельства их *эволюционно-хронологического* развития, что требует дальнейшего и отдельного рассмотрения. Строения из сырцового или обожженного кирпича, частично, или полностью заглубленные в материк либо же поставленные на расчищенном от дерна грунте – склепы. Незначительная их высота (до 10-ти кирпичей), иногда с зафиксированным ложным сводом, со значительно меньшими по толщине, чем у мавзолеев стенами, при отсутствии следов от оплывших верхних, не сохранившихся участков стен, расположенность под курганными насыпями и пр. не позволяют видеть в них остатков наземных, внушительных по своим размерам, мемориально-архитектурных построек-мавзолеев. Следует учитывать тот факт, что использование сырцового и обожженного кирпича – инновации золотоордынской поры, ставшие особенностью, характерной не только для кочевников степной зоны всего Дешт-и-Кипчака. Наряду с ними использование кирпича становится распространенным и у городского населения Золотой Орды. Это не только кирпичные мавзолеи и склепы. Особенно часто сырцовые кирпичи использовались в качестве закладов ляхдов в захоронениях мусульман-горожан⁹. Можно предположить, что именно с появлением своеобразной «моды» на обожженный и сырцовый кирпич в бытовой повседневности городов Золотой Орды, где из него строили не только культовые, общественные, но и бытовые сооружения, нередко с явным социально выраженным характером, этот материал быстро и широко распространился в разных сферах жизнедеятельности, включая и погребальную обрядность населения Золотой Орды. Если учитывать известные случаи обнаружения монетных находок при исследовании подкурганных кирпичных строений [Круглов, Клепиков 1993: 149; Васильев 1998: 105; Бабенко 2009: 22 и др.],

⁹ Если следовать выводам Э.Д. Зиливинской, этот процесс синхронен и процессу исламизации, в рамках которого в городах Золотой Орды распространяются «склепы» и «мавзолеи» [Зиливинская 2011: 49–53].

то они указывают на относительную дату *функционирования* таких построек в рамках нач. XIV в. возможностей для определения более точно времени начала распространения таких построек они не дают). Мусульманские захоронения¹⁰ с использованием в их конструкции кирпича также никак не уточняют датировку этого же процесса. Если опираться на косвенные данные, можно предполагать, что в кочевнических курганах сырцовые сооружения стали использоваться несколько ранее, нежели в мусульманских захоронениях в городах Золотой Орды. Е.А. Халикова, в свое время изучавшая мусульманский погребальный обряд, отмечала: «в законодательных сводах “Кифая”¹¹ перечислят имена мусульманских правоведов, допуская возможность отмечать могилы надгробиями, в частности камнями», при невозможности сооружения ляхда из-за рыхлости грунта, «чтобы не засыпать покойника непосредственно землей, рекомендуется использовать гроб (ящик-“габут”), распространенный у мусульманских народов довольно широко, или обкладывать могилу кирпичом» [Халикова 1986: 44]. Вероятно, рекомендации подобного характера – свидетельство адаптации к нормам исламской погребальной обрядности реалий, так или иначе уже воспринятых и внедрявшихся в повседневную практику, войдя в нее из обрядов тюрок-кочевников Золотой Орды. Подобные «заимствования» вполне реальны, особенно, если учитывать характеристику материальной культуры населения Золотой Орды, в свое время обозначенной Г.А. Федоровым-Давыдовым как «синкретической», т. е. сформировавшейся в результате смешения (миксации) этнокультурных традиций самых разных групп населения. Инновации такого рода в границах Степи иллюстрируют, например, известные процессы намеренного отказа от традиций домонгольской поры, что демонстрируют случаи фиксации ритуальных захоронений в курганах в золотоордынское время каменных половецких изваяний, почитавшихся ими с домонгольского времени [Нарожный 2003: 245–274; Березин, Нарожный 2022: 32–46]. Явление было ускорено, вероятно, и процессом исламизации населения Золотой Орды, хотя в ряде регионов государства Узбек-хану пришлось для этого применять и силу, в результате чего он был вынужден казнить нескольких «эмиров и знатных лиц», а также «бахшей и волшебников» [Тизенгаузен 1884: 197, 323]. Однако такие жесткие меры возымели желаемый результат не везде. Судя по данным Ибн Арабшаха (нач. XV в.), «некоторые жители Дешт-и-Кипчака еще до сих пор поклоняются идолам» [Тизенгаузен 1884: 457]. Вероятно, аналогичную ситуацию иллюстрируют и известные случаи фиксации документальными источниками XVII–XIX вв. половецких каменных изваяний Северного Кавказа, по-прежнему, еще с домонгольского времени стоявших на своих первоначальных местах, в XIII–XIV вв. ставших оживленными территориями, например, вдоль транзитного маршрута: Дербент–Маджар–Азак [Нарожный 2022в]. Другая, «новая» часть кочевого населения, родившаяся и выросшая уже в условиях становления и развития Золотой Орды, заметно менялась. Вероятно, в условиях активной этнической миксации (смешения), наряду с различными инновациями, распространявшимися, как минимум, у значительной части золотоордынского населения, становится отказ от прежних традиционных культов и их символов (изваяний). Другие же, наоборот, пытались максимально сохранять традиции своих предков; были и те, которые по мере возможностей «синтезировали» традиции и инновации. В рамках этого процесса, наверное, проявляется интересующие нас

¹⁰ Имеются в виду мусульмане-горожане, хотя в ряде случаев не исключаются мусульманская атрибуция и некоторых захоронений в кочевнических подкурганых оградках из сырца.

¹¹ Речь идет об «Аль-Кифая фи шарх аль-Хидая», написанной в Средней Азии в XIV в. (1347 г.), откуда и осуществлялось религиозное воздействие, в т. ч. и на население Золотой Орды. Кирпич, а рекомендовался сырца [Халикова 1986: 44], широко использовался в мусульманской погребальной обрядности [Нарожный, Тищенко 2022: 145–159], хотя наряду с сырцовым кирпичом в качестве заклада ляхда использовался также камыш и дерево [Халикова 1986: 44].

традиции в погребальной обрядности, в рамках которых характерные конструкции из булыжника и камней вытесняются и заменяются кирпичными.

Сегодня численно увеличиваются различные примеры активного смешения средневековых тюрок и монголов внутри Золотой Орды [Нарожный 2022б: 77–79]. Подтверждением этому служит наличие в погребальных комплексах под некоторыми из сырцовых сооружений социально-престижных предметов погребального инвентаря, подчеркивающих высокий прижизненный статус их владельцев. В том числе есть и остатки такого головного убора, как бокка [Васильев 1998: 105; Нарожный, Охонько 2007: 18–19 и ср.: Макласова 2020: 26–28], считающегося одним из этнокультурных маркеров принадлежности к монгольскому средневековому этносу [Мыськов 1995: 36–43; Ямилова 2009: 118–124; Крамаровский 2001: 30–32 и сл.]. В свое время то же самое утверждал и Г.А. Федоров-Давыдов [Федоров-Давыдов 1966: 36], хотя в последующем об этом же он писал с оговорками. Вслед за В.В. Бартольдом, он ставил в прямую связь «незначительность монгольского населения, оставшегося в Золотой Орде» после их вторжения в Восточную Европу. А это могло оказать лишь слабое воздействующее влияние «на половецкую природу ее основного кочевого населения» [Федоров-Давыдов 1966: 157–158]. Тем не менее, новые археологические материалы такую точку зрения корректируют, заставляя указанные находки остатков монгольской бокки в погребениях под тюркскими сырцовыми конструкциями рассматривать как явные подтверждения свидетельству ал-Омари (XIV в.), сообщавшего: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар), и все они стали точно Кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что Монголы (и Татары) поселились на земле Кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе, как мы сказали уже выше» [Тизенгаузен 1884: 235]. Свидетельство это вполне объясняет и причины наличия отмеченных выше находок остатков монгольских бокк в погребениях под сырцовыми оградками, одновременно подчеркивающих и высокий социальный статус не только самих погребенных там, но соответствующий статус самих оградок. Несмотря на существующий скепсис относительно реальности процитированного выше свидетельства ал-Омари¹², историчность подобных явлений и процессов, в которые были втянуты, отнюдь, не только тюрки и монголы, подтверждает и анонимный грузинский «Хронограф» XIV в., сообщавший о браке, заключенном хотя «из политических соображений», между грузинским царем Улу Давидом и Джигда-Хануни, монголкой по происхождению», ставшей «его первой супругой» [Цулая 1980: 205]. Тем не менее, и данный аспект проблемы не является исчерпывающе объясняющим ситуации, связанные с интересующими нас оградками, поскольку ныне известны и захоронения под квадратными в плане сырцово-кирпичными сооружениями (курган 39 могильника Царев 1) женщин – представительниц «экваториального облика» [Балабанова 1999: 219; Мыськов 2015: 27, прим. 1, рис. 15, 2]. Их социальный статус неясен.

¹² В.П. Костюков, оспоровивший реальность этого сообщения ал-Омари, исходил из того, что тот на территории Золотой Орды никогда не был. «К немалому удивлению ни в письменных сообщениях, которыми исследователи давно и привычно пользуются, ни в данных других источников, освещающих этническую проблематику Золотой Орды, должного подтверждения указанного тезиса найдено не было» и т. д. [Костюков 2005: 199–200 и сл.]. Несмотря на то, что точка зрения получила некоторую поддержку [Горелик 2011: 78], следует учитывать и тот факт, что современные исследователи используют данные и других авторов XIII–XV вв. на территории Золотой Орды никогда не бывавших.

Предложенный нами краткий обзор интересующей нас проблемы никоим образом не претендует на роль исчерпывающего или же окончательно ее решения. Насколько это позволяет имеющийся объем, нами предложен лишь взгляд на некоторые аспекты большой и важной проблемы, требующей дальнейшего заинтересованного и коллективного ее обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.* Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226–237.
- Археологические памятники Астраханской области: путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района. Сост. Е.В. Шнадштейн. Астрахань: АГУ, 1990. 80 с.
- Бабенко В.А.* Сырцовые погребальные сооружения эпохи Золотой Орды в Центральном Предкавказье и Калмыкии // Донские древности. Вып. 19: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. М-лы IV междунар. конф., посвящ. памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (г. Азов, 30 сентября–3 октября 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Азов: АКМЗ, 2009. С. 18–26.
- Бабенко В.А.* Погребения эпохи Золотой Орды в сырцовых оградках на территории Центрального Предкавказья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 11 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДОНУ, 2012. С. 193–231.
- Балабанова М.А.* Антропологический состав и происхождение населения Царевского городища // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. С. 99–228.
- Белинский А.Б., Березин Я.Б., Калмыков А.А.* Предварительные итоги комплексного археологического исследования северной части Ставропольского края // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. / Отв. ред. А.Б. Белинский. Кисловодск: Ставропольское кн. изд-во, 2000. С.16–20.
- Березин Я.Б., Нарожный Е.И.* Новое «захоронение» половецкого каменного изваяния на Ставрополье (вторая пол. XIII–XIV вв.) // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 32–46. DOI: 10.22378/2313-6197.2022-10-1.32-46
- Бисембаев А.А.* Археологические памятники кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII–XVIII вв.). Уральск: Полиграфсервис, 2003. 236 с.
- Васильев Д.В.* Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // Древности Волго-Донских степей. Вып. 6 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Изд-во Перемена, 1998. С. 101–112.
- Васильев Д.В.* Мавзолеи Золотой Орды: Географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань: АГУ, 2003. С. 110–119.
- Васильев Д.В., Зиливинская Э.Д., Рудаков В.Г.* Полуподземные погребальные сооружения в Золотой Орде // Каспийский регион: политика, экономика, культура. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2012. № 1 (30). С. 14–22.
- Власкин М.В., Гармашов А.И., Додэ З.В., Науменко С.А.* Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI) / Отв. ред. А.Б.Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.
- Гарустович Г.Н.* Могильник Саралжин-1 (К вопросу об исламизации Улуса Джучи) // Новое в средневековой археологии Евразии / Отв. ред: В.Б.Ковалевская Самара: ИКА «Артефакт», 1993. С. 86–90.
- Гарустович Г.Н.* Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. Охрана и изучение памятников археологии Башкортостана / Отв. ред. М.Ф. Обыденнов. Уфа: Министерство культуры Республики Башкортостан, 1995. С. 166–184.
- Горелик М.В.* Монголы и подвластные народы в Золотой Орде (этносоциальная самоидентификация и ее внешнее выражение) // Золотоордынское наследие. Вып. 2. М-лы второй Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвящ. памяти М.А. Усманова. (г. Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: ООО «Фолиант», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С. 77–89.
- Даутова Р.А., Мамеев Х.М.* Об одном забытом археологическом факте (золотоордынский мавзолей из раскопок Г.А. Вертепова) // Вестник АН Чеченской Республики. 2010. № 1 (12). С. 128–131.
- Дворниченко В.В., Зиливинская Э.Д.* Средневековые погребальные сооружения из могильника Кривая Лука в Астраханской области // НАВ. 2005. Вып. 7. С. 281–303.

- Дьяченко А.Н., Блохин В.Г., Шинкарь О.А. Археологические исследования у сел. Абганерово Октябрьского района Волгоградской области // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: Перемена. 1995. С. 83-139.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 138 с.
- Егоров В.Л. Мавзолеи Водянского городища // СА. 1980. № 1. С. 74-89.
- Зиливинская Э.Д. Золотоордынские мавзолеи Северного Кавказа // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 52-69.
- Зиливинская Э.Д. Золотоордынские склепы-мавзолеи Северного Кавказа и Нижнего Поволжья // Археология и краеведение Кавминвод в контексте межрегиональных связей и контактов: м-лы межрегион. науч. конф. (г. Кисловодск, 17–18 ноября 2011 г.) / Отв. ред. С.Н. Савенко. Кисловодск: Кисловодский краеведческий музей, 2011. С. 49-53.
- Зиливинская Э.Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: Институт археологии РАН, 2012. 40 с.
- Зиливинская Э.Д. Мавзолеи западных районов Золотой Орды // Крымское историческое обозрение. 2014а. № 1. С. 256-281.
- Зиливинская Э.Д. Подкуранные сырцовые оградки (об одном археологическом мифе) // Восхождение к вершинам археологии: м-лы междунар. науч. конф. «Древние и средневековые государства на территории Казахстана, посвящ. 90-летию со дня рождения К.А. Акишева / Гл. ред. Б.А. Байтанаев, отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014б. С. 454-466.
- Зиливинская Э.Д. Что же такое подкуранные сырцовые оградки XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье? // РА. 2016. № 1. С. 86-105.
- Зиливинская Э.Д., Чеченов И.М. Подземный склеп на городище Нижний Джулат // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН, 2004. С. 138-159.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии. Уфа Изд-во БГПУ, 2014. 396 с.
- Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). М.: Наука. 1988. 92 с.
- Ким И.А. Золотоордынский мавзолей у д. Бахтияровка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 173-183.
- Костюков В.П. Была ли Золотая Орда «Кипчакским ханством»? //Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи / Отв. ред. С.Г. Кляшторный. М.: Вост. лит., 2006. С. 199-237.
- Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Кригер В.А. Средневековые кочевники Заволжья // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1986. С. 56-68.
- Кригер В.А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века. Уральск: «Евразийский союз учёных», 2012. 200 с.
- Кригер В.А., Марыксин Д.В. Могильник Караултобе I (к вопросу о захоронениях в сырцовых оградках) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 1. С. 194-208.
- Круглов Е.В., Клепиков В.И. Средневековые памятники из Фроловского района Волгоградской области // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3 / Отв. ред. В.И. Мамонтов. Волгоград: Перемена, 1993. С. 138-151.
- Левашева В.П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. 1952. Вып. 22. С. 163-213.
- Лычагин А.В. Отчет об охранных раскопках курганов в Шпаковском и Кочубеевском районах Ставропольского края в 2006 году. Ставрополь: ООО«Архколог», 2006. // Архив ИА РАН. Р-1 – № 29226.
- Лычагин А.В., Нарожный Е.И. Новые кочевнические захоронения золотоордынского времени с территории Ставрополья // МИА Северного Кавказа. Вып. 20 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир-Карачаевск: Изд-во КЧГУ, 2022. С. 104-114.
- Макласова Л.Э. Анализ женского головного убора из погребения № 10 Новопавловского могильника // Труды VI (XXII) Всерос. археол. съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. III. С. 26-28.
- Мамонтов В.И.. Курганный могильник Зубовка // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2 /Отв. ред. В.И. Мамонтова. Волгоград: ВГПИ, 1992. С. 17-49.

- Марыксин Д.В.* Погребения в сырцовых оградках Волго-Уральского междуречья (по материалам Мокринского могильника) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. М-лы IV Междунар. конф., посвящ. памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (г. Азов, 30 сентября–3 октября 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Азов: Изд-во АКМЗ, 2009. С. 311-320.
- Марыксин Д.В.* Золотоордынские погребения в сырцовых оградках на территории Западного Казахстана (По материалам исследований 2008–2009 гг.) // Уфимский археологический вестник. 2010. № 10. С. 162-175.
- Марыксин Д.В.* Об одном типе сырцовых оградок Западного Казахстана // Известия Самарского НЦ РАН. 2012. Т. 14, № 3. С. 243-248.
- Марыксин Д.В.* Пригородный мусульманский некрополь городища Жалпактал // Религия и система мировоззрений древних и средневековых кочевников Евразии / Отв. ред. А. Онгарулы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2016. С. 76-86.
- Матюшко И.В.* Кочевнические культуры Южного Урала эпохи средневековья (по данным анализа взаимовстречаемости признаков погребального обряда) // Известия Самарского НЦ РАН. 2007. Т. 9, № 2. С. 515-522.
- Матюшко И.В.* Сырцовый мавзолей на территории Оренбуржья // Известия Самарского НЦ РАН. Т. 18, № 3. 2016а. С. 155-160.
- Матюшко И.В.* Памятники IX–XIV вв. степного Приуралья. М.: Берлин: Direct Media, 2016б. 324 с.
- Матюшко И.В., Марыксин Д.В.* Сырцовые надмогильные сооружения Приуралья // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. В 4-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко. Казань: ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», Отечество, 2014. Т. III. С. 404-406.
- Мыськов Е.П.* О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2. С. 36-43.
- Мыськов Е.П.* Погребальные сооружения с кирпичными оградками могильника Малаяевка VI у северо-западного пригорода Царевского городища // Нижневолжский археологический вестник. 2003. Вып. 6. С. 216-236.
- Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгоградский филиала РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Нарожный Е.И.* К этносоциальной атрибуции городского населения Терско-Сулакского междуречья) по материалам мусульманских захоронений эпохи Золотой Орды) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа / Отв. ред. Т.Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1988. С. 159-172.
- Нарожный Е.И.* О половецких изваяниях и святилищах XIII–XIV вв. Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья: Сб. научн. тр. / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонГУ, 2003. Т. 3. С. 245–274.
- Нарожный Е.И.* Новопавловский археологический комплекс золотоордынского времени на Ставрополье (Некоторые итоги и перспективы изучения) // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) РГСУ. 2014. № 11. С. 68-73.
- Нарожный Е.И.* «Забытый мавзолей» (Чечня) и его возможная атрибуция // Археология и история Юга России. М-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию д.и.н., проф. М.Х. Багаева / Отв. ред. С.С. Цуцулаева. Грозный: Изд-во ЧГУ им. А.А. Кадырова, 2017а. С. 122–132.
- Нарожный Е.И.* О находках поливной керамики XIII–XIV вв. на территории Северного Кавказа // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдинов. Казань–Кишинев: Изд-во «Stratum plus», 2017б. Т. 2. С. 513-538.
- Нарожный Е.И.* О двух позднесредневековых сосудах из Махчеса в Дигории из собрания П.С. Уваровой // Вестник Владикавказского НЦ РАН. 2022а. № 2. С. 35-40.
- Нарожный Е.И.* Центральноеазиатский след в истории Северного Кавказа (XIII–XIV вв.): историко-археологические наблюдения // Мир Центральной Азии-V / Отв. ред. А. Деревянко, Б. Базаров. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022б. С. 77-79.
- Нарожный Е.И.* Две заметки по изучению этнокультурной ситуации в золотоордынском городе Маджаре и на его периферии // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2022в. № 1–2. В печати.
- Нарожный Е.И., Охонько Н.А.* Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей (МИА Северного Кавказа. Вып. 7). Армавир-Ставрополь: ЦАИ. 2007. 175 с.

- Нарожный Е.И., Тищенко И.Б. Новые мусульманские захоронения золотоордынского города Маджара (Ставрополье) // ПА. 2022. № 2 (40). С. 145-159.
- Недашковский Л.Ф. История развития взглядов на золотоордынские древности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 1. Гуманитарные науки. С. 22-30.
- ОАК за 1880 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1882. 320 с.
- Охонько Н.А. Могильник монгольского времени у г. Новопавловска Ставропольского края // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2010. № 1. С. 88-96.
- Палимпсестова Т.Б., Рунич А.П. О есентукских мавзолеях и ставке Узбек-хана // СА. 1974. № 2. С. 229-239.
- Ракушин А.И. Подкурганые кирпичные сооружения золотоордынского времени в Нижнем Поволжье // Археологические вести. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993. Вып. 1. С. 170-175.
- Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов: Саратовское краевое кн. изд-во, 1936. 152 с.
- Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды ИИАЭ АН КазССР. 1956. Т. 1. С. 87-140.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Изд. гр. С.Г. Строганова, 1884. 564 с.
- Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ, 1966. 276 с.
- Фоменко В.А. Белореченские курганы XIII–XV вв. и белореченская археологическая культура // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2018. Вып. 10. С. 117-124.
- Халикова Е.А. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань: изд-во КГУ, 1986. 160 с.
- Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. 1980. Т. VII. С. 193-208.
- Чеченов И.М., Зиливинская Э.Д. Мечеть городища Нижний Джулат // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 201-210.
- Чхаидзе В.Н. Средневековые кочевнические погребения в степном Прикубанье из раскопок конца XIX – начала XX вв. // МИА Северного Кавказа. Вып. 10 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2009. С. 116-126.
- Чхаидзе В.Н. Погребальное сооружение XIV в. с сырцовой оградкой в Ростовской области // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: (г. Магас, 26-30 апреля 2010 г.), Магас. 2010. С. 359-362.
- Чхаидзе В.Н. Позднесредневековый курганный могильник Попова (Дубовский район Ростовской области) // Штрихи к портретам минувших эпох. Археология, история, этнография / Отв. ред. Е.П. Токарева, В.Г. Лушин. Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2014. Кн. 1. С. 239-261.
- Чхаидзе В.Н. Котлы из погребений кочевников степного Предкавказья XI–XIV вв. // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 280-291.
- Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. О так называемых касожской, белореченской и старокабардинской «археологических культурах» // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». М-лы Междунар. науч. конф. (г. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г.) / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск: ИА РАН, КЧГУ, 2018. С. 507-509.
- Яблонский Л.Т. Типы погребального обряда на мусульманских некрополях городищ Золотой орды // Вестник Московского университета. Сер.: история. 1975. № 2. С. 75–84.
- Яворская Л.В. Могильники золотоордынского времени в окрестностях Царевского городища: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж: ВГУ, 1999а. 24 с.
- Яворская Л.В. Особенности погребального обряда в некрополях окрестностей Царевского городища (Опыт статистической обработки) // Археология Волго-Уральского региона в эпоху раннего железного века и средневековья (Научные Школы Волгоградского университета) / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 1999б. С. 242-270.
- Ямилова Р.Р. Головные уборы кочевников Золотой Орды // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 89. С. 118-124.

П. В. Харламов

Павел Викторович Харламов,
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия; kharlamovmore@rambler.ru

**Погребение кочевницы золотоордынского времени
с редким типом лука
из I курганного могильника у с. Андреевка в Оренбургской области**

Аннотация. В статье представлена ограниченная выборка результатов археологических раскопок, проведенных в 2019 г. на I курганном могильнике у с. Андреевка в Оренбургской области. В ходе проведения археологических работ было исследовано два позднекочевнических кургана X–XIV вв. и один курган V в. до н.э. В данной статье впервые вводится в научный оборот погребение 1 из кургана 1. Погребение представляло собой каменную кольцевую оградку, возведенную вокруг могилы молодой девушки. Могильные стенки и надмогильное перекрытие было укреплено плитняком, образуя, таким образом, каменный ящик. В составе погребального инвентаря имелись уникальные концевые вкладышевые накладки лука, изготовленные из рога. Само же наличие метательного оружия в женском погребении является не характерным явлением для памятников поздних кочевников. Хронологические рамки исследования – золотоордынский период XIII–XIV вв.

Ключевые слова: Оренбургская область, поздние кочевники, вкладышевые накладки, метательное оружие

Павел Викторович Харламов,
Орынбор Мемлекеттік педагогикалық университеті, Орынбор қ., Ресей

**Орынбор облысы Андреевка ауылындағы I обалы қорымындағы алтынорда уақытындағы көшпелі
қыздың сирек кездесетін садақ түрімен жерленуі**

Аннотация. Мақалада 2019 ж. Орынбор облысы Андреевка ауылында орналасқан I обалы қорымда жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының қысқаша іріктелген нәтижелері берілген. Археологиялық жұмыстар барысында кейінгі көшпелілерге X–XIV ғғ. тән екі оба және б.д.д. V ғ. бір оба зерттелді. Мақалада алғаш рет 1-обаның 1-жерлеу орны ғылыми айналымға енгізілмек. Жерлеу орны жас қыздың қабірін айналдыра тұрғызылған сақина тәріздес тас қоршау түрінде. Қабырғалары мен қабір үсті қабаты плитамен нығайтылуы нәтижесінде тас жәшік пайда болған. Жерлеу жәдігерлері арасында мүйізден жасалған садақтың ерекше шеткі астарлы жапсырмалары болды. Әйелдер жерлеу орнында лақтыратын қарудың табылуы кейінгі көшпенділер ескерткіштеріне тән құбылыс емес. Зерттеудің хронологиялық шеңбері – XIII–XIV ғғ. алтынорда кезеңі.

Түйін сөздер: Орынбор облысы, кейінгі көшпелілер, астарлы жапсырма, лақтыратын қару

Pavel Kharlamov,
Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

**Burial of a nomadic woman of the Golden Horde time with a rare type of bow from the burial mound I near the
village of Andreevka in the Orenburg region**

Abstract. The article presents a limited sample of the results of archaeological excavations conducted in 2019 at the burial mound I near the village of Andreevka in the Orenburg region. During the archaeological work, two

Late Nomadic burial mounds of the 10th–14th centuries and one mound of the 5th century BC were investigated. This article introduces for the first time the scientific circulation burial 1 from the mound 1. The burial was a stone ring fence erected around the grave of a young girl. The grave walls and the tombstone ceiling were reinforced with flagstone, thus forming a stone box. As part of the burial inventory, there were unique bow end liners made of horn. The very presence of throwing weapons in a female burial is not a typical phenomenon for the monuments of late nomads. The chronological framework of the study is the Golden Horde period of the 13th–14th centuries.

Keywords: Orenburg region, late nomads, liner adjustments, throwing weapons

В 2019 г. в ходе археологических раскопок I курганного могильника у с. Андреевка были исследованы погребения раннего железного века и эпохи средневековья (Саракташский р-н, Оренбургская обл., РФ). Кочевнические погребения эпохи средневековья выявлены в курганах № 1–3 [Купцов, Харламов 2020]. В данной работе будет представлен погребальный комплекс XIII–XIV вв. из кургана № 1. Курган № 1 был сооружен населением сарматской культуры и датируются в пределах V в. до н.э. Его насыпь располагалась на вершине горы (рис. 1, 1).

Каменная наброска № 2 – выявлена на периферии юго-восточного сектора раскопа кургана № 1, являясь при этом отдельно стоящим погребальным сооружением. Она представляла собой скопление природных камней, фиксируемое как на дневной поверхности, так и в дерновом слое. Форма наброски близка к подовальной, длинной осью ориентирована по линии С–Ю. Образует каменное кольцо вокруг надмогильного перекрытия погребения, которое ориентировано по линии З–В. Северный сектор оградки был поврежден. Камни располагались преимущественно в один, реже в два слоя. Размеры кладки составляли около 3,2×2,8 м (рис. 1, 1; 2). При создании этой кладки был использован природный камень. Отметим, что на горе Шишка естественных выходов такого камня не зафиксировано, поэтому, очевидно, он был откуда-то специально сюда перемещен.

Могильная яма имела вытянутую прямоугольную форму, с округленными углами, длинной стороной яма ориентирована по линии З–В. Длина ямы составляла 2,55 м. Ширина ямы неодинакова, варьируется от 0,69 до 0,8 м (рис. 1, 2). Могила была выдолблена в материковом слое, представлявшем собой плотную, сильно спрессованную песчано-гравийную смесь (ПГС), по консистенции напоминающую затвердевший природный бетон.

Стенки могилы были обложены вертикально стоящими камнями. Вся конструкция перекрывалась тремя слоями плоских камней, причем первый (верхний) слой закрывал могилу полностью, второй (средний) – только половину могилы, а третий (нижний) – чуть больше трети могильной ямы с ее западной стороны. Во время расчистных работ надмогильного перекрытия была обнаружена концевая накладка лука (рис 2, 1-б, 2-б). Практически на дне могильной ямы были зафиксированы две лежащие параллельно друг другу деревянные плахи длиной 145 и 135 см и диаметром 3–4 см, вероятно, являвшиеся остатками погребальных носилок (рис. 1, 2).

В погребении, на глубине -75 – -86 см от «0», располагался потревоженный землероями скелет девушки-подростка 15–19 лет¹, в положении вытянуто на спине, головой на запад. Обе руки вытянуты вдоль тела. Кости ног лежали прямо, стопы обоих ног завалены в восточную сторону.

К северо-западу от черепа, у северной стенки могильной ямы, на глубине -83 см от «0» выявлена вторая концевая накладка лука (№ 7 на плане погребения) (рис. 2, 1-а, 2-а). К югу от бедренной кости правой ноги покойной, на глубине -78 см от «0», были зафиксированы 12 альчиков МРС, располагавшиеся кучкой (рис. 2, 3). Слева от тазовых костей, на глубине -77 см от «0», располагался небольшой железный нож (рис. 2, 4). Кроме того, в погребении найдены четыре кости особи МРС в

¹ Определение: А.А. Хохлов, Ю.О. Капинус, А.П. Григорьев – Харламов П.В. Отчет о раскопках объекта культурного наследия «I курганный могильник у с. Андреевка» (Курганный могильник I) в Саракташском районе Оренбургской области по открытому листу № 0836-2019 в 2019 г. / Архив учебной археологической лаборатории ФГБОУ ВО ОГПУ, 2021.

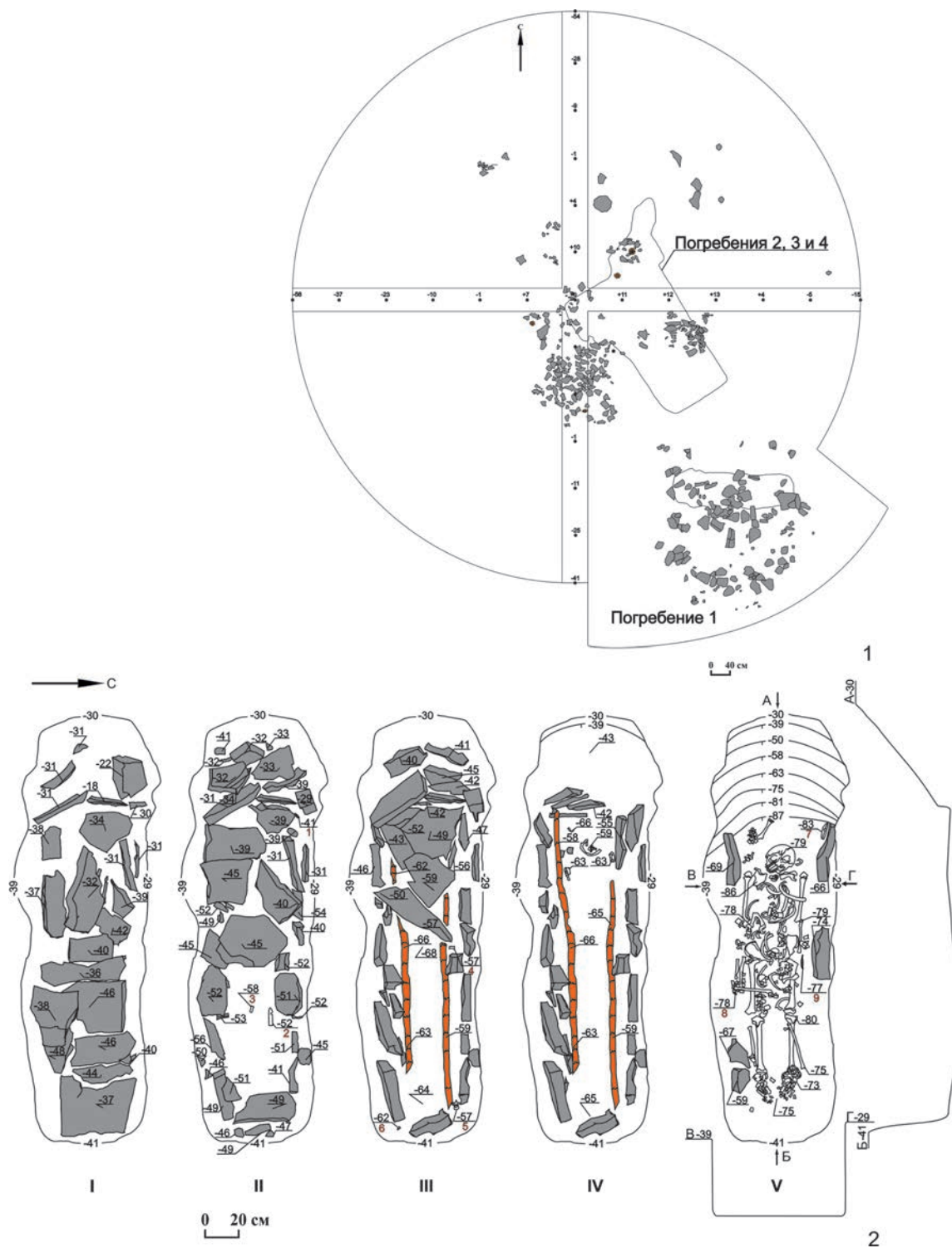

Рис. 1. I курганный могильник у с. Андреевка, курган № 1:
 1 – общий план кургана № 1; 2 – план погребения 1. Условные обозначения: 1, 6 – зуб человека;
 2, 7 – концевая накладка лука (кость); 3, 4 – фаланга пальца человека; 5 – позвонок человека;
 8 – 12 альчиков МРС (кость); 9 – черешковый нож (железо)

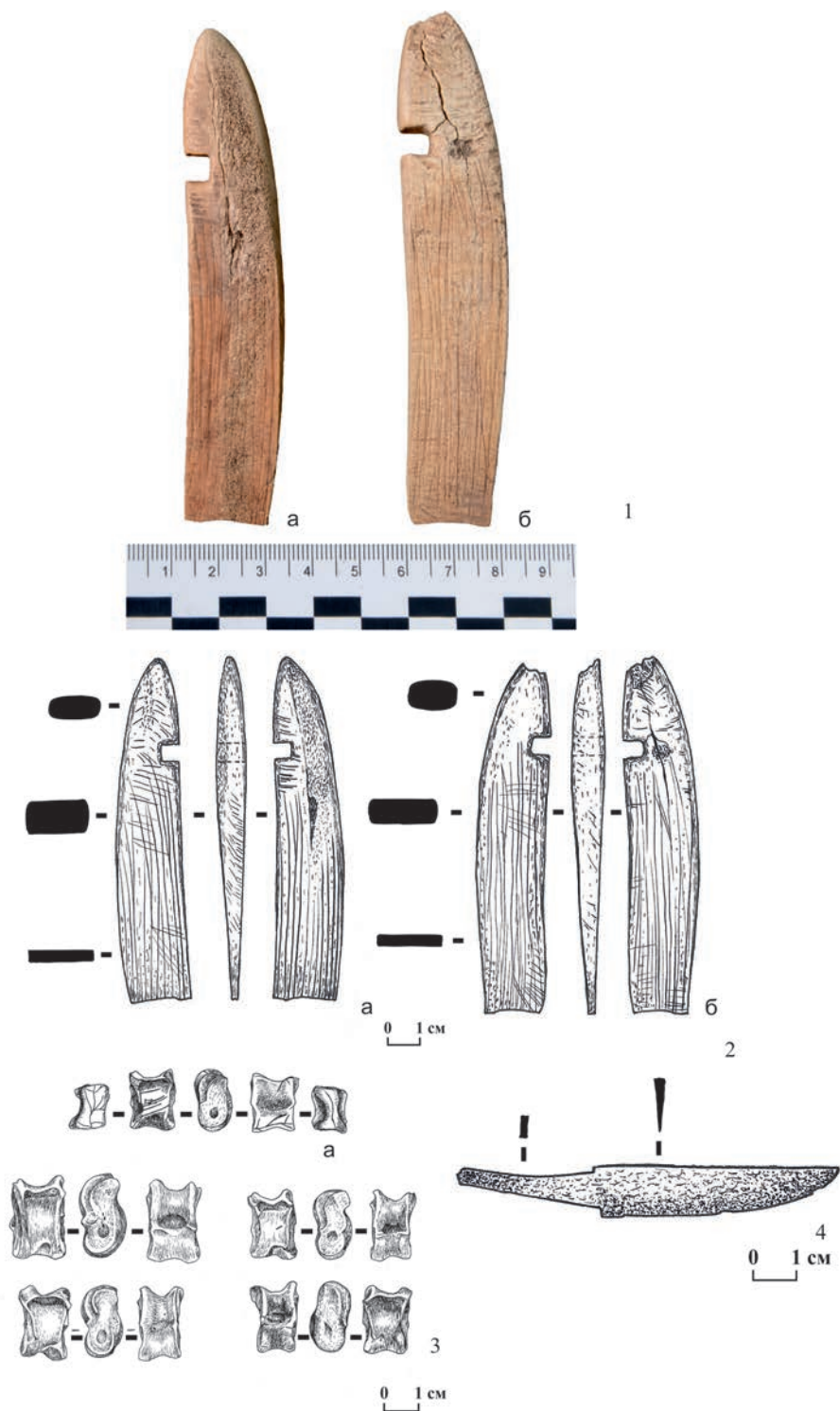

Рис. 2. I курганный могильник у с. Андреевка, курган № 1. Погребение 1.
 Погребальный инвентарь: 1–2 – фото и прорисовка роговых, вкладышевых концевых накладок лука.
 а – вкладыш, зафиксированный в погребении, б – в заполнении могилы; 3 – альчики МРС;
 3а – альчик с прочерченными линиями; 4 – железный нож

возрасте до 1 года (рис. 1, 2). Другие находки в погребении отсутствовали. Наиболее интересными находками в женском погребении являлись концевые вкладышевые накладки для лука.

Описание накладок:

1. *Концевая накладка лука* (№ 2 на плане погребения (рис. 2, 1-а, 2-а) – роговая. Длина 10,9 см. Ширина 1,8–2,2 см. Максимальная толщина – 1,05 см. Пропил под тетиву, подквадратной формы – 0,5×0,6 см. С обеих сторон накладки острым предметом прочерчены вертикальные линии для лучшего сцепления с древесиной лука. В профиль изделие имеет вытянутую каплевидную форму, более широкую в верхней части.

2. *Концевая накладка лука* (№ 7 на плане погребения) (рис. 2, 1-б, 2-б) – роговая. Длина 10,5 см. Ширина 1,9–1,95 см. Максимальная толщина – 1,05 см. Пропил под тетиву, подквадратной формы – 0,5×0,6 см. С обеих сторон накладки острым предметом прочерчены вертикальные линии для лучшего сцепления с древесиной лука. В профиль изделие имеет вид вытянутой капли, верхняя часть которой более широкая, а нижняя – приострена.

Представленный тип лука известен пока в единственном экземпляре в Волго-Уральском регионе, так же на данный момент нам не удалось обнаружить информацию о подобных накладках и к западу от Волго-Донских степей. Близкие по форме вкладышевые накладки известны в погребениях кочевников эпохи средневековья XIII–XIV вв. в Томском Приобье, на Алтае и Прибайкалье [Николаев 2004: 211; Плетнева 1997: 225; Горбунов 2006: 11]. По мнению Ю.С. Худякова, луки с концевыми вкладышами распространились в монгольское время от Забайкалья и до Алтая, и в основном встречаются на северной периферии Монгольской империи [Худяков 1993: 142].

Луки с вкладышевыми накладками продолжают применяться тюрко- и монголоязычными народами. В дальнейшем широко распространились в XVII–XVIII вв. у народов Якутии и Восточной Сибири. Типологически они выделяются в северный тип метательного оружия. Основная часть подобного типа лука это деревянная кибить, склеенная из различных пород дерева. А окончания снабжены вкладышами из кости или дерева, вставляясь при этом в специальный разрез кибити [Васильев 1995: 63]. По всей видимости, данные накладки защищали от расщепления концы кибити и, возможно, придавали дополнительную упругость плечам лука.

Наличие предметов вооружения не характерно для женских погребений XII–XIV вв. Интересно, что это первая находка остатков лука в подтвержденном женском погребении, известная нам. Между тем тот факт, что женщины в XIII–XIV вв. прекрасно владели метательным оружием, подтверждают письменные источники. Вот как описывает Плано Карпини монгольских женщин – «Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носили колчаны и луки <...> Все женщины носят штаны, а некоторые стреляют, как мужчины» [Путешествие... 1957: 36–37]. О значении женщины в кочевом хозяйстве повествуется и во фрагменте «Великой ясы», у арабского историка XV в. Макризи. «Он (Чингисхан) предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды, и обязанности мужчин, в то время как последние отлучались на битву» [Греков, Якубовский 1950: 119].

Исходя из данных, приведенных выше, следует, что женщины с раннего детства были приспособлены к кочевому хозяйству и исполняли определенные обязанности в своей семье. При отсутствии мужчин они могли исполнять мужские обязанности. Владение луком в кочевой среде было необходимо в качестве защиты и нападения, охоты. Обладание данным навыком было обычным делом в кочевом хозяйстве, не исключая женщин. В то же время встает вопрос - могли ли женщины участвовать в боевых действиях в XIII–XIV вв.? Пока единственным доказательством о женщинах-воительницах эпохи средневековья являются народные сказания тюрко- и монголоязычных народов Центральной Азии, Поволжья и Урала. В этих сказаниях довольно часто женщины фигурируют в

героических эпосах в качестве профессиональных воинов [Худяков 2017: 81–83]. Материалы, полученные в ходе археологических исследований, не могут подтвердить наличие женщин-воительниц в эпоху позднего средневековья, в сравнении с погребениями кочевников раннего железного века. В то же время не стоит исключать индивидуальные физические и психологические особенности женщин склонных заниматься военным делом [Берсенева 2010: 76–78].

Таким образом, наличие концевых наладок на лук в женском подростковом погребении подтверждают сведения средневековых авторов о том, что женщины пользовались метательным оружием и учились им владеть с детства. Кольцевая оградка могилы, могильные стенки и надмогильное перекрытие из камня, а также наличие специфических вкладышевых, концевых накладок на лук, наиболее распространенных в лесной и лесостепной зоне Алтая и Прибайкалья, указывают на центрально-азиатское происхождение населения, оставившее этот погребальный памятник.

ЛИТЕРАТУРА

- Берсенева Н.А.* Женские погребения с оружием: реалии жизни или отображение социальной идентичности? (по материалам саргатской культуры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 72-79.
- Васильев Ф.Ф.* Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 224 с.
- Горбунов В.В.* Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II. Наступательное вооружение (оружие). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2006. 232 с.
- Греков Б.Д. Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 508 с.
- Купцов Е.А. Харламов П.В.* Предварительные итоги исследования I курганного могильника у с. Андреевка в центральном Оренбуржье // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: ИА КН МОН РК, 2020. Т. 2. С. 286-294.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках. Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2004. 306 с.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в нач. 2 тыс. н.э. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997. 350 с.
- Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. Редакция и вступительное слово Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1957. 272 с.
- Худяков Ю.С.* Эволюция сложносоставного лука у кочевников Центральной Азии // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока: сб. статей / Отв. ред. В.Е. Медведев, Ю.С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1993. С. 107-148.
- Худяков Ю.С.* Женщины воины у народов Сибири и Центральной Азии в древности и средние века // Вестник НГУ. 2017. Серия: История и филология. Т. 16, № 3. Археология и этнография. С. 80-88.

**Д. Н. Маслюженко,
Е. А. Рябина**

**Денис Николаевич Маслюженко, denmas13@yandex.ru
Елена Алексеевна Рябина, realdenim77@yandex.ru
Курганский государственный университет,
г. Курган, Россия**

Новые находки зеркал золотоордынского времени в Среднем Притоболье

Аннотация. Выявление памятников золотоордынского времени на территории Среднего Притоболья имеет принципиальное значение для понимания процессов формирования и распространения местных тюрко-татарских групп населения позднего средневековья. За последние 15 лет в результате разведочных работ и анализа музейных коллекций были выявлены однозначные маркеры таких объектов. К ним относятся привозные зеркала и их реплики, сюжеты которых напрямую связаны с китайской и исламской культурой. Они показывают стабильные связи местного населения с крупными городскими центрами производства в Поволжье и Средней Азии. В статье представлены новые находки таких артефактов на территории региона, в т. ч. в грунтовых могильниках. Принципиально важным является их выявление именно по берегам р. Тобол, поскольку по письменным источникам население этой территории в период позднего средневековья неизвестно.

Ключевые слова: Золотая Орда, Среднее Притоболье, зеркала, грунтовые могильники

**Денис Николаевич Маслюженко,
Елена Алексеевна Рябина,
Курган мемлекеттік университеті, Курган қ., Ресей**

Орта Тобыл маңындағы алтынорда уақыты айналарының жаңа олжалары

Аннотация. Орта Тобыл маңы аумағында алтынорда уақыты ескерткіштерін анықтау кейінгі ортағасыр тұрғындарының жергілікті түркі-татар топтарының қалыптасу және таралу процестерін түсіну үшін маңызды мәнге ие. Соңғы 15 жыл ішінде барлау жұмыстары мен музей қорларын талдау нәтижесінде осындай нысандардың бірегей маркерлері анықталды. Оларға сюжеттері қытай және ислам мәдениетімен тікелей байланысты импортталған айналар және олардың репликалары кіреді. Олар жергілікті тұрғындардың Еділ бойы мен Орта Азиядағы ірі қалалық өндіріс орталықтарымен тұрақты байланысын көрсетеді. Мақалада осындай жәдігерлердің аумақ шегіндегі, оның ішінде топырақ жамылғылы қорымдардағы жаңа олжалары ұсынылған. Олардың Тобыл өзенінің жағалауынан табылуы аса маңызды, өйткені жазба деректер бойынша бұл аумақтың кейінгі ортағасырлардағы тұрғындары белгісіз болған.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Орта Тобыл маңы, айналар, топырақ жамылғылы қорымдар

**Denis Maslyuzhenko,
Elena Ryabinina,
Kurgan State University, Kurgan, Russia**

New finds of mirrors of the Golden Horde time in the Middle Pritobol'e

Abstract. The identification of monuments of the Golden Horde period on the territory of the Middle Pritobol'e is of fundamental importance for understanding the processes of formation and distribution of local Turkic-Tatar

population groups of the Late Middle Ages. Over the past 15 years, as a result of exploration and analysis of museum collections, unambiguous markers of such objects have been identified. These include imported mirrors and their replicas, the plots of which are directly related to Chinese and Islamic culture. They show stable connections of the local population with large urban centers of production in the Volga region and Central Asia. The article presents new finds of such artifacts on the territory of the region, including in soil burial grounds. It is fundamentally important to identify them precisely along the banks of the Tobol River, since according to written sources the population of this territory during the late Middle Ages is unknown.

Keywords: Golden Horde, Middle Pritobol'e, mirrors, soil burial grounds

В результате работ предшествующих исследователей, итоги которых во многом были подведены В.П. Костюковым (1949–2009), на территории Южного Урала были выявлены многочисленные погребальные и ритуальные памятники XIII–XIV в., которые им были довольно уверенно связаны с кочевниками Улуса Шибана в составе Золотой Орды [Костюков 2010]. Памятники этого времени к востоку и северу от нее, т. е. на юге Западной Сибири, почти не выявлены и не изучены, за исключением группы объектов чияликской археологической культуры позднего этапа, которая, по мнению Г.Н. Гарустовича (1957–2017), связаны с процессом исламизации местных угров и формирования на их основе предков башкир [Гарустович 2015: 181–198]. К сожалению, после смерти двух этих исследователей целенаправленные работы по изучению памятников золотоордынского времени как на Южном Урале, так и в прилегающих регионах юга Западной Сибири, были практически прекращены.

В целом, такая картина характерна для всей археологии золотоордынского времени в Западной Сибири. Относительными исключениями здесь выступают обобщающие исследования по географически удаленным Новосибирскому и Томскому Приобью [Плетнева 1997; Адамов 2000], а также немногочисленные работы по результатам раскопок на территории крупнейших торговых городов Сибири-Искера [Адамов и др. 2008; Зыков и др. 2017] и Чинги-туры [Рафикова 2011: 11–15; Матвеева 2018: 172–176] или отдельным категориям артефактов, которые в последнее время выявлены собственно в среднем Приоболье [Маслюженко, Рябинина 2016: 318–321; 2019: 516–522; Маслюженко, Ханов 2016: 69–76; Маслюженко, Чорев 2017: 175–189]. Необходимо обратить внимание и на то, что на данный момент у нас нет понимания процессов взаимодействия пришлого тюрко-монгольского населения с местным угорским, представленным памятниками юдинской и возможно бакальской (в некоем ее позднем варианте) культур, или же вытеснением последних из лесостепной в таежную зону. Так, по результатам раскопок Чинги-туры удалось выяснить, что смена предшествующего бакальского населения пришлыми группами произошла примерно в 1280-е гг. [Рафикова 2011: 14]. При этом на данный момент речь идет об одном из самых северных памятников в Западной Сибири, который однозначно связан с Улусом Джучи.

Обратим внимание, что стабильный интерес к этой теме со стороны археологов фиксировался в 1990–2000-х гг., что обусловлено и накоплением значительной археологической базы, в т. ч. в результате раскопок советского времени. В последние 10 лет за редкими исключениями подобных работ, тем более по значительным территориям, практически не проводится, причем не только в рамках археологии золотоордынского времени, но и заметен постепенный спад изучения памятников двух последующих столетий [Матвеев, Татауров 2012], кроме указанных выше работ на территории двух т. н. «столичных центров» Чинги-туры и Сибири-Искера. Однако исчерпание данных письменных источников свидетельствует, что без археологических работ невозможно дальнейшее изучение не только т. н. «улуса Шибана» и определение его границ [Маслюженко 2017: 15–21], но и вообще понимание региональных политических и этнокультурных процессов. Тем более, что до конца не ясен процесс формирования местных тюркоязычных групп населения, в т. ч. на базе бакальской или чияликской археологических культур, памятники которых хорошо известны на Исети.

В последние три года на территории Притоболья, несмотря на ковидные ограничения, в ходе строительных работ было сделано еще несколько находок зеркал золотоордынского времени. В отличие от ранее нами опубликованных, в большинстве т. н. случайных или кладовых вещей, в данном случае нам удалось выявить непосредственный контекст хотя бы некоторых подобных находок. Обратим внимание, что нами проводились только археологические разведки с зачисткой мест обнаружения, которая показала крайне небольшую толщину культурного слоя, а также частое залегание подобных артефактов в контексте многослойных памятников.

Первая из этих находок была сделана в 2020 г. при строительстве фермы у села Камышевка (Шатровский р-н, Курганская обл., РФ). К сожалению, при проведении этих работ историко-культурная экспертиза участка не проводилась. Зеркало было зафиксировано примерно на глубине 1,5 м вместе останками двух людей (количество определено специалистами Каргапольского межрайонного следственного отдела), куда находки были переданы. По их же описанию, зеркало находилось среди фрагментов древесины и было завернуто в шерстяную ткань коричневого цвета. В апреле 2021 г. после проведения экспертизы находки одним из авторов статьи она была передана к фонд Курганского областного краеведческого музея.

Бронзовое сильно патинизированное зеркало с трещиной и высоким бортиком диаметром 9,8 см (рис. 1) входит в серию золотоордынских зеркал с подражаниями или копиями ранних китайских сюжетов, зарождение которых связано еще эпохой Хань. По традиционной типологии Г.А. Федорова-Давыдова, оно относится к отделу Т, в который входят зеркала с четырьмя выпуклостями, расположенными крестообразно в кольцевой полосе с рельефными «S»-образными фигурами [Федоров-Давыдов 1966: 83; Руденко 2004: 120], а по типологии Л.Ф. Недашковского – к отделу А типу 8 [Недашковский, Ракушин 1998: 34]. Все авторы в своих публикациях приводят многочисленные аналоги подобных зеркал в поволжских городах Золотой Орды, а также на Северном Кавказе, Отраре и памятниках кочевников [Руденко 2004: 120]. По датировке преимущественно они относятся к XIV в. Для нас принципиально важно то, что оно было обнаружено именно в погребении, поскольку подобные случаи в среднем Притоболье почти не встречаются.

Еще в октябре 2019 г. при помощи известного специалиста по зеркалам С.А. Ханова удалось выйти на одного из рабочих, которые за несколько лет до этого при строительстве проселочной дороги нашли копийное зеркало с т. н. гоном животных. Оно ранее уже было нами опубликовано с возможным происхождением из Шадринского района [Маслюженко, Ханов 2016: 72,

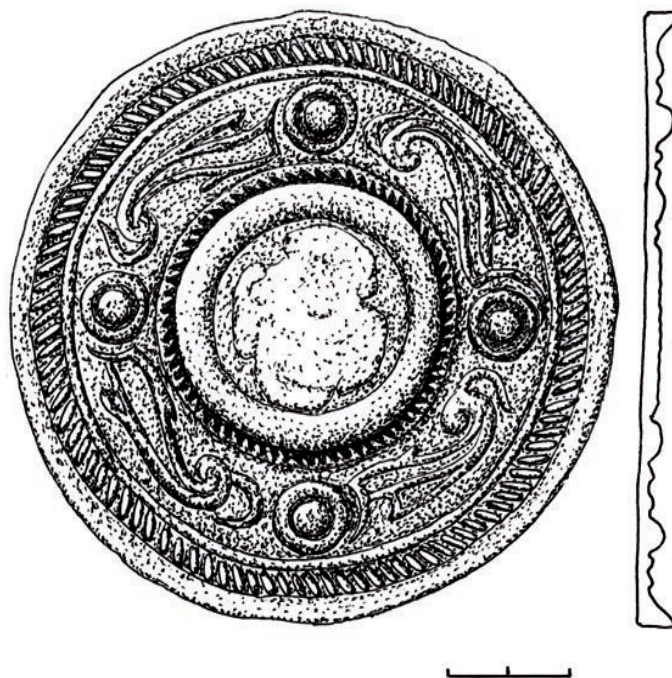

Рис. 1. Золотоордынское зеркало из могильника у с. Камышевка (Шатровский р-н, Курганская обл., РФ)

рис. 2-5]. При выезде на место находки оказалось, что оно действительно найдено при расчистке дороги на высокий островной останец в русле Исети, но в районе с. Кандаково (Далматовский р-н, Курганская обл., РФ). Принципиально важно, что при дальнейшем изучении этой грунтовой дороги было обнаружено грунтовое погребение шириной 30 см с дальнейшим сужением до 20 см, длиной 170 см и глубиной сохранившейся части 15 см. Судя по высоте краев дороги, изначальная глубина погребения могла быть около 1 м. Ориентация погребения с запада на восток, сам погребенный лежал головой на запад, лицом на север. Умерший был захоронен в позе вытянуто на спине. Кости ног очень тесно сжаты в районе берцовых костей, стопы сведены вместе и вытянуты. Руки тесно прижаты к телу и сведены вместе (вложены друг в друга) в районе низа живота или паха. Специфика погребения указывает на то, что тело погребенного было подвергнуто пеленанию в саван и, возможно, предшествующему связыванию. Вдоль лица ото лба до нижней челюсти фиксируются тонкие полоски дерева, которые, видимо, прикрывали лицо в форме погребальной маски. На груди и в районе стоп фиксируются жженые кости животного, подобные сильно кальцинированные кости также фиксируются у стоп. В 100 см к югу фиксируется еще одно аналогичное погребение со схожей ориентацией. В 60 см к северу найдено скопление костей человека, оставшееся после расчистки дороги. Все антропологические находки были переданы специалистам ИПОС СО РАН. Информатор не только указал место находки, что позволило привязать еще одно из зеркал к погребальному памятнику, но и рассказал, что данное зеркало было найдено в чем-то напоминающем шерстяную сумку. В целом, по этим признакам оба погребения с зеркалами у Камышевки и Кандаково чрезвычайно близки. Отсутствие признаков насыпи у Кандаково, поза погребенного, в т. ч. положение рук, возможное пеленание в саван с предшествующим связыванием, западная ориентировка головы, безинвентарность двух из трех погребений – это в той или иной совокупности характерные признаки мусульманского погребального обряда Золотой Орды XIV в. [Васильев 2007: 82-148].

В сентябре 2019 г. при незаконной добыче песка в лесу у строящихся коттеджей д. Лаптево (Кетовский р-н, Курганская обл., РФ) было найдено еще одно зеркало диаметром 8,5 см с четырьмя бегущими по кругу животными. По качеству отливки – это литейная реплика с привозного оригинала с очень нечетким рельефом (складывается впечатление, что это копия не столько с оригинала, сколько с другой копии) – оно весьма близко к зеркалу с гоном животных из Кандаково. При этом в отличие от находки в Камышевке, где фиксируется сильная зеленая патинизация зеркала, в Лаптево и Кандаково мы явно имеем дело с иным составом металла зеркал, то есть т. н. «белой бронзой». По факту находки была срочно проведена разведка, которая зафиксировала в одной из стенок ямы фрагменты сгоревшего деревянного сооружения, скорее всего, жилища, в дальнейшем законсервированного. Г.А. Федоров-Давыдов относит подобные зеркала к отделу К, имеющему в основном аналоги в поволжских городах Золотой Орды, в том числе в Болгаре и Новом Сарая [Федоров-Давыдов 1966: 82].

Буквально в апреле 2022 г. при строительстве еще одного коттеджа в самом с. Кетово, примерно в 6 км от предыдущего, был найден фрагмент зеркала с высоким бортиком (реконструируемый диаметр почти 13 см) с изображением «гона» зодиакальных животных на внешней полосе и стилизованным растительным орнаментом на средней полосе. К.А. Руденко относит его к отделу Ч и приводит аналоги как из поселенческих памятников на территории Поволжья, так и Северного Кавказа [Руденко 2004: 122]. Л.Ф. Недашковский относит к отделу А типу 9, приводя аналог из памятников Волго-Камья, Украины и Ирана [Недашковский, Ракушин 1998: 34]. В целом все зеркала с гоном животных и растительным орнаментом относятся ко 2-й пол. XIII – середине XIV в.

Последнее из найденных зеркал с высоким бортиком, точнее его фрагмент, было обнаружено при неизвестных обстоятельствах, скорее всего, в результате работ черных копателей, в районе

д. Воденниково (Шадринский р-н, Курганская обл., РФ) и известно нам только по фотографии. Его диаметр не более 8 см. По типологии К.А. Руденко оно относится к типу Ц, для которого характерен орнамент в виде тюльпанов, лотосов или гранатов. Конкретно в нашем случае на сохранившемся фрагменте доминируют изображения тюльпанов. Подобные артефакты известны по находкам на Болгарском и Билярском городище, а также в нижневолжских могильниках и в основном датируются XIV в. [Руденко 2004: 121-122].

Таким образом, с учетом новых находок за последние 15 лет на территории Среднего Приоболья, то есть к востоку от курганов с каменными выкладками, которые, по мнению В.П. Костюкова, связаны с монголоязычными кочевниками Улуса Шибана [Костюков 2010: 130–133], выявлено более 25 местонахождений золотоордынских находок, среди которых кладовые комплексы, грунтовые могильники, стоянки и поселения. Столь большое разнообразие памятников свидетельствует о значительной заселенности данного региона во 2-й пол. XIII-XIV в., а также его связи с соседними урбанизированными регионами Поволжья и, возможно, Средней Азии по речным торговым путям. Обратим внимание, что находки по Исети довольно хорошо коррелируются с памятниками чияликской культуры и известными здесь в позднее средневековье тюрко-татарскими группами населения, в частности салжиут и катая [Маслюженко, Самигулов 2017: 62-64]. В этом отношении особое внимание обращает на себя именно постепенное увеличение числа памятников собственно по берегам самой р. Тобол, поскольку для последующих столетий наличие здесь тюрко-татарского населения очень плохо прослеживается в источниках, кроме возможного кочевания на левобережье табынцев [Маслюженко 2012: 197-204; Колобова 2020: 119-122].

ЛИТЕРАТУРА

- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XIV вв. Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2000. 256 с.
- Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск. Археологический очерк. Тобольск: (б.и.), 2008. 114 с.
- Васильев Д.В. Мусульманский погребальный обряд в Золотой Орде. Астрахань: Изд-во АГУ, 2007. 192 с.
- Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181-198.
- Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука – Восточная литература, 2017. 559 с.
- Колобова Я.Р. Особенности отображения тюрко-татарского населения Среднего Приоболья на чертежах С.У. Ремезова // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: м-лы IV Всероссийской (национальной) науч. конф. (г. Курган, 30 октября 2020 г.) Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 119-122.
- Костюков В.П. Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. 200 с.
- Маслюженко Д.Н. Представители племени табын в системе сибирской государственности Шибанидов // Проблемы этнической истории тюркского населения Западной Сибири. Сб. науч. тр. Астана: Мастер-По, 2012. С. 197-204.
- Маслюженко Д.Н. Юго-Западная Сибирь в составе Улуса Джучи: династийная принадлежность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. М-лы III Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (г. Курган, 21–22 апреля 2017 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 15-21.
- Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Клад XIII в. у с. Белый Яр Курганской области: состав и интерпретация // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание). М-лы всероссийской науч. конф. (с международным участием) / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 318-321.
- Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Археологические памятники XIII–XIV вв. на территории лесостепного Приоболья: вопросы выявления // Маргулановские чтения–2019: М-лы Междунар. археол.

- науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения выдающегося казахстанского археолога К.А. Акишева (г. Нур-Султан, 19–20 апреля 2019 г.) / Отв. ред. М.К. Хабдулина. Нур-Султан: НИИ археологии им. К.А. Акишева, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2019. С. 516-522.
- Маслюженко Д.Н., Самизулов Г.Х.* Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII века // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 57-72.
- Маслюженко Д.Н., Ханов С.А.* Зеркала монгольского и золотоордынского времени с территории лесостепного Притоболья // Археология Среднего Притоболья и сопредельных территорий. М-лы межрегионального круглого стола, посвящ. 50-летию Курганской археологической экспедиции (г. Курган, 8 декабря 2016 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Курганский гос. ун-т, 2016. С. 69-76.
- Маслюженко Д.Н., Чорэф М.Ю.* Новые находки монет золотоордынского времени на территории Курганской области // Поволжская археология. 2017. № 4 (22). С. 175-189.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
- Матвеева Н.П.* Чимги-тура (Царево городище) // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 172-176.
- Недашковский Л., Ракушин А.* Средневековые металлические зеркала с Увеского городища // Татарская археология. 1998. № 1 (2). С. 34-51.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
- Рафикова Т.Н.* Результаты изучения Царева городища (2007-2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. М-лы междунар. конф. (г. Курган, 21–22 апреля 2012 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. С. 11-15.
- Руденко К.А.* Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 111-156.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во МГУ, 1966. 275 с.

С. Т. Сайпов

Сайпов Садулла Турсынбаевич,
Каракалпакский государственный университет имени Бердаха,
г. Нукус, Республика Узбекистан, sadullasaipov@mail.ru

**Изучения средневековой неполивной керамики
Арало-Каспийского региона
(по материалам Юго-Восточного Устюрта)**

Аннотация. Степная зона Арало-Каспийского региона с давних пор находятся на пристальном внимании ученых археологов, так как зона находится при стыке оседлого оазиса с кочевыми племенами. Большая территория Устюрта с древних времен было заселена кочевыми племенами. В статье анализируются неполивные керамические изделия, найденные во время археологических работ в караван-сараях, городищах, курганных погребениях, стреловидных планировок, святилищ и сигнальных башен Юго-Восточного Устюрта. Приводятся сведения об истории изучения неполивной керамики данного региона. Выявляются этапы развития керамического комплекса. Выдвигается обстоятельная версия о том, что большинство материалов региона изготовлено хорезмийскими мастерами-гончарами.

Ключевые слова: Юго-Восточная Устюрт, неполивная керамика, основные этапы, лепная керамика, станковая керамика, привозная керамика

Садулла Турсынбайұлы Саипов,
Бердах атындағы Қарақалпақ мемлекеттік университеті, Нөкіс қ., Өзбекстан

**Арал-Каспий аймағының ортағасырлық сырсыз керамикасын зерттеу
(Оңтүстік-Шығыс Үстірт материалдары негізінде)**

Аннотация. Арал-Каспий аймағының далалық зонасы бұрыннан археолог ғалымдардың жіті назарында болды, өйткені аймақ көшпелі тайпалар мен отырықшы оазистің түйіскен жерінде орналасқан. Үстірттің үлкен территориясын ежелден көшпелі тайпалар мекендеген. Мақалада Оңтүстік-Шығыс Үстірттің керуен сарайларынан, қалаларынан, обалы жерлеуден, жебе тәріздес орналасуынан, ғабдатхана және дабыл мұнараларынан археологиялық жұмыстар кезінде табылған сырсыз қыш ыдыстардың зерттелуіне талдау жасалған. Бұл өлкенің сырсыз керамикасының зерттелу тарихы туралы мәліметтер келтірілген. Керамикалық кешеннің даму кезеңдері ашылды. Аймақ материалдарының басым бөлігі Хорезмдік құмыра шеберлерінің қолынан шыққан деген егжей-тегжейлі нұсқасы алға тартылды

Түйін сөздер: Оңтүстік-Шығыс Үстірт, сырсыз керамика, негізгі кезеңдер, жапсырмалы керамика, станокты керамика, алып келінген керамика

Sadulla Saipov,
Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan

**The study of medieval unglazed ceramics of the Aral-Caspian region
(based on the materials of South-East Ustyurt)**

Abstract. The steppe zone of the Aral-Caspian region has long been under the close attention of archaeologists, since the zone is located at the junction of a settled oasis with nomadic tribes. A large territory of Ustyurt has been inhabited by nomadic tribes since ancient times. The article analyzes the study of unglazed pottery found during archaeological work in caravanserai, settlements, burial mounds, arrow-shaped layouts, sanctuaries and signal

towers of South-Eastern Ustyurt. Information about the history of the study of unglazed ceramics of this region is given. The stages of development of the ceramic complex are revealed. A detailed version is put forward that most of the materials of the region were made by Khorezm master potters.

Keywords: South-Eastern Ustyurt, unglazed ceramics, main stages, stucco ceramics, easel ceramics, imported ceramics

Между Аралом и Каспием лежит огромная каменная пустыня, известная под названием плато Устюрт. Его границы довольно четко очерчиваются обрывами-чинками, местами достигающими 190 м высоты. Несколько неопределенна граница плато на юго-западе, здесь ее условно проводят по линии, соединяющей левый борт впадины Казахлы с мысом Кулангурлан на берегу залива Карабогазгол.

Проблема археологического изучения Устюрта как особого историко-культурного региона неизбежно выдвинула вопросы о том, было ли на Устюрте постоянное население при первоначальном освоении плато, каким образом происходила хозяйственная адаптация человека в суровых условиях пустыни на разных этапах исторического развития, была ли неизменной природная среда обитания на Устюрте во все периоды его освоения человеком и т. д. [Древняя и средневековая... 1978: 7]. Особенно представляют интерес такие актуальные проблемы, как исследования неполивной керамики региона и их типологическая и технологическая классификация, в которой можно обнаружить следы местного или привозного происхождения.

Изучение памятников Юго-Восточного Устюрта началось в 60-х гг. XX столетия, когда началось широкомасштабное освоение просторов и богатств недр этого огромной территории. Впервые характеристику керамических комплексов Арало-Каспия XIII-XIV вв. приводят Е.Б. Бижанов и В.А. Лоховиц на материалах небольших шурфов и поверхностных сборов на некоторых из Устюртских караван-сараяв. Они впервые выделили из общего массива золотоордынской керамики две группы неполивной станковой керамики [Бижанов, Лоховиц 1969: 56-58, рис. 4, 5]. Более подробная классификация средневекового керамического комплекса от VII по XIV вв. этого региона проводился профессором В.Н. Ягодином [Ягодин 2013: 140-190].

В публикациях по отдельным районам Арало-Каспийского междуморья неоднократно отмечаются находки керамики, однако информация о ней ограничивается сообщениями о том, что это керамика “огузская”, “керамика X-XI вв.,” “керамика лепная” и т. п. Исследование керамики средневековых памятников восточных и юго-восточных чинков Устюрта проводилось на двух уровнях: по комплексам (отдельным памятникам или их группам) и по хронологическим периодам [Ягодин 2013: 191].

Используя для анализа керамического комплекса Арало-Каспийского региона материалы из раскопок стреловидных планировок Декча-1, Карамата 7 и северо-устюртской системы стреловидных планировок; святилищ Субетимералан куркреук, Жарынкудук-10, святилища 1 археологического комплекса Дуана; городищ Курганча (Давлетгитей), Аджибай Кыяжол, Караумбет (городище и сигнальная башня), Куланлы, Хантерсек Айата; караван сараяв Чурук, Белеули, Косбулак, исследователь В.Н. Ягодин, систематизируя весь керамический материал, приводит нижеследующие периодизацию:

VII-VIII вв. период - Джетыясарско-Кердерский;

IX-XI вв. период – огузский;

XII - начало XIII в. – период кипчакский, домонгольский;

вторая половина XIII – XIV в. – период кипчакский, послемонгольский.

В так называемом периоде VII-VIII вв. – Джетыясарско-Кердерском керамические комплексы происходят из племенного святилища 1, могильника Дуана, святилища Жарынкудук-10,

святилища Сумбетимаералан-куркреук, Северо-устюртской системы стреловидных планировок, стреловидной планировки Карамата-7, стреловидной планировки Декча-1.

Керамический материал, полученный из раскопок перечисленных археологических объектов, по технологическим признакам исследователь разделил на две группы. В первую выделены сосуды, сформированные вручную из плохо промешанной формовочной массы с обильными примесями крупномолотого шамота, напольного обжига. Во вторую группу, представленную единичными экземплярами, выделена керамика, изготовленная на гончарном круге или выполненная вручную, но с применением поворотной подставки, из относительно хорошо промешанной формовочной массы и, очевидно, горнового обжига [Ягодин 2013: 195].

У большинства сосудов этого периода поверхность обычно грубобугристая, плохо заглаженная. Внешняя поверхность до обжига затиралась жидкой глиной. У некоторых сосудов внешняя поверхность имела характерную отделку в виде нарочито грубой обмазки с хорошо выраженной вертикальной ребристостью. В одном случае на внешней поверхности сосуда отмечена слабовыраженная горизонтальная ребристость (рис. 1). Сосуды формировались вручную, без применения гончарного круга или поворотной подставки. Формовочная масса плохо промешана, приготовлена из неотмученной глины, в которую в значительных количествах вводился отощитель в виде шамота. Обжиг напольный, слабый, неравномерный, черепок в изломе черный, часто крошится [Ягодин 1991: 81].

Период IX-XI вв. – огузские керамические комплексы происходят с горо-

Рис. 1. Керамические комплексы Арало-Каспийского региона VI–VIII вв. – Джетыясарско-Кердерского периода (по: [Ягодин 2013])

дищ, башен, стреловидных планировок, остатков кочевий, курганов Восточного чинка и внутренних районов Устюрта.

По технологическим признакам всю керамику можно разделить на три группы: 1) станковая неполиваная; 2) станковая поливаная; 3) лепная. Первые две группы представлены формами, хорошо изученными по материалам оседло-земледельческих поселений и городов Хорезма афригидо-саманидского периода. Третья группа представлена чрезвычайно выразительными, видимо имеющими “этническую окраску”, формами (рис. 2). Типологическая и хронологическая классификация этой керамики датируется по нахождению в комплексах с датированной станковой хорезмийской керамикой [Ягодин 2013: 210].

В исследованных на Устюрте археологических объектах находки керамики представлены неравномерно и их информативная ценность различна. На остатках кочевий, курганах и стреловидных планировках отмечены лишь единичные находки керамики, в основном принадлежащие к первой из вышеупомянутых групп. На башнях находки иногда более многочисленны, здесь представлена керамика 1 и 2 групп, в культурных слоях городищ – многочисленные керамические комплексы, включающие керамику всех трех перечисленных групп [Ягодин 2013: 211]. Керамические комплексы, по мнению исследователей Арало-Каспийского междуморья, относятся к IX–XI вв. Подобные комплексы имеются на городищах Аджибай, Караумбет и Куланлы.

Период XII – начала XIII в. – кипчакский, домонгольский, хорезмшахский: керамические комплексы представлены, в основном, из раскопок и поверхностных сборов с городищ и башен. Комплексы более полные, чем комплексы предшествующего периода, поскольку они происходят в основном из культурных слоев не нарушенных более поздними перестройками. Керамика XII – начала XIII в. делится на три группы: станковую неполиваную, станковую поливаную, лепную. Первые две группы представлены хорошо изученными хорезмийскими формами. Керамика 3-й группы весьма своеобразна, она имеет “этническую окраску”. Хронологическая позиция этих керамических находки устанавливается по нахождению в комплексах с хорошо изученной хорезмийской керамикой (рис. 3).

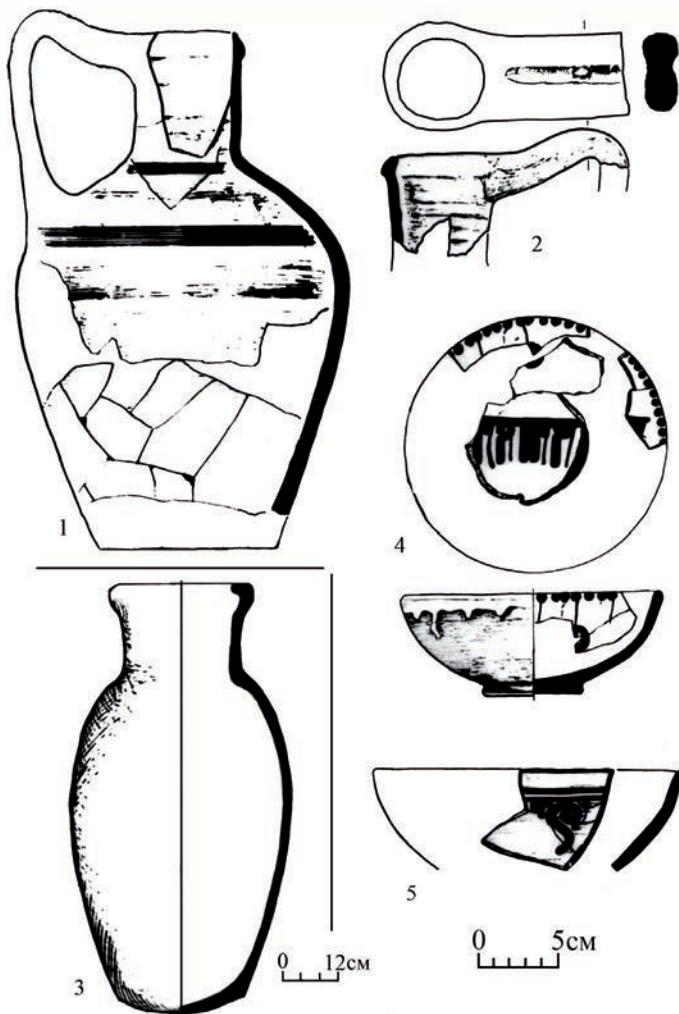

Рис. 2. Керамические комплексы Арало-Каспийского региона IX–XI вв. – огузского периода (по: [Ягодин 2013])

Характеризуют керамику XIII – начала XIV в. наиболее многочисленные, типологически и технологически разнообразные комплексы на городищах Аджибай, Караумбет, Куланлы, Хантерсек [Ягодин 2013: 219].

Период второй половины XIII – XIV в. – кипчакский, послемонгольский, золотоордынский: керамические комплексы этого периода происходят, в основном, из караван-сараев плато Устюрт и ханаки в кульгово-погребальном комплексе Айата на юго-восточном выступе плато (рис. 4).

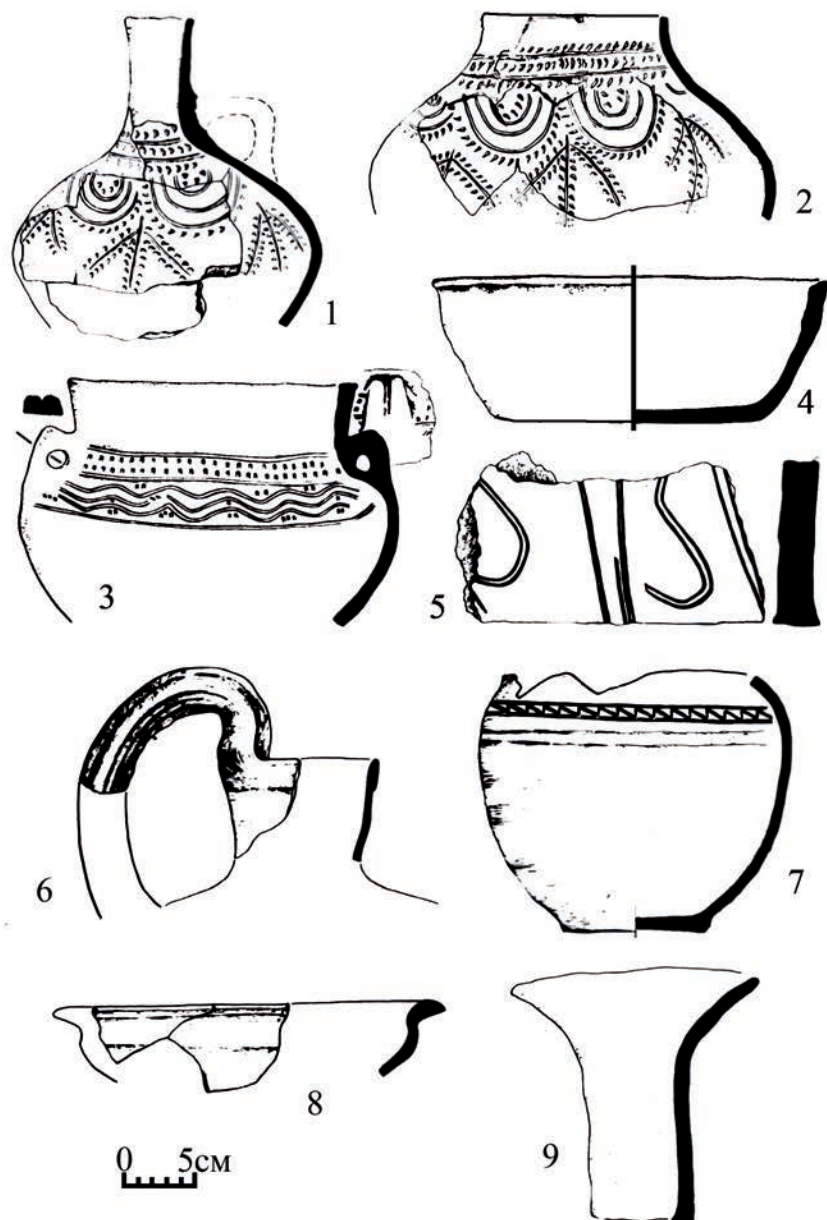

Рис. 3. Керамические комплексы Арало-Каспийского региона XII – начала XIII в. кипчакского, домонгольского периода (по: [Ягодин 2013])

Керамические комплексы из отдельных археологических объектов этого периода опубликованы Ю.П. Маныловым и Н.Ю. Юсуповым [Манылов 1982: 82; Юсупов, Манылов 1990: 151; рис. 2; 4]. В рассматриваемых комплексах полностью отсутствует лепная керамика, занимавшая значительное место в керамических комплексах предшествующих периодов.

Публикации керамики Арало-Каспия XIII–XIV вв. немногочисленны. Впервые характеристику керамического комплекса интересующего нас периода приводят Е. Бижанов и В.А. Лоховиц на небольшом материале из шурфов на некоторых караван-сараях [Бижанов., Лоховиц 1969: 56–58, рис. 4, 5; Бижанов 1978: 40]. На более представительном материале вопрос о керамике XIII–XIV вв. Арало-Каспия рассматривали Ю.П. Манылов и Н.Ю. Юсупов [Манылов 1978: 160; Юсупов., Манылов 1990: 154]. Исследуя керамические комплексы этого периода, они выделяют следующие группы: 1. Красно-глиняная станковая, неполированная керамика; 2. Сероглиняная, станковая, неполированная керамика; 3. Полированная, разделенная на

два отдела: А – красно- и жетоглиняная; Б – кашинная. Внутри групп, а там где есть отделы и подотделы, керамика разбита на формы, которые, в свою очередь, делятся на типы [Ягодин 2013: 254].

Таким образом, изучив средневековую керамику Арало-Каспия в основном по материалам Юго-Восточного Устюрта, исследователи формулируют некоторые предварительные итоги:

Для периода VII–VIII вв. выявлено, что, во-первых, керамика представляет единый в культурном отношении комплекс, по сумме признаков совпадающий с керамикой Джетыясарской культуры низовьев Сырдарьи на третьем этапе ее развития и Кердерской культуры Приаральской дельты Амударьи на раннем этапе ее развития. Можно полагать, что археологические памятники Устюрта VII–VIII вв. принадлежат Джетыясарской и Кердерской культурам и возможно выделены как локальный Джетыясарско-Кердерский археологический комплекс Арало-Каспийского междуморья.

С другой стороны, в хронологическом отношении основная масса керамики может быть ограничена VII–VIII вв. Однако некоторые признаки свидетельствуют о возможности появления Джетыясарской культуры на Устюрте в более раннее время. Но при современном уровне археологической изученности пустынь Арало-Каспия более определенно установить время первоначального появления Джетыясарской культуры на Устюрте не представляется возможным [Ягодин 2013: 260].

Керамический комплекс IX–XI вв. на уровне отдельных памятников представляет собой органическое соединение двух различных по происхождению культурных элементов.

Во-первых, огузская лепная керамика представлена, по преимуществу, горшковидными формами, декор прорезной и накладной с защипами или пальцевыми вдавлениями. Круг известных сейчас огузских памятников достаточно велик: низовья Сырдарьи, Мангышлак, Приаральская дельта Амударьи. Прослеживается генетическая связь огузской керамики с более ранней Джетыясарской

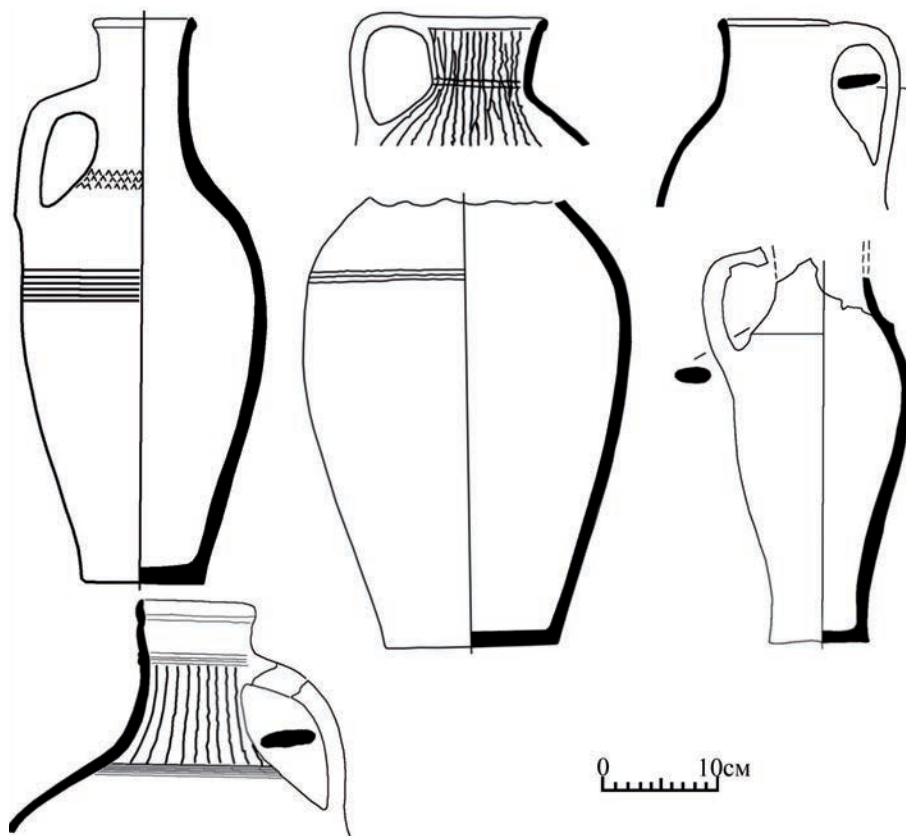

Рис. 4. Керамические комплексы Арало-Каспийского региона второй половины XIII–XIV в. – кипчакский, послемонгольский период (по: [Ягодин 2013])

на третьем этапе ее развития и Кердерской на раннем этапе ее развития [Гудкова, Ягодин 1963: 267; Ягодин 1981: 90].

Во-вторых, это хорезмийская афригидо-саманидская керамика, в какой то степени переработанная под воздействием культуры огузов. Выявлены признаки позволяющие говорить о том, что на кочевников-огузов, вероятно работали ряд хорезмийских гончарных центров расположенных в его северо-западных районах [Гудкова А.В., Ягодин 1963: 130–137; Ягодин 1981: 84–95].

Из единственного скупого описания огузского керамического комплекса в низовьях Сырдарьи (Инкардарья) следует, что здесь он также представлен тремя группами керамики: станковой неполивной, станковой поливной и лепной и представляет тоже соединение собственно огузской, лепной и хорезмийской станковой керамики. Описания лепной керамики (горшки, украшенные налепными валиками с защипами) [Толстов 1962: 281], позволяют говорить о близости устюрской и нижнесырдарьинской лепной огузской керамики. Определенные элементы близости обнаруживает лепная кочевническая керамика степей юга Восточной Европы, в частности керамика Саркела Белой Вежи [Плетнева 1958: 177–178].

Анализ керамических комплексов XII – начала XIII в. показывает определенное культурное единство, в котором, как и для керамики IX-XI вв., выделяются две основных составляющих этого единства. Эта керамика, вышедшая из специализированных гончарных мастерских средневекового Хорезма, во-вторых, это керамика домашнего производства, собственно кочевническая и, надо полагать, имеющая “этническую окраску”. Соединение их и представляет керамический кипчакский комплекс Арало-Каспийского междуморья XII – начала XIII в. Эти две составляющих единого керамического комплекса имеют помимо типологических и технологических различий также и различия генетического порядка. Ремесленная керамика, как это уже отмечено, является хорезмийской по происхождению, лепная обнаруживает черты преемственности, восходящие еще к Джетыясарской керамике III этапа ее развития, а затем огузской керамике Арало-Каспия, низовий Сырдарьи и позднеркердерской лепной керамике Приаральской дельты Амударьи [Вишневская 1963: 54].

На материалах Сырдарьи эту преемственность с керамикой предшествующего огузского периода уже отметила Н.Н. Вактурская, связавшая комплекс лепной керамики XII – начала XIII в. с городища Асанас с проникновением в местную огузскую среду нового кипчакского этнокомпонента [Вактурская 1979: 129–130].

Производство лепной керамики, как показал вышеприведенный анализ, находилось под сильным воздействием ремесленного керамического производства средневекового Хорезма эпохи Великих Хорезмшахов, многие формы лепной керамики обнаруживают явную зависимость от своих ремесленных прототипов. Отсутствие следов керамического производства в изученных огузских и кипчакских городищах дает основание полагать, что ремесленная посуда поступала к кочевникам Устюрта из Хорезмийских ремесленных центров [Ягодин 2013: 270].

Керамика 3-й группы в массовых хорезмийских материалах аналогий не находит. Тем не менее, отдельные находки подобной керамики отмечены в культурных слоях XII – начала XIII в. хорезмийских памятников, расположенных на территориях, непосредственно примыкающих в Устюрту. Эти признаки могут свидетельствовать о культурных взаимосвязях, а, возможно, и инфильтрации в хорезмийский субстрат новых этнических элементов из пустынь Арало-Каспия.

В керамическом комплексе второй половины XIII – XIV в. золотоордынского периода наблюдается соединение двух основных традиций: во-первых, хорезмийского гончарного ремесла, в котором прослеживается преемственность с керамикой предшествующей эпохи XIII – начала

XIII в. Исследователи отмечают, что в Хорезме “в золотоордынский период гончарное производство восстановилась и даже, известным образом, продолжало развиваться, но почти исключительно в области усовершенствования технических достижений Хорезмшахского периода” [Вактурская 1959: 341]. Во-вторых, воздействовали традиции гончарного производства золотоордынских городов Поволжья. Исследователи отмечают синкретичность керамического комплекса золотоордынских городов Поволжья и его генетической зависимости от целого ряда более ранних культур, выделяя, прежде всего, алано-болгарский пласт [Михальченко 1973: 131].

И так уже отмечено, что впервые характеристику керамических комплексов Арало-Каспия XIII–XIV вв. приводят Е.Б. Бижанов и В.А. Лоховиц на материале небольших шурфов и поверхностных сборов на некоторых из Устюртских караван-сараев. Этими исследователями впервые выделены из общего массива золотоордынской керамики две группы неполивной станковой керамики. Одна из них, как полагают исследователи, генетически связана с производственными центрами золотоордынских городов Поволжья, другая является продукцией хорезмийских ремесленников [Бижанов, Лоховиц 1969: 56–58, рис. 4, 5].

На территории Поволжья подобная керамика не появляется только в эпоху Золотой Орды. Еще А.Ю. Якубовским была высказана мысль о том, что неполиваная керамика золотоордынских городов Поволжья была распространена здесь еще в домонгольский период и связана с керамикой Поволжья и Нижнего Дона [Якубовский 1931: 48]. А.П. Смирнов, Г.А. Федоров-Давыдов, развивая гипотезу А.Ю. Якубовского, полагали, что неполиваную красноглиняную золотоордынскую керамику генетически можно связывать с болгарской или аланской керамикой [Смирнов, Федоров-Давыдов 1959: 131]. Имеются находки этой керамики в горнах золотоордынских городов Поволжья, что указывает на ее поволжское происхождение.

В Хорезме она не имеет, подобно сероглиняной, генетической связи с предшествующими керамическими комплексами, нет пока ее надежно документированных находок и в керамических горнах. В Хорезм она, вероятно, попадала по торговым путям. Не исключено, однако, что под влиянием керамических традиций золотоордынского Поволжья хорезмийские гончары в XIV в. возвращаются к ранее использовавшейся технологии производства красноглиняной керамики, обогащая ее за счет поволжских влияний [Ягодин 2013: 272; Ягодин., Ходжаниязов 1970: 78].

Таким образом, по анализам керамическим комплексам Арало-Каспийского региона можно предположить, что они имели тесную связь с Хорезмийским местным производством и Присырдаринским регионами, а попавшая сюда Приволжская керамика свидетельствует об оживлении политического и торгового контакта с этим регионом в развитом средневековье и более позднее время. Керамические материалы не только выделяет хронологию памятников Юго-Восточного Устюрта, но в определенном смысле дают информацию этнической окраски того или иного области Арало-Каспийского региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Бижанов Е.Б.* Неолитические памятники Юго- Восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1978. С. 18-80.
- Бижанов Е.Б., Лоховиц В.А.* Устюртский караванный путь из Хорезма в Восточную Европу и Поволжье // Вестник ККО АН РУз. 1969. № 2. С. 52-58.
- Вактурская Н.Н.* Классификация средневековой керамики Хорезма (IX–XVII вв.) // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.: АН СССР, 1959. С. 261-342.
- Вактурская Н.Н.* Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. М.: Изд-во: Наука, 1979. С. 127-132.
- Вишневская О.А.* Археологическая разведка на средневековых поселениях Левобережного Хорезма. // МХЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып. 7. С. 54-72.

- Гудкова А.В., Ягодин В.Н.* Археологические исследования в Правобережной части Приаральской дельты Амударьи в 1958-1959 гг. // МХЭ. Вып. 6. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 248-273.
- Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта / Отв. ред. С.К. Камалов* Ташкент: Фан, 1978. 324 с.
- Манылов Ю.П.* Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент: Фан, 1978. С. 79-198.
- Манылов Ю.П.* Археологические исследования караван-сараев Центрального Устюрта // Археология Приаралья. Вып. 1 / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1982. С. 93-122.
- Михальченко С.Е.* Систематизация массовой, неполивной керамики золотоордынских городов // СА. 1973. № 3. С. 118-132.
- Плетнева С.А.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА СССР. № 68. М.; Л.: 1958. С. 151-226.
- Смирнов А.П., Федоров-Давыдов Г.А.* Задачи археологического изучения Золотой Орды // СА. 1959. № 4. С. 128-134.
- Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта / Отв. ред. Ю.А. Рапопорт. М.: Изд-во Вост. лит., 1962. 322 с.
- Юсупов Н., Манылов Ю.* Исследования средневековых городищ Восточного чинка Устюрта (Галыгумбез, Куланлы. Айата). Археология Приаралья. Вып. IV / Отв. ред. В.Н. Ягодин. Ташкент: Фан, 1990. С. 146-159.
- Ягодин В.Н.* Хайван кала-раннесредневековый Кердер.// Археологические исследования в Каракалпакии / Отв. ред. И.К. Косымбетов, В.Н. Ягодин. Ташкент: Фан, 1981. С. 78-102.
- Ягодин В.Н.* Стреловидные планировки Устюрта (Опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. Вып. V / Отв. ред. С.К. Камалов. Ташкент: Фан, 1991. 204 с.
- Ягодин В.Н.* Типолого-хронологическая систематизация средневековой керамики Арало-Каспия // Приаралье на перекрестке культур / Отв. ред. В.Н. Ягодин. Самарканд: МИЦАИ, 2013. С. 135-195.
- Ягодин В.Н., Ходжаниязов Г.Х.* Вал Дэвкескенский (к вопросу о функциях и хронологии) // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР. 1986. № 3. С. 86-89.
- Якубовский А.Ю.* К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // Известия ГАИМК. Т. 8. Вып. 2-3. Л., 1931. С. 91.

Ю. М. Могаричев

Юрий Миронович Могаричев,
Институт археологии Крыма РАН,
Крымский республиканский институт
постдипломного педагогического образования,
г. Симферополь, Россия; mogara@rambler.ru

Кочевники и Византия в Крыму в эпоху раннего средневековья (VIII–X вв.)

Аннотация. В статье рассматривается проблема взаимоотношений Византии и Хазарского каганата в Крыму в VIII–X вв. Выделяется несколько этапов. Конец VII – середина VIII в.: Выход хазар к границам полуострова. Хазары за материальное вознаграждение участвовали во внутривизантийских конфликтах, выступая на стороне то одной, то другой партии. 50–60-е гг. VIII – 70-е гг. VIII в.: Переселение части населения Хазарского каганата с разрешения и под контролем византийских властей на территорию Крыма (в основном Керченский полуостров). 80-е гг. VIII в. – первая половина 30-х гг. IX в.: Экспансия хазар в юго-западную часть Крыма, а после подавления выступления местного населения и захват ими большей части полуострова. Вторая половина 30-х гг. IX в. – 70–80-е гг. IX в.: Ослабление хазарского господства, приводит к созданию Византией фемы Климатов. К концу этого периода хазары, не смотря на попытки удержаться в Крыму, были вынуждены его покинуть.

Ключевые слова: Византия, Хазарский каганат, Крым, Херсон, Готия, кочевники

Юрий Миронович Могаричев,
РФА Қырым Археология институты,
Қырым Республикалық дипломнан кейінгі педагогикалық білім беру институты,
Симферополь қ., Ресей

Ертеортағасырлардағы Қырымдағы Византия мен көшпенділер (VIII–X ғғ.)

Аннотация. Мақалада VIII–X ғғ. Қырымдағы Хазар қағанаты мен Византияның өзара қарым қатынасы мәселелері қарастырылады. Бірнеше кезеңдерге бөлінеді. VII ғ. аяғы–VIII ғ. ортасы – Хазарлардың түбек шекарасына шығуы. Хазарлар материалдық сыйақы үшін кейде бір, кейде басқа партияның жағында сөз сөйлеп, ішківизантиялық қақтығыстарға араласады. VIII ғ. 50–60 жж. – VIII ғ. 70 ж. Хазар қағанатының тұрғындарының бір бөлігінің византия билігінің рұқсатымен және бақылауымен Қырым территориясына (негізінен Керч түбегі) қоныс аударуы. VIII ғ. 80-жылдары – IX ғ. 30 ж. бірінші жартысы – Хазардың Қырымның оңтүстік-батыс бөлігіне экспансиясы, жергілікті халықтың наразылығын басқаннан кейін түбектің көп бөлігін басып алуы. IX ғ. 30 ж. екінші жартысы – IX ғ. 70–80-жж. – Хазар үстемдігінің әлсіреуі Византияның Климаттар фемасын құруына әкеледі. Осы кезеңнің соңына қарай хазарлар Қырымда қалуға тырысқан әрекеттеріне қарамастан, оны тастап кетуге мәжбүр болды.

Түйін сөздер: Византия, Хазар қағандығы, Крым, Херсон, Готия, көшпенділер

Yuriy Mogarichev,
Institute of Archaeology of Crimea Russian Academy of Sciences,
Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education,
Simferopol, Russia

The Nomads and Byzantine Empire in Early Middle Ages (8th–10th centuries)

Abstract. The article considers the relationship between the Byzantine Empire and the Khazarian Kaganate in the 8th–10th centuries. The author marks several stages. The end of the 7th – middle of the 8th was characterized

by Khazarian approaching the boundaries of the peninsula. In return for payment Khazarians participated in inner Byzantine conflicts, on one or another side. The 50–60-s – 70-s of the 8th century were characterized by the settlement of Khazarian Kaganate's population in Crimea (mainly on the Kerch peninsula). The 80-s of the 8th century – the first part of the 30-s of the 9th century were characterized by Khazarian expansion on the South-West Crimea and seizing of most of the peninsula after the suppression of local unrest. The second part of the 30-s – 70–80-s of the 9th century was defined by a weakening of Khazarian control over Crimea and the creation of a new Byzantine province – *thema Klimata*. At the end of the period, despite all efforts to maintain, Khazarians were forced to leave Crimea.

Keywords: Byzantine, Khazarian Khaganate, Crimea, Cherson, Gothia, nomads

История средневекового Крыма является неотъемлемой частью истории Византийской империи. Напомним, еще в античный период полуостров (вернее его прибрежные районы) вошли в орбиту сначала древнегреческой, а затем и римской цивилизации. Учитывая географические особенности полуострова, значительную часть которого составляют степные пространства, здесь осуществлялись активные контакты Византии с кочевыми народами – гуннами, тюрками, хазарами, печенегами, половцами и др. Это не могло не привести к взаимовлиянию культур.

Первый кочевой народ, появившейся в Крыму в эпоху раннего средневековья были тюрки (в данном случае мы имеем в виду пришедший на Крымский полуостров. С середины V в. на Боспоре проживали гунны-утигуры [см. напр.: Казанский 2021: 110], которые были вытеснены оттуда при Юстиниане I, очевидно, между 527 и 534 гг. [см. напр.: Могаричев 2014: 10–11]).

В 576 г. они разграбили Боспор, а в 581 г. оказались у стен Херсона, правда, взять город не смогли. В том же году, после смерти кагана Арсилы, их государство распалось, тюрки были вынуждены уйти из Крыма и здесь восстанавливается византийская власть. От вторжений тюрков пострадали Боспор и его округа, в Юго-Западном Крыму разрушений, связанных с их походом, не выявлено [см. напр.: Айбабин 2018а: 231–232; Могаричев 2014: 13–14].

Хазары – кочевой народ, создавший одно из крупнейших средневековых государств Восточной Европы – Хазарский каганат. Несмотря на постоянно увеличивающийся интерес исследователей к данному историческому феномену, многие проблемы истории этого этноса и образованного им государства пока остаются далекими от окончательного решения. Источники, которые могли бы пролить свет на основные вопросы хазарской истории, малочисленны и противоречивы [см. напр.: Артамонов 2001; Голб, Прицак 1997; Голден 2005; Живков 2010; Калинина и др. 2014; Коковцов 1932; Новосельцев 1990; Плетнева 1986; 1999].

В значительной степени последнее касается и «крымского аспекта» хазарской истории. Различные моменты истории полуострова «хазарского периода» во многом еще не выяснены. Основные вопросы, по которым разворачиваются дискуссии, это: время прихода хазар на полуостров; кто доминировал в Крыму в «хазарский период»: хазары, Византия (в каком регионе и в какое время) или был установлен кондоминиум; основные этапы хазарской экспансии в Крым; проблема салтово-маяцкой археологической культуры на полуострове [см. подр.: Айбабин 1999: 171–224; 2018б; Васильев 1927; Майко 2004; 2020; Могаричев 2014: 36–64, Могаричев и др. 2007; 2017; Науменко 2002; 2004; Сорочан 2005: 322–395; Цукерман 2001; 2002; 2010; Якобсон 1964: 27–75; и др.].

Древнейшими свидетельствами хазарского присутствия на территории Крыма являются данные «Хронографии» (между 810 и 814 гг.) Феофана Исповедника и «Бревиария» (70–80-е гг. VIII в) константинопольского патриарха Никифора [Чичуров 1980: 17–23, 145–150], касающиеся истории о ссылке в Херсон свергнутого императора Юстиниана II (685–695 и 705–711 гг.), его бегстве к хазарам, возвращении на константинопольский престол и последовавших за тем карательных мерах против Херсона.

Эти источники неоднократно анализировались различными авторами, правда, выводы были противоположными – от мнения о полном подчинении Крыма, или большей его части, хазарам до констатирования установившегося здесь кондоминиума между Хазарией и Византией.

Суть рассказов византийских летописцев сводится к следующему. В 695 г. в Константинополе был свергнут император Юстиниан II, которого отправили в ссылку в Херсон [Чичуров 1980: 62, 163]. Находясь там и узнав в 704 г. о свержении в столице своего обидчика императора Леонтия (695–698 гг.), Юстиниан стал высказывать свои претензии на престол. Жители Херсона (очевидно администрация города), опасаясь подобных заявлений, решили отделаться от ссыльного либо убив его, либо отправив в столицу. Прослышав об этом, Юстиниан бежал из города, связался с хазарским каганом и по разрешению последнего поселился в Фанагории, получив, при этом, в жены сестру кагана.

Но вскоре хазарский правитель, поддавшись уговорам (подкрепленным «обещанием множества даров») правившего тогда в Константинополе Тиверия III Апсимара (698–705 гг.), «<...> приказал Папацу, бывшему в Фанагории от его лица, и Валгицу, архонту Босфора, убить Юстиниана, как только дадут им знать. Но, как через слугу хагана об этом была извещена Феодора (жена Юстиниана – авт.), (все) стало известно и Юстиниану, он, призвав упомянутого Папаца для беседы наедине, задушил его струной; так же (Юстиниан поступил) и с архонтом Валгицем. (Затем) он немедленно отсылает Феодору в Хазарию, а сам тайно сбежал из Фанагории» [Чичуров 1980: 62–63].

Затем бывший император тайно переправляется к дунайским болгарам, при помощи которых в 705 г. возвращает себе престол. Будучи необычайно жестоким и злопамятным человеком, Юстиниан в 711/712 гг. отправил в Херсон карательную экспедицию. «Ромеи, прибыв в Херсон, захватили крепость, так как никто им не воспротивился, и уничтожили всех мечом, кроме подростков, пощадив их как неразумных и годных в услужение. А Тудуна – архонта Херсона, бывшего там от лица хагана, и Зоила, первого гражданина по роду и племени, также и сорок других знатным мужей, протевонов Херсона, вместе с семьями отослали василевсу. Других же семерых протевонов Херсона ромеи подвесили на деревянных вертелах и зажарили на огне; остальных двадцать, связав им руки за спиной и привязав к ремням хеландия, наполнили его камнями и потопили в пучине» [Чичуров 1980: 64]. По версии летописцев, возмущение императора вызвало сохранение жизни херсонским подросткам. Он снова отправляет в Крым войска. Однако императорский флот попадает в шторм и был, в значительной степени, уничтожен. «Когда Юстиниан узнал об этом, то ничуть не опечалился, <...> одержим безумием и, крича, угрожал, что вышлет другой флот, распшет и сровняет с землей все вплоть до стен» [Чичуров 1980: 64]. Узнавшие о неминуемой новой каре жители крымских византийских крепостей обратились за помощью к хазарам и восстали против Юстиниана II. В сложившейся ситуации император вынужден был отправить в Херсон несколько кораблей, на которых разместил 300 воинов. Их задачей было вернуть хазарам тудуна, а также арестовать и доставить в столицу руководителей бунтовщиков. Херсониты, укрывшись за городскими стенами, разрешили войти в город только нескольким императорским посланцам и тут же их убили. Тудуна вместе с византийскими солдатами «выдали хазарам и отослали хагану. Когда в дороге умер Тудун, хазары принесли ему жертву, убив» византийских солдат [Чичуров 1980: 64]. После этого «херсониты и жители других крепостей свергли Юстиниана и провозгласили василевсом сосланного в Крым Вардана-Филиппика» [Чичуров 1980: 64]. Узнав об этом Юстиниан отправляет в Крым новую армию «и приказывает <...> сровнять с землей стены Херсона и весь город, ни единой души не оставлять в живых» [Чичуров 1980: 65]. Императорские войска начали осаду города. Но тут на

помощь осажденным подоспели хазары и военные действия прекратились. В итоге, флот под предводительством Вардана-Филиппика направился в Константинополь. Юстиниан II бежал, но был схвачен и казнен, а Вардан воцарился на византийском престоле, где правил до 3 июля 713 г. [см.: Чичуров 1980: 62–65: 163–166].

Крымские области, упоминаемые в указанных источниках – Херсон, Боспор, и Климаты, несомненно, выступают в истории с Юстинианом II как местности, подчиненные Византии. Какова же роль хазар во всех этих событиях. Анализ источников показывает, что они выступают как наемники, которые участвуют в данной истории за определенное материальное вознаграждение. Ни один источник не упоминает о каких-то территориальных или политических претензиях со стороны хазар, наоборот акцентируя внимание на исключительно материальных требованиях.

Таким образом, можно сделать вывод, что в начале VIII в. Крым оставался частью Византийской империи как в представлении самих жителей, так и по мнению византийских летописцев. Хазары не претендовали на политическое господство здесь. Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась, в основном, к возможности получения дани. Если же хазары не по своей воли оказывались втянутыми во внутривизантийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими.

Современный уровень источниковедческой базы не позволяет говорить об изменении византийско-хазарских взаимоотношений в Таврике до середины – второй половины VIII в. Археологические материалы и письменные источники не фиксируют ни серьезных вооруженных конфликтов, ни изменений в составе населения. Мы не знаем, регулировались ли отмеченные отношения двусторонними договорами. Можно лишь предполагать, что каким-то образом они были упорядочены. Известно, что в начале VIII в. обе стороны оказались перед лицом арабской угрозы. Это вынудило их заключить союз, который в 732 г. был подкреплён браком сына Льва III Исавра (717–741 гг.), Константина, будущего Константина V (741–775 гг.), и хазарской принцессы Чичак, при крещении нареченной Ириной [Могаричев 2014: 18–22].

В середине – второй половине VIII в. в Крыму появляется порядка 250 новых поселений, причем приблизительно 85% из них были основаны на Керченском полуострове. Остальные 15–20% относительно равномерно «разбросаны» по Северо-Западному, Центральному и Юго-Восточному регионам. Все они возникают на свободных землях, по крайней мере, не зафиксировано ни одного случая, когда пришельцы селились на уже существующих поселениях и кого-либо изгоняли с обжитых мест. Новые населенные пункты не имели фортификационных сооружений. Археологические материалы не отмечают и изменений в жизни уже существующих поселений, в частности, городов Боспора и Сугдеи, окруженных новым, пришлым населением. Возникает вопрос о причинах такой массовой миграции, обстоятельствах и условиях расселения вновь прибывших на полуостров. Скорее всего, пришельцы пришли с территории Хазарского каганата. Данное перемещение населения в Крым происходило параллельно с другими миграционными процессами в Хазарии, в частности, с переселением алан и болгар из Центрального и Западного Предкавказья в области Северского Донца и Дона. Эти события исследователи традиционно связывают с поражением хазар во второй арабо-хазарской войне (722–737 гг.). Практически все авторы не сомневаются, что такая крупномасштабная акция проходила не без участия со стороны правителей Хазарии. Учитывая обстоятельства появления новых поселений, можно с большой степенью вероятности предположить неконфликтное проникновение новых жителей в Крым. Вероятно, данный процесс проходил с согласия и под контролем византийских властей, которые выделили вновь прибывшим земли Керченского полуострова, и лишь крайне ограниченному числу людей позволили селиться за его пределами. Широко известна политика Константинополя,

позволявшая варварам селиться на границах империи с целью использования их в качестве пограничников и приобщения к христианству. Учитывая союзнический уровень взаимоотношений Византии и Хазарии в данное время, нет ничего удивительного, что части христианского, или согласившегося принять христианство, населения из подвергшихся арабскому разгрому хазарских земель позволили поселиться в Крыму на пустующих землях. Таким образом, появление в 50–60-х гг. VIII в. на Керченском полуострове, Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму новых поселений не связано, вероятно, с подчинением этих регионов хазарам и не отражало каких-либо кардинальных изменений в византийско-хазарских отношениях на полуострове [см. подр.: Могаричев и др. 2017: 149–171].

Готия или Климаты (Южный и Юго-Западный Крым) до середины VIII в. находилась в подчинении Византии, которая управляла данной областью через Херсон. В церковном плане Херсон и Готия так же входили в одну церковно-административную единицу. По крайней мере, под деяниями Пято-Шестого Трульского Вселенского собора (692 г.) стоит подпись Георгия, епископа Херсона и Доранта (Дороса – совр. Мангуп) [Могаричев и др. 2017: 435]. Зависимость ее населения от хазар не выходила за пределы выплаты дани.

Однако уже в 80-х гг. VIII в. здесь меняется административное устройство. Во главе Готии источниками фиксируется Господин (Владелец, Кир), которому были подчинены местные архонты (очевидно начальники крепостей, власть которых распространялась и на окрестные сельскохозяйственные территории). Господин Готии, скорее всего, по должности являлся наместником пограничной области с особым статусом управления. Эти преобразования были проведены в Таврике византийскими властями перед лицом хазарской угрозы, которая к 80-м гг. стала очевидной. Наметившиеся в правление императрицы Ирины (780–790 и 797–802 гг.) изменения идеологического и политического курса империи, ослабление арабской угрозы на фоне заметного упадка Византии, не могли не вызвать реакции со стороны каганата, усилившего натиск на византийские владения в Таврике и на Кавказе [Могаричев и др. 2017: 486].

Серьезное столкновение между хазарами и местным населением, известное как восстание Иоанна Готского, произошло в Готии в период между концом 784 и 786 гг. О нем сообщает «Житие Иоанна Готского»: «А преподобный этот епископ Иоанн после этого своим собственным народом был выдан архонтам (старшинам) хазар за то, что он вместе с самим владельцем Готфии, его архонтами (старшинами) и всем народом участвовал в восстании, чтобы их страна не была подвластна упомянутым хазарам. Ибо каган, отправив войско, захватил их крепость по имени Дорос, расположив в ней гарнизон, который изгнал (затем) упомянутый преподобный епископ со своим народом и силой овладел клисурами. Затем, видя, что архиерей выдан одним местечком (селением), они (его народ, старшины и владелец) перебежали к кагану, который пощадил владельца Готфии, семнадцать же рабов каган замучил невинными. Преподобный же, заключенный под стражу, сбежав, сумел переправиться в Амастриду — христоролюбивый город» [Могаричев и др. 2007: 12].

Источник фиксирует однозначную последовательность событий. Хазары заняли главную крепость Готии – Дорос и разместили там вооруженный отряд. В ответ Господин Готии, его архонты, епископ Иоанн поднимают восстание, изгоняют хазар и захватывают Клисуры. Вероятно, под Клисурами надо понимать систему “длинных стен”, построенных в VI в. при Юстиниане I [Могаричев 2014: 10–13] и сохранившихся к концу VIII в. Однако восстание было подавлено, Иоанн, преданный одним селением и заточенный в тюрьму, бежал в Амастриду. Господин Готии был помилован, казнены лишь 17 человек (по крайней мере, такую цифру называет источник).

Конечно, вряд ли все происходило так, как сообщает Житие. А именно: причиной добровольного сложения оружия Кирием Готии и его подчиненными была выдача Иоанна одним

селением. В так называемом Синаксаре Оксфордской церкви Христа, несмотря на всю туманность рассказа о восстании, содержится намек на какие-то внутренние конфликты среди местного населения [Могаричев и др. 2007: 19]. Возможно, появление хазарских войск, попытавшихся вернуть утраченные позиции, не столь широкая поддержка вооруженной борьбы местным населением (на что намекает источник), а, вероятно, и невмешательство византийских властей Херсона (правда Житие вообще не упоминает об этом, но сие можно предполагать исходя из контекста) заставила руководителей восстания сдаться на милость победителей.

Вероятно, антихазарское выступление не было масштабным. И после его подавления хазарам удалось установить контроль над значительной частью византийских владений в Таврике. Сложно точно определить, какие территории в Готии заняли хазары, а что сохранила за собой Византия, как изменились их взаимоотношения с местным населением. Очевидно, что Херсон остался для хазар недосягаем, их гарнизон появился на Мангупе (Доросе). Но были ли заняты крепости между Херсоном и Доросом? С одной стороны, там могли также разместиться хазарские гарнизоны, с другой – после падения Дороса их жители могли добровольно признать власть новых хозяев, с третьей, есть вероятность сохранения этих территорий за византийскими (херсонскими) властями.

В связи с изменением политической ситуации на полуострове были проведены изменения и в церковной структуре. Собственно, византийские владения в Юго-Западной Таврике теперь совпадали с Херсонской епархией, а для христианского населения на подвластной хазарам территории была выделена самостоятельная Готская епархия [Могаричев и др. 2017: 429–433]. Скорее всего, Доросом хазары владели относительно не долго. Вероятно, господство хазар там продолжалось 10–15 лет [Могаричев и др. 2017: 491].

В начале IX в. хазары постепенно начинают терять контроль сначала над юго-западной частью, а впоследствии и над всем полуостровом. Как результат, в середине этого столетия (вероятно, в промежутке между серединой 30-х – 841 г.) византийское правительство создает здесь новую территориально-административную единицу – фему. Сначала новое образование именовалась фемой Климатов. Ее создание свидетельствует о переходе Готии (мы не знаем границы фемы Климатов: входил ли в нее Восточный Крым и Боспор, однако, Юго-Западный Крым и, скорее всего, Южный, несомненно) к началу 40-х гг. IX в. под полный контроль Византии. Причем, созданием фемы фиксировалась юридическая принадлежность данной территории Империи ромеев. В 50-х гг. IX в. фема Климатов была переименована в фему Херсон. Переименование фемы может свидетельствовать о том, что вначале византийские власти избрали в качестве центра новой административной единицы Горный Крым. Однако вскоре, в силу пока не до конца ясных причин (скорее всего, здесь сыграл роль внешнеполитический фактор), вернулись к более надежному херсонскому варианту [Могаричев и др. 2017: 616–617].

Сложную политическую обстановку в Крыму в начале второй половины IX в. передает житие одного из создателей славянской азбуки Константина Философа (в монашестве Кирилла) (826–869 гг.). В 860 г. он был послан императором Михаилом III (856–867 гг.) с миссией к хазарскому кагану. Путь миссии лежал через Крым. По источнику, Константин, получив известие, что: «Пришел же с войском хазарский полководец, окружил христианский город и осадил его. Узнав же об этом, Философ пошел к нему без колебаний, и, беседуя с ним и поучая, укротил его, и обещавшись ему креститься, отошел, не причинив никакого вреда этим людям. Вернулся же и Философ на свой путь и, когда в первом часу он молился, напали на него венгры, воя как волки, желая убить его. Он же не испугался, не прервал своей молитвы, лишь взывая «Господи помилуй» ибо кончал уже службу. Они же, увидев (это), по божьему повелению стали кроткими, и начали кланяться ему, и, выслушав из уст его слова поучения, отпустили его со всеми сопровождающими» [Флоря 1981:

78]. Вероятно, не смотря на всю историческую ценность Жития, сюжеты о «чудесном спасении» Константина сначала от хазар, а затем и венгров вряд ли имели места в действительности и являются данью агиографической традиции того времени. Однако указанное выше никак не отрицает факта пребывания в округе (ближней или дальней) Херсона хазарских и венгерских военных отрядов, которые в какой-то мере могли угрожать и самому городу.

Анастасий Библиотекарь, глава канцелярии римского папы, в одном из писем, основываясь на сведениях Константина Философа, а также на устном сообщении оказавшегося тогда в ссылке в Херсоне митрополита смирского Митрофана, сообщает: «место лежит на окраине царства и различные варварские толпы весьма часто наезжают туда <...> место опустело и сделалось необитаемым <...> вся та часть Херсонской страны пришла в упадок, так что видно было, что епископ Херсона с очень немногочисленным народонаселением оставался внутри того города, да и те казалось были скорее жители тюрьмы, чем города, из которого не смели выходить. <...> этот город (Херсон – авт.) пограничен с хазарской землей» [Сорочан 2005: 1437–1438]. Для Константина во время его путешествия Херсон был ближайшим к Хазарии византийским городом, перевалочной базой, где перед поездкой непосредственно в каганат можно было запастись всем необходимым и узнать обстановку на границах византийских владений. Поэтому слова Митрофана, переданные Анастасием, ни в коем случае не следует понимать буквально. Херсон по источнику не пограничный (буквально), но ближайший к хазарам византийский город, откуда Константин начинал свое путешествие, занимался миссионерской деятельностью и куда вернулся на обратном пути. Также представляется несколько преувеличенной угроза Херсону со стороны врагов, о которой обычно говорят, ссылаясь на письмо Анастасия.

Конечно, в то время хазары могли совершать в Крым какие-то походы в попытках вернуть себе владения или получить дань, периодически угрожать византийским владениям в Таврике могли отряды венгров. Но прямой угрозы захвата Херсона и надо думать поселений всей остальной фемы не существовало. По мнению современных исследователей, ко времени путешествия Константина Философа у хазар на полуострове уже не оставалось опорных пунктов. Упомянутые ранее «хазарские» поселения заканчивают свое существование в пределах второй половины IX в. К указанному времени хазары, в попытке вернуть крымские владения или получить дань, могли совершать походы на полуостров только из-за его пределов, но укрепиться здесь у них больше не получилось [Могаричев и др. 2017: 625–657].

Еще в первой половине X в. Византийская империя продолжает осуществлять контакты с хазарами посредством Таврических светских и церковных чиновников. Показательна в этом отношении миссионерская деятельность херсонских церковных иерархов. Через херсонского епископа Византия пыталась осуществить христианизацию в Хазарии. Сведения об этом содержатся в письмах константинопольского патриарха Николая Мистика (901–907, 912–925 гг.) [Сорочан 2005: 1477–1494].

Наиболее полные сведения о ситуации на полуострове в X в. можно почерпнуть из произведений византийского императора Константина Багрянородного (945–959 гг.) «Об управлении империей», составленного в 948–952 гг. Согласно этому источнику, Херсон и Климаты подчинялись Византии, но власть империи не была здесь особо прочной, ибо Крым находился под постоянной угрозой вторжения неприятеля. В числе неприятелей Константин называет и хазар, которые, хотя уже и покинули Крым, но, вероятно, не оставляли надежды его вернуть и всячески угрожали набегами. Чтобы сдерживать хазар от нападения, византийские власти всячески обхаживали их соседей – алан, которые так же будучи грозной военной силой, могли препятствовать тем, угрожая ударить с тылу. По словам Константина, необходимо дружить с эксусиократом Алании, потому

что «он может сильно вредить им (хазарам – авт.), и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот экскусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон и Климаты, так как хазары, страшась нападения аланов, находят небезопасным поход с войском на Херсон и Климаты» [Константин Багрянородный 1989: 53].

Описанную Константином Багрянородным политическую ситуацию подтверждают и не византийские источники. Это так называемый Кембриджский Аноним, написанный хазарским евреем на древнееврейском языке. Источник, вероятно, был составлен в 949–950 гг. Описываемые события произошли в период между 920–940 гг. Некоторые исследователи не считают источник аутентичным и предполагают его более позднее происхождение. Однако все же большинство авторов склонны верить как в подлинность самого документа, так и в правдивость описанных в нем событий. В нем повествуется, что преследования императором Романом Лакапином (919–945 гг.) евреев на территории Византии вызвали напряженность в отношениях между христианской империей и иудейской Хазарией.

Известно, что хазары в качестве официальной религии приняли иудаизм. По вопросу о времени принятия Хазарией в качестве государственной религии иудаизма в историографии существуют различные мнения. Источники, повествующие об этом событии, фрагментарны и противоречивы. В зависимости от степени доверия конкретного исследователя к тому или иному информатору и вычислялась дата иудаизации хазар: 620–621 гг. (основание – письмо хазарского царя Иосифа высокопоставленному чиновнику при дворе Кордовского халифа); первая половина VIII в. (еврейский автор Иегуда Гелеви); конец VIII – начало IX в. (арабский автор Аль-Масуди); начало 860-х гг. (сведения Жития Константина Философа). Кроме того, некоторые ученые на основании письма Иосифа говорили о двухстадийной иудаизации хазар или даже о трехстадийной. В настоящее время убедительной представляется точка зрения о принятии хазарами иудаизма в качестве государственной религии около 860 г. [Цукерман 2002].

Император Роман заручился поддержкой некоего русского князя Олега, послав тому богатые подарки. Олег захватил и разгромил город С-м-к-рай (Тмутаракань), воспользовавшись отсутствием в нем хазарского военачальника Песаха. Песах, в свою очередь, начал войну с византийцами. Он завоевал три города и много селений. Затем он напал на Херсон и разгромил византийцев в сражении, убив 90 человек, многих взял в плен, а остальных рассеял [Голб, Прицак 1997: 101–149]. Однако, несмотря на военные успехи, вероятно, закрепиться в Крыму хазары не смогли [Могаричев и др. 2017: 628–629].

Со второй половины X в. Хазарский каганат клонится к упадку. Сильнейший удар по каганату нанес киевский князь Святослав в 60-е гг. X в., захвативший и разграбивший много хазарских городов. Окончательно хазарское государство перестало существовать в 50–60-х гг. XI в. Последний раз хазары упоминаются в источниках под 1083 г. в качестве составной части проигравшей партии в борьбе за Тмутараканский престол [Могаричев и др. 2017: 630].

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И.* Крым в VI–VII вв. // История Крыма / Под. ред. А.В. Юрасова. М.: Кучково поле, 2018а. Т. 1. С. 231-235.
- Айбабин А.И.* На границе Византийской империи и Хазарского каганата // История Крыма / Под. ред. А.В. Юрасова. М.: Кучково поле, 2018б. Т. 1. С. 236-265.
- Артамонов М.И.* История хазар. Изд. 2-е. СПб.: Лань, 2001. 688 с. (Первое издание: Л., 1962. 523 с.).
- Васильев А.А.* Готы в Крыму Ч. 2. // Известия ГАИМК. 1927. Вып. 5. С. 179-282.

- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 240 с.
- Голден П. Достижения и перспективы хазарских исследований // Хазары. Евреи и славяне. Иерусалим; М.: Гешарим, 2005. Т. 16. С. 27-68.
- Живков Б. Хазария през IX и X век. София: ИК Гутенберг, 2010. 378 с.
- Казанский М.М. Гунны на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. Керчь: Симферополь, 2021. Вып. XLII. С. 108-131.
- Калинина Т.М., Флеров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. 189 с.
- Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 184 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.
- Майко В.В. Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: Академперіодика, 2004. 316 с.
- Майко В.В. Сугдея во второй половине VII – первой половине X вв. Симферополь: Колорит, 2020. 314 с.
- Могаричев Ю.М. Средневековый Крым (VI – середина XIII в): история, религия, культура. Симферополь: Бизнес-Информ, 2014. 240 с.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Сорочан С.Б. Крым в «хазарское» время (VIII – середина X вв.): вопросы истории и археологии. М.: Неолит, 2017. 744 с.
- Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода. Симферополь: Антиква, 2007. 346 с.
- Науменко В.Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 2002. Вып. 12. С. 544-567.
- Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // Хазарский Альманах. Киев: Харьков, 2004. Т. 3. С. 94-116.
- Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 264 с.
- Плетнева С.А. Хазары. М.: Наука, 1986. 94 с.
- Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим: Гешарим, 1999. 368 с.
- Сорочан С.Б. Византийский Херсон. Очерки истории и культуры Ч. I–2. Харьков: Майдан, 2005. 1645 с.
- Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Цукерман К. Хазары и Византия: первые контакты // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2001. Вып. VIII. С. 312-333.
- Цукерман К. О происхождении двоевластия у хазар и обстоятельствах их обращения в иудаизм // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2002. Вып. IX. С. 521-534.
- Цукерман К. Политика Византии в Северном Причерноморье по данным Notitiae episcopatum // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2010. Вып. XVI. С. 399-425.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М.: Наука, 1980. 216 с.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л.: Наука, 1964. 232 с.

С. Г. Бочаров

Сергей Геннадиевич Бочаров,
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия; sgbotcharov@mail.ru

Развитие процессов градообразования на Крымском полуострове в XIII–XV вв.*

Аннотация. В XIII в. кардинально меняется историческая ситуация в Северном Причерноморье. Земли, ранее принадлежавшие Византийской империи, переходят под протекторат империи Монгольской (позднее Золотой Орды). Тогда же в регионе появляется еще одно государственное образование, основанное выходцами из Северной Италии – Генуэзская Газария. В результате на территории Крымского полуострова в XIII–XV вв. сосуществуют сразу три различные градостроительные традиции. Первая из них – византийская, которая развивалась в двух направлениях – классическом (оно нашло свое отражение в формировании городского пейзажа Херсонеса, Боспора) и провинциальном (это планировка городов Феодоро – Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Сугдеи). Вторая градостроительная традиция золотоордынская (восточная) проявилась в развитии городов Солхат (Крым) и Кырк-Ер. Третья традиция североитальянская (эпохи Возрождения) прослеживается в развитии города Каффа (Феодосия).

Ключевые слова: археология, средневековый город, градостроительная традиция, Византийская империя, Золотая Орда, Генуэзская Газария, Крымский полуостров

Сергей Геннадиевич Бочаров,
Севастополь мемлекеттік университеті,
Севастополь қ., Ресей

XIII–XV ғғ. Қырым түбегіндегі қала құрылысы процестерінің дамуы

Аннотация. XIII ғ. Солтүстік Қара теңіз аймағындағы тарихи жағдай түбегейлі өзгереді. Бұрын Византия империясына тиесілі жерлер Моңғол империясының (кейінірек Алтын Орда) протекторатына өтеді. Сонда да аймақта Италияның солтүстігінен келген иммигранттар құрған тағы бір мемлекеттік құрылым – Генуя Газариясы пайда болады. Нәтижесінде XIII–XV ғғ. Қырым түбегінің аумағында үш түрлі қала құрылысы дәстүрі қатар өмір сүрді. Олардың біріншісі-византиялық, ол екі бағытта дамыды – классикалық (ол Херсонес, Боспор қалалық ландшафтының қалыптасуында көрініс тапты) және провинциалық (бұл Феодоро – Мангуп-Кале, Эски-Кермен, Сугдеи қалаларының жоспары). Екінші алтынордалық (Шығыс) қала құрылысы дәстүрі Солхат (Қырым) және Кырк-Ер қалаларының дамуында көрініс тапты. Үшінші солтүстік италия дәстүрі (ренессанс дәуірі) Каффа қаласының (Феодосия) дамуында байқалады.

Түйін сөздер: археология, ортағасырлық қала, қала құрылысы дәстүрі, Византия империясы, Алтын Орда, Генуя Газариясы, Қырым түбегі

Sergei Bocharov,
Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

Evolution of the processes of formation of towns on the Crimean Peninsula in the 13th–15th centuries

Abstract. In the 13th century, the historical situation in the Northern Black Sea region changed dramatically. The lands formerly belonging to the Byzantine Empire come under the protectorate of the Mongol Empire (later

© 2022 Бочаров С.Г.

*Работа подготовлена в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения Мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130.

the Golden Horde). At the same time, another state entity founded by immigrants from Northern Italy appeared in the region – the Genoese Gazaria. As a result, on the territory of the Crimean peninsula in the 13th–15th centuries – three different urban planning traditions coexist. The first of them is Byzantine, which developed in two directions – classical (it was reflected in the formation of the urban landscape of Chersonesos, Bosphorus) and provincial (this is the layout of the cities of Feodoro – Mangup-Kale, Eski-Kermen, Sugdei). The second urban-planning tradition, the Golden Horde (eastern), manifested itself in the development of the cities of Solkhat (Crimea) and Kyrk-Er. The third tradition of the Northern Italian (Renaissance) can be traced in the development of the city of Caffa (Feodosia).

Keywords: archaeology, medieval town, urban planning tradition, Byzantine Empire, Golden Horde, Genoese Gazaria, Crimean Peninsula

В своем докладе на V международном конгрессе археологии евразийских степей «Евразийская степная цивилизация человек и историко-культурная среда» мне хотелось бы в самых общих чертах рассмотреть градостроительную ситуацию, которая сложилась на Крымском полуострове в продолжении XIII–XV вв. За этот краткий временной период здесь будут развиваться сразу три различных градостроительных традиции. В первую очередь, охарактеризуем ситуацию в регионе, благодаря которой появилась сама возможность такого разнообразия направлений в развитии городов.

На протяжении всего периода средних веков Крымский полуостров имел четкое географическое районирование. Большая часть полуострова – степная – либо входила в состав кочевых держав, либо просто была занята кочевыми народами, не создавшими своей государственности (рис. 1, 1). Территория горного Крыма и побережье у Керченского пролива в IV–XII вв. входили в состав

Рис. 1. Карта Крымского полуострова с расположением городов, третья четверть XIII в.:
1 – Золотая Орда; 2 – территории Золотой Орды с оседлым христианским населением,
ранее входившие в состав Византийской империи

Византийской империи и была занята оседлым православным (греческим, ромейским) населением (рис. 1, 2) [Bocharov 2021a: 269–270]. Именно это византийское население позднее в XIII–XIV вв. составит основу сельских жителей новых государств [Бочаров 2019: 752, 755] и именно северная периферия Горного Крыма станет зоной освоенной новым для региона оседлым населением [Bocharov 2021b: 157–158; Бочаров, Яворская 2022: 229].

В XIII в. ситуация на Крымском полуострове меняется кардинально. Перемены связаны с несколькими взаимосвязанными историческими процессами: с распадом Византийской Империи в 1204 г. и вхождением её бывших крымских территорий в состав Трапезундской Империи [Богданова 1991: 95], вхождением Крымского полуострова в Монгольское государство [Spuler 1965: 26], позднее в Золотую Орду, а так же с появлением западноевропейских купцов в Чёрном море и создание ими на побережье своих торговых поселений [Balard 1978: 45–50].

Византийский Крым наследует с античного периода два лидирующих региональных городских центра. Для Восточного Крыма это Пантикапей – Боспор, для Западного Крыма – Херсонес-Херсон. В Юго-Западном Крыму возникают несколько малых византийских городов (для некоторых мы не знаем их средневековых названий и пользуемся при их упоминании топонимами XVIII в.) таких, как Каламита – Инкерман, Симбалон – Чембало – Балаклава, Дорос – Феодоро – Мангуп, Эски-Кермен, Чуфут-Кале. Во 2-й пол. VII в. в горной части Юго-Восточном Крыму появится новый византийский городской центр – Сугдея (рис. 1). К интересующему нас периоду XIII в. роль основного экономического центра Византии в Восточном Крыму перейдет от Боспора именно к этому городу.

Во 2-й четв. XIII в. все города и сельские поселения Крымского полуострова, существовавшие в составе Византийской империи, переходят под контроль нового монгольского государства [Νυσταζοπουλου 1965: 120] (рис. 1). Эти города не испытывают значительных изменений в своём топографическом устройстве и демографическом облике, оставаясь, по сути, провинциальными византийскими центрами в составе нового государства.

К 3-й четв. XIII в. относится появление на полуострове и прилегающих к нему берегах Черного и Азовского морей генуэзских факторий [Balard 1978: 118]. Возникают в Крыму и два новых города: один политический и экономический центр крымского улуса Золотой Орды – Солхат-Крым, другой генуэзский – (западноевропейский, латинский) город Каффа.

Золотоордынский центр Крыма – Солхат из маленького селения, первое упоминание о котором относится к 1263 г. [Тизенгаузен 1884: 54, 63], превращается в значительный город. Посетивший Солхат в 1332 г. Ибн-Баттута называет его “городом большим и красивым”. В нем были базары, гостиницы, бани, мечети. Основную часть городской территории занимала мусульманская община, в западной части города и северо-восточной были кварталы христиан с храмами, в юго-восточном районе находилась кенаса и группировались жилые постройки иудаистской общины [Крамаровский 1989: 146–148; 2019: 38–41]. Ханом в Солхате строится большая соборная мечеть с резным порталом и надписью, где увековечено имя хана Узбека, и дата – 1314 г. Сохранились портал и михраб – архитектурно оформленная молитвенная ниша мечети [Кирилко 2015: 270]. Рядом находится медресе, основанное женой правителя Солхата Инджибек-хатун в 1332–1333 гг. [Кирилко 2011: 208].

В 1320-х гг. ордынцы начинают осваивать территории к северо-востоку от основной зоны греческой (византийской) оседлости в Юго-Западном Крыму. Это агломерация Эски-Юрт – Кырк-Ер (рис. 2, 4). Местность Эски-Юрт расположена на северо-западной окраине современного Бахчисарая в долине между Второй и Третьей грядками Крымских гор. Через Бахчисарайское ущелье Эски-Юрт был связан с новым золотоордынским городом Кырк-Ер, который пришёл на смену старому

Рис. 2. Карта Крымского полуострова с расположением городов, последняя четверть XIV - третья четверть XV вв.: 1 – Золотая Орда (Крымское ханство); 2 – Генуэзская Газария; 3 – княжество Феодоро; 4 – территории Золотой Орды (Крымского ханства) с оседлым христианским населением

византийскому центру на этом месте [Герцен, Могаричев 1993: 39–58]. Эту местность начинает заселять новое для региона оседлое население в т. ч. выходцы из Восточно-Крымского и города Солхат [Бочаров, Кирилко 2016: 373–375; Бочаров, Яворская 2022: 230–231].

На протяжении периода с конца XIII до 1-й пол. XV в. быстро увеличивается территория генуэзского города Каффа, и этот центр играет ведущую роль не только в торговой, но и политической жизни Черноморского региона. По мнению французского исследователя Мишеля Балара, наиболее вероятная дата основания генуэзского города Каффа 1275 г. [Balard 1978: 118]. К концу XIV в. город достигает наивысшего расцвета, его общая площадь к этому времени составляла около 120 га [Бочаров 2019: 745]. Каффа возглавила все новые приобретения Генуэзской республики на Крымском полуострове, глава города – консул был верховным правителем для всей этой территории. В своём завершённом виде (рис. 2, 2) к последнему десятилетию XIV в. эти владения включали четыре укрепленных города (Каффа, Солдайя, Чембалло, Воспоро) и их сельские округа, селения и замки Южного берега Крыма, приморские территории Тарханкутского и Керченского полуостровов с поселениями и соляными разработками [Бочаров 2019: 742–743].

Подводя итог историческому обзору, отметим, что в XIII–XV вв. в материальной культуре полуострова сосуществуют три различных вектора развития. Первый – традиционный для региона «византийский» и два новых – «латинский» (генуэзский) и восточный (золотоордынский, исламский). Эта ситуация обусловила развитие в регионе трех различных градостроительных традиций. Конец

этому периоду положит османское завоевание Генуэзской Газарии и княжества Феодоро в 1475 г. [Oligati 1991: 383].

Исследования процессов градообразования Крыма в Средние века - одно из направлений деятельности Историко-археологической лаборатории по комплексным исследованиям Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета. Лаборатория была создана в структуре научно-образовательного подразделения Севастопольского государственного университета в 2022 г. благодаря мегагранту Правительства Российской Федерации. Одной из основных задач лаборатории является активизация исследований по византийской археологии в гуманитарном блоке развития университета.

Изучение процессов градообразования на полуострове проводятся по уже успешно зарекомендовавшей себя методической схеме [Бочаров 2021а: 52–53, рис. 1], объединяющей четыре основных взаимосвязанных направления с применением полного спектра возможностей цифровых технологий по принципу от общего к частному. Первое направление — это изучение исторической географии Византийской Таврики, Крымского улуса Золотой Орды и части Латинской Газарии – владений Генуэзской и Венецианской республик на полуострове. Второе направление – изучение исторической топографии городов этих государственных образований. Третье направление, учитываемое в методической схеме, – исследование отдельных планиграфических, стратиграфических, архитектурных объектов городского пейзажа и их составных частей. Четвертое направление – фиксация и систематизация каждой из полученных в ходе работ индивидуальных и массовых археологических находок (рис. 3).

В этом докладе мы выделим три различные градостроительные традиции, которые сосуществуют и развиваются в близком соседстве на Крымском полуострове в продолжение краткого промежутка времени XIII–XV вв.

Первая из них – византийская градостроительная традиция имеет в Крыму свои особенности и две ветви развития. Первая ветвь – города Херсонес и Боспор (рис. 1, 2), где она ведет свою историю с античного времени, подчиняясь классическим градостроительным правилам.

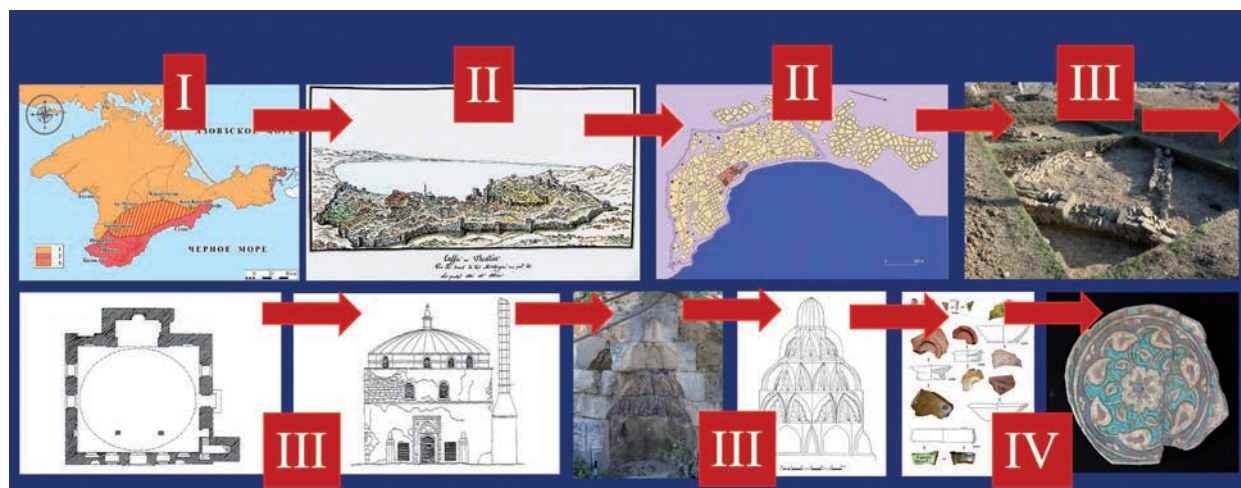

Рис. 3. Методическая схема с четырьмя уровнями градации разработанная и используемая в «Историко-археологической лаборатории по комплексным исследованиям Византийского Причерноморья» Севастопольского государственного университета и применяемая при исследованиях процессов градообразования Крыма в Средние века

Кратко рассмотрим на примере плана Херсонеса [Романчук 1986: 11, рис. 1] античные истоки византийской градостроительной традиции. Это регулярная планировка, геометрическая сеть кварталов и трасс городских улиц (рис. 4). Вторая ветвь градостроительного развития сложилась в византийский период под влиянием местных крымских условий. Назовем ее, в отличие от классической, – провинциально-византийской. Это города, появляющиеся в VI–XI вв. – Каламита (Инкерман), Симбалон (Чембало, Балаклава), Дорос (Феодоро, Мангуп), Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Сугдея (Судак) (рис. 1, 2). Провинциально-византийская градостроительная традиция проявляется в организации пространства не основных, а региональных центрах региона. Ее основные маркеры: важнейшая оборонительная функция городов, использование географических особенностей местности, размещение городов на труднодоступных скалах (что влияет на их планировку), частичный (фрагментарный) фортификационный периметр.

Рис. 4. Три градостроительные традиции, развивавшиеся на Крымском полуострове на примере планиграфии городов Херсонеса, Солхата и Каффы

Вторая градостроительная традиция появилась на полуострове в 3-й четв. XIII в. и связана с золотоордынским государством. Исходные градостроительные основы Солхата-Крыма а затем и Кырк-Ера (рис. 2, 1, 4) следует искать в широком смысле в восточной (золотоордынской) градостроительной традиции. Эту традицию можно охарактеризовать на примере городского плана Солхата [Бочаров 2021б: 124, рис. 2]. Именно Крым-Солхат был главным проводником этой традиции, как и самым большим средневековым городом на полуострове (рис. 4). В XIV в. площадь городской территории составляла более 230 га. Градостроительная история Солхата-Крыма и золотоордынская градостроительная традиция на три века определили путь появления и развития новых городов Крымского ханства в XVI–XVIII вв. [Бочаров 2022: 238].

В конце 3-й четв. XIII в. в Крыму появится третья градостроительная традиция, связанная с Южной Европой эпохи Возрождения.

Как уже отмечалось, генуэзская республика выстраивает в Крыму целую административную систему, состоящую из четырёх укрепленных городов: Каффы, Солдайи, Чембало, Воспоро и их сельских округ, селений и замков Южного берега Крыма. В развитии подчиненных генуэзским властям городов имелись свои особенности. Если город Каффа был основан на пустовавшем месте и развивался с нуля, то Солдайя (Сугдея), Чембало (Симбалон) и Воспоро (Боспор) имели

предыдущую византийскую градостроительную историю и их городской пейзаж был латинянами изменен в значительной мере с применением градостроительных принципов эпохи Возрождения. После активного роста Каффы в конце XIII и нач. XIV в., вследствие осады города войсками золотоордынского хана Тохты в 1308 г., Каффа была оставлена жителями. После смерти хана Коммуне удалось добиться разрешения на восстановление города и 18 марта 1316 г. принимается план восстановления фактории (Ordo de Caffa) [Balard 1978: 202]. Начинается строительство каменной крепости, площадь укрепленной городской территории составила 11,3 га. В Каффе появляются две части: городские кварталы, располагавшиеся внутри цитадели, и городские кварталы, расположенные за её пределами – бург (burg). Застройка внутри цитадели (каструма) полностью заняла вершину Карантинного холма, склоны на северо-востоке и на северо-западе, а также равнинный участок в северо-западной части. Участок на равнине имел плотную застройку пересекающимися продольными и поперечными улицами. Продольные улицы прямые, были ориентированы по линии СЗ-ЮВ, поперечные – по направлению ЮЗ-СВ. Продольных улиц насчитывалось девять, поперечных – пять. В равнинной части города архитектурную доминанту представлял дворец коммуны Каффы и прилегающая к нему площадь. На вершине и склонах Карантинного холма застройка имела иной характер. В соответствии с рельефом местности улицы не были прямыми, имели излом и иную ориентировку – почти точно в направлении В–З. Три поперечные улицы отклонялись от оси С–Ю на 15°. Основные улицы берут начало у ворот крепости. Городские кварталы имели регулярную планировку в соответствии с градостроительными канонами эпохи Возрождения, восстанавливающими классическую античную градостроительную традицию, были хорошо распланированы и имели единообразное архитектурное решение (рис. 4). Неукрепленное пространство бурга имело иную организацию. Планировка кварталов была иррегулярной, но сеть улиц вела к воротам крепости и была связана с незастроенным районом вблизи Солхатской дороги (рис. 4) [Бочаров 2019: 744, рис. 3]. Фортификационные работы будут продолжены в 1383–1389 гг. строительством внешнего оборонительного кольца вокруг бурга (площадь вновь укрепленной территории 82,0 га). После этого городской пейзаж Каффы приобретёт свой законченный вид: квартальная застройка внутри цитадели, кварталы внутри оборонительного кольца (burg) и кварталы в неукрепленном предместье – антибург (antiburg) (рис. 4). К концу XIV в. город достигает наивысшего расцвета, общая площадь города к этому времени составляла 120 га [Бочаров 2019: 745]. Фактически на Крымском полуострове через 1000 лет встретились две градостроительные традиции, сформировавшие под влиянием античной цивилизации. Первая византийская – была прямой наследницей античной традиции и продолжала существовать в регионе в течение всего периода Средних веков. В то время как вторая была привнесена генуэзцами из Южной Европы, где в эпоху Возрождения были восстановлены античные градостроительные каноны.

В заключение отметим, что Крымский полуостров в российской медиэвистике при изучении градостроительных традиций занимает ключевое место по двум основным причинам:

1) Здесь на не большом участке земли в один хронологический период соседствуют три различных градостроительных традиции: византийская, восточная и эпохи возрождения. Что нашло отражение в исторической топографии городов Херсонеса, Солхата, Каффы (рис. 4).

2) Эти магистральные градостроительные традиции на полуострове формировали и свои локальные варианты, в первую очередь, в силу местных исторических и географических причин. Отражение этого локального процесса мы можем проследить на примерах Боспора (Ворспоро, Керчь), Сугдеи (Солдайи, Судака), Симбалона (Чембалло), Дороса (Феодоро, Мангун), Каламиты (Инкерман).

Дальнейшие исследования Историко-археологической лаборатории по комплексным исследованиям Византийского Причерноморья Севастопольского государственного университета в изучении процессов градообразования Крыма в Средние века будут направлены на реконструкцию исторической топографии городов Византийской Таврики, Золотой Орды и Генуэзской Газарии.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в Средние века / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: МГУ, 1991. Вып. 1. С. 8-172.
- Бочаров С.Г. Историческая география крымских территорий Генуэзской Газарии (1275–1475 гг.) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинёв: Stratum plus, 2019. Т. 2. С. 741-770.
- Бочаров С.Г. Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова 1475–1783 годов в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // Исторические, культурные, междисциплинарные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: м-лы V Междунар. науч. конф. (г. Севастополь, 2–6 июня 2021 г.). / Отв. ред. В.В. Лебединский. М.: ИВ РАН, 2021а. С. 52-54.
- Бочаров С.Г. Эски-Крым: введение в историческую топографию города Крымского ханства // ПА. 2021б. № 2 (36). С. 107-121. DOI: 10.24852/ра2021.2.36.121.135
- Бочаров С.Г. Наследие Золотой Орды: возникновение городов Крымского ханства // ПА. 2022. № 2 (40). С. 231-241. DOI: 10.24852/ра2022.2.40.231.241
- Бочаров С.Г., Кирилко В.П. Археологические и архитектурные метаморфозы Шейх-Коя // Stratum plus. 2016. № 6. С. 371-392.
- Бочаров С.Г., Яворская Л.В. Сельские поселения Крыма золотоордынского времени: современное состояние изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 228-235. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.4.228.235
- Герцен А.Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-Ор. Чуфут-Кале. Симферополь: Таврия, 1993. 125 с.
- Кирилко В.П. Солхатское медресе // Stratum plus. 2011. № 6. С. 125-210.
- Кирилко В.П. Портал крымской мечети Узбека // Stratum plus. 2015. № 6. С. 253-276.
- Крамаровский М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Л.: Изд. Эрмитажа, 1989. С. 141-157.
- Крамаровский М.Г. Рах Mongolica и чигисидская глобализация // Золотая Орда и Причерноморье. Уроки Чигисидской империи: каталог выставки. М.: Фонд Марджани, 2019. С. 15-57.
- Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв. Историческая топография. Красноярск: Изд. Красноярского университета, 1986. 192 с.
- Тизенгаузен, В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1884. Т. 1. 559 с.
- Balard M. La Romanie Génoise (XIII – début du XV e siècle). Roma: École Française de Rome, Genova, 1978. Т. I, II. 1009 p.
- Bocharov S. Between Mongolians and Byzantium. The Crimean Peninsula in the State of the Golden Horde // Migration and Identity in Eurasia from the Ancient Times to the Middle Ages. / Ed. V. Cojocar. Cluj-Napoca: Mega, 2021a. P. 269-284.
- Bocharov S. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th – 18th centuries. / Ed. L. Bacumenco-Pirna. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros, 2021b (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitates et Madii Aevi. Vol. XXIV). 433 p.
- Olgıati G. The Genoese Colonies In Front Of The Turkish Advance (1453–1475) // Tarih Arařtırmaları Dergisi. 1991. Cilt. 15. Sayı 26. S. 381-389.
- Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965. 63 s.
- Νυσταζοπουλου Μ. Η εν Ταυρικῇ Χερσονσω πόλις Σουγδαία. Αθηνα: Συμβολή εις την Ιστορίαν του Μεσαιωνικού Ελληνισμού της Νοτίου Ρωσίας, 1965. 132 Στ.

Э. Е. Кравченко

Эдуард Евгеньевич Кравченко,
Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ,
г. Казань, Россия; sidae@mail.ru

**Группа построек хазарского времени
археологического комплекса у с. Маяки
(по материалам раскопок 1990 г.)**

Аннотация. В 1990 г. на археологическом комплексе у с. Маяки (среднее течение р. Северский Донец) было выявлено три стратифицированных постройки IX – нач. X в., отличающихся друг от друга конструктивными особенностями. В помещении 2 находилась глинобитная печь, характерная для территорий, заселенных славянами. Перекрывшее его помещение 1 представляло юртообразную постройку, находящую параллели среди жилищ, оставленным недавно осевшими кочевниками. Эти сооружения прорезало помещение 6, находящее многочисленные аналоги на поселениях салтов-маяцкой культуры. Указанные типы жилых сооружений присутствуют на иных поселениях в пределах рассматриваемой нами территории и граничащих с ней земель, отражая многообразие традиций жилищного строительства у жителей поселений Среднего Подонцовья. Указанное явление было обусловлено сложными культурными и этническими процессами, происходившими в эпоху раннего средневековья на этих землях, входивших в западное пограничье Хазарского каганата.

Ключевые слова: Северский Донец, хазары, протоболгары, юрты, постройки, печь, очаг, пограничье

Эдуард Евгеньевич Кравченко,
ТР ҒА А.Х. Халиков атындағы Археология институты,
Қазан қ, Ресей

**Маяки ауылындағы археологиялық кешендегі хазар дәуірі ғимараттар тобы
(1990 ж қазба материалдары бойынша)**

Аннотация. 1990 ж. Маяки ауылындағы археологиялық кешенде (Солтүстік Донец өзенінің орта ағысы) IX – X ғ. басына жататын, бір-бірінен құрылымы жағынан ерекшеленетін үш ғимарат анықталды. 2-тұрғынжайда славяндар тұратын территорияға тән балшықтан соғылған пеш табылған. Оны жабатын жаңадан орналасқан көшпенділер қалдырған тұрғынжайдың ортасында орналасқан 1-тұрғынжай киіз үй тәріздес. Бұл құрылыстар салтов-маяцк мәдениеті қоныстарында көптеген аналогтары табылған 6-тұрғынжайды кесіп өткен. Тұрғын үй құрылыстарының бұл түрлері біз қарастыратын аймақтың және онымен шектес аудандардағы басқа қоныстарда да кездесуі Орта Донец маңы қоныстары тұрғындарының тұрғынжай құрылысы дәстүрлерінің сан алуандығын байқатады. Бұл құбылыс аталған Хазар қағанатының батыс шекарасына енетін аумақтарда ерте ортағасырда орын алған күрделі мәдени және этникалық процестермен байланысты орын алған.

Түйін сөздер: Солтүстік Донец, хазарлар, протоболгарлар, киіз үйлер, құрылыстар, пеш, ошақ, шекаралық аумақ

Eduard Kravchenco,
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
Tatarstan Academy of Scientist, Kazan, Russia

**A group of buildings of the Khazar period of the archaeological complex near the village of Mayaki
(based on the materials of the 1990 excavations)**

Abstract. In 1990, at the archaeological complex near the village of Mayaki (the middle course of the Seversky Donets River), three stratified buildings of the 9th – beginning of the 10th century were identified, differing from

each other in design features. In room 2 there was a clay kiln, characteristic of the territories inhabited by Slavs. The room 1 that blocked it was a yurt-like structure that found parallels among the dwellings left by recently settled nomads. These structures were cut through by room 6, which has numerous analogues in the settlements of the Saltovo-Mayak culture. These types of residential structures are present in other settlements within the territory we are considering and the lands bordering it, reflecting the diversity of traditions of housing construction among residents of settlements of the Middle Donets region. This phenomenon was caused by complex cultural and ethnic processes that took place in the Early Middle Ages in these lands, which were part of the western border of the Khazar Khaganate.

Keywords: Seversky Donets, khazars, protoboldars, yurts, constructions, furnace, borders

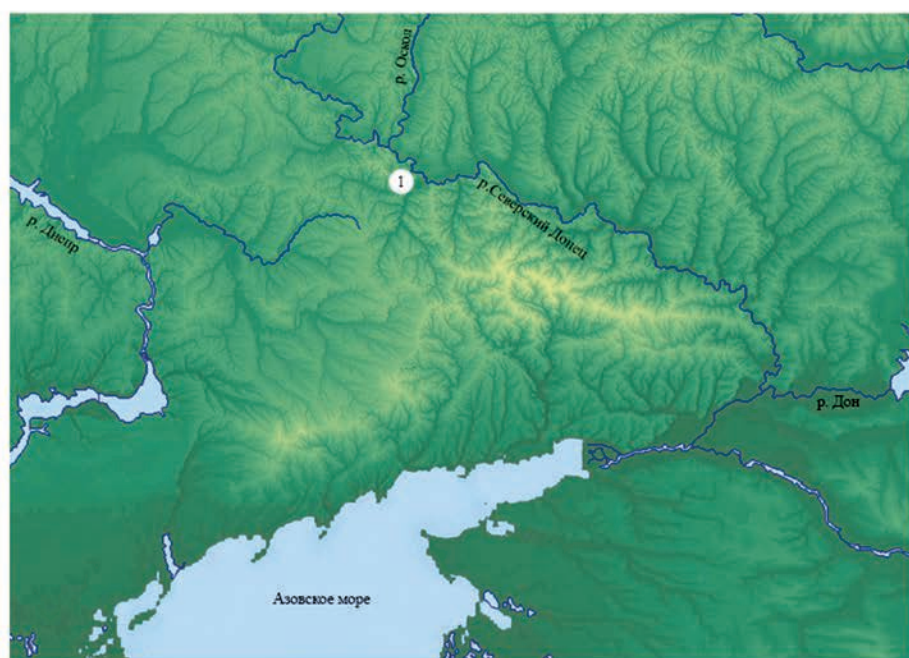
Древности хазарского времени Доно-Донецкого региона являются классикой салтово-маяцкой культуры. На этой территории присутствует значительное количество раннесредневековых памятников. Некоторые из них хорошо известны исследователям и давно вошли в археологическую литературу. Одним из таких памятников является археологический комплекс у с. Маяки (Славянский р-н, Донецкая обл., Украина) (рис. 1, 1)¹, который длительное время считался наиболее изученным средневековым поселением в среднем течении Северского Донца. Памятник существовал в течение всей эпохи средневековья и неоднократно подвергался раскопкам². В процессе их было получено большое количество материалов, степень публикации которых оставляет желать лучшего. Особенно слабо были опубликованы результаты исследований селища 3, прилегающего к площадке городища с востока. Фактически в научный оборот были введены только данные раскопок древнерусского поселения [Кравченко 2000; 2009]. Прочие материалы были опубликованы фрагментарно [Швецов 2018а; 2018б]. В некоторых работах просто приводились чертежи из отчетов без каких-либо объяснений к ним [Матеріальна та духовна культура... 2017: ил. 11].

Селище 3 (рис. 1, 2; 2, 1, 2; 3, 2) занимает приречную террасу, находящуюся в северо-восточной части археологического комплекса у с. Маяки. Она прилегает к берегу Северского Донца и прорезана крупной обводненной балкой – Ложниковым Яром. Это наиболее древняя часть памятника. Поселение функционировало здесь во все периоды существования археологического комплекса. На нем присутствуют материалы неолитического и энеолитического времени, эпохи поздней бронзы, пеньковской и салтово-маяцкой культур. Верхний слой связан с функционированием поселения с древнерусской керамикой (X–XIII вв.) и золотоордынского населенного пункта (XIII–XIV вв.). В эти напластования были впущены погребения, наиболее поздние из которых относятся к концу XVIII – началу XIX в.

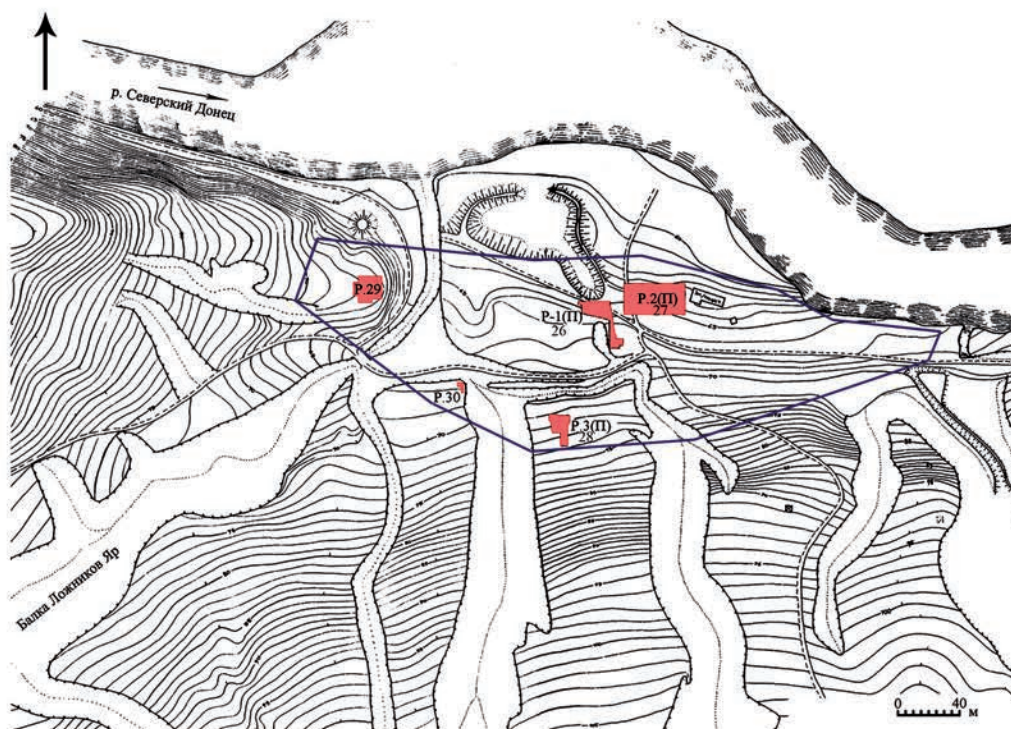
Терраса, на которой находится селище 3, расположена в распадке между двумя холмами коренного правого берега реки (рис. 2, 1–2; 3, 2). Стратиграфические данные свидетельствуют, что она формировалась из аллювиальных отложений в процессе работы Ложникова Яра, а также гумуса и меловой крошки, смытых со склонов прилегающих холмов. Культурные напластования здесь представлены гумусно-глинистыми отложениями с примесью меловой крошки и золы, мощность которых достигает 2,4 м. Верхнюю их часть составляет рыхлый гумус, содержащий материалы эпохи средневековья. Ниже (обычно, с уровня 1–1,5 м от современной поверхности) идет гумус, осветленный суглинистыми включениями, который, светлея книзу, плавно переходит в глинистый материк (рис. 4, 5; 5, 3–4). Основным материалом в этом слое являются находки эпохи бронзы и более ранних периодов. Таким образом, большинство комплексов золотоордынского и хазарского

¹ В литературе известен, как Царино городище (чаще применяется к золотоордынской части данного объекта), «городище у с. Маяки», «поселение Маяки», «археологический комплекс у с. Маяки». По названию имеет сходство с известным салтовским памятником – Маяцким археологическим комплексом, на р. Тихая Сосна в Воронежской области.

² Памятник был открыт в 20-е гг. XX в. краеведом из г. Славянск А.И. Абрамовым. Включает в себя городище, три селища (по В.К. Михееву – 2 селища), а также ряд могильников, количество и хронология которых требует уточнения. Общая площадь археологического комплекса составляет не менее 70 га. Изучался в 1928 г. Н.В. Сибилевым и А.И. Абрамовым; в 1936 г. Г.Г. Афендиком; в 1963–1966, 1968 гг. В.К. Михеевым; в 1972, 1974 и 1986 гг. С.И. Татариновым; в 1988–1991 гг. М.Л. Швецовым и Э.Е. Кравченко; в 2005 и 2008 гг. Э.Е. Кравченко.)

1

2

Рис. 1. Ситуационные схемы: 1 – расположение археологического комплекса у с. Маяки; 2 – план селища 3 с нанесенными на нем раскопами. Предполагаемая территория селища 3 обозначена синим контуром

1

2

Рис. 2. Фото селища 3 археологического комплекса у с. Маяки: 1 – вид с юго-востока; 2 – вид с юга. Стрелками обозначены раскоп 26 (1) и раскоп 29 (2)

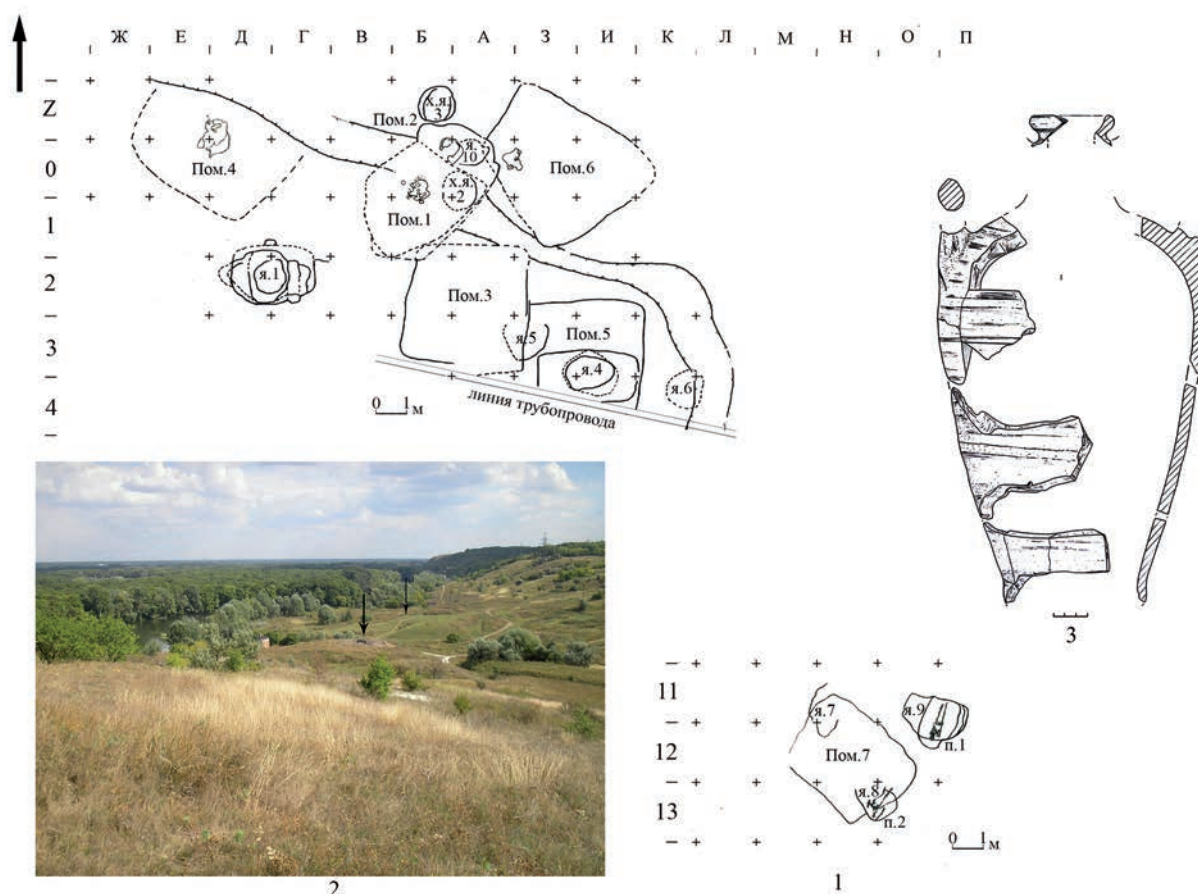

Рис. 3. Общий план раскопа 26 и материалы из культурного слоя: 1 – общий план раскопа; 2 – селище 3, вид с востока; 3 – реконструкция амфоры из помещения б

времени залегают в слое рыхлого гумуса, что создало определенные проблемы в процессе их выявления и фиксации. Котлованы сооружений, висящих в темном грунте, читались нечетко. Иногда контур разной степени четкости (что зависело от составляющей заполнения тех или иных комплексов) проявлялся на бровках лишь по мере их высыхания. Ситуация усугублялась наличием в отложениях большого количества золы и поврежденностью склона эрозийными процессами, а также линиями коммуникаций расположенной неподалеку крупной фильтраторной станции.

До 1990 г. селище 3 относилось к наименее изученным частям памятника. Небольшие раскопки здесь были проведены в 1936 г. Г.Г. Афендиком [Гриб и др. 2014]. Из материалов сохранились фрагменты древнерусской керамики, хранящиеся в фондах Донецкого краеведческого музея. В 1990 г. в раскопе З(П)/28 (1991 г.) была обнаружена старая археологическая траншея [Кравченко 2000]. В.К. Михеев на этой части комплекса археологических исследований не вел. В своих отчетах он характеризовал прибрежную террасу как часть селища 2 [Михеев 1963: 3, 7; 1966: 2; 1968: табл. I]. В книге, где давался общий итог исследований, он предположил, что этот участок вообще не входил в жилую часть памятника и был занят грунтовым инвентарным могильником [Михеев 1985: 16]. Эта точка зрения позже была повторена С.И. Татариновым [Дадашов, Татаринов 2009: 20, рис. 27].

Серьезные исследования на селище 3 были начаты в 1990 г. [Кравченко, Швецов 1990]. Они продолжались в 1991 [Кравченко, Швецов 1991] и 2005 г. [Кравченко и др. 2005]. На селище был

заложен ряд раскопов: 1(П)/26 (224 м²), 2(П)/27 (880 м²), 3(П)/28 (200 м²), 29 (284 м²) и 30 (36 м²) (рис. 1, 2). Судя по материалам, этот участок археологического комплекса реально представлял обособленную часть поселения. В хазарское время он был отделен от селища 2 некрополем. После X в. здесь располагалось поселение с древнерусской керамикой, не распространявшееся на иные участки комплекса. Благодаря этому, рассматриваемая территория была определена как отдельное селище 3, которое прилегало к городищу археологического комплекса с восточной стороны.

В данной работе предлагается часть материалов, выявленных в 1990 г. в раскопе 1(П) (далее, согласно общей нумерации, он будет именоваться – раскоп 26) [Кравченко и др. 2008: рис. 1]. В нем, кроме прочих комплексов, была расчищена группа из трех стратифицированных построек хазарского времени (помещения 1–2, 6). Интересующие нас сооружения группировались в северной части раскопа, близ края террасы, круто спускавшейся к пойме Северского Донца (рис. 3, 1). Северный край этой террасы был прорезан глубокой канавой, благодаря чему его абрис в месте нахождения построек восстанавливается не полностью.

Помещение 1 (рис. 4, 1, 6; 6, 1) представляло котлован, дно которого находилось на глубине 1 м от современной поверхности. Благодаря этому, изначально было выдвинуто предположение, что данная постройка являлась полуземлянкой [Кравченко, Швецов 1990: 5]. На фоне темного гумусного слоя с зольной примесью контур котлована, практически до самого дна, читался в виде слабо различимого пятна неправильной формы, которое при зачистке на разных глубинах меняло свою конфигурацию. В придонной части оно имело форму неправильной трапеции, шириной 2,9 м, ориентированной длинной осью по линии СВ–ЮЗ. Дно котлована, опущенное на верхнюю часть слоя осветленного гумуса, фиксировалось более четко, благодаря чему здесь были прослежены столбовые ямы. В северной части котлована находились две одинаковые столбовые ямы (№ 9–10) (д. 0,28 м), расположенные на расстоянии 0,1 м друг от друга. В 0,8 м к юго-западу от них присутствовали еще две такие же ямы (№ 5–6), расстояние между которыми составляло 0,22 м. В 1,4 м к югу от ямки № 5 находилась ямка № 2 (д. 0,32 м). В 0,4 м к юго-востоку от нее располагалась ямка № 1 (д. 0,3 м). В 1,4 м к северо-востоку от нее выявлена ямка № 8 (д. 0,24 м). Восточный край постройки был разрушен крупной хозяйственной ямой 2 (X–XIII вв.), благодаря чему установить наличие или отсутствие ям в этой части сооружения представляется невозможным. Далее контур котлована постройки отбивался серией малых ямок (№ 11–14) (д. 0,1–0,16 м), расположенных друг от друга на расстоянии 0,3–0,32 м. В 0,48 м к западу от ямки № 11 (д. 0,17 м) была расположена столбовая яма № 10, описанная выше.

Присутствие столбовой конструкции позволило уточнить конфигурацию котлована жилища. По характеру расположения крупных столбовых ям (№ 1, 2, 5, 6, 8–10) видно, что постройка имела форму неправильного овала (3,2×2,8 м), ориентированного длинной осью по линии СВ–ЮЗ. В северной ее части находилась группа относительно малых столбовых ямок (№ 11–14). Они шли достаточно густо и являлись остатками жердевой конструкции северной стены, которая, вероятно, выходила на склон террасы. Вход располагался в северо-западной части постройки, там, где были расположены две пары столбовых ям (№ 9, 10 и 5, 6). В центральной части помещения находился открытый, сильно поврежденный кротовинами, очаг (рис. 4, 6). Судя по сохранившейся части, наиболее вероятно, что форма его была круглой или овальной (д. 0,7 м). По сторонам очага присутствовали две ямки для рогачей (д. 0,12 м). В юго-восточном углу дно котлована несколько повышалось. Это возвышение было отделено рядом малых ямок № 3, 4, 7 (д. 6–12 см).

В заполнении помещения найдена гончарная посуда: фрагменты горшков, украшенных линейным рифлением по корпусу, наколами и защипами по краю венчика. Иногда на плечиках, или в местах наибольшего расширения сосудов, присутствует дополнительная орнаментация многорядной волнистой линией (рис. 7, 3–7, 11–13, 15). Среди находок в постройке присутствовали фрагменты крупных гончарных тарных сосудов (кувшинов и пифосов), украшенных лощеным орнаментом на корпусе и фризом с прочерченной многорядной волнистой линией в месте наибольшего его расширения (рис. 7, 8, 10, 14). Кроме них найдена верхняя часть небольшого кувшина (рис. 7, 9), а также венчик и днище крупных горшковидных корчаг (рис. 7, 16–17). Среди прочих находок в помещении обнаружены бараний астрагал и фрагмент лезвия железного ножа

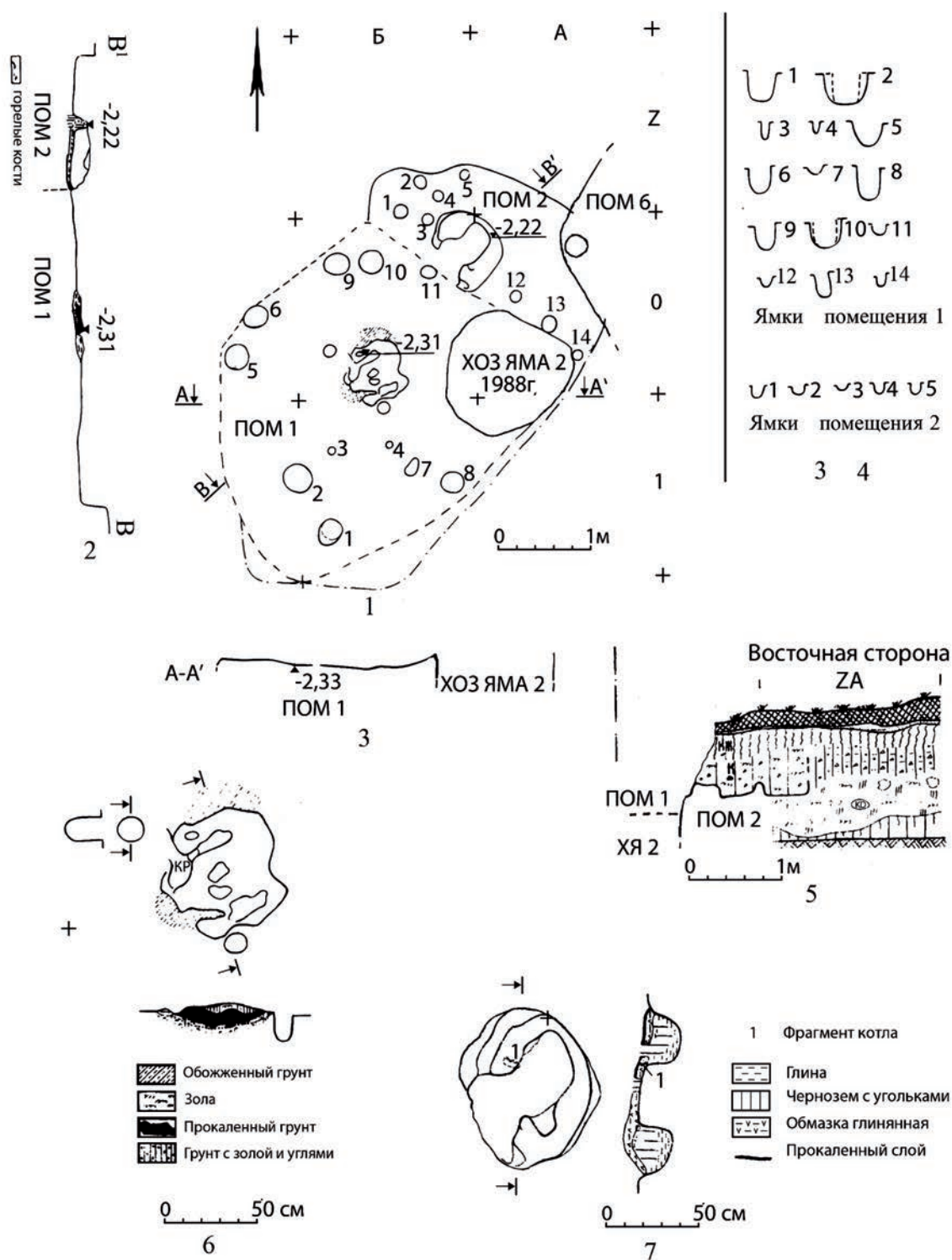

Рис. 4. Помещения 1, 2: 1 – общий план построек; 2 – разрез по линии В–В1; 3 – разрез по линии А–А1; 4 – разрезы столбовых ямок сооружений; 5 – восточный профиль, бровка ЗА; 6 – план и разрез очага помещения 1; 7 – план и разрез печи помещения 2

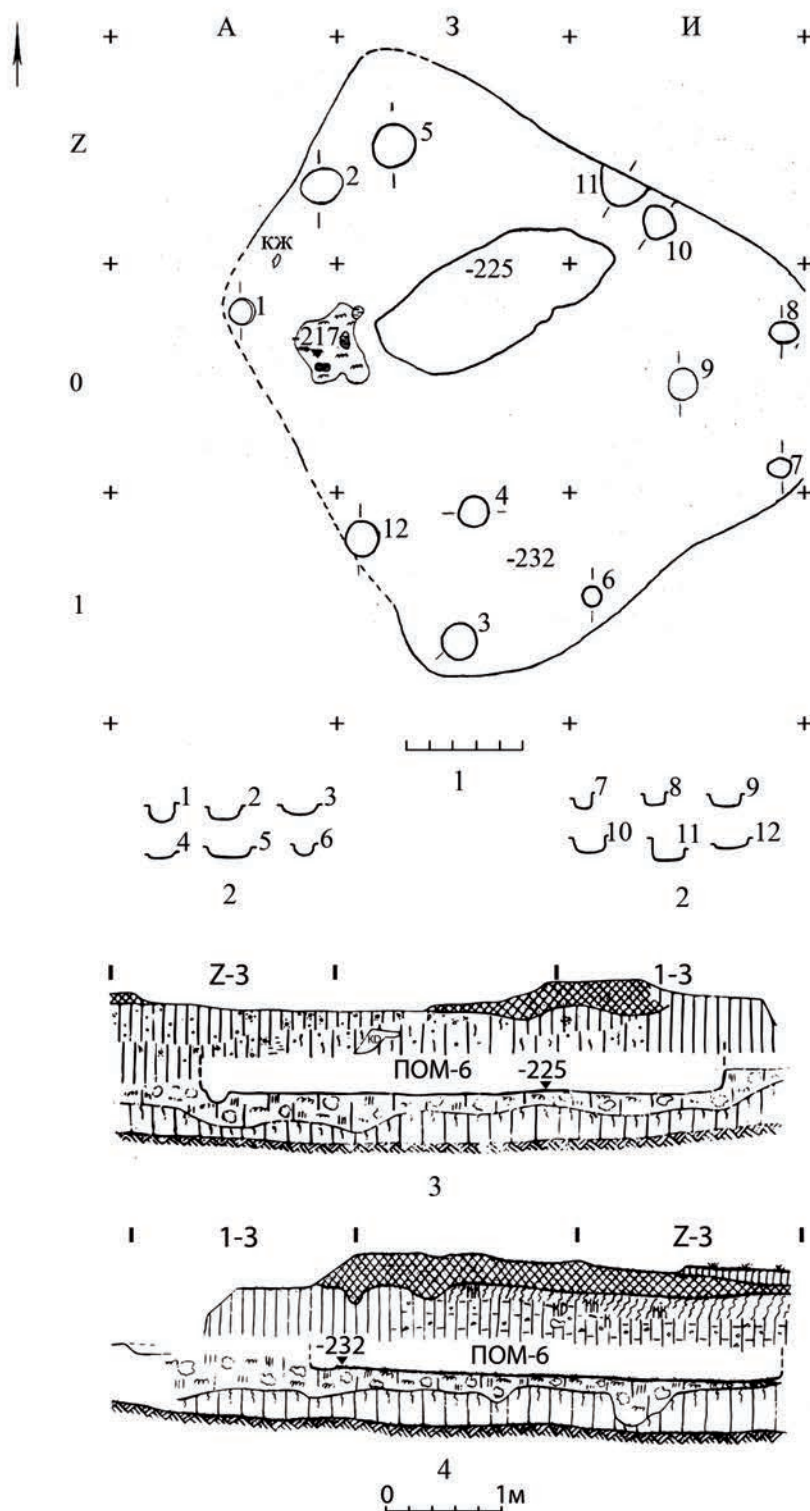

Рис. 5. Помещение 6: 1 – план сооружения; 2 – разрезы столбовых ямок; 3 – бровка Z-3-1, восточная сторона; 4 – бровка 1-Z-3, западная сторона

1

2

Рис. 6. Фото построек: 1 – помещения 1–2; 2 – помещение 6

(рис. 7, 1). При разборке очага найдена серебряная пластина с отверстиями по краям (рис. 7, 2).

Помещение 1 уничтожило большую часть котлована более раннего помещения 2 (рис. 4, 1–2, 5, 7; 6, 1).

Помещение 2. Как и в случае с помещением 1, край котлована этой постройки читался нечетко. Кроме этого, центральная часть её была разрушена помещением 1; северо-восточная – хозяйственными ямами № 2 и 8 (X–XIII вв.). Восточный край помещения 2 на уровне 0,75 м от современной поверхности был прорезан западным углом помещения 6. Таким образом, согласно данным стратиграфии, она являлась самой ранней постройкой в описанной группе сооружений.

Судя по сохранившимся остаткам, котлован помещения 2 имел размеры 5,2×3 м и был вытянут длинной осью по линии ССВ–ЮЮЗ. Столбовых ям в пределах помещения выявлено не было. Малые ямки от жердей № 1–5 (д. 0,12–0,14 м), располагающиеся к северо-западу от отопительного сооружения, вероятно, имели отношение к конструкции помещения 1. Глубина котлована достигала 0,95 м от современной поверхности. У северной стенки котлована находилась глинобитная печь, развернутая входом в топочную камеру во внутреннюю часть постройки. Печь имела овальную в плане форму, размерами 0,8×0,7 м. Высота от пола помещения составляла 0,15–0,18 м. От основания печи – 0,25 м. Свод печи был обрушен (рис. 4, 7).

В заполнении постройки найдены фрагмент красноглиняной амфоры крымского или таманского производства и стенка горшка с линейным орнаментом. При разборке печи обнаружен фрагмент венчика керамического котла с внутренними ушками (рис. 8, 9) и костяная бусина.

Помещение 6 (рис. 5, 1–4; 6, 2) является самым поздним комплексом в описанной группе построек. Оно представляло котлован (5,2×4,4 м), ориентированный длинной осью по линии СЗ–ЮВ. Как и в описанных выше сооружениях, контуры котлована читались в темном слое нечетко. Форма его пятна у дна имела вид трапеции, обращенной широким основанием в юго-восточную сторону. Заполнение котлована фиксировалось с уровня 0,75 м от современной поверхности. До этого уровня шел слой с материалами X–XIII вв., который лежал практически на заполнении постройки хазарского времени, отличаясь от него по фактуре. Таким образом, здесь, наиболее вероятно, после X в., производилась срезка. В пользу такого вывода свидетельствуют поврежденный в древности очаг постройки, остатки которого были обнаружены в западном углу помещения на уровне 0,9 м от современной поверхности. От очага сохранилось горелое пятно неправильной формы (0,6×0,65 м). К востоку от него на полу котлована присутствовало слабо выраженное углубление овальной формы (1,1×0,45 м) с обожженным дном, служившее для углей, выбиравшихся из очага.

Глубина котлована составляла 1,05 м от современной поверхности. Постройка имела столбовую конструкцию стен. Пятна столбовых ям прослеживались на фоне слоя осветленного гумуса, на который было опущено дно котлована. Все они имели небольшую глубину (до 0,15 м). Вдоль северо-западной стенки находились ямы: № 1 (д. 0,22 м.), 2 (д. 0,35 м) и 5 (д. 0,35 м). Вдоль северо-восточной стены располагались ямы № 11, 10, 8. Вдоль юго-восточной – ямы № 7 (д. 0,2 м), 6 (д. 0,18 м) и 3 (д. 0,3 м). К северо-западу от нее находилась яма № 12 (д. 0,3 м). Между ямой № 12 и ямой № 8, находившейся на противоположной стороне котлована, присутствовали еще две ямы (№ 4, 9), которые находились внутри котлована постройки. Они имели близкий диаметр (д. 0,24 м) и вероятно были связаны либо с какой-то перегородкой, разделяющей помещение на две неравных части, либо являлись деталями конструкции кровли данной постройки (рис. 5, 2).

В заполнении и на дне помещения 6 был обнаружен ряд находок, представленных в основном керамикой. Это фрагменты толстостенной амфоры с хорошо отмученным тестом светлорозового цвета. Корпус сосуда расчленен горизонтальным редким широкополосчатым рифлением. Поверхность покрыта беловато-серым ангобом (рис. 3, 3). Кроме нее здесь были встречены фрагменты небольших гончарных горшков, с рифлением по корпусу (рис. 8, 5–6), горшочек, украшенный рифлением по корпусу и многорядной волнистой линией на плечиках (рис. 8, 8), горлышко кувшина (рис. 8, 4) и венчик сероглиняной корчаги с пролощенным орнаментом (рис. 8, 7). Из прочих находок в помещении были обнаружены обточенный бараний астрагал (рис. 8, 3), обломок роговой пластины (рис. 8, 2) и деталь железного замка (рис. 8, 1).

Таким образом, в раскопе 26 найдены остатки трёх стратифицированных жилых построек салтово-маяцкой культуры с различными конструктивными особенностями. В связи с тем, что глубина их котлованов от современной поверхности составляла около 1 м, первоначально все они были отнесены к категории полужемлянок. Тем не менее, следует учитывать, что котлованы помещений 1 и 2 были прослежены с уровня нахождения слоя с материалами хазарского времени (0,4 м от современной поверхности) (рис. 4, 5). Меньше данных имеется о помещении 6 в связи с тем, что верхняя часть заполнения этого комплекса была срезана. Однако уровень нахождения его пола мало отличается от уровня пола помещений 1 и 2 (рис. 5, 3–4). Таким образом, рассматриваемые нами котлованы жилищ были углублены всего на 0,5–0,6 м. Учитывая это, более точным будет говорить о данных постройках не как о полужемлянках, а как об углубленных в грунт сооружениях.

Все три разновременных постройки своими стенами были ориентированы не строго по сторонам света, а с отклонениями, причем близкими (рис. 3, 1). Вероятно, такое их расположение было обусловлено конфигурацией края террасы, на которой эти сооружения находились. В связи с чем следует учитывать, что степень углубленности котлованов этих жилищ могла существенно уменьшаться к северу, а некоторые из построек просто могли быть врезаны в террасу южным своим краем.

Обращает внимание, что керамика, содержащаяся в заполнении всех трех построек, представлена исключительно фрагментами гончарных сосудов. Фрагменты амфор, близких обнаруженной в помещении 6, встречены в очень небольшом количестве на Сидоровском комплексе вместе с материалами IX – нач. X в. Здесь они были представлены обломками сосудов с тестом, колеблющимся от светло-розового до беловато-желтого цвета. По характеру теста, толщине черепка они резко отличаются от обычных амфор крымско-таманского производства, составляющих большинство тарной керамики описанных выше памятников. В целом, отсутствие лепной посуды и общий характер содержащихся в сооружениях материалов может свидетельствовать, что рассматриваемые нами постройки не относятся к ранним, а датируются достаточно поздним временем в рамках существования салтово-маяцкой культуры (не ранее IX в.).

Самая поздняя из построек данной группы представляет жилище обычного типа для салтовских памятников рассматриваемого региона. Помещение 6 имело котлован подтрапециевидных очертаний со столбовой конструкцией стен. Очаг находился в западном углу, а горелые угли выгребались из него в продолговатую ямку, расположенную в центральной части постройки. Подобные ямки для углей известны в постройках салтово-маяцкой культуры, в частности, в «полуназемном» жилище 8 Дмитриевского комплекса [Плетнева 1989: 35, рис. 13, 1]

Значительный интерес представляет самая ранняя постройка – помещение 2, в конструкции которого наблюдается ряд элементов, отличающих это жилище от иных построек рассматриваемой нами группы. Это помещение имело бесстолпную конструкцию стен и глинобитную печь в качестве отопительного сооружения. Такого типа печи известны на славянских землях и территории Древней Руси. Единичные глинобитные печи встречаются ещё в постройках пеньковской культуры [Приходнюк 1998: 25]. Широко представлены они в роменско-боршевских древностях [Ляпушкин 1958: 195–198]. В более поздний период (с X в.) печи такого типа являются частой находкой в жилых постройках Среднего Поднепровья и других древнерусских территорий [Максимов, Петрашенко 1988: 8].

На памятниках салтово-маяцкой культуры глинобитные печи встречаются не часто. Известны они в верхнем течении Северского Донца, в частности, на Дмитриевском археологическом комплексе [Плетнева 1989: 35, рис. 12]. Единичные находки глинобитных печей присутствуют на поселениях в среднем течении этой реки [Михеев 1965: 7; Кравченко, Швецов 1990; Кравченко 2020а: 73–74]. Показательно, что в известных автору двух стратифицированных комплексах, происходящих из этого региона, все глинобитные печи находятся не в самых поздних сооружениях [Кравченко 2020а: 73, рис. 133–134]. Гораздо чаще на салтовских поселениях Северского Донца встречаются печикаменки, которых известно достаточно много [Чернигова 1998; Квитковский 2013: 60–70; Апареева, Красильников 2001: 297–301; Красильникова 2001]. На Сидоровском археологическом комплексе они составляют не менее 40% от общего количества отопительных сооружений, выявленных в

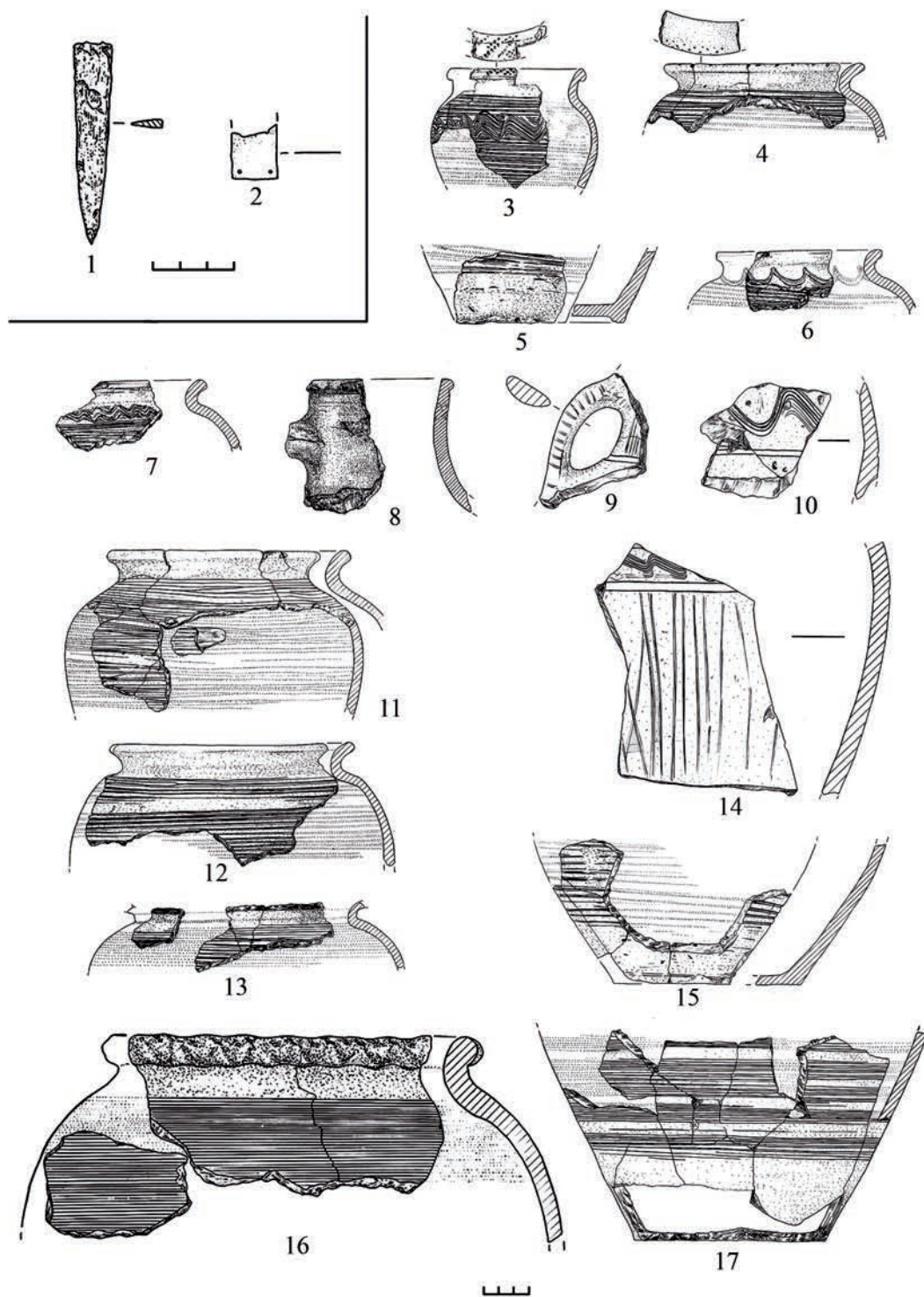

Рис. 7. Вещи из помещения 1

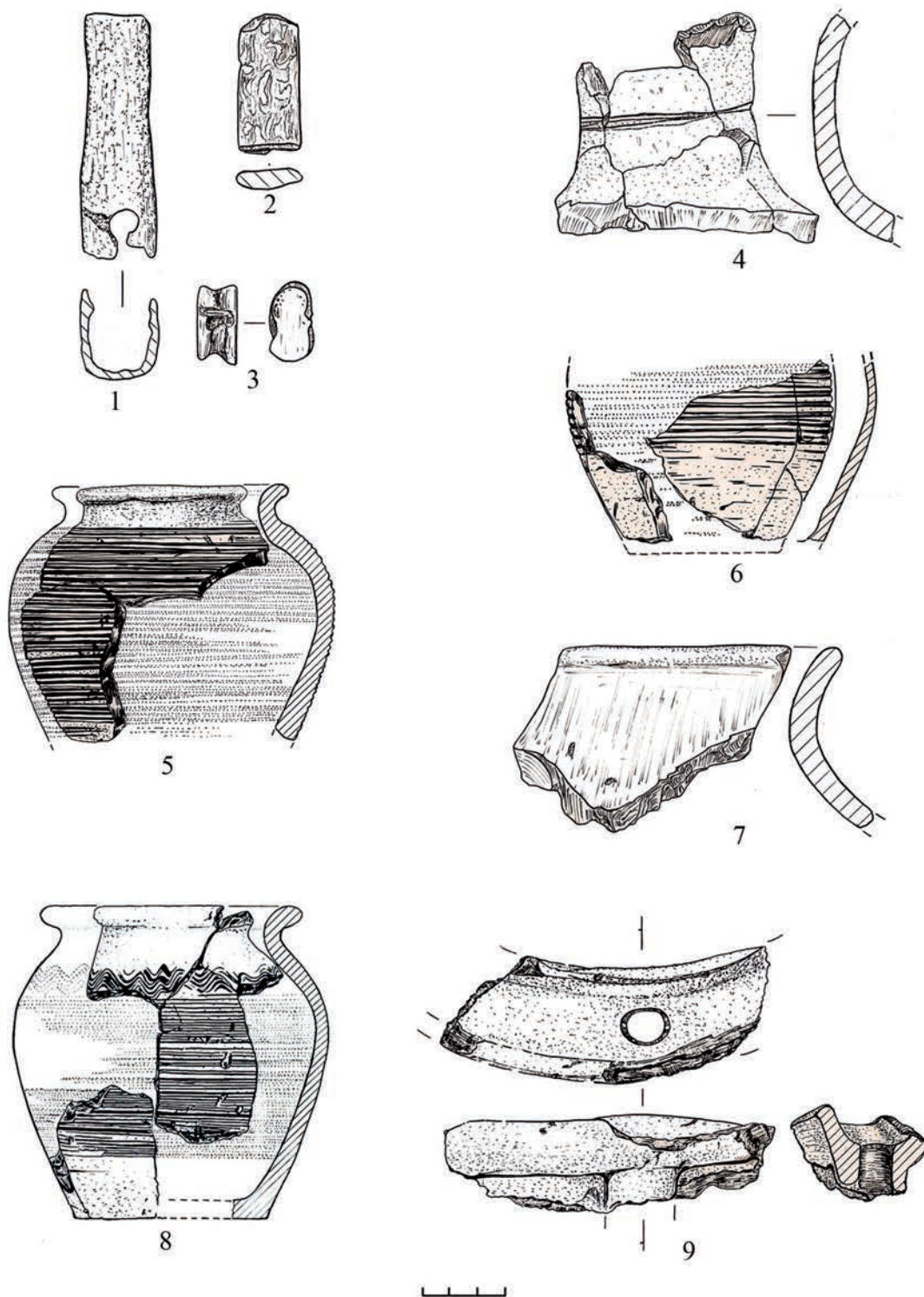

Рис. 8. Вещи из помещений 2 (9) и 6 (1–8)

постройках [Кравченко 2020а: 80]. Показательно, что на этом памятнике на восемь печей-каменок приходится всего две глинобитных печи (помещение 1971 г. и помещение 23). Наличие высокого процента печей-каменок связывалось автором данной статьи с влиянием славянского населения [Кравченко 2020а: 81]. Как представляется, с этими же влияниями связано и наличие на поселениях глинобитных печей, широко представленных на славянских землях.

Особый интерес вызывает помещение 1. Эта постройка имеет ряд архаичных деталей. Её овальная конфигурация, хорошо читаемая по столбовой конструкции, относительно небольшая глубина котлована, наличие открытого очага в центральной части сближает данную постройку с круглоплановыми жилищами. Достаточно большой диаметр столбовых ям может объясняться рыхлым характером грунта. Куда более показательна малая их глубина (от 0,1 м до 0,2 м) (рис. 4, 4), благодаря которой они более напоминают не ямы для мощных стационарных столбов, а «лунки» для столбиков-упоров.

Конструкция помещения 1 несколько отличается от большинства «круглоплановых» жилищ. Его северная стена, направленная к склону террасы, опиралась на каркас из жердей. Вероятно, этой своей стороной постройка выходила на склон, как «полуназемные» жилища Дмитровского [Плетнева 1989: 32–35] или «комбинированные» постройки Сидоровского комплексов. В частности, наличие столбов в углубленной части сооружения в сочетании с жердевой наземной конструкцией внешней стены наблюдается в помещении 7 Сидорова [Кравченко 2020а: 71, рис. 116, 1; 118]. При этом столбы помещения 7 имели достаточную глубину, а сама постройка была прямоугольной в плане [Кравченко 2020а: 70, рис. 41, 2]. В целом, на Сидоровском археологическом комплексе круглоплановые сооружения пока что не зафиксированы³.

Рассматривая помещение 1 раскопа 26 Маяков как вариант круглопланового/юртообразного жилища, следует сказать, что постройка данного типа не единственная на этом памятнике. Кроме описанного выше жилища 1 (селище 3), В.К. Михеевым, при раскопках на селище 2, было выявлено еще четыре юртообразных постройки. От трех из них сохранились остатки «тарелкообразных» очагов (размерами от 50×60 до 80×90 см), которые находились в центральной части жилища. Четвертая «юрта» (жилище 5) фиксировалась по углубленным в слой следам сгоревшего каркаса. Детальных сведений об этой постройке нет, в связи с чем В.С. Флеров, при описании ее, цитировал текст из книги В.К. Михеева [Флеров 1996: 23]. Согласно ему, юрта «представляла собой однокамерное круглое помещение, диаметром 3 м с тарелкообразным очагом (50×80 см) в центре, углубленным на 10–15 см. Основание юрты можно определить по остаткам сгоревшего каркаса, слегка углубленным в культурный слой» [Михеев 1985: 13]. Какой вид имел этот каркас (жерди, прутья), ни в отчетах, ни в книге В.К. Михеева не указано. Так или иначе, В.С. Флеров отнес юртообразные сооружения Маяков ко второй стадии их формирования (жилища, рассчитанные на долговременное использование) [Флеров 1996: 59]. К этому же типу, вероятно, относится и рассматриваемое нами помещение 1 раскопа 26.

Наличие круглоплановых сооружений на одних памятниках хазарского времени и отсутствие их на других расположенных рядом поселениях обращает на себя внимание. Несмотря на то, что археологический комплекс у с. Маяки является одним из самых ранних салтовских памятников Донецкого региона, это явление явно не было связано с хронологическими рамками бытования этого поселения. В пользу такого вывода свидетельствуют как факт практически полного отсутствия лепной посуды в материалах жилища, так и данные стратиграфии: в узле из трех разновременных сооружений помещение 1 не является самой ранней постройкой, а занимает второе место.

Появление в среднем течении Северского Донца круглоплановых сооружений, достаточно хорошо представленных в Приазовском регионе [Гриб, Швецов 2017: 293–298], было связано с бытованием традиции, которая распространялась с определенными группами населения. По мнению В.С. Флерова, этой группой были недавно осевшие кочевники-праболгары [Флеров

³ Не известно, были ли они на Сидоровском комплексе вообще. При раскопках на нем были встречены остатки наземных сооружений, однако относить их к круглоплановым нет оснований. Врезанные в склоны жилища Сидорова (полуназемные жилища по С.А. Плетневой) имели прямоугольные очертания.

1996: 60]. Вполне вероятно, что вчерашних кочевников могли использовать в качестве воинского контингента в период строительства в среднем течении Северского Донца городищ. О присутствии на археологическом комплексе Маяки конных воинов может свидетельствовать наличие на этом памятнике большого количества находок предметов конского снаряжения и оружия, характерного для всадника [Кравченко 2020б: 200–201, 204–205, рис. 1, 5–7; 2–5; 8]. Вполне вероятно, что этот всаднический контингент мог состоять из недавно осевших кочевников. Маркером присутствия на поселении этой группы населения было использование круглоплановых построек. Близкая ситуация наблюдалась на других укрепленных поселениях: в Саркеле [Артамонов 1958: 30–31; Белецкий 1959: 42–45], Правобережном Цимлянском городище [Плетнева 1994: 283–315], крепостях Предкавказья, Плиске и других памятниках, где находились вчерашние кочевники [Флеров 1996]. На этом этапе своей истории они, вероятно, использовались как конное войско, которое принимало участие в охране крепостей, расположенных в пограничных районах государства.

Вероятно, что движение этих групп населения из степи в среднее течение р. Северский Донец произошло тогда, когда на западных территориях каганата шло строительство укрепленных поселений. В это время на укрепленных населенных пунктах в среднем течении Северского Донца, наряду с проживавшим здесь ранее тюркским и иранским населением, а также потомками населения пеньковской культуры, присутствие в которой славянской составляющей не вызывает сомнения, появляются новые этнические группы. В их перемещении на эту территорию, вероятно, была заинтересована правящая верхушка хазарского государства. Среди вновь прибывшего населения были мусульмане среднеазиатского происхождения, а также представители тюркских кочевых народов степи (возможно, тех же протоболгар), которые были вынуждены осесть на землю в силу сложившихся обстоятельств.

Таким образом, группа жилых сооружений, выявленная в раскопе 26 на селище 3 археологического комплекса у с. Маяки, демонстрирует многообразие строительных традиций, используемых жителями этого населенного пункта в IX – начале X в. Подобная ситуация наблюдается и на других поселениях рассматриваемого региона. Это многообразие традиций строительства жилищ является отражением сложных культурных и этнических процессов, которые происходили на этой территории в хазарское время.

ЛИТЕРАТУРА

- Апареева Е.К., Красильников К.И.* Славянские признаки у праболгар Среднедонечья // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії. Мат.[I] Всеукр. наук. конф. (Луганськ, 8–9 лютого 2001 г.). / Ред. В.Ф. Литвиненко [и др.]. Луганськ: Східноукраїнський національний університет, 2001. С. 297–301.
- Артамонов М.И.* Саркел-Белая Вежа. МИА № 62. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 7–84.
- Белецкий В.Д.* Жилища Саркела – Белой Вежи. МИА № 75. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 40–134.
- Гриб В.К., Кравченко Э.Е., Кучугура Л.И.* История и материалы одной экспедиции на Донце // Святогірський альманах 2014. Донецьк: Вид. «Донбас», ТОВ «РА Ваш імідж», 2014. С. 64–96.
- Гриб В.К., Швецов М.Л.* Жилища и хозяйственные постройки населения Северного Приазовья в эпоху раннего средневековья // Археологические записки. 2017. Вып. 9. С. 292–313.
- Дадашов О.С., Татаринцов С.И.* Бахмутский край и хазарский каганат. Артемовск: Центр памятниковедения НАН Украины и Украинского общества охраны памятников истории и культуры, Бахмутское региональное отделение, 2009. 59 с.
- Квитковский В.И.* Раннесредневековые жилища поселения Пятницкое I // Салтово-маяцкая археологическая культура. Вып. 3. Харьков: Видавець Савчук О.О.; ОКЗ. «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», 2013. С. 58–72.
- Кравченко Э.Е.* Памятники оседлого населения XI–XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 1 / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2000. Т. 1. С. 75–100.
- Кравченко Э.Е.* Исследования поселения с «древнерусской» керамикой в среднем течении Северского Донца // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. М-лы IV Междунар. конф., посвящ. памяти профессора МГУ Г.А. Федорова-Давыдова (г. Азов, 30 сентября – 3 октября 2008 г.).

- / Донские древности. Вып. 10. / Отв. ред. А.А. Горбенко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2009. С. 242-263.
- Кравченко Э.Е. Сидоровский археологический комплекс на р. Северский Донец // Археология Евразийских степей. 2020а. № 4. 344 с.
- Кравченко Э.Е. Предметы вооружения и конского снаряжения хазарского времени (среднее течение Северского Донца) // Археология Евразийских степей. 2020б. № 6. С. 198-223.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // Научный Архив ИА НАНУ № 2008/82.
- Кравченко Э.Е., Петренко А.Н., Шамрай А.В. Отчет об исследованиях на археологическом комплексе Маяки в 2008 году // Научный Архив ИА НАНУ № 2008/82.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологических спасательных исследованиях на памятнике Царином городище в 1990 году // Научный Архив ИА НАНУ № 1990/188.
- Кравченко Э.Е., Швецов М.Л. Отчет об археологическом исследовании посада городища у с. Маяки Славянского района Донецкой области в 1991 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1991/167.
- Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Шамрай А.В., Мирошниченко В.В., Петренко А.Н. Отчет о работах средневековой археологической экспедиции ДОКМ в 2005 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 2005/25.
- Красильникова Л.И. Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – начало X вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время / Гл. ред. А.В. Евлевский. Донецк: ДонНУ, 2001. С. 323-332.
- Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. МИА № 74. М.; Л.: АН СССР, 1958. 328 с.
- Максимов Е.В., Петрашенко В.А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев: Наукова думка, 1988. 147 с.
- Матеріальна та духовна культура населення Подінців'я в період середньовіччя VIII-XIV ст. на прикладі городища «Царине» (Маяцьке). Каталог виставки. / Автори укладачі Дєдов В.Н., Шамрай А.В., Соловкін О.О. Київ: Вид. САМ. 2017. 95 с.
- Михеев В.К. Результаты археологических работ на Маяцком городище в 1963 г. // Архив музея истории и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета. ф. 1, оп. 2, ед. хр. 4.
- Михеев В.К. Отчет о раскопках поселения и могильника салтовской культуры у с. Маяки летом 1965 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1965/18.
- Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. // Научный Архив ИА НАНУ № 1966/80.
- Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях поселения салтово-маяцкой культуры у с. Маяки в 1968 г. // Научный Архив ИА НАНУ № 1968/48.
- Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата / В.К. Михеев. Харьков: Изд. ХГУ, 1985. 147 с.
- Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 286 с.
- Плетнева С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958-1959 гг. / С.А. Плетнева // МАИЭТ. Симферополь: Таврия, 1994. Вып. IV. С. 271-397.
- Приходнюк О.М. Пеньковская культура (Культурно-археологический аспект исследования). Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1998. 170 с.
- Флеров В.С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М.: ИА РАН, 1996. 100 с.
- Чернигова Н.В. Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII-X вв. // Вісник Харківського державного університету. Історія. 1998. Вип. 30. С. 52-58.
- Швецов М.Л. Взаимоотношения степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья - Приазовья) // Швецов М.Л. Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья. Сб. избранных статей М.Л. Швецова. К 75-летию со дня рождения. Донецк: Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского, 2018а. С. 117-121.
- Швецов М.Л. Новогригорьевское погребение и этническая ситуация в Приазовье IV–VIII вв. // Швецов М.Л. Евразийская степь и Донбасс в эпоху средневековья. Донецк: Донецкий Центр Института востоковедения им. А. Крымского, 2018б. С. 172-208.

А. Н. Масловский

Андрей Николаевич Масловский,
Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
«Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник»,
г. Азов, Россия; maslovskiazak@mail.ru

Общественная архитектура Азака по данным археологии

Аннотация. Письменные источники сохранили ряд названий общественных построек на территории золотоордынского Азака. В силу ряда причин (дефицит строительного камня и обожжённого кирпича, гибель города в 1395 г., сплошная современная застройка территории городища и др.) ни одно капитальное здание Азака не сохранилось до настоящего времени. В ходе археологических исследований обнаруживаются только фундаментные траншеи и в редких случаях отдельные фрагменты кладок. За несколько десятилетий исследований накоплена определенная информация, которая всё же позволяет сделать некоторые выводы по ряду вопросов, связанных с архитектурой Азака. В ней сочеталось строительство из камня и кирпича. В центральной части города имелось большое количество фундаментальных общественных построек. Для их декора использовались каменные рельефы, кашинные и терракотовые изразцы. Для каменной архитектуры можно предположить местные причерноморские провинциально-византийские истоки. Кирпичное строительство имеет более сложный генезис с участием как провинциально-византийских, так и закавказских, и среднеазиатских элементов.

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, архитектура, мечеть, церковь, баня

Андрей Николаевич Масловский,
Ростов облысының «Азов тарихи-археологиялық және палеонтологиялық музей-қорығы» мемлекеттік
бюджеттік мәдениет мекемесі, Азов қ., Ресей

Азақтың қоғамдық архитектурасы археологиялық мәліметтер бойынша

Аннотация. Жазба деректерде алтынордалық Азак аумағындағы қоғамдық ғимараттардың бірқатар атаулары сақталған. Бірнеше себептерге байланысты (құрылыс тасы мен күйдірілген кірпіштің тапшылығы, 1395 ж. қаланың қирауы, қала аумағындағы қазіргі заманғы үздіксіз құрылыс және т. б.) Азақтың бірде-бір күрделі ғимараты бүгінгі күнге дейін сақталмаған. Археологиялық зерттеулер барысында тек іргетас траншеялары және сирек жағдайларда кірпіштердің жеке бөліктері табылды. Бірнеше ондаған жылдар бойы жүргізілген зерттеулерде Азак архитектурасымен байланысты бірқатар мәселелер бойынша кейбір тұжырымдар жасауға мүмкіндік беретін белгілі бір ақпарат жинақталған. Бұл архитектура тас пен кірпіштің құрылысын біріктірді. Қаланың орталық бөлігінде көптеген іргелі қоғамдық құрылыстар болған. Оларды безендіру үшін тас рельефтер, кашин және терракоталық тақтатастар қолданылды. Тас архитектурасы үшін жергілікті қаратеңіздік провинциялық-византиялық шығу тектерді болжауға болады. Кірпіш құрылысы провинциялық-византиялық, сондай-ақ, кавказдық және ортаазиялық элементтер қатысқан күрделі генезиске ие.

Түйін сөздер: Алтын Орда, Азак, архитектура, мешіт, шіркеу, монша

Andrey Maslovskiy,
State Budgetary Institution of Culture of Rostov Region
«Azov Historical, Archaeological and Paleontological Museum-Reserve», Russia, Azov

Public architecture of Azak according to the archaeological data

Abstract. Written sources have preserved a number of public buildings names on the territory of the Golden Horde city of Azak. Due to a number of reasons (rag stone and fired bricks deficiency, the city's collapse in 1395,

long-lasting building activity on the modern city territory, which coincides with the area of medieval settlement etc.), no one capital building of Azak has survived till nowadays. Only foundation trenches and, in rare cases, individual fragments of masonry are found during archaeological excavations. Over several decades of research, certain information has been accumulated, which nevertheless allows us to draw certain conclusions on a number of issues related to the Azak architecture. It combined the constructions made of stone and brick. In the central part of the city there were a large number of fundamental public buildings. Stone reliefs, stonepaste and terracotta tiles were used for their decor. For stone-made architecture, we can assume local Black Sea Byzantine provincial origins. Brick construction has a more complex genesis with the use of both provincial Byzantine and Transcaucasian as well as Central Asian elements.

Keywords: Golden Horde, Azak, architecture, mosque, church, bathhouse

Наличие фундаментальных архитектурных построек является одним из существенных признаков городского статуса поселения. Азак был одним из крупнейших городов Золотой Орды. Письменные источники упоминают о целом ряде зданий: мечетях, церквях, банях, караван-сараях, венецианской лоджии [Барбаро 1971: 141–142; Фомичёв 1994: 8–9, 13–15; Григорьев А.П., Григорьев В.П. 2002: 27, 73, 120; Карпов 2021: 73–75, 225, 242]. Присутствуют абстрактные указания на то, что Азак «отличается красивой постройкой» [Тизензаузен 1884: 284]. Между тем, до недавнего времени его архитектура оставалась почти неизвестной для науки, что особенно бросалось в глаза при сопоставлении с другими городскими центрами Золотой Орды и с учётом очень большого объёма ежегодных полевых исследований.

Была опубликована информация об отдельных постройках [Волков 1990; Масловский, Перевозчиков 2000]. Обзору упоминаний архитектурных объектов в письменных источниках посвящена статья Н.М. Фомичева [Фомичев 1994]. Краткий обобщённый очерк данных археологии приведён в предыдущей работе автора [Масловский 2015: 390–392].

Существует ряд объективных причин плохой изученности архитектуры Азака. Прежде всего, это связано с дефицитом строительного материала – камня и жженого кирпича. Даже ближайшие месторождения низкосортного рыхлого ракушечника, использовавшегося для строительства в Азаке, расположены более чем в 20 км от города на правом берегу Дона. При этом его транспортировка по прямой маловероятна, учитывая, что для этого пришлось бы пересекать заболоченную дельту реки. Месторождения более качественного светло-серого известняка и песчаника расположены более чем в 100 км к северо-востоку на территории Восточного Донбасса, в районе современных городов Новошахтинска и Каменоломен. Острый дефицит камня отмечают и письменные источники венецианского происхождения. Адвокаты коммун и Совет 40 в 1336 г. рассматривали дело об использовании доминиканцами для строительства своего храма камня, закупленного для строительства дома консула и караван-сарая [Карпов 2021: 240].

Обжиг кирпича на территории с небольшим количеством лесов был делом дорогостоящим. Сириец Абу-л-Фида отмечает, что город построен из дерева [Коновалова 2009: 124]. Данные археологии позволяют уточнить, что всё же большая часть наземных жилых построек была, видимо, возведена из турлука (камышовые маты с двусторонней обмазкой глиной). В жилых постройках Азака камень и жжёный кирпич использовался для вспомогательных конструкций. Например, ими обкладывались тамбуры для входа в земляночные сооружения, цоколи перегородок – между помещениями внутри крупных построек. Камень и фрагментированный кирпич использовался также для возведения склепов.

Дефицит строительного материала приводил к тому, что уже в XIV в., спустя несколько десятилетий после постройки, каменные и кирпичные здания начинали разбирать. Ещё в золотоордынский период из вторично использованного камня и кирпича, включая обломки архитектурных деталей, возводятся постройки на раскопе по ул. Измайлова, 48 [Гончаров 2022: 66,

69, рис. 7]. Вторичное использование материалов с остатками известкового раствора фиксируется во многих других случаях. После гибели Азака в 1395 г. разрушение продолжилось, поскольку в отличие от ряда других золотоордынских городов, территория города никогда не оставалась заброшенной на длительный период. Этот процесс интенсифицировался в период русско-турецких войн. Сохранились археологические свидетельства разборки зданий в XVII в. В ходе реконструкции исторической части города было установлено, что даже в конце XIX в. тротуары в Азове мостились вторично использованным золотоордынским кирпичом. В результате, от золотоордынских зданий сохраняются в большинстве случаев только фундаментные траншеи с незначительными остатками кладок.

Ещё одной сложностью для изучения архитектуры Азака является современная сплошная застройка его территории. В силу этого, даже в случае обнаружения в ходе спасательных раскопок фундаментальных построек, возможности их полного изучения отсутствуют. На многие вопросы мы никогда не сможем получить ответа. Например, не приходится говорить о выявлении каких-то особенностей архитектурного стиля или хотя бы о закономерностях планировки зданий. Существовала заметная разница в развитии отдельных регионов Золотой Орды. Поэтому любые аналогии и параллели с архитектурой даже сопредельных Нижнему Подонью регионов Крыма, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, которые основываются на косвенных данных и умозрительных построениях, могут быть только гипотетическими.

Несмотря на всё вышеперечисленное, за последние десятилетия удалось по крохам собрать некоторую информацию об архитектуре золотоордынского Азака.

Прежде всего, удалось установить, что в Азаке существовало большое число капитальных построек из кирпича и камня. В центре средневекового города в пределах современных ул. Чехова–Мира–Измайлова–Московская каменные постройки располагались друг от друга на расстоянии 100–200 м. Как можно заметить, в северной и центральной части города строились исключительно каменные здания, в которых жжёный кирпич не использовался (рис. 1). Ближе к южным окраинам города здания возводились либо только из жженого кирпича, либо из кирпича и камня. В этой же части Азака найдена единственная известная общественная постройка из сырцового кирпича [Масловский 2006б: 122–123]. Это необычное явление может быть объяснено либо различием в этнокультурном составе населения, либо хронологической разницей. Дело в том, что кирпичные здания возникают, вероятно, только спустя более полувека после возникновения города, во второй половине правления хана Узбека в 1330-е гг. Это подтверждает и стратиграфия. Так, большое кирпичное здание мечети на ул. Макаровского, 66 возводится поверх городской улицы (рис. 2, 3).

Для строительства применялся известковый раствор, наполнитель которого в настоящее время установить не удалось. Достаточно часто каменная кладка выполнялась «на сухую». Большую часть использованного камня составлял рваный светло-серый известняк. Гораздо реже можно встретить ракушечник и песчаник. Размер камней чаще всего не превышал 0,3 м. Судя по небольшому числу отёсанных блоков, они использовались только для оформления углов зданий, оконных и дверных проёмов. Отмечены и очень крупные отёсанные блоки. Обожжённый кирпич Азака имел формат в пределах 20–24×20–24 см. Наиболее часто встречаются изделия толщиной несколько менее 5 см. Однако, отмечены партии кирпича толщиной от 3 до 7 см.

В единичных случаях удаётся зафиксировать систему каменной кладки. Судя по ним, для кладки толстых стен использовалась система с двумя панцирями из более крупных камней правильной формы с забутовкой внутреннего пространства более мелким камнем (рис. 2, 4). Эта забутовка чередовалась с рядами более крупного камня.

За весь период раскопок золотоордынского Азака удалось полностью исследовать только три здания. Первое из них – венецианская церковь, располагавшаяся на перекрестке современных

Рис. 1. Карта Азака с местоположением известных зданий: 1 – церковь на перекрестке ул. Ярославского и Петровской (1890 г.); 2 – соборная мечеть ул. Чехова (здание милиции) (1976 г.); 3 – Петровский бул., 5А (2019 г.); 4 – церковь Петровский бул., 7, Р-III (2018 г.); 5 – соборная мечеть Петровский бульвар, 20 (2019 г.); 6 – Петровский бул., 22 (2019 г.); 7 – соборная мечеть ул. Измайлова, 48 (2016 г.); 8 – мавзолей на перекрестке ул. Севастопольской и Васильева (2012 г.); 9 – мечеть ул. Макаровского, 66 (2018 г.); 10 – соборная мечеть Петровский бул., 46 (2004 г.); 11 – баня Петровский бул., 46 (стадион) (1982 г.); 12 – мавзолей ул. Комсомольская, 43 (2007 г.); 13 – мечеть ул. Комсомольская, 8 (2005 г.)

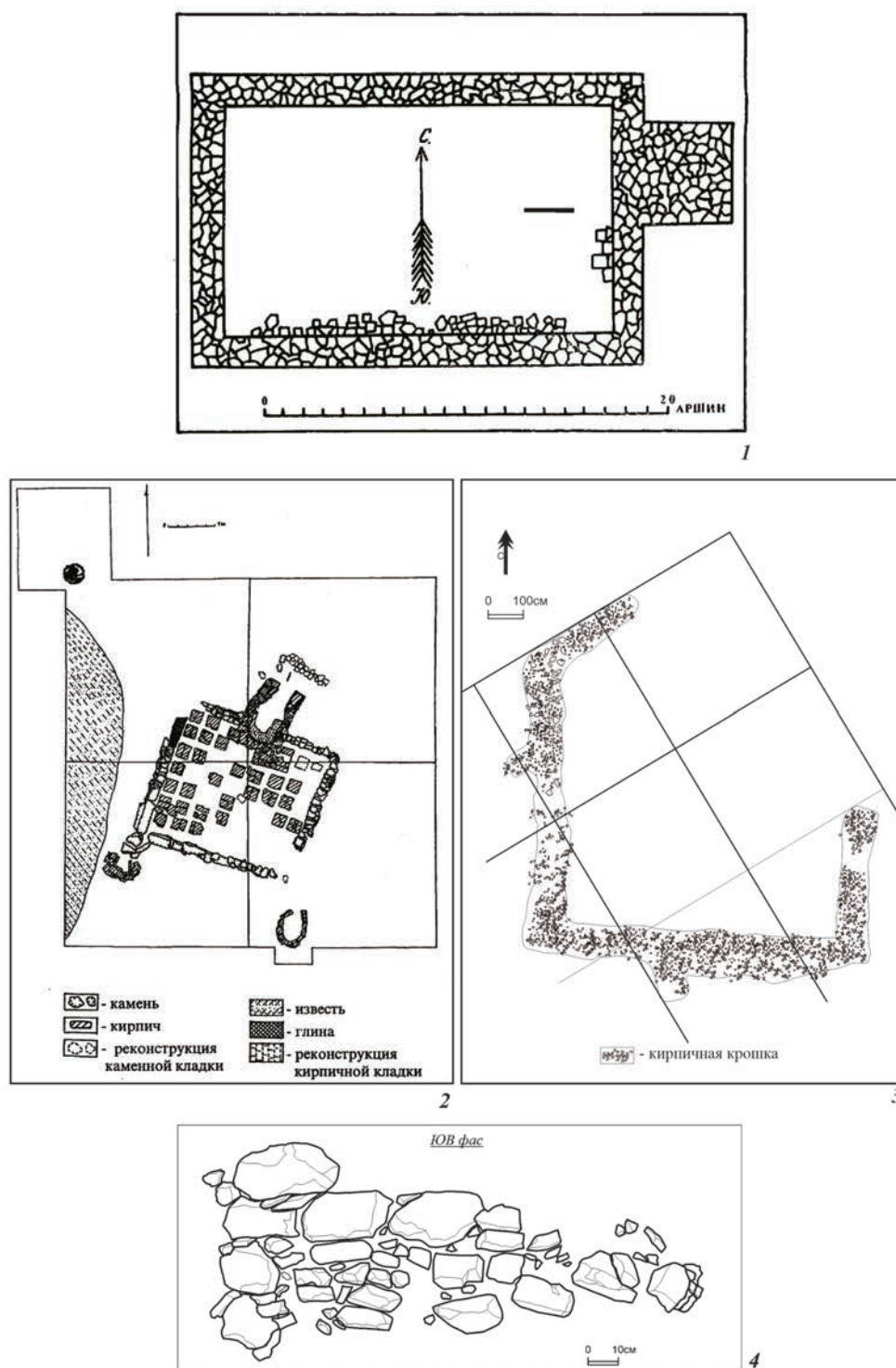

Рис. 2. 1 – план церкви, исследованной в 1890 г. на перекрестке ул. Петровской и Ярославского;
 2 – план бани, исследованной в 1982 г. на Петровском бул., 46 (стадион);
 3 – план мечети, исследованной на ул. Макаровского, 66 в 2018 г.;
 4 – разрез каменной стены на Петровском бул., 20 (2019 г.)

улиц Петровской и Ярославского (рис. 2, 1), раскопанная В.Н. Ястребовым в 1890 г. [Раскопки... 1893: 40–44]. Это прямоугольная постройка (17×10,1 м) из рваного известняка, ориентированная по оси З–В. В турецкий период она была превращена в мечеть и неоднократно перестраивалась. К её восточной стене был пристроен минарет. Если относительно её принадлежности венецианцам, благодаря находке надгробной плиты консула Якобо Корнаро, сомнений не возникало, то относительно её идентификации были высказаны две точки зрения. Согласно одной из них – это Гостевая церковь, упомянутая в ярлыке, выданном венецианцам ханом Узбеком в 1332 г. [Волков 1990: 144]. Отталкиваясь от факта погребения рядом с церковью консула Таны, Н.М. Фомичевым было выдвинуто предположение о том, что это главная церковь венецианской Таны – церковь Св. Марка [Фомичёв 1994: 10–11].

Вторым стало здание бани, исследованное В.В. Чалым в 1982 г. на стадионе Азовского оптико-механического завода на Петровском бульваре (ныне Петровский бульвар, 46) [Масловский, Перевозчиков 2000]. К сожалению, раскопки начались уже после уничтожения бульдозерами культурного слоя. Поэтому были прослежены только конструкции, заглубленные в материк. Здание имело одну отапливаемую комнату подквадратной формы (3,6×3,3 м) (рис. 2, 2). От топочного помещения сохранилась только кирпичная печь, сложенная на глиняном растворе. Предбанник не фиксировался. Фундаменты отапливаемой комнаты были сложены из рваного ракушечника и обломков кирпичей. Опорные столбики пола – кирпичные. Подпольные дымоходы заканчивались за пределами теплого мыльного помещения в подковообразных конструкциях из кирпича. Баня является единственным зданием, исследованным в золотоордынском Азаке, где зафиксировано достаточное количество информации о его конструктивных особенностях для того чтобы его можно было сопоставить с комплексами из других золотоордынских городов. Подобная специфическая планировка зафиксирована только в Мохши, где исследовано семь аналогичных бань [Алихова 1976: 171–176, 178–179]. Азакская постройка отличается только меньшими размерами и ещё более упрощенной конструкцией. Учитывая состояние изученности золотоордынских памятников, проблематично говорить о распространённости такого типа бань и путях их распространения. Небольшие размеры постройки и расположение здания в районе больших аристократических усадеб позволяют предполагать, что баня не была общественной, а обслуживала обитателей одной усадьбы.

Третьим стало здание мечети, исследованное автором в 2018–2019 г. на ул. Макаровского, 66 (рис. 2, 3). Контуры постройки удалось проследить, только фиксируя обломки кирпича, оставленные в фундаментных траншеях сборщиками стройматериала. Современным подвалом уничтожена северная стена. Здание имело подквадратную форму (10,5×9,0 м) и было ориентировано стенами по сторонам света. Наличие выступа в средней части южной стены позволяет определить постройку как мечеть. С учётом данных стратиграфии и истории застройки района здание мечети может быть датировано концом первой половины XIV в.

Помимо вышеуказанных целиком исследованных зданий, были обнаружены ещё несколько построек, назначение которых можно определить. На раскопе по Петровскому бульвару, 46 (рис. 1) были исследованы: котлован фундамента кирпичного минарета и водопровод, подходивший к зданию [Масловский 2006а: 106]. Размеры минарета благодаря тому, что обломки кирпича были сброшены обратно в отрытую добытчиками стройматериала яму, могут быть определены примерно – 2,2×2,2 м. На перекрестке ул. Васильева и Севастопольской (рис. 1) были исследованы остатки кирпичного мавзолея с подземным помещением. На участке по ул. Комсомольской, 8 расчищено основание круглого минарета из сырцового кирпича диаметром 3,8 м [Масловский 2006б: 122–123]. Данная постройка интересна тем, что это, возможно, единственная известная находка квартальной мечети из сырцового кирпича не только в Азаке, но и на территории всей европейской части Золотой

Орды. О расположении на участке по ул. Комсомольской, 43 мавзолея известно из опроса местных жителей, проведенного в период раскопок могильника по соседству.

Учитывая дефицит данных об архитектуре Азака, большое значение имеет изучение находок архитектурных деталей, декора, фрагментов внутреннего убранства и утвари. Это позволяет существенно дополнить наши представления об облике зданий, определить их назначение, локализовать местоположение построек, не попавших в пределы раскопов и даже высказать некоторые общие соображения о генезисе архитектуры Азака. Анализ этих материалов посвящены две отдельные статьи [Минаев 2022; Юдин 2022].

Находок, которые можно связывать с архитектурными постройками Азака, достаточно много. Они отмечены почти на всех раскопах центральной части города. К их числу следует отнести черепицу, которой в Азаке покрывали крыши только общественных построек. Все обнаруженные до настоящего времени образцы относятся к одному типу и представляют собой полуцилиндры, полученные вытягиванием на круге, затем разрезанные в продольной плоскости, диаметром около 10 см (рис. 3, б). Автору не удалось найти аналогии подобных черепичных крыш.

Зафиксированы следующие категории находок, связанных с фундаментальными архитектурными постройками:

1. Фигурные каменные архитектурные детали (рис. 3, 1), служившие для обрамления порталов, дверных и оконных проёмов, карнизов. Сюда же следует отнести базы или капители декоративных колонн. Как правило, для их изготовления использовался плотный светло-серый известняк, песчаник или ракушечник, но иногда их вытёсывали из рыхлого ракушечника, что лишний раз иллюстрирует дефицит строительного камня. В силу их малочисленности в настоящее время затруднительно дать развернутую классификацию. К этой же категории, наверное, следует отнести фрагмент большого алтарного(?) креста.

2. Каменные плиты с рельефными орнаментами (рис. 3, 2). Целая и фрагментарная находки сильно отличаются по стилю друг от друга и, вероятно, использовались для оформления разных частей здания.

3. Мраморные детали. Азак был самым северо-восточным пунктом, где регулярно использовался мрамор, импортировавшийся с территории Византийской империи. Обнаружено три типа изделий. I. Длинные облицовочные плиты шириной около 10 и толщиной 1,5–2 см. На двух из них вырезан углубленный сложный растительный орнамент, аналогии которому многочисленны в искусстве Золотой Орды (рис. 3, 5). Очевидно, это работа местного мастера на стандартной по размерам плите. II. Более крупные и толстые плиты с рельефным растительным орнаментом или кораническими изречениями. III. Детали декоративных колонн. Следует упомянуть использование мрамора для вставок в пазы, вырезанные в пилоне из серого ракушечника. Четвёртый вид изделий – ступки – напрямую не является архитектурным декором, но, учитывая, что мрамор привозился, очевидно, по заказу партиями изделий для оформления конкретных построек, можно предположить, что они также использовались в качестве утвари в мечетях и церквях. Подробному обзору каменного декора посвящена отдельная статья [Минаев 2022].

4. Скопления кирпича. Несмотря на широкое распространение вторичного использования, большие скопления кирпичного боя всё же могут быть использованы для локализации местоположения зданий. Помимо квадратного кирпича, встречены кирпичи шестиугольные, небольшие трапециевидные и треугольные кирпичи-вставки.

5. Кашинные изразцы и детали мозаики. В Азаке встречены как изразцы с полихромной росписью (рис. 3, 3), так и монохромные, преимущественно бирюзовые изразцы (рис. 3, 4).

6. Последней категорией архитектурного декора являются терракотовые изразцы. Она очень неоднородна. Чаще всего встречаются брусковидные изразцы производства Маджара

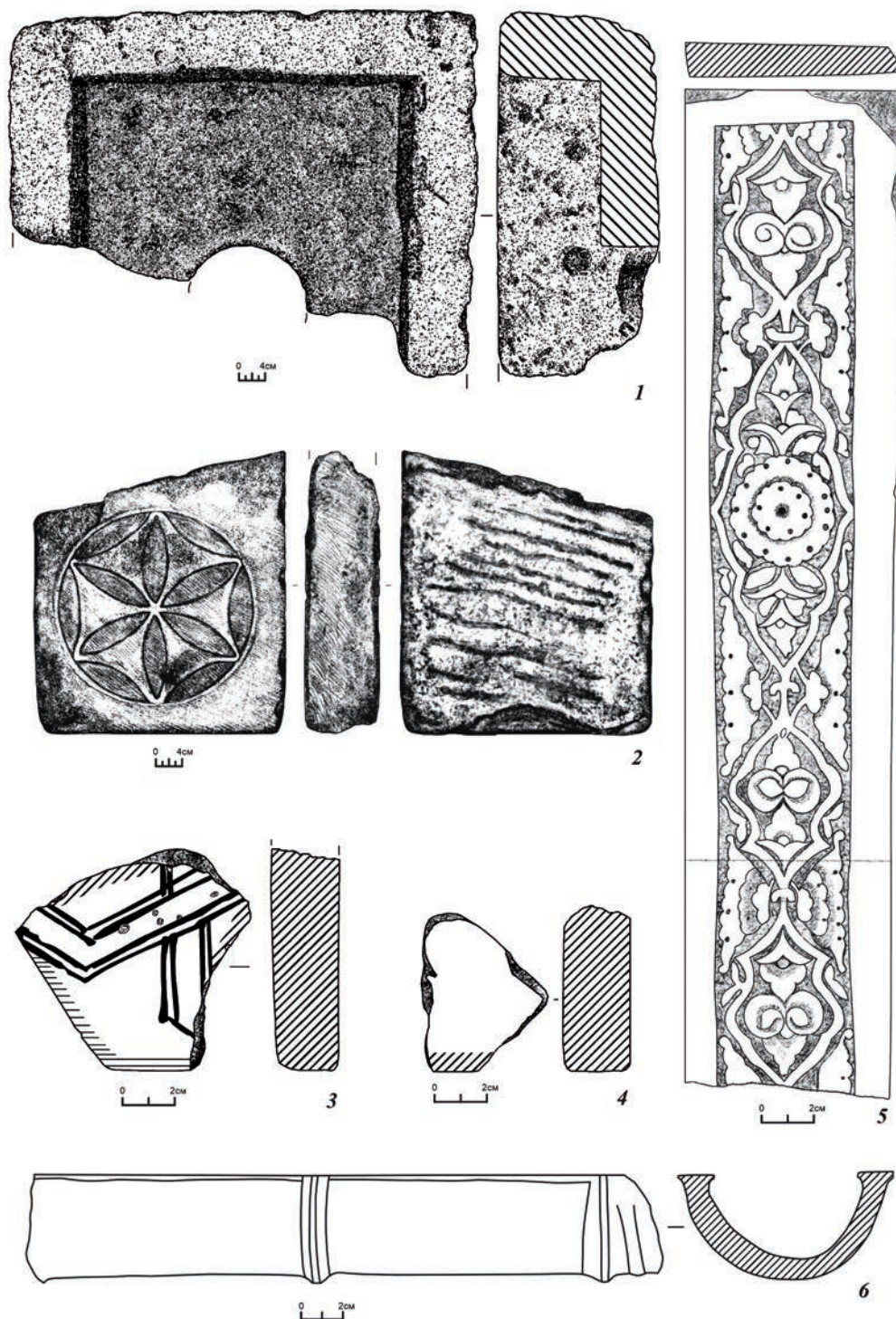

Рис.3. Архитектурный декор: 1 – каменная архитектурная деталь (ул. Измайлова, 48) (2016 г.);
 2 – каменная плита с рельефом (Петровский бул., 20) (2019 г.);
 3–4 – кашинные изразцы (Петровский бул., 20) (2019 г.);
 5 – мраморная плита с резным декором (Петровский бул., 20) (2019 г.);
 6 – черепица (ул. Измайлова, 38) (2000 г.)

с бирюзовой глазурью. Наряду с ними встречены плоские поливные плитки с рельефным орнаментом и неорнаментированные. Возможно, сюда же следует отнести поливные чаши, которые вмуровывались в стены. Подобные находки также отмечены для Азака.

7. С капитальными архитектурными постройками связано большинство находок оконного стекла.

8. Местонахождение мечетей позволяет уточнить также находки стеклянных ламп. Все их находки являются импортами с территории Ближнего Востока и Ирана.

9. С мечетями могут быть связаны некоторые виды керамики. Например, неслучайным выглядит аномальное скопление фрагментов сосудов санитарного назначения (афтобы и тазы) в непосредственной близости от большого каменного здания.

Анализ вышеперечисленных категорий находок позволяет уточнить назначение фрагментарно изученных зданий и предположительно указать местоположение ещё не найденных построек.

В 1976 г. на ул. Чехова проводилось аварийное исследование в котловане под здание милиции (рис. 1). В пределы котлована частично попали каменные фундаменты [Фомичёв 1994: 15]. По мнению автора наблюдений, это остатки мечети. Учитывая отсутствие полноценных полевых исследований этого сооружения, этот вывод был умозрительным. Анализ находок из соседних раскопок позволяет подтвердить это предположение. В непосредственной близости от этой постройки найдено большое количество фрагментов оконного стекла, стеклянных ламп, два каменных надгробия и фрагмент мраморной плиты с арабской надписью со строками из Корана [Юдин 2022: 169].

С 1990 по 2015 г. на восьми раскопах, расположенных неподалеку друг от друга, было обнаружено большое число находок, связанных с крупным, богато украшенным зданием: куски черепицы, обломки мраморных изделий, включая фрагмент плиты с кораническим текстом [Юдин 2022: 171], стеклянная лампа, красноглиняные изразцы, включая уникальные для Азака куски водопроводных труб. Все эти находки позволяют предполагать, что неподалеку от перекрестка ул. Ленина и пер. Социалистический находилась одна из соборных мечетей Азака.

В 2016 г. на раскопе по ул. Измайлова, 48 (рис. 1) был расчищен небольшой отрезок фундаментной траншеи с известняковой крошкой и комками раствора, расположенной на одной из главных улиц города [Гончаров 2022: 66]. В пределах раскопа были также найдены: постройка из вторично использованного камня, включая архитектурную деталь, кладки и вымостки из камня и кирпича, кашинные изразцы, тонкая каменная плита с врезным декором. В 1973 г. менее чем в 50 м от раскопа 2016 г. Н.М. Булатовым было обнаружено большое скопление кашинных изразцов, среди которых обломок изразца с кораническим текстом [Юдин 2022: 171, 173]. На основании этого можно предполагать расположение здесь ещё одной соборной мечети.

В 2019 г. на Петровском бульваре напротив дома № 22 (рис. 1) были обнаружены фундаментные траншеи большого каменного здания (более 30 м в длину) с черепичной крышей. Рядом с ним был найден пилон портала, большое количество кашинных изразцов, небольшое мусульманское кладбище, фрагмент надгробия и аномально большое скопление фрагментов афтоб и тазов. Учитывая размеры здания и его декор, можно предполагать, что здесь также располагалась соборная мечеть.

Пятой соборной мечетью являлось здание в районе участка на Петровском бульваре, 46 (рис. 1). Неподалеку от минарета и водопровода в 2017 г. было встречено большое количество фрагментов кашинных деталей мозаики.

Ещё одно большое здание, исследованное на перекрестке Петровского бульвара и ул. Толстого в 2018 г., можно определить как православную церковь. В пользу этого говорят

найденные неподалеку фрагмент каменного алтарного креста и кандея хороса. Ещё одна кандея и фрагмент энколпиона были найдены непосредственно среди остатков здания. Церковь также была декорирована кашинными изразцами и имела стеклянные окна.

Несмотря на скромный объём имеющейся в настоящее время информации об архитектуре Азака, можно сформулировать некоторые выводы. 1. В Азаке было построено большое количество (минимум десятки) капитальных общественных зданий, преимущественно в центральной его части. Почти все определяемые постройки относятся к числу культовых (мечети, церкви, мавзолеи). 2. Для строительства кирпич и камень использовались в сопоставимых объёмах, что представляется несколько необычным. 3. Архитектурный декор в Азаке был богат и разнообразен, и представлен как каменными, так и керамическими деталями. Даже рядовые мечети украшались изразцами и мозаиками. 4. Для каменных зданий характерно сочетание каменных декоративных деталей и панно из кашина и терракоты. 5. Техника каменной кладки, широкое использование мрамора позволяет предполагать, что каменное строительство в Азаке осуществляли мастера крымского происхождения, работавшие в провинциально-византийских традициях. 6. Для кирпичного строительства определить источник использовавшихся традиций труднее. Можно только констатировать, что в Азаке кирпичное строительство началось позднее каменного и поэтому, вероятно, оно было привнесено сюда уже в сложившемся виде из других регионов Золотой Орды. В нём сочетались как элементы провинциально-византийские, так и закавказские и среднеазиатские.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е. Постройки древнего города Мохши // СА. 1976. № 4. С. 166-179.
- Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. / Вступ. статьи, подготовка текста, пер. и комм. Е.Ч. Скржинской. Л.: Наука, 1971. С. 113-187.
- Волков И.В. Гостевая церковь – мечеть Баязида Вели в Азове // ИАИАИАНД в 1989 г. 1990. Вып. 9. С. 136-150.
- Гончаров М.Ю. Археологические исследования в г. Азове в 2016–2017 гг. // ИАИАИАНД в 2017 г. 2022. Вып. 31. С. 58-84.
- Григорьев А.П., Григорьев В.П. Коллекция золотоордынских документов XIV в. из Венеции: источниковедческое исследование. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. 273 с.
- Карпов С.П. История Таны (Азова) в XIII–XV вв. Т. 1. Тана в XIII–XIV вв. СПб.: Алетейя, 2021. 378 с.
- Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий (Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Вост. лит., 2009. 223 с.
- Масловский А.Н. Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // ИАИАИАНД. в 2004 г. 2006а. Вып. 21. С. 92-117.
- Масловский А.Н. Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // ИАИАИАНД. в 2005. 2006б. Вып. 22. С. 102-126.
- Масловский А.Н. Заметки по топографии золотоордынского города Азака // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдииков. Казань; Кишинев: Stratum plus, 2015. С. 383-409.
- Масловский А.Н., Перевозчиков В.И. И в Азаке бани строились // ИАИАИАНД в 1998 г. 2000. Вып. 16. С. 310-333.
- Минаев А.П. Каменные архитектурные детали золотоордынского Азака // АЕС. 2022. № 4. С. 155-166.
- Раскопки в Области Войска Донского // ОАК за 1890 г. СПб, 1893. С. 40-49
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. 563 с.
- Фомичев Н.М. Некоторые данные о культовых сооружениях и религиозной жизни средневекового города Азака – Таны в XIV–XV вв. // Очерки истории Азова / Науч. ред. В.Я. Кияшко. Вып. 2. Азов: Азовский краеведческий музей, 1994. С. 5-18.
- Юдин Н.И. О локализации местоположения мечетей Азака на основании эпиграфических находок // АЕС. 2022. № 4. С. 167-175.

Л. В. Яворская

Лилия Вячеславовна Яворская,
Институт археологии РАН,
г. Москва, Россия; lv.yavorskaya@gmail.com

Средневековые городские ремесленные производства из животного сырья: археозоологические маркеры*

Аннотация. По методике ИА РАН выполнены археозоологические исследования коллекций костных остатков животных из раскопок городов Золотой Орды. Изучены скопления костей домашних копытных из ремесленных кварталов. Для скоплений установлены археозоологические маркеры наличия в городах специализированных ремесленных производств, обрабатывающих шкуры животных. Важными маркерами являются обедненный таксономический набор, преобладание остатков мелкого рогатого скота в остеологических спектрах, в ущерб доле крупного рогатого скота. В спектрах мясного потребления таких районов повышается доля баранины по отношению к обычной в этих городах говядине. Анатомический набор остатков домашних копытных специфичен. Он может фиксировать как непосредственные остатки забоев животных – то есть голов и нижних частей конечностей, так и отбор отдельных наименований костей для каких-либо изделий. В этих же скоплениях обнаруживаются кости, которые использовались как инструментарий при обработке шкур и кож – на них присутствуют соответствующие следы.

Ключевые слова: археозоология, средневековые города, Золотая Орда, домашние копытные, видовой состав, анатомический набор, обработка шкур животных, кости-инструменты

Лилия Вячеславовна Яворская,
РФА Археология институты, Москва қ., Ресей

Ортағасырлық қалалық жануарлар шикізатынан алынған қолөнер өндірісі: археозоологиялық маркерлер

Аннотация. РФА АИ әдістемесі бойынша Алтын Орда қалаларындағы қазба жұмыстарынан табылған жануарлардың сүйек қалдықтары коллекцияларына археозоологиялық зерттеулер жүргізілді. Қолөнер аудандарынан тұяқты үй жануарлары сүйектерінің жиынтықтары зерттелді. Жиынтықтар үшін қалаларда жануарлардың терісін өңдейтін мамандандырылған қолөнер өндірістерінің археологиялық маркерлері орнатылды. Маңызды маркерлер – азайған таксономиялық жиынтық, остеологиялық спектрлердегі ірі қара малдың үлесіне қарағанда ұсақ мал қалдықтарының басым болуы. Мұндай аудандардың ет тұтыну спектрінде қала үшін қалыпты сиыр етіне қарағанда қой етінің үлесі артады. Үй тұяқты жануарлары қалдықтарының анатомиялық жиынтығы өзгеше. Ол жануарлардың сойылуының тікелей қалдықтарын – яғни бастары мен аяқ-қолдарының бөліктерін, сондай-ақ қандай да бір бұйым үшін сүйектердің жеке атауларын есепке ала алады. Осы жиынтықтарда өзіндік пайдалану іздері бар тері өңдеуде құрал ретінде пайдаланылатын сүйектер де кездеседі.

Түйін сөздер: археозоология, ортағасырлық қалалар, Алтын Орда, тұяқты үй жануарлары, түр құрамы, анатомиялық жинақ, жануарлар терісін өңдеу, сүйек-құралдар

© 2022 Яворская Л.В.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-09-00310 «Археозоологические материалы как источник для реконструкции палеоэкономических процессов в лесной и степной зонах Восточной Европы в XII-XVI вв.».

Liliya Yavorskaya,

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

**Medieval urban handicraft productions from animal raw materials:
archaeozoological markers**

Abstract. According to the methodology of the IA RAS, archaeozoological studies of collections of animal bone remains from the excavations of the cities of the Golden Horde were carried out. Accumulations of bones of domestic ungulates from craft quarters have been studied. For the accumulations, archaeozoological markers of the presence in the cities of specialized craft industries processing animal skins have been established. Important markers are the depleted taxonomic set, the predominance of small cattle in the osteological spectra to the detriment of the proportion of cattle. In the spectrum of meat consumption in such areas, the share of mutton is increasing, which is not a common occurrence in these cities. The anatomical set of remains of domestic ungulates is specific. Both the direct remains of the slaughter of animals – that is, the heads and lower parts of the limbs, and the selection of individual bones for products were recorded. In the same accumulations, bones were found that were used as tools in the processing of hides and skins they have corresponding traces.

Keywords: archaeozoology, medieval cities, Golden Horde, domestic ungulates, species composition, anatomical set, processing of animal skins, bone-tools

При археологических исследованиях средневековых городов Евразии обнаруживаются многочисленные остатки разнообразных ремесел, включая те, которые обрабатывают животное сырье – косторезное и шкурно-кожевенное. Наличие косторезного производства чаще всего атрибутируется через находки скоплений отходов, опилок, сырьевых остатков и заготовок изделий [Яворская, Бадеев 2019]. Ремесла по обработке шкур и кож фиксируются примерно также – по остаткам-обрезкам раскроенной кожи. Но если в городах, где есть влажный культурный слой, такие находки довольно часты и атрибутировать производства изделий из кож не представляет большого труда, то для городов с сухим слоем, где не сохраняются остатки кожи, зафиксировать подобные производства составляет существенную проблему [Бочаров, Масловский 2015: 8]. В частности, в городах Золотой Орды, из которых, по сведениям письменных источников, вывозились огромные объемы товарных шкур и кож, эти производства зафиксировать практически невозможно [Бочаров, Масловский 2015: 9].

Археозоологические исследования мощных скоплений костных остатков животных в золотоордынских городах, проведенные по методической схеме ИА РАН [Антипина 2004; 2009], позволили выявить наличие масштабных забоев домашних копытных для получения шкур [Яворская 2019a]. Впервые с подобными скоплениями археологи столкнулись в золотоордынском Азаке при раскопках 2000 г. на центральной магистральной улице города – в заполнении мостовой, культурном слое и крупных ямах вблизи нее. Впоследствии, в 2007 и 2013 гг., похожие находки были сделаны на других раскопах в ремесленной части города, где костные остатки заполняли котлованы бывших жилищ и хозяйственных ям [Яворская, Масловский 2018: 359]. Археозоологический анализ таксономического состава остатков, видового набора млекопитающих, но, в основном, анатомического набора костей наиболее многочисленных видов, выявили специфику и причину появления подобных накоплений.

Так, таксономический набор остатков в скоплениях оказался чрезвычайно обеднен, по отношению к обычным «кухонным» накоплениям: редко встречались кости птиц и рыб, диких животных [Яворская, Масловский 2018: 366–367, табл. 1]. Среди костей домашних копытных решительно доминировал рогатый скот, преимущественно мелкий, хотя обычно в городских усадьбах наибольшее число составляют остатки крупного рогатого скота [Яворская 2019b: 296].

В анатомическом наборе мелкого рогатого скота наиболее многочисленными оказались остатки голов и метаподиев, иногда лопаток [Яворская, Масловский 2018: 368–369]. На некоторых костях, преимущественно на метаподиях, отмечены необычные следы – лощение по передней стороне диафиза и стертость двух боковых сторон (рис. 1). На этих же костях зафиксированы грубо прорезанные отверстия в проксимальной площадке, как будто косточка насаживалась на тонкий стержень, вероятно, металлический (рис. 2). В анатомическом наборе КРС также отмечены высокие значения для остатков голов и метаподиев, но, кроме этого, фиксируется отбор трубчатых костей с особыми свойствами – толстой и прочной компактой, а также метаподии с другими следами – стертостью и вздутостью компакты посередине диафиза (рис. 3).

Рис. 1. Инструменты из метаподиев мелкого рогатого скота. Следы «лощения». Азак

Рис. 2. Инструменты из метаподиев мелкого рогатого скота. Отверстия в проксимальном эпифизе. Азак

Рис. 3. Инструменты из метаподиев крупного рогатого скота. Азак

Вся совокупность археозоологических «наблюдений» за этими материалами позволила установить, что скопления костных остатков домашних копытных в ремесленной части города являются результатом масштабных забоев рогатого скота. И крупный, и мелкий рогатый скот забивался и первично разделялся по особой «технологии», когда для получения шкур определенной формы предварительно отсекались голова и нижние части конечностей. Вместе с этим, из туши вычленились отдельные кости с особыми свойствами. Кости крупного рогатого скота – трубчатые с хорошей компактой и лопаточные были пригодны и использовались как сырье для косторезов, а метаподии со следами стертости диафиза, по-видимому, были использованы для выравнивания и вытягивания сыромятных ремней – то есть, в кожевенном производстве. Специальный отбор метаподиев и отдельных наименований трубчатых костей мелкого рогатого скота производился также с целями использования в обработке животных шкур и кож – кости одинаковой длины вставлялись в устройства по выравниванию кожаных лент, что и объясняет образовавшиеся на таких костях следы лощения, стертость боковых сторон и отверстия в проксимальном конце.

В наиболее концентрированном виде эти «производственные» остатки зафиксированы в Азаке. Однако и в других изученных золотоордынских городах известны подобные находки. Они предстают перед археологами и археозоологами в нескольких вариантах.

Скопления костей могут быть непосредственными результатами массовых забоев рогатого скота: чаще всего встречаются мощные накопления остатков голов без рогов и нижних частей конечностей мелкого рогатого скота, включая фаланги. Такое скопление обнаружено было в Маджаре в шурфе № 2 [Яворская 2020а: 205–206], фрагментарно подобные скопления встречаются в Азаке на Петровском бульваре в раскопах 2018 и 2019 гг.

Другой вариант – когда раскопками открыта непосредственно ремесленная площадка со специфичным анатомическим набором костей рогатого скота – остатками массовых забоев. Здесь, во-первых, хорошо выделяются специально выбранные многочисленные одноименные кости – метаподии или лопатки. Во-вторых, на большом количестве специально отобранных одноразмерных трубчатых костей фиксируются следы их использования в качестве инструментария кожевников – лощение, стертость диафиза, отверстия на одних и тех же участках кости. Именно такой набор признаков, помимо центральной торговой улицы Азака, зафиксирован на раскопе № XIII 2017 г. на Маджарском городище [Бочаров, Яворская 2019: 186–188]. Раскоп располагался в торгово-ремесленной части города. На нем обнаружена высокая концентрация костных остатков крупного и мелкого рогатого скота, на которых фиксировались следы специфичного использования, которые и позволили отнести обнаруженные на раскопе сооружения – площадку и траншею, к производственным объектам – это были части мастерской по обработке шкур и первичной выделке кожаных изделий [Бочаров, Яворская 2019: 199].

Еще вариант «ремесленного» накопления костей животных выглядит как обычные «кухонные остатки» и фиксация специфичного характера таких накоплений методами археозоологии весьма сложна. Они исследованы в пяти золотоордынских городах – Болгаре, Маджаре, Азаке, Укеке и на городище Селитренное, являющегося остатками столичного центра города Сарай. Тщательный разбор остеологических коллекций по культурно-хронологическим горизонтам выявляет, что в одном или нескольких горизонтах доля «кухонных» остатков мелкого рогатого скота оказывается существенно выше, чем в среднем по городу, кроме этого, высока интенсивность накопления костей – за короткий промежуток времени в культурных напластованиях их накапливается в несколько раз больше, чем в обычных жилых кварталах. Например, для центральной части Болгарского городища количество костей в напластованиях IV-раннего и в субгоризонтах IV-позднего слоя увеличивалось год от года в десятки и сотни раз [Яворская 2015: табл. 2]. Эти специфичные скопления выявляются

археозоологическими исследованиями лишь в какой-то одной части города, как правило, в ремесленной, в остальных районах бытовые накопления «кухонных» остатков не столь объемны, а расчеты мясного потребления на других участках города не выявляют высокой доли бараньего мяса. Обильные накопления костей в сочетании со специфичными спектрами мясного потребления удалось зафиксировать для одного из районов Болгарского городища золотоордынского времени. В четырех районах города на восьми раскопах расчеты мясного потребления выявили долю говядины около 70%, а баранины – 15–23%, но в торгово-ремесленной части города, в центре Болгара золотоордынского времени, на приближенных друг к другу трех раскопах доля говядины существенно ниже обычной – 57%, а баранина оказалась для Болгара рекордно высокой, составив 37% в позднеордынском слое [Яворская 2018а: 313, табл. 2]. Сходная ситуация выявлена в одном из горизонтов раскопа № XII Маджарского городища. Обычная доля говядины в мясном потреблении в Маджаре выше 70%, на отдельных участках может достигать величины 82%, доля баранины невысокая – 6–16%. На раскопе № XII выявлено два хронологических горизонта золотоордынского (II) слоя. В верхнем горизонте (слой II-поздний), датированном временем хана Тохтамыша, соотношения мясных продуктов обычные для Маджара, а в нижнем горизонте этого же II слоя, зафиксированы иные соотношения по мясному потреблению: доля говядины ниже обычной – 57,4%, но высока доля баранины – 29%. В 400 м от раскопа № XII исследован шурф № 2, выявивший остатки масштабных забоев мелкого рогатого скота для получения шкур. Слой II-ранний на раскопе № XII датируется 30–40-ми гг. XIV в., что совпадает с датировкой заполнения шурфа № 2. Вероятно, что оставшиеся от забоев мясные бараньи тушки употреблены в пищу, кости из них наполнили культурные напластования близлежащих районов города [Яворская 2018б: 69].

Довольно часто в объемных накоплениях удается обнаружить отбор какой-то конкретной кости для использования в качестве производственного сырья. То есть, доля кости конкретного наименования в анатомическом наборе мелкого рогатого скота в несколько раз выше ее доли в «кухонных» остатках обычных бытовых накоплений. Отбор лопаточной кости мелкого рогатого скота зафиксирован в напластованиях слоя IV-ранний на раскопе № СХСХVI (196) в центральной части Болгарского городища [Антипина и др. 2015]. Отбор бараньих и козлиных рогов как сырья для производства изделий из роговых чехлов отмечен на раскопе № X (10) Маджарского городища [Яворская, Антипина 2017: табл. 1]. На раскопе № 2 на Петровском бульваре, 7 в Азове (золотоордынском Азаке) зафиксирован отбор метаподиев мелкого рогатого скота в накоплениях культурного слоя и жилища № 5, а в мостовой хорошо фиксируется отбор не только метаподиев, но и лопаток [Яворская, Масловский 2018: 369–370, табл. 3]. Такие находки служат дополнительным маркером, фиксирующим массовые забои скота на прилегающей территории, поскольку отбор конкретной кости возможен исключительно при масштабных забоях этого вида животных.

Еще один «производственный» маркер, встречающийся в таких накоплениях, – кости со следами использования в кожевенном ремесле, описанные нами выше для Азака. Но встречаются эти кости-инструменты во всех скоплениях «производственных» костных остатков, исследованных в ремесленных кварталах золотоордынских городов. Само их наличие свидетельствует об обработке шкур и кож, их доля в общем объеме костей указывает на то, попала ли территория раскопа непосредственно на производственную площадку или раскоп расположен вблизи такой площадки. Наши исследования показали, что места забоя скота близко соседствуют с мастерскими по выделке шкур и изготовлению изделий из кожи. В археозоологическом анализе важно фиксировать сочетание на определенном участке города высоких объемов накопления костных остатков, повышенной доли баранины в мясном потреблении и, вместе с этим, часто встречающихся находок костяных «инструментов». Такое сочетание указывает на наличие вблизи

шкурно-кожевенных обрабатывающих мастерских, а значит и мест забоя, что и создало высокие накопления костей и существенный «перекос» в потреблении баранины в данном районе города. Именно немногочисленные находки костей со следами использования в кожевенном ремесле помогли понять специфику заполнения костями животных культурных напластований на раскопе № XIII Увекского городища, где были выявлены и значительные объемы накопления костных остатков, и повышенная по отношению к обычной для Укека доля баранины в мясном потреблении [Яворская 2020б]. По-видимому, ремесленная площадка находилась где-то поблизости, но непосредственно в зону данного раскопа не попала. Такая же ситуация зафиксирована исследованием археозоологической коллекции раскопа № 3 городища Селитренное, раскопки которого проходили в 2017–2019 гг. Здесь исследована стеклодельная мастерская с ее специфическими ремесленными отходами [Пигарев 2020]. Однако археозоологическое исследование костных остатков с этого раскопа по культурным напластованиям и объектам выявила здесь все признаки забоев скота и обработки шкур. В этой части города отмечены высокие объемы накопления костных остатков «кухонного» характера, решительное преобладание в остеологическом спектре мелкого рогатого скота, существенную долю баранины в мясном потреблении и даже остатки забоев лошадей в одном из объектов. Здесь же, в наиболее ранних, предматериковых напластованиях выявлены и кости-инструменты, использовавшиеся в обработке кож [Яворская 2022].

Несмотря на то, что скопления костей мелкого рогатого скота в центре золотоордынского Болгара и в ремесленных кварталах Укека и Сарая (Селитренного городища) являются накоплением «кухонных остатков», бараньи мясные тушки оказались «остатками»-«отходами» от массовых забоев в «производственных» целях. Высокая насыщенность «кухонными» костными остатками МРС в данном случае напрямую связана с забоями для нужд ремесленных производств, о чем свидетельствуют найденные на всех трех памятниках остатки инструментария кожевников. Животных для получения шкур эпизодически пригоняли кочевники из своих степных хозяйств, что, например, для Болгара подтверждают результаты изотопных исследований [Яворская и др. 2015]. В периоды забоя в ремесленных центрах городов, где были налажены шкурно-кожевенные производства, образовывалось огромное количество «дополнительной» баранины, а кости из мясных туш обильно оседали в культурных напластованиях на этих участках и в близлежащих усадьбах. В Азаке, в районах, приближенных к ремесленному центру, где и проводились масштабные забои и выделка шкур и кож, доля баранины в мясном потреблении выше, чем в других районах [Яворская 2019б: 297]. Для раскопа № 3 Селитренного городища, где обнаружены следы забоев лошадей, дополнительным маркером в пользу существования здесь ремесленной площадки служит тот факт, что конские туши оказались стандартно разделаны для мясного потребления. Но одновременный забой большого количества лошадей мог происходить, безусловно, не для мясной пищи, а для получения шкур.

Подводя итоги, следует констатировать, что методами лишь одной археологии зафиксировать наличие ремесленных производств по обработке шкур и выделке кож в сухих культурных напластованиях золотоордынских городов не представляется возможным. Однако исследования археозоологических коллекций из раскопок этих городов выявили скопления костных остатков, сформировавшихся вследствие массовых забоев скота для получения шкур. Сопряжение данных археологии, полученных в ходе раскопок, о датировке и функциональном назначении участка города, объектов, выявленных здесь с данными о заполнении культурных напластований костными остатками, фиксация специфики этих накоплений создали возможность констатировать наличие шкурно-кожевенных производств в ремесленных кварталах золотоордынских городов. Анализ интенсивности накопления остатков, таксономического набора, видового состава домашних

копытных, анатомического набора многочисленных видов, а также фиксация «производственных» следов на костях, проведенные по методической схеме ИА РАН, позволил выявить комплексные маркеры ремесленных производств, обрабатывающих животное сырье. Как правило, участки с «производственными» костными остатками расположены в ремесленных кварталах, в них обеднен таксономический набор, в остеологических спектрах домашних копытных решительно преобладают кости мелкого рогатого скота. В таких районах выявляется повышенная доля баранины в ущерб традиционной говядине по отношению к обычным жилым усадьбам. На этих же участках специфичен анатомический набор домашних копытных. Он может фиксировать как непосредственные остатки забоев животных – то есть голов и нижних частей конечностей, так и отбор отдельных наименований костей для каких-либо изделий, что возможно исключительно при массовом забое. В этих же скоплениях присутствуют кости, которые использовались как инструментарий при обработке шкур и кож – на них обнаруживаются соответствующие следы. Комбинация из двух–трех вышеназванных признаков, установленных археозоологическим исследованием, маркирует «производственный» характер костных накоплений.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипина Е.Е.* Археозоологические материалы // Каргалы. Т. III. Селище Горный: археологические материалы, технология горно-металлургического производства, археобиологические исследования / Ред. и сост. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры. 2004. С. 182-248.
- Антипина Е.Е.* Ростиславльское городище дьяковского времени: археозоологические материалы из раскопок 2002–2006 годов // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов. М.: ИА РАН. 2009. Вып. 1. С. 146-171.
- Антипина Е.Е., Яворская Л.В., Ситдигов А.Г.* Необычные изделия из бараньих лопаток из ремесленного квартала Болгарского городища (раскопки 2013–2015 гг.) // КСИА. 2015. № 241. С. 402-408.
- Бочаров С.Г., Масловский А.Н.* Письменные источники об итальянской торговле кожей в Северном Причерноморье и данные археологии // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 7-11.
- Бочаров С.Г., Яворская Л.В.* К вопросу о кожевенном производстве в Золотой Орде: результаты археологического и археозоологического исследования на городище Маджары в 2017 году // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 185-200.
- Пигарев Е.М.* Раскопки стеклоделательной мастерской Селитренного городища (итоги работ 2017–2019 гг.) // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: м-лы VI Нижневолжской Междунар. археол. науч. конф. (г. Волгоград, 11–15 мая 2021 г.) / Ред А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. С. 210-214.
- Яворская Л.В.* Динамика заполнения костями животных центральной части Болгарского городища как показатель интенсивности жизнедеятельности его обитателей // КСИА. 2015. № 237. С. 239-251.
- Яворская Л.В.* К вопросу об обеспечении мясными продуктами средневекового города Болгар // Поволжская археология. 2018а. № 2 (24). С. 307-318.
- Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Маджаре: мясные продукты и ремесленные производства // Археология евразийских степей. 2018б. № 5 (30). С. 68-73.
- Яворская Л.В.,* Скопления костей животных в городах Золотой Орды: основные находки, видовой состав, анатомический набор // Генуэзская Газария и Золотая Орда. Т. 2 / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдигов. Казань; Кишинев: Stratum Plus. 2019а. С. 553-567.
- Яворская Л.В.* Продукция скотоводства в золотоордынском Азаке: мясные продукты и ремесленные производства // Азак и мир вокруг него: м-лы Междунар. науч. конф. (г. Азов, 14–18 октября 2019 г.) / Отв. ред. Е.Е.Мамичев. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника. 2019б. С. 294-298.
- Яворская Л.В.* Новые данные о роли Маджара в золотоордынской торговле шкурно-кожевенной продукцией: археозоологический аспект // Нижневолжский археологический вестник. 2020а. Вып. 19. С. 202-210.

- Яворская Л.В.* Ремесленные производства из животного сырья в золотоордынском Укеке: новые данные // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: м-лы VI Нижневолжской Междунар. археол. науч. конф. (г. Волгоград, 11–15 мая 2021 г.) / Ред А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020б. С. 222-228.
- Яворская Л.В.* К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археозоологических коллекций // Археология евразийских степей. 2022. № 4. С. 13-20.
- Яворская Л.В., Антипина Е.Е.* Золотоордынский город Маджар: первые результаты исследования археозоологической коллекции из ремесленного квартала (раскоп № X (10) – 2014 г.) // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: ИА РАН, 2017. Вып. 4. С. 243-250.
- Яворская Л.В., Антипина Е.Е., Энговатова А.В., Зайцева Г.И.* Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского гос. ун-та. 2015. Сер. 4, История. Регионоведение. Международные отношения. Вып. 1. С. 54-64.
- Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю.* Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 211-226.
- Яворская Л.В., Масловский А.Н.* Находки скоплений костей животных в золотоордынском Азаке: видовой состав, анатомический набор, топография // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2018. № 30. С. 358-378.

**А. В. Фрибус,
С. П. Грушин,
В. О. Сайберт,
Е. В. Трусова**

Алексей Викторович Фрибус,
Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург, Россия;
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово, Россия; fribus@list.ru
Сергей Петрович Грушин, gsp142@mail.ru
Виолетта Олеговна Сайберт,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул, Россия; vita77792@mail.ru
Елена Викторовна Трусова,
независимый исследователь,
г. Кемерово, Россия; trusova.lena@inbox.ru

Серия редких роговых изделий из раннесредневековых погребений могильника Чумыш-Пережат*

Аннотация. Статья посвящена анализу роговых изделий, кочедыков или приспособлений для развязывания узлов, из раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Пережат (вторая пол. VII – нач. VIII в. н.э.) в Западном Присалаирье (северо-восток Алтайского края). Аналогии подобным предметам известны в кочевнической среде и происходят из раннесредневековых погребений, исследованных в Горном Алтае, на Енисее, в Туве и Прибайкалье. находка серии кочедыков на могильнике Чумыш-Пережат позволяет говорить о высоком социальном статусе представителей семейно-клановой группы, захороненных на некрополе Чумыш-Пережат.

Ключевые слова: кочедык, Алтай, одинцовская культура, верхнеобская культура, кудыргинский этап, древние тюрки, косторезное ремесло, приспособление для развязывания узлов

Алексей Викторович Фрибус,
PFA Материалдық мәдениет тарихы институты, Санкт-Петербург қ., Ресей;
Кемеров мемлекеттік университеті, Кемерово қ., Ресей,
Сергей Петрович Грушин,
Виолетта Олеговна Сайберт,
Алтай мемлекеттік университеті, Барнаул қ., Ресей
Елена Викторовна Трусова,
тәуелсіз зерттеуші, Кемерово қ., Ресей

© 2022 Фрибус А.В., Грушин С.П., Сайберт В.О., Трусова Е.В.

*Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите – позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-0014) (А.В. Фрибус) и в рамках госзадания Алтайского государственного университета «Тюркский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности» (проект номер – 748715Ф.99.1. ББ97АА00002) (С.П. Грушин, В.О. Сайберт). Полевые исследования в 2014-2019 гг. проводились совместной экспедицией Кемеровского государственного университета и Алтайского государственного университета при финансовой поддержке Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

**Чумыш-Перека́т қорымының ерте ортағасырлық жерлеу
орнынан табылған сирек кездесетін мүйізді бұйымдар сериясы**

Аннотация. Мақала Батыс Салаир маңындағы (Алтай өлкесінің солтүстік-шығысы) Чумыш-Перека́т қорымының ертеортағасырлық кешенінен (б.д. VII ғ. екінші жартысы – VIII ғ. басы) табылған кочедыктер немесе түйіндерді шешуге арналған құрылғыларға жасалған талдауға арналған. Осындай бұйымдардың ұқсастықтары көшпелі ортада белгілі және Таулы Алтайда, Енисейде, Тувада және Байкал бойында зерттелген ерте ортағасырлық жерлеу орындарынан табылған. Чумыш-Перека́т қорымынан кочедыктер сериясының табылуы Чумыш-Перека́т қорымына жерленген отбасылық-кландық топ өкілдерінің жоғары әлеуметтік мәртебесі туралы айтуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: кочедык, Алтай, одинцов мәдениеті, жоғарғы Обь мәдениеті, кудыргин кезеңі, ежелгі түркілер, сүйек кесу қолөнері, түйіндерді шешуге арналған құрылғы

Alexey Fribus,

Institute for the History of Material Culture, Saint-Petersburg,
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Sergey Grushin,

Violetta Saibert,

Altai State University, Barnaul, Russia

Elena Trusova,

Independent researcher, Kemerovo, Russia

**A series of rare horn items from the Early Medieval burials
of the Chumysh-Perekat burial ground**

Abstract. The article is devoted to the analysis of items, kochedyk or tools for untying knots, from the early medieval complex of the Chumysh-Perekat burial ground (second half 7th – early 8th century AD) in the Western Salair Ridge (north-east of the Altai Territory). Analogies to similar objects are known in the nomadic environment and originate from early medieval burials studied in the Altai Mountains, the Yenisei, Tuva and the Baikal region. The discovery of a series of kochedyks at the Chumysh-Perekat burial ground allows us to speak about the high social status of representatives of the family-clan group buried at the Chumysh-Perekat necropolis.

Keywords: kochedyk, Altai, Odintsovo culture, Verkhneobskaya culture, Kudyrginsky stage, ancient Turks, bone-cutting craft, tool for untying knots

В раннесредневековых памятниках номадов Центральной Азии и Южной Сибири известны находки редких предметов, своеобразных крючков, изготовленных из рога, которые получили в литературе название *кочедыки* или «приспособления для развязывания узлов». Такие предметы представляют собой обработанный роговой стержень, как правило, с выделенной орнаментированной рукоятью с навершием и заполированной рабочей частью. Большая их часть также характеризуется особой системой отверстий в верхней части, через которые продевались веревочки или кожаные шнурки, служившие для крепления предмета к поясу. Существует мнение, что эти изделия выполняли не только утилитарные функции, но и могли служить маркером высокого социального статуса владельца наряду с плетью-стеком [Кубарев 1998: 268; Шульга, Кубарев 2021: 751]. Учитывая редкость и неординарный характер этих предметов, особый интерес вызывает находка серии кочедыков (4 экз.) на могильнике Чумыш-Перека́т, который локализуется на границе лесостепи и тайги, на северной периферии кочевого мира.

Грунтовый могильник Чумыш-Перека́т расположен в Западном Присалаирье, на северо-востоке Алтайского края, на правом берегу р. Чумыш (рис. 1). На могильнике исследовано несколько культурно-хронологических комплексов (неолит, андроновская, ирменская культуры, погребения эпохи раннего железа и Средневековья). К периоду раннего Средневековья относится 17 захоронений одинцовской культуры (16 – ингумация, 1 – кремация). Раннесредневековый

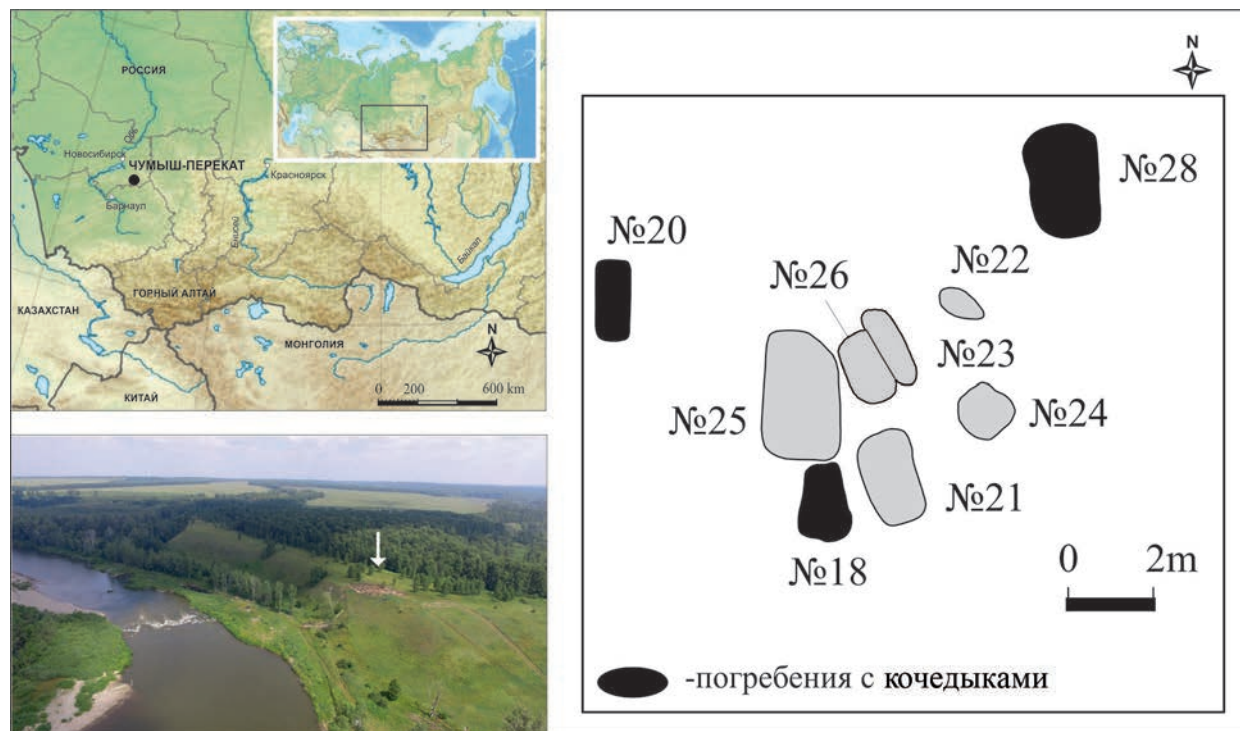

Рис. 1. Могильник Чумыш-Перекаат. Месторасположение и план основной группы погребений раннего средневековья

комплекс Чумыша-Переката обладает значительным своеобразием и демонстрирует сочетание южных (кочевнических), местных (самодийских) и северных (угорских) традиций. Южные влияния проявляются, прежде всего, в распространении обряда погребения с конем (по своему интерпретированного), что для лесостепного Алтая эпохи Тюркских каганатов является редкостью, находками предметов конской упряжи (стремена, удила и псалии ранних типов), элементов поясных гарнитур и некоторых типов украшений, которые находят прямые аналогии в памятниках кудыргинского этапа [Фрибус, Грушин 2021: 351]. К предметам, характерным для кочевого мира, относится и серия кочедыков, обнаруженная на памятнике.

«Приспособления для развязывания узлов» происходят из трех погребений, демонстрирующих различные сочетания культурных элементов. Все они расположены в центральной, компактно расположенной, части средневекового комплекса, которая включает погребение мужчины с конем (№ 25 – центральное), могилы женщин и детей, примыкающие к нему с востока и юга (№ 18, 21–24, 26) и еще два мужских погребения – № 20 и 28 (погребение с конем), расположенные на некотором отдалении к СВ и СЗ (рис. 1).

Могила 18

Погребение ребенка. Могильная яма подпрямоугольной формы имела уступ с западной стороны, где зафиксированы остатки вертикально установленного деревянного столбика. Ребенок был завернут в полотнище бересты и помещен в восточную половину ямы, в положении вытянуто на спине, головой на юг. Находки представлены украшениями (цилиндрические пронизки), фрагментами ременной гарнитуры (полоска бересты с противоположащими отверстиями, фрагменты кожи и ткани; геральдические бляшки, псевдопряжки), фрагментами железного предмета и

шестигранным костяным изделием с отверстием неясного назначения. Два небольших кочедыка располагались по обеим сторонам скелета в районе пояса.

Оба кочедыка изготовлены из отростков рогов лося¹. Первый предмет имеет естественный изгиб (рис. 2, 3) и общую длину 70 мм. Нижняя часть рога слегка подработана и приострена. В основании отростка оформлено «Т»-образное навершие, в котором были просверлены под углом два сквозных отверстия, выходящие под ним с боковых сторон. Второй предмет также имеет естественный изгиб (рис. 2, 4) и общую длину 60 мм. Следы подработки нижней «рабочей» части не фиксируются. Основание отростка подработано. По всей видимости, первоначально предмет должен был также иметь «Т»-образную форму, однако при сверлении отверстия отросток сломался, а второе отверстие так и не было просверлено.

Могила 20

Подпрямоугольная могильная яма содержала два погребения – впускное (судя по всему вторичное) и основное. Умерший взрослый мужчина в основном погребении был уложен в положении «вытянуто на спине», головой ориентирован на север. Зафиксированы остатки берестяного покрытия и подстилки, а также деревянный столбик, аналогичный обнаруженному в могиле 18, который сохранился на высоту около 40 см. Находки включали: керамический сосуд с выраженными плечиками и отогнутым венчиком, который был орнаментирован зигзагообразными рядами оттисков гребенчатого штампа и жемчужником; деревянный лук (полностью сохранилась кибыть) и берестяной колчан с пятью костяными и двумя железными наконечниками стрел и колчаным крюком; железный нож и тесло; цилиндрические пронизки и бусина; костяная поясная накладка и две железные пряжки; бронзовая орнитоморфная подвеска. Роговой кочедык располагался в районе таза около костей кисти правой руки и первоначально, вероятно, был закреплен на поясе.

Предмет изготовлен, вероятнее всего, из отростка рога марала. Общая длина изделия 143 мм. Кочедык имеет «рабочую часть» и рукоять с «навершием» (рис. 2, 2). «Рабочая часть» сохраняет естественную форму отростка рога с изгибом, в сечении круглая, имеет длину 85 мм. Возможно,

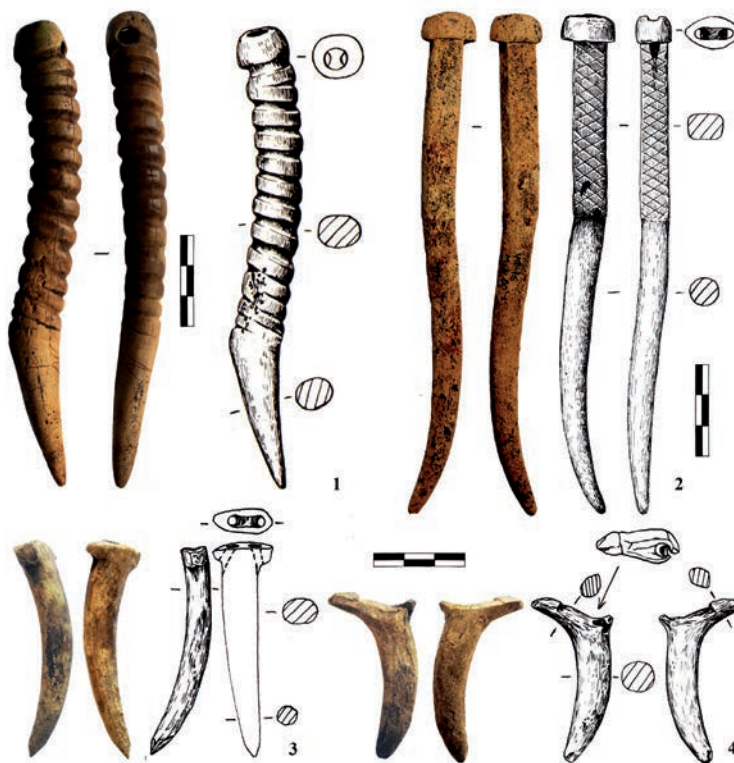

Рис. 2. Кочедыки из могильника Чумыш-Перекаат: 1 – могила № 28; 2 – могила № 20; 3–4 – могила № 18

¹ Предварительные палеозоологические определения сделаны к.б.н. Р.М. Сатаевым (Институт антропологии и этнографии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая), которому авторы выражают глубокую признательность.

первоначально она была подработана, однако в результате заполированности в процессе использования следы этой подработки не видны. Рукоять в сечении четырехугольная, имеет длину 50 мм, украшена резным орнаментом в виде косой сетки. «Навершие» в виде «шляпки», овальной в сечении формы, высота 8 мм, в верхней части просверлены два отверстия, которые выходят под «навершием» с боковых сторон.

Могила 28

Погребение мужчины с конем. Могильная яма имела подпрямоугольную форму, длинной осью ориентирована по линии С–Ю. Расчлененные части туши животного были размещены вдоль западной стенки ямы. Погребенный был уложен в восточной половине ямы, в положении «вытянуто на спине», головой ориентирован на север. В погребении обнаружены следующие находки: железное стремя, удила и две пряжки; колчан с железным колчаным крюком и набором стрел, снабженных костяными и железными наконечниками; блок чумбура; кожаный наборный пояс с бляшками различных форм и размеров, двумя наконечниками ремней и пряжкой; железный кинжал; цилиндрическая пронизь. Материалы этого погребения, а также результаты палеозоологического исследования костей лошади и комплексного изучения деталей пояса полностью опубликованы [Фрибус и др. 2019; Fribus et al. 2019; Грушин и др. 2020; Фрибус, Грушин 2021]. Роговой кочедык располагался в районе таза около костей кисти правой руки и первоначально, вероятно, был закреплен на поясе.

Предмет изготовлен из отростка рога марала или лося. Кочедык из погребения 28 имеет «рабочую часть» и рукоять с «навершием», повторяющую естественную форму отростка рога. «Рабочая часть» заполирована, имеет естественный изгиб, в сечении круглая, длина около 5 см, фиксируются следы царапин. Рукоять круглая в сечении, украшена рельефной резной спиралью, которая спускается к «рабочей части». Длина рукояти 90 мм. «Навершие» овальной в сечении формы, высота 8 мм, в верхней части просверлены сквозные отверстия, которые выходят под «навершием» с боковых сторон. Общая длина предмета составляет 140 мм (рис. 2, 1).

Ближайшие аналогии этим редким находкам известны в ранних тюркских погребениях Алтая: Катанда II, к. 1 [Гаврилова 1965: 58, рис. 6], Юстыд XII, к. 29, Балык-Соок I, к. 11 [Кубарев 2005: 76, рис. 22, 6, 10], скальное погребение на реке Кадрин [Кубарев 1998: 266–269, рис. 1, 1], одиночный курган у Катандинской пещеры [Шульга, Кубарев 2021: 751, рис. 3, 16]; на Енисее: Капчалы II, к. 3 [Левашова 1952: рис. 5, 22], Таштык [Овчинникова 1990: рис. 34, 10]; в Туве: Кокэль, к. 23 [Вайнштейн 1966: табл. VII, 9]; в Прибайкалье: погребение в пещере Шида [Горюнова, Павлуцкая 1992: рис. 4, 4; Кубарев 1998: рис. 1, 3]. Из отдаленных аналогий следует упомянуть находки подобных предметов в аварских памятниках Центральной и Восточной Европы [Erdelyi 1966: Abb. 55; Daim 1996: 359]. Таким образом, ближайшие аналогии роговым кочедыкам Чумыша-Переката связаны с южными кочевническими памятниками, а сами эти предметы, по всей видимости, не имеют корней в лесостепи.

Необходимо отметить, что «приспособления для развязывания узлов» бытовали в кочевнической среде в течение довольно продолжительного времени и сами по себе не являются датирующим признаком. находка из Юстыда, например, датируется по данным радиоуглеродного анализа в диапазоне 663–744 г. н.э. [Кубарев 2005: 139], погребение Катандинской пещеры датировано П.И. Шульгой и Г.В. Кубаревым VII в. по конскому снаряжению и катандинскому поясу [Шульга, Кубарев 2021: 751], кыргызское погребение из Капчалы II датировано по китайской монете втор. пол. IX в. н.э. [Левашова 1952: 134]. Стинциляцияционная радиоуглеродная дата, полученная по углю из могилы 28 Чумыша-Переката, дает значение 1526 ± 95 BP, с учетом калибровки по 1δ (68,2%) $427\text{--}605$ cal. AD; по 2δ (95,4%) $268\text{--}669$ cal. AD [Фрибус, Грушин, 2020: 103].

Гораздо важнее попытаться осмыслить механизм проникновения этих предметов в лесостепной мир, понять, могли ли они играть определенную символическую роль в местном социуме. В этой связи принципиальным представляется вопрос о структуре и статусе небольшой, вероятнее всего семейной или клановой группы, представители которой были захоронены на могильнике Чумыш-Перекаат.

Что касается кочедыков, обращает на себя внимание факт находки серии таких предметов на одном могильнике, ни один подобный случай в кочевнической среде пока не зафиксирован. Кроме того, кочедыки найдены в разных типах могил, с различным сочетанием элементов погребального обряда и инвентаря. Погребение 28 относится к группе мужских захоронений с конем (что можно рассматривать как кочевническое влияние), которых на памятнике исследовано четыре. Весь облик сопроводительного инвентаря здесь не имеет местных черт, отсутствует керамика. Еще один предмет был помещен в погребение «пешего воина-лучника». Здесь, в отличие от остальных мужских погребений, присутствовал характерный керамический сосуд, а также была найдена орнитоморфная подвеска, аналоги которой находятся в основном к северу, в Новосибирском и Томском Приобье [напр. Троицкая, Новиков 1998: 32–34, рис. 19]. Наконец, два кочедыка найдены в детской могиле, хотя в кочевнической среде они встречаются в основном в довольно «богатых» мужских захоронениях. Вероятно, этот факт указывает на высокий, возможно наследственный, статус ребенка, похороненного в могиле 18. Здесь также присутствует характерный сосуд, а также найден наборный пояс, который в тюркском мире обычно является атрибутом мужчины-воина, демонстрируя его социальный статус. Аналогичный случай зафиксирован в погребении у Катандинской пещеры, где был захоронен подросток в сопровождении жеребенка [Шульга, Кубарев 2021: 748–749].

Высокий социальный статус группы, погребенной на Чумыше-Перекаате (особенно в центральной части комплекса), подтверждается и другими фактами: наличие серии мужских погребений с конем, присутствие «богатых» неординарных женских захоронений, включающих украшения, как местные, так и характерные для тюркского и угорского мира, находки наборных поясов не только в погребениях мужчин, но также женщин и детей и ряд других. Ю.В. Ширин, характеризуя появление «странных» памятников в ареале верхнеобской общности, отмечал, что это – «результат взаимодействия отдельных, наиболее успешных региональных социально-территориальных групп, которые стали проявлять активность вследствие глобальных перемен в степях Азии, приведших к разрушению традиционных систем социально-территориальных отношений» [Ширин 2021: 368]. Можно предположить, что центральная часть раннесредневекового комплекса могильника Чумыш-Перекаат принадлежала семейно-родственному клану, стоящему во главе одной из таких групп. Это был сложный по составу коллектив, мужская часть которого подверглась определенному влиянию кочевнической культуры, а женская включала представительниц не только самодийского, но и угорского мира. Во главе этого клана стоял, по всей видимости, мужчина, похороненный в центральном погребении 25, которое было совершено по канонам тюркской обрядности, за исключением некоторых особенностей в положении коня.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн С.И.* Памятники второй половины I тысячелетия в западной Туве // Труды ТКАЭЭ. Т. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 292-347.
- Гаврилова А.А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.
- Горюнова О.И., Павлуцкая В.В.* Погребение воина в пещере Шида (Малое море оз. Байкал) // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии / Отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 86-100.

- Грушин С.П., Фрибус А.В., Тишкин А.А., Сайберт В.О.* Комплексный анализ раннесредневековых наборных поясов из могильника Чумыш-Перекаат (Верхнее Приобье) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2020. № 67. С. 128-136. DOI: 10.17223/19988613/67/17
- Кубарев Г.В.* Кочедык из скального древнетюркского погребения на р. Кадрин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 1998. Т. 4. С. 266-269.
- Кубарев Г.В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 400 с.
- Левашова В.П.* Два могильника кыргыз-хакасов. // МИА № 24. Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 121-136.
- Овчинникова Б.Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 223 с.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.* Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.
- Фрибус А.В., Грушин С.П.* Серия радиоуглеродных дат с разновременного могильника Чумыш-Перекаат в Западном Присалаирье // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Н.Д. Буровой, А.А. Выборнова, М.А. Кульковой. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ; Самара: СГСПУ/ООО «Порто-принт», 2020. С. 103-104.
- Фрибус А.В., Грушин С.П.* Всадники эпохи Тюркских каганатов на Северном Алтае (по материалам могильника Чумыш-Перекаат) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сборник научных статей, посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2021. С. 339-354. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).
- Фрибус А.В., Грушин С.П., Онищенко С.С.* Раннесредневековые погребения слонадьями в Западном Присалаирье // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. трудов IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвящ. 100-летию российской академической археологии (г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2-х кн. / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. Кн. 1. С. 184-188.
- Ширин Ю.В.* Черемза 1 – необычный комплекс в ареале верхнеобской культурной общности // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. статей, посвящ. 80-летию профессора Д.Г. Савинова / Отв. ред. Н.Ю. Смирнов; СПб.: ИИМК РАН, 2021. С. 355-370. (Труды ИИМК РАН. Т. LVII).
- Шульга П.И., Кубарев Г.В.* Раннесредневековое погребение у Большой Тавдинской пещеры (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2021. Т. 27. С. 747-753.
- Daim F.* Holz-, Knochen- und Geweihverarbeitung // Hunnen und Awaren. Eisenstadt, 1996. S. 358-361.
- Erdelui I.* Die Kunst der Awaren. Budapest: Corvina Verlag, 1966. 61 s., 60 Taf.
- Fribus A.V., Grushin S.P., Onishchenko S.S., Vasyutin S.A.* Horses from Atypical Turkic Period Burials in Southwest Siberia // International Journal of Osteoarchaeology. 2019. T. 29. № 5. P. 860-867. DOI: 10.1002/oa.2789.

Б. М. Хасенова

Бакыт Мүлдашевна Хасенова,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан; alicar@inbox.ru

Художественные особенности торевтики кимеков и карлуков*

Аннотация. Торевтика эпохи средневековья является важнейшим источником для изучения искусства рассматриваемого времени. В предметах торевтики значительный интерес представляют художественные приемы, используемые древними мастерами и призванные усилить впечатление. В статье рассматриваются особенности художественного оформления предметов торевтики кимеков и карлуков как наиболее хорошо представленных в качестве археологического источника. В торевтике кимеков и карлуков представлены разнообразные художественные приемы, рассмотренные в данной статье.

Ключевые слова: Средневековье, торевтика, кимеки, карлуки, искусство, декор

Бақыт Мүлдашқызы Хасенова,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан

Қимақтар мен қарлұқтар торевтикасының көркемдік ерекшеліктері

Аннотация. Ортағасырлардағы торевтика қарастырып отырған уақыттың өнерін зерттеудің маңызды дереккөзі болып табылады. Ежелгі шеберлер қолданған және әсерді күшейтуге арналған көркемдік әдістер торевтика пәндеріне үлкен қызығушылық тудырады. Мақалада археологиялық дереккөз ретінде ең жақсы ұсынылған қимақ пен қарлұқтардың торевтика нысандарын көркем безендірудің ерекшеліктері қарастырылады. Қимақтар мен қарлұқтардың торевтикасында осы мақалада қарастырылған түрлі көркемдік әдістер байқалады.

Түйін сөздер: Ортағасырлар, торевтика, қимақтар, қарлұқтар, өнер, декор

Bakyt Khassenova,
Margulan Institute of Archaeology, Almaty, Kazakhstan

Artistic features of toreutics of Kimaks and Karluks

Abstract. Toreutics of the Middle Ages is the most important source for studying the art of the time in question. In the subjects of toreutics, artistic techniques used by ancient masters and designed to enhance the impression are of considerable interest. The article examines the features of the artistic design of the objects of toreutics of the Kimeks and Karluks as the most well-represented as an archaeological source. The toreutics of the Kimeks and Karluks presents a variety of artistic techniques discussed in this article.

Keywords: Middle Ages, toreutics, Kimeks, Karluks, art, decor

Торевтика эпохи средневековья является важнейшим источником для изучения искусства рассматриваемого времени. В предметах торевтики мастерски отобразились функциональное их назначение, определяющее наиболее часто используемые материал, форму, размеры, а также художественные приемы, используемые древними мастерами и призванные усилить производимый

эффект, например, прокламативный или защитный. В статье рассматриваются особенности художественного оформления предметов торевтики кимеков¹ и карлуков как наиболее хорошо представленных в качестве археологического источника. В археологии Казахстана на данный момент накоплена представительная источниковая база по торевтике этих племен, позволяющая охарактеризовать различные аспекты жизни средневекового населения срединной Евразии.

Торевтика кимеков и карлуков представлена предметами украшений – это различные застёжки-подвески, копоушки, булавки, бляшки, подвески, навершия головных уборов, бойтумары, браслеты, элементами воинского костюма – деталями поясов (пряжки, бляшки, наконечники ремней, тройники-распределители, подвески, пронизи), оформлением оружия (ножны, навершия, обоймы, фигурные бляхи), а также предметами конского снаряжения (бляшки, султанчики, налобные бляхи, наконечники ремней, тройники-распределители, пряжки). Эти изделия выполнялись из золота, серебра, бронзы, железа. Использовались техники позолоты, лужения, черни, филигрании, инкрустации.

Важно отметить, что торевтика является частью прокламативного искусства эпохи Средневековья, преимущественная область ее применения – как элементов оформления воинского и конского снаряжения обусловила высокий информационный потенциал этой категории археологического источника. Именно в этот хронологический период, по мнению филолога, культуролога Е. Турсунова, происходит высвобождение человека из мифологического освоения действительности, так как он, в отличие от предыдущих эпох, воспринимает мир как объект [Турсунов 2001: 35]. Происходит процесс перехода от ритуальных форм творчества к собственно художественному творчеству [Турсунов 2001: 27]. Средневековье – это «время, в котором настоящее выступает на фоне прошлого цельно, словно рукоять и лезвие сабли кочевника, не отделимые друг от друга... Отсюда насыщенность средневековой поэзии горячим дыханием жизни, энергией, хлещущей через край, топотом и диким ржанием боевых коней, звоном клинков, опьянением битвой, радостью победы» [Турсунов 2001: 41]. Художественное оформление предметов торевтики стало своеобразными словами в металле, отобразившими символически мир людей прошлого.

В торевтике кимеков и карлуков при оформлении формы предмета и его поверхности получило широкое распространение стремление показать миниатюрность, так что только при близком контакте возможно детально увидеть как сам предмет, так и его декоративное оформление. Видимо, именно этим было обусловлено преимущественное изготовление предметов торевтики небольших размеров и украшение их поверхности зачастую сплошь нанесенным растительным орнаментом или нанесение изображений с обилием мелких деталей. Судя по всему, такие параметры были обусловлены их функциональным назначением. В большинстве своем, эти небольшие изделия были частью пояса, портупей, так как крепились к поверхности кожаного ремня и только целиком представляли собой полноценное изделие. Обращает внимание, что, например, детали конского снаряжения отличаются большими размерами.

¹ В научной литературе принято использовать этноним «кимак». Б.Е. Кумеков пришел к выводу, что практически во всех источниках это слово написано удивительно единообразно и может читаться, как кимак и кимек [Кумеков 1972: 33]. Первоначально ученый придерживался первого варианта, но в дальнейшем пришел к выводу о том, что второй вариант предпочтительнее на основании отождествления с таким племенем, известным по письменным источникам, как йемек, йимек [Кумеков 1972: 39–40]. В пользу их отождествления он приводит также важные данные о том, что столица кимеков по одним источникам называется Йимекия, а по другим – Кимекия [Кумеков 1990: 23]. Аналогичного прочтения данного этнонима придерживался еще один известный востоковед Ю.А. Зуев [Зуев 1992: 26–38]. На основании мнения ведущих отечественных востоковедов, используется этноним «кимек».

При анализе оформления поверхности металла в первую очередь обращает внимание стремление мастеров передать фактурность поверхности. Она выражается путем нанесения мелких изобразительных элементов, густо заполняющих поверхность предметов. Интересное прочтение этого художественного приема появилось при анализе современного изобразительного искусства. Передача структурности, фактуры нашла отражение в произведениях современного искусства – зафиксировано увлечение в среде художников, создающих работы в технике абстракционизма, свойствами используемой для изображений поверхности. «Художники утверждали, что они стремились проникнуть непосредственно в материал, следовать составу материала <...>, что приводило к воспроизводству на картине живописными средствами текстуры холста, рисунка древесных волокон и т. п.» (наблюдение сделано известным писателем У. Эко) [по: Кузин-Лосев 2005: 153].

Видимо, высокий семиотический статус собственно изготовления металлических изделий обусловлен с точки зрения как одного из составляющих сакрального процесса делания, преобразования окружающей действительности. Так, в древнетюркских текстах одно слово используется для обозначения таких терминов, как скульптура, узор, искусство [Самашев и др. 2009: 30].

Помимо фактурности, в проработке поверхности металлических изделий отмечено стремление древних мастеров сделать его объемным, придать ему глубину и чувство перспективы. Такой эффект удалось получить путем использования следующих художественных приемов: использование техники ажурного литья, филиграни, выделение цветом с помощью чернения или позолоты отдельных деталей или участков поверхности, сочетание крупных декоративных элементов (розетка, полусферическая окружность) с поверхностью, украшенной мелким орнаментом, выделение фона.

Интересной формой декоративного оформления является ажурность. Практически всегда изделия, выполненные в ажурном стиле, имели рамки, в пределах которых располагалось изображение. Также имеются украшения, выполненные в виде каких-либо фигур, в данном случае птиц (подвески с изображением двух противостоящих птиц). В таких случаях эффект ажурности получался за счет прорезей различной формы и тонких перемычек, соединявших отдельные части предмета.

В первую очередь, следует обратить внимание, что для получения художественного эффекта задействованы как внутреннее заполнение пространства, так и оформление края изделия. Край изделий зачастую выполнен в виде рамки, которая ограничивает изображение. При изготовлении предметов, выполненных в технике ажурного литья, активно использовались растительные мотивы. Они создавали ощущение изящности и легкости предмета. Такие предметы смотрелись более выигрышно, нежели изделия, выполненные в технике литья.

Художественный эффект достигался за счет наложения ажурного изображения на какую-либо основу – ткань, кожу. В результате создалось впечатление объемного рисунка, имеющего ощущение перспективы. Она произвольно менялась в зависимости от угла зрения. Особенно этот эффект присущ для бляшек, используемых в оформлении пояса и некоторых застежек-подвесок. Рамки с высокими наклонными бортиками у этих изделий увеличивали впечатление объемности изображения. Таким образом, эти предметы имели своеобразные художественные особенности, позволяющие предположить, что не только экономия металла привела к появлению технологии ажурного литья, как это было высказано Г. Г. Король и Л. В. Коньковой [Король, Конькова 2007: 30].

Фон также играл важную роль в достижении определенной глубины изображения. В данном случае, возможно проявление «негативно-позитивного» соотношения элемента и фона, как это

характерно для казахского традиционного орнамента, где «по мере продолжительности и смене точек восприятия происходит и смена их значений» [Шкляева, Муратаев 2011: 183].

Филигрань используется карлукскими торевтами при изготовлении браслетов и крупных бусин. В браслетах смело сочетаются очень массивные перевитые пруты с изящными и хрупкими проволоками филиграни. Серебряные пруты, обладающие матовой глубокой поверхностью, перевиты друг с другом и в результате на поверхности украшения создаются глубокие тени, придающие ощущение объема, массивности изделия. Филигрань также используется для намотки на окончаниях этих изделий и при воспроизведении змеиных глаз. Особую группу представляют серебряные браслеты из городища Тараз, выполненные из нескольких перевитых прутков, округлых в сечении. Здесь обыгрывается прием, призванный усилить весомость и без того массивного изделия.

Еще один художественным приемом, активно используемым мастерами той эпохи, является дополнительное покрытие поверхности предметов с помощью позолоты или лужения (покрытия оловом). При этом, судя по результатам металлографического изучения предметов конской гарнитуры из погребений сросткинской культуры из лесостепного Алтая, проведенного Т.Г. Горбуновой, лужение использовалось как на предметах с первоначальным красным цветом поверхности, где оно уместно, так и на предметах с желтоватым или золотистым цветом. В результате, предметы обретали серебристо-белый цвет [Горбунова 2007: 157]. Последний факт с преобразованием желтоватой или золотистой поверхности в серебристо-белый представляется не вполне логичным, так как именно эта цветовая гамма достигалась также целенаправленно с использованием другого технологического приема (позолоты).

В торевтике кимеков и карлуков интересную группу предметов представляют серебряные изделия, покрытые позолотой. Необходимо отметить, что позолотой покрывались зачастую отдельные участки поверхности изделия, то есть с ее помощью усиливался художественный эффект. Так, например, детали конского снаряжения из кургана № 29 могильника Түйетас имели следы позолоты на выпуклой или покрытой орнаментом поверхности. Различные бляшки поясной гарнитуры из городища Тараз имели позолоту преимущественно на лицевой поверхности.

Использование черни также позволяло придать поверхности серебряных изделий ощущение объема. Эта техника использовалась, по-преимуществу, для оформления фона, тем самым создавался некоторый контраст между поверхностями разного цвета: серебристого матового и насыщенного темно-серого. Также чернь акцентировала внимание на отдельных элементах декора.

Необходимо отметить использование крупных деталей на поверхности изделий, имеющих гладкую поверхность. Их сочетание с остальной поверхностью изделий создавали особый художественный эффект глубины поверхности предмета. Такой же эффект имели, например, розетки. Особый зрительный эффект розеток обусловлен тем, что «они обращены от поверхности к зрителю, а не вдоль нее», «покрой поверхность розетками, вот такими глазами на тебя смотрящими, - просто удивись, какой она становится глубокой», как выразился В.А. Фаворский [по: Герчук 1998: 78].

К интересным выводам также можно прийти при изучении собственно орнаментальных элементов, покрывающих поверхность или объемных изображений. Важное значение имеют принципы композиции, продемонстрированные кимекскими и карлукскими мастерами.

Скульптуры кимекских рыбок выполнены по принципу зеркальной симметрии, так как представляют собой фигурки рыб, соединенные в области брюха. Также интересно разворачивается рисунок по вертикали: на поверхности нескольких экземпляров представлены растительные побеги,

отходящие от центрального стебля, делящего пространство фигуры надвое. Растительные побеги размещены в двух выделенных ярусах. Есть варианты, когда рисунок тождественный в обоих ярусах, есть образцы с различными растительными фигурами. Налицо воспроизведение идеи несколько раз. Для достижения этого используется принцип зеркальной симметрии, а также повторение отдельных элементов орнамента уже на поверхности украшаемого предмета. О значении зеркальной симметрии в создании композиции сказано немало, хотелось бы отметить замечание Е.Ф. Корольковой, сделанное при анализе звериного стиля: «изобилие сдвоенных в симметричной композиции зооморфных изображений на предметах разного назначения позволяет усматривать в этом приеме не только стремление к достижению чисто формальных и декоративных задач, но и попытку усилить удвоением воздействие образа, а также – в некоторых случаях – замкнуть композицию посредством такого размещения элементов в их собственных рамках» [Королькова 1996: 36-37, табл. 47–49].

Еще одним важным приемом, блестяще продемонстрированным мастерами прошлого, является стилизация. Она характерна, прежде всего, при проработке образов птиц и рыб. «Стилизация связана с трансформацией реального облика в некую условность и подразумевает отбор, фиксацию или подчеркивание и даже гиперболизацию отдельных черт и характеристик объекта и способы их передачи в изобразительной версии» [Королькова 1996: 17]. В процессе стилизации при передаче образа птицы использован принцип «часть вместо целого», показаны наиболее характерные особенности первоначального образа (силуэт, перья, хвост). Необходимо также отметить, что фигура птицы в ряде случаев характеризуется змеевидностью (навершия головных уборов, булавки, птицы на поверхности ножен меча).

Своеобразна работа по стилизации образа рыбы. Он использован при оформлении подвесок к поясам, состоящих из двух половинок, на каждой из которых изображено по две рыбы. На натуралистично выполненных изображениях на половинках подвесок фигурки рыб, соприкасающихся друг с другом брюшками, показаны отчетливо. На некоторых изображениях никаких границ между силуэтами рыб не прослеживается.

Антропоморфные персонажи характеризуются реалистичностью. Мужские персонажи изображены идущими, верхом на лошади или как участники эпического пира. Необходимо отметить, что антропоморфные личины, видимо, означают другой круг представлений. Для них зачастую характерны элементы стилизации – открытый рот (изображается наиболее часто), большие глаза, показаны различные диапазоны инаковости: наделение антропоморфностью (на некоторых подвесках черты лица человека только намечены) и зооморфностью (стилизиция с наделением черт животных). Популярность антропоморфных личин «связана с особой смысловой значимостью украшений коня и всадника. Питательной средой такой популярности можно считать мировоззренческие основы средневековой культуры кочевников, связанные с традиционными верованиями, обычаями и обрядами» [Король 2017: 64].

Стилизиция также отобразилась в эпиграфическом орнаменте, покрывающем поверхность поясных бляшек и наконечников ремней из городища Тараз. На поверхности этих изделий мы видим виртуозное сочетание стилизованных букв и различных растительных элементов. При нанесении надписей также присутствует стремление придать украшаемой поверхности ощущение глубины, перспективы. Оно создается путем сочетания крупных выпуклых деталей и глубокого или неорнаментированного фона, выделения с помощью позолоты или чернения отдельных деталей декора.

В изучении художественных особенностей торевтики кимеков и карлуков уже имеются определенные достижения. Детальное описание многих предметов торевтики кимеков, как

произведений искусства, принадлежит Ф.Х. Арслановой. В одной из своих статей исследовательница приходит к выводу, что в среде кимеков приосходят изменения к композиционному построению орнамента от натуралистического к обобщенному образу, которые выражали эволюцию религиозно-мифологических воззрений у средневекового населения Обь-Иртышья [Арсланова 2013: 109–110]. В качестве наглядно демонстрирующих этот процесс, она приводит изменения в проработке образа птицы «от конкретного образа хищной или фантастической птицы до стилизованного образа, где мастером виртуозно подчеркнуты характерные черты (загнутый клюв, гребень на голове и поднятый распушенный хвост)» [Арсланова 1989: 157]. К интересным выводам Ф.Х. Арсланова пришла при искусствоведческом анализе одного из образов, запечатленных на поверхности металла. Речь идет о бляшке с изображением Сэнмурва, которая «наглядно демонстрирует творческую индивидуальность прииртышского мастера, передавшего в переосмысленном виде ближневосточный образ «летающей» собаки-птицы в статичной позе [Арсланова 1984: 128]. Значительный интерес представляют результаты изучения торевтики карлуков. Здесь хотелось бы привести важное замечание Г.Г. Пугаченковой и Л. Ремпеля: «скульптура и монументальная живопись выключились из обихода, передав свои художественные свойства искусству вещи и узора» [Пугаченкова, Ремпель 1965: 206]. Торевтика степных племен эпохи средневековья в полной мере запечатлела в себе это «искусство вещи и узора».

Таким образом, художественный эффект усиливали такие приемы, блестяще продемонстрированные древними зергерами, как использование техники ажурного литья, филиграни, выделение с помощью цвета путем нанесения чернения или позолоты на отдельных деталях или участках поверхности, сочетание крупных декоративных элементов (розетка, полусферическая окружность) с поверхностью, украшенной мелким орнаментом, выделение фона. Все эти приемы были направлены на стремление сделать поверхность объемной, придать ей глубину и чувство перспективы. Важнейшей особенностью художественного языка кимеков и карлуков стала стилизация. Благодаря великолепному знанию животного мира, древние мастера отобразили наиболее характерные свойства их прототипов.

Сходство в торевтике кимеков и карлуков отчетливо прослеживается на уровне идеологии, когда с помощью ряда предметов и образов выражали повторяющиеся социальные стереотипы (престиж, защита). При сравнительном анализе декоративно-прикладного искусства эпохи средневековья и этнографической современности, можно сделать вывод, прежде всего о том, что для этих периодов аналогична информация, демонстрирующая определенные социальные характеристики своих владельцев. Данный факт позволяет предположить наличие единых социальных понятий и явлений, характерных, в целом, для степных племен эпохи средневековья и их потомков.

ЛИТЕРАТУРА

- Арсланова Ф.Х. Пряжки «византийского» типа из Прииртышья // Западная Сибирь в эпоху средневековья: сб. науч. ст. Томск: Изд-во Томского университета, 1984. С. 119-128.
- Арсланова Ф.Х. Образ птицы на головных уборах кимакских женщин // Маргулановские чтения: сб. м-лов конф. / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алма-Ата, 1989. С. 156-164.
- Арсланова Ф.Х. Женские украшения кимаков и кыпчаков // Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья: материалы и исследования по археологии Казахстана. Астана: ФИА, 2013. Т. 3. С. 28-92.
- Герчук Ю.Я. Что такое орнамент? Структура и смысл орнаментального образа. М.: Галарт, 1998. 326 с.
- Горбунова Т.Г. Лужение как способ декорирования украшений конского снаряжения // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: м-лы региональной науч.-практ. конф. Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. Вып. XVI. С. 156-158.

- Зуев Ю.А. Этнокультурные связи ранних кимеков // Известия АН РК. 1992. № 5. С. 26-38.
- Король Г.Г. Реалистичные образы-«личины» в средневековой Центральной Азии // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2017. № 49. С. 60-65.
- Король Г.Г., Конькова Л.В. Производство и распространение раннесредневековой торевтики малых форм в Центральной Азии // РА. 2007. № 2. С. 25-32.
- Королькова Е.Ф. Теоретические проблемы искусствоведения и «звериный стиль» скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб.: ИИМК РАН, 1996. 78 с.
- Кузин-Лосев В.И. Область смыслов, знаков, символов катакомбной культуры // Структурно-семиотические исследования в археологии / Гл. ред. А.В. Евлевский. Т. 2. Донецк: ДонНУ, 2005. С. 153-196.
- Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Кумеков Б.Е. Об этническом составе кыпчаков XI – начала XIII вв. по арабским источникам // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: сб. науч. ст. М.: Наука, 1990. С. 119-130.
- Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. М.: Искусство, 1965. 688 с.
- Самашев З., Базылхан Н., Баяр Д. Древнетюркские каменные изваяния евразийских степей // Мәдени мұра. 2009. № 1(22). С. 30-39.
- Турсунов Е. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Шкляева С., Муратаев К. Очерки истории и теории прикладного искусства Казахстана. В 3-х т. Алматы: Өнер, 2011. Т. 1. Прикладное искусство. 192 с.

Г. И. Богомолов

Геннадий Игоревич Богомолов,
Национальный Центр археологии АН РУз.,
г. Ташкент, Узбекистан; gennadiybog54@mail.ru

Фольклорные мотивы на средневековых предметах из Государственного музея истории Узбекистана

Аннотация. Статья посвящена двум предметам из собрания Государственного Музея истории Узбекистана. Одна из них – печать-вставка из сердолика в кольцо. На ней вырезана сцена охоты всадника на верблюде с сидящей за его спиной музыкантшей (арфисткой). В целом, композиция воспроизводит знаменитую историю Бахрам Гура и Азадэ во время охоты на газелей, которая уже к эпохе средневековья стала популярным фольклорным мотивом. Второй предмет – бронзовое зеркало. На его оборотной стороне помещена декоративная композиция с изображением полиморфного существа – птицы с женской головой в окружении причудливо сплетающихся растительных побегов. Зеркало в целом датируется XI–XII вв. Образ птицедевы находит многочисленные аналогии среди персонажей и элементов декора предметов торевтики и керамических изделий эпохи средневековья на широкой территории, что позволяет видеть в нем популярный фольклорный персонаж. Но значение этого образа дискуссионно.

Ключевые слова: печать, охота, Азадэ, зеркало, птицедева, растительные побеги, Умай, пери

Геннадий Игоревич Богомолов,
ӨР Ғылым академиясының Ұлттық археология орталығы,
Ташкент қ., Өзбекстан

Өзбекстанның Мемлекеттік тарих музейіндегі ортағасырлық бұйымдардағы фольклорлық сарындар

Аннотация. Мақала Өзбекстанның Мемлекеттік тарих музейі қорындағы екі жәдігерге арналған. Олардың бірі – сақинаға орнатылатын ақық көзді мөр. Мөрде артында музыкант (арфашы) әйел отырған түйе мінген адамның аң аулау көрінісі бейнеленген. Жалпы, композиция ортағасырларда танымал фольклорлық сарынға айналған қарақұйрықтарды аулау кезіндегі Бахрам Гур мен Азадэнің әйгілі оқиғасын бейнелейді. Екінші бұйым – қола айна. Оның сырт жағында күрделі өрілген өсімдік өскіндері ортасындағы полиморфты жаратылыс – әйел басты құстың сәндік композициясы бейнеленген. Жалпы алғанда айна XI–XII ғғ. жатады. Құс-қыз бейнесінің ортағасырларда өте үлкен аумақта торевтика бұйымдар мен қыш бұйымдарының сәндік элементтері мен кейіпкерлері арасында көптеген ұқсастықтарының болуы оның танымал фольклорлық кейіпкер екенін анықтауға мүмкіндік береді. Бірақ бұл суреттің мән-мағынасы таласты мәселе.

Түйін сөздер: мөр, аңшылық, Азадэ, айна, құс қыз, өсімдік өскіндері, Ұмай, пері

Gennady Bogomolov,
National Center of Archaeology of the Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan

Folklore motifs on medieval items from the State Museum of the History of Uzbekistan

Abstract. The article is devoted to two items from the collection of the State Museum of the History of Uzbekistan. One of them is a seal – an insert of carnelian into a ring. It depicts a hunting scene of a camel rider with a musician (harpist) sitting behind him. In general, the composition reproduces the famous story of Bahram Gur and Azade during the hunt for gazelles, which had already become a popular folklore motif by the Middle Ages. The second item is a bronze mirror. On its reverse side there is a decorative composition depicting a polymorphic

creature – a bird with a female head, surrounded by intricately intertwined plant shoots. The mirror as a whole dates back to the 11th–12th centuries. The image of the bird maiden finds numerous analogies among the characters and decorative elements of toreutics and ceramics of the Middle Ages over a wide area, which allows us to see in it a popular folklore character. But the meaning of this image is debatable.

Keywords: printing, hunting, Azadeh, mirror, bird girl, plant shoots, Umai, peri

Одним из важнейших и актуальных вопросов современной исторической науки Узбекистана является изучение его богатого исторического наследия. Важным научным центром по изучению и сохранению исторического наследия Узбекистана является Государственный Музей истории Узбекистана АН РУз., где собраны крупные коллекции по самым разным периодам истории. Значительное место в коллекциях Государственного Музея истории Узбекистана АН РУз. занимают предметы эпохи “мусульманского ренессанса”. Именно в этот период в Средней Азии, Иране и странах Ближнего Востока складывается новое во многом унифицированное искусство, открываются новые историко-культурные связи. В IX–XIII вв. идея «мусульманского мира» становится важнейшим фактором в экономической и культурной жизни. Но в то же время многие традиционные домусульманские представления продолжают сохраняться и даже получают новый импульс в народной культуре, что находило отражение в образах и элементах в искусстве малых форм. Одним из ярких проявлений этих тенденций являются гемма-инталия со сценой охоты и небольшое бронзовое зеркало с изображением фантастического полиморфного существа.

Материал исследования. Гемма-инталия представляет собой овальную пластинку (Инв. номер Н60/21) из красновато-оранжевого сердолика, размерами 17,5×12,5 мм и толщиной – 3 мм. Одна сторона ее заглажена, на другую помещена динамичная сцена охоты, но все ее персонажи показаны в условно-схематичной манере (рис. 1, 1, 2). Тела и головы персонажей выполнены в технике объемно-выемчатой резьбы, а руки, ноги, оружие, музыкальный инструмент и ряд других деталей показаны отдельными штрихами. Центральную часть композиции занимает всадник на бегущем влево двугорбом верблюде. В одной руке он держит лук, другая – поднята выше плеча, как бы спускает тетиву, целясь в бегущую газель. У персонажа круглая голова. Сверху ее покрывает какая-то непонятная деталь, возможно, мастер попытался изобразить прическу с длинными волосами и царский венец на них. Одежда всадника почти не различима, но видно, что его талию перехватывает двойной ремень. Позади стрелка показана сидящая женская фигурка. Она повернута назад и держит в руках арфу. У нее круглая голова, полудугой вокруг головы показаны ее волосы. Позади верблюда у самого края печати помещена еще одна, скорее всего, мужская фигура. У него тоже круглая голова, на которой тремя сходящимися линиями показан островерхий головной убор – шлем или колпак. Одна рука его упирается в бок, другая поднята вверх, в жесте приветствия. Крупная фигура верблюда вырезана в движении. Его большая голова на длинной изогнутой шее вытянута вперед, особо подчеркнут крупный круглый глаз. Короткими штришками показана шерсть на ногах, шее и голове. Показаны также брошенные всадником при стрельбе поводья. Верблюд почти догнал убегающую газель. Ее ноги переданы в прыжке, а голова повернута назад. На голове ее лировидные рога. В целом, композиция геммы явно отсылает к известному сюжету охоте Бахрам Гура и Азадэ. Сложен вопрос датировки инталии, т. к. контекст ее находки не известен. Однако по технике резьбы она находит широкие аналогии среди позднеасанидских гемм, что позволяет отнести ее к VII–VIII вв.

Второй предмет – зеркало (коллекция 219/620, инвентарный номер А1.2605) в виде бронзового диска диаметром 8 см (рис. 2, 1). Подобные зеркала известны по материалам средневековых городищ. Первоначально диск был отлит в форме, затем с одной стороны крупным штампом было нанесен орнамент. В результате удара штампом противоположная сторона

Рис. 1. Бахрам Гур и Азадэ: 1 – инталия со сценой охоты Бахрам Гура и Азадэ из Государственного Музея истории Узбекистана; 2 – оттиск геммы из Гос. Музея истории Узбекистана; 3 – оттиск печати из музея в Касселе (по: [Ettinghausen 1979]); 4 – оттиск печати из коллекции Акерман; (по [Ettinghausen 1979]) 5 – серебряное блюдо из деревни Турушево (Гос. Эрмитаж, СПб.) (по: [Тревер, Луконин 1987]); 6 – серебряное блюдо из Оренбурга (Гос. Эрмитаж, СПб.) (по: [Тревер, Луконин 1987]); 7 – серебряное блюдо из коллекции галереи Артура Геннол (США); 8 – ганчевая панель из Чал-Тархан-Эшхабада (Музей Изобразительного искусства в Бостоне, США) (по: [Ettinghausen 1979])

Рис. 2. Птицедева: 1 – зеркало из Государственного Музея истории Узбекистана;
2 – элемент декора бронзового кувшина XI–XII вв. из Южного Казахстана (по: [Байпаков 1990]);
3 – бронзовое украшение, подвеска из Мавераннахра (по: [Фахреддинова 1988]); 4 – центральный
медальон медного блюда из ферганского музея; 5 – чаша с птицедевой с городища Канка, X–XI вв.
(по: [Ильясов 2013]); 6 – глазурованная чаша с наездниками и птицедевыми в верхнем и нижнем регистре
(Иран, конец X–XI в.); 7 – бронзовая ступка XI–XII вв. с изображением птицедев вдоль картуша медальона
с правителем на троне (по: [Carboni 1997]); 8 – штампованные фигурки птицедев, оттиснутые на фрагменте
керамики, Самарканд VIII в. (по: [Ремпель 1987]); 9 – тычковка-насаду с изображением птицедевы,
солнца и всадника. Самарканд (по: [Шишкин 1963])

приобрела небольшую выпуклость. Поверхность ее была отшлифована, видимо, посеребрена и стала лицевой стороной зеркала. Обратная сторона декорирована, вокруг круглого медальона (его диаметр 5,8 см), нанесенного штампом, образовался широкий, немного выпуклый бортик. Центром композиции является изображение птицы с человеческой головой, ее тело показано в профиль, а голова с поворотом в фас. Последний прием характерен для средневекового искусства. К сожалению, лицо персонажа деформировано, видимо, в результате использования. Контур лица овальный с острым подбородком, слабо просматриваются глаза, маленький нос и дугообразная бровь. На голове персонажа плоская шапочка с углами. Вокруг головы показан нимб. Крыло передано в манере, типичной для средневековых изображений птиц, с разделением его на несколько горизонтальных полос (полосы с крупными бугорками, отделена валиком от широкой полоски и треугольной полосы с длинными линиями, показывавшим концевые перья крыла). Хвост – павлиний, из трех пучков длинных «S»-образных перьев с загнутыми концами. Ноги – птичьи, но слабо просматриваются. Вероятней всего, это птицедева. Причем изображена она на фоне растительных побегов, окружающих ее со всех сторон. Техника нанесения орнамента и сношенность штампа явно указывает на серийное производство. Хотя не исключено, что штемпель мог использоваться мастером и при оформлении других металлических изделий (кувшинов, подставках и т. д.). К сожалению, место находки и сопровождающий археологический контекст не известны, поэтому основой датировки служат стилистические особенности изображения. Наиболее близкой аналогией является изображение птицедевы в центральном медальоне на медном подносе из Ферганского музея (рис. 1, 4), который датируется XI в. [Хакимов 1983: 140]. XI–XII вв. датируется изображение птицедевы среди растительных побегов на бронзовом кувшине из Казахстана [Байпаков 1990: 142] (рис. 1, 2). Все это позволяет отнести бронзовое зеркало из собрания Государственного Музея истории Узбекистана к XI–XII вв.

Анализ и обсуждение материала. Гемма-инталия из коллекции Государственного Музея истории Узбекистана представляет уникальный образец сюжета с охотничьим подвигом Варахрана V (Бахрам Гура) и Азадэ. Р. Эттихаузен приводит еще две печати с изображением этого сюжета, одна из которых когда-то находилась в коллекции доктора Филлис Акерман (рис. 1, 4), вторая в Antikenabteilung of Staatliche Museen в Касселе (рис. 1, 3) [Ettinghausen 1979: 28]. Причем интересно, что все они разнятся по количеству персонажей и ряду других деталей изображения. Кроме этих трех позднеасанидских печатей (вместе с инталией из Гос. Музея истории Узбекистана), эта тема раскрывается на ганчевой панели из Чал-Тархан-Эшхабада (рис. 1, 8) и трех серебряных блюдах: два из ГосЭрмитажа (СПб.) (рис. 1, 5, 6) и блюда из коллекции галереи Артура Геннол (США) (рис. 1, 7). Разные исследователи по деталям иконографии датируют эти блюда VI–VIII вв. По мнению В.Г. Луконина, изображение царских инсигний позволяет датировать все три блюда в пределах начала – середины VII в. [Тревер, Луконин 1987: 76]. Но вся интрига заключается в том, что сам Варахран V (Бахрам Гур) занимал иранский престол в 420–438 гг., тогда как история, в которой царевич проявил необычайное мастерство, превратив своими стрелами самца газели в самку, а самку в самца, по письменным источникам известна только с X в. Поэтому многие исследователи относили этот сюжет к сказочно-фольклорным, получившим широкое распространение под влиянием поэмы «Шахнаме». В IX в. в трудах арабоязычных авторов Табари ибн аль Факиха и Балами рассказывается о Варахране V, который еще царевичем прославился как искусный охотник и меткий стрелок. Сообщается, что он воспитывался при дворе арабского царя Мундара, любил ездить на верблюде и совершил ряд охотничьих подвигов, в т. ч. поразил стрелами быстроногих страусов и сшил одной стрелой газель и напавшего на нее льва. Кстати, поэме Фирдоуси ему посвящено 2600 двойных стихов и он предстает, прежде всего, как упорный и удачливый охотник, храбрец и

рыцарь, галантный кавалер. Но, что особенно важно для нашей темы, аль Факиха отмечает, что эти подвиги любили изображать “на стенах айванов” [Тревер, Луконин 1987: 75]. То есть к этому времени (а, по мнению В.Г. Лукониной, значительно раньше, к VI в.) образ Бахрам Гура превратился в популярный фольклорный персонаж.

Причем и Р. Эттихаузен, и В.Г. Луконин не исключают, что еще до X в. уже в конце сасанидской эпохи, скорее всего, существовала литературная традиция со схожими историями “и либо устной, либо утраченной, если когда-то записанной. Поскольку эта ранняя версия сейчас недоступна, нельзя сказать, что было добавлено к ней в средние века” [Ettinghausen 1979: 28]. По мнению В.Г. Лукониной, в поэме Фирдоуси “Шахнаме” различные охотничьи истории о различных царях объединились вокруг образа Бахрам Гура. Не случайно в позднем варианте “Карнамака”, составление которого относят к VI в., говорится, что истинное благородство и принадлежность к царскому роду узнается во время удачного выстрела на охоте [Тревер, Луконин 1987: 76].

Другой образ – образ птицедевы становится одним из излюбленных мотивов в исламском искусстве. Они нередко изображались на металлических изделиях: бронзовых сосудах, подставках под них, подносах и даже на украшениях-подвесках (рис. 2, 3). Впрочем, этот образ встречается и на керамических изделиях X–XIII вв. (рис. 2, 5, 6) Как правило, это полиморфное существо наделялось женской головой, обрамленной нимбом. Истоки этого образа во многом еще не ясны.

Гибридный образ птичеловека был широко распространён в мифологии и искусстве Древнего Египта, Шумера, Аккада и Вавилона, древней Греции. Предполагается, что в искусстве Аккада и Вавилона этот образ был связан с древним культом Иштари – богини-матери, богини плодородия [Ремпель 1981: 3] или богини Лилит – «Приносящей смерть» [Ллойд 1984: рис. 13].

В древней Греции этот образ, скорее всего, был заимствован с Востока. Хотя в представлениях о гарпиях, птицах с женскими головами, лежат в архаических, еще доолимпийских представлениях как о богинях налетевшего внезапно вихря. Другой греческий образ – сладкоголосые сирены, заманивавшие своим пением мореходов на скалы. Их изображали как полуптиц-полуженщин, обладающих волшебным голосом (пением). В позднеантичном искусстве образ сирены трансформируется в женщин необыкновенной красоты с кифарой в руках, но с крыльями, птичьим хвостом и птичьими ногами [Кобылина 1967: 167–173]. Причем сирены начинают изображаться на надгробиях. Образ птичеловека (в т. ч. птицедевы) известен в мифологиях и искусстве Китая и Индии. Хотя Ева Баэр считает, что человекоподобные птицы (киннары) появляются в искусстве Индии с начала нашей эры [Баер 1965: 26]. Им приписывались функции небесных певцов и музыкантов. Киннары вошли и в буддийское искусство, их изображения присутствуют в культовых буддийских сценах.

Вероятно, процесс формирования этого образа в Средней Азии происходил в виде слияния собственных архаических и привнесенных напластований. Изображения птичеловека известны здесь с эпохи античности (в т. ч. птицедевы). Два глиняных птичеловека украшали тимпаны одного из зданий VII в. в Пенджикенте. В другом домовладении Пенджикента обнаружен фрагмент росписи, где крупными растительными побегами помещена пара беседующих птицедевы и птице-мужчины [Belenizki 1980: 195].

Эпохой раннего средневековья датируются изображения птице-женщины в виде налестков на бытовой неполивной керамике и оссуариях из Самарканда и Пенджикента. На городище Варахша, во дворце бухарских правителей найдено несколько рельефов из ганча, которые изображали птицедеву [Шишкин 1963: 211–212]. Причем тело ее покрывали крупные листья аканта. Примечательно, что эта связь изображения птицедевы с растительностью (растительными побегами) явно не случайная

и сохраняется позже. Возможно, изображения птицедевы в этот период отражали образ доброго гения (духа), связанного с плодородием и возрождением.

В средневековый период изображения птицедевы становятся одним из излюбленных мотивов в исламском искусстве. Таковы рельефные фигурки вытянутых в ряд трех птицедев на фрагменте керамического сосуда XI–XII вв. из Самарканда (рис. 2, 8). Нередко изображение птицедевы – один из элементов в композициях декора на бронзовых сосудах, ступках (рис. 2, 7), подносах и даже на украшениях-подвесках (рис. 2, 3, 7). Видимо, изображения птицедевы были популярны и в декоративном оформлении тканей. Показательны в этом плане росписи павильона конца XII – начала XIII в. на Афрасиабе (в Самарканде). Здесь халат одного из главных персонажей (предположительно караханидского правителя, восседающего на троне) декорирован вышитыми изображениями птицедевы. Ю.В. Карев традиционно называет их «гарпиями» и отмечает примечательную деталь – фон ткани халата черный, но плотно покрыт растительным орнаментом светлых тонов. Таким образом «гарпии», получается, как бы помещались на фоне «райского сада» [Карев 2009: 32]. Уникальная находка глазурованной чаши с городища Канка в Ташкентском оазисе опубликована Дж.Я. Ильсовым (рис. 2, 5). Причем птицедеву сопровождала псевдонадпись по краю чаши, имитировавшая благопожелательные надписи. Такая же псевдонадпись воспроизведена на крыле птицы [Ильсов 2013]. Так, на серебряном кувшинчике из Приобья птицедеву сопровождает благопожелательная надпись: «Слава, и успех, и господство, и удовольствие, и счастье, и благоденствие» [Даркевич 1989: 47–48, табл. 37].

Популярность образа очевидна, но интерпретация образа дискуссионна. Одни исследователи по исламскому искусству, следуя античной традиции, называют их гарпиями или сиренами и связывают их с переработкой античного наследия. Другие, например В.П. Даркевич, видят в них полиморфное существо, изображающее Умай или птицу Хумо (Хумай), приносящую счастье [Даркевич 1989: 48]. Культ Умай был известен у многих тюркоязычных народов (в т. ч. у узбеков, киргизов, казахов), где Умай отводились функции покровительницы детей и хранительницы домашнего очага. Не случайно, в декоративном искусстве киргизов еще не так давно элемент, похожий на сильно стилизованное изображение птицы, так и назывался «мотив Умай», а самое главное, по мнению мастериц, символизировал мифическое женское существо, живущее в воздухе и охраняющее младенцев.

Д.А. Фахретдинова выдвинула предположение, что в арабо-персидской литературе это полиморфное существо означало некое сказочное существо и называлось «*наснас*», [Фахретдинова 1988: 47]. Однако такое отождествление не совсем правомочно, т. к. арабо-персидский термин, «наснас» нередко использовался и для обозначения человекообразных обезьян, орангутанга [Самарканди 1963: 33, 150]. Но в целом Д.А. Фахретдинова считает, что образ женщины-птицы передает образ покровительницы женщин, дарующей им плодовитость. Именно поэтому образ женщины-птицы, как извечной матери, благоприятствующей плодовитости женщины и рождению ребенка, появляется на нагрудных медальонах. А помещение ее изображения на чашах, подносах и кувшинах, предназначенных для свадебных пиршеств, объясняется их апотропеическим значением [Фахретдинова 1988: 47].

Ева Баер, опираясь на сочинение ал-Масуди (X в.), предложила отнести их к «*мург-и адами*» («птицелюдям»), населявшим волшебную страну у подножья горы Каф и охранявших ее от людей [Баер 1965: 34–38]. Однако их описание расходится с известными средневековыми изображениями человекоптиц. Наиболее верным, на наш взгляд, является мнение Е. Грубе, который обозначил термином «пери» птицедев на керамике Ракки [Хакимов 1983: 102]. Для понимания функциональной нагрузки образа важно, что пери, как и человекоголовые птицы

исламского искусства, опосредствованно связаны с растительным и животным миром или водным источником (а значит, с плодородием природы). Среди магических способностей пери следует особо подчеркнуть вечную молодость и оборотничество, т. е. способность превращаться в животный образ, чаще всего в птицу. Примечательно и то, что они обитают или, по крайней мере, собираются на отдых в прекрасном саду, больше напоминающем рай.

Видимо, именно связь птицедев (перидево) на средневековых изделиях с плодоносящими силами природы были призваны отразить окружающие их растительные побеги. В мифологии народов Средней Азии и Ирана перидево – духи, как добрые, так и злые, чаще всего предстают в образе прекрасных (обольстительных) женских существ. Поэтому в литературной традиции образ перидево выступает как символ женской красоты. Примечательно, что этимология самого слова «перидево» реконструируется из индоевропейского «пер» - «производить на свет, рожать» [Литвинский 1992: 286–287].

Заключение. Ряд исследователей (Л.И. Ремпель, А.А. Хакимов) отводят этим образам роль фольклорно-сказочных персонажей, напрочь лишенных смысла и служащих лишь декоративным обрамлением [Хакимов 1983: 111; Ремпель 1987: 54]. На наш взгляд, это не совсем так. Если образ Бахрам Гура и воспринимается как персонаж фольклора, он оставался героем, носителем царской харизмы, образцом для подражания. Важно и другое, охота нередко выступала как метафора войны, священной борьбы героя с хаосом, оваянной сакрально-магическим значением. Но здесь фиксируется процесс, когда к эпохе средневековья в значительной степени утрачивается ее первоначальный смысл, ее символическая композиция трансформируется в занимательный литературный сюжет, образец мужественности, силы, подражания. Однако, очевидно, что на предметах быта и украшениях изображения этих сюжетов наделялись благопожелательным значением.

Точно также, вряд ли стоит отводить образам птицедев лишь роль фольклорно-сказочных персонажей. Следует учитывать, что птицедево были связаны с анимистическими представлениями, восходящими к доисламской эпохе. В средневековую эпоху образы человекоптицы не просто элементы декора, а символ, наделенный определенным смыслом и значением как приносящий добро (благодать, счастье, плодородие) и защищающий владельца. Видимо, память о связи этого образа с древней магией сохранялась очень долго. Образ перидево прочно вошел в народный фольклор и в ряд поверий. Не случайно, еще в XIX – начале XX в. одним из сюжетов на насаду (табакерках) была птицедево наряду с изображением солнца, звезд и всадника [Шишкин 1963] (рис. 1, 9).

Вера в способность перидево наделять благом избранника подчеркивается тем, что образ птицедево сочетается с благопожелательными надписями, сопровождающими изображение или заменяющими их растительной символикой. Соответственно, в эпоху средневековья образ птицедево входил в круг символов, приносящих добро (благодать, счастье, плодородие).

ЛИТЕРАТУРА

- Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1990. 208 с.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М.: Наука, 1976. 199 с.
- Ильясов Дж.Я. Мифологические образы на глазурованной керамике Шаша // San'at. 2013. № 4 (61). С. 13-15.
- Карев Ю.В. Открытие караханидской настенной живописи в Самарканде // Вестник истории, литературы и искусства. 2009. Т. 6. С. 25-46.
- Кобылина М.М. Форма с изображением сирены из Фанагории // СА. 1967. № 1. С. 169-175.
- Литвинский Б.А. Пари // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2, С. 286-287.

- Ллойд Сетон.* Археология Месопотамии. Пер с англ. Я.В. Василькова и И.С. Клочкова. М.: Наука, 1984. 280 с.
- Низами Арузи Самарканди.* Собрание редкостей или четыре беседы. М.: Восточная литература, 1963. 174 с.
- Ремпель Л.И.* Далекое и близкое. Страницы жизни, строительного дела, ремесла и искусства Старой Бухары. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1981. 301 с.: ил.
- Ремпель Л.И.* Цепь времен: Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1987. 192 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.: Искусство, 1987. 155 с.: ил.
- Фахретдинова Д.А.* Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент: изд-во лит. и искусства, 1988. 204 с.
- Хакимов А.А.* Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XIII веков. Ташкент: Изд-во лит. и искусства, 1983. С. 90-111.
- Шишкин В.А.* Варахша. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 250 с.
- Baer Eva.* Sphinxes and Harpies in Medieval Islamic Art. Jerusalem: Israel Oriental Society, 1965. 109 p.: pl.
- Belenizki A.M.* Mittelasien Kunst der Sogden. Leiden: E.A. Seemann, 1980. 238 p.
- Ettinghausen R.* Bahram Gur's Hunting. Feasts or Problem of Identification // Iran. 1979. Vol. 17. P. 18-31.

А. В. Варенов

Андрей Васильевич Варенов,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия; avvarenov@mail.ru

Оформление хвостов верховых коней у средневековых народов Восточной Евразии как хронологический и этнокультурный маркер

Аннотация. Автор предпринял попытку проверить надежность атрибуции средневековой картины «Чжосе ту» художнику Ху Хуаню (Ху Хуаю), жившему в конце IX – начале X в., через ее сопоставление с близкими к ней по содержанию и времени создания произведениями иных мастеров. Использован признак, никем до этого не привлекавшийся в качестве этно-хронологического маркера – оформление хвостов верховых коней. Анализ показал, что картина «Чжосе ту», приписываемая Ху Хуаню, не могла быть написана им. Она создана гораздо позже. Свиток «Чжосе ту» отражает контакты киданей и чжурчжэней и относится к 1110–1140-м гг. В качестве этно-хронологического маркера киданьской принадлежности персонажей выделено перетягивание хвостов их верховых коней посредине лентой. Хвосты верховых коней у чжурчжэней-цзиньцев или в Южной Сун одинаковы: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Насколько можно судить, свободно распущенные длинные хвосты были у верховых коней монгольского времени.

Ключевые слова: средневековая китайская живопись, жанр *жэньу*, всадники-варвары, изображения лошадей, оформление хвостов, датировка

Андрей Васильевич Варенов,
Новосибирск мемлекеттік университет, Новосибирск қ., Ресей

Шығыс Еуразияның ортағасырлық халықтарының мініс аттарының құйрықтарының сәнделуі хронологиялық және этномәдени маркер ретінде

Аннотация. Автор IX ғ. аяғы – X ғ. басындағы суретші Ху Хуанюдің (Ху Хуаю) «Чжосе ту» ортағасырлық суретінің атрибуциясының сенімділігін мазмұны және уақыты бойынша ұқсас салынған өзге шеберлердің туындыларымен салыстыру арқылы анықтауға талпынды. Бұған дейін ешкім этнохронологиялық маркер ретінде қолданбаған белгі ретінде – мініс аттарының құйрықтарының сәнделуі қарастырылды. Сараптама «Чжосе ту» суретін Ху Хуанюдың салуы мүмкін еместігін көрсетті. Бұл шығарма анағұрлым кейін салынған. «Чжосе ту» шығармасы қидандар мен чжурчжендердің байланыстарын көрсетеді және 1110–1140 жж. жатады. Кейіпкерлердің қидандықтар екенін дәлелдейтін этно-хронологиялық маркер ретінде мініс аттарының құйрықтарының орта бөлігінде лентамен буылуы көрсетілді. Чжурчжун-цзиньдіктердің немесе Оңтүстік Сундықтардың мініс аттарының құйрықтары бірдей: екі тұтамын бос салбыратып, қалғанын қатты күрмеп байлаған. Моңғол уақытының мініс аттарының ұзын құйрықтары бос жіберілетін болған.

Түйін сөздер: ортағасырлық қытай көркем суреті, *жэньу* жанры, салт атты-варварлар, жылқылар бейнелері, құйрықтарының сәнделуі, мерзімдеу

Andrey Varenov,
Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Hairstyles of Saddle-Horses' Tails among Medieval Peoples of Eastern Eurasia as a Chronological and Ethno-cultural Marker

Abstract. The objective of this article was to check the reliability of the attribution of the medieval Chinese painting “Zhuosetu” to Hu Huan (Hu Huai), an artist living at the end of 9th – beginning of the 10th century. The author has analyzed paintings of other artists close to Hu Huan, belonging to the *ren-wu* genre. This study used hair-styles of saddle-horses' tails as the ethno-chronological marker which has never been used before by anyone in this way. The analysis showed that “Zhuosetu” can not be among the works of Hu Huan. It was painted much later. The “Zhuosetu” scroll reflects contacts of Qidan (Khidan) and Jurchen peoples and belongs to 1110–1140 AD. As the ethno-chronological marker of Qidan (Khidan) attribution of the personages depicted, this study picked out the lacing of the tails of their saddle-horses in the middle. The tails of saddle-horses of Jurchen (Jin) and Southern Song peoples were the same: a tight knot with two hanging locks. It would seem that long loose flowing tails were primarily used by Mongolian-time saddle-horses.

Keywords: Medieval Chinese painting, *renwu* genre, barbarian horsemen, horse pictures, tail hairstyles, dating

Введение

В последние годы археологи при реконструкции одежды, обуви, головных уборов, конского снаряжения степных кочевых этносов, помимо добытых в процессе раскопок материалов, все чаще обращаются к изобразительным источникам древнего и средневекового Китая. Применительно к исследованиям по истории костюма стоит заметить, что, если, как это часто делается, основывать датировку полотна на деталях изображенной на персонажах одежды, то получится логическое кольцо: именно те предметы, датировка бытования которых и должна быть уточнена, служат для определения даты создания картины.

Цель предпринятого в данной статье исследования – проверить надежность атрибуции картины «Чжосе ту» художнику Ху Хуаню и по возможности уточнить время ее создания. Для этого предполагается расширить круг сопоставлений «Чжосе ту» за счет близких по времени произведений в жанре *жэньу* иных авторов, содержащих реалии, аналогичные присутствующим на приписываемой Ху Хуаню картине. Если какие-то из сравниваемых полотен имеют более-менее надежно обоснованную хронологическую привязку, это позволит уточнить даты создания рассматриваемых картин, в том числе и «Чжосе ту».

Картина Ху Хуаня «Чжосе ту»

Картина «Чжосе ту» (卓歇图, 33×256 см, шелк, тушь, краски) хранится в музее Гугун в Пекине. Современное китайское значение иероглифов *чжосе* не очень понятно. Иногда в официальном историографическом сочинении «Ляо ши» (遼史 «История Ляо», сер. XIV в.) встречаются включающие иероглиф *чжо* слова, в контексте которых он имеет смысл «стоять» или «временный». Тогда сочетание *чжосе* (卓歇) означает «установить палатку для временного отдыха», хотя на самой картине никакой палатки нет [Чжунго мэйшу 1984: 29]. Согласно комментариям к картине «Чжосе ту» с сайта музея Гугун, *чжосе* можно понимать как «отдых на земле», т. е. «пикник» [Ху Хуань «Чжосету» цзюань].

На картине нет подписи или печати автора, но в наиболее авторитетных работах по истории китайской живописи она уверенно приписана Ху Хуаню [Чжунго мэйшу 1984: 29; Чжунго жэньу 2004: 57–58; Чжунго лидай 2004: 518–519]. Впервые о Ху Хуане сказано в знаменитом трактате по истории китайской живописи «Записки о живописи: что видел и слышал» (图画见闻志 *Тухуа цзянь*

вэнь чжи) Го Жосюя (郭若虚, XI в.). Относя его к мастерам фигуративной живописи (*жэньу хуа* 人物画) конца эпохи Тан (618–907), Го Жосюй пишет следующее:

«Ху Хуай, родом из Фаньяна. Писал чужеземных лошадей. Хотя его искусство излишне богато деталями, но кисть ясна и сильна. Что до изображений хижин под небом, различной утвари, стрельбы на охоте, одушевленных и неодушевленных предметов, то во всем он (проникал) в самую суть необычного. При изображении грив и хвостов верблюдов и лошадей, одежд людей и шкур животных он привязывал к кисти волчью шерсть и брызгал тушью, чтобы передать их тонкость и силу» (цит. по: [Го Жо-суй 1978: 43]).

На картине «Чжосе ту» изображены привал и отдых участников крупной охоты. Всего показано 37 человек и 24 лошади. Вся композиция распадется на три больших сцены [Чжосету]. Крайняя справа группа (начальная при разворачивании свитка) состоит из отдыхающих, но не расседланных лошадей, нагруженных дичью (гусьями, утками и т. п.). Рядом с верховыми животными стоят или

сидят на земле люди, участвовавшие в охоте. Хвосты у всех коней в этой группе завязаны тугими узлами с двумя свисающими прядями (рис. 1, 3).

Следующая (средняя) группа изображает еще нескольких коней и стоящих рядом с ними спешившихся всадников. Кони в этой группе, насколько можно судить, не нагружены, а хвосты у них не завязаны в узел, но зато перехвачены посредине лентой (рис. 1, 2). Третья (крайняя слева) группа представляет сцену пира. В центре, на покрытом ковром низком помосте сидит главный персонаж, а правее него – фигура в белых одеждах, видимо, вторая по статусу. Сидящие на помосте едят и пьют. Расположившиеся вокруг (некоторые – стоя на коленях) слуги подливают им вино, готовят

Рис. 1. Картина «Чжосе ту»: 1 – фрагмент (левая часть); 2 – фрагмент (центральная часть); 3 – фрагмент (правая часть). По: [Чжунго мэйшу 1984: 106–108]

и подносят закуски и т. п. На переднем плане, развлекаая пирующих, перед помостом пляшет танцор. Поодаль стоят охранники с луками, служанки и другие персонажи (рис. 1, 1).

Китайские исследования однозначно интерпретируют свиток «Чжосе ту» как изображение перерыва на отдых во время царской охоты хана киданей (*цидань* 契丹)¹. Сидящую рядом с ханом фигуру в белом облачении они считают одетой в китайское платье его супругой [Чжунго мэйшу 1984: 29; Чжунго жэньу 2004: 58; Чжунго лидай 2004: 518]. Правда, раздел «Система одежды» в главе 23 «Истории государства киданей» Е Лунли свидетельствует об обратном: «Императрица и киданьские чиновники ходят в киданьских одеждах. Император и китайские чиновники ходят в китайских одеждах» [Е Лун-ли 1979: 316].

В последнее время китайские исследователи стали отмечать, что почти все мужские персонажи на картине «Чжосе ту» носят прическу (выбритая макушка и заплетенные в две косы волосы на затылке), характерную не для киданей, а для чжурчжэней (*нюйчжэнь* 女真)². По мнению китайских искусствоведов, отраженному и на сайте музея Гугун, разбираемый свиток показывает включающий пир после охоты прием облаченного в белые одежды южно-сунского посла одним из вождей чжурчжэней [Ху Хуань «Чжосету» цзюань]. Открытая китайская электронная энциклопедия (аналог «Википедии») «Байкэ байду» замечает, что в начале правления Южной Сун Китай часто отправлял послов к чжурчжэням, в основном, с целью сбора разведывательных данных [Чжосету].

В этой связи, хотелось бы обратить внимание на специфику оформления «причесок» хвоста у разных групп лошадей на свитке «Чжосе ту». Идея об их принадлежности двум разным этносам, один из которых представлен посольской делегацией, выглядит в этом плане весьма плодотворной. Но вот как именно оформлял хвосты у своих верховых коней каждый из трех народов – киданей, чжурчжэней и китайцев эпохи Сун, предстоит еще выяснить. Рассмотрим для этого несколько картин, относящихся к живописи Цзинь и Южной Сун.

Картины о Цай Вэньцзи рубежа XII–XIII веков

Цай Янь (蔡琰 ок. 172 – ок. 220), второе имя Вэньцзи 文姬 или Вэньчао 文昭, дочь Цай Юна (蔡邕/雍, 132–192), сановника, мыслителя, ученого в области гуманитарных и естественных наук, музыканта и теоретика музыки, каллиграфа и теоретика каллиграфии, литератора, одного из ведущих поэтов конца Поздней Хань. Она была очень талантлива, хорошо разбиралась в литературе, музыке и каллиграфии. Совсем молодой Цай Вэньцзи в первый раз вышла замуж за Вэй Чжундао (卫仲道), вскоре умершего, после чего вернулась домой к отцу. В результате захвата и разграбления Лояна войсками генерала Дун Чжо (董卓) в 192 г.³, Цай Янь попала в плен к южным хунну и прожила у них 12 лет, родив двоих детей.

Полководец Цао Цао (曹操 155–220), объединивший Север страны, за большие деньги выкупил Цай Янь у хунну, так как надеялся получить от нее сведения о библиотеке Цай Юна, которая бесследно исчезла во время событий 192 г. Он же выдал Цай Вэньцзи замуж за Дун Сы (董祀)⁴. Цай Янь оставила после себя несколько великолепных поэтических произведений, в которых поведала о своей трагической судьбе. Согласно этим произведениям, ей пришлось оставить сыновей у хунну.

¹ Монголоязычная кочевая народность, населявшая Северо-Восток Китая и превратившаяся к X в. в значительную военно-политическую силу, создав собственное государство.)

² Народность, выросшая и укрепившаяся на Северо-Востоке. Создав свое государство Цзинь (金, 1115–1234), они захватили киданьское Ляо и завоевали северную часть Китая.

³ Подробнее о Дун Чжо и захвате им Лояна см.: [Борисов 2015].)

⁴ Существует официальное жизнеописание Цай Янь в «Хоу Хань шу» (后汉书 «Книга о Поздней Хань», цз. 84, «Дун Сы ци» 董祀妻 «Жена Дун Сы»).

В наши дни о Цай Вэньцзи снимают телесериалы, а до этого часто изображали художники разных эпох, включая Мин и Цин [Цай Вэньцзи].

Нередко в такие полотна вкладывался символический смысл. Возможно, что, обращаясь к теме «возвращения Вэньцзи» во второй половине XII – первой половине XIII в., художники Южной Сун выражали надежду, что занятый чжурчжэнями (а потом и монголами) север страны тоже рано или поздно «вернется в родную гавань» [Чжунго лидай 1995: 102]. Правда, если для южно-сунских живописцев подобные чаяния выглядят вполне психологически оправданными, то чем объяснить тягу цзиньских придворных художников изображать Вэньцзи?

Можно, конечно, считать, что они были этническими ханьцами, пытавшимися таким образом «показать фигу в кармане» своим цзиньским хозяевам. Но, скорее, они творили в последние десятилетия существования империи Цзинь, когда часть ее территории была уже завоевана монголами, и чжурчжэни через искусство выражали свою надежду на будущий реванш. Возможно, что ответ на этот вопрос кроется в том, как именно изображали «Возвращение Вэньцзи» цзиньские и южно-сунские художники.

Вертикальный свиток Чэнь Цзюйчжуня

Художник Чэнь Цзюйчжун (陈居中), жил в Южной Сун в XII – начале XIII в. Даты его рождения и смерти неизвестны, но есть сведения, что в годы правления южно-сунского Нин-цзуна (宁宗 1194/95–1224) под девизом Цзя-тай (嘉泰, 1201–1204) Чэнь Цзюйчжун занимал должность *дайчжао* (待詔) в Академии живописи Южной Сун [БКРС 1983: 151]. Считается, что Чэнь Цзюйчжун специализировался на изображениях степных всадников и их кочевой жизни [Чэнь Цзюйчжун]. Чэнь Цзюйчжуну приписывают вертикальный свиток «Вэньцзи возвращается в Хань» (文姬归汉图 *Вэньцзи гуй Хань ту*, 147,4×107,7 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй)⁵. На картине нет подписи или печати автора, но долгое время она считалась, да и сейчас продолжает считаться созданной Чэнь Цзюйчжуном [Чэнь Цзюйчжун «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу].

Свиток «Вэньцзи возвращается в Хань» изображает передачу поэтессы послу Цао Цао на границе владений империи Хань и хунну, обставленную как своеобразный «пикник на обочине». Сцена показана как бы «со стороны Китая». Цай Янь сидит на прямоугольном ковре напротив провожающего ее предводителя левого крыла хунну Цзо Сянь-вана (左賢王)⁶. Близ ковра четверо слуг подают им напитки и угощения. Сзади Цай Вэньцзи на ковре стоят двое ее детей. Младший крепко ухватился за мать. В отдалении, меж песчаных холмов на заднем плане – еще несколько слуг (возможно, конюхов), лошадь и верблюд с навьюченной поклажей (видимо, пожитками Цай Вэньцзи).

Китайский посол в красном облачении сидит на особой циновке. Перед ним пара охранников, вооруженных луками, а за спиной – свита с угощениями, опахалами, сложенными зонтами и т. п., и пара лошадей. Еще несколько лошадей, видимо, для членов свиты посла, привязаны поодаль близ кустов, на переднем плане картины. Хвосты у всех лошадей посольской свиты завязаны тугим узлом с двумя свисающими прядями. Как оформлены хвосты у коней хунну на картине, не видно (рис. 2, 1).

⁵ В монографии Т. А. Постреловой картина названа «Монгольский лагерь; Вэнь Чжи возвращается в Китай», в качестве места ее хранения указан пекинский Гугун, а автора – Чань Цзюйчжун [Пострелова 1976: 200].

⁶ Цзо Сянь-ван – не личное имя, а титул / должность у хунну, вторая по значению после *шаньюя*. Споры о том, была Цай Вэньцзи законной женой или наложницей Цзо Сянь-вана, продолжаются до сих пор. [Цзо Сянь-ван].

Хуннуская делегация, доставившая к пункту передачи Цай Вэньцзи, выглядит весьма скромно. Мы видим всего четырех слуг, двух-трех конюхов, пару лошадей и вьючного верблюда (конюхи, лошади и верблюд находятся в верхней части картины на заднем плане, и на нашем рисунке не показаны). Цзо Сянь-ван почти не отличается одеждой от своих слуг и поза у него какая-то согбенно-заискивающая, чуть ли не просительская. Напротив, яркая красная одежда ханьского посла моментально бросается в глаза, он сидит с прямой спиной, гордо выпятив живот, так что сразу заметно, кто здесь главный. Свита китайского посла включает порядка 15 человек. На полотне показано не менее 12 принадлежащих им лошадей.

Горизонтальный свиток Чжан Юя

Чжан Юй (张瑀) – живописец начала XIII в., даты рождения и смерти и остальная биография которого неизвестны. Ему принадлежит картина с тем же названием, что и у Чэнь Цзюйчжуну: «Вэньцзи возвращается в Хань» (文姬归汉图 *Вэньцзи гуй Хань ту*, 29×129 см, шелк, тушь, краски, Цзилиньский провинциальный музей, г. Чанчунь). Сначала считалось, что свиток создан в Южной Сун, поскольку маньчжурский император Цяньлун (乾隆) собственноручно начертил на нем надпись “宋人文姬归汉图” (*Сунжэнь Вэньцзи гуй Хань ту*, т. е. «Сунская картина “Вэньцзи возвращается в Хань”»). Но после обнаружения уже в наши дни в левом верхнем углу полотна шести иероглифов “祇应司张瑀画” (*Чжиинсы Чжан Юй хуа*) его атрибуция поменялась [Чжан Юй].

Все, что мы знаем о Чжан Юе, заключено в этой надписи. *Чжиинсы* было придворным учреждением, отвечавшим за различные работы внутри дворца, созданным в первый год правления

Рис. 2. Картины Чэнь Цзюйчжуну:
1 – «Вэньцзи возвращается в Хань» (фрагмент),
2 – «Весенняя охота всадников-варваров» (фрагмент).
1 – по: [Чэнь Цзюйчжун. «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу];
2 – по: [the Metropolitan Museum of Art, New York,
NY. Nomads hunting with falcons]

под девизом Тай-хэ (泰和) цзиньского Чжан-цзуна (章宗), т. е. в 1201 г. [БКРС 1983: 156]. Поскольку учреждения с таким названием в структуре «внутреннего правительства» Сун не существовало, Чжан Юя следует считать придворным художником Цзинь [Чжунго жэньу 2004: 126; Чжунго лидай 2004: 178–179]. Если 1201 г. принять за нижнюю возможную границу создания свитка, то верхней, очевидно, будет 1234 г., когда погибла империя Цзинь [БКРС 1983: 149].

На картине изображено 12 фигур, движущихся слева направо, в том числе 10 всадников. Впереди на кобыле едет человек с флагом на плече. Рядом с ним бежит жеребенок. Следом двое пеших ведут под уздцы лошадь одетой в меховую шапку главной героини. Считается, что это Цай Вэньци. За Цай Вэньци спешит ее свита из семи сопровождающих. Замыкает процессию охотник с колчаном со стрелами на поясе и с соколом или орлом, сидящим на специальной рукавице, одетой на его правую руку. Рядом с его конем бежит охотничья собака (рис. 3, 1). Хвост у лошади Цай Вэньци завязан узлом с двумя свисающими прядями (рис. 3, 2). Хвосты коней всех остальных всадников свободно распущены [Чжунго жэньу 2004: 126–127; Чжунго лидай 2004: 178–179].

На картине Чжан Юя центром композиции оказывается фигура смело едущей вперед на встречу сильному ветру, не закрывая и не отворачивая лица, в отличие от многих своих попутчиков,

Цай Вэньци. По нашему мнению, китайская делегация на свитке не показана. Попытки разделить спутников Цай Вэньци на «ханьцев» и «хусцев» (т. е., фактически, на сунцев и цзиньцев) не выглядят убедительно (ср.: [Чжунго жэньу 2004: 126–127; Чжунго лидай 2004: 178]).

Можно, конечно, предполагать, что картина Чжан Юя появилась как своеобразный художественный ответ позднее-цзиньской школы живописи на южно-сунское полотно Чэнь Цзюйчжуна, призванный продемонстрировать мощь и благородство хунну (т. е., Цзинь), если и вернувших Цай Вэньци на историческую родину, то исключительно по собственной доброй воле.

Рис. 3. Картины Чжан Юя, Чэнь Цзюйчжуна и Ян Вэй: 1 – Чжан Юй «Вэньци возвращается в Хань» (общий вид); 2 – Чжан Юй «Вэньци возвращается в Хань» (фрагмент); 3 – Чэнь Цзюйчжун «Весенняя охота всадников-варваров» (фрагмент), 4 – Ян Вэй «Два скакуна» (общий вид).
1, 2 – по: [Чжунго жэньу 2004: 126–127]; 3 – по: [The Metropolitan Museum of Art, New York, NY]; 4 – по: [Чжунго лидай 2004: 891]

На наш взгляд, однако, свиток Чжан Юя отражал ситуацию противостояния чжурчжэней монголам, а не Южной Сун. Тогда «хусцы», изображенные на полотне – это монголы, а Цай Вэньцзи, одетая, скорее, по-чжурчжэньски, возвращается «на родину» в Цзинь. Не стоит забывать и то, что названия для картин предмонгольского времени зачастую придумывали и фиксировали в записях уже в эпоху Мин, а то и Цин, так что свиток Чжан Юя мог, по замыслу автора, изображать вовсе не «Возвращение Цай Вэньцзи», а иной сюжет.

«Весенняя охота» Чэнь Цзюйчжуна и свиток Ян Вэя

В контексте нашего исследования, помимо «Вэньцзи возвращается в Хань», заслуживает внимания еще одна картина Чэнь Цзюйчжуна, а именно – «Весенняя охота всадников-варваров» (胡骑春猎图 *Хуци чуньле ту*). «Весенняя охота» представляет собой роспись на веере, превращенном в альбомный лист высотой 24,1 и шириной 27,3 см. Материал – шелк, тушь, краски. Картина хранится в Музее искусств Метрополитен в Нью-Йорке, куда она поступила в 1947 г. в результате покупки из коллекции А.У. Бара (A.W. Bahr) [Nomads hunting].

На картине изображены девять всадников, участвующих в соколиной охоте. На переднем плане слева показаны пять конных охотников, наблюдающих за летящей в небе птицей. В центре на переднем плане находятся еще три всадника, один из них – спиной к зрителю. Девятый всадник на заднем плане несется вскачь за преследующим добычу соколом. Хвосты у всех коней завязаны тугим узлом с двумя торчащими перпендикулярно в стороны прядями (рис. 2, 2). Особенно хорошо эта деталь заметна у лошади, скачущей галопом (рис. 3, 3).

В этой связи нельзя не упомянуть свиток «Два скакуна» (二骏图 *Эр цзюнь ту* 25,2×81 см, шелк, тушь, краски, Ляонинский провинциальный музей, г. Шэньян) художника Ян Вэя (楊微), жившего в конце XII в. Известны ни даты его рождения и смерти, ни социальный статус живописца. Все, что мы о нем знаем, заключено в размещенной слева на самой картине надписи “大定甲辰高唐楊微画” (*Да-дин цзя-чэнь Гаотан Ян Вэй хуа*). Из этого следует, что картина создана в 1184 г. при цзиньском Ши-цзуне (世宗) Ян Вэем из Гаотана, который располагался на территории современной пров. Шаньдун [Чжунго лидай 2004: 890].

Да-дин – девиз правления при нескольких династиях, в т. ч. при Хоу Лян (555–562), Бэй Чжоу (581) и Цзинь (1161–1189), цзя-чэнь – 41-й год 60-летнего цикла, а Гаотан – предположительно, место рождения художника. На 24-й год правления Ши-цзуна под девизом Да-дин как раз и пришлось сочетание циклических знаков цзя-чэнь [БКРС 1983: 154, 162, 167]. В 1983 г. некто г-н Чжань Хунси (詹宏羲) передал свиток Ян Вэя в дар музею пров. Ляонин в Шэньяне [Ян Вэй]. Изображен несущийся справа налево всадник-варвар, как считается, чжурчжэнь, заарканивший на полном скаку необъезженную лошадь и пытающийся ее усмирить [Эрцзюнь ту]. Хвост верховой лошади завязан на конце узлом с двумя длинными прядями, совсем как у коня Цай Вэньцзи с картины Чжан Юя (рис. 3, 4).

Ли Цзаньхуа (Елюй Бэй) и киданьские погребальные стенописи

Рассмотрение картин в жанре *жэньу*, созданных в империях Южная Сун и Цзинь, показало, что в обоих государствах в равной степени, по крайней мере, в конце XII – начале XIII в. было принято завязывать хвосты коней тугим узлом с оставлением двух свисающих прядей. Чтобы определить, кому могли принадлежать лошади с перевязанными лентой хвостами на свитке «Чжосе ту», обратимся к творчеству, пожалуй, наиболее знаменитого киданьского живописца Ли Цзаньхуа (李赞华, 899–937), больше известного по титулу Дундань-ван (东丹王).

Ли Цзаньхуа, он же Елюй Бэй (耶律倍) или Елюй Туьюй (耶律图/突欲 – существуют разные написания первого иероглифа этого имени) или Ицзун Бэй (義宗倍) – художник эпохи Пяти династий, который творил в империи Поздняя Тан (后唐 Хоу Тан, 923–937). Он был старшим сыном основателя государства киданей Елюй Абаоцзи (耶律阿保机 872–926). Однако при выборе наследника после смерти отца мать Елюй Бэй императрица Шулюйпин (述律平, Юэлидо 月里朵, 876–951) посчитала, что он уделяет слишком большое внимание китайской культуре и предпочла его младшего брата Елюй Дэгуана (耶律德光, 902–947, т. е., лясского Тай-цзуна 太宗, правл. 927–947). Елюй Бэй из княжества Дундань, располагавшегося на территории завоеванного киданями незадолго до этого Бохая, где он был вассальным по отношению к государству киданей правителем, бежал на корабле в империю Поздняя Тан. Там он впоследствии и получил фамилию Ли (т. е., фамилию правящего дома Поздней Тан) и имя Цзаньхуа [Е Лун-ли 1979: 240–242]. Вот что писал о Елюй Бэе Го Жосюй:

«Дундань ван – младший брат киданьского правителя, его прозвище князь Жэнь-хуан, имя Ту-юй. Во второй год правления Чан-син династии Поздняя Тан (930 г. – прим. авт.) он приехал

в Китай. Император Мин-цзун пожаловал ему фамилию Ли и имя «Воспевающий Китай» – Цзань-хуа. Прекрасно изображал лошадей своей родины, много писал знатных вождей племен, варварские одежды, седла и уздечки, украшенные нарядными драгоценностями. Лошади – статные, красивые и упитанные. Но кисти его не хватало силы и одухотворенности» (цит по: [Го Жо-суй 1978: 45]).

«Лучник-кавалерист» (射骑图 Шэци ту 49,5×127,1 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй) – одна из наиболее известных картин, в течение долгого времени считавшаяся созданной Ли Цзаньхуа [Чжунго жэньу 2004: 39]. Изображен держащий в руках стрелу лучник, рядом с ним стоит оседланный конь, сбруя которого богато украшена красными кистями. Хвост лошади посередине туго перетянут лентой. Челка гривы коня также перетянута лентой и торчит пучком (рис. 4, 1). В последнее время высказывается мнение, отраженное в «Байкэ байду», что свиток «Шэци ту» хотя и изображает киданя, написан не Ли Цзаньхуа, а в более позднее время, при цзиньских императорах Си-цзуне

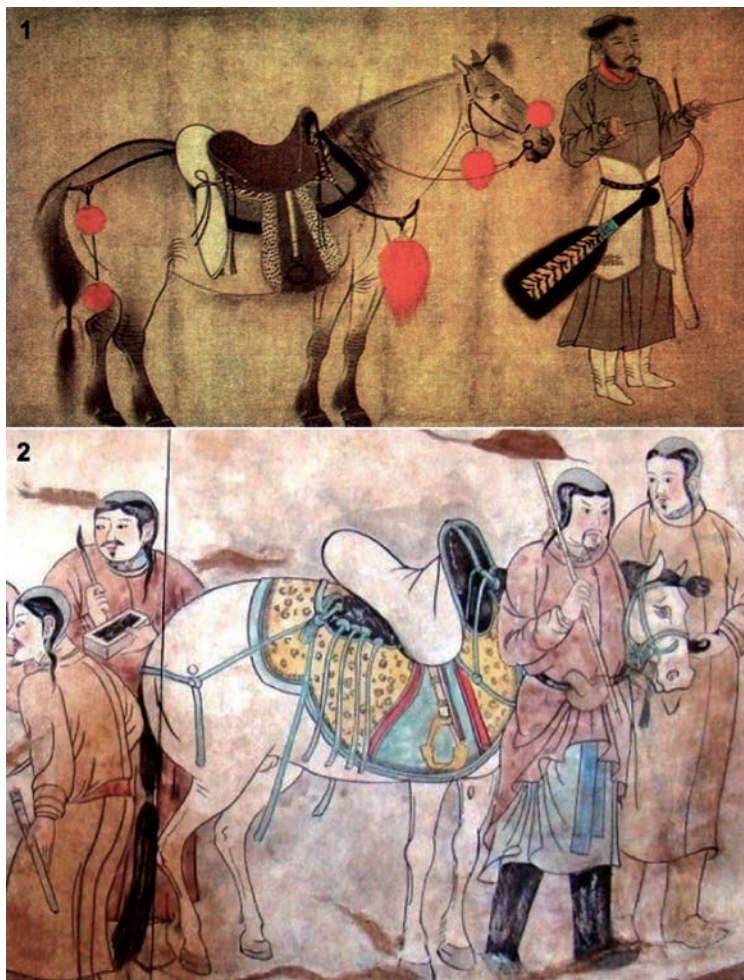

Рис. 4. Киданьские картины: 1 – «Лучник-кавалерист» (общий вид), 2 – Роспись склепа принцессы Чэнь (фрагмент).

1 – по: [Чжунго жэньу 2004: 39];

2 – по: [Ляо Чэньго гунчжу юй фума хэцзан му]

(熙宗, 1136–1149) или даже при Ши-цзуне (世宗, 1161–1189) жившим в то время неизвестным последователем северо-сунского художника Ли Гунлиня (李公麟, 1049–1106) [Шэци ту].

Развеять наши сомнения помогают погребальные стенописи киданей. Например, хорошо сохранившиеся росписи есть на стенах в не тронутым грабителями совместном склепе ляоской принцессы Чэнь (陈) и ее мужа, открытом в 1986 г. в районе г. Тунляо во Внутренней Монголии. Владение Чэнь существовало в 1001–1018 гг. и было упразднено со смертью принцессы и ее супруга, скончавшихся и похороненных годом ранее [Ляо Чэньго].

В склепе принцессы Чэнь нарисованы, в числе прочего, оседланные лошади, хвосты которых, как и челки на гривах, перетянуты лентами (рис. 4, 2). Это позволяет сделать вывод, что в средней группе фигур на свитке «Чжосе ту» показаны «припаркованные» неподалеку от пиршественного стола кони киданьского посольства, прибывшего с дипломатической миссией к чжурчжэням. Изображенное событие могло относиться ко времени чжурчжэньско-киданьской войны 1113–1125 гг. Не исключена и чуть более поздняя дата, соответствующая возможным контактам Западного Ляо с Цзинь. Следовательно, полотно «Чжосе ту» не могло принадлежать кисти Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в X в.

Особенности изображения лошадей на картинах Чжао Мэнфу

В предыдущих разделах статьи мы рассмотрели изображения лошадей на полотнах южно-сунских, цзиньских и киданьских художников, работавших в жанре *жэньу*. Чтобы проверить наше предположение о том, что сопровождающая Цай Вэньцзи на картине Чжан Юя свита «хусцев» на самом деле состоит из монголов, обратимся к картинам одного из самых видных художников-анималистов эпохи Юань – Чжао Мэнфу (赵孟頫, 1254–1322). Он с детства любил рисовать коней, и достиг в этом искусстве выдающихся успехов: «Среди картин Чжао Мэнфу наиболее знамениты изображения ездовых лошадей» [Чжао Мэнфу 2017: 14].

Чжао Мэнфу, дальний родственник сунского правящего дома, родился в г. Усин 吴兴 (совр. городской округ Хучжоу 湖州 пров. Чжэцзян). Он входил в творческое объединение «Восемь талантов из Усина» (吴兴八君 Усин ба цзюнь), будучи одним из его ключевых деятелей. В 1286 г. Чжао Мэнфу принял предложение монгольских властей поступить на службу и получил впоследствии ряд назначений в центральных административных учреждениях империи [Кравцова 2010: 821]. Рассмотрим несколько наиболее известных картин Чжао Мэнфу с изображениями лошадей.

«Три конюха и коня» (三世人马图 *Сань ши жэнь ма ту*, 30,2×178,1 см, бумага, тушь, краски, музей Метрополитен, Нью-Йорк) – свиток, созданный в 1296 и 1359 гг., начат Чжао Мэнфу и завершен его сыном Чжао Юном (赵雍) и внуком Чжао Линем (赵麟), передан музею в дар в 1988 г. Джоном М. Кроуфордом младшим (John M. Crawford Jr.) [Grooms and Horses]. Большая часть свитка (его общая длина 890,3 см) заполнена каллиграфией, изображены три конюха, каждый в паре с лошадью. У всех коней хвосты распущены. На нашем рисунке показана крайняя справа пара «конь и конюх», предположительно, принадлежащая кисти самого Чжао Мэнфу (рис. 5, 1).

«Кроткий конь» (调良图 *Тяолян ту*, 22,7×49 см, бумага, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй) может быть самой ранней среди всех дошедших до нас работ Чжао Мэнфу. Китайский историк искусства профессор Ли Чжуцзинь считает, что эта картина является подлинником 1280-х гг., когда Чжао Мэнфу было всего около 26 лет [Тяолян ту]. Конь на рисунке стоит, опустив голову, его распущенные хвост и гриву развеивает сильный ветер. Этот же порыв ветра стремится сорвать шапку с повернувшегося к коню конюха, треплет его бороду и полы одежды (рис. 5, 2).

«Древние деревья и выпущенные кони» (古木散马图 *Гуму саньма ту*, 29,8×71,1 см, шелк, тушь, краски, музей Гугун, Тайбэй) [Юань Чжао Мэнфу] написаны на четвертом году правления под девизом Да-дэ (大德) юаньского императора Чэн-цзуна (成宗), т. е. в 1300 г. [БКРС 1983: 148, 154]. На рисунке изображены две пасущихся под деревьями лошади. Одна из них показана анфас, а дру-

Рис. 5. Картины Чжао Мэнфу: 1 – «Три конюха и коня» (фрагмент), 2 – «Кроткий конь», 3 – «Древние деревья и выпущенные кони». По: [Чжао Мэнфу 2017: 27, 32, 69]

гая, с распущенным хвостом, видна сбоку (рис. 5, 3). Стоит отметить, что все кони на полотнах Чжао Мэнфу не оседланные, а некоторые и не взнузданные.

Заключение

Проведенное исследование показало, что свиток «Чжосе ту» не может принадлежать кисти художника Ху Хуаня (Ху Хуая), жившего в конце IX – начале X в. Скорее всего, он относится к 1110–1140-м годам, отражая контакты киданей и чжурчжэней. В качестве этно-хронологического маркера киданьской принадлежности изображенных персонажей автор выделил оформление хвостов их верховых коней путем перетягивания их посередине лентой. Хвосты верховых коней у персонажей, представляющих чжурчжэней-циньцев или южных сунцев, оформлены одинаково: туго завязаны в узел с оставлением двух свисающих прядей. Следовательно, это лишь хронологический признак, но не этнокультурный. Свободно распущенные длинные хвосты у верховых коней,

насколько можно судить, были характерны для монголов и монгольского времени. Проверить в дальнейшем справедливость сделанных выводов предполагается путем расширения хронологических рамок исследования включением в него танской живописи (VII–IX вв.).

ЛИТЕРАТУРА

- Большой китайско-русский словарь. Т. 1. М.: ГРВЛ, 1983. 552 с.
 Борисов Д. Э. Биография Цао Цао: на перепутье. Смерть императора Лин-ди и переворот Дун Чжо (188–189 гг. н. э.) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 10: Востоковедение. С. 54–61.
 Го Жо-суй. Записки о живописи: Что видел и слышал. М.: ГРВЛ, 1978. 240 с.

- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). М.: ГРВЛ, 1979. 608 с.
- Кравцова М. Е. Чжао Мэн-фу // Духовная культура Китая. Т. 6 (дополнительный). Искусство. М.: Вост. лит., 2010. С. 821-823.
- Ляо Чэньго гунчжу юй фума хэцзан му [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%BE%BD%E9%99%88%E5%9B%BD%E5%85%AC%E4%B8%BB%E4%B8%8E%E9%A9%B8%E9%A9%AC%E5%90%88%E8%91%AC%E5%A2%93/6390815> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Пострелова Т. А. Академия живописи в Китае в X–XIII вв. М.: ГРВЛ, 1976. 240 с., 22 л. ил.
- Тяолян ту [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%AA%BF%E8%89%AF%E5%9C%96/11015273> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Ху Хуань «Чжосету» цзюань [Электронный ресурс] // Гугун: [сайт]. URL: <https://www.dpm.org.cn/collection/paint/234629.html> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Цай Вэньцзи [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E8%94%A1%E6%96%87%E5%A7%AC/6785> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Цзо Сянь-ван [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B7%A6%E8%B3%A2%E7%8E%8B/1164749> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Чжан Юй [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%BC%A0%E7%91%80/1827240> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Чжао Мэнфу. Живопись. Альбомы мастерской Жунбаочжай. Древность. М.: Шанс, 2017. 70 с.
- Чжосету [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%8D%93%E6%A0%D8%87%E5%9B%BE/10782464> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Чжунго жэньхуа минцзо цзяньшан [中国人物画名作鉴赏. 张弘主编] Собрание шедевров китайской фигуративной живописи. Под ред. Чжан Хуна. Пекин: Юаньфан чубаньшэ, 2004. 242 с. (на кит. яз.)
- Чжунго лидай минхуа цзяньшан [中国历代名画鉴赏. 蒋文光主编]. Собрание известных китайских картин прошлого. Под ред. Цзян Вэнгуана. Пекин: Цзиньдунь чубаньшэ, 2004. 2546 с. (на кит. яз.)
- Чжунго лидай хуйхуа цзинпин 100 фу шанси [中国历代绘画精品100幅赏析. 周卫明, 徐建融编著]. Собрание 100 шедевров китайской живописи прошлых лет. Под ред. Чжоу Вэймина, Сюй Цзяньжун. Цзинань: Шаньдун кэсюэ цзишу чубаньшэ, 1995. 205 с. (на кит. яз.)
- Чжунго мэйшу цюаньцзи. Хуйхуапянь 2. [中国美术全集. 绘画编 2. 隋唐五代绘画. 金维诺主编]. Полное собрание китайского искусства. Живопись. Том. 2. Суй, Тан, Пять династий. Под ред. Цзинь Вэйно. Пекин: Вэньхуа чубаньшэ, 1984. 30 + 50 с., 179 л. цв. илл. (на кит. яз.)
- Чэнь Цзюйчжун [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD/2304724> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Чэнь Цзюйчжун «Вэньцзи гуй Хань ту» чжоу [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%99%B3%E5%B1%85%E4%B8%AD%E3%80%8A%E6%96%87%E5%A7%AC%E6%AD%B8%E6%BC%A2%E5%9C%96%E3%80%8B%E8%BB%B8/14766032> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Шэци ту [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E5%B0%84%E9%AA%91%E5%9B%BE/406873> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Эрцзюнь ту [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E4%BA%8C%E9%A7%BF%E5%9C%96/22573347> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Юань Чжао Мэнфу «Гуму саньма ту» цзюань [Электронный ресурс] // China Palace Museum: [сайт]. URL: <http://chinapalacemuseum.com/%E5%85%83%E8%B6%99%E5%AD%9F%E9%A0%AB%E5%8F%A4%E6%9C%A8%E6%95%A3%E9%A6%AC%E5%9C%96-%E5%8D%B7-%E6%95%85-%E7%95%AB-000923-00000/> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Ян Вэй (Цзиньдай хуацзя) [Электронный ресурс] // Байкэ байдугу: [сайт]. URL: <https://baike.baidu.com/item/%E6%A5%8A%E5%BE%AE/41829> (дата обращения 21.01.2022) (на кит. яз.)
- Grooms and Horses [Электронный ресурс] // The Metropolitan Museum of Art, New York, NY: [сайт]. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40507> (дата обращения 21.01.2022)
- Nomads hunting with falcons [Электронный ресурс] // The Metropolitan Museum of Art, New York, NY: [сайт]. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/40094> (дата обращения 21.01.2022)

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

ААМЗ «Бурана» –	Архитектурно-археологический музей-заповедник «Башня Бурана». Чуйская обл., Чуйский р-н, Дон-Арыкский айыл окмоту
АВЕС –	Археология Восточно-Европейской степи. Саратов
АГУ –	Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева. Астрахань
АЕС –	Археология евразийских степей. Казань
АлТУ –	Алтайский государственный университет. Барнаул
АКМЗ –	Астраханский краеведческий музей-заповедник. Астрахань
АН РТ –	Академия наук Республики Татарстан. Казань
АН РУз. –	Академия наук Республики Узбекистан. Ташкент
АН СССР –	Академия наук СССР. Москва
АН УзССР –	Академия наук Узбекской ССР. Ташкент
БГИАМЗ –	Болгарский Государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГУ –	Бурятский государственный университет. Улан-Удэ
БКРС –	Большой китайско-русский словарь. Москва
БНЦ СО РАН –	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук. Улан-Удэ
ВГПИ –	Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград
ВГУ –	Воронежский государственный университет. Воронеж
ВолГУ –	Волгоградский государственный университет. Волгоград
ГАИМК –	Государственная Академия истории материальной культуры. Ленинград
ГИМ –	Государственный исторический музей. Москва
ГРВЛ –	Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва
ГЭ –	Государственный Эрмитаж. Ленинград/Санкт-Петербург
ДонГУ –	Донецкий государственный университет. Донецк
ДонНУ –	Донецкий национальный университет. Донецк
ДОКМ –	Донецкий областной краеведческий музей. Донецк
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева. Астана/Нур-Султан
ИАИАИАНД –	Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону. Азов

ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан. Алматы
ИА НАНУ –	Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев
ИА РАН –	Институт археологии Российской Академии наук. Москва
ИИАЭ НАН КР –	Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. Бишкек
ИАЭт СО РАН –	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук. Новосибирск
ИВ РАН –	Институт востоковедения Российской Академии наук. Москва
ИИАЭ АН КазССР –	Институт истории археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург
ИрГУ –	Иркутский государственный университет. Иркутск
ИрГТУ –	Иркутский государственный технический университет. Иркутск
ИРНТУ –	Иркутский национальный исследовательский технический университет. Иркутск
ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана –	Институт языка, литературы и искусства имени Галимджана Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан
КАЭЭ ПГГПУ –	Камская археолого-этнографическая экспедиция Пермского государственного педагогического университета
КемГУ –	Кемеровский государственный университет. Кемерово
ККО АН РУз –	Каракалпакское отделение Академии наук Республики Узбекистан. Нукус
КН МОН РК –	Комитет науки Министерства науки и образования Республики Казахстан
КСИА –	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР/ Российской Академии наук. Москва
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
КЧГУ –	Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева. Карачаевск
МАИЭТ –	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МГУ –	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва
МИА –	Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
МИЦАИ –	Международный Институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МКТУ –	Международный казахско-турецкий университет имени Ходжа Ахмета Ясави. Туркестан

МН-АН РК –	Министерство науки – Академия наук Республики Казахстан
МХЭ –	Материалы Хорезмской экспедиции
НГУ –	Новосибирский государственный университет. Новосибирск
НИИ археологии им. К.А. Акишева –	Научно-исследовательский институт им. К.А. Акишева. Нур-Султан
НИМ КР –	Национальный исторический музей Кыргызской Республики. Бишкек
ОАК –	Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург
ОмГПУ –	Омский государственный педагогический университет. Омск
ОНУ –	Общественные науки в Узбекистане. Ташкент
ПА –	Поволжская археология. Казань
РА –	Российская археология. Москва
РАН –	Российская Академия наук
РАНХиГС –	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва
РГПУ –	Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург
СА –	Советская археология. Москва
СГСПУ –	Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара
СО РАН –	Сибирское отделение Российской Академии наук
СООКНИО –	Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области. Иркутск
СПбГУ –	Санкт-Петербургский Государственный университет. Санкт-Петербург
ТИИАЭ –	Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата
ТКАЭЭ –	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
ТОУАК –	Труды Оренбургской ученой архивной комиссии
ХакНИИЯЛИ –	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан
ЦАИ АГПУ –	Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета. Армавир
ЧГУ им. А.А. Кадырова –	Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова. Грозный

МАЗМҰНЫ СОДЕРЖАНИЕ – CONTENT

Бисембаев А.А., Ахатов Г.А. (Алматы, Казахстан) Археологические памятники Западного Казахстана периода Улуса Джучи	7
Ускенбай К.З. (Алматы, Казахстан) Некоторые данные о формировании территории Улуса Джучи в XIV–XV веках	22
Торланбаева К.У. (Алматы, Казахстан) Особенности городской культуры тюрков-кочевников	31
Бисембаев А.А., Жанузак Р.Ж., Жамбулатов К.А., Ахатов Г.А. (Алматы, Казахстан) Работы последних лет на огузском городище Жезды	39
Тұяқбаев М.Қ., Таджибаев Н. (Түркістан, Қазақстан) Сауран археологиялық ескерткіштер кешені	53
Харинский А.В. (Иркутск, Россия) Хужур 5 – могильник тюркского времени на западном берегу Байкала	65
Серегин Н.Н. (Барнаул, Россия) Ранний комплекс «поминальных» памятников тюрков Центральной Азии: ключевые характеристики и особенности формирования	76
Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал. (Тюмень, Россия) Особенности раннетюркского погребального обряда Восточного Казахстана (по материалам могильника Меновное XII)	84
Матбабаев Б.Х., Хошимов Х.Б. (Самарканд, Узбекистан) Новые материалы из раннесредневекового могильника Мунчактепа (Узбекистан)	96
Yıldırım K., Yıldırım E. (İstanbul, Türkiye) Relations of ancient Turkic and Korean cultures according to early Chinese sources	102
Кольченко В.А. (Бишкек, Кыргызстан) Археология Си Ляо (историографическое обобщение)	110
Талеев Д.Ә. (Алматы, Қазақстан) Қышқала (Баршынкент) Алтын Орда зиялыларының киелі (пантеон) мекені.....	127
Бочаров С.Г. (Севастополь, Россия), Масловский А.Н. (Азов, Россия) О динамике урбанизационных процессов в Золотой Орде	136
Пигарёв Е.М. (Йошкар-Ола, Казань, Россия) Структура нижеволжского столичного центра Золотой Орды	147
Валеев Р.М., Хайрутдинов Р.Р. (Казань, Россия) Торговые контакты Поволжья и Центральной Азии в эпоху средневековья	157
Бадеев Д.Ю. (Москва, Россия) Динамика изменений социальной топографии города Болгара второй половины XIII – начала XV в.	165

Нарожный Е.И. (<i>Карачаевск, Россия</i>) Подкурганые сырцовые «оградки» золотоордынского времени: некоторые аспекты изучения	175
Харламов П.В. (<i>Оренбург, Россия</i>) Погребение кочевницы золотоордынского времени с редким типом лука из I курганного могильника у с. Андреевка в Оренбургской области	188
Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А. (<i>Курган, Россия</i>) Новые находки зеркал золотоордынского времени в Среднем Притоболье	194
Сайпов С.Т. (<i>Нукус, Узбекистан</i>) Исследования средневековой неполивной керамики Арало-Каспийского региона (по материалам Юго-Восточного Устюрта)	200
Могаричев Ю.М. (<i>Симферополь, Россия</i>) Кочевники и Византия в Крыму в эпоху раннего средневековья (VIII–X вв.)	209
Бочаров С.Г. (<i>Севастополь, Россия</i>) Развитие процессов градообразования на Крымском полуострове в XIII–XV вв.	218
Кравченко Э.Е. (<i>Казань, Россия</i>) Группа построек хазарского времени археологического комплекса у с. Маяки (по материалам раскопок 1990 г.)	226
Масловский А.Н. (<i>Азов, Россия</i>) Общественная архитектура Азака по данным археологии	242
Яворская Л.В. (<i>Москва, Россия</i>) Средневековые городские ремесленные производства из животного сырья: археозоологические маркеры	252
Фрибус А.В. (<i>Санкт-Петербург, Россия</i>), Грушин С.П., Сайберт В.О. (<i>Барнаул, Россия</i>), Трусова Е.В. (<i>Кемерово, Россия</i>) Серия редких роговых изделий из раннесредневековых погребений могильника Чумыш-Пережат	260
Хасенова Б.М. (<i>Алматы, Казахстан</i>) Художественные особенности торевтики кимеков и карлуков	267
Богомолов Г.И. (<i>Ташкент, Узбекистан</i>) Фольклорные мотивы на средневековых предметах из Государственного музея истории Узбекистана	274
Варенов А.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Оформление хвостов верховых коней у средневековых народов Восточной Евразии как хронологический и этнокультурный маркер	283
Қысқартулар тізімі – Список сокращений – List of Abbreviations	295

Ғылыми басылым

Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.). 5 томдық.
Алматы – Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. 4 том. 300 б.

Научное издание

Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.). В 5-ти т. Алматы – Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2022. Т. 4. 300 с.

Scientific edition

Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11–14 October, 2022).
In 5 volumes. Almaty – Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 4. 300 p.

О.В. Кузнецова – компьютерлік беттеу және дизайн
Ә.М. Манапова, А.Е. Айтбаева – қазақ тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау
Я.С. Шаяхметова – ағылшын тіліндегі мәтіндерді аудару және редакциялау

Компьютерная верстка и дизайн – О.В. Кузнецова
Перевод и редакция текстов на казахском языке – А.М. Манапова, А.Е. Айтбаева
Перевод и редакция текстов на английском языке – Я.С. Шаяхметова

Computer layout and design – Olga Kuznetsova
Kazakh translation and editing – Aliya Manapova, Aigerim Aitbayeva
English translation and editing – Yana Shayakhmetova

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалды.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 15.08.2022 жылы қол қойылды. Пішім 84×108 1/16
Шартты б. т. 31,5. Calibri гарнитурасы. Таралымы 140 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана.
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 15.08.2022 г. Формат 84×108 1/16
Усл. п. л. 31,5. Гарнитура Calibri. Тираж 140 экз.

Original layout prepared at the Margulan Institute of Archaeology.
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 15.08.2022. Format 84×108 1/16
Printed sheet 31,5. Calibri headset. Circulation 140 copies.

“Хикари” баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house «Hikari» hikari.kz24.online